

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

3

БЫЛИНЫ

МЕЗЕНЬ

Иванъ Тоспихомъ сынъ Н. 7.

X

Вспомолю втораде поимеве усавнова князя владимера было пируванья поустной пирь было столованья поустной столъ маиноти князи бояра и нарусия и мотусия бо татари и юсти бо татвья будеть день в дополовина дня будеть пирь в отолу пире владимирь князь распотте фиваетъ пановы со жбояра и в се русия в се пановъ целовейи феребцовъ на три ст похвалемья сивъ фере и по торои полоненъ и илбья муромецъ сын тарина змеевича и два девьяноста по обедни и заутренни хоронетца о мншохи и стово стола и на фере русия виступаетца на свор мество бо тат збичибилъ голубилъ владимирь князь мн аибетъ передниязе на три ст феребцовъ а сивъ феребецъ да феребецъ полонянъ воболшои орде полк ишановилъ на иб ум ехатъ дорожа и ебли рнитова два девьян промѣфу обедни и зибия што вбиметвья я иванъ о велииъ за оловои бчимои голо

Ф И Н Л Я Н Д И Я

БЫЛИННЫЙ
СЕВЕР

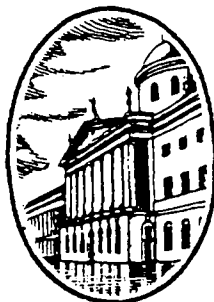
Саловья бичиме ровита

X

Бистали виста поимеве, Любота, Люботе. Сиванъ море, широкое раздолье полимъ земли, Люботи оиде и непровсия, и в замора моря (и в се) в вухоморя Зеленова и вря и в се в заморавъ рабви. триста ст пирь бо татова воида и паролъ и в уирамиви было стола и паравья и в се по ахонту = ронъ соболъ и в уиротъ уа, было в отпире што ушли было в отх ина и два таритана ина утво было стола в млицы бурна ствья было стола паравья не парма по туриномъ утв по торофу и в се к стола паравья хал ббма б в се в се да ростомъ и упавъ мопу ств и в таторинъ стови паравляцим и в се ду а по торок и в се в млицы буч ств

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

В 25 ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «КЛАССИКА»
2003

СЕВЕР
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ

БЫЛИНЫ
МЕЗЕНИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «КЛАССИКА»
2003

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

*В. А. Гаврилин, В. М. Гацак, А. А. Горелов (главный редактор), В. П. Гребенюк,
В. И. Жекулина, Т. Г. Иванова, Д. С. Лихачев, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков,
Т. А. Новичкова, А. М. Панченко, Б. Н. Путилов (зам. главного редактора), Г. В. Свиридов,
Н. Н. Скатов, Н. И. Толстой, Е. П. Чельшев, К. В. Чистов*

Редакционная коллегия серии «Былины в 25 томах»

*А. А. Горелов, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров,
Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, А. Н. Розов, И. Я. Фроянов*

Корпус текстов и комментарии подготовили:

*А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова,
Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов*

Сюжетный комментарий

Ю. А. Новикова

Рецензенты:

Е. А. Костюхин, О. Р. Николаев, Е. И. Якубовская

Ответственный редактор тома

А. А. ГОРЕЛОВ

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)
В рамках издательской программы Международного Пушкинского фонда «Классика»,
при поддержке ОАО Нефтяная Компания «ЛУКОЙЛ»

*Исследования проведены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-04-00291а*

Содержание томов 3—5
серии «Былины» Свода русского фольклора

Том 3

Былины Мезени

Былины на Мезени

Текстологическая справка (о принципах издания записей А. Д. Григорьева и А. М. Астаховой)

Тексты былин (№ 1—93)

Комментарии к текстам былин (№ 1—93)

Условные сокращения (публикации, архивы)

Список иллюстраций

Том 4

Былины Мезени

Тексты былин (№ 94—213)

Комический эпос (№ 214—227)

Комментарии к текстам (№ 94—227)

Условные сокращения (публикации, архивы)

Список иллюстраций

Том 5

Былины Мезени

Приложение. Тексты (№ 228—344)

Комментарии к текстам Приложения (№ 228—344)

Биографические сведения об исполнителях

Словарь (архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения)

Указатели:

Именной указатель

Указатель этнических и географических названий

Предметный указатель

Указатель мест бытования (записи) былин

Указатель напевов

Список исполнителей

Список собирателей

Условные сокращения (публикации, архивы)

Список иллюстраций

Звуковые приложения

БЫЛИНЫ НА МЕЗЕНИ

I. К истории региона

Внимание и интерес древних русичей к Мезени определялись географическим положением этого края. Мезень — одна из северных рек, которые связывали славян с богатым Сибирским краем. Различными водными артериями, в том числе и маршрутом Северная Двина—Пинега—волок—Кулой—море—Мезень—Пёза (приток Мезени)—волок—Цильма (приток Печоры) — Печора, новгородские дружины и данники (сборщики ясака) шли в древнюю Югру, в «полуночный» край, лежащий за Камнем (Уралом), манивший пушным богатством. В древнерусских летописях первые походы новгородцев на Печору и Югру упомянуты под 1187 и 1193 гг.¹

Позднее Печора и Югра, лежавшие восточнее Мезени, стали предметом интереса московских князей.² В 1499 г. воевода Петр Ушатый, собрав двинян, устюжан и вятичей,³ провел свою дружину в Югру, причем в данном случае точно известно, что он использовал указанный маршрут — через Мезень и Пёзу.⁴

Едва ли походное знакомство с Мезенью означало ее жилое и хозяйственное освоение. Русские поселения на Мезени в письменных источниках встречаются с XVI в. Это и следующее столетие, как показывают исторические свидетельства, и являются периодом превращения Мезени в русскую реку.

Археологические и топонимические данные указывают на то, что прежде здесь селились финно-угорские племена («чудь заволоцкая»)⁵

В устье Мезени русские встретили ненцев, а в верхнем течении — пермян (предков современных коми). Контакты с первыми, кажется, не оказали на русских сколько-нибудь заметного влияния. Оленеводство, малица (род меховой одежды), наем ненцев в работники — вот, пожалуй,

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 т. М., 1960. Кн. 1. С. 643—644. «Сбор дани, — считал А. А. Кизеветтер, — в сущности состоял из ряда военных набегов (...) и то, что на официальном языке называлось данью, взимаемой с покоренных народов, на самом деле было военной добычей...» (Кизеветтер А. А. Русский Север: Роль Северного Края Европейской России в истории Русского государства. Вологда, 1919. С. 14).

² «В 1490 году, если не раньше, Вел[икий] князь посылал двух немцев, Ивана да Виктора, на Печору отыскивать серебряную руду, которые и нашли руду на Цимле, серебряную и медную, в 1491 г. пространстве 10 верст за 3 1/2 тысячи верст от Москвы» (Забелин И. История города Москвы. М., 1902. Ч. 1. С. 152). (Примеч. ред.).

³ Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 74.

⁴ Афанасьев А. П. О древних водно-волоковых путях Русского Севера // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 97—104.

⁵ Афанасьев А. П. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 11—12.

основные и очевидные их культурные и социальные следствия. Брачные связи между мезенцами и коренным населением тундры были редчайшим исключением.

Иначе складывались отношения с пермяками. Предки современных коми появились на Мезени и ее притоке Вашке в конце XIV—XV в. Активная деятельность Стефана Пермского (1384), направленная на введение христианства у пермян, заставила часть населения уйти с Нижней Вычегды и Яренги — мест их обитания — в верховье Вашки, а затем на Мезень. Здесь образовалась богатая область, известная в русских летописях как Удора. Эти земли привлекали пристальное внимание московских князей. В 1482 г. писец Иванушка Гаврилов описал Удору. Согласно его сведениям, к концу XV в. пермяне освоили Мезень с верховьев вплоть до устья Вашки. Однако в писцовой книге 1608 г. границы Удорской волости почти полностью совпадают с Удорским районом Республики Коми:⁶ видимо, граница между русскими и пермяцкими поселениями на Мезени в основном установилась в XVII в. В начале XX в. последней русской деревней в рассматриваемом регионе были Родомы (около с. Вожгоры); соседняя Латьюга населялась зырянами.⁷

Скорее всего, часть пермян, живших когда-то выше впадения Вашки в Мезень, была ассимилирована русскими пришельцами. Фактор контактов русских с пермяками обусловил деление всего течения р. Мезени на три разные зоны: зона расселения коми (верхнее течение — современный Удорский район Республики Коми); зона русских поселенцев, испытавших заметное влияние коми культуры (среднее течение — современный Лешуконский район Архангельской области); зона сугубо русского освоения территории (нижнее течение — современный Мезенский район).

Согласно писцовым книгам 1622—1623 гг., в Мезенской волости (т. е. в русской части Мезени) в начале XVII столетия проживало 1164 человека (881 двор).⁸ А. П. Афанасьев для этого же времени называет другую цифру — 2039 человек.⁹ Как бы то ни было, указанные числа — одна-две тысячи человек — свидетельствуют: первую четверть XVII в. можно считать лишь начальным этапом основания Мезени. Неурожайные годы (1641—1645) обусловили отток народа с Мезени. Крестьяне уходили в Сибирь, Устюжский, Важский, Холмогорский уезды, в Хлынов на Вятке, Вологду и Сольвычегодск. Через несколько лет начался обратный медленный приток населения на Мезень, причем, судя по письменным источникам, основная масса шла из названных Устюжского, Важского и Холмогорского уездов.¹⁰

Не является ли частое упоминание указанных регионов в мезенских писцовых книгах знаком того, что здешние первые русские насельники корни свои имели именно в этих северных уездах? Голодные годы заставили кое-кого из мезенцев на время вернуться в родные края, но остановить заселение Мезени капризы природы уже не могли. Во всяком случае, несомненно, что ранее освоенные русскими северные территории сыграли главную роль в колонизации Мезени (имелись, например, связи Мезени с Пинежским уездом). К концу XIX в. численность насельников края составляла 26 тыс. человек.¹¹

⁶ Афанасьев А. П. Карта речных названий бассейна Мезени // Изв. Коми филиала Геогр. об-ва СССР. Сыктывкар, 1972. Т. 2, вып. 4 (14). С. 99—100.

⁷ Боголепов А. Мезенский край // Архангельские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1904. № 2. С. 66.

⁸ Белов М. Город полярных мореходов // Мезень край поморский. Архангельск, 1980. С. 24.

⁹ Афанасьев А. П. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2: Уезды Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печорский. Архангельск, 1895. С. 290.

Своеобразие поселений на Мезени состоит в том, что здесь в отличие от других севернорусских районов практически не было крупных землевладельцев. Мезень не знала княжеских владений (типа вотчин князей Белозерских, Ухтомских, Кемских, отпочковавшихся от Ростовской ветви Рюриковичей и обосновавшихся вокруг Белозера и в бассейне Шексны, Моложских князей, поселившихся на р. Мологе, и т. д.).¹² Документы не называют нам имен богатых бояр, таких как Борецкие на Сев. Двине и в Поморье, Своеземцевы на Ваге, Строгановы и Осколковы на Вычегде.¹³ Окладниковы, основавшие Слободу в низовьях Мезени, в XVIII в. преобразованную в город Мезень, кажется, довольно скоро растеряли свои обширные владения.

Возникавшие пустыни здесь не становились крупными феодалами (ср. Соловецкий, Кириллово-Белозерский или Антониево-Сийский монастыри). Ни одна из мезенских пустыней не достигла даже такого скромного благополучия, которое выпало на долю соседних пинежских Красногорского и Веркольского монастырей. Появлявшиеся мезенские пустыни довольно скоро прекращали свое существование. Так, на месте будущего села Закурского в 1558 г. черным попом Вассианом была устроена пустынь, просуществовавшая до 1680 г., когда она обратилась в простой приход.¹⁴ Такова же судьба и монастыря, основанного в 1614 г. в с. Ущелье: он был упразднен в 1764 г.¹⁵ Чирцева пустынь (близ Козьмина Городка) просуществовала менее пятидесяти лет (1576—1620).¹⁶ К концу XIX в. на Мезени монастырей не было.¹⁷

Как отмечает А. П. Афанасьев, основной вид поселений здесь, как, впрочем, и в других регионах Севера, — деревня (тип селения, включавший в себя дворы-хозяйства, пахотные земли, промысловые и сенокосные угодья, традицией и правом закрепленные за данной деревней). Вновь возникавшие поселения черносотенных крестьян назывались починками. К началу XVII в., согласно изысканиям того же А. П. Афанасьева, образование новых починков почти прекратилось. Погосты — селения с церквями и домами причта — становились административными, экономическими и культурными центрами, организующими вокруг себя жизнь целой группы деревень. На Мезени в XVII в. существовали также три русские слободки — Лампожня, Окладникова и Кузнецова, жители которых на какой-то срок освобождались от повинностей. Это способствовало переселению сюда людей из других местностей Русского Севера. Слободки также становились административными центрами.¹⁸ Городов (посадов) в Мезенском уезде вплоть до 1780 г. не было.¹⁹

Одним из древнейших поселений Мезенского региона была слободка Лампожня. Она упоминается в грамоте Ивана Грозного от 1545 г. самоедам Канинской и Тиманской тундр.²⁰ Лампожня,

¹² Платонов С. Ф. Низовская колонизация на Севере // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 1. С. 50.

¹³ Кизеветтер А. А. Русский Север. С. 20—21.

¹⁴ Краткое историческое описание приходов и церквей... С. 311—312.

¹⁵ Там же. С. 333—334. Предание о мученической смерти от рук разбойников Иова Праведного, основателя монастыря, приведено в книге С. В. Максимова «Год на Севере» (Максимов С. В. Избр. произв.: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 114—115).

¹⁶ Краткое историческое описание приходов и церквей... С. 324—325.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Афанасьев А. П. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв. С. 16.

¹⁹ Кизеветтер А. А. Русский Север. С. 38.

²⁰ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Пг., 1919. С. 173.

расположенная на острове в нижнем течении Мезени, была важным пунктом, где дважды в год происходили ярмарки, собиравшие ненцев, пермян, угров, русских купцов из Холмогор и Вологды и даже агентов иностранных торговых компаний. И. Х. Гамель, по-видимому не без оснований, сравнивал Лапожню с знаменитой Макарьевской ярмаркой. Англичане упоминают Lampros наравне с Пинегой и Пустозерском, игравшими, как известно, выдающуюся роль в экономической жизни Севера. Лампожня была нанесена на карту России английского купца Антония Дженкинсона (1562 г.).²¹

Из описаний, оставленных англичанами Логаном и Порсгловом,²² следует, что к началу XVII столетия Лампожня потеряла свое значение. В 1611 г. главным рыночным местом на Мезени стала Окладникова Слободка, впервые в русских документах также упомянутая в грамоте царя Ивана IV от 1545 г. Однако есть все основания считать, что Слобода существовала уже в первой четверти XVI столетия: она — единственное поселение на Мезени — была нанесена на карты австрийского посла Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Московии в 1516—1518 и 1526—1527 гг.²³ Окладникова Слобода играла заметную роль в жизни Русского Севера, была важным пунктом на пути в легендарный сибирский город Мангазею. Многие мезенцы участвовали в торговых походах: в документах, касающихся Мангазеи, встречаем имена мезенцев Ивана Угрюмова, Табаньки Кульмина, Матвея Кириллова, Молчана и Кирилла Ружниковых, Шестака и Андрея Ивановых и др. Мезенцы Фома Семенов, Иван Романов, Иван Савин, Василий Фомин, Яков Игнатъев и другие участвовали в походе Семена Дежнева (1648). Еще один мезенский житель — Федор Рохманин — в XVIII в. отличился в освоении Новой Земли и Шпицбергена.²⁴ Заметим, кстати, что среди былинщиков, с которыми собиратели встретились уже в XX в., мы находим те же фамилии: Ружниковы, Рахманины, Ивановы, Семеновы.

Во времена Петра I, когда Белое море утратило свое бывшее значение, Мезенский край постепенно превратился в глухой уголок России. В 1780 г. Окладникова Слобода вместе с соседней Кузнецовой были преобразованы в г. Мезень, в котором в то время проживало 1500 жителей.²⁵ К концу XIX в. здесь было 2000 человек.²⁶ Но роль города Мезени в XVIII—XIX вв. в торгово-экономической жизни Русского Севера была, без сомнения, гораздо менее значимой, чем роль Окладниковой Слободы в XVI—XVII вв.

Среди старых поселений Мезени необходимо назвать д. Кимжу. По преданиям, первым насельником Кимжи был крестьянин, переселившийся сюда из с. Немнюга Пинежского у. в начале XVI в. По письменным источникам в 1600 г. в Кимже было уже 60 человек мужского пола.²⁷

²¹ Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. Т. 1. С. 41—42; Белов М. Город полярных мореходов // Мезень — край поморский. Архангельск, 1980. С. 18.

²² Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1869. Т. 2. С. 190—193. См. также: Платонов С. Ф. Иноземцы на Русском Севере в XVI—XVII веках // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2. С. 16—17; Белов М. Город полярных мореходов. С. 21—23.

²³ Белов М. Город полярных мореходов. С. 17.

²⁴ Там же. С. 27—42.

²⁵ Быстров А. Город Мезень // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 2. С. 261. См. также: Шевкуненко Н. Город Мезень // Всемирный путешественник. 1873. № 9. С. 335—358.

²⁶ Краткое историческое описание приходов и церквей... С. 292.

²⁷ Там же. С. 315.

С. Лешуконское, современный районный центр, также связывается с пинежанами. Название села указывает на корень «лес». Согласно устным источникам, Лешуконское когда-то было главным пунктом для пинежских крестьян в их охоте на птицу и зверя.²⁸

Из древнейших поселений Мезени — Юрома. По свидетельству церковной книги Юромского прихода, уже в 1513 г. здесь был погост и церковную службу отправлял некий священник Иван. В XVII столетии волостной центр Юрома насчитывал 100 дворов.²⁹

Азаполье упоминается в грамоте Новгородского митрополита от 1599 г.,³⁰ Койнас — под 1544 г.³¹ Столь же древний, по-видимому, Козьмин Городок. По преданию, здесь некогда находилось чудское укрепление, а потом обосновался некий новгородец Козьма.³²

Мезень на короткое время оказалось связанной с именем мятежного протопопа Аввакума. Находясь по дороге в ссылку в Пустозерский острог и не имея средств для продолжения своего подневольного путешествия, с 1664 по 1666 г. он проживал в Окладникове.³³ Жена и дети протопопа остались в Окладникове почти на всю жизнь.

Мезенский край, как и другие глухие лесные уголки Русского Севера, стал районом, где урывались сторонники старой веры. В 1740-е гг. в Окладниковой Слободе на месте погребения двух казненных ревнителей старообрядчества находилась некая «клетка» (молельня), притягивавшая к себе верующих.³⁴ Несколько молелен насчитывалось в д. Кильце.³⁵

Известны бывшие здесь случаи самосожжения раскольников. Так, в 1740-е гг. по доносу некоего Артемия Ванюкова правительственные чиновники пришли к скиту Езевец, на р. Пёзе, основанному выходцами из Юромской волости (в среднем течении Мезени). Скрытники не пожелали подчиниться военной команде и сожгли себя.³⁶

Труднодоступность региона, отсутствие крупных торгово-экономических центров (городов и монастырей), склонность местных жителей к расколу — все это способствовало консервации жизненного уклада мезенцев и сохранению здесь древних черт в быте, народно-прикладном искусстве и фольклоре.

²⁸ Краткое историческое описание приходов и церквей... С. 336.

²⁹ Там же. С. 329. С Юромой связано интересное предание о богатыре Пашко (см.: Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 485—486) и рукописная повесть о мезенском древоделе Иване Семенове (см.: Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971. С. 132—136).

³⁰ Краткое историческое описание приходов и церквей... С. 326.

³¹ Там же. С. 346.

³² Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971. С. 115.

³³ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерк к истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900. С. 126—129.

³⁴ Есилов В. Самосожигатели // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 626—627.

³⁵ Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971. С. 111.

³⁶ Есилов В. Самосожигатели. С. 623—625; см. также: Ненароков В. Селения по Пезе и Цыльме // Журнал Министерства государственных имуществ. 1861. Ч. 76. Кн. 4. С. 153—154.

II. Этнокультурный контекст эпической традиции на Мезени

Основную роль в хозяйственной жизни мезенцев играли морские промыслы, охота, рыболовство и земледелие. Из этих видов хозяйства морские промыслы были развиты на нижней Мезени, тогда как в ее верховьях большое значение имело земледелие. По всей Мезени жители издревле занимались разнообразными кустарными промыслами: вязали сети, изготовляли дуги, сани, деревянную утварь. Изделия домашних ремесел отдельных поселений (например, гончарного промысла в деревне Тимощелье, изготовление деревянной посуды в селе Олеме на Вашке, тканых домашних холстов в деревнях верхней Мезени) расходились по селам и деревням всей реки. Продукция некоторых промыслов (палащельские расписные прялки, коробейки, кимженское медное литье) была популярна и за пределами Мезенского края.¹

Почти во всех мезенских деревнях можно увидеть старинные большие дома на высокой подклети с двухэтажным двором, просторной поветью и взвозом, пристроенным сбоку или сзади дома. Крыши многих домов украшены коньками на выступающем конце охлупня — массивного бревна, венчающего крышу.

Внутри крестьянских домов сохраняются еще предметы домашнего обихода, украшавшие в прошлом жилища. К глубокой древности восходят истоки мезенской росписи на прялках, коробах и других изделиях, как об этом свидетельствуют ее образы (птицы, олени, кони), простейшие орнаментальные элементы росписи (ромбы, квадраты, спирали), а также технические приемы нанесения этой росписи сажей и береговой охрой при помощи палочки и птичьего пера. Внимание заслуживают рубели для глажения белья, сохраняющиеся почти в каждом доме. В их орнаменте наиболее устойчивой фигурой является круг с радиально расходящимися лучами, изображение которого относится к числу древних солярных мотивов.² Древней считается и техника нанесения этого орнамента — трехгранновыемчатой резьбой.

В сундуках, зачастую по росписи являющихся произведениями искусства, женщины хранят старинную крестьянскую одежду. С допетровской стариной связан костюм, в состав которого входит душегрейка, называемая здесь «коротенькой». Известно, что «коротенька» в сочетании с сарафаном и кокошником входила в комплекс боярской одежды. Связь с боярским костюмом сказывается и в золотых узорах дорогих тканей, из которых шились полушубки, и в обильно расшитых золотом кокошниках, головных платках. Однако в мезенской одежде можно увидеть детали, восходящие к гораздо более раннему времени. Например, пожилые женщины и теперь подвязывают одежду поясами домашнего производства. По орнаменту и технике изготовления они четко делятся на два вида. Местное население также разделяет их на пояса «в кружках» и «зырянские» (т. е. зырянские) пояса. Для поясов «в кружках» основным орнаментальным мотивом является ромб, с которым, очевидно, нужно связывать и само название. Известно, что ромб в

¹ О мезенском народно-прикладном искусстве см.: *Работнова И. П., Вишневецкая В. М., Кожевникова Л. А.* Народное искусство Архангельской области // Сб. Трудов НИИ художественной промышленности. М., 1962; *Тарановская Н. В.* Росписи на Мезени и Печоре // *Русское народное искусство Севера*. Л., 1968; *Круглова О. В.* Мезенская роспись по дереву // *Советская этнография*. 1964. № 3. С. 118—123; *Арбат Ю.* Русская народная роспись по дереву. М., 1970. С. 19—29; *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство Европейского Севера. М., 1988. С. 101—187.

² См.: *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки восточных славян // *Востоочнославянский этнографический сборник*. М., 1956. С. 362—363. (Тр. Института этнографии АН СССР. Т. 31).

народных украшениях некоторых групп русского населения называется кругом.³ Пояса «в кружках» ткуются на дощечках, которые и теперь можно найти во многих домах. Глубокая древность этого вида ткачества доказывается тем, что подобное зафиксировано в древнем Вавилоне. Археологические и этнографические находки говорят о довольно широком распространении тканья на дощечках еще в далеком прошлом в Европе, на Кавказе, Средней и Передней Азии. Техника изготовления «зыренских поясов» — иная. Это древний способ тканья на ниту⁴ (по-местному: с помощью чурки и ножичка), знакомый народам Восточной Европы: русским, белорусам, литовцам, мордве и удмуртам. Основной элемент построения рисунка в «зыренских» поясах — крест с загнутыми концами. Нередко встречается свастический узор — древнейший орнаментальный мотив, зафиксированный в разных странах Старого и Нового Света. Бытующим видом народного творчества является вязание варежек и чулок с многоцветным и сложным геометрическим узором. Основные элементы орнамента — квадрат или ромб, крест с загнутыми концами и звездочки — свидетельствуют о давности узоров на вязаных изделиях.

В панораму почти каждой мезенской деревни входят огромные двух или трехметровые кресты, располагающиеся среди домов, за околицей или по обочинам дорог, проложенных между деревнями. Некоторые из крестов, поставленные рядом с домом или с гумном, являются надмогильными: в ряде деревень до 1920-х гг. сохранялся обычай хоронить умерших рядом с домом. С языческими представлениями, по всей вероятности, нужно связывать и деревянные покрытия крестов, многими деталями (маленьким охлупнем, причелинами и полотенцами) напоминающими крестьянский дом. Большинство же мезенских крестов — кресты обетные (по местному — «оветные»), т. е. поставленные когда-то во избавление от грядущего зла или в знак благодарности. Предполагают, что византийский обычай обетного креста появился на Руси вместе с принятием христианства. Особое распространение он получил в Новгородской земле и на близком Новгороде Западе.⁵

В Мезенском районе жители хорошо помнили, кто были первосельниками их родных деревень, и к древним фамилиям относились с уважением. Об этом свидетельствует такой обычай: в каждой деревне Мезенского района в престольный праздник, раз в году, водили своеобразные хороводы — «круги». Две девушки — хозяйки праздника — ставили остальных в ряд друг за другом, связывая их платками. Вперед выдвигались запевалы, которых иногда нанимали из других деревень. Девушки делали круг по всей деревне, обязательно по движению солнца. Запевалы пели три строго определенных круговые песни, исполнявшиеся раз в году — на этом празднике. Остальные девушки шли молча: «только красовались». После «круга» начинали петь игровые хороводные и плясовые песни. Внимания заслуживает порядок, по которому ставили девушек в круги. Первыми шли девушки «высоких», «коренных» фамилий, в конце — девушки «низких», «некоренных» фамилий. Очередность хорошо помнили пожилые женщины, следившие во время праздника за выполнением ритуала.

«Высота» фамилии или рода зависела не от богатства, а от древности. К «высоким» родам относились потомки самых первых поселенцев деревни. Соответственно к «низким» фамилиям —

³ См.: Клетнова Е. Н. Символика народных украс Смоленского края. Смоленск, 1924. С. 8.

⁴ Техника тканья на ниту описана в статье: Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. С. 508.

⁵ См.: Шляпкин И. А. Древние русские кресты. СПб., 1906. С. 37—38; Панченко А. А. Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 180—205 и др.

потомки более поздних переселенцев, хоть и последние могли приехать достаточно давно, на памяти прадедов современных жителей. Например, в с. Кильце к самым «высоким» фамилиям относятся — Кашунины, Шубины и Чуповы. «Бывало старики скажут: „Кашуны да Шубы да Чупы — три только фамилии коренных, остальные все приезжие. Которые приезжие — низкие — Софоновы, Склемины, Фроловы, Бутаковы, Поповы. Приехали-то они давно, на века. Уже наши мужики не помнят”». Споры во время праздника велись только вокруг «некоренных» фамилий. «Богатых надо, — говорят, — повыше поставит». «Эта богата, — говорят, — и ниже бедной ходит». Девушек «высокого» рода без споров помещали впереди. «Высота» рода играла роль и при выборе невесты. Девушка «хорошей породы» часто ценилась выше и богатой, и красивой.

Имеются довольно существенные различия в народном искусстве между двумя районами — Мезенским и Лешуконским — различия, обусловленные, вероятно, тем фактором, что названные районы заселялись выходцами из разных севернорусских краев. В связи с этим напомним, что Русский Север подвергся колонизации со стороны двух метрополий — Новгорода и Ростова Великого (ростовская, низовская, верхневолжская, московская колонизация, по терминологии современных исследователей).⁶ Сравнительный анализ народного искусства нижнего и среднего течений Мезени позволяет предположить, что Мезенский район заселялся, по-видимому, в основном выходцами из северных регионов, входивших в сферу влияния новгородской колонизации; Лешуконье же притягивало к себе жителей тех краев, предки которых пришли на Русский Север из Ростовщины.

Если для Мезени вообще характерно украшение домов коньком, венчающим крышу дома, то в Лешуконском районе конская голова вырезается не на одном охлупне, но и на концах куриц. Сама фигура коня делалась здесь более тщательно, коньки домов резко выделялись в панораме лешуконских деревень. Распространение почти идентичных коньков в районах рек Ваги и Кокшеньги, подвергшихся московской колонизации, позволяет связывать этот декор с районами Верхнего Поволжья, где подобное украшение крыши было довольно частым явлением. О культе коня в этой области свидетельствует и археологический материал.

С теми же районами связано распространение в Лешуконье городковой резьбы на кронштейнах крыши, подзорах, причелинах, полотенцах и т. п. Городковая резьба — один из древнейших видов геометрической резьбы по дереву. Некоторые узоры, сохранившиеся на каменных зданиях XII—XIII вв., были перенесены на каменные постройки с деревянных. Здания с декором подобного типа особенно распространены во Владимире, Переславле-Залесском и других городах Верхнего Поволжья, откуда шла низовская колонизация. Закономерно, что и на далеком Севере мы ее видим там, где эта колонизация имела место (Пинега, в меньшей мере Лешуконский район). Там же, где преобладала новгородская колонизация (Мезенский район), этот вид резьбы почти не встречается.

⁶ Платонов С. Ф., Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1. С. 26—37; Платонов С. Ф. Низовская колонизация на Севере // Там же. С. 47—69; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин: (По материалам конца XIX—начала XX в.). М., 1975; Бернштам Т. А. 1) Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 5—29; 2) Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С. 25—35.

Некоторые элементы жилищного декора (например: крыльца хоромного типа, особенности резьбы на наличниках) связывают Лешуконский район не только с областью низовской колонизации, но и районами расселения коми. С последними связаны также некоторые конструктивные особенности жилищ.⁷

Довольно четко очерчивается географическое распространение обетных крестов. Заметно их преобладание в Мезенском районе. В Лешуконском районе они встречаются реже, размеры их гораздо меньше, чем у мезенских.

Распространение рассказов об обетных крестах, да и самих этих крестов преимущественно в Мезенском районе не случайно, так как обычай водружать обетные кресты, как об этом можно судить по письменным и археологическим памятникам, был свойствен Новгородской земле в большей мере, чем другим древнерусским землям.⁸ Обычай отразился в архитектуре новгородских храмов, на стенах которых нередко вырезались обетные кресты.⁹

В народном costume обоих районов имеются отличительные особенности, касающиеся более деталей костюма, хотя и существенных по своему значению. Такие виды одежды, как малица и совик (заимствованы, по общему мнению исследователей, у ненцев), являются общими для районов. Общим является и сарафанный комплекс одежды. Различия сказываются не столько в покрое, сколько в расцветках тканей. Многоцветность и характер орнамента в одежде населения Лешуконского района исследователи связывают с полихромностью в одежде и иных видах прикладного искусства коми и других финно-угров.¹⁰ Тканые многокрасочные пояса изготовлялись только в Лешуконском районе. Пояса «в кружках» с ромбическим узором связывают этот район со средне- и западнорусскими областями,¹¹ «зыренские» пояса, как об этом свидетельствует название, находят аналогии в финно-угорской одежде (то же типично для варежек и чулок).

До наших дней сохранились старинные украшения мезенских женщин, в частности бусы из янтаря, известные в Мезенском районе под названием «восковые перла», а в Лешуконском — «восковые предки» (т. е. прядки). Янтарь издавна добывали на побережье Балтийского моря; женские украшения из него типичны для Прибалтики, северной России и Белоруссии. Но если янтарные ожерелья носили женщины во всех мезенских деревнях, то металлические цепочки с прикрепленным внизу крестом — шейное, нагрудное украшение деревень Лешуконского района. Их часто надевали вместе с янтарным ожерельем русские и коми.

Особенно любопытны металлические серьги из Лешуконского района, известные там под названием «чуски». Аналогичные серьги с похожим названием — «чусы» встречаются и у женщин коми. Схожие серьги находили также в приладожских, костромских и вычегодских курганах, а также в украшениях карел.¹² Эти подвески полагалось носить с пушками, прикреплявшимися к серьгам. Пушки же считаются характерным ушным украшением южных русских.¹³

⁷ Подробнее см.: *Дмитрисева С. И.* Архитектурные и декоративные особенности традиционного жилища русских Мезени (в связи с историей заселения края) // Советская этнография. 1980. № 6.

⁸ См.: *Шляпкин И. А.* Древние русские кресты. С. 38.

⁹ См.: *Некрасов А. И.* Очерки декоративного искусства Древней Руси. М., 1924. С. 50.

¹⁰ См.: *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми // Тр. Института этнографии АН СССР. 1958. Т. 15. С. 340; *Маслова Г. С.* Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951. С. 130.

¹¹ См.: *Смирнов В. И.* Русское узорное тканье (костромские пояски) // Советская этнография. 1940. № 3. С. 93.

¹² См.: *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми. С. 279, 278.

¹³ Словарь русских народных говоров. 1999. Вып. 33. С. 174.

Головные уборы в целом одинаковы у всего населения: кокошники, повойники, платки и разноцветные шапи. Различалась орнаментация повойников — праздничных головных уборов замужних женщин. Шили их из бархата, овальный верх украшали вышивкой. Наиболее часто встречаются повойники, украшенные растительным орнаментом (цветы, листья), вышитые золотой нитью. В Лешуконском районе, в деревнях по соседству с коми, носили повойники, украшенные бисером, причем основным орнаментальным мотивом вышивки служила елочка. Интересно, что сам способ нанесения такого орнамента называли — «садить елочки», название подобных повойников — «саженные». Если повойники первого типа считаются характерными для всех поморов, то повойники второго типа — мезенские, связывающие русских с восточными финнами. Украшение же бисером — так же, как и пушки на серьгах, — считается элементом южнорусской одежды.

Существенные различия можно найти и в сфере собственно духовной, в мифологических представлениях и народных обрядах крестьян Мезенского и Лешуконского районов.¹⁴

По известным материалам просматривается большее распространение заговоров в Лешуконье, чем в нижнем течении реки. Заметна и большая архаичность самих заговорных текстов в этом районе, более выступает их языческая основа. Если в словесном «поле» заговоров Мезенского района встречаются образы христианских святых, то в лешуконских чаще упоминаются персонажи низшей мифологии — черт с «чертихой», «баба-бабарюха», «ночница-перечница» и другие образы языческого мира. Особенно четко различаются сопровождающие заговоры действия, направленные на усиление магии слова: в мезенских заговорах очистительную роль играет вода, в лешуконских — огонь. Соответственно в заговорах первой территории чаще фигурируют образы моря, реки, щуки, обитающей в море. В заговорах второй — очистительному действию огня соответствует зачин: «секу — высекаю, гоню — выгоняю... и т. д.». В заговорах лешуконских деревень встречается образ всадника на белом коне (Егорий Храбрый, Данила, Емеля), вызывающий в сознании аналогию — многочисленные изображения конного всадника на прялках, промысел которых был развит в с. Палашелье Лешуконского района.¹⁵

Для Мезенского района характерны обряды с «Бородой», как называли здесь последний сжатый сноп. В Лешуконском районе наряду с «Бородой» появляется «Елоха», — так, по-своему, называли там и первый, и последний жатвенные снопы. Если «Борода» находит параллели в подобных обрядах Нижней Двины, то «Елоха» связывает Лешуконский район с более южными рус-

¹⁴ Мезенский фольклор опубликован в следующих сборниках: *Ефименко П.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878 (Изв. Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 30 / Тр. Этнографического отдела. Кн. 5, вып. 2); *Песни, собранные П. В. Киреевским.* Нов. сер. СПб., 1911. Вып. 1. № 9—32; Пг., 1917. Вып. 2, ч. 1. № 1185—1276; *Тонков В. А.* Свадебные песни и обряды г. Мезени. Казань, 1931; *Песни Лешуконья / Собрал М. Н. Мякушин.* Архангельск, 1940; *Абрамский А. С.* Песни Русского Севера. М., 1959; *Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов.* Л., 1967; *Песни Мезени.* Архангельск, 1983. См. также грампластинки: Вокальный ансамбль Лешуконского районного Дома культуры Архангельской обл. Д=00016665/66; Народный хор Мезенского РДК Архангельской обл. ЗЗД=31807/8; Фольклорный ансамбль села Лебское Лешуконского р-на Архангельской обл. Мелодия, 1978. С20=09875/76; Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Традиционные песни Мезени. Мелодия, 1983. М20=4464=4.

¹⁵ Автор настоящего раздела статьи использует, в частности, личные экспедиционные наблюдения над бытованием фольклора на Мезени (Архив Института этнографии АН СССР. Материалы Архангельского отдела Восточнославянской экспедиции 1971, 1975—1976 гг., записи С. И. Дмитриевой — ф. 2, д. 9). Подробнее см.: *Дмитрисва С. И.* Слово и обряд в мезенских заговорах // *Обряды и обрядовый фольклор.* М., 1982.

скими областями. Например, в Костромской области были записаны подобные обряды, сохранившие это название, — «Елоха». Правда, костромские обряды более разработаны, а «Елоха» в них имеет антропоморфные, женские черты. Последнее обстоятельство позволяет связывать данные обряды с хорошо известной исследователям «Костромой», распространенной главным образом во Владимирской и некоторых других среднерусских областях.

Свадебный обряд Мезени представляется вариантом севернорусской свадьбы. В Лешуконском районе зафиксированы обряды, связанные с культом утки. В день приезда жениха за невестой для него готовят стол, в центре которого «сидит» изжаренная утка с красным цветком на голове. Жених должен свернуть голову утке. Появление подобного обряда в Лешуконском районе находит также созвучие с частым изображением утки на прялках из села Палашелье этого района. Впрочем, известно, что образ утки (или другой водоплавающей птицы) занимает большое место в русском песенном фольклоре и искусстве и одновременно является излюбленным в народном творчестве коми.

В некоторых мезенских деревнях практиковался оригинальный свадебный обычай — «баенно». Заключался он в следующем. На другой день после свадьбы молодых будили, чтобы вести в баню. Пока молодые мылись, для них делали «банник»: в скатерть клали две тарелки, две ложки, две вилки, миску с мясом и каравай хлеба. Все это зашивали иголками или закалывали булавками. Молодые, придя из бани, должны были «расшить банник». После этого сват разрезал хлеб и оделял им гостей.¹⁶ Обычай связывает Мезенский район с северодвинскими районами и с «байником» в свадьбах Поморского и Онежского берегов Белого моря.¹⁷

Во всех мезенских деревнях большое место в свадебном обряде отводилось ритуалам, связанным с баней. На важное значение бани в мезенской свадьбе указывает то обстоятельство, что в ней смывалась девичья «красота» или «воля», тогда как в других русских областях «красота» снималась вместе с расплетением косы или выниманием из нее алой ленты (или повязки), олицетворявшей «красоту».

Со свадебными обрядами связан оригинальный мезенский обычай — «новизне». Молодوخа, начинавшая новую жизнь в семье мужа, выезжая первый раз на работу в поле, должна устроить угощение женщинам. В селах Лешуконского района отмечен характерный элемент обряда: в честь «молодой» затесывали елочку — срубали у ели несколько ветвей, недалеко от вершины. И сейчас, проезжая по Мезени, можно видеть затесанные таким образом ели, иногда по две, по три подряд. Ритуал был присущ русским в верховьях Мезени — районах, пограничных с коми. У последних же поклонение деревьям, особенно березе и ели, было сильно еще в XX в.

Таким образом, формирование этнокультурных особенностей русского населения Мезени связано с тремя этническими компонентами: два из них восходят к разным потокам русской колонизации XI—XII вв. (новгородская и низовская), а один — к дорусскому населению края. Культура населения северной зоны Мезени по многим элементам тяготеет к районам побережий Белого моря, нижнего течения Двины, Онеги, т. е. к областям, входившим в сферу влияния Новгорода Великого.

Формирование Лешуконской этнокультурной зоны обусловлено миграцией населения с юга, из бассейна верхней Волги. Выявленные по материалам народного искусства особенности, сближающие русских Лешуконского района с их этническими сожителями, свидетельствуют о непо-

¹⁶ См.: Архив Института этнографии АН СССР. Материалы Архангельской экспедиции 1970 г. (ф. 9, ед. хр. 11).

¹⁷ См.: Бернштам Т. А. Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 87.

средственных контактах народов и, по-видимому, глубоких процессах ассимиляции русскими отдельных групп коми.

Ряд явлений в народном искусстве, говорящих о неоднородности русских — насельников Мезени, может быть объяснен этническими размежеваниями, имевшими место в славянской среде в разных культурно-хозяйственных зонах Восточной Европы еще до переселения русских на Север, в силу которых древнейшие элементы в культуре русских Лешуконского района связаны с доисторическими пластами культуры районов Волго-Камья. В то же время в культурных особенностях русских нижней Мезени немало общего не только с северо-западными русскими областями, но и с районами Прибалтики и Западной Европы.

Все эти факторы находились в прямом соприкосновении с искусством мезенской былинной традиции.¹⁸

¹⁸ Там же.

Н. П. Колпакова

III. Песенный фольклор Мезени

Мезень — одна из наиболее крупных рек на северо-востоке Архангельской области — берет свои истоки в лесных болотах Вологодского края и по вологодским и архангельским чащам струится на север, к Белому морю, покрывая расстояние около 800 км. Быстрое течение, неустойчивое направление фарватера, ежегодно изменяемого ледоходами, значительная ширина, доходящая в устье до 2 1/2 км, издавна затрудняли исследование этой реки {...} Тем не менее Мезень уже пять столетий назад была известна русским людям, пробиравшимся из центра страны на восток: достигая через Вологду, Сухону, Северную Двину, Пинегу и Кулой устья Мезени, колонизаторы выходили к притоку Мезени — Пёзе, откуда волоком переправлялись на Печору и по притокам последней плыли к Уралу. Так, в 1499 г. был осуществлен поход москвичей в Сибирь. Ко времени Ивана Грозного путь с Мезени на Печору по притокам и волокам был хорошо известен Москве.

Появление на Мезени русского населения относится к XV в., когда в результате освоения северных земель новгородцами и москвичами отдельные участки Русского Севера после борьбы с местным населением и битв вновь прибывших между собою попадали в руки различных владельцев. На Мезени расположились преимущественно новгородские посадники и другие представители новгородской власти.

При Иване Грозном новгородцы Окладников и Филатов обосновались в устье реки на ее правом берегу, получили от Москвы грамоты на владение занятыми угодьями и право «копить на великого государя слободы и с песков, и рыбных ловищ, и с соколых и кречатых садбищ давати с году на год великому князю оброки».¹ Две слободки — Окладникова и Кузнецова, которые постепенно «копились» в устье Мезени, в 1780 г. слились вместе и получили официальное наименование города Мезени; но в народе до середины XIX в. город продолжал называться «Большой Слободой» (в отличие от «Малой Слободы» — села Усть-Цильмы на Печоре). Герб города — красная лисица в серебряном поле — символизировал основные богатства края, связанные с лесом и пушным промыслом. {...}

В XVI—XVII вв. Мезенский край был очень оживлен, торговал с соседями, собирал их у себя для разнообразных деловых и торговых операций. XVII век ознаменовал себя на Мезени появлением двух ар-

¹ Максимов С. В. Избр. произв.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 28.

хитектурных памятников редкой художественной ценности — деревянных шатровых церквей в деревнях Юроте и Кимже.²

Берега Мезени быстро заселялись как потомками пришельцев — новгородцами, так и москвичами — раскольниками и другими беженцами, избегавшими общения с Москвой. Но по мере того как падало и замирало значение северного порта в связи с появлением порта на Балтике, жизнь в Архангельском крае постепенно теряла свое прежнее оживление, и в XIX в. Мезенский уезд, как и Печорский, превратился в глухую северную окраину, мало интересную для правительства и совершенно ему неизвестную.³

Город Мезень, расположенный в устье реки, был издавна связан с Архангельском как морским путем, так и постоянными зимними трактами, узкие линии которых пересекали пинежские и мезенские сугробы в различных направлениях. К началу XX в. в городе насчитывалось до трех тысяч жителей; он служил административным и экономическим центром как для всей реки, так и для охотников и рыбопромышленников Тиманской и Канинской тундр.

Невзирая на пренебрежение со стороны властей, Мезенский край издавна жил своим крепким бытовым укладом и хозяйством, установившимися веками. В верховьях реки, жители которых на протяжении столетий меньше общались с приезжими людьми, с Архангельском и с иноземными купцами, чем в низовьях, жизнь сложилась более патриархально, может быть, была несколько беднее, несколько менее цивилизована, чем в более многолюдных и проезжих низовьях; здесь крепче держались за прадедовы принципы хозяйства, за традиционные праздники, бытовую обрядность и старинные образцы новгородских нарядов. Однако резко выраженной разницы в отдельных районах (существовавшей, например, между районами средней и нижней Печоры) на Мезени, по-видимому, не было. Основные формы хозяйства были сходными: на всей реке занимались охотой на белку, песца, горностаю, лисиц, куниц, медведей, били рябчиков, куропадок, глухарей и другую лесную дичь; со всей реки собирались к устью, к морю — «на тороса»: охотились на моржей, тюленей, нерп, морских зайцев; со всей реки промышляли у Канинского полуострова навагу и семгу; со всей реки съезжались в начале января на «Крещенскую ярмарку», где шла торговля мануфактурой, галантереей, колониальными и бакалейными товарами; по всей реке занимались животноводством.

Земледелие в верхнем течении реки было развито больше, чем в низовьях; верхняя Мезень сеяла лен, ткала домашние холсты, в которые одевались все деревни; на нижней вместо этого преобладал рыболовецкий промысел. Но жители мезенских деревень всегда значительно больше общались между собой, чем их соседи — среднечорцы и нижнечорцы, и это общение во многом сглаживало мелкие различия в быту отдельных микрорайонов. Сходные с Мезенью формы экономики и быта сложились и на крупном притоке верхней Мезени — Вашке, с ее живописными, но малообжитыми берегами, очень похожими по общему характеру на берега Мезени; в дополнение ко всем перечисленным выше промыслам жители Вашки

² Юромская церковь погибла от пожара в 30-х гг. XX в. (Одигитриевская) церковь в Кимже (постройка 1763 г. — *Ред.*) еще существовала в полуразрушенном состоянии в 1958 г.

³ Когда в 1867 г. архангельский патриот М. К. Сидоров обратился к тогдашнему наследнику, будущему царю Александру III, с запиской, озаглавленной «О средствах вырвать Север России из его бедственного положения», он получил от воспитателя наследника, генерала Зиновьева, следующий ответ: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немислимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные» (*Жилинский А. А. Крайний север Европейской России. Пг., 1919. С. 244*). «На Севере живут только пьяницы, сутяги и недоимщики» (*Резолюция Победоносцева на прошении северян о их благоустройстве. — Там же. С. 243*). «Стоит теперь уездный город Мезень, обложившись множеством больших и малых деревень и неудобною к обитанию тундрой, со своим уездом, больше которого по пространству и меньше — по населенности нет уже другого [уезда] на всем громадном протяжении Великой России» (*Максимов С. В. Избр. произв. Т. 1. С. 29*).

до 1917 г. промышленяли еще и рубкой леса на купцов, которые вывозили его отсюда в столицы и другие города.

По всей реке жители Мезенского края издавна занимались разнообразными кустарными промыслами: вязали сети, изготовляли дуги, сани, колеса, щепяную утварь. Село Палашелье славилось художественной выделкой раскрашенной деревянной посуды и расписных коробеек и прялок; деревня Кимжа — медным литьем колокольчиков, «схватов» (т. е. пряжек) к мужским поясам и затейливых «коневадьских коньков» — опознавательных знаков коновалов, которые прикрепляли их к своим сумкам с инструментами и расходились с Мезени по всей России; в деревне Тимошелье выделывали глиняную посуду⁴ и разнообразные лукошки. Изделия отдельных деревень расходились по всей реке, и торговля ими также способствовала постоянному общению районов между собой.

Как и во многих других глухих углах старой России, в деревнях на Мезени в XIX в. значительную роль играло местное купечество — владельцы мелочных лавок и кабаков, сменившихся позднее казенными «магазеями» и винными лавками. Школ было мало. Кое-где отцы в складчину нанимали дьячков-расстриг, и те учили детей славянской грамоте. Позднее в деревнях, где были выстроены церкви, священники стали обучать детей (преимущественно мальчиков, так как для девочек это считалось ненужным) уже по-русски. Книг было мало.

Но зато песни, сказки, былины, предания и другие произведения устной народной поэзии звучали на Мезени повсюду.

Старики рассказывали о древних битвах русских с чудью, жившей где-то в мезенских лесах на дальнем озере, и об основании на месте победы русских деревень Русомы и Чучепалы, «где чуча (т. е. чудь. — Н. К.) пала», и о побоище на Вашке (...), в память чего на месте боя возникла деревня с воинственным названием Резя; рассказывали о лесном чудовище, жившем в дремучей чаще, и о том, что оно вышло однажды из лесу, перепугав своим чудным видом местных жителей. Там, где произошла эта встреча, возникла деревня Чулоса, сохранившая в своем названии воспоминание о чудовище.

Пышно справлялась старинная свадьба, с многочисленными приметам, величальными песнями, хоровыми причитаниями и замысловатыми приговорами дружки. Повсеместно зимой на святках по деревням ходили «колядовщики» со звездой и пением старинных величаний «виноградин»: в горницу с сидящими за столом гостями врывались ряженые и тешили присутствующих своими «прибалутками» — шуточными песенными и стихотворными импровизациями; на Новый год девушки гадали: слушали на перекрестках, глядели сквозь кольцо в воду и сквозь хомут в зеркало, надеясь увидеть суженого; на масленицу («заговенье») катались с горки с обязательным пением песни «Что на горке, на пригорке»; весной водили над рекой плавные обрядовые «круги» — хороводы и чинно ходили разряженные «в застенке»: парами, встав в шеренгу, медленно прогуливались вдоль длинных дощатых мостков по главной деревенской улице, в то время как зрители, сидя на завалинках и на бревнышках по краям улицы, любовались парчовыми сарафанами и золотыми с жемчугом «повязками», украшавшими мезенских невест; такие гулянья были своеобразными зрелищами. Во всех деревнях верили, что в банях живет баенник, в овине — овинник, в лесу — лесовик, а в воде — водяной; заговаривали зубную боль и другие болезни, выгоняли заговорами мышей из амбаров и заговорами же лечили и охраняли скотину. Из уст в уста передавались затейливые загадки и своеобразные, на Мезени возникшие, пословицы.

Эти поверья, легенды, загадки, традиционные обряды, а также пословицы и поговорки, украшавшие повседневную крестьянскую речь, были распространены по всей реке в качестве неотъемлемых деталей быта. Неумолчно изо дня в день звучали по всей реке и самые разнообразные бытовые песни. Рядом с ними веками хранились и передавались от поколения к поколению и другие произведения народной поэзии, ис-

⁴ Этот промысел породил, между прочим, местный вариант известной пословицы: «Не боги горшки обжигают, а тимошелы».

полнение которых самими мезенцами рассматривалось как проявление искусства, не всем доступного. Сюда относились сказки, лиро-эпические песни на темы исторических событий, сатирические «небывальщины» и величественные, со многими сотнями стихов, былины.

В настоящее время по реке Мезени расположены два района: Лешуконский, охватывающий деревни по верхнему и среднему ее течению от Родомы до Азаполя и по течению Вашки от деревни Кебы до села Лешуконского, и Мезенский, в состав которого входят селения от Азаполя до устья реки. Выше Родомы и Кебы находится уже Республика Коми.

В селе Лешуконском характер центральной части <...> приближается к небольшому городку; однако стоит выйти с главной улицы на боковые — и характер села меняется: расписные деревянные фронтоны высоких изб, ряды домов со стилизованными конскими и лебедиными головками на охлупнях, старинные крылечки, амбары, бани, украшенные деревянной резьбой подзоры — все это типично для традиционной деревни Северного края. Пути сообщения по берегам реки затруднены <...> бездорожьем, но по реке оживленно поднимаются и спускаются пассажирские и грузовые пароходы, шныряют со своим характерным стуком многочисленные моторные лодки, а в деревнях Вожгоры и Койнас имеются посадочные площадки для небольших самолетов. <...>

Жилища в деревнях Лешуконья, как правило, — обычного русского северного типа и представляют собой обширные двухэтажные избы с крытым двором, с большими поветьями; под поветьями помещается скотный двор с высоким взвозом, по которому можно въехать на поветь в санях или на телеге. Для внешнего оформления местных строений характерны те же резные деревянные головки коней или оленей на охлупнях, какие красуются и в самом Лешуконском: по деревням они украшают не только избы, но порою и бани, и амбары. Оленьи рога над фронтонами, роспись подзоров и ажурная резьба вокруг окон светелок во втором этаже увеличивают живописное впечатление от мезенских деревень. Кое-где еще встречаются старинные «махавки» — флюгера в виде стилизованных деревянных птиц с настоящими птичьими перьями на хвосте: эти развевающиеся перья указывают направление ветра.

Жители Лешуконского района <...> занимаются в основном животноводством. Хлеб здесь привозный — небольшие местные посева идут в пищу только скоту. Пожни, заготовки кормов, выращивание поголовья составляют главную заботу <...>, рыбу ловят в частном порядке для местного потребления. Зимой охотятся на ценного пушного зверя и лесную дичь. В районе ведутся большие лесные разработки, имеется много лесоучастков и лесных сплавных пунктов. Есть артели по добыче и обработке лесохимических продуктов — смолы, серы, терпентина. <...>

Общий заработок в колхозах Лешуконья складывается из зарплаты <...> на производстве и доходов за убитое <...> зверье. Кроме того, в ряде деревень женщины шьют или стегают по заказам одеяла, мужчины подрабатывают щепяным промыслом в пределах своей деревни и ближайшей округи: делают корзины, туеса, деревянную и берестяную посуду. Художественные промыслы в районе <...> угасли. В Палащелье не выделяют больше расписных прялок, чашек, ложек и коробеек, которые своей красочной росписью — черной и кирпичной по янтарно-желтому фону — вносили прежде сияние в избы по всей Мезени и соседним рекам. В Лебском перестали резать деревянную посуду, которую изготовляли прежде для собственных нужд. В Олеме на Вашке никто не «копает» (т. е. не выдалбливает) красивых уточек-солониц, крутые бока которых в естественных узорах древесного волокна переливали золотом под слоем прогретой олифы. Отдельные мастера в разных деревнях еще изготовляют большие, глубокие колодезные ведра из елки, с железными обручами, и ушаты для домашнего пива, а кое-где — и берестяные туеса ведерного размера для хозяйственных нужд. Но <...> живут в быту мезенца лишь такие виды традиционного мастерства, которые не может вытеснить городская торговля: шитье лодок и изготовление саней, полозьев, отчасти лыж.

За исключением самого села Лешуконского, в деревнях района женщины лет от 40 и старше ходят в сарафанах, в повойниках и домотканых цветных поясках. На многих пожилых колхозницах еще можно увидеть сарафан-«пестрядинник» из домотканой пестряди; но сарафаны-«набивальники» из синего холста до-

машней набойки с белым или подцвеченным красным узором не встречаются в быту почти совершенно. Они лежат в сундуках вместе со старинными штофными душегрейками-«коротеньками», парчовыми сарафанами, шелковыми «шалаями», «шалюшками», «полушалками» и другими деталями старинного праздничного костюма мезенки. Их вынимают из сундуков только для выступлений на «Праздниках песни» или для инсценировок старинной местной свадьбы на клубной сцене.

Общая обстановка быта представляет <...> пеструю картину <...>, предметы современного городского обихода уживаются в избах рядом со старинными прялками, ухватами, деревянными квашонками и другим древним оборудованием старой русской крестьянской избы. Эти реликтовые предметы традиционной материальной культуры сегодня держатся в деревнях прочнее, чем традиционные явления культуры духовной. <...> По всему району имеются школы (в ряде случаев — с интернатами), библиотеки и клубы. Большинство деревень радиофицировано. <...> Церкви закрыты повсеместно и почти всюду снесены, <...> свадьбы <...> справляются без церковного венчания <...>, похороны сопровождаются <...> древним народным обрядом причитаний. <...> Прежние традиционные праздничные дни (Иванов день, Петров день, Ильин день, Кириллов день, Кириков день, Афанасьев день и т. п.), связанные в прошлом с престольными праздниками, <...> все чаще начинают переноситься на смежные с ними праздники колхозного календаря: Ильин день нередко совпадает с праздником урожая, Иванов день — с праздником песни, другие — с годовщинами создания того или иного колхоза и т. п. <...>, обрядовые формы праздников приобретают сегодня характер <...> массовых развлечений с плясками, песнями, веселой «гостьбой» и угощением приезжих родственников из соседних деревень.

В Мезенском районе <...> много общего с бытом Лешуконья, с той разницей, что здесь, ближе к морю <...>, больше внимания уделено рыбному и морскому промыслам. Как и в среднем течении реки <...>, здесь заняты животноводством <...>. Молоко свозится на небольшие молочные заводы, где производятся молочные продукты. Вместе с тем в местных деревнях, которые издавна славились золотыми руками своих мастеров-умельцев, крепче, чем в верховьях, держатся некоторые старинные промыслы: в деревне Кильца, где был центр бондарного дела на всю округу, <...> выделывают бочки, кадушки, лагуны, ушаты и т. п.; в Тимошеле еще и сегодня изготавливают большие лубяные корзины и глиняную посуду; в Кимже отдельные мастера еще занимаются медным литьем. Но все эти промыслы <...> вытесняют фабричные изделия.

Самый город Мезень <...> — смешение очень старых и совершенно новых построек. Вдоль длинной центральной улицы, тянувшейся не на один километр, стоит новый дом культуры, новый театр, почта, магазины и другие учреждения, между которыми разбросаны маленькие деревянные домики местных старожилов. Население города смешанное: здесь и потомки мезенских семей, переселившихся когда-то в город с верховьев реки, и приезжие с Пёзы и Кулоя, и новоселы, завербовавшиеся на работу в Мезень из других городов. На левом берегу реки, как раз напротив города, раскинулась над речным обрывом Каменка — быстро растущий рабочий поселок <...> лесопильного завода. Каменка кипит жизнью; темпами своей промышленной и культурной жизни она явно обгоняет старинный городок Мезень, все дальше и дальше отступающий в глубь тундры от реки, которая мало-помалу меняет свое русло и оставляет город в стороне от своего основного фарватера.

В деревнях Мезенского района очень ощутимо влияние городской культуры. Все жители одеваются по-городскому, и даже старухи уже не носят традиционных сарафанов, сохраняющихся в быту Лешуконья. Молодежь уезжает учиться в города и зачастую уже не возвращается на родину. Многие уходят на заработки в Архангельск или на Северную Двину.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом перестроила, как и всюду, весь быт и культуру старой Мезени. <...> Существенно изменилась и прежняя общая картина бытования, хранения и исполнения фольклора.

Традиционная народная поэзия живет сегодня в Лешуконском и Мезенском районах неодинаковой жизнью. Из Мезенского района она исчезает быстрее. <...> Существенно иначе стала выглядеть и картина жизни отдельных жанров.

Одни из них оказались полностью вытесненными новой культурой. Поблекли <...> заговоры и многие бытовые обряды и пережитки культового и фольклорного характера; почти начисто исчезла память о духовных стихах. <...> Древний обряд свадьбы утратил весь свой традиционный трагический элемент и сохранил лишь веселые и радостные моменты, которые вошли в празднование колхозной свадьбы. В некоторых случаях снизился возраст исполнителей и аудитории; так, например, в мезенских деревнях широко бытуют сказки, но и состав репертуара, и манера исполнения их заметно изменились. Мастеров-сказочников, слушать которых собирались бы все возрасты, как это бывало когда-то, сегодня на Мезени не найти. Сказка стала предметом забавы детей младшего возраста в будничном домашнем исполнении матерей и бабушек, как правило не обладающих ни особо большим репертуаром, ни особо выдающимися исполнительскими данными. Снизила свой возраст и аудитория загадки: по-прежнему красочная и яркая, загадка в основном живет на Мезени среди школьного возраста <...>.

Наконец, целые разделы традиционного фольклора продолжают жить в иной бытовой обстановке. Так, хотя характер старых молодежных «посидок» с девичьими рукоделиями и с «припеванием женихов» сегодня совершенно изменился и «посидки» заменились играми и танцами в клубе, излюбленные игровые величальные «припевки» и плясовые песни <...> продолжают развлекать молодежь попеременно с репертуаром радиолы и городскими танцами.

По-прежнему украшают повседневную образную и красочную речь мезенцев традиционная пословица и поговорка; <...> не исчезают из памяти и многочисленные легенды и предания, связанные со многими местными угорами, ручьями, камнями, деревьями и другими местами, почему-либо отмеченными в свое время народной фантазией. <...>

Основная разница между районами наблюдается сегодня не в составе репертуара, а в манере музыкального исполнения, которая в Лешуконском и в Мезенском районах имеет некоторые различия. По словам исполнителей, одну и ту же песню в Лешуконье поют «медленно», «проголосно», а в низовьях реки — «круто», «часто», «заворачивают». Это иногда мешает певцам разных районов петь при встречах вместе. По различию исполнительской манеры местные жители намечают примерно те же границы (от Родомы до Азаполя и от Кузьмина Городка до Каменки и города Мезени), которые определены и административным делением. Вместе с тем заметна и другая разница в певческой культуре мезенцев, очевидно уже более нового происхождения: в Лешуконье, где традиционная песня хранится преимущественно в семье и в неофициальных маленьких хорах любителей старинной песни, ощущается более глубокое развитие именно народного многоголосия; в Мезенском же районе, где хоровые коллективы возникают в основном при клубах, в порядке организованной художественной самодеятельности, многоголосие возникает сегодня уже на другой основе — в результате ознакомления певцов с многоголосием профессиональной вокальной музыки. Однако при наличии некоторой разницы в манере музыкального исполнения бытовое применение песен и общий состав их репертуара не имеют в разных районах тех глубоких различий, которые наблюдались в районах средней и нижней Печоры. Относительное несходство заметно лишь в репертуаре песен обрядовых, <...> поскольку каждый из двух районов Мезени когда-то имел свои этнографические особенности, более ярко выраженные в прошлом и сглаженные <...> общей системой нового колхозного хозяйства и быта. При этом <...> обрядовые песни верхней и средней Мезени ближе к обрядовым песням средней Печоры, а обрядовые песни нижнего течения Мезени — к репертуару нижней Печоры. Это, вероятно, в значительной мере объясняется тем, что в старину существовали постоянные зимние тракты именно в этих направлениях, соединявшие Лешуконье с Усть-Цильмой, а город Мезень с низовьями Печоры.⁵ С другой стороны, можно отметить, что мезенские обрядовые песни (особенно — в цикле свадебных) перекликаются с пинежскими —

⁵ Возможно также, что каждая из двух волн колонизации — новгородской и московской, шедших несколько различными путями и давших такую ощутимую разницу в бытовом и фольклорном укладе Печоры, в какой-то мере оставила свои следы и в двух разных районах Мезени.

опять-таки с теми районами Пинеги, которые были издавна связаны с Мезенью путями через тайболу. Что же касается песен внеобрядовых лирических, то, поскольку они свободно перемещались с места на место, не связанные никакими бытовыми условностями, репертуар их в различных мезенских деревнях очень сходен. (...)

Общий репертуар традиционной крестьянской бытовой песни на Мезени складывается сегодня из ряда классических песенных жанров. Он включает в себя как внеобрядовую лирику с ее разновидностями песен протяжных («долгих», «прогольных») и частых («веселых», «плясовых», «шуточных», «на смех»), так и песни, связанные в быту старой деревни с различными формами обрядов, праздников и развлечений. В результате общего изменения экономического и культурного уклада, изменений календаря старых крестьянских праздников и постепенного роста цивилизации в некогда глухих деревнях прежние строгое прикрепление этих «ранешных», «бывалошных» (т. е. старинных) песен к тем или иным бытовым моментам мало-помалу стиралось, и в наши дни нередки случаи, когда бывшие игровые или величальные песни, отодравшись от своих прежних обрядовых форм бытования, переходят в репертуар внеобрядовых лирических и поются за работой, на отдыхе, на гулянье или за столом. Те протяжные лирические, которые и прежде не были связаны с обрядом, но по традиции исполнялись одни — на масленичных гулянках, другие — в девичьих весенних хороводах, третьи — за столами на «петровщину», четвертые — «расхожие» — при хождении в праздник по улицам, — сегодня с изменением трудового и праздничного календаря совсем потеряли это условное прикрепление и стали петься попеременно наряду с другими лирическими песнями.

Быт мезенских деревень глубоко пропитан традиционной песней, которая известна не только старшему и среднему возрастам, перешагнувшим на пятый десяток, но нередко и 20—25-летним. Обследование, проведенное экспедициями ИРЛИ в 1958 и 1961 гг. и охватившее все течение русской Мезени от Родомы до Каменки, показало, что крепче и распространеннее других традиционных жанров сегодня всюду держится внеобрядовая лирическая песня, в первую очередь с ее классической тематикой любовных отношений и семейного уклада, а затем — в порядке воспоминаний — с тематикой социальной борьбы в старой России: рекрутства, тюрьмы и солдатства. Эти последние песни, рассказывающие о грустных проводах, тяжести разлуки, военной опасности и гибели вдали от родины («Отъезжает милый, оставляет», «Уж ты поле мое, поле чистое», «Горы Воробьевские», «Ты не вейся, черный ворон», «Невеселая беседушка» с концовкой о муже, не вернувшемся домой с войны), на какой-то период с новой силой вспыхнули было в памяти населения и выдвинулись в его репертуаре в годы Великой Отечественной войны, но затем интерес к ним постепенно снова угас.

Протяжные лирические песни, собранные экспедициями ИРЛИ, (...) по своему составу представляют пеструю картину. В основе (...) лежит пласт очень старых песен (типа «Уж мы сядем, ребята, во единый круг», «Не ясен сокол», «Все люди живут, как цветы цветут», «Между речками, между быстрыма», «Соловей кукушку уговаривал» и т. п.). Здесь среди песен общеизвестных и много раз встречавшихся собирателям было обнаружено и некоторое количество таких, которые, относясь, несомненно, к старейшему русскому народному песенному репертуару, до сих пор были, по-видимому, или совсем неизвестны, или очень редко встречались в печати. Таковы песни «Эй, нападает росынька с раннего вечера», «Горемычная кокушка» и некоторые другие, записанные от наиболее пожилых и «певких» мезенских певцов. Старых песен литературного происхождения среди традиционных протяжных песен на Мезени, по-видимому, всегда было немного. Но городской романс начала XX в., до сих пор встречающийся в обиходе некоторых городских кругов, значительно продвинулся за последние десятилетия в глубь мезенских деревень: в 1920-х годах его было здесь значительно меньше. Вместе с тем лирический репертуар мезенской молодежи естественно пополнился за последнее время рядом популярных массовых советских песен («Катюша», «И кто его знает», «Родина слышит» и др.), которые хорошо уживаются здесь рядом с традиционными веселыми приплясками и любовной лирикой.

Несколько особую группу в общем репертуаре мезенских протяжных песен составляют песни исторические — о сынке Степана Разина, о Платове, о смерти Александра I и т. п., которые по своему музыкаль-

но-поэтическому языку и системе повествования близко примыкают к традиционным лирическим песням лиро-эпического характера. Песни эти, как правило, имеются преимущественно в репертуаре отдельных стариков, чаще всего — бывших солдат, которые, кроме того, нередко знают старинные солдатские — походные и лирические рекрутские песни. Как и многие протяжные лирические, исторические песни на Мезени в большинстве дают хорошие, цельные варианты известных и часто встречающихся собирателям песен. Особо редкой и почти неизвестной в записях советского времени является песня о Кутузове («Заплакала Россиюшка от француза», которая и на самой Мезени считается очень старой и известна лишь некоторым старикам).

Рядом с лирическими протяжными в мезенском репертуаре имеется много лирических «частых», существенно отличающихся от протяжных как <...> особенностями своей формы (ритмикой, системой рифмовки и т. п.), так и общей системой своей тематики и поэтики. Целые десятки их в прежнее время употреблялись на Мезени в качестве аккомпанемента к пляскам. Как и всюду в крестьянской среде, основной характерной чертой «частых» лирических песен был их стиховой размер и ритм (стих «камаринской» или четырехстопный хорей), нередко с паузами, стяжениями и другими ритмическими узорами, обусловленными характером пляски. По традиции ритмическая структура частых плясовых преобладала над семантической стороной песни, и нередко, подчиняясь четкому, увлекающему ритму, в песню вплетались образы, никак не вязавшиеся с обстановкой веселья и разгула. Так, среди плясовых на Мезени имеются песни с сюжетами о рекрутчине, о солдатчине, о жене разбойника, стирающей окровавленное платье родного брата, убитого ее мужем, песня XVIII в. «Как пошла наша Параня», кончающаяся убийством девушки, и т. п. Песни эти сопровождали разные типы пляски — русскую, кадрили, «колесо», «улку».

Другие «частые» («Прялица-кокорица моя», «Сени», «Я посею конопелку», «У Егорья на дворе», «Ночь ты, ночь моя») искони исполнялись при различных формах орнаментального движения по избе (ходьбе с приплясом, с притоптыванием, с завиванием цепи, «утушкой», «кривульками» и т. п.) и были к ним прочно прикреплены вековой традицией. Наконец, третьи «частые» — юмористические, сатирические — пелись за праздничным столом, на гуляньях, на беседах и носили наименование «веселых», «песенок на смех». Они представляли собой веселые бойкие «компанийные» песни (типа «Кума к кумушке ходила», «И простучало, пробренчало», «Казачиха полем ехала» и др.). Среди них имелись редкие неизвестные или малоизвестные в других районах, а также и специфически мезенские «песни-самоскладки» с шуточными характеристиками местных деревень:

Горе — Смоленец,	Не проедешь, не пройдешь
Беда — Погорелец,	Мимо Русомы,
Пылема — воровка,	Забегаеть, выбегаеть
Усть-Вашка — колотовка,	В грязну Чулосу,
Тараканья дыра —	Расфорсиса деревнюшка
Каращелье,	Мала Резенька...

и т. д. Иногда «самоскладка» перебирала по именам и персонально жителей той или иной деревни:

У Назара-то крупа,	Да женка ходит не бело...
У его женка крута...	У Николая-то солома,
У Степана помело,	У его жена — кулёма...

и т. д. Традиция таких песен, издавна известная в русском фольклоре,⁶ в настоящее время сохранилась только в отдельных районах.

Различия в бытовом употреблении всех этих типов «частых» лирических песен стираются с каждым годом. Если прежде деревня строго следила за тем, чтобы «кадрельная» не спуталась с «заюшкой», а

⁶ См.: Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. СПб., 1902. Т. 7. № 378—384.

«утушкова» с «кривулишной»), то теперь очень многие из бывших плясовых и прогулочных продолжают жить и звучать на мезенских праздниках в общей массе, просто в качестве веселых «компанийных» и застольных. Танцы происходят под баян или балалайку (иногда и под радиолу), а традиция фигурных хождений по избе вообще вымирает сегодня и хранится лишь в репертуаре особо памятливых и веселых старух-забавниц, которые иной раз, вспомнив молодость, лихо пройдутся по избе «кривульками» или «утушкой» к общему хохоту присутствующих. В репертуар «частых» застольных постепенно входят и наиболее веселые и бойкие из тех игровых и вечериночных песен, которые уже оторвались от прежней обрядности своего разыгрывания и поются в качестве «просто веселых» лирических песен. Среди таких бывших игровых, переставших разыгрываться, — «Красна девица капустоньку полола», «У людей мужовья молодые», «Загорел лужок зеленешенек», «Вдоль было по травоньке», «Что за речкой было за Неважкой» и ряд других известных традиционных игровых песен. Интересно отметить, что на Мезени была найдена и «частая» песня из частушечных куплетов («Голубочек сизенький», запись 1961 г. в деревне Белошелье), существующих параллельно с песней и в качестве отдельных частушек.

Вообще можно утверждать, что игровые песни на современной Мезени переживают явно переломный этап своего существования. Прежний традиционный игровой репертуар начал здесь отмирать уже несколько десятков лет назад в связи с новой системой молодежных развлечений; возникновение клубов, появление кино, распространение городских танцев — все это уводило молодежь от «досюльных» игрищ и вечеринок. Еще в конце 1920-х гг. в некоторых мезенских деревнях можно было увидеть на весенних лугах хороводные игры в «заиньку», «капустку», «селезня» и др. К началу 1960-х гг. эти игры из быта колхозов исчезли. Но многие сопровождавшие их игровые песни пока еще довольно хорошо помнятся населением. Они (...) поются без разыгрывания наряду с лирическими «частыми».

Бывшие игровые песни, собранные экспедициями ИРЛИ в 1958 и 1961 гг., говорят о разнообразии игровых типов в прежнем мезенском репертуаре. Тут и «наборные», служившие для сбора играющих в цепь или хоровод («Ходит куна по бору», «Уж вы паны»), и игровые песни на сельскохозяйственную тематику, и песни игрового животноводческого цикла («Селезень») и, наконец, песни с тематикой бытовых семейных отношений («Вью я вьюн»). Все они принадлежат к русской народной игровой классике и в большинстве случаев представляют собой полноценные варианты известных игровых песен. Некоторые (например, «Заскочил козел в огородец») по старым записям в таком тексте неизвестны. Утратив интерес к старым играм в быту, мезенцы тем не менее подробно рассказывают о том, как разыгрывалась прежде та или иная песня, в какое время года и в какие календарные моменты ее исполняли, показывают расположение играющих на лугу, — словом, в памяти не только старшего, но и среднего поколения весь традиционный игровой мезенский цикл еще живет очень отчетливо. Особенно охотно вспоминаются и воспроизводятся не сюжетные игры, а разнообразные шуточные фигурные хождения «колесом», «цепочкой» и т. п. — когда-то излюбленные развлечения нынешнего старшего поколения. Ни детям, ни подросткам они сегодня не известны. Молодежь знает сегодня вообще мало старых игр. Только в детской среде еще хранятся некоторые «досюльные» игры с традиционными песнями.

Песни величальные были издавна представлены на Мезени молодежными вечериночными «припевками», святочными «виноградиями» и величаниями свадебного цикла.

Вечериночные «припевки» — небольшие песенки, воспевавшие молодую пару, «припевавшие» (отсюда их название) девушкам женихов, а парням — невест. Их содержание было обычно несложно и заключало в себе описание какой-нибудь бытовой сценки (совместной прогулки, угощения, описание наряда, любования собою в зеркале и т. п.), а поэтика расцвечивалась нарядными образами, символизирующими красоту, счастье, богатство, свойственными вообще народной величальной песне. Обязательным для «припевки» было упоминание в тексте обоих имен тех лиц, к которым она была обращена. С исчезновением «посидок», этой старинной формы молодежных крестьянских зимних собраний, и переносом вечеринок в клуб «припевки» утратили свою прежнюю бытовую роль; наиболее популярные пере-

шли в репертуар лирических «частых» («компаньишных») и, сохраняя необычно устойчивый текст, стали петься на праздниках и гуляньях; остальные постепенно забылись. Эти песенки, характерные для старых «посидок» именно Северного края, как правило, всегда носили в разных районах импровизационный характер. {...}

Величания, известные под названием «виноградин», получили свое наименование за припев — «виноградие красно-зеленое», повторявшийся в них через каждую строчку на протяжении всего текста. Эти длинные величальные песни с образами полуэпического характера и медленным, величавым, монотонным напевом, мелодия которого не шла дальше одной повторяющейся строки, не встречались собирателям почти нигде, кроме районов Русского Севера. Там они были впервые записаны Н. Е. Ончуковым⁷ и затем многократно — экспедициями ленинградских фольклористов в 1928, 1929, 1958 и 1961 гг. «Виноградия» пелись колядовщиками по избам в сочельник и под Новый год. Соответственно разному составу величальных семейств имелись разные тексты «виноградин». «Виноградие девье» воспевало девушку-невесту, которая изображалась искусной рукодельницей, сидевшей в «белобархатном» шатре за пядьцами и вышивавшей причудливые сказочные узоры на «белобархатном» же полотне; «виноградие холостое» посвящалось молодому парню в возрасте жениха и описывало его в облике красавца охотника, отправляющегося на поиски лебеди-невесты; «виноградие бездетное» пелось женатой паре, еще не успевшей обзавестись потомством; в нем славилось богатство и взаимная любовь молодоженов; «виноградие семейное» воспевало счастливых родителей, окруженных детьми в доме, полном благополучия, изобилия и счастья. По традиции всех народных величальных песен художественные образы мезенских «виноградин» отличались необычайной пышностью и нарядностью: драгоценные камни, золото, серебро и жемчуга, меха и ценные ткани, изделия из дорогой моржовой кости («рыбьего зуба») соединялись здесь в ослепительные красочные узоры.

Традиция исполнять «виноградия», долго и крепко державшаяся на старом Севере, с 1920-х гг. стала заметно и быстро падать. Тем не менее самые тексты их прочно хранятся в памяти населения до наших дней с необычайной устойчивостью. Записи 1961 г. в ряде случаев оказались не только не беднее, а, наоборот, полнее и длиннее текстов, записанных прежде. Но, конечно, знают «виноградия» сегодня уже только особо «певкие» старухи и отдельные женщины среднего возраста. Из живого быта современных мезенских колхозов они ушли совершенно.

Величальные свадебные составляют на Мезени, как и всюду в русских деревнях, часть обширного свадебного словесно-музыкального фольклора, в состав которого искони входили песни лирические «протяжные» (типа плачей), лирические «частые» (плясовые), причитания, загадки, приговоры дружки и пр. В настоящее время из всего этого материала в быту, кроме свадебных-плясовых, встречаются только песни-величания. Их поют в честь молодых, их родителей и родни, в честь почетных гостей на пиру. Ими провожают и встречают новобрачных после регистрации в загсе. Песни эти, как большинство обрядовых песен, сохранившихся в колхозном быту Мезени, обладают устойчивыми текстами, которым традиционность бытового применения и строгие рамки обрядового напева помогли спасти исконную цельность и стройность. Среди этих песен есть еще не известные в печати («Из горы было из рая ли»), есть и другие — известные с XVIII в. («Не тесан терем, не скоблен»), есть и очень редкие («На заструге купались Ивановы бояра»). Говоря о свадебных величаниях, сохранившихся в быту современной Мезени, следует упомянуть о судьбе местного свадебного обряда в целом. Когда-то очень развитой и разработанный, тянувшийся неделю и дольше, разукрашенный множеством сольных и хоровых причитаний, обрядовых присказок, примет и заклинаний, сегодня он распался совершенно. От него остались только обряд проводов (в загс), сопровождаемый некоторыми из традиционных песен (при отъезде молодых — «Отлетает мой соколик», при возвращении — «Отставала лебедушка»), и свадебный пир, проходящий в искреннем и дружном веселье. Об обрядах и песнях прежней предсвадебной недели, с ее рукобитьем, девичником,

⁷ См.: Ончуков Н. Печорские стихи и песни. СПб., 1908. № 3. С. 21—25.

расплетанием косы и обрядовой баней, вспоминают как о далеком прошлом только старухи и женщины не моложе 40—45 лет. Песни, связанные с этими отмершими моментами, хранятся в их памяти, но в быту уже давно не звучат. Точно так же забыто и многое происходившее на самом свадебном пиру. Уже почти никто не помнит о выходе дружки, который являлся перед пирующими с приговорами и начинал:

Здравствуйте, честные господа.
 Я прибыл сюда.
 За кого вы меня знаете, за кого почитаете?
 За царя русского или за короля французского?
 Я не есть царь русский, не король французский:
 Я есть могучий царь Максимилиан,
 Победитель всех дальних стран!⁸

Обрядовая припевка «Тетёра на стол прилетела, молодушка спать захотела», певшаяся в конце пира и служившая сигналом к отправке молодых в клеть, в наши дни исполняется как вечериночная и встречена даже в составе детского фольклора. О хоровых свадебных причитаниях, составлявших прежде значительную и очень красочную деталь местного обряда, старожилы вспоминают и сегодня с увлечением, восхищаясь их красотой. Лирические песни, по традиции входившие в обряд, ⟨...⟩ поются в разных районах неравномерно: меньше всего оказалось известно их в 1961 г. в верховьях реки. Экспедиция этого года едва нашла в Вождогах одну песню («Тут бежала карета»). По мере продвижения вниз, к Лешуконскому, в деревнях Лебское, Усть-Низема и других постепенно были записаны «Хитер да мудер», «Поливайте-ка, девушки», «Во горнице стол стоит», «Уж вы соколы», «Что во марте было месяце», «Отставала лебедушка» и некоторые другие из прежнего обширного местного репертуара свадебной лирики. В деревнях от Лешуконского вниз до Каменки все эти песни и многие другие еще в 1958 г. помнились значительно лучше.

Это более быстрое исчезновение традиционного фольклора из районов верхнего (прежде — более консервативного) района реки может быть, по-видимому, объяснено тем, что в наши дни этот район — в связи с ростом лесных разработок и наплывом приезжих людей — живет более напряженной и интенсивной жизнью, чем деревни средней и нижней Мезени, где (за исключением Каменки) нет такого постоянного притока свежих людских сил, новых впечатлений и неустанного воздействия городской культуры.

Что касается песен заклинательного календарного характера, распространенных прежде в земледельческой полосе старой России (веснянок, масленичных, купальских, жнивных и т. п.), то, кроме небольших колядок, встречавшихся с одним и тем же текстом в разных деревнях, других песен этого типа на Мезени найти не удалось. О них ничего не могли сказать даже самые древние и памятливые старожилы. Судя по общей картине местной экономики и быта, этих песен, вероятно, действительно и прежде тут не бывало.

Несколько маленьких колыбельных ⟨...⟩ не выходят из традиционных рамок этого общерусского жанра. Как и в других местностях, они представляют собой несложные импровизации с типичными для «баек» образами домашних животных, домашней работы и т. п.

Для обрисовки движения репертуара и того пути, которым тексты мезенских традиционных песен пришли к своему нынешнему состоянию, имеются записи: 1) сделанные около ста тридцати лет назад корреспондентами П. В. Киреевского и опубликованные в «Новой серии» его «Песен» и 2) ленинградской экспедиции Государственного института истории искусств, сделанные в 1928 г., а также отдельные эпизодические публикации в периодике и других изданиях. ⟨...⟩

При сравнении материалов 1958 и 1961 гг. с материалами корреспондентов Киреевского прежде всего выясняется, что общее количество записей нашего времени на Мезени гораздо больше, жанры разнообраз-

⁸ При этом никаких следов того, что здесь когда бы то ни было разыгрывали «Царя Максимилиана», в памяти исполнителей не было.

нее, картина бытования значительно более отчетлива и ясна. Все это, естественно, объясняется иными научными задачами, иной организацией полевой работы, иной ее методикой, иной техникой записи, которые отличают собирателей-фольклористов советского времени от их предшественников 1830-х гг. Ясно, что в руках Киреевского была только очень незначительная и случайная часть песен, бытовавших на Мезени в первой половине XIX в. Однако в «Новой серии» его «Песен» имеются некоторые тексты («Кто у нас в горнице холост, неженат», № 22; «Чарочка моя серебряная», № 1188; «Летит, летит воробейшко», № 1189; «В воскресенье видел сударыню свою», № 1191; «Летит птица, летит птица», № 1207; «На улице мужик со росою сидит», № 1215; «Уж я по полу хожу ходуницею», № 1237, и ряд других), которые позднее, несмотря на тщательное обследование всех мезенских деревень подряд, собиратели ни в 1928, ни в 1958, ни в 1961 г. не встретили. (...) Но в целом традиционный мезенский песенный репертуар, по-видимому, за это время претерпел не так много изменений. Вместе с тем во многих случаях обращает на себя внимание и удивительная устойчивость отдельных текстов внутри таких традиционных жанров, как песни лирические «протяжные», игровые, величальные. Такие песни, как «Мимо Москвы проезжали»,⁹ «По лугу, лугу разливалась вода»,¹⁰ «Не ясен-то ли сокол»,¹¹ «Полно, солнышко, из-за лесу светить»¹² и ряд других, очень близки друг к другу, а некоторые — «Ходит куна по двору»,¹³ «Соловейко молодой»,¹⁴ «Что ты, что ты, сине море»¹⁵ — совпадают со старыми записями через сто с лишним лет почти дословно. Песни «Распечально девье сердце»,¹⁶ «Размолоденькие вы молодчики»,¹⁷ «Сохнет, вянет в поле травка»,¹⁸ «Из-за лесу, лесу темного»¹⁹ хотя утрачивают в новых записях отдельные строки (обычно — в конце песни) или обнаруживают со второй части текста некоторые расхождения, но в основном корпусе разночтений с записями XX в. почти не имеют. Другие записи нашего времени при сравнении с записями 30-х гг. XIX в. имеют варианты, причем далеко не всегда (...) более старые оказываются лучше новых. Действительно, ряд песен, записанных в 1958 и 1961 гг., оказался короче и беднее образами, чем у корреспондентов Киреевского. Таковы тексты «По сеничкам, сеничкам», «В сентябре во первом месяце», «Много, много у сыра дуба», «Уж ты свет наша обманщица», «Еще во саду, саду». Здесь при новой записи выпадали зачины, отдельные строки, описания, сравнения:

У меня жена умная,	Да у меня жена умная,
У меня жена разумная,	У меня жена разумная...
У ней походка павиная,	(ПФМ № 173).
Тиха речь лебединая,	
Она ходит тихошенько,	
Говорит по-малешеньку,	
Брови — черного соболя,	
Очи — ясного сокола.	
(Кир., № 10).	

⁹ Кир., № 1258.

¹⁰ Кир., № 1209, в «Песенном фольклоре Мезени» (далее ПФМ) № 131.

¹¹ Кир., № 1262, ПФМ № 66 и 66а.

¹² Кир., № 1265, ПФМ № 62.

¹³ Кир., № 1214, ПФМ № 138.

¹⁴ Кир., № 1268, ПФМ № 29.

¹⁵ Кир., № 25, ПФМ № 153.

¹⁶ Кир., № 1251, ПФМ № 81.

¹⁷ Кир., № 1271.

¹⁸ Кир., № 1273, ПФМ № 55.

¹⁹ Кир., № 1255, ПФМ № 31.

Или:

Что не павушка плавала,
 Не павино перье ронила,
 Не куна жалобилася
 И не ясному соколу,
 И не черному соболю.
 Жалобилась и плакала
 Сестра брату милому.
 (Кир., № 12).

Да тут не павонька плавала.
 Да не пава перья ронила,
 Да тут сестра брату жалилась.
 (ПФМ № 168).

Или:

Я сего году нейду замуж,
 На новой год не думаю идти
 Не за князя-боярина,
 Не за гостя торгового,
 Не за купца здешнего города,
 Не за крестьянина богатого,
 Не за молодца тароватого.
 (Кир., № 29).

Да я сего году нейду взамуж,
 Да я нейду, нейду, не думаю идти.
 (ПФМ № 175).

⟨...⟩ Примеры текстовых сокращений относятся в основном к песням свадебным лирическим и к свадебным величальным. В отдельных случаях наблюдаются и сокращения лирических протяжных, — так, несколько короче стал текст песни «По дорожке да по широкие»²⁰ и некоторых других. Но наряду с этим во многих записях 1958 и 1961 гг. тексты более полны, отдельные образы лучше развиты, украшены большим количеством подробностей.

Уж я был-то, побывал, был я
 во диких степях,
 Во диких-то степях, степях
 во Саратовских.
 (Кир., № 1266).

Ах, да я бывал-то, ворон, летал...
 по темным лесам...
 Ох да по темным лесам летал...
 летал по сырým борам...
 Ах, да по сырým борам летал...
 летал по грубым ручьям...
 Ах, да по грубым ручьям летал...
 летал по черным грязям.
 (ПФМ № 59).

Или:

Еще ходит, гуляет сам млад князь:
 Он часто ко терему привертывает,
 Под окошечком часто колотится,
 У Анны тайно выпрашивает.
 (Кир., № 23).

Да еще да молод князь, еще
 Федор Иванович...
 Да он куницами, лисицами
 овешался — идет...
 Он черным соболем подпоясался —
 идет...
 Да он ведь часто ко терему
 привертывает...

²⁰ Кир., № 1275, ПФМ № 15.

Да того чаще к околенке
припадывает...
Да у Оксеньюшки таенку
выспрашивает.
(ПФМ № 177).

Или:

Прими чару от меня,
Выпей златую всю до дна,
Спороди сына-сокола.
(Кир., № 11).

Дойди, радость, до стола, до стола.
Выпей чару от меня, от меня,
Золотую всю до дна, до дна,
В этой чары все добро, добро,
Роди сына-сокола.
(ПФМ № 155).

Или:

Конь ведра не пьет,
Воды не льет,
Золотой уздой побрякивает,
Стременами пошевеливает.
(Кир., № 1234).

Да конь воды не пьет...
С берега конь от воды нейдет...
Конь головушкой накачивает...
Стременами нашевеливает...
Стремена были золочены...
Подпруги полушелковые...
Тут седельшко ковано...
(ПФМ № 92).

Или:

Рассекли рябинушку начетверо,
Сделали из рябинушки гусельцы.
(Кир., № 1192).

Да секли рябинушку начетверо,
Да сделали гусельцы звончатые,
Гусли звончатые да колокольчатые.
(ПФМ, 1928 г.).

Значительно более полные тексты в записях нашего времени дают мезенские песни «Уж ты молодость моя, молодость»,²¹ «Куревушка, курева»,²² «Улка ты, улка моя»,²³ «Под яблонью олень»²⁴ и ряд других. Более полные и развитые тексты в новых записях имеют песни свадебные величальные «Долго-подолго сокол не бывал», «Во горнице во новой», «Дымно, дымно в поле».

Вряд ли все эти улучшения в текстах, записанных в наши дни, развились за истекшие 120—150 лет. Вероятно, и во времена Киреевского песни эти жили на Мезени не в одном, а в нескольких вариантах, звучали по-разному в устах различных исполнителей, и только в силу случайности корреспонденты Киреевского нашли не самые лучшие из этих вариантов. С другой стороны, и те ухудшения текстов, которые отмечаются в ряде современных записей, не всегда говорят о падении песни, поскольку утраты отдельных стихов, изменения зачинов, расхождения в окончаниях и т. п. вполне закономерны на историческом пути традиционной песни и нередко возмещаются другими качествами: более углубленной лиричностью, разви-

²¹ Кир., № 1247, ПФМ № 65а.

²² Кир., № 1201, ПФМ № 105.

²³ Кир., № 1205, ПФМ № 99.

²⁴ Кир., № 1242, ПФМ № 148.

тием отдельных поэтических образов, возникающих в песне в результате ее постепенного оттачивания исполнителями. (...)

В целом репертуар показал очень большую устойчивость и сопротивляемость влиянию времени. К сожалению, незначительное количество мезенских записей у Киреевского, — (...) 114 номеров, не дает возможности провести текстологическое сопоставление на более широком материале.

На следующей ступени сравнения записи 1958 и 1961 гг. могут быть сопоставлены с записями 1928 г. Здесь материала значительно больше, так как каждая из этих трех экспедиций дала свыше 300 песенных текстов. Тот факт, что записи 1928 и 1961 гг. были сделаны в одних и тех же деревнях с промежутками в тридцать с лишним лет, представляется особо ценным для исследователя. При таком условии картина исторической жизни традиционной песни в любом районе должна обрисоваться особенно наглядно.

Общий состав репертуара и тут удивляет своей устойчивостью и малой подвижностью. За исключением особо редких песен, ушедших за эти три десятилетия из жизни вместе со своими престарелыми исполнителями, массовый репертуар мезенской бытовой песни (и в первую очередь песни протяжной лирической) хорошо сохранился в памяти населения. Это говорит о прочной песенной традиции, еще далеко не расшатанной и не разрушенной новыми культурными наслоениями. В тех случаях, когда какая-нибудь песня забывалась и не могла быть полностью спета, исполнители обычно помнили ее общее содержание, зачин, условия ее бытования, прикрепленность к тому или иному бытовому или обрядовому моменту. Но целые десятки традиционных песен (особенно лирических) естественно и непринужденно живут сегодня в быту мезенских колхозов и исполняются, как и прежде, при самых разнообразных бытовых условиях.²⁵ Естественно, истекшие тридцать лет не могли не внести своих изменений как в общий репертуар, так и в тексты отдельных песен. Наряду с песнями популярными и часто исполняемыми на Мезени имеются и другие, существование которых клонится к очевидному упадку, при исполнении этих песен певцы начинают их путать, не допевают до конца, пропускают отдельные строки и комплексы строк.²⁶ Но и те песни, которые пользуются популярностью и живут прочно в репертуаре деревень, на протяжении истекших тридцати лет в ряде случаев не сохранили полной неприкосновенности своих текстов.

Сравнение записей 1928 и 1958—1961 гг. показывает, что меньше всего изменений обнаруживается в таких монументальных обрядовых песнях, как величальные святочные «виноградия»; через три десятка лет они оказываются дословно близкими друг к другу. Подобная устойчивость объясняется реликтовым характером этих величаний. Если в 1920-х гг. они еще исполнялись в быту, — теперь население забывает их, и «виноградия» медленно исчезают из памяти даже стариков, сохраняя до последних дней своего существования окаменевшую обрядовую чинность, строгость и неразрушенную стройную поэтику. В 1958—1961 гг. в живом бытовании (...) они уже не встречались. Однако наряду с «виноградиями» устойчивые, почти ни в чем не изменившиеся тексты оказались и у некоторых свадебных величаний как лирического, так и шуточного характера, а также у ряда традиционных и лирических песен.

²⁵ Среди них — «Соловешко, парень молодой», «Лучше бы я, девушка, у батюшки жила», «Что на горке, на пригорке», «Ты березонька», «Снежки белые», «Нам не для чего в люди торопиться», «Размолоденькие молодчики», «Сидела Катюшенька день до вечера одна», «Полно, солнышко, из-за лесу светить», «Уж ты гуленька», «Между речками, между быстрыма», «Экой Ваня», «Как вечер тоска напала», «Прялица-кокорница», «Молодка молоденькая», «Во пиру была», «Теща для зятя пирог пекла», «Не нападывай, пороша», «Уж ты тропка, тропинка моя», «Алешенька, парень хорошенький» и десятки других, популярных во всех деревнях и среди различных возрастов.

²⁶ Таковы, например, песни XVIII в. «Все люди живут, как цветы цветут», «Калина со малиной не во время расцвела» (в которой певцами начинают спутываться два известных традиционных варианта — о дочери, насильственно отданной в замужество, и о сыне, взятом в рекруты), «Полюбил-то парень девушку», «Шел Иванушка долиною», «Возле речки, возле моста», «Травка, муравка, зеленый лужок», «Из-под ножечек трава», «У Горьевых у ворот» и ряд других.

Рядом с песнями, тексты которых своей устойчивостью пока еще упорно противостоят влиянию времени, существуют десятки других, которые в записях 1958 и 1961 гг. дают существенные разночтения с записями 1928 г. Некоторые из них явно стали короче и беднее образами (см., например, песню «„Отлетаюшко” песенку запоем»); в других оказалась нарушена композиция и утрачена композиционная четкость; в некоторых текстах более старые записи богаче звукописью, которая через тридцать лет утрачивается.

Как и при сравнении с записями 1830-х гг., имеется ряд песен, где наиболее заметные расхождения относятся ко второй половине и к окончаниям текстов («Нам не для чего в люди торопиться, позариться», «Зелено вино в кармашке», «Как во далече, далече во чистом поле», «Соколы ли вы, соколы» и др.).²⁷

Но, как было и при сравнении новых записей с мезенскими материалами корреспондентов Киреевского, эти новые тексты в ряде случаев дают и более подробные, и художественно полноценные варианты. Таковы лирические протяжные «Склался, собрался мой-от миленький во котомочку», «Ты пролей, пролей да частый мелкий дождик», «Не бушуйте-тось, да ветры буйные» и др. В некоторых песнях при общей устойчивости текста новые записи дают более развитые лирические образы:

На ровном местечке, на скатерти,
Тут стоял-то, стоял
бел полотняной шатер,
Белый бархатный,
Что во этом во шатре стоит
стол дубовой.

(Рукоп. отд. ИРЛИ,
р. V, кол. 5, п. 6, № 141).

Как во далече, далече во чистом
во поле...

Да на окатинке, да на окраинке...
Да там стояла береза-то
белокудрёвая,

Да белокудрёвая да русокудревата.

Да как под этой под березой
бел полотняной шатер,

Да как во этом во шатри
да стоял столлик дубовой.

(ПФМ № 183д).

Или:

Да ото сну ли молодец
да пробуждается,
Ключевой водой да умывается,
Шитым браным полотенцем
утирается.

(Рукоп. отд. ИРЛИ,
р. V, кол. 5, п. 7д, № 87).

Молодец ото сну да пробуждается,
Со тесовой кровати опускается,
Да он ключевой водой да умывается.
Тонким белым полотенцем утирается,
Он в козловы сапоги обряжается,
Он во светное платье снаряжается.

(ПФМ № 183г).

Таким образом, и здесь, как при сравнении записей середины XX в. с записями 1830-х гг., выясняется, что с течением времени развиваются и углубляются художественные образы преимущественно в лирических протяжных песнях (...) и утрачиваются и укорачиваются отдельные детали (...) в обрядовых, реже исполняемых и теряющих в настоящее время свою прежнюю бытовую роль.

В деле сохранения традиционной песни на Мезени значительную роль играет семейная традиция. Так как новая музыкальная культура проникает не во все деревни с достаточной глубиной и к тому же при этом на местах явно ощущается недостаток музыкальных руководителей, которые могли бы организовать работу с молодежью, девушки, прислушиваясь к пению бабушек и матерей, очень охотно разучивают старинные

²⁷ Варианты песен в записях 1928 г. см.: РО ИРЛИ, р. V, п. 6 и 7.

песни, многие из которых искренне привлекают их красотой своих напевов и поэтических образов. Семейная традиция — один из очевидных залогов дальнейшего существования традиционной песни на Мезени. Вместе с тем ни молодое, ни среднее поколение не чуждается песенной новизны, которая проникает в мезенские колхозы путем радио, кино, патефонов. Понравившиеся новые песни разучиваются и поются вперемежку со старыми.

Отдельных выдающихся исполнителей с особо обширным и устойчивым репертуаром на Мезени немного. Обычно это пожилые женщины, реже мужчины. Среди них — А. С. Уткина, руководительница вышедшего с Мезени «Лешуконского хора», Т. А. Орешкина в Каменке, Т. Н. Листова в Лешуконском, П. С. Юрьева в Дорогой Горе, А. Г. Власова в Кузьмино Городке, И. Н. Бутаков в Кильце. Репертуар их значительно обширнее, чем у их односельчан, память крепче хранит старинные художественные тексты, музыкальная одаренность сказывается во многих деталях исполнения. Такие особо примечательные певцы обычно собирают вокруг себя более или менее многочисленные певческие коллективы и становятся руководителями небольших, в полном смысле слова самодеятельных местных хоров народной песни. Подобные хоры с 10—12 участниками имеются во многих мезенских деревнях. Они состоят обычно из женщин старшего и среднего возраста, связанных между собой родством или добрососедскими отношениями, к которым нередко примыкает молодежь — дочери, внучки, племянницы и их подруги. В некоторых хорах встречается и по 2—3 мужских голоса. Такие маленькие певческие ансамбли в ряде деревень собираются уже по 15—20 лет подряд. Они ездят в праздники друг к другу в гости в ближние деревни, поют вместе, обмениваясь опытом и репертуаром, и, хотя такое пение происходит, как правило, в семейном кругу, без расчета на постороннюю аудиторию, аудитория всегда собирается под окнами. Тут можно услышать множество непосредственных высказываний и об отдельных песнях, и об их бытовании, и о манере местного исполнения.²⁸

(...) В Лешуконском районе, где вообще поют больше, чем в Мезенском, особо слаженные хоры имеются на реке Вашке в деревнях Кеба, Олема, Рёзя, Чулоса и вокруг Лешуконского — в Смоленце, Верхнем Березнике, Юrome, Родоме, Кысе, Койнасе, Лебском, Засулье. В самом Лешуконском регулярно собирается хор в 10—15 человек при местной конторе связи и хор народной песни при местном Доме культуры, состоящий из двух групп — среднего возраста и молодежи.²⁹ В репертуаре каждого хора, кроме лирических и величальных песен, имеется большое количество местных традиционных игр, хороводов и разнообразных фигурных плясок («ходят улкой», «пляшут звездочкой», водят «сосенку» и «утушку», играют «прялицу» и «веревочку» и т. п.).

²⁸ «Песня „Цвели-то, цвели цветики“ на ясаках больно баска»; «Дородно поется, хорошо; хороша эта песня»; «Надо бы еще этак, да этак, да еще перетянуть, да выводку другу сделать, а мы не можем, голоса-ти не те нонь»; «Тут по песне-то еще пойдет дорога-кривуля» (т. е. сложный напев); «У нас всяки-ти выкладки поют» (т. е. всякие песни есть); «Кружальны-ти больно круто поются»; «Прежде вот по этим частым песням и тренькали, плясали, а нонь девки по гармонии пляшут». «В каждой деревне свои завороты есть» (т. е. свои особенности напева); «Уж эти усть-вяжахи запоют, так загорланят»; «У девок визгу много, визганья» (про нижнюю Мезень); «Беда, как я не люблю, девки, как вы запоете»; «Мезенски песни не славятся, а лешуконские славятся»; «Мы сзади-то поем, а впереди у нас пути-то нету» (т. е. только подтягиваем, а сами запевать не умеем); «Мы бы с соседкой спели, как птица в саду, особливо если выпивши»; «Не одна вязанка песен прежь-то была»; «Эко мы наплели! Доколе еще плести-то, плетешить?»; «Как все песни до Ленинграда довезете? Не придется ли новый самолет заводить?»

²⁹ В его репертуаре традиционные песни: «Вечор девки вечериночку сидят», «Я с малешенька глупешенька была», «Во лузях», «Вдоль да по речке», «Отставала лебедушка», «Между речками, между быстрыма», «Уж я по луку гуляла», «Снежки белые», «Луговка луговая», «Не калинушка да с малинушкой», «Эко сердце», «Как у всех мужовья молодые», «Лучше бы я, девушка, у батюшка жила», «Весной девушки по лужку гулялн» и др. Пляски и хороводы идут под песни «Зелено вино в кармашке», «Как у нашего двора была укатана гора», «Из-за лесу, из-за гор», «Не расти, верба, во ржи».

В 1935 г. мезенский старожил и знаток традиционной северной песни М. Н. Мякушин положил начало так называемому «Лешуконскому хору».³⁰ <...>

Почти одновременно с «Лешуконским хором», в 1936 г., возник хор старинной народной песни в поселке Каменка, насчитывающий в наши дни до 25 человек, из которых свыше 75 % приходится на долю молодежи. Хором руководит прекрасный знаток традиционной северной песни <...> Т. А. Орешкина. <...>

В деревне Кильца собирается небольшая труппа любителей старинной песни вокруг редкого знатока и исключительно одаренного исполнителя ее И. Н. Бутакова; в деревне Кузьмин Городок такой же небольшой <...> коллектив возглавляет А. Г. Власова; в городе Мезени любители песенной старины собираются в домике стариков супругов Олубкиных. Но в целом таких самодеятельных хоров в Мезенском районе все же меньше, чем в верховьях реки. Вместо них здесь (в частности, в городе Мезени) имеются хоровые коллективы молодежи, работающие под руководством приезжих специалистов при Доме культуры. <...> По-видимому, большой, крепкий песенный репертуар имеется у жителей рек Пёзы и Кулоя, приезжающих иногда по делам в Мезень и Каменку.

Новые песни на темы современного общественного и семейного быта в среде самих исполнителей возникают редко. <...> Наряду с различными жанрами песен на Мезени имеется немало частушек, являющихся достоянием молодежи, хотя старые шуточные и плясовые частушки охотно вспоминают и пожилые колхозницы. <...> В целом жанр частушки тенденции к развитию на Мезени не обнаруживает: очень многие их тексты (как на любовную, так и на колхозную тематику), записанные на рубеже 1950—1960-х гг., имеют за собой тридцатилетнюю давность; частушки на темы Великой Отечественной войны в подавляющем большинстве общеизвестны и взяты из опубликованных сборников. Новых частушек на Мезени сегодня складывается очень мало: тяга молодежи к новой тематике удовлетворяется городской массовой песней.

В настоящее время на Мезени, когда-то столь богатой эпической традицией, имеются только скудные остатки прежнего былинного богатства. <...> В ряде деревень рассказывали, что по глухим притокам Мезени живут старики и старухи, которые знают и поют старины. На самой же Мезени былины сегодня в силу исторической закономерности исчезли почти совершенно. В 1958 г. на среднем течении реки только в деревне Малые Нисогоры два брата — Семен и Николай Федоровичи Поздяковы (сыновья Ф. В. Поздякова, которого в 1928 г. записывала А. М. Астахова)³¹ — могли спеть полностью былины об Илье и Сокольнике, о Добрыне и Змее, об Иване Гоудиновиче и о женитьбе Алеши. <...> Чувствовались отголоски подлинной эпической традиции, но оба [певца] были стары и пели с большим трудом. В деревне Азаполье потомки известных сказителей И. Л. Шульгин и Д. Я. Авдушев знали только отрывок былины и небыллицы.

Не лучше обстояло дело и в Мезенском районе, где в 1958 г. было найдено несколько исполнителей былин (преимущественно женщин) в разных деревнях. Но и они, как их лешуконские соседи, забыли почти все, что знали когда-то. От старости и болезней петь им было трудно. Все же среди сказителей Мезенского района выделяется Т. Г. Немнюгина 67 лет в деревне Кимжа и особенно А. Е. Паюсова 80 лет в городе

³⁰ В репертуаре хора наиболее популярны песни «Вечор девки вечериночку сидят», «Гордэна», «Сени», «Разосенние комарочки-пискунки», «Алешенька, парень хорошенький», «Во слободке было во новой», «Снежки белые», «У Егорья на дворе», «Во лузах», «У зеленого сада есть укатана гора», «Шел мальчишка бережком», «Все мужья до жен добры», «У нашей Кати горя много», «Цвели, цвели цветики, да повяли», «Луговка луговая», «Прялица-кокорница», «Весной девушки гуляли», «Казачиха полем ехала», «Посеяли девки лен», «На улице дождичек, во поле туман», «Я вечор на рынок ходила», «Я хожу, хожу по блюдничку», плясовые и шуточные частушки и песня О. Антроповой «Как на зорьке».

³¹ См.: Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. С. 299. Сыновья произносили свою фамилию несколько иначе, чем отец.

Мезени, которая когда-то хорошо усвоила ряд былин от отца, известного в свое время мастера-сказителя, но спеть могла только две из них, а остальные передала былинным стихом без напева. И все же, несмотря на неутешительную в целом картину, былинные записи экспедиций 1958 и 1961 г. представляют собой бесспорную научную ценность. Среди них имеются полноценные художественные тексты, в некоторых случаях встречаются отдельные своеобразные детали, дающие варианты к уже известным записям. <...>

Из всех пунктов, обследованных в 1958 г., былины были найдены только в 14.³² Среди встреченных сюжетов наиболее популярными оказались «Женитьба Алеши на жене Добрыни», «Иван Годинович», «Пир у князя Владимира»; несколько раз встретились также сюжеты «Илья и Сокольник», «Добрыня и Змей», «Женитьба князя Владимира» и в единичных случаях — «Исцеление Ильи», «Святогор и Илья», «Сорок калик», «Василий Буслаев», «Женитьба Добрыни».³³

Из 35 записей 1958 г. только 15 представляют собой полные законченные тексты, записанные с голоса (т. е. с напевом). Остальные являются или фрагментами с напевом, или ритмичным былинным сказом без напева, или же, наконец, прозаическими пересказами былинных сюжетов. Как правило, спетые былины были исполнены одностольно, но в некоторых местах певцы пытались петь хором. Таким образом, в 1958 г. на Мезени былина была известна всюду по воспоминаниям и по уцелевшим отрывкам, но ни одного полноценного певца типа сказителей, живших тут прежде, собирателям найти не удалось. В ряде деревень наряду с фрагментами былин были обнаружены фрагменты древних скоморошин, типа «небывальщин», часто с юмористическими зачинами (типа «Как во славном было городе во Туесе»). Тексты эти, как правило, были тоже недлинными и незаконченными.

Записи былин в 1961 г., производившиеся в верховьях реки, подтвердили картину замиранья былинной традиции на Мезени. В деревнях вспоминали былинщиков прежних годов, но те 16 записей, которые были собраны в верхнемезенских деревнях, явились в основном прозаическими пересказами былинных сюжетов об Илье Муромце³⁴ и Василии Буслаеве. Спеть цельную связную былинку никто ни в одной деревне уже не смог.³⁵ <...>

В целом репертуар традиционной мезенской песни, несмотря на наличие в нем отдельных очень редких или совсем прежде неизвестных песен, принадлежит к тому известному классическому репертуару северной песни, который характерен для северо-восточных районов Архангельской области (бассейнов рек Пинеги, Мезени, Печоры и их притоков) и является, по-видимому, наиболее глубоким из дошедших до нас пластов русской народной традиционной песенности. <...>

³² В деревнях Смоленец, Ёдома, Малые Нисогоры, Кельчем Гора, Юрома, Тиглява, Азаполье, Мела Гора, Черсова Гора, Кузьмин Городок, Дорогая Гора, Кимжа, в г. Мезени и поселке Каменке.

³³ Некоторые из сюжетов названы здесь условно, так как определить их трудно, поскольку от них имеется только зачин. Так, например, 5 раз было записано начало с описанием пира у князя Владимира, но что именно происходило на пиру — оставалось неизвестным, так как тут память изменяла сказителям и они замолкали.

³⁴ «Исцеление Ильи», «Первая поездка Ильи», «Илья и Идолище», «Илья и Калин-царь», «Илья и Сокольник».

³⁵ Подробнее о жизни былины на Мезени в современных условиях см.: Митрофанова В. В. Мезенская былинная традиция в наши дни // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.: Л., 1961. Т. 6. С. 94.

IV. Обзор былин мезенской традиции

За годы собирания на Мезени зарегистрирован 41 былинный сюжет — значительно больше, чем в Западном Поморье, на Северной Двине, Пинеге или Кулое. По богатству и разнообразию эпического репертуара с Мезенью сопоставимы лишь два региона, входящие в состав Архангель-

ско-Беломорского края, — Печора и Зимний Берег.¹ Как и в соседних районах, ряд былин на Мезени представлен одним-двумя вариантами. Их можно разделить на две группы. Первую составляют сюжеты, которые и в других областях России представлены единичными записями («Идолище сватает племянницу князя Владимира», «Глеб Володьевич») или имеют ограниченный ареал активного бытования («Сухман», «Святогор и тяга земная», большинство вариантов которых приходится на долю Прионежья). Во вторую группу входят былины, степень популярности которых в одном или нескольких соседних районах гораздо выше, нежели на Мезени («Илья Муромец и голи кабацкие», «Ставр Гоудинович», «Соловей Будимирович», «Алеша Попович и Тугарин», «Алеша Попович и сестра братьев Эбродовичей»). Есть основания полагать, что в недалеком прошлом указанные сюжеты на Мезени были распространены достаточно широко (см., например, свидетельства А. Д. Григорьева о бытовании в этом регионе былины о Ставре Гоудиновиче — Гр. III, с. 1 и 7). Сюжет «Вольга и Микула», также зафиксированный в мезенской традиции в единственном варианте, вероятнее всего, не является исконным для местной эпической традиции. На Мезени, как и в соседних районах, не удалось записать ни одного текста, имеющего устные источники (пересказ С. Суднова, как и варианты золотицких сказителей Крюковых, восходит к книге). Проблематична также связь с устной традицией краткого пересказа былины «Садко».

К числу наиболее популярных сюжетов принадлежат «Добрыня и Алеша», «Илья Муромец и Сокольник» и «Дунай»; на долю каждого из них приходится около 10 % всех записанных на Мезени былинных текстов. На Кулое, Зимнем Берегу и Печоре, эпические традиции которых особенно близки к мезенской, картина несколько иная. Если «Дунай» во всех этих районах входит в число популярнейших эпических песен, то «Илья и Сокольник» занимает скромную позицию в репертуарах кулоян и сказителей Зимней Золотицы и лишь на Печоре безоговорочно лидирует; былина о Добрыне и Алеше, напротив, достаточно популярна на Кулое и Зимнем Берегу, а подавляющее большинство печорских вариантов в той или иной мере зависимо от книги (подробнее см.: СБ 1, с. 677—680).

Приведенные примеры заставляют настороженно относиться к получившему широкое распространение мнению о большой близости эпических традиций Зимнего Берега, Мезени и Кулоя (особенно двух последних районов) и известной обособленности традиции печорской. А. Д. Григорьев был склонен рассматривать Мезенско-Кулойский край как единый фольклорно-этнографический регион (Гр. I, с. XV), еще более категоричные суждения на этот счет содержатся в монографии С. И. Дмитриевой;² иногда солидаризировалась с Григорьевым и А. М. Астахова,³ вносящая большой вклад в изучение специфики локальных эпических традиций. Констатируя многочисленные переключки и буквальные совпадения в былинах Мезени, Кулоя и Зимнего Берега,

¹ Поскольку от Аграфены Крюковой, ее дочерей Марфы и Серафимы Крюковых, Павлы Пахоловой и внучки Пелагеи Негадовой записано большое количество книжных по происхождению текстов (см.: Новиков Ю. А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. 2-е изд., доп. СПб., 2001), они не учитываются при сопоставлении репертуаров, характеристике версий и редакций отдельных сюжетов, бытование которых отмечено на Зимнем Берегу и в соседних районах. Этот принцип, позволяющий объективнее судить о состоянии устной эпической традиции, соблюдается и в комментариях.

² Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин: (По материалам конца XIX—начала XX в.). М., 1975.

³ Аст. 1, с. 55; Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 267.

исследователи объясняют их двумя главными причинами — общностью корней (сказители всех трех районов — потомки новгородских переселенцев) и сходством хозяйственно-бытового уклада, постоянными контактами жителей этих районов на рыболовных и зверобойных промыслах (особенно на знаменитых Кедах и Конушском мысу — см. Гр. II, с. 11—12; Марк., с. 7 и др.).

Сходство хозяйственно-бытовых укладов районов Восточного Поморья, кажется, ни у кого из современных исследователей не вызывает сомнения. Сложнее обстоит с уяснением роли новгородской колонизации в указанных регионах. Решая данную проблему нельзя, вероятно, забывать, что Мезень и Печора начали активно осваиваться довольно поздно — в начале XVI в.

Колонизация Восточного Поморья и прилегающих к нему районов — не единовременный акт, а длительный, многоэтапный процесс. Нет никаких оснований считать, что первые поселенцы принесли на Мезень, Кулой и Зимний Берег одни и те же былины в одних и тех же редакциях, что не было существенных различий в том эпическом багаже, который послужил основой для формирования локальных традиций.

Творческое наследие предков, конечно же, не пассивно передавалось от поколения к поколению (в таком случае эпическая традиция была бы обречена на быстрое затухание). На протяжении многих столетий продолжались активные творческие процессы, одни былины постепенно исчезали из устного бытования, другие выдвигались на первый план, подвергались серьезным переделкам, обрастали новыми подробностями, что приводило к формированию оригинальных версий и редакций традиционных сюжетов. И вряд ли можно согласиться с тем, что эти сложные, внутренне противоречивые процессы во всех трех соседних регионах протекали синхронно, что удачные новации одного или нескольких певцов быстро становились всеобщим достоянием. Многочисленные свидетельства собирателей, сопоставительный анализ текстов говорят о том, что настоящие сказители ревниво относились к своим редакциям былин, принимали далеко не все новшества, а если и принимали, то старались гармонизировать их со своими вариантами; даже усваивая новый сюжет, опирались на собственный арсенал общеэпических формул. Таким образом, тенденции к унификации противостояла тенденция к обособлению локальных эпических традиций.

Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что эпические песни исполнялись не только на дальних промыслах, где встречались и месяцами жили бок о бок поморы, кулояне и мезенцы. Мужчины из кулойских сел и деревень весной уезжали на рыбную ловлю на лесные реки и озера, проводя там по нескольку недель (Гр. II, с. 9—10). В то же время мезенцы отправлялись на притоки Мезени, «в особенности на правый ее приток, р. Пёзу» (Гр. II, с. 11). В конце XIX в. традиционные виды промыслов стали вытесняться лесоразработками, куда нанимались, как правило, жители соседних деревень (Гр. II, с. 13). Не приходится сомневаться, что былины звучали и в деревенских избах, хотя крестьянские заботы почти исключали «невольный досуг», неизбежный на отхожих промыслах и столь благоприятный для культивирования эпической поэзии. Свой вклад в сохранение и развитие местной традиции вносили женщины. Этот вклад стал особенно заметным в последние полвека — именно от женщин на Мезени записаны последние образцы полнокровных эпических песен. Изменились и количественные пропорции. Если А. Д. Григорьев в 1901 г. записал былины от 24 мужчин и 9 женщин, то в сборнике «Песенный фольклор Мезени» (1958—1961) соотношение обратное — 23 женщины и 10 мужчин. Общаясь со своими земляками, сказители получали гораздо больше возможностей услышать ту или иную былинку в местной, а не заимствованной редакции, усвоить характерные для нее поэтические формулы и стилистические приемы.

Поэтому не приходится удивляться, что, несмотря на географическую близость, общность исторических судеб, длительные административные, хозяйственные и торговые связи Мезени и Кулоя, эпические традиции этих районов заметно отличаются друг от друга, в том числе и на уровне репертуаров. Отсутствие на Кулое тех былин, которые на Мезени записаны в одном-двух вариантах («Алеша Попович и Тугарин», «Алеша и сестра братьев Эбродовичей», «Глеб Володьевич», «Идолище сватает племянницу князя Владимира», «Святогор и тяга земная», «Ставр Годинович»), не очень показательны, так как фольклористы обследовали первый район гораздо хуже, нежели соседние. Но здесь не были найдены и такие сюжеты, которые на Мезени записывались довольно часто («Добрыня и Василий Казимирович», «Илья Муромец и Идолище», «Козарин», «Соломан и Василий Окулович»); не было обнаружено «Исцеления Ильи Муромца», зафиксированного почти во всех районах бытования русского эпоса и даже в фольклоре соседних народов. Мало вероятно, чтобы предки мезенских и кулойских сказителей, переселившиеся на Север из древнего Новгорода, не знали так называемых новгородских былин. Между тем эпические песни о Василии Буслаеве (оба сюжета) и Хотене, распространенные на Мезени, ни разу не встречались собирателям на Кулое, а единственный кулойский вариант «Садко» записан от Е. Д. Садкова, который считал своим долгом знать эту старину «ввиду носимой им самим фамилии» (Гр. II, с. 190). На Мезени лишь в 1971 г. удалось записать краткий пересказ третьей части сюжета — «Садко в подводном царстве»; вероятнее всего, этот текст восходит к книге, а не к устным источникам. За исключением «Садко», былинный репертуар Кулоя полностью перекрывается мезенским.⁴

Репертуарные расхождения Мезени с Печорой и Зимним Берегом не столь значительны, что во многом объясняется более интенсивной собирательской работой в этих районах. Обращает на себя внимание отсутствие на Мезени ряда популярных среди печорских сказителей сюжетов — «Садко», «Иван гостинный сын», «Наезд литовцев», а также редкой былины о Волхе Всеславьевиче, которые хорошо известны в Прионежье. Мезенский репертуар дополняет печорский сюжетами «Поединок Добрыни с Илей Муромцем», «Глеб Володьевич», «Михайло Данилович», «Три поездки Ильи Муромца» (первые две былины не зафиксированы в Прионежье, третья записана лишь от карела В. Лазарева). Видимо, это неслучайное совпадение, поскольку еще ряд эпических песен, распространенных на Печоре и в Прионежье, в мезенской традиции занимает периферийное положение. (Без учета зависимых от книги текстов на Мезени записано 3 варианта «Дюка», в том числе 2 фрагментарных, 2 варианта былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и 1 вариант «Соловья Будимировича»; на Печоре соответственно 11, 16 и 5). В эпическом репертуаре Зимнего Берега нет ряда сюжетов, зафиксированных на Мезени (обе былины о Василии Буслаеве, «Сухман», «Ставр Годинович», «Алеша Попович и Тугарин», «Три поездки Ильи Муромца»), отсутствует и былина «Илья и Калин» (тема татарского нашествия реализована в «Камском побоище»).

Наиболее существенны репертуарные различия между Мезенью и Пинегой, что давно отмечено собирателями⁵ и объясняется не только историей колонизации Пинежского края, но и некоторыми особенностями хозяйственного уклада: здесь выше был удельный вес земледелия и лесозаготовок, слабее развиты коллективные формы охоты, отхожих рыболовных промыслов.

⁴ От кулоянина В. Буторина записана былина «Добрыня и Настасья» (Гр. II, № 280), не зафиксированная на Мезени, однако наиболее вероятный источник этого текста — книга.

⁵ Гр. II, с. XV—XVIII; Аст. 1, с. 53—56 и др.

Нетрудно заметить, что сопоставление былинных репертуаров не дает права на однозначные выводы. В одних случаях степень популярности отдельных сюжетов примерно одинакова во всех северо-восточных регионах Архангельско-Беломорского края, без Пинеги, Северной Двины, Карельского и Терского берегов («Василий Игнатьевич и Батыга», «Дунай», «Иван Гоудинович», «Михаило Потык», в меньшей мере — «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка», «Сорок калик», «Чурила и Катерина»), в других ареал их бытования не включает Печору («Поединок Добрыни с Ильей Муромцем», «Михаило Данилович»), Зимний Берег («Сухман») или Кулой («Добрыня и Василий Казимирович», «Козарин» и др.), в третьих мезенская традиция оказывается ближе к кулойской («Три поездки Ильи Муромца», «Данило Ловчанин»), печорской (обе былины о Василии Буслаеве, «Алеша Попович и Тугарин», «Соломан и Василий Окулович», «Илья и Калин», «Илья и Идолище», «Илья и Сокольник», «Ставр Гоудинович») или золотицкой («Глеб Володьевич», «Камское побоище»).

Во многом это объясняется географическим положением Мезенского края, обусловившим довольно тесные хозяйственные и культурные связи с соседями. Со всех сторон, кроме севера, к Мезени примыкают районы с богатой эпической традицией: на западе — Кулой, на востоке — Печора, на юго-западе — Пинега. Сухопутные коммуникации (прежде всего почтовые тракты) использовались для транспортировки леса, по ним двигались навстречу друг другу обозы с рыбой, пушниной, хлебом, промышленными товарами, по ним перевозили рекрутов и отслуживших свой срок солдат, правительственных чиновников и ссыльных. И хотя северные дороги во все времена не отличались благоустроенностью, а в распутицу на целые недели, а то и месяцы вообще становились непроезжими, в определенной мере они способствовали контактам мезенцев с жителями прилегающих районов. Что же касается устья реки Мезени и побережья Мезенского залива, то они стали для этого края настоящими «морскими воротами» во внешний мир. Через них осуществлялись хозяйственные, торговые и административные связи с губернским городом Архангельском, а главное — здесь начинались маршруты рыболовных и зверобойных артелей, в состав которых наряду с мезенцами входили жители Кулоя и Зимнего Берега.

Как уже отмечалось, сопоставление былинных репертуаров, количества записанных вариантов того или иного сюжета не всегда позволяет выявить объективную картину, так как разные районы Архангельско-Беломорского края неодинаково обследованы собирателями. Печорская традиция чаще становилась объектом их внимания, нежели мезенская; на Зимнем Берегу и Пинеге фольклористы-эпосоведы бывали реже, чем на Мезени, а о творчестве кулойских сказителей приходится судить в основном по записям А. Д. Григорьева. Дополнительные данные уточняющего, корректирующего характера можно получить в результате сравнительного анализа версий и редакций былинных сюжетов, зафиксированных в этих краях. Оставим пока в стороне былины, не имеющие ярко выраженных локальных различий или наоборот — бытующие на Мезени в оригинальных версиях и редакциях; обратимся к тем сюжетам, в которых выявляется очевидное сходство с традицией одного из соседних районов.

Как и при сравнении репертуаров, наименьшее количество сходжений обнаруживается с пинежской традицией. Специального рассмотрения заслуживают всего три сюжета.

На средней Мезени и на Пинеге собирателями зафиксирована оригинальная редакция «Козарина» (см. коммент. к № 203, Е. Рахманина). Она отличается от других северо-восточных обработок сюжета не только необычными деталями повествования (прозвище «Козарин» связывается с козьим молоком, которым приемная мать кормила юного богатыря; брачное предложение исхо-

дит от девушки, а не от ее спасителя; в финале былины родители даже не приглашают отверженного сына зайти в дом), но и уникальной второй частью, не известной по другим записям: похищение татарами младшего брата Козарина, отказ героя ехать на его поиски (в мезенском варианте) или освобождение «Иванушка» из плена (в пинежском варианте). Анализ текстов позволяет предполагать вторичность этих эпизодов, сравнительно позднее их включение в традиционный сюжет, но в каком районе была создана новая редакция былины, кто позаимствовал ее в готовом виде, установить не представляется возможным.

Для мезенских текстов «Дуная» характерно резко отрицательное отношение иноземного короля к сватовству князя Владимира, нередко сопровождающееся прямыми оскорблениями в его адрес; аналогичные отношения между будущими тестем и зятем изображаются в единственном полном пинежском варианте, а также в ряде кулойских записей (см. обзор вариантов «Дуная»).

В некоторых мезенских вариантах «Илья Муромца и Сокольника» упоминается о любовной связи Ильи с «поляницей преудалой»; этот мотив известен пинежской и печорской традициям. С былинами Зимнего Берега точек соприкосновения гораздо больше, но в основном это касается таких особенностей, которые встречаются не только в этих двух регионах.

Единственное исключение — вариант «Михайлы Потька», записанный от А. Мартынова («Олексы Малого»), вместе с текстами золотицких сказителей В. Чекалева, Ф. Пономарева и Г. Крюкова образующий особую версию сюжета, для которой характерно обилие сказочных мотивов, использование ряда не свойственных фольклору приемов сюжетосложения. Судя по деталям, мезенский певец усвоил это структурно сложное произведение недостаточно твердо, что повлекло за собой не всегда удачную переработку отдельных эпизодов и финала былины (подробнее см. коммент. к № 113).

В деталях повествования мезенские варианты ряда эпических песен ближе к кулойским или печорским текстам, нежели к золотицким. Это касается и некоторых широко распространенных сюжетов («Камское побоище», «Илья Муромец и Сокольник»), и редкой былины «Идолище сватает племянницу князя Владимира» (см. коммент. к № 26). Показательна в этом отношении былина «Глеб Володьевич», зафиксированная только на Зимнем Берегу (все тексты записаны в семье Крюковых) и на Мезени. Мезенский вариант, особенно во второй своей части, существенно отличается от золотицких, теснее связан с реальными историческими событиями времен Киевской Руси, содержит уникальные эпизоды, нестандартные поэтические формулы (длительная осада Корсуни, захват подземных ходов с помощью контрподкопов, первая загадка Маринки Кайдаловны и ее разгадывание, необычный способ уничтожения осажденного города и т. д. — подробнее см. коммент. к № 195). Былина М. Антонова позволяет не только выделить еще одну редакцию этого сюжета, но и по-новому поставить вопрос о его происхождении и исторической первооснове.

Некоторые общие моменты в мезенских и кулойских текстах попутно отмечались выше, но перечень сходжений ими не исчерпывается. К востоку от реки Онеги только в этих двух районах записаны свободные от книжного влияния варианты «Трех поездок Ильи Муромца», причем в обеих мезенских и единственной кулойской былине фактически отсутствует рассказ о третьей поездке героя (в кулойском тексте принцип троичности формально выдержан, но достигнуто это за счет повторного повествования о столкновении Ильи с девицей-обманщицей). Аналогичная картина и с былинной «Сухман»: записи из других северо-восточных районов зависимы от книжных источников, а мезенский и кулойский тексты восходят к устной традиции и принадлежат к той же редакции сюжета, что и знаменитый вариант шальского лодочника из Прионежья. Былина о сорока каликах во всем Архангельско-Беломорском крае бытовала в единой редакции, многие ее осо-

бенности зафиксированы на Мезени (полнее всего они представлены в кулойских текстах). В этих же регионах записаны самые близкие по содержанию и оформлению варианты «Дюка» — от одного из мезенских сказителей А. Д. Григорьев даже не стал записывать эту былинку, поскольку он пел ее «согласно с Садковым из Немноги» на Кулое (Гр. III, с. 212); печорская редакция сюжета заметно отличается от кулойско-мезенской (см.: СБ 1, с. 738—739). Среди архангельско-беломорских текстов «Василия Игнатъевича и Батыги» особняком стоят варианты с Зимнего Берега; на Мезени, Кулое и Печоре бытовала единая редакция сюжета, однако мезенские записи содержат ряд оригинальных элементов (пустив стрелу с городской стены, богатырь убивает предводителя вражеского войска, а не его сына или племянника; он не приводит врага в Киев, уничтожая его в чистом поле, и т. д. — подробнее см. обзор вариантов этой былины). На Мезени записаны наиболее полные и логически выдержанные варианты редкой эпической песни «Бой Добрыни с Дунаем»; содержащиеся в них оригинальные детали и формулы иногда перекликаются с печорскими текстами, но гораздо больше параллелей обнаруживается в кулойских материалах (см., например, коммент. к № 139). С «Добрыней и Маринкой» картина обратная: нижнемезенские записи примыкают к кулойским и золотицким, образуя так называемую краткую редакцию сюжета; на верхней Мезени зафиксировано бытование более сложной по композиции и архаичной по содержанию редакции, частично перекликающейся с печорскими текстами (см. коммент. к № 30, 31). Следует отметить, что одна из самых популярных на Кулое былин «Данило Ловчанин» (записано 7 ее вариантов) содержит мотивы и подробности, которые позволяют говорить об особой версии сюжета; главное ее отличие — благополучная для героя развязка. В мезенских текстах, как и на Печоре, развязка традиционна.

Дальше других соседних районов отстоит от Мезени обширный Печорский край. От верхнемезенских деревень, в которых зафиксирована былинная традиция, до Усть-Цильмы в среднем течении Печоры около 250 км, до низовьев реки — вдвое больше; водным путем, через тяжелые льды Карского моря — без малого 1000 км. Для сравнения отметим, что кратчайшее расстояние до Пинеги не превышает 90 км, до Кулоя — всего один дневной переход, да и Зимний Берег в пределах досягаемости — 250—280 км по бойкому водному пути в губернский город Архангельск. Казалось бы, у жителей Мезени было немного шансов на устойчивые контакты со своими восточными соседями, и поиски близких параллелей в эпических традициях этих районов выглядят малоперспективными. Однако анализ текстов убеждает в том, что в мезенских былинах гораздо больше общих элементов с печорскими текстами, нежели с пинежскими или золотицкими; в этом плане печорская традиция мало в чем уступает кулойской. Без сомнения, в большом сходстве мезенского и печорского эпических репертуаров важную роль сыграл водный путь Мезень—Пёза—волок—Цильма—Печора, о котором говорилось.

Некоторые факты, подтверждающие единство мезенской и печорской былинной традиции, приводились выше («Идолище сватает племянницу князя Владимира», «Василий Игнатъевич и Батыга», верхнемезенская редакция «Добрыни и Маринки», некоторые варианты «Дуная», «Добрыни и Змея»). Правоммерно выделять единую мезенско-печорскую редакцию сюжета «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим»; некоторые ее мотивы уникальны для русского эпоса (описание морского путешествия героя и его дружины, распределение обязанностей между корабельщиками, опасения Василия по поводу того, что Потанюшка Хроменький не сможет перепрыгнуть через «сер-горюч камень», и др.). Особенно много совпадений с мезенскими записями в тексте П. Маркова с нижней Печоры (СБ 2, № 244). Верхнемезенская редакция «Чурилы и Катерины» также

содержит ряд элементов, родственных печорской редакции данного сюжета. Немногочисленные устные по происхождению мезенские варианты старины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике дают самые близкие параллели к печорским (в отличие от кулойских и золотицких в них нет эпизода освобождения осажденного врагами города, но описано столкновение богатыря с разбойниками). Любопытно, что наибольшее количество сходжений с печорской традицией обнаруживается и в ряде других былин об Илье Муромце, которые во всех северо-восточных районах бытовали в единых редакциях («Илья и Святогор», «Илья и Калин», «Илья и Идолище» с включением сюжета «Илья и голи кабацкие» — подробнее см. обзоры вариантов и комментарии к конкретным текстам). Таково же соотношение мезенских и печорских записей былины о царе Соломоне. Следует подчеркнуть, что в ряде случаев переключки и совпадения в эпических песнях этих районов свидетельствуют о взаимодействии региональных традиций, поскольку заимствуются сравнительно поздние по происхождению эпизоды и мотивы (упоминавшиеся выше печорский вариант былины о поездке Василия Буслаева в Иерусалим, некоторые мезенские тексты, в том числе и из понизовских селений, наиболее удаленных от Печоры, — см. коммент. к № 79, «Илья и Сокольник», «Василий Игнатьевич и Батыга», № 179, 180).

Видимо, интенсивным взаимовлиянием эпических традиций соседних районов, своеобразной их диффузией объясняется тот факт, что на Мезени очень мало сугубо местных редакций былинных сюжетов, не встречающихся за пределами этого края. К охарактеризованным ранее былинам о Глебе Володьевиче и трех поездках Ильи Муромца, верхнемезенским редакциям «Добрыни и Маринки» и «Ильи и Сокольника» можно добавить еще три сюжета. Особую редакцию образуют мезенские варианты «Хотена Блудовича», в которых лучше, чем в записях из соседних районов, сохранились архаичные черты, употребляется ряд выразительных деталей и формул. Оригинальны две мезенские редакции «Чурилы и Катерины», зафиксированные в низовьях реки и верхнем ее течении; верхнемезенская редакция былины о Добрыне и Алеше (к ней относится более трети записанных в этом регионе вариантов). От мезенских сказителей записаны наиболее совершенные в идейно-художественном плане варианты былин о столкновениях между русскими богатырями — «Бой Добрыни с Дунаем» и «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем», что позволяет связывать возникновение этих сюжетов именно с Мезенью. (Подробнее см. обзор вариантов упомянутых былин). В остальных случаях (а их тоже немного) специфика местной традиции проявляется в использовании нестандартных эпизодов и сюжетных ходов: убийство богатырем вражеского царя («Василий Игнатьевич и Батыга»), издевательские насмешки будущего тестя над князем Владимиром («Дунай»), развернутый рассказ о богатырском прошлом человека, череп которого пинает Василий Буслаев («Поездка Василия Буслаева в Иерусалим»).

Как и в других районах России, бытование былин на Мезени — процесс диалектически сложный, внутренне противоречивый, приводивший как к консервации архаичных представлений, реалий раннефеодального общественного и семейного быта, так и к их переосмыслению, трансформации, обновлению содержания и художественной формы эпических песен. В реализации этих тенденций прослеживаются многие закономерности, характерные для русской былинной традиции в целом или отмеченные преимущественно в Архангельско-Беломорском крае; однако конкретные их проявления нередко весьма специфичны, не имеют близких параллелей в записях из других районов или зафиксированы там в единичных вариантах. В других случаях, напротив, явления, широко распространенные на Печоре или Зимнем Берегу, в мезенских материалах представлены гораздо скромнее.

В единственном мезенском варианте «Алеши и Тугарина» (см. № 109) сохранились архаичные черты в облике Тугарина Змеевича — его выносят слуги на «доски да раззолочёной», у его коня огненные крылья (в большинстве записей упоминаются бумажные крылья самого Тугарина). Более древним по содержанию, органичным для героического эпоса выглядит финал в двух текстах «Дуная», где акцент переносится с необыкновенной внешности младенца на его богатырские качества («На лбу-то у младеня подпись подписана: „Ишше сильней могучей был богатырь”» — № 114; «А был бы младень этот силён на земли» — № 118). Фиксация этого мотива еще в нескольких регионах (КД, № 11 — Урал или Западная Сибирь; Гр. I, № 37 — Пинега; Рыбн., № 169 — Пудога, сюжет «Василий Буслаев и новгородцы») позволяет предполагать если не его первичность, то по крайней мере параллельное бытование наряду с портретом чудесного младенца («по локоть ручки в золоте, по колен ножки в серебре»); тем более что во втором случае нельзя исключать заимствования из волшебных сказок (АТ 707) или духовного стиха о Егории Храбром. Отголоски языческих представлений о чудесных амулетах и «оберегах», о роковой неизбежности возмездия за святотатство правомерно усматривать в отдельных записях былин «Добрыня и Алеша» (богатырь догадался о готовящейся свадьбе своей жены, потому что у него шевельнулся «на вороту же крест» — № 11), «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» (герой погибает не потому, что не смог перепрыгнуть через камень, а потому, что в момент его прыжка «высоко камень от земли дак прызнамаицэ» — № 186). С верой в predeterminedность судьбы и магию слова связан устойчивый по вариантам запрет произносить вслух имя Ильи Муромца, хотя прямых указаний на то, что именно от его руки Идолищу суждено погибнуть, нет ни в одном тексте. В отдельных записях былин «Данило Ловчанин» и «Илья и Сокольник» четко сформулированы правила поведения богатыря при встречах с незнакомцами: подавать «недругу» копье только «вострым концом» (№ 166), еще до поединка или до нанесения смертельного удара узнавать имя соперника («без имени не бьем, без имени не вешаем» — № 299).

В некоторых случаях тексты мезенских сказителей позволяют гипотетически представить эволюцию конкретных мотивов. За пределами Мезенского края и в более поздних по времени мезенских записях безоружный Добрыня побивает Змея пуховой шляпой, «колпаком Земли Греческой» или даже сапогом, в который он «нагрёб песку — хрещу серого», в большинстве же мезенских записей Григорьева фигурирует «сер-горюч камень». В прионежских вариантах былины «Дунай» от крови погибших супругов протекают «Дунай-река», известная не только русскому фольклору, и «Настасья-река» — гидроним, не встречающийся в других произведениях. Вероятнее всего, это произошло вследствие удвоения по аналогии. В мезенских текстах, как правило, упоминается одна река — Дунай, а в ряде вариантов мотив — превращения людей в объекты неживой природы дается в развернутом виде — от крови Дуная протекает одноименная река, тело Настасьи превращается в «крутые берега», «кипарисно дерево» и т. п., от младенца вырастает «ракетов куст» (см. № 114, 119, 126, 127).

Есть основания полагать, что некоторые формулы, закрепившиеся в каком-то определенном сюжете, прежде использовались и в других эпических песнях, выполняли функции «общих мест». Комментируя обучение Василия Буслаева у «старчища Макарищища», А. М. Астахова считала мотив оборотничества перенесением из былины о Волхе (Аст. 1, с. 559). Этот вывод представляется недостаточно убедительным. Во-первых, на Мезени не записано ни одного варианта; во-вторых, в этой былине и в сюжете «Вольга и Микула», где нередко говорится об оборотничестве героя, не упоминается о его способности «по воды-то плавать ярим гоголем»; в-третьих, в тексте М. Антонова Василий дважды прибегает к оборотничеству, превращаясь именно в гоголя (подробнее см. ком-

мент. к № 188). Содержание этих эпизодов у Антонова шире, нежели в «Волхе»; Василий Буслаев обучается подхватывать «пулецьки свинцовые», заговаривать свой «червленной вяз». В пересказе его земляка Ф. Гольчикова крестный отец героя прямо назван «колдуном» (мотив оборотничества у Гольчикова опущен, но он есть в другом его тексте: спасаясь от Змея, Добрыня «ярим гоголем обернулся» — № 14). Близкую параллель к мезенским записям находим в сказке из Пермской губернии: Василий «выучился ⟨...⟩ не во листы писать, а соколом летать» (Кир., 5, Прилож., с. 1).

В одном из мезенских вариантов былины о Дюке богатырь едет «ступью бродовую», а князь Владимир — «во всю рысь лошадиную» (№ 314). Сходство с одним из заключительных эпизодов сюжета «Вольга и Микула» очевидно. Однако говорить о возможном заимствовании из этой былины нет оснований. Сюжет «Вольга и Микула» не известен устной традиции Архангельско-Беломорского края, а такой же способ идеализации Дюка зафиксирован и на Кулое (Гр. III, № 302), и на Зимнем Берегу (Т.—М., № 49). Видимо, мы имеем дело с эпической формулой, в прошлом игравшей роль трафаретного описания, затем в одних районах закрепившейся в сюжете «Дюк», а в других — в сюжете «Вольга и Микула».

Мезенские сказители сохранили память о некоторых старинных обычаях, средневековом этикете, военно-феодальной символике. Воинственные намерения Сокольника характеризуются формулами «клонит копье», «выбрасывает» копье «вострым концом на Киев-град» (№ 91, 295; ср. вариант с Зимнего Берега — Марк., № 70). Случайно встретившись на улице с князем, Илья Муромец отходит для поклона на «положенное» расстояние («стретилсе, сам отпетилсе, низко кланелсе» — № 100). В одном из текстов подчеркивается, что гости киевского князя вяжут коней к золотому, серебряному и медному кольцам — в зависимости от своего социального статуса. Этот мотив зафиксирован также на Печоре и Индигирке, что свидетельствует о его былой традиционности (см. коммент. к № 95). В былине об Илье и Сокольнике часто описывается, как мать встречает возвращающегося «с поля» воина и принимает у него оружие, а в одном из вариантов «Добрыни и Змея» упоминается другой обычай: провожая мужа в поездку, жена помогает ему вдеть ноги в стремя («ноги в стремя кладет» — № 10). Уникальную формулу, отражающую реально существовавший порядок набора феодального войска, использовал М. Антонов:

У кого было ведь семь сынов,
Он ведь шесть сынов ноньче себе берет,
А ⟨седьмого⟩ дома он оста́вливал,
Да отцу-матушки да на пропíтанье.
У которого ведь было шесть сынов ⟨... и т. д.⟩.
(№ 96).

Во многих эпических песнях княжеское поручение сопровождается поднесением чары с вином; иногда это делают слуги по приказу своего господина, но чаще всего — сам князь (в былине «Василий Игнатьевич и Батыга» он вынужден для этого отправиться в каба́к). Одна из формул того же М. Антонова помогает «расшифровать» скрытый смысл этого действия:

Говорит тут Пютык сын Михайлович:
«Еже не пить чару — огневить цяря,
А не гневить цяря — знать ехать».
(№ 132).

Собственноручно поднося богатырю чару с вином, князь по существу не оставляет ему возможности выбора, герой оказывается в положении «добровольца поневоле» и выражает недовольство полученным заданием («Добрыня и Алеша», некоторые редакции былин «Дунай», «Добрыня и Змей»).

Приведенные примеры не следует абсолютизировать, рассматривая их как доказательства особой архаичности мезенских былин. Скорее наоборот: многие процессы, объективно приводившие к модернизации и разрушению классических форм эпической поэзии, на Мезени начались раньше и протекали более интенсивно, нежели в Онего-Каргопольском крае. В этом плане мезенская традиция смыкается с традициями соседних районов, словно аккумулируя наиболее характерные для них тенденции.

Изучая динамику развития русского эпоса, сопоставляя региональные версии и редакции былинных сюжетов, А. М. Астахова подчеркивала отход от старейших редакций многих сюжетов, появление поздних по характеру их обработок в северо-восточных районах, прежде всего именно на Мезени («Поездка Василия Буслаева в Иерусалим», «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка», «Дюк», «Илья и Калин», «Михайло Потык», «Соломан и Василий Окулович», в меньшей мере — «Илья и Идолище», «Добрыня и Василий Казимирович» — Аст. 1, с. 551—664; 2, с. 697—805). Анализ текстов, которыми А. М. Астахова не располагала или по каким-то причинам которые не использовала, подтверждает ее выводы и позволяет дополнить перечень былин, подвергшихся определенной модернизации, верхнемезенскими записями сюжета «Илья и Сокольник», одной из редакций былины «Иван Годинович», текстами «Козарина» с удвоением мотива похищения родственников героя татарами (подробнее см. комментарии к соответствующим сюжетам).

В мезенских материалах обращает на себя внимание обилие контаминированных текстов (многие из них были записаны А. Д. Григорьевым). Многие певцы соединяли не только былины об одном герое, но и сюжеты, посвященные деяниям разных богатырей. Здесь давно стали устойчивыми контаминации обеих былин о Василии Буслаеве, сюжетов «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья и разбойники»; «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей» (второй сюжет в таких случаях выполняет функции вставного эпизода, поясняя, чем занимался богатырь в отъезде). В ряде текстов в одно произведение объединены былины «Святогор и Илья Муромец» и «Илья и Идолище», хотя такое усложнение структуры ничем не мотивировано (№ 1, 2, 3). Механический характер контаминации особенно заметен в тех случаях, когда объединяются былины о разных богатырях: «Дунай» и «Илья и Идолище» (№ 320), «Дунай» и «Михайло Потык» (№ 121), «Дунай» и «Иван Годинович» (№ 128), «Дунай» и «Данило Ловчанин» (№ 134, 167); «Дюк» и «Илья и Сокольник» (№ 302), «Камское побоище» и «Илья и Сокольник» (№ 100), «Иван Годинович» и «Илья и Сокольник» (№ 302).

В некоторых мезенских текстах отклонения от фольклорных канонов сюжетосложения столь значительны, что позволяют говорить об индивидуальном творчестве, выходящем за рамки устной эпической традиции. Прежде всего следует упомянуть все три былины В. Аникеева (№ 320, 233, 25 — «Дунай», «Святогор и Илья Муромец», «Добрыня и Алеша»), вызвавшие естественное удивление А. Д. Григорьева причудливым переплетением фольклорных и книжных элементов, механическим соединением разнородных эпизодов и сюжетов, необычными приемами повествования (в третьем тексте, например, не описан поединок богатыря со Змеем — Добрыня рассказывает об этом подвиге по возвращении в Киев), нетрадиционностью лексики и стиля. Исполнитель утверждал, что его былины составляют нечто вроде трилогии и должны следовать друг за другом в строго определенном порядке, хотя никаких оснований для этого тексты не дают. Сходные по ха-

рактору произведения записаны и от сказителей, чей репертуар в основном состоит из традиционных эпических песен. Это — «Илья и Калин» С. Поташова (№ 308), в котором немало индивидуальных новаций, далеко не всегда удавшихся певцу; стилистически неоднородный текст «Камского побоища», записанный от неизвестного лица в г. Мезени (№ 307); мозаичная по содержанию и стилю, изобилующая вставными эпизодами старина о бое Ильи Муромца с Сокольником того же сказителя (№ 317); чрезвычайно сложный по структуре «Михайло Потык» А. Мартынова («Олёксы Малого») (№ 113), в котором часто нарушается принцип непрерывности повествования, внимание переключается с одного героя на другого; былина Я. Авдушева «Илья и Сокольник» (№ 84), содержащая эпизоды импровизационного характера (подробнее см. комментарии к указанным текстам).

Все упомянутые варианты записаны на Мезени первыми собирателями — А. И. Никольским и А. Д. Григорьевым: следовательно, кризисные процессы в местной былинной традиции начались достаточно рано. Проявились они и в свободном перенесении отдельных деталей, формул, имен собственных из одного сюжета в другой. Явления этого рода встречаются и в других регионах, но на Мезени они приобрели массовый характер.

Нередко включения заимствованных элементов не нарушают логики повествования. Так, в былине о бое Добрыни с Дунаем удачно использована ироническая реплика о «развоёванном шатришке» из былины «Хотен» (№ 140); нож, брошенный Идолицем в Илью Муромца, попадает «в имянной-от крест» — ср. былинку «Илья и Сокольник» (№ 74); за нарушение запрета произносить имя Ильи Муромца предусмотрена казнь, заимствованная из сюжета «Сорок калик» (№ 75); Тугарина, как и Сокольника, сопровождает «охота» (№ 109); Илья Муромец укоряет князя Владимира за неуместные расспросы в церкви во время обедни (перенос из архангельско-беломорской редакции былины о Дюке — № 72).

Но гораздо чаще заимствованные элементы используются механически, без учета конкретной ситуации, что приводит к противоречиям и алогизмам. Тот же упрек хозяина служанке за разговоры во время церковной службы в былине «Чурила и Катерина» выглядит абсурдным, так как обстоятельства требуют быстрых и решительных действий; в других редакциях сюжета обманутый муж благодарит служанку за своевременное предупреждение и, не дослушав обедни, спешит домой. Явно неудачны и многие другие механические переносы: Тугарин угрожает заколоть Алешу копьем, затоптать конем, хотя действие происходит на пиру (№ 109); в былине «Добрыня и Алеша» двенадцатилетняя отлучка героя мотивируется его поездкой на охоту (как в сюжете о «Добрыне и Змее» — № 45); в ряде записей былины о бое Ильи с сыном Сокольник уподоблен Соловью-разбойнику («ревет по-звериному, свистит по-соловьиному»); эти же качества приписываются Илье Муромцу (№ 94), Михайле Потыку (№ 111).

Столь же часты в мезенских текстах перенесения имен собственных. Даже у такого яркого представителя классического былинного стиля, как М. Антонов, «Потык сын Михайлович» заменил Дуная в роли свата князя Владимира (№ 132). В былинах «Чурила и Катерина» и «Добрыня и Маринка» действие приурочено к Новгороду (№ 149, 30). В некоторых вариантах былины о «Дунае» в роли главного героя выступает «Васютка, горький пьяница» (№ 128, 173, 156), в одном — Добрыня (№ 328). Один из певцов прикрепил центральный эпизод сюжета «Козарин» к имени Ильи Муромца (№ 201), в былине о Даниле Ловчанине Дунай заместил традиционного Вичю Лазуревича, незадачливого советчика Владимира (№ 167). Очень популярно на Мезени имя «поганого Издолица»; судя по всему, многие исполнители воспринимали его как нарицательное, а не собственное имя, синоним слова «враг». Кроме былин, где это имя традиционно («Илья

и Идолище», «Идолище сватает племянницу князя Владимира»), оно встречается в былинах о Камском побоище (№ 96), Иване Годиновиче (№ 128, 158); так называют татарского посла (№ 175, 176) или предводителя вражеского войска (№ 184, 185) в былине о Василии Игнатьевиче и Батыге и даже Сокольника (№ 86).

Многие мезенские сказители охотно использовали сказочные мотивы, формулы и целые эпизоды (см. коммент. к № 120, 129, 40, 199, 200).

Книжное влияние ощущается в местной традиции сильнее, нежели в соседних районах (за исключением Зимнего Берега, где львиная доля зависимых от книги текстов приходится на А. Крюкову и ее дочерей). У некоторых исполнителей (М. Семенов, С. Суднов, В. Иванов) практически весь репертуар в той или иной мере связан с печатными источниками, у других к ним восходят отдельные былины; нередко книжные элементы переплетаются с устными по происхождению. Конкретные случаи книжного влияния на былины мезенских сказителей рассмотрены в комментариях. Обращает на себя внимание тот факт, что зависимые от книги тексты обнаруживаются в записях А. И. Никольского (последняя треть XIX столетия — «Илья и Калин», «Илья и Сокольник», № 307, 143) и А. Д. Григорьева (1901 г. — «Илья и разбойники» в контаминации с «Ильей и Соловьем-разбойником» и «Добрыня и Алеша», № 107, 38); весьма вероятно связь с печатными источниками отдельных эпизодов еще в двух былинах из сборника Григорьева (№ 109, 320 — «Алеша и Тугарин», «Дунай»).

Вопреки ожиданиям в текстах мезенских сказителей, прямых потомков новгородских колонистов, очень слабо выражен новгородский колорит; былина о Садко здесь вообще не обнаружена, в половине записей былины «Василий Буслаев и новгородцы» действие происходит в Рязани, в них отсутствуют многие реалии своеобразного быта древнерусской торговой республики, известные по собранию Кириши Данилова и прионежским записям. Примерно такое же положение на Печоре, а на Кулое, Пинеге и Зимнем Берегу новгородский пласт русского эпоса представлен еще беднее. Однако свидетельства местных жителей, а также великолепный вариант контаминированной былины о Василии Буслаеве, записанный от М. Антонова (№ 188), позволяют предполагать, что незадолго до приезда А. Д. Григорьева новгородские былины занимали в мезенском репертуаре гораздо более важное место.

Приметы местного, северного быта в мезенских текстах встречаются реже, нежели в печорских записях. Здесь более узок круг былин, в которых описываются плаванья героев по морям, а сами эти описания беднее подробностями. Они устойчиво повторяются в двух сюжетах — «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» и «Соломан и Василий Окулович»; в одном из вариантов былины «Иван Годинович» на корабле отправляется за невестой главный герой (№ 165), в другом на судах приплывает его соперник с «силой военной» (№ 159), морем прибывают на Русь татары в одной из записей сюжета «Василий Игнатьевич и Батыга» (№ 177). В некоторых вариантах былины «Добрыня и Змей» действие также происходит на море, а не на реке (№ 8, 10).

В отдельных текстах подчеркиваются резкие различия во внешнем виде, религиозных и других обычаях, которых придерживаются русские и их этнические противники (№ 30, 196, 95 — «Добрыня и Маринка», «Козарин», «Илья и Калин»); и лишь в былине «Бой Добрыни с Дунаем» последовательно указывается на черный цвет шатра, полученного Дунаем в награду за службу иноземному королю. Видимо, детали такого рода не привлекали особого внимания местных певцов, поскольку Мезенский край в отличие от Печорского почти со всех сторон окружен районами с преобладающими русским населением. Реже, чем в печорских записях, упоминаются и «ссылочки

дальние», хоть Мезень также была местом ссылки. Традиционная формула угрозы вражеского богатыря в одном из текстов дополнена оригинальной подробностью: Сокольник намерен «облатынить» христианскую веру (№ 14); возможно, это глухой отголосок военных столкновений со шведами на Белом море и в устье Северной Двины.

V. История записи и публикаций мезенских былин

Первые свидетельства широкого бытования на Мезени традиционных фольклорных жанров относятся к середине XIX в. и связаны с деятельностью писателя-этнографа С. В. Максимова. Записки литератора «Год на Севере»,¹ удостоенные малой золотой медали Русского географического общества, квалифицировались как сочинение, хотя и не представляющее «систематической связи этнографии и истории (что, впрочем, и не было целью автора)», но являющееся «для того, кто в истории ищет народной жизни», одним из важнейших пособий.² Заметки С. В. Максимова о путешествии по реке Мезени (с Юрома, Ущелье, Койнас, Березники, Чучепала) содержали информацию, которая не могла не учитываться впоследствии собирателями уже при профессиональном обследовании этого региона,³ начавшемся почти 50 лет спустя.

Вплоть до начала XX в. фольклористика располагала лишь случайными записями любителей фольклора. То были 122 свадебные и лирические песни, зафиксированные в 1842 г. корреспондентом В. И. Даля и П. В. Киреевского Г. Портов(ов)ым;⁴ четыре былины и 167 песен, записанных в мезенском крае, вероятно, в 1860-е гг. другом И. А. Худякова политическим ссыльным Л. М. Никольским.⁵ Последний эпизод, возможно, играл какую-то роль при выборе А. Д. Григорьевым маршрута по Архангельской губернии спустя приблизительно сорок лет.

Подлинное научное обследование традиционного фольклора в бассейне Мезени связано с экспедиционной деятельностью А. Д. Григорьева — диалектолога, фольклориста, исследователя древнерусской письменности, а в дальнейшем и выдающегося историка-славяноведа.⁶ Летом 1901 г. состоялась его третья этнографическая поездка по Северу, на этот раз — по Мезенскому уезду

¹ Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1859.

² Записки Русского географического общества. Отд. «Библиография и критика». СПб., 1862. Кн. 2. С. 54.

³ В частности, С. В. Максимовым впервые было зафиксировано и предание о строительстве церкви в с. Юрома, снимок которой помещен в наст. изд. (уникальное строение сер. XVII в. погибло от пожара в 1930-х гг.). См. также: Бартенев И., Федоров Б. Архитектурные памятники Русского Севера. Л.; М., 1968. С. 230.

⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским. СПб., 1911. Нов. сер. Вып. 1. № 9—32, 1110—1115; СПб., 1917. Вып. 2, ч. 1. № 1185—1276.

⁵ Впервые тексты Л. М. Никольского опубликованы П. С. Ефименко: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2: Народная словесность. М., 1878 (Изв. Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30 / Тр. Этнографического отдела. Кн. 5, вып. 2). С. 25—37, 41—43. См. также перепечатку текстов в издании: Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф. Русские былины старой записи. М., 1894. № 9 (С. 22—30), № 31 (С. 102—115), № 51 (С. 179—183), № 68 (С. 255—261).

⁶ Итог этой деятельности — трехтомное собрание архангельского эпоса, вошедшее в классическое наследие отечественной фольклористики: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1 (Ч. I: Поморье; Ч. II: Пинега). М., 1904; Т. 2: Кулой. Прага, 1939; Т. 3: Мезень. СПб., 1910. Переизд.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. / Под ред. А. А. Горелова. Т. 1 (Ч. I: Поморье; Ч. II: Пинега). СПб., 2002; Т. 2 (Ч. III: Кулой). СПб., 2003; Т. 3 (Ч. IV: Мезень). СПб., 2003.

Архангельской губернии.⁷ Первоочередность сбора и изучения на Русском Севере именно эпической традиции выразилась в четко поставленной цели экспедиции: «собрание старин (былин) и напевов, коими они поются».⁸ Хорошее состояние традиции и высокий уровень профессионализма собирателя позволили ему блестяще справиться с поставленной задачей. Достоверность сделанных им записей не вызывает сомнений, что подтвердили последующие экспедиции и исследования.

Работа проводилась А. Д. Григорьевым в нижнем и среднем течении Мезени (от г. Мезени до д. Большие Нисогоры). Изучение эпического репертуара («старин» — по народному именованию) естественным образом предполагало внимание к таким жанрам, как старшие баллады и исторические песни, духовные стихи, небылицы, исполнявшимся вместе с былинами на одни и те же напевы. В 13 населенных пунктах собирателем было зафиксировано 120 эпических текстов (из них 98 былинных произведений, включая ряд сказительских преобразований; 10 баллад, 5 духовных стихов, 1 историческая песня, 6 скоморошин). Разумеется, А. Д. Григорьев далеко не исчерпал и не старался исчерпать всего репертуара сказителей, учитывая и развитость традиции, и ограниченные возможности одного собирателя. Тем не менее он тщательно отмечал все факты знания (или возможного знания) исполнителями тех или иных текстов, по каким-либо причинам оставшихся незаписанными,⁹ направляя внимание будущих ближайших своих последователей на вероятные научно-фольклористические контакты с носителями мезенской эпической традиции.

А. Д. Григорьев должен был прежде всего выявить сюжетный состав русского эпоса, прописанного историей народа на Мезени. Он хорошо осознавал значение и необходимость записи как можно большего числа вариантов уже единожды зарегистрированных сюжетов: «некоторые старины, записанные в большом числе вариантов, представляют несколько редакций и типов в зависимости от места их происхождения и учителей их певцов».¹⁰ Это позволило ученому сделать первичный обзор редакций мезенских старин, не утративший научного значения до настоящего времени.¹¹

Экспедиция А. Д. Григорьева захватила период активного бытования эпоса. Тексты, записанные им на Мезени, отличаются достаточной сохранностью сюжетики и стиля, развернутостью композиции (как правило, содержат несколько сотен стихов). Большинство исполнителей (всего — 37, из них — 11 женщин) могли пропеть по нескольку старин (а то и более десятка). Высокое качество исполнения былин, хорошее владение сказителями традицией эпосотворчества помогли собирателю выполнить одну из труднейших — в силу технических возможностей звукозаписи начала века — задач: «иметь напев каждой старины, а, если можно было, то и несколько напевов одной и той же старины, или несомненно разных или существующих в разных местах».¹²

⁷ Информация о поездке была включена в «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук за 1901 г.», составленный А. И. Соболевским (СПб., 1901). С. I—VII. Там же, кстати, был помещен и обзор деятельности С. В. Максимова, скончавшегося в 1901 г.

⁸ Архангельские былины и исторические песни... Т. 2. С. 3. И «только попутно», — как отмечал сам А. Д. Григорьев, — он «делал наблюдения над природой (...) посещаемых (...) местностей и над бытом живущего в них населения» (Там же. С. 4).

⁹ Архангельские былины и исторические песни. Т. 2. С. 31—35; Т. 3: Биографии сказителей.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 28.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 689—706.

¹² Там же. Т. 2. С. 22. Всего на Мезени записано 56 напевов, опубликовано — 55. К сожалению, фоновалики А. Д. Григорьева не сохранились.

В семи случаях А. Д. Григорьеву удалось зафиксировать групповое исполнение былин как традиционное для Мезени. Такое исполнение он связывал с распространением былин преимущественно в мужской среде, с характером и условиями местной промысловой деятельности.

Отмечая особую роль эпического жанра на Мезени и на Кулое, А. Д. Григорьев приводит следующее высказывание со слов исполнителя: «В деревне в избах не позволяют петь песни, а только старины; поэтому они с братом» — Андрей и Василий Тяросовы из Дорогой Горы — «поют старины, а другие подтягивают».¹³ Показательно также, что один из первых признаков начинающегося упадка эпической традиции исследователь видел в нарушении обычая «воздержания от песен» в «путях» (во время промысловой охоты).¹⁴

На основании своих наблюдений над состоянием мезенского эпоса он делал вывод о том, что «старины здесь продолжатся еще долго».¹⁵

При подготовке к изданию 3-го тома «Архангельских былин и исторических песен» (выпущен в 1901 г.), построенного на мезенских полевых записях, собиратель опирался на черновики — полевые тетради, которые являлись для него оригиналом при публикации собрания. Однако черновые тетради погибли во время Первой мировой войны в Варшаве, поэтому все современные антологии былинного эпоса, включающие текст записей А. Д. Григорьева, первое переиздание собрания, осуществленное в 2002—2003 гг., и публикация григорьевских мезенских текстов в Своде русского фольклора базируются исключительно на редакциях былин, однократно подготовленных к печати и опубликованных собирателем.

Обширная часть «Предисловия» А. Д. Григорьева к 1-му тому собрания (1904) содержит сведения об обстоятельствах записи, о принципах работы собирателя, детально излагает правила эдиционного порядка, которым следовал филолог-фольклорист. Кроме «Предисловия» немало данных содержат собирательские подстрочные и специальные «Примечания», вводящие читателя в «техническую» часть работы. Тщательнейший и добросовестнейший А. Д. Григорьев откровенно, подчас самокритично, повествует о неизбежных сложностях контакта собирателя с его собственными рукописями, подвергает аналитическому сомнению и оценке многочисленные спорные случаи понимания текста, навсегда осложненные невозможностью объективной проверки регистраций фольклора в условиях домагнитофонного века.

А. Д. Григорьев, записывавший произведения «обыкновенно с пения, а не с рассказа»¹⁶ (рассказ в его практике был лишь подсобным, чаще — вводным, способом записи), констатировал: «Большинство певцов при каждом новом пении изменяют текст, так что исправлять пропетое в первый раз по поющему во второй раз нельзя».¹⁷

Собиратель столкнулся с постоянной заменой слов синонимами из фольклорного и речевого арсенала певцов. Звукозамещения были столь же часты, и в качестве примеров А. Д. Григорьев упомянул, что «ранее певец» мог петь «переходный звук между *ц* и *ч* (не то *ц*, не то *ч*) или не совсем ясное *я*», а «при повторении» пропевать «вполне ясное *ц* или *ч*, *е* или *я*».¹⁸ Фольклорист после каждой записи произведения с проверочной целью «прочитывал» запись певцу, «прося его

¹³ Там же. Т. 3. С. 113.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. XXV.

¹⁷ Там же. С. XXVII.

¹⁸ Там же. С. XXVIII.

повторить стихи с сомнительными местами»: по его словам, то был способ гарантировать себя от ошибок. «Если певец по невнимательности пропускал в старине несколько стихов, присутствие которых требовалось по смыслу», иногда вопрос собирателя помогал восстановить утраченное. Если же певец пропуска не ощущал, А. Д. Григорьев «не заставлял его петь пропущенное, чтобы не внести своего личного влияния».¹⁹ Наблюдая живые творческие колебания при исполнении поющих произведений поэзии, собиратель сделал оговорку о зависимости текстовых несовершенств записанного от исполнительского фактора: «Правильный стихотворный размер выдерживается не всегда: иногда сократят стих, выпустив несколько слогов, которые можно бы восполнить разными частицами; иногда опустят первую половину стиха, а вторую присоединят к предыдущему стиху, отчего тот кажется странным; а иногда прибавят в стихе несколько лишних слогов и, чтобы подогнать текст к напеву, несколько слогов поют короче остальных». Одновременно было констатировано, что в практике пения «нет строгой выдержанности в звуках, формах и словах: рядом с *и* вместо *е* является *е*», например «во чистом поли <...> во чистом поле; видели <...> видели; в одном стихе в известном слове стоит *е*, а в другом стихе в том же слове — *ё* или *о*». Отсюда — колебания: «нашем — нашом»; «оттого рядом с глухими согласными вместо звонких перед глухими или в конце слов и стихов стоят звонкие; рядом с древней формой является новая; рядом с обычными в старинах словами и выражениями ставятся странные для старин слова и выражения».

А. Д. Григорьев предостерегал от того, чтобы «невывержанность произношения, языка и пения певцов <...> ставилась в вину записывающим».²⁰

Акценты собирателя на характеристике былинных текстовых реальностей с точки зрения самооценки работы внимательнейшего и ответственного филолога пронизывают и значительную часть «Предисловия», и подстрочные примечания, и специальный финальный раздел «Примечания» его книг «Архангельские былины и исторические песни».

Ученый выступил как собиратель и публикатор собранных им памятников эпического песенного народного творчества, устремленный к тому, чтобы зафиксировать и передать в печати особенный диалектный их облик. Он уходил от принципов «избирательной» фонетической фиксации особенностей регионального фольклора, которые отмечались еще П. В. Киреевским, А. Ф. Гильфердингом, П. Н. Рыбниковым, Н. Е. Ончуковым и проступали в текстах собирателей-предшественников как большая или меньшая «светотеневая» характеристика областного своеобразия словесных песенных текстов. Имевшимися в его распоряжении ресурсами — и прежде всего методическими приемами, почерпнутыми из диалектологической университетской, академической школы конца XIX—начала XX в., развитыми его собственным даром недюжинного диалектолога, — он стремился преодолеть некую притупленность, огрубляющую неполноту в отслушивании обертонов эпического напевного слова, в «отлавливании» реальных нюансов народного певческого искусства. Практически равного ему в этом фольклориста тогда не было.

Тем не менее запечатление А. Д. Григорьевым в собрании «Архангельские былины и исторические песни» картин живой жизни севернорусских диалектов не явилось исчерпывающее полным и лишенным недосмотров и противоречий.

Записи Григорьева отразили драматизм фонологических исканий русской фольклористики, столкнувшейся с обескураживающей технической безоружностью перед лицом назревшей рабо-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. XXIX. Аналогичное явление было зарегистрировано Н. Е. Ончуковым. (Ср. СБ 1. С. 108—109).

ты — бесстрастно-«аппаратного» запечатления невозвратно уходящего из истории культуры древнего типа песнопений.

Опыт полевой работы А. Д. Григорьева доказал со всей отчетливостью, что фокус внимания собирателей при встрече с былевой поэзией как поющим искусством то и дело смещался. Даже при наличии в общем единых диалектологических установок приоритетно схватывались и фиксировались вначале одни из оказавшихся в поле зрения моментов говора, живой речи, одни качественные характеристики процесса исполнения, затем другие, третьи... Собираатель время от времени стихийно то расширял свои задачи, то сужал их, увлекался некими нюансами звучания рождающегося напевного текста, спешил уловить их, но затем остывал к ним или не имел возможности их отследить. Ему не всегда удавалось зарегистрировать в равной мере все явления фонетической динамики, отловить все паузы, словообрывы, остановки, отметить все ускорения темпа речевого движения, далеко не эпизодические стиховые слогорастяжения и слогосжатия — все особенности естественного течения былин, подчас даже при осознанном стремлении достичь конкретных целей записи на пространстве одного произведения. Оттого живое звучание былин выявлялось и отражалось неравноценно. Внимание смещалось с общего смысла исполняемого произведения на его микроструктуру, что не могло не отражаться на результатах записи, где проявлялись эпизодичность, непоследовательность фиксации элементов текста, которые в завершенных григорьевских публикациях то рисуются с известной отчетливостью, то ступшевываются. Звукообраз некоторых повторяющихся стихов, формул иногда нарушают вкрапления рефлексивной книжной нормативности (от этого не избавлены ничьи самые лучшие записи, произведенные от руки). То, что наблюдается при экспедиционной работе и в новый «магнитофонный» век, что требует всякий раз оглядки, проверки достоверности графической карандашной записи показаниями магнитофонной пленки, — в начале XX в. оставалось вне возможностей контрольных прослушиваний.

Как уже сказано, вторичное пропевание текстов обновляло облик и окраску текста, что особенно остро почувствует позже А. М. Астахова. Нелегко было выработать надлежащую скорость письма. Колебания сопровождали выбор знаков передачи того или иного фонетического явления, поиски выгоднейших способов использования пунктуации.

Собрание оставило последующим его аналитикам немало загадок, которые отнюдь не сняли ни искренние многократные оговорки А. Д. Григорьева-публикатора типа: «так в черновике», — ни признания в трудностях чтения личной полевой скорописи: «не ясно, как читать слово», «едва ли описка», «не описка ли?».²¹

Время добавило неизбежные расхождения републикаторов с А. Д. Григорьевым: при передаче текстов он следовал орфографическим и пунктуационным навыкам своего времени, хотя и был сторонником академической реформы старого правописания.²²

В свете внушительных результатов экспедиционной работы А. Д. Григорьева, а затем экспедиций конца 1920-х гг., тускнеют наблюдения, сделанные всего три года спустя во время пребывания на Мезени членом Общества любителей российской словесности, литературоведом и этнографом Е. А. Ляцким: «Искали мы в селах (в числе всякой прочей этнографической самобыт-

²¹ Архангельские былины и исторические песни. Т. 3. С. 653.

²² См. показательный текст доклада А. Д. Григорьева «История русского правописания и основы новейшей его реформы», произнесенный на I съезде деятелей русской зарубежной школы (иначе — Педагогическом съезде), состоявшемся в Праге 2—7 апреля 1923 г. (Русская школа за рубежом. [Прага], 1923. № 2—3. С. 80—91). За любезно предоставленную ксерокопию доклада благодарим магистра Карлова Университета (Прага) И. В. Лемешкина.

ности) и былины, но довольно безуспешно. О былинах (по местному — старинах) знали решительно все, но настоящих сказителей не нашли. Девяностолетний старик Евдоким Кычин спел, впрочем, несколько сильно испорченных былин об Илье, наиболее популярном здесь герое, перенеся на него решительно все подвиги других героев былинного эпоса».²³ Правда, Е. А. Ляцкий и его спутник С. В. Мартынов пытались производить обследование деревень, до которых Григорьев не добрался (выше по течению Мезени: с. Пылема, Палащелье, Койнас, Березники и др.). Тем не менее, учитывая опыт последующих экспедиций в эти места, результаты поездки 1904 г. можно считать достаточно скромными, хотя и заслуживающими внимания в качестве дополнительного материала. Это 2 былинных текста с явными следами разрушения эпической традиции, 2 духовных стиха (из них 1 непаспортизированный) и несколько песен.

После выхода в свет в 1910 г. 3-го тома собрания А. Д. Григорьева в изучении мезенской культуры наступил длительный перерыв. Возобновление исследования традиции связано с деятельностью секции крестьянского искусства Государственного института истории искусств, объединившей в 20-е гг. специалистов разного профиля. В 1926—1929 гг. секцией, возглавляемой проф. К. К. Романовым, специалистом по деревянному и каменному зодчеству Древней Руси, осуществлялись систематические экспедиции в районы Русского Севера по плану комплексного изучения крестьянской культуры.²⁴

В 1927 г. состоялась вторая по счету экспедиция (первая годом раньше была направлена в Заонежье). Ее маршрут охватил районы Пинеги и Мезени. Мезенской группой руководил В. Н. Всеволодский-Гернгросс.²⁵ Записей эпоса сотрудниками не производилось, но за месяц был собран богатый материал по обрядовому фольклору,²⁶ снят фильм по народной хореографии. В шести населенных пунктах (Мезень, Малые Нисогоры, Пылема, Верхний Березник, Кузьмин Городок) осуществлялись фонографические записи (всего около 100 фрагментов, представляющих различные жанры песенного фольклора).²⁷ Некоторые научные результаты экспедиции нашли отражение в работах В. Н. Всеволодского-Гернгросса.²⁸

Через год секция крестьянского искусства продолжила работу на Мезени. В группу по обследованию фольклорной традиции были включены А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова, А. И. Никифоров, И. М. Левина, Э. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус. Задача изучения

²³ РО ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 22, л. 46—47 (Архив Е. А. Ляцкого. Дневник экспедиции на Мезень и Печору).

²⁴ В состав экспедиции входили филологи, музыковеды, художники, театроведы, архитекторы, фотографы (см.: Крестьянское искусство СССР. Л., 1928. Вып. 2. С. 8; Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 4).

²⁵ В состав группы входили: А. В. Рыков, А. Я. Козырева, С. С. Писарев, Н. Ф. Ефремов (кинооператор). См.: 1) Из ранних записей групповой причеты на Русском Севере / Публ. Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 147—154; 2) Мезенский песенный фольклор в ранних записях советского времени: (По результатам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 г.) / Публ. Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 492—540.

²⁶ РО ИРЛИ, р. V, кол. 4. Соб. А. Я. Козырева (около 150 текстов).

²⁷ ФА ИРЛИ, кол. 8. ФВ 680—694. Соб. В. Н. Всеволодский-Гернгросс.

²⁸ Всеволодский-Гернгросс В. Н. Крестьянский танец // Крестьянское искусство СССР. С. 236—248. Единичные тексты, записанные экспедицией на Мезени, вошли в антологию «Игры народов СССР» (см.: Игры народов СССР: Сб. материалов / Сост. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. М.; Л., 1933. С. 98—99, 224, 248, 252—253, 271, 328, 331—333; № 239, 545, 588, 596, 624, 745, 754, 755, 757).

мезенского эпоса возлагалась на А. М. Астахову, тогда еще начинающего ученого. Часть собранных ею материалов впоследствии была опубликована в собрании «Былины Севера».²⁹

Работа велась в районах Лешуконья — в верхнем и среднем течении Мезени (от Вожгор до Больших Нисогор). Таким образом, оказывались охваченными те места, где А. Д. Григорьевым и экспедицией 1927 г. записи не производились. Повторная фиксация материала осуществлялась лишь в двух (из 11 обследованных) населенных пунктах — Большие и Малые Нисогоры. И только в одном случае — от ученика сказителя, записанного в свое время А. Д. Григорьевым (от И. И. Поэдякова — зятя А. М. Мартынова Большого). Поэтому вопрос об изменениях в репертуаре сказителей и об эволюции мужской эпической традиции в целом мог решаться лишь косвенным путем. Зато столь значительное расширение района обследования позволяло установить границы ее ареала и выявить (разумеется, с учетом григорьевских текстов) основной корпус мезенского эпоса.

В самой же методике собирательской работы А. М. Астахова во многом следовала за А. Д. Григорьевым. Она стремилась к фиксации былин в комплексе с другими эпическими жанрами: балладами, духовными стихами, историческими песнями. Всего в 1928 г. было записано 47 былин (одна — в групповом исполнении) от 17 сказителей, из них — 2 женщины.³⁰

Тщательно регистрировавшие А. М. Астаховой сведения о преемственности в сказительском искусстве подтверждали мысль А. Д. Григорьева о процессе распространения былин преимущественно в совместной деятельности промысловиков-охотников.

При всем стремлении исчерпать эпический репертуар (что стало возможным вследствие его заметного сужения) А. М. Астаховой осуществить этого в полной мере не удалось главным образом «по причине своей связанности общим планом большой комплексной искусствоведческой экспедиции».³¹ Тем не менее сама установка на фиксацию абсолютно всех былинных текстов позволяла ей по-новому осветить проблему вариантности в эпосе. В целом, сравнивая итоги экспедиции 1928 г. с результатами собирательской работы А. Д. Григорьева, А. М. Астахова отмечала, что «в 1928 г. на Мезени <...> можно было говорить о настоящем бытовании былин», «хотя такого», как в начале века, «процветания в полной мере мы уже не застали».³²

Интересы исследователей не исчерпывались лишь эпическим жанром. Экспедицией был собран обширный материал, охватывающий практически все жанры местного фольклора.³³ Участие в работе двух специально подготовленных музыковедов — Э. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса обусловило высокое качество собранных музыковедческих материалов, и мезенская музыкально-эпическая культура получила разностороннее отражение в архивных фондах отечественной фольклористики.³⁴ В отличие от фонографических записей В. Н. Всеволодского-Гернгросса, носивших чисто иллюстративный характер, Э. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус работали по специальной научной

²⁹ Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.

³⁰ Что касается баллад и духовных стихов, записанных в экспедиции, то точное их количество может быть установлено лишь после детального изучения всего архива А. М. Астаховой.

³¹ Былины Севера. Т. 1. С. 162.

³² Там же. С. 45—46.

³³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 5. Соб. А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, Н. П. Колпакова, И. М. Левина, А. И. Никифоров (около 2000 текстов). Часть записей классической прозы позже была издана. См.: 1) Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934. № 131—150; 2) Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961. № 90—131.

³⁴ ФА ИРЛИ, кол. 6. ФВ 272—427. Соб. Э. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус.

программе, направленной на изучение музыкальной стилистики мезенского фольклора. К числу их важных экспедиционных достижений следует отнести успешное обследование фольклорных традиций мезенских коми (д. Латьюга), проведенное без участия филологов. Усилиями сотрудников Государственного института истории искусств была решена важная задача по формированию первичного фонда, на основе которого появлялась возможность дальнейшего планомерного изучения мезенской фольклорной традиции.

Возобновление работы по изучению эпической традиции в бассейне Мезени произошло лишь через 30 лет. В июле—августе 1958 г. состоялась археографо-фольклорная экспедиция Института русской литературы АН СССР в районы нижнего и среднего течения Мезени, т. е. «по следам» А. Д. Григорьева, но с охватом населенных пунктов на р. Вашке. В состав экспедиции кроме фольклористов Н. П. Колпаковой, В. В. Митрофановой, Э. И. Власовой, музыковедов Ф. В. Солодова и В. В. Коргузалова вошли также филолог-лингвист А. П. Евгеньева и исследователь древнерусской литературы Н. Ф. Дробленкова.

В июне—июле 1961 г. сотрудники ИРЛИ АН СССР В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов, С. Н. Азбелев продолжили работу в Мезенском крае, повторно (после А. М. Астаховой) обследовав Лешуконский район выше с. Лешуконского по течению реки.

В результате стало возможным реальное освещение судьбы эпического жанра на протяжении более чем полувека. В целом выводы оказались неутешительными. «В 1958 г. старожилы сообщали, что слышали „старины“ в молодости и в свои зрелые годы, но не запомнили их, а то, что и запомнили, затем забыли. Потомки певцов, исполнявших былины в 1901 г. А. Д. Григорьеву и в 1928 г. А. М. Астаховой, вымерли или переняли только незначительную часть богатого наследия отцов и дедов. Некоторые пожилые мужчины помнили тексты, но по слабости голоса не могли их спеть для записи на магнитофон. Другие, наоборот, помнили напевы и зачины былины, но после 15—20 стихов заявляли, что дальнейших слов не припомнят».³⁵

Всего в 1958 и 1961 гг. в 24 населенных пунктах почти от 40 человек было записано около 80 текстов. Даже эти сухие цифры свидетельствуют о резком ограничении репертуаров сказителей. Как правило, от одного исполнителя удавалось зафиксировать одну-две былины и лишь в редких случаях — 5 и более. Угасание традиции проявилось и в «переходе» эпического репертуара из преимущественно мужской среды в преимущественно женскую (27 человек из 40 указанных — женщины). Однако мастерство исполнения еще не было утрачено окончательно, о чем свидетельствуют записи от Т. Г. Немнюгиной (Кимжа), А. Е. Паюсовой (Мезень), С. Ф. Поздякова и Н. Ф. Поздякова (Малые Нисогоры). В трех селах (Азаполье, Дорогорское, Юрома) собирателям удалось зафиксировать групповое исполнение былин.

Предположение А. Д. Григорьева относительно «долгой жизни» эпоса на Мезени не оправдалось, да и не могло оправдаться в силу резкого изменения социально-бытовых условий деревни, которые способствовали быстрому разрушению традиционного народного искусства. Тем не менее даже «скудные остатки прежнего былинного богатства»³⁶ представляли собой не только научную, но в целом ряде случаев — и чисто художественную ценность.

³⁵ Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. С. 31. См. также: Колпакова Н. На Мезени // Советская этнография. 1960. № 2. С. 171—173.

³⁶ Песенный фольклор Мезени. С. 31.

В последующие 1970—1980 гг. интерес собирателей к изучению мезенской культуры не ослабевает. По-прежнему активно работают сотрудники ИРЛИ АН СССР по традиционным направлениям — с охватом новых районов в бассейне р. Кулой.

В августе 1971 г. С. И. Дмитриева в составе архангельского отряда восточнославянской экспедиции Института этнографии АН СССР проводила обследование фольклорных жанров в селах, расположенных в нижнем течении Мезени.³⁷ Ею были осуществлены повторные записи от А. В. Шишовой (Кильчем-Гора) и Т. Г. Немнюгиной (Кимжа): всего 8 текстов. При этом оказалось, что репертуар последней несколько шире зафиксированного экспедицией ИРЛИ АН СССР в 1958 г.

В 1975—1976 гг. большую собирательскую работу в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области проводили студенты Московского государственного университета под руководством сотрудников кафедры народного творчества.³⁸ Подводя предварительные итоги, участники экспедиции отмечали хорошую сохранность таких жанров, как лирические песни, частушки, былички, предания и др., но былинная традиция почти полностью исчезла. Большинство записей МГУ (всего их привезено около 80) — пересказы, стихотворные отрывки и просто припоминания былинных сюжетов. Исполнить былинку или ее фрагмент оказались в состоянии очень немногие (с пения записано лишь 9 текстов у 6 исполнительниц).

Вместе с тем необходимо отметить, что в 1975 г. впервые за всю историю собирательской работы на Мезени объектом полевых исследований был ее приток — р. Пёза (за несколько лет до появления там экспедиций ИРЛИ АН СССР и Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных). Последнее очень существенно. Учитывая процент ненецкого населения в отдаленных селах Мосеевского и Сафоновского с/с, а также непосредственную близость к Печорскому бассейну (Сафоновский с/с), можно было предположить резкую смену фольклорной традиции. Однако обследование показало обратный результат. Экспедиции в бассейн р. Мезени выявили принципиальную целостность местной песенной культуры на всей территории.

Собирательская деятельность 1970—1980 гг. с позиций изучения эпического жанра имела уже второстепенное значение. В основном удалось лишь продублировать (где это оказалось возможным) материалы, записанные ранее экспедициями ИРЛИ, но с той лишь разницей, что состояние сказительской культуры за истекшие два десятилетия сильно ухудшилось. Многие исполнители, владевшие традицией напева, были уже не способны исполнить былинку, хотя и пересказывали сохранявшиеся в памяти былинные тексты.

Важным дополнением оказались образцы эпического жанра, записанные на р. Пёзе. Будучи немногочисленными, они частично вносили уточнения, частично подтверждали некоторые выводы, вытекавшие из опубликованных материалов.

Результаты обследования фольклорной традиции на р. Пёзе показали, что распространение былинки охватывало главным образом деревни Быченского с/с (Бычье, Лобан), расположенные

³⁷ Дмитриева С. И. Особенности современного фольклора на Русском Севере // Традиции и современность в фольклоре. М., 1988. С. 36—52.

³⁸ См.: Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1976. № 4. С. 173—174; Савушкина Н. И., Кулагина А. В. Экспедиционная работа кафедры русского народного творчества // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1977. № 2. С. 72—78; Ванюшина И., Еремичева Н., Жукова И. и др. Современное состояние жанров фольклора в Лешуконском районе // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1987. № 6. С. 50—56.

на сравнительно небольшом расстоянии от Мезени и имевшие постоянный контакт с селами, известными мощной эпической традицией — Дорогорским, Кимжей, Кильцей. Напевы же записанных в деревнях Быченского с/с былин по своим музыкально-стилевым особенностям полностью согласуются с напевами мезенского классического эпоса. Это позволяет установить северо-восточную границу ареала.³⁹

Как оказалось, наиболее устойчивое бытование эпического жанра наблюдалось в нижнем и среднем течении Мезени. При движении вверх традиция заметно ослабевала, а в районах вероятных контактов русских и коми (на Мезени — Латьюга) и ненецким населением (на Пёзе — Сафоново) былины либо вовсе не фиксировались, либо были представлены единичными и малоубедительными образцами.

³⁹ Полностью на магнитофон были выполнены единичные записи при поездках сотрудников Института русской литературы: в 1976 г. — В. В. Коргузалова и Г. В. Матвеева в пос. Каменка, в 1982 г. — А. Ю. Кастрова, Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой и С. П. Полозковой в д. Игумново на р. Пёзе.

А. Д. Григорьев

VI. Кулойский и мезенский края и былинная традиция в них

Цель, время и маршрут поездки. — Природа и пути сообщения по р. Кулою и по р. Мезени. — Климат. — Экономический быт населения: земледелие, скотоводство, рыболовство и бой тюленей, охота, лесной промысел, извоз и торговля. — Характер, степень культурности и грамотность жителей. — Медицина. — Религия и особенности религиозного быта. — Предания о старине и царская грамота 1695 года. — Посещенные мною места и результаты поездки по р. Пинеге и по р. Кулою и Мезени. — Наблюдения над положением в этом крае старинной традиции (существующие здесь сюжеты, новые старины, рукописи и печатная книга со старинами) и выводы о положении здесь этой традиции. — Перечень мест, где существуют старины и исторические песни, и лиц, которые знают их.

Летом 1901 г. я совершил третью этнографическую поездку по Архангельской губернии, именно по ее Пинежскому и Мезенскому уездам.¹ Целью этой поездки было собирание старин (былин) и напевов, кои они поются.

Всего в этой поездке я провел два с половиной месяца: из Москвы я выехал 30 мая, а вернулся в нее 12 августа. Сначала я проехал по тем местам вдоль р. Пинеги, где я был во время своей второй поездки по Архангельской губернии, т. е. в 1900 г., для того чтобы записать наиболее удобные для записи фонографом мотивы записанных мною тогда старин; а затем я отправился для собирания старин и их напевов на новые места и объехал р. Кулой и р. Мезень (до деревни Больших Нисогор). Вообще маршрут моей поездки был таков: из Москвы я проехал по железной дороге в Архангельск, а оттуда на пароходе в д. Усть-Пинегу; отсюда вверх по р. Пинеге на лошадях до д. Шотогорки; потом вниз по р. Пинеге до г. Пинеги; из г. Пинеги я отправился на север и проехал на лошадях до с. Кулоя, а отсюда я ехал исключительно на лодках вниз по

¹ Мой отчет об этой поездке напечатан в I Приложении к «Отчету о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1901 год, составленному к торжественному заседанию Императорской Академии наук 29 дек. 1901 г. ординарным академиком А. И. Соболевским» (СПб., 1901 г.; с. I—IV и добавление к нему, с. VI—VII).

р. Кулою и по его притокам — р. Нёмнюге и р. Сояне; далее я поехал из с. Долгой Щели на морском карбасе (особой лодке) по Кулою и Ледовитому океану в с. Койду, но, не доехав 25 верст до нее, принужден был немного вернуться назад и укрываться от бури в течение двух суток в реке Абрамовке, откуда я сходил пешком в д. Нижу; затем я вернулся обратно в с. Долгая Щель, а отсюда я переехал опять на карбасе по Кулою и Ледовитому океану в г. Мезэнь; от г. Мезэни я поехал на юг, т. е. вверх по р. Мезэни, на лошадях; доехав до Больших Нисогор, я повернул в обратный путь по тракту через Верхнюю тайболу (сплошной лес на протяжении 100 верст между р. Мезенью и Пинегой) на р. Пинегу; заехав в г. Пинегу, я приехал в д. Усть-Пинегу, откуда на буксирном пароходе добрался до г. Архангельска, а отсюда по железной дороге возвратился в Москву. Всего я проехал по железной дороге 2098 верст, на пароходе 180 верст, в лодках 540, на лошадях 820 и пешком 62 версты; следовательно, всего я сделал по железной дороге, на пароходе, в лодках, на лошадях и пешком 3700 верст.

(...) на реке Пинеге я был за год до этой поездки (т. е. во время своей второй поездки) и (...) описание природы Пинежского края и быта его населения уже находится при пинежских старинах (...) теперь мне остается дать описание местности и быта жителей только по реке Кулою и реке Мезени. Так как почти все свое внимание я обратил на соби́рание старин и их напевов и только попутно делал наблюдения над природой посещаемых мною местностей и над бытом живущего в них населения, то вследствие этого мои наблюдения над природою и бытом носят несколько отрывочный характер.

Местность, орошаемая Кулоем и Мезенью, распадается на два бассейна: на бассейн р. Кулоя и на бассейн р. Мезени.² Я поговорю о каждом бассейне особо.

Река Кулой начинается немного севернее г. Пинеги. Приняв в себя с левой стороны приток Сотку, он течет с небольшими уклонами почти прямо на север. Начавшись на водораздельной возвышенности, он течет далее по неширокой долине, принимая в себя с обеих сторон довольно большое число притоков. Наиболее значительные из них — Нёмнюга с правой и Сояна с левой стороны. Кулой до впадения в него р. Сояны представляет из себя неширокую реку; по впадении же в него р. Сояны он значительно расширяется, доходя при впадении в море до нескольких верст в ширину. Но зато на всем своем течении он отличается сравнительной глубиной, вследствие чего является не только сплавной, но и судоходной рекой: по нему ходят не только малые лодки, но и большие карбасы, а нижнее течение его доступно и для небольшого парохода, приходящего сюда из р. Мезени за лесом. Островов на р. Кулое сравнительно мало, но зато при расширении его, по впадении в него р. Сояны, в нем много мелей, называемых здесь *кошками* и представляющих опасность для плывущих лодок во время отлива при северном ветре, когда от встречи течения с ветром образуется сильное волнение, скрывающее *кошки* от глаз плывущих. — Кулой, его притоки, а также и озера богаты разного рода рыбой (щуками, подъязками, хариусами и др.).

Оба берега р. Кулоя покрыты лесом, который иногда, отодвигаясь подальше вглубь, дает место низким и большею частью узким наволокам, покрытым хорошей травой. Лес — большею частью смешанный и состоит из сосны, ели, березы, ольхи, осины и лиственницы; изредка попадаются чисто сосновые боры; на *пожнях* (лугах) по самому берегу идут ивовые заросли. Вверху по Кулою лес крупный, а ниже по реке он мельче и реже, вследствие чего в 25 верстах от устья реки в д. Долгой Щели избы строятся из леса, сплавленного с верху реки. В лесу к концу августа появляются грибы и ягоды: *землянка* (земляника), черника, голубель, малина и морошка. В нем водятся белки и лисицы; довольно часто встречаются медведи и очень редко дикие олени; редко встречаются также волки.

Сравнительно немного на северо-запад от устья р. Кулоя, на мысе Абрамовке, находится уже настоящая тундра, с кочками и болотами, покрытыми мхом, без леса. На ней по углублениям растут ягоды (сдыха, голубель, морошка) и трава. Только в более глубоких впадинах, защищенных от ветра, находятся

² Обе эти реки впадают в Северный Ледовитый океан или, точнее, в ту часть его, которая называется Мезенским заливом. См. мою карту при III томе.

карликовые деревья в виде кустов, так теснящихся друг к другу, что среди них трудно пробраться; выше своего закрытия (горки) они не растут. По тундре изредка встречаются березки, но их трудно заметить, так как небольшой ствол их длиной до аршина и толщиной в палец скрыт в почве под мхом, а от земли отделяется немного только самая вершина ствола с несколькими листьями.

На некотором расстоянии от берега мне пришлось быть только в верховье Кулоя, когда я ехал еще на лошадях; далее я плыл по самому Кулою, высаживаясь только в деревнях и не заглядывая вглубь страны. В верховье Кулоя, по дороге от г. Пинеги до с. Кулоя, почву составляют песок или суглинок, лежащие на известняке.³ Почвенной водой этот пласт размывается, и поэтому часто случаются провалы верхнего слоя почвы. По этой дороге с обеих сторон ее много ям, имеющих вид опрокинутых конусов. На дне ям находятся еще растущие или упавшие при провале деревья. То же явление я наблюдал на южном берегу р. Пинеги по дороге из г. Пинеги вверх по реке к станции Пильегорам. Может быть, оно имеет место и по течению р. Кулоя ниже с. Кулоя, но под с. Карьеполём оба берега реки заняты болотами: на правом берегу они уходят вглубь на 15 верст, а на левом на 8 верст.

Как было уже упомянуто, в Кулой впадает довольно много притоков в виде ручьев и рек. Наиболее значительны из последних — Сётка, Тóлда, Пóлта, Ёжуга, Лака и Сояна с левой стороны, Олья и Немнюга с правой. Человеческие поселения есть только на двух из этих рек — Немнюге и Сояне: на Сояне деревня Сояна, а на Немнюге 5 деревень, объединенных в одном общем названии Немнюга. На самом Кулое, несмотря на его длину свыше 210 верст, только три поселения и притом на значительном расстоянии друг от друга: Кулой с Ореховской (в 35 верстах от г. Пинеги), Карьеполе (в 90 верстах от с. Кулоя) и Долгая Щель или Щелья (в 60 верстах от с. Карьеполя).

Пути сообщения р. Кулой похвалиться не может. По сухому пути можно проехать, куда нужно, только зимою; тогда проходит через с. Немнюгу и Кулой почтовый тракт из г. Мезени в г. Пинегу. Летом положение совсем другое. Только из г. Пинеги в с. Кулой на расстоянии 35 верст есть колесная дорога, которая идет по правому берегу р. Кулоя на некотором расстоянии от самой реки и изобилует массой подъемов и спусков, так как на ней есть много довольно высоких и крутых холмов (по-тамозшему *гор*). Рядом с этой утомительной дорогой есть другая дорога, именно по реке; в случае отправления по второй дороге, 5 верст от города до реки едут на лошадях, а далее следуют в лодке. Начиная же с с. Кулоя, вниз по р. Кулою и его притокам летом можно ездить только на лодках: сухопутных дорог здесь летом нет вовсе.⁴ При движении по реке с течением едут на веслах по середине реки; а против довольно быстрого течения едут под берегом, *пахаясь* шестами. С течением двигаются со скоростью около 7—10 верст в час (смотря по гребцам), а против течения со скоростью 4 верст в час. С такою скоростью можно двигаться в хорошую погоду; в случае же сильного противного ветра приходится высаживаться на берег и выжидать здесь сутки-другие, а то и неделю, пока не установится опять хорошая погода. Зато при попутном легком ветре ставят паруса и едут без помощи весел. Кое-где по р. Кулою стоят маленькие курные избышки без окон, где едущие отдыхают, кипятят чай или варят горячую пищу; эти избышки дают также приют крестьянам, приезжающим сюда для рыбной ловли. В нижнем течении р. Кулоя, где река расширяется и где действует морской прилив, положение плывущих ухудшается, ибо они зависят не только от погоды, но и от приливов. Прилив здесь очень высок и силен.⁵ Во время прилива вода поднимается у моря сажени на три и более и идет быстро

³ Этот известняк, называемый здесь *опóкой*, крестьяне с. Карьеполя возили на лодках в свою деревню для ремонта церкви, по 2 пуда с мужской души; копали они его на берегу Кулоя несколько выше с. Кулоя.

⁴ Только из с. Кулоя в с. Немнюгу с трудом ходят пешком по зимнику (44 версты), пробираясь по мостовинам.

⁵ Такой силой прилив обладает только еще в 3 местах земного шара, если верно указание Д. Н. Островского, автора «Путеводителя по Северу России» (с. 121). Вследствие такой силы прилива, устье р. Кулоя и море у него не может замерзнуть совсем (сплошь): прилив и отлив ломают лед и носят его взад и вперед.

вверх по реке на расстоянии 70 верст от устья, т. е. прилив действует на треть реки. Вода идет с такой силой, что на веслах нет возможности бороться с нею; на шестах подвигаются вперед с большим трудом и очень медленно. Поэтому здесь для движения между деревнями надо сообразоваться со временем прилива и отлива, а не со своею надобностью. Здесь следует также отметить, что поездка в д. Долгая Щель с верху р. Кулоя на соянских шитых длинных лодках или на долгощельских коротких, но высоких морских лодках и карбасах — еще сносна; плавание же на карьепольской однонабойной осиновке, в каковой довелось мне ехать, прямо подвергает едущих опасности.

Для того чтобы из с. Долгой Щели попасть в одно из морских селений, лежащих на западном берегу (д. Нижа, с. Койда) и на восточном берегу Мезенского залива, нужно ехать туда не только по р. Кулою, но и по морю. Эта дорога еще более неудобна, чем по Кулою. И в одном и в другом направлении есть довольно мелей (некоторые даже из камня). В тихую погоду крестьяне, изучившие фарватер, едут хорошо. Но в бурю приходится плохо, так как ветер гонит карбас к берегу на мель, где волны могут залить его. Стоять в открытом море карбасам также трудно. Поэтому им необходимо укрыться во время бури куда-нибудь в устье реки; а таких прибежищ мало, особенно по дороге в Койду, где их на 75 верстах морского берега всего два (р. Нижа и р. Абрамовка).

Ранее, когда пароходы не доставляли еще товаров из Архангельска в Мезень морским путем, река Кулой имела более значения в торговом отношении: товары из Архангельска в Мезень шли по р. Северной Двине и Пинеге до р. Пинеге, а отсюда по р. Кулою и Мезенскому заливу в г. Мезень. Эта дорога короче, чем сухопутная из г. Пинеге в Мезень, но зато опасна во время бурь.

Для разъезда чиновников по р. Кулою и приморским деревням здесь есть земская почта, состоящая летом из лодок и карбасов, а зимою из лошадей.⁶

Вторая главная река впервые объеханной мною теперь местности — река Мезень, текущая с юга-востока на северо-запад. Наиболее значительные притоки ее с правой стороны — Пижма и Пёза, а с левой — Ва́шка и Кйжма. Река Мезень по сравнению с рекой Кулоем, отличается бо́льшей шириной, но в то же время она изобилует массой мелей, перемещающихся с места на место.⁷ Местность, по которой протекает описываемая мною часть р. Мезени, представляет из себя плоскость, на которой по местам встречаются гряды холмов. По обоим берегам р. Мезени и ее притоков идет смешанный лес, состав коего тот же, что и по р. Кулою. Этот лес, по крайней мере на 100 с лишком верст от г. Мезени вверх по р. Мезени, не уходит далеко от берега, а идет вдоль него полосой в несколько верст шириной; далее между реками находится тундра. По местам высокие берега р. Мезени, образующие много щелей, расступаются и дают место низким наволо́кам, покрытым прекрасными лугами. В низких местах по наволокам растет ива и ольха.

По р. Мезени два пути сообщения — сухопутный и водный. В самом устье р. Мезени до г. Мезени ездят главным образом по реке. Вверх же от г. Мезени удобнее ехать на лошадях, так как на р. Мезени

⁶ В последнее время в г. Мезени возник план соединить этот город с г. Архангельском непосредственным трактом через р. Кулой и деревню Сояну. В одну зиму по этому направлению прошла команда солдат и наметила дорогу, но далее о новой дороге ничего не слышно. Из г. Мезени уже отправляли зимою по намеченной дороге обозы в Архангельск. Священник с. Карьеполя о. Владимир Иванович Терентьев с одним карьепольским крестьянином В. Пупцевым указывали мне другое, будто бы более короткое и более удобное направление, а именно: из г. Мезени в Лампожню (17 верст), затем в Карьеполе (30 верст) (болота до р. Кулоя 15 верст и за Кулоем 8 верст), далее через гору в северо-западном направлении (версты 3 в ширину), по Нырзанге (верст 20—25), вдоль по Лунской горе (25 верст) через Русской рúчей и вдоль ручья (25 верст) хребтом, а далее по самоедской дороге (12 верст) выехать на Дохлы озера, оз. Суксому (3 версты) (глухой конец), через Кременной рúчей, Черну реку на Козлов дол (8—10 верст), а отсюда по долу на р. Куропалку, с которой возят лес в Архангельск (45 верст).

⁷ Я говорю здесь, конечно, только о той части реки Мезени, которую я сам видел, т. е. от моря до впадения в нее реки Ваши.

много мелей и извилистый фарватер, вследствие чего двигаться по ней приходится медленно. Но сухопутная дорога, идущая вдоль р. Мезени по ее правому берегу, несмотря на то, что на ней пролегают оба тракта, земский и почтовый, и на то, что по ней расположено довольно много деревень, находится в неисправности. На ней в песчаных местах в сухую погоду сыпучий песок, а в глинистых местах в слякоть глубокая грязь; на ней масса выбоин, так что в иных местах на каждом шагу встряхнет раз пять. На ней обычно нет канава для отвода воды; а существующие на ней в виде исключения канавы устроены как будто для отвода глаз, а не воды: они узки, с узкими же, а не отлогими краями, так что с дороги вода может попасть в них только с трудом, тем более что середина полотна не повышена. В тех местах, где дорога проходит под горой, полотно ее мало сравнено, вследствие чего одна половина тарантаса идет выше другой и тарантас легко может опрокинуться. Мосты, которые здесь все временные (разбирающиеся во время половодья), строятся очень небрежно, без наложения достаточных тяжестей на концы мостовин, вследствие чего они при проезде через мост прыгают.⁸

Климат местности, лежащей по р. Кулою и Мезени, отличается суровостью во время зимы и резкими переходами летом. Летом сегодня может быть 20° тепла по Реомюру, а завтра подует холодный северный ветер, и все должны надевать малицы. Эти резкие переходы от тепла к холоду очень заметны по р. Кулою и в особенности в с. Долгой Щели.

Ввиду плохой почвы и суровости климата хлеб здесь родится плохой и редко успевает созреть. Здесь сеют главным образом ячмень и рожь и сажают картофель. Своего хлеба для населения не хватает; поэтому приходится питаться привозным хлебом, чем объясняется то, что население питается здесь более ржаным (привозным), чем ячменным (своим) хлебом. Это особенно заметно по р. Кулою и нижнему течению р. Мезени. Чем южнее, тем более сеют хлеба, так как тем более шансов на то, что он созреет.

Вследствие малоуспешности земледелия население принуждено зарабатывать деньги на хлеб другими занятиями. Занятия эти находятся в зависимости от естественных условий местности.

Хотя пахотной земли у здешних крестьян мало, но зато у них много лугов (*пóжсен*) по берегам рек Кулоя, Мезени и их притоков, особенно у крестьян по р. Кулою, где крестьяне имеют по сто и по несколько сот возов сена.⁹ Поэтому скотоводство развито везде. Здесь держат главным образом коров и быков, затем лошадей, а также овец. Особенно много скота держат по р. Кулою. Здешние коровы дают много и притом хорошего молока. Свиной здесь вовсе нет; нет вовсе также домашних уток и гусей, а кур очень мало.

Важным подспорьем для здешних крестьян является рыболовство и бой тюленей. Рыболовством занимаются весной и осенью, а также летом в свободное от полевых работ и сенокосов время, а боем тюленей зимой. Рыболовство бывает здесь вблизи и вдали от дома. Крестьяне каждой деревни ловят рыбу там, где им удобнее и выгоднее. Так как у кулойских и мезенских крестьян есть свои особые рыбные места, то об их рыболовстве придется сказать отдельно.

По р. Кулою весной, после посева хлеба, мужское население обычно уезжает для ловли рыбы на лесные реки и озера: так, например, жители с. Немноги ловят по р. Кулою и р. Немноге, жители с. Карьполя и д. Сояны ловят по р. Сояне и ее многочисленным притокам и озерам. На дальних реках и озерах сидят по нескольку недель. Пойманную рыбу кулойские крестьяне солят, часть ее оставляют себе, а остальную рыбу везут вверх по Кулою в город Пинегу и продают ее там, а на вырученные деньги покупают муку и возвращаются с ней домой.

Запасшись на лето мукой, крестьяне более или менее свободны в течение 2 недель и делают в это время разную домашнюю работу, работают на *чищанинах*, готовят косы и грабли и промышляют рыбу побли-

⁸ Особенно заметны неисправности мезенской дороги в Верхней Тайболе между р. Мезенью и р. Пинегой, где она сходится с пинежской дорогой. Здесь, на границе двух уездов, тарантас после тряски на каждом шагу и медленного движения вступает на ровную с возвышением посередине пинежскую дорогу, не имеющую сыпучих песков, которые здесь покрываются сверху глиной, и жидкой глины, которая покрывается песком; под пинежскую дорогу подкладывают внизу хворост, а по бокам проведены хорошие канавки.

⁹ Начинают косить в разных деревнях в разное время: с Петрова дня (в Сояне), с Прокопьева дня (в Долгой Щели).

зости от дома. В продолжение недели, двух перед Петровым днем соянцы и щельяне ловят семгу.¹⁰ Из д. Долгой Щели в это время ходят по несколько человек в карбасах на Канин полуостров ловить камбал. Оставшиеся же щельяне, выждав южных («рjúських») ветров, отправляются к западному берегу Канинского полуострова к реке Сёмже бить белуг.¹¹

Осенью, около Покрова, лишь только реки станут мерзнуть, долгощельяне и койдяне начинают промышлять на них навагу. Прилив несет ее в реку, а отлив из реки. На отливе ее и ловят в рjúжи (сети вроде бочки около 4 сажень), к коим привязывают крылья, чтобы рыба не проходила мимо. Ловля наваги обогащает Долгую Щель или, как выразился один крестьянин, *поднимает* ее.¹²

Жители р. Мезени и ее притоков отправляются весной ловить рыбу на притоки р. Мезени, в особенности на правый ее приток, р. Пёзу.¹³ Так как место ловли рыбы по р. Пёзе и ее притокам и озерам отстоит далеко от селений (верст на 300 и далее) и промышлять на них трудно, то сюда ходят только молодые. Старики же промышляют в это время рыбу вблизи селений по озерам, находящимся по обеим сторонам р. Мезени.

Весной и осенью и по р. Мезени занимаются ловлей семги. Особенно прибыльно ловить семгу в нижнем течении реки, так как кверху доходит ее мало, ибо ее перехватывают по дороге. Прибыльна ловля семги в д. Тимшелье и Заозерье. Кто не довольствуется своим местом, тот едет ловить семгу в устье р. Мезени.

Поздней осенью и зимой с р. Мезени ходят на Кóнушин мыс ловить навагу; хозяевами здесь являются койдяне, а мезенцы нанимаются у них покрутчиками.

Сельди здесь не ловят; ее ловят у Соловецких островов, в Поное и Варгузе; русская сельдь, по словам крестьян, лучше норвежской: норвежская сельдь крупнее, но тверже русской.

Перехожу теперь ко второму важному в этой местности промыслу — *бою тюленей*.

Зимой жители селений по р. Кулою и р. Мезени «*ходят в пути*», т. е. бить тюленей, или, как говорят здесь, «*кóжу*». Этим путей несколько. Они имеют свое прозвание от места промысла: Зимной, Кéдовской, Нёрнецькой и Кóнушин.

Первый путь — Зимной, происходящий на Зимнем Берегу Белого моря. К половине января (раньше Сретенья дня за полмесяца) молодые крестьяне деревень с р. Кулоя, а также приморских (Нижи, Койды и

¹⁰ Соянцы ловят семгу на р. Сояне, на 10 верст выше д. Сояны, у Миколихи. Для ловли ее они соединяются вверху вместе по 2 или 4 человека. Всю пойманную семгу они условились продавать одному вологодскому купцу весною по 6 руб., а осенью по 8 руб. за пуд.

¹¹ На этот промысел выезжают на больших морских двухмачтовых карбасах с рулем, по 7 человек в каждом: шесть человек гребут, а один правит. В карбас кладутся длинный нёвод в 70—80 сажень длины и 3 сажени глубины, шесты и другие принадлежности промысла, а также провизия и платье каждого участника. Каждый участник получает одну долю, лодка и нёвод получают также одну долю. Самый промысел происходит так: если прилив принесет стадо белуг, его окружают нёводами и прижимают к мели; когда вода спадет, их начинают бить палками в кругу, который постепенно все суживают. Этот промысел требует значительного числа людей, вследствие чего на него выезжают целой деревней. Во время моего пребывания в Долгой Щели на него отправилась сразу целая флотилия из 21-го карбаса, т. е. без малого полторы сотни мужчин. Этот промысел не всегда бывает удачен: выехавшие при мне щельяне не могли попасть на место промысла из-за встречных ветров и должны были вернуться домой, прождав несколько дней в одной речке попутного ветра.

¹² Ловят навагу также на Канине полуострове. На нем у богатых крестьян (такие крестьяне редки) пасутся олени. На них к началу весны доставляют с Канина полуострова в деревню наловленную навагу, а затем их опять угоняют на Канин полуостров.

¹³ Река Пёза отличается длиной и извилистостью. В нее впадает много притоков, и в ее бассейне есть много озер, из коих следует отметить Кóрас, Атезеро, Кéргозеро, Кýскозеро и очень большое озеро Вáршу. Последнее имеет, по словам одного моего певца, в длину 30 верст, а в ширину 8 верст. Около него 70 озер, и все они сливаются в р. Виску, впадающую в р. Пёзу.

т. д. до Зимней Золотицы) собираются на Зимний Берег. С р. Кулоя каждый идет врозь «на кóнях» (раньше ходили на лыжах). Идут сюда с р. Кулоя через д. Сояну, Щелью (Долгую Щель) и Койду, не заходя в Нижу. Поселившись в избах по Зимнему Берегу, они промышляют ко́жу подле деревень Майды, Мегры, Ручьев, Еньцей и Золотицы. Самые благоприятные в этом пути для промысла ветры — запад и глубник (северо-западный), которые прижимают льды с тюленями к Зимнему Берегу. Самый неблагоприятный ветер — полуночник (северо-восточный), который относит льды к Мурманскому берегу; в этом случае промысел бывает короток.

С Зимнего Берега промышленники переходят на Кеды.¹⁴ Сюда переходят за неделю «до Евдокеи», т. е. около 20 февраля. Здесь промышляют неделю, а иногда дольше, даже до четырех. Благоприятны здесь те же ветры.

С Кедов переходят на весновку — Нёрнецькой путь, названный так от Нёрнецкого носа, находящегося между р. Кулоем и Нйжей (на запад от Кулоя). Для этого пути благоприятна смена всех ветров: *севера*, *полуночника* (северо-восточного), *востока*, *обедника* (юго-восточного), *летнего* (иначе *ру́ського*, т. е. южного), *шолонника* (юго-западного), *запада* (который очень желателен) и *глубника*, или *побережника* (северо-западного). Один постоянный какой-нибудь ветер не полезен на этом пути. На этом пути остаются неделю, но иногда живут и по 6 недель.¹⁵

У мезенцев бывает еще Кóнушин путь, названный так от Кóнушина мыса, находящегося почти посередине западного берега Канинского полуострова. Этот путь бывает между Канинским носом и р. Несью. Это — зимний путь, во время Кéдовского пути.

Ходят промышлять также и на остров Моржовец, куда добираются частью по льдам, частью в лодках. Попасть сюда, по рассказам знающих жителей, трудно, так как надо знать не только, где можно пристать, но также и время, когда можно пристать, ибо вокруг Моржовца вода почти все время стремительно идет взад и вперед.

По тиманскому и печорскому берегам промышляют больше самоеды; русские здесь промышляют мало. Раньше сюда ходили крестьяне из д. Сёмжи, но они теперь «приосели».

Промышляющие в этих путях «зверя» распадаются на хозяев и работников. Хозяин дает избу для жилья, лодку, весла, багор, топор и ремень. С хозяином уговариваются на Микольской ярмарке или по обычаю ходят уже к одному и тому же. За избу и лодку с принадлежностями хозяин получает 1 пай с 7 человек работников. Из работников полный пай получает «ужильщик», который есть свой хлеб и носит свою одежду. Неполный пай получает «покрутчик», который получает хлеб и одежду от хозяина; за это он отдает хозяину из своего пая, смотря по условию, 5 или 6 рублей из десяти; бывает даже так, что хозяин получает 2/3 пая, а покрутчик только 1/3, но это бывает только тогда, когда покрутчик — «маломóшный». С промысла на промысел работники переходят вместе со своими хозяевами.

В путях караулят прибытие зверя (тюленей). Завидев зверя, отправляются промышлять его. Промышляют (бьют палками) больше детей недельных или еще меньше, а не старых, ибо старые при приближении людей уходят в воду, а в воде стрелять их не стоит, так как они тонут. С убитых зверей снимают шкуру («скýру»), сволакивают ее в кучу, навязывают на ремень и тянут на берег где по льду, а где по воде штук по 150—200 на одну лодку. Промысел продают на месте или своему хозяину или койденским приказчикам архангельских купцов. Деньги делят.

Раньше на промыслы ходило много народу и собиралось человек по 1000. Теперь стало ходить меньше. Одной из причин этого является кулачество койдян, которые согласились между собою платить за шкуры очень мало, а сами продают их дорого. По невыгодности промысла народ отлил на лесные заводы.

¹⁴ Кедáми называется берег Мезенского залива севернее с. Койды, простирающийся с юго-востока на северо-запад и лежащий против острова Моржовца.

¹⁵ Про долгое пребывание в одном пути говорят: «долга жб́ира».

Благодаря этим промыслам, по отзывам крестьян, поднялась Койда, и в ней теперь много богачей. Раньше в ней было 8 дворов, а теперь более 30; ранее было 2 «судна», а теперь около 20 шкун. Улов койдяне продают в Архангельске; кроме того, они ездят на судах в Норвегию, где покупают рыбу копеек по 15, а продают по 1 рублю и дороже (по-видимому, за пуд).

Поднимаются от промыслов также Ма́йда и Мегра.¹⁶

Осенью, месяца полтора после Воздвиженья (до Кузьмы и Дамиана, т. е. до 1 ноября), и зимою крестьяне также охотятся по лесам и бьют дичь.

Важным для крестьян промыслом является также рубка леса и сплав его с верхнего течения Кулоя и Мезени и их притоков к заводам. Этот промысел — недавний, как недавни и самые лесопильные заводы. С каждым годом он получает все большее и большее значение и отнимает рабочие руки у других промыслов. Лесопильных заводов здесь всего три: один в г. Пинеге (бр. Володиных) и два в устье р. Мезени (Русановский и Ружниковский). С реки Мезени лес сплавляют в устье ее. С реки же Кулоя лес доставляют и вверх и вниз. Одну часть леса доставляют в г. Пинегу братьям Володиным на их завод или Кыркалову для сплава в Архангельск. Тянут этот лес вверх по р. Кулою (как кулойский, так и немнюжский) по 15 коп. с бревна. Каждый человек тянет по 10 бревен, а так как тянуть приходится их дня полтора, то заработка на человека приходится около 1 р. в день, поэтому в с. Кулое во время моего там пребывания (11 и 12 июня) почти все молодые мужчины и женщины тянули лес, а дома находились только малые, старые да отдыхающие. Другую часть леса с р. Кулоя сплавляют вниз по р. Кулою к его устью, а отсюда пароход увозит этот лес в плоты в устье р. Мезени на Русановский завод.

Над этой частью леса обыкновенно работают карьеро́ляне с немнюжа́нами и щелья́не. Карьеро́ляне с немнюжанами собирают сплавленный сверху лес в плоты в так называемых «Прямых водах» (именно в курье, т. е. в речном заливе),¹⁷ в 70 верстах от устья р. Кулоя. Отсюда одни щельяне гонят его к Долгой Щели, а другие сплавляют его к устью, откуда плоты забирает заводской пароход. Кроме того, по несколько сот рабочих работает на каждом из лесопильных заводов.

Некоторый доход доставляет крестьянам и извоз, который на р. Кулое очень незначителен, но на р. Мезени довольно силен, так как здесь на лодках кверху везут товары в довольно значительный центр Мезенского уезда, в с. Вашку, а на лошадях (земских, почтовых и вольных) возят проезжих по казенной и частной надобностям.

Теперь мне следует перейти к торговле, но по этому вопросу мои сведения, к сожалению, очень скудны, в особенности по отпускнуой торговле.

В описываемом мною краю есть небольшие лавочки по р. Кулою во всякой деревне, а по р. Мезени почти во всякой. Эти лавочки тянут к двум здешним торговым центрам — г. Пинеге и г. Мезени. Именно деревни, стоящие по р. Кулою, получают свои товары из г. Пинеге от торгового дома братьев Володиных, в руках которых находится пароходство по р. Пинеге и торговля по всему Пинежскому уезду; деревни же, стоящие по р. Мезени, а также иногда с. Долгая Щель и д. Сояна, близкие к устью р. Кулоя, получают свои товары из г. Мезени. В этих лавочках можно купить муку, ржаную и пшеничную, крупу, чай, сахар, баранки (по-здешнему «колачи»), сухари, конфеты, мыло, свечи, пуговицы, нитки, посуду, бумагу, карандаши и другие мелкие предметы. Из этих же центров шла до наступления казенной продажи питей и водка.

¹⁶ Здесь следует упомянуть об обычае местных крестьян, находящемся, вероятно, в связи с необходимостью промышлять вдали от дома, именно о *кунáчестве*. Жители здешних деревень имеют в соседних деревнях приятелей, у которых они останавливаются, когда им приходится быть в их деревне проездом с промысла или при отправлении туда; у такого приятеля располагаются, как дома, пьют, едят, пользуются баней и даже услугами по отысканию головных паразитов; если же приезжий остановится не у своего приятеля, тот считает это за большую обиду.

¹⁷ Место это названо так по следующей причине. Ранее здесь на реке был нос, из-за которого приходилось много объезжать. Морской прилив мало-помалу прорывал его и наконец прорвал в двух местах; получилось прямое русло, по которому теперь и ездят.

Одни и те же товары стоят в г. Пинеге гораздо дешевле, чем в г. Мезени; сахар, например, в г. Пинеге стоит летом копеек 18, а в г. Мезени 22 и 23 за фунт. Кроме того, в г. Пинеге торговля ведется добросовестнее, и некоторые товары лучше по качеству, чем в г. Мезени. Это заметно, например, в устье р. Кулоя, где сталкиваются оба влияния; здесь, например, крестьяне в трезвом виде избегали пить мезенскую водку, плохо очищенную и причиняющую сильную головную боль: они сначала пили хорошую пинежскую водку и, только опьянев, принимались за мезенскую.¹⁸

Здесь я, кстати, должен отметить то, что один долгощельский крестьянин П. Н. Широкой (один из моих сказителей) время от времени ездит в Архангельск по морю на собственной шхуне, закупает там товары и привозит их в Долгую Щель, обходясь таким образом без посредства пинежских и мезенских купцов.

Относительно вывозной торговли у меня мало сведений. Я могу только сказать, что семгу крестьяне продают на месте: по р. Кулою в Сояне и Долгой Щели ее скупает для какого-то вологодского купца упомянутый уже мною П. Н. Широкой; кроме того, ее в Долгой Щели скупает еще Андрей Увакин для мезенского купца, кажется, Ружникова; на р. Мезени семгу скупают приезжающие для этого приказчики архангельских или даже петербургских купцов, при чем цена ей здесь выше, чем по р. Кулою в Сояне и Долгой Щели: здесь уже весной ее продают по 8 рублей, а осенью она доходит до 12 и более рублей за пуд. На месте зимних и весенних промыслов крестьяне продают и кожу тюленей. Своим же скупщикам они, вероятно, продают и результаты белужьего и наважьего промыслов. Лес отправляют за границу или прямо (с р. Мезени) или через Архангельск (из г. Пинеге). Битую дичь и скот продают, по-видимому, на ярмарках Никольской (в декабре) и Алексеевской (в марте) — в г. Пинеге и Крещенской (в январе) — в г. Мезени. Но по р. Мезени скот продают в г. Мезень и летом, так как мясо нужно в большом количестве для заводов и для самого города. Оленьи же зады, шкуры и еще кое-что некоторые крестьяне непосредственно возят зимою на лошадях через г. Пинегу, Сию, Каргополь и Вытегру в Петербург. Вообще следует отметить, что прежде эти местности тяготели в экономическом отношении к Петербургу, а не к Москве; здесь часто мне приходилось встречать крестьян, бывавших в Петербурге, но очень редко крестьян, бывавших в Москве. Теперь с проведением железной дороги из Москвы в Архангельск положение может измениться и, кажется, уже начало изменяться.

⟨...⟩ Жители описанных местностей (не только мужчины, но и женщины) отличаются выносливостью: из с. Кулоя в с. Карьеполе, т. е. на расстояние 90 верст, взялись взять меня две жёнки, которые часов за 10 перед тем привезли пассажира в Кулой из Карьеполя, т. е. проплыли 90 верст против течения, пихаясь шестью, и во время своего пребывания в Кулое не отдыхали, а помогали работать своим родственникам; в другой раз из Карьеполя в Долгую Щель на расстоянии 60 верст гребла одна девка в то время, когда отец ее правил; при этом при такой трудной работе бывали всего одна-две остановки; один долгощельский парень Захарко носит летом земскую почту из Долгой Щели в Койду через д. Нижу на расстоя-

¹⁸ Эта симпатия населения к торговле купца Володина и к самой его личности объясняется его добросовестностью и умением вести дело сравнительно с мезенскими купцами. Цель его — постепенное, но верное обогащение. Цель тех — скорая нажива какими бы то ни было средствами. Володин, обладая значительными средствами, имеет собственные пароходы, на которых доставляет товар не только в г. Пинегу, но и в свои многочисленные лавки по течению р. Пинеге. Не желая допустить конкуренции, он довольствуется малым процентом прибыли. Не желая допустить чужих пароходов, он доставляет товары и мелким торговцам, торгующим параллельно с ним. Благодаря этому, он не только наживается сам, но и является полезным человеком, желающим оказать пользу родному краю. Только в тех случаях, если он не успеет доставить товар в верховье р. Пинеге по случаю обмеления реки или если до его лавок далеко, мелкие торговцы дерут, что я имел возможность в прошлом году наблюдать в д. Кушкопале по поводу муки. Об его желании и самому заработать и дать возможность заработать и крестьянам мне один из моих сказителей в с. Азополе по р. Мезени рассказывал такой случай: на Никольской ярмарке в г. Пинеге все торговцы согласились платить за скот мало; крестьяне не отдавали, торговцы выжидали; является Володин, надбавляет крестьянам на скот и забирает его, и торговцы остаются ни с чем.

ние 100 верст; сухопутной дороги летом здесь нет, и он ходит по берегу рек и моря во время отлива по труднопроходимым местам, переезжая на лодке через р. Кулой, терпя от дождей и ветров и отдыхая только во время ночевки в д. Ниже. Они не теряются ни в лесу, ни на море: в лесу они умеют находить дорогу не только по компасу, но и по расположению древесных сучьев; на море они умеют пользоваться приливами и отливами, компасом и парусами, знают мели и убежища от бури. Они отличаются честностью, так что по р. Кулою, как и по р. Пинеге, вместо замков при дверях употребляются еще приставки, т. е. у дверей снаружи нанскось ставятся палки, показывающие, что хозяев нет дома, но не запирающие дверей, по р. Мезени в этом отношении уже замечается поворот к худшему, и в употребление входят замки. В то же время они наивно-грубы, вспыльчивы,¹⁹ недоверчиво относятся к тем явлениям, коих они не могут понять, и поэтому вместо предлагаемых объяснений стараются подыскать более, по их мнению, вероятные. Последнее объясняется узостью их кругозора и вообще малокультурностью. Еще и теперь не только по Кулою, но и по Мезени довольно часто встречаются по деревням курные избы;²⁰ самовары появились здесь уже на памяти теперешнего поколения: старики рассказывают, что лет 25 тому назад их было совсем мало, по одному, по два на всю деревню, да и то у тех, которые побывали в Петербурге. Не так давно было, по рассказам крестьян, время, когда употреблялись не обычные колеса, а гнутые из одного куска.²¹ Видимо, здесь еще сильна вера в силу знахарства с его наговорами; по крайней мере, один из моих сказителей Е. Садков в с. Карьполе ходил с таинственностью лечить одну старуху в бане, по приглашению ее мужа, другого моего сказителя В. Пупцева; а в д. Сояне тот же Е. Садков сам недоумливал при мне недомагавшую женщину, что ей не мешало бы *поговорить*.²² Шествие молодых из церкви и прибытие их в свою деревню сопровождается летом усердными ружейными выстрелами, хотя смысл их, может быть, уже и утратился.

О степени грамотности крестьян я не имею достаточных данных и знаю только, что по течению р. Кулоя есть 3 училища (в Кулое и Карьполе — церковно-приходские, а в Долгой Щели — министерское), по течению Мезени от устья до Нисогор 5 училищ (в г. Мезени, с. Лампожне, Дорогой Горе, Кузьмине Городке — теперь Печище, Юrome) и одно по р. Пёзе (в с. Быченском).

Медицинская помощь здесь мало доступна населению. (Врачи находятся только в г. Пинеге, г. Мезени и с. Усть-Вашке). По некоторым волостям есть фельдшера, но так как в их ведении большие округа, иногда на сотни верст, а денег на разъезды им дают очень мало (всего несколько рублей в год), то они могут приносить пользу главным образом только у себя в своей деревне, и при эпидемиях бессильны (например, тиф в д. Жерди). Вознаграждение фельдшеров очень малое по здешнему месту, всего 14—17 рублей в месяц, а между тем простые крестьяне могут здесь заработать по 1 рублю в день; поэтому фельдшера здесь не очень довольны своим положением.

Жители этих местностей православные. Старообрядцев здесь сравнительно мало: только в д. Кимже по р. Мезени они составляют до трети населения, а в других деревнях их почти вовсе нет. Но некоторая приверженность к старине есть и здесь: так в д. Сояне по р. Кулою крестьяне купили древние иконы, кото-

¹⁹ Поссорившиеся на играх парни пускают при драке в ход колья. При этом считается особым молодецеством, когда колы ломаются, а избиваемый остается жив.

²⁰ Курная изба выше обыкновенной аршина на два; излишнее пространство назначено для дыма. Внутри избы нижняя часть стен до полатей обычно чистая, как и в обыкновенных избах, а верхняя над полатами вся черна от сажи. В этих избах над русской печкой нет трубы, а есть только отверстие в стене у заднего конца печки. Только при начале топки дым идет по всей избе и преимущественно вверх, а потом он, найдя выход в упомянутое мною отверстие, идет прямо туда, не блуждая по избе. Мне пришлось встретить два случая, когда обыкновенные избы были обращены в курные: причиной выставляли то, что в курной избе нет сырости и тараканов.

²¹ Такие колеса мне пришлось увидеть в с. Карьполе, но присутствие их в Карьполе объясняется, быть может, тем, что здесь не приходится ездить летом.

²² Поддерживает пользование наговорами при болезнях, конечно, и слабая организация медицинской помощи (об этом см. ниже).

рые раньше были в Ручьевском старообрядческом скиту. Конечно, и здесь жители — христиане главным образом по внешности: они до того строго соблюдают посты, что даже больные не решаются пить молоко. Из особенностей религиозного быта этого края обращает на себя внимание обилие по р. Кулою часовен, а по р. Мезени крестов. По Кулою часовни стоят не только в селениях (Немнюга), но и между селениями (между Немнюгой и Карьеполем, Долгой Щелью и Нижней) и на морском берегу, где собираются промышленники (Абрамовка, Кеды). В этих часовнях, состоящих из избы с крестом вверху, находятся образа с подсвечниками перед ними; тут же ящики со свечами, которые останавливающиеся здесь зажигают и ставят перед образами, кладя за свечи деньги в находящуюся здесь кружку (теперь эти кружки иногда разбивают и берут из них деньги). По Мезени довольно много крестов, хотя их, кажется, немало и по Кулою. Они обратили мое внимание на себя своими надписями и изображениями. В самом низу креста изображается голова на костях, по одну сторону коей буква Г (Глава), а по другую А (Адамова), затем по всему кресту по краям идут отдельные буквы, например І, С, несколько Г, Б и т. д.²³

В этой местности, как и по р. Пинеге, бывают по деревням престольные праздники. Они бывают как в тех деревнях, где есть церкви с причтом, так и в тех, где есть приписные церкви (в последние священник приезжает служить в престольный праздник). На этот праздник приезжают жители соседних деревень (также и по р. Кулою) и гостят у своих родственников. После обедни в церкви и крестного хода начинается угощение (пьют водку и пиво, чай, едят и закусывают), которое продолжается обыкновенно 3 дня.²⁴ Молодежь в это время устраивает разные игры. Место этих игр иногда имеет особое название, например в Долгой Щели «Петрошина», а в других «мецище» (от слова «мяч»).

Жители селений по р. Кулою и по р. Мезени помнят кое-что о своей старине и имеют о ней разные предания.

По рассказам кулойского крестьянина Степана, с. Кулой было раньше посадом старше Холмогор; жители его были мещанами и находились под ведомством г. Пинеге; Никола Семенов и Деревяшка были ратманами; 25 мая к ним привозили на праздник из Красногорского монастыря икону с крестами.

Крестьяне Долгой Щели и Сояны помнят, что они раньше были крестьянами Сийского монастыря, стоящего на р. Сии, впадающей слева в Северную Двину.²⁵ Узнав от них, что у них в волостном правлении в Долгой Щели есть старая грамота, я зашел в правление. Оказалось, что у них действительно хранится в денежном ящике за печатью грамота 1695 г. или, скорее, копия с нее. Я переписал ее буква в букву, с сохранением титл и строк.²⁶

(...) Далее я привожу три рассказа о разных местах по р. Мезени, слышанные мною от долгощельского крестьянина Парафёныча во время моей неудачной поездки в с. Койду.

²³ Я долго не знал, что последние буквы обозначают. Только в д. Азаполе у одного крестьянина оказался листок, изданный в 17 или 18 веке Киевской Лаврой и объясняющий дело. Это — большой лист, на котором в четырехугольниках идут разные изображения и написаны сполна те слова, только начальные буквы коих помещены на крестах.

²⁴ Для тех, кто займется исследованием редакций старин, будет интересно знать, жители каких именно деревень ездят в праздники друг к другу, но я этого не отметил как следует (щельяне и соянцы ездили друг к другу, кимжане и тимщельцы к дорогорцам).

²⁵ Этот факт мог отразиться на изложении кулойских старин, в которых упоминаются монастырские богатыри, монастырская казна и т. п.

²⁶ Самый подлинник представляет узкий длинный лист (77×15.5 см), склеенный из двух отдельных листов (столбцов), и писан скорописью конца 17 века. В каждом листе водяной знак — собака с ошейником и колокольцем.

В долгощельском волостном правлении, по рассказам старых крестьян, был лет двадцать тому назад целый ящик со старыми документами (некоторые будто бы были от времени Ивана Грозного). Я разыскивал его, но его не оказалось. По рассказам крестьян, эти документы извел бывший волостной старшина, теперь покойный уже, Асаф Селиверстов, раздавая их детям на рождественские звезды и на оклейку квартир под обои.

По словам Парфёныча, на р. Мезени, выше д. Чучепалы (стоящей немного ниже Койнаса) есть место, называемое по-зырянски «Юрбитан», а по-русски «Богомолье». Здесь пороги на версту и крутой (обрыв), вследствие чего здесь люди молились, чтобы их пропустили (пороги).

О самой Чучепале он рассказывал со слов стариков, что вблизи его был, еще до прихода сюда русских, город. Здесь (выше Нисогор верст на 80) на реке находится возвышенный и холмистый нос, имеющий в объезд 12 верст, а поперек 3 версты. По преданию от предков, тут есть следы от города, борозды и межа, и на них лиственницы в два обхвата. Деревня Чучепала называется так потому, что здесь раньше была чудь.²⁷

Парфёныч же рассказывал следующее предание, слышанное им в селе Юроме (ниже Нисогор верст на 60): «Ехал из Северной Двины по р. Выгегде и Выму, а затем перебрался волоком в р. Ирву (приток Мезени) и р. Мезень атаман со своей подругой. В д. Чухарях он остановился, выпросил дорогу на р. Печору и в награду за это указание оставил чухарям свои деньги. Он поплыл далее по р. Мезени к ее притоку р. Пёзе. Когда он, не доехав до р. Пёзы, был у с. Юромы, там на берегу орал русский богатырь. Атаман закричал: „Кобыла, стой!“ А тот: „Стой, лодка!“ Стали стрелять стрелами, но никто никого не ранил. Атаман уехал и поплыл по р. Пёзе; здесь на волоке стали варить. Богатырю стало жаль, что он упустил атамана. Он пошел и убил его сонного. — Этот же самый богатырь построил в Юроме церковь; толстые бревна для ее постройки он носил сам. На память о его силе осталась деревянная рука, изображающая его руку».

Эти юромские предания я слышал потом в самой Юроме с некоторыми отличиями от вышеприведенного рассказа, но так как я их тогда не успел записать, то сейчас уже позабыл их. Здесь говорили, что юромский богатырь погнался за разбойничьим атаманом не сам, а с другим богатырем, за которым он сходил в другую деревню. Во время боя атаману выпустили внутренности, которые намотались вокруг дерева, вокруг коего они ходили. На месте этого боя потом каждый проходящий бросал по ветви; накопившиеся кучи затем сжигали. Так как память об этом богатыре — деревянная копия с его руки — хранится при юромской церкви, то я попросил юромского священника показать мне ее, что тот с готовностью и сделал. Это — бревно, на одном конце коего вырезана кисть руки. Кулак такой величины можно найти и теперь, только в запястье толщина более обыкновенной.²⁸

Рассказы И. Е. Чупова о Кузьмине Городке, Базаровых холмах и Югрине ручье смотри при описании д. Кильцы.

В церкви Кузьмина Городка есть грамоты 17 века и два иностранных колокола (один — английский, а другой — голландский) с надписями.

Перехожу теперь к своему путешествию по описанной местности и к его результатам.

В начале своей поездки я хотел записать напевы записанных мною в предыдущую поездку пинежских старин и исторических песен. С этой целью в начале своей поездки я и проехал вверх по р. Пинеге, кончая д. Шотогоркой. При записи напевов по р. Пинеге, как потом по р. Кулою и р. Мезени, я руководился следующими правилами: 1) я записывал напевы не у всех своих сказителей, а только у тех, у которых можно было и стоило записывать, и только в том случае, если сказитель был не из трусливых и пел достаточно громко, и 2) я старался иметь напев каждой старины, а если можно было, то и несколько напевов одной и той же старины, или несомненно разных или существующих в разных местах. Так как для этой цели я мог

²⁷ Сравнить финское *raha* — кусок, часть.

²⁸ Это юромское предание слышал и Максимов, сравните его «Год на Севере». — Не является эта деревянная рука остатком моды помещать в церквах разные деревянные изображения, которые существовали, по-видимому, во времена Екатерины Второй и образцы которых существуют в разных местах Сибири, как мне пришлось слышать об этом во время моего профессорства в Томском университете с 1917 по 1922 г.

уделить немного времени, то я объехал только половину посещенных мною в 1900 г. пинежских деревень, но и на этом пространстве записал напевы большинства записанных мною здесь сюжетов. По реке Пинега я записывал теперь напевы в следующих деревнях: Ёгзеньге, Горке, Петро́вой Горе, Ма́летине, Першкóве, Почезёрье, Ма́твере, Городце́ (у Чаколы) и Шóтогорке. На этом пространстве я записал посредством фонографа до 65 номеров напевов старин, исторических песен и духовных стихов, а также записал один духовный стих («Встреча инока с Господом») и одну старину («Соловей Будемерович и Завава Путевисьня») у своих прежних сказительниц: первый у А. П. Сивковой, а второй у М. Д. Кривополеновой. Работать мне теперь по р. Пинеге было сравнительно легко, так как население меня уже знало и не боялось.

Порасспрашивав о старинах кое-кого в г. Пинеге, я затем поехал по новым для меня местам по рекам Кулою и Мезени. Ехать здесь было гораздо труднее, чем по р. Пинеге: с одной стороны — незнакомое население, приглядывающееся к незнакомому человеку, едущему с такою непонятною целью; с другой стороны — неудобства со стороны погоды²⁹ и путей сообщения.³⁰ Действуя здесь так же, как и в предыдущих поездках (т. е., по возможности, без всякой официальности), я произвел исследования в следующих селах и деревнях: Куло́е, Ореховской, Ка́рьполе, Нёмнюге (в двух околках), Со́яне, Дóлгой Цё́ли — по течению р. Кулоя и его притоков р. Нёмнюги и Со́яны, в д. Ни́же — на р. Ниже, впадающей в Северный Ледовитый океан; потом в г. Мезэ́ни и селах и деревнях Ни́ко́ле (Нико́ло-закурской), Ла́мпожне, Ти́мшелье (т. е. Тимшелье), Дорого́й Горе, Петро́вой Горе, Кузьминé Городке, Печи́ще, Ки́льце, Погорельце, Ме́лагоре, А́заполе, Па́луге, Ке́сломе, Юроме, Некра́сове, Тигля́евой, Заозёрье (в Кельчёмгоре), За́ручевской, Ма́лых и Больших Ни́согорах — по течению р. Мезени, т. е. в 27 деревнях и селах и в одном городе. На этом пространстве я записал у 65 лиц 213 номеров: 212 старин и песню о сове; из них 92 старины записаны по р. Кулою в шести (с Нижей) селах и деревнях у 28 лиц, а остальные 120 старин и песня о сове по р. Мезени в 13 селах и деревнях у 37 лиц. Здесь же я записал 108 напевов старин и напев песни о сове: из них 52 напева старин приходится на долю деревень по р. Кулою, а остальные 56 напевов старин и один песенный на долю деревень по р. Мезени. Так как оказалось, что по р. Кулою и Мезени старины иногда поют хором несколько человек, то я записал шесть напевов в исполнении двух лиц и один в исполнении трех лиц.

Таким образом, в эту поездку я производил исследования всего в 36—37 деревнях и селах и в двух городах; записал 213 старин, 1 духовный стих и 1 песню, а также 174 напева на 52 валиках (из них 19 $\frac{1}{2}$ заняты пинежскими напевами, 16 кулойскими и 16 $\frac{1}{2}$ мезенскими).³¹ С лучших певцов я сделал фотографические снимки. Рукописей на этот раз я приобрел сравнительно мало.³² В эту поездку я озабочился получением народных названий деревень и рек некоторых уездов Архангельской губернии: именно 1) список таких названий, параллельно с официальными названиями, по 1-му стану пинежского уезда и 2-му стану Шёнкурского уезда, составил, по моей просьбе и по моим указаниям, теперешний пристав 1-го стана Пинежского и бывший пристав 2-го стана Шенкурского уезда А. А. Галактионов, 2) я сам записал, со слов мезенского исправника, народные названия деревень Мезенского уезда (названий рек он сам не знал); эти списки дадут специалистам материал для суждения о том, где и какое жило прежде финское племя по тем местам, где теперь живут русские. Из этой поездки я привез с собой 1) костюм кулойских крестьян, который они надевают при отправлении в лес на охоту (именно: ру-

²⁹ Во время поездки по р. Кулою стояла большею частью холодная и дождливая погода с ветрами. Такая погода была, конечно, очень неприятна для меня, но она в то же время избавила меня от многочисленных комаров и мошек, которые преследуют людей во время жары.

³⁰ Неудобствами путей сообщения по р. Кулою являлись а) большие и утомительные переезды между деревнями, б) исключительно водный путь и в) зависимость от высоких и сильных приливов и отливов и от ветров, которые так и не позволили мне проехать в с. Койду. Неудобства дороги по р. Мезени были указаны выше.

³¹ Для показывания крестьянам я взял с собой четыре валика, напетых еще в Москве (но было бы достаточно и одного валика).

³² Описание их см. при моем отчете, стр. VI—VII, и у В. И. Срезневского.

баху, портки, кабат, лузан и комарник), и старинное кремневое ружье с принадлежностями и 2) штофник, гарнитурник и повязку народного костюма пинежских девушек. Кроме записи старин, я делал при случае также записи диалектических черт разных деревень северного края.³³

Записанные мною по р. Кулою и Мезени старины обнимают более 50 сюжетов (до 53). Деление старин по сюжетам можно видеть в алфавитном указателе к каждому тому. Поэтому перечислять их здесь излишне. Но, кроме этих сюжетов, по р. Кулою и р. Мезени известно еще до 10 сюжетов, которые певцы или слышали и забыли теперь или помнят еще и теперь, а именно: 1) *Орсенко*, который поит голей и пропиивает сорок тысяч (Е. Садков), 2) *Касьян*, который рвал опутины шелковые, но его затем ослепили (здесь, кажется, есть что-то о Дунае и мече; эта старина находится в тетради П. Н. Широкого) — по р. Кулою; 3) *Ставр Годинович* (про него рассказывает Е. Табуев и про него слышал В. Тярсов), 4) *Поездка Алеши Поповича с Екимом Ивановичем в Киев* (А. Потрухова), 5) *Микула Селянинович* (знают сыновья А. Макуриной), 6) *Самсон* (про него рассказывает Е. Рассолов и про Самсона Кольбанова знает Ф. Аникиев), 7) про встречу *Ольга и Ратая* рассказывает И. Е. Чупов, 8) про *Волгу Вячеславича* Назар Иван. Яков (в Кильце) слышал от верховского крестьянина из д. Пылемы, 9) *Кострюка* поет О. Н. Носарев в д. Шияловой и поют его у моря, по словам Е. Бешенкина, и 10) о *Еруслане Лазаревиче* будто бы пела А. Потрухова — по р. Мезени. Кроме того, по р. Кулою известны: 1) *Грумаланка*, песня о том, как русские бедовали на Грумаланте — Шпицбергене (Е. Садков), 2) *Михаил Михайлович* (не о 12-летнем ли богатыре — О. Сыгчов), 3) *Святогор* (И. Д. Нечаев), 4) *Исцеление* (словами) и первая поездка *Ильи Муромца* (В. Буторин), 5) *Мамаево побоище* пел Проня (Прокопий Шуваев, см. характеристику Ф. Шуваевой) и 6) *Добрыня и Златыгорка* (Ф. Шуваева); а по р. Мезени о *Батые Батыевиче* (= Батее Батеевиче) знает И. Е. Чупов.³⁴ По р. Пинеге кроме записанных уже мною по ней старин известна еще старина: «*Молодость Добрыни, бой его с Ильей Муромцем и с поленицей*» (именно в г. Пинеге, слепая Харитонья).

Среди записанных мною старин являются новыми следующие восемь старин:

1. «Победа богатырей князя Олега Черниговского, со Святогором Романовичем во главе, над войсками князя Додона; купанье Святогора с Ильей Муромцем, Добрыней и Алешей Поповичем, смерть в гробу и погребение Святогора»;
2. «Молодость Добрыни, жалоба на него князю, оправдание Добрыни» (300 с лишком стихов); «Добрыня и Маринка» (80 стихов);
3. «Женитьба князя Владимира на указанной и привезенной Добрынею греческой княжне; Илья Муромец и Удолище»;
4. «Мамаево побоище» (Добрыня, Окольник и Алеша Попович, по приказу княгини, освобождают Киев от Скурлаваца);
5. «Женитьба молодца» (если только она не из «Дуная»);
6. «Васька-пьяница отвозит дани Ордянному королю»;
7. «Проделки Васьки Шишка»;
8. «Старина о льдине и бое женщин».

³³ Из этой поездки у меня есть 3 записи из Вологодской губ., 1 из Олонецкой и 11 из Архангельской. — К сожалению, эти записки, и списки, и записи, а также значительная часть оригинала записанных мною былин и запись их напевов на восковых валиках были украдены из моей варшавской квартиры во время войны служащим библиотеки польского Варшавского университета Станиславом Зандровичем и, по-видимому, вместе с моей библиотекой были проданы букинистам на Свентокржижской улице.

³⁴ Кроме того, по р. Мезени в д. Печище Е. Рассолов знает «*Сваху*». Это — небольшое драматическое произведение, в котором сваха расхваливает жениху невесту, а невесте жениха. Теперь я очень жалею, что не записал этой «*Свахы*». Е. Рассолов произносил ее скороговоркой. Интересно бы выяснить, не есть ли это какая-нибудь старая интермедия, перешедшая в народ.

25 номеров принадлежат к редко встречающимся старинам.

По р. Кулою и Мезени изредка встречаются также печатные книги и рукописные тетрадки со старинами. В с. Долгой Щели у одного из моих сказителей П. Широкого есть тетрадь, в которой находятся услышанные им у других и записанные им старины: 1) «Илья Муромец и Издолище», 2) «Васька-пьяница», 3) «Садко» и 4) «О слепом Касьяне» (см. выше). В этом же селе была у келейника и должна быть у его детей (Филиппа слепого, Якова Михайлова Широкого или у его сестры [дом их против дома Хабарова]) книга (какая?) со старинами. В д. Кильце на р. Мезени у младшего сына моего сказителя И. Е. Чупова есть печатная книга со старинами под заглавием «Илья Муромец набоший богатырь... Иван Ивин. Москва. 1898. Изд. кн. Е. А. Губанова».

На основании моих записей и наблюдений можно сделать следующие выводы о положении в здешней местности былинной традиции:

1. знание старин еще сильно по течению р. Кулоя и Мезени, особенно среди занимающихся морскими промыслами и ходящих в так называемые *пути*, среди занимающихся рыболовством на дальних реках и среди промышляющих охотой;

2. здесь некоторые умеют петь каждую старину особым голосом (напевом) и одну старину иногда поет хором сразу несколько человек;

3. поют их главным образом во время «путей», во время рыбной ловли по дальним рекам и во время охоты, когда благодаря разным обстоятельствам бывает много свободного времени; в путях, когда недели две нельзя выйти в море из-за противного ветра в море, хозяева и рабочие заставляют знатоков петь старины; другой важной причиной пения здесь старин, помимо свободного времени, является то обстоятельство, что большая часть времени путей приходится на Великий пост, когда петь песни нельзя и можно петь только старины;

4. против прежнего времени все-таки замечается упадок в знании старин, так как в путях начинают нарушать обычай воздержания от песен; но все-таки старины здесь продержатся еще довольно долгое время;

5. здесь нет лиц, которые специально занимались бы пением старин: их поют простые крестьяне и крестьянки;

6. лица, поющие старины на р. Кулою и Мезени, называют себя *старыньщиками* (названия *сказитель* и других здесь нет); самые эпические песни называются *старинами* и *старинами*;

7. учатся старинам тогда, когда другие поют их, т. е. мужчины главным образом во время путей, рыбной ловли на сторонних реках (источник А. и И. Тярсовых и А. Чуповой — в «реках») и охоты, а в нескольких случаях в старообрядческих скитах (см. характеристику М. Крычаковой и С. Емельянова); женщины выучивают их обыкновенно дома;

8. учатся старинам тем, что подтягивают за поющими их; изредка выучивали их, прослушав без подтягивания чужое пение;

9. благодаря пению старин во время путей, когда собирается много мужчин, у хороших знатоков старин оказывается много учеников, как например у Прокопия Шуваева (см. в биографиях сказителей), о котором еще и теперь живет слава по всему Кулою и Мезени;

10. большинство моих певцов пропело мне по несколько старин и только четверть по Кулою и треть по Мезени пропела по одной старине,³⁵ если же принять во внимание, что я записал у них по разным причинам не весь их репертуар, то оказывается, что почти все они знают по несколько старин; здесь не редкость

³⁵ Именно пропело

	по Кулою									по Мезени								
по старине	1	2	3	4	5	6	7	16	по старине	1	2	3	4	5	6	8	11	13
человек	7	6	5	6	1	1	1	1	человек	12	9	1	8	1	3	1	1	1

встретить знающих полдесятка и десятков старин, а есть знающие их еще больше (десятка полтора, два), а один знает будто бы до 50;

11. некоторые из моих певцов, пропевших мне по много старин и, между прочим, по несколько старин об одном и том же богатыре, стараются пропеть старину, повествующую о более ранних, по их мнению, подвигах богатыря, раньше старины, повествующей о более поздних подвигах богатыря; таким образом они заботятся не только о том, чтобы упомянуть их, но и стараются связать их в своем сознании, систематизировать их (см. характеристику Е. Д. Садкова и В. Буторина по Кулою и В. П. Аникиева по Мезени);

12. здесь хорошие певцы настолько хорошо владеют эпическим стихом, что готовы переложить в стихи переводную сказку об Еруслане (см. характеристику А. Потруховой);

13. мои певцы по большей части люди средних лет или старики;

14. записанные мною по р. Кулою и Мезени старины я записал от 48 мужчин и 17 женщин, так что число моих певцов превышает число певиц почти в три раза;

15. среди мужчин попадалось большее число лиц, знающих много старин, чем среди женщин;³⁶

16. для некоторых старин певцы имеют свои особенные названия, например, «Туры» или «Васька-горька пьяница» для старины о Ваське-пьянице, «Женитьба Владимира» для старины о Дунае в обоих видах и старины о Даниле Игнатьевиче (Перемякине и т. п. = Ловчанине), «Моряночка» для старины «Братья-разбойники и их сестра»;

17. среди записанных мною старин есть, кроме серьезных, шутовые старины: «Проделки Васьки Шишка», «Усы», «Небылица» и «Старина о льдине и бое женщин» (в двух видах);

18. старины здесь поются не только спокойными эпическими напевами, но и песенными с повторениями каждого стиха и с перерывом посреди стиха (...);

19. отличительной чертой записанных здесь мною старин является их длина, особенно по сравнению с предыдущими моими записями в Приморье и по р. Пинеге; старины в несколько десятков стихов редки; обычно они имеют по сотне или по несколько сот стихов (наиболее длинная имеет 558 стихов);

20. некоторые старины, записанные в большом числе вариантов, представляют несколько редакций и типов в зависимости от места их происхождения и учителей их певцов (см. характеристики певцов; по ним можно бы восстановить репертуар некоторых прежних известных певцов, например Прони, т. е. Прокопия Шуваева из Нижи; Мардария из Кузьмина Городка);

21. старин специально мужских и женских здесь в противоположность Пинежскому краю указать нельзя;

22. кроме отмеченных мною в статьях «Поморье...» и «Пинежский край...» песенных терминов я слышал здесь следующие термины: «голос» — напев, «изворотиться» — составить стих («изворотицье на голосу-ту» старался В. Пупцев, когда стих выходил у него неуклюжим).

Я записал старины по разным причинам не у всех тех певцов, с которыми виделся.³⁷ Мне также не пришлось видеть и записывать у некоторых из указанных мне певцов.³⁸ Поэтому я привожу здесь, в порядке поселений, список тех певцов, у которых мне ничего не удалось записать, с теми сведениями об их знании, которые мне удалось получить.³⁹

³⁶ Факты, указанные в обоих последних пунктах, прямо противоположны тому, что я наблюдал в Поморье и Пинежском крае; здесь пение старин живет более среди мужчин, чем среди женщин.

³⁷ Одни из них не хотели петь, а другие не могли; у третьих я сам не хотел записывать, так как их старины уже были у меня в той же самой редакции.

³⁸ Одни из них уже умерли, другие не оказались дома, а к некоторым я не доехал.

³⁹ Певшие мне певцы здесь не упоминаются; о незаписанных у них старинах см. в их биографиях. Здесь, кстати, следует заметить, что в этой местности есть много лиц, которые слышали старины и умеют рассказывать их содержание, но пропеть их не могут, так как усвоили их недостаточно твердо.

По реке Пинеге:

Великий Двор (под самым городом Пинегой): слепая Харитонья рассказывала по стихам, но по старости не могла пропеть старины:

«Молодость Добрыни, бой его с Ильей Муромцем и поленицей» — интересное соединение сюжетов: Илья и Добрыня, назвавшись по полю братьями (Илья младшим, а Добрыня старшим братом), попиروвали и переночевали в шатре; наутро Илья Муромец проснулся, увидел поленицу и отправил за ней Добрыню, но последний не мог ее одолеть; тогда Илья дал ему совет, как биться с женщиной — ударить по пелькам (грудям) и под гузно; Добрыня победил;⁴⁰

«Алеша Попович и сестра Петровичей» (они хотели копать ее в землю, Алеша указывает им на женин стыд);

«Мать князя Михайла губит его жену»;

«Михайло Казаренин» (у Петра Сизого, бабушка-кóзленка; вариант близок к матверскому варианту).

По реке Кулою:**1. Кулой:**

а) старик Иван Григорьевич Орехов (†) знал старины;

б) Илья Борисов знает про Добрыню, который сидит в лодке;

в) Вася Ведрин пел.

2. Немнюга:

а) живущий в верхнем конце, но как раз охрипший ко времени моего приезда Семен Рягин знает старины:

«Дунай сватает невесту князю Владимиру», «Илья Муромец и Издолице проклятое»; «Исцеление и первая поездка Ильи Муромца», «Дюк Степанович»; «Бой Ильи Муромца с Добрыней», «Васька, горькая пьяница»;

б) Ф. Садков знает про Илью Муромца, Дюка, Алешу Поповича;

в) Степан Козáрин (†) знал старины;

г) слепой старик Гаврило, умеющий петь духовные стихи, рассказывает о богатырях, но петь не может.

3. Карьеполе:

а) Афанасий Старопопов знает, но не хотел петь старины: «Дюк», «Бой Добрыни со Змеем и Ильей Муромцем», «Васька-горька пьяница»;

б) Максим Иванович Старопопов знает старины, но петь их по болезни не мог.

4. Сбяна:

а) Настасья, дочь И. Сычова, знает старины, но стыдилась петь их;

б) Тимофей Васильевич Нечаев знает и хотел петь, но ввиду его пьянства я не записывал его старин: «Первая поездка Ильи Муромца», «Васька-пьяница», «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», «Сорок калик со каликою», «Бой Добрыни с Дунаем», «Потык», «Дюк»;

в) Семен Николаевич Нечаев;

г) Тимофей выучил у Евдокима Мелехова про Дуная;

д) крестьянин Митрей, у коего Я. Авдушев (в Азаполе по р. Мезени) выучил обе свои старины;

е) крестьянин Роман в верху деревни знает старины, но плохо; он научился у И. Д. Нечаева.

5. Долгая Щель или Щелья:

а) Иван Александрович Широкой (Михайло) знает старины: «Женитьба Владимира», «Михаил Данилович», «Сорок калик»;

⁴⁰ Второй сюжет (о бое Добрыни с поленицей) мне так и не удалось записать по р. Пинеге.

- б) жена Федора Нечаева (я не мог застать ее дома, так как она ходила на свадьбу) знает старины: «Михаил Игнатъевич», «Васька-пьяница»;
- в) Петр Кириллович Буторин (Петюля) умеет рассказывать, но петь уже не мог старины: «Самсон Колыванов», «Илья Муромец», «Садко»;
- г) Егор Кириллович Буторин (Пу́па), склонный к старообрядчеству, знал, но не хотел петь;
- д) Илья Попов знает согласно с певшим мне братом Яковом «Сорок калик»;
- е) Афанасий Яковлевич Нечаев (по прозвищу Маслов, пастух) знает, но вследствие пьянства не имел времени пропеть мне старины: «Сорок калик со каликою», «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Бой Добрыни с Дунаем», «Платов», «Женитьба Владимира», «Дюк»;
- ж) Дмитрий Прелухин знает старины: «Васька-пьяница», «Сокольник»;
- з) Федор Афанасьевич Прелухин знает, по словам его сына, около 50 старин и во всяком случае не менее 30, но был на Канине полуострове, где ловил камбалу;
- и) Иван Федорович Медведев, хилый и глуховатый старик, ранее знал, но теперь позабыл и помнит одни имена;
- й) Кузьма и Тимофей Фомичи Увакины (по прозвищу «Гогара») были на ловле камбалы;
- к) Михаил Широкой, у которого С. Рычков выучил «Сорок калик»;
- л) Лобанов Максим Иванович;
- м) Иван Ильич Широкой;
- н) Афанасий Вишняков знает старины: «Князь Михаил», «Добрыня Никитич».

По морскому берегу на запад от р. Кулоя:

1. *Нижа:*
 - а) Федор Прокопьевич Шуваев;
 - б) Афанасий Николаевич Шуваев, по словам А. Петрова, должен знать старины: «Бой Ильи Муромца с Сокольником», «Садко», «Бутьга».
2. *Койда:*
 - а) Андрей Иванович Малыгин (по прозвищу Каптин Мамаевич) знает хорошо;
 - б) жена Александра Малыгина.
3. *Майда:*
Михаил Титов, старик, Коцёвых.
4. *Мегра:*
Еким Федорович Титов (?).

По реке Мезени:

1. *выше Русановского Завода*, на левом берегу р. Мезени, живет 94-летний, глуховатый уже старик Чюрилко, который знает много, например старины «Дюк», «Дунай».
2. *г. Мезень:*
содержатель земской станции Микифор Олупкин знает о князе Владимире, но не решился петь, так как давно не пел и забыл.
3. *Заозерье у Тимшеля:*
Овдотья, хозяйка Василия Сирова, по словам ее дочери, поет хорошо.
4. *Тимшель:*
 - а) был Логин Сергеевич «бедовый» (знаток), которого водили из избы в избы, чтобы он пел; у него остался сын Тимофей;
 - б) Яков или Григорий вблизи Рюмина знает старину «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»;

- в) брат А. и Ст. Рычковых знает те же старины, что и они;
- г) старик Тимофей Феничев знает старину о 40 каликах, которую у него слышал Е. Разсолов.
5. *Дорогая Гора*:
- а) Иван Макурин выучил от отца В. Тярсова старины: «Оника, храбрый воин», «Васька-пьяница», «Бой Добрыни с Дунаем», «Василий Буслаевич», «Дунай», «Первая поездка Ильи Муромца», «Илья и Подсокольник», «Чюрило»;
- б) Семен Варзин пел про Дюка;
- в) старший сын О. Макуриной знает старины: «Микула Селянинович», «Первая поездка Ильи Муромца», «Вдова и 9 сыновей» («Братья-разбойники и их сестра»), «Василий Буслаевич»;
- г) младший сын О. Макуриной знает старину «Микула Селянинович»;
- д) Петр Сахаров поет одинаково с И. и А. Тярсовыми;
- е) Лушаков;
- ж) Василий Иванович Потрухов, отец певшей мне А. В. Потруховой, ранее знал, но теперь оглох и позабыл старину о Потыке;
- з) Марья Ивановна Потруховоцька.
6. *Кимжа на левом берегу р. Мезени, на 5 верст выше Дорогой Горы*:
- а) Андрей Петрович Окулов;
- б) Михаил Ив. Федорков;
- в) Грынюша Федорков, у которого Е. Разсолов выучил свою 9-ю старину (о Дунае).
7. *Бычья на р. Пёзе, правом притоке р. Мезени*:
- а) Митрей Фролов;
- б) Микифор Кубышкин.
8. *Лобановская на р. Пёзе, выше Бычьей*:
Ваня Лобаньский, у которого Е. Разсолов выучил свою 8-ю старину (о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича).
9. *Гришино на р. Вижасе*:
крестный отец А. Тярсова.
10. *Жердь*:
- а) Каюковы;
- б) Иван Лазаревич Нечаев;
- в) Иван Лазухин.
11. *Петрова Гора*:
Егор Хариха научился в Кильце у И. Е. Чупова, отговаривался забывчивостью, а я не настаивал, так как не хотел остановиться в этой деревне по случаю эпидемии в ней тифа.
12. *Кузьмин Городок*:
- а) Варнава Фафулев;
- б) Степан Иванович Кузьмин знает, но был пьян, когда я встретил его в Дорогой Горе при остановке его в пути на Канин полуостров за камбалами;
- в) Федор Оникиев знает, но отговаривался петь старины (потом я его не видел): «Соломан», «Илья Муромец и разбойники», «Данило и его сын», «Илья и Сокольник», «Илья и Святогор», «Самсон Колыбанович»;
- г) Иволя Оникиев;
- д) Павел Оникиев (†) пел вместе с юромским Архипом Удиным старины на море.
13. *Печище*:
- а) Исак, родом из Печища или Кильцы, служащий в г. Мезени у М. Олупкина, знал про Дуная, но петь не мог, так как у него была сильная хрипота и он еле говорил;
- б) Василий Суннов Ерин (†), у которого Е. Разсолов выучил 3 старины.

14. *Кильца:*

а) Николай Чупов раньше знал и, по-видимому, знает еще теперь старины: «Илья и Сокольник», «Дунай», «Василий Буслаевич», «Хотен», «Васька, горька пьяница»;

б) Назар Иванович Яшов знает, но не хотел петь под разными предложениями старины: «Волга Вячеславович» (выучил у верховцев из д. Пылемы), «Батей Батеевич» (иначе, чем здесь: выучил у устюжского старика), «Илья Муромец в погребке и Самсон», «Дюк», «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Данило Игнатъевич» (здесь — Личярда), «Дунай».

15. *Погорелец:*

а) Левонтина Емельяновна Ружникова, родом из Жуковой Горы, знает про Дуная, но уклонилась от пения;

б) Иван Иванович Ружников, у которого Е. Разсолов выучил новую старину о Добрыне.

16. *Черсова Гора:*

старик Левонтий Корпугов знает стихи (не старины ли?).

17. *Мелагора:*

а) Александр Цапихин побоялся петь про Дуная;

б) был «засыпной» певец Александр Бурдуев.

18. *Азаполе:*

а) Василий Шмаков;

б) Лёва Шульгин побоялся петь;

в) Никола Подрухин;

г) Митрей Калинин;

д) Григорий Васильевич Максимов, у него Я. Авдушев выучил свою первую старину.

19. *Кёслома:*

а) Асаф Мик. знает «Козарина»;

б) Василий Зиновьевич Литвиневский.

20. *Юрома:*

а) Кирило Удин;

б) Ипат Арх. Удин;

в) Н(?)увак Стёпанов знает «Дюка Степановича»;

г) Архипко П. (вероятно, Удин);

д) Клопов Петр.

21. *Копылиха*, немного ниже Тигляевой:

а) слепой Антипа Поташов знает более 10 старин, напр.: «Дунай», «Садко», «Святогор», «Оника»;

б) его племянник Иван Васильевич Поташов также знает.

22. *Тиглява* (Тигляева):

а) Дарья Спиридоновна Титова знает старину «Дунай»;

б) Филипп Михашын, брат моего певца Михаила Михашына, знает старины: «Горе», «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»;

в) Дуныша Попова знает старину «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

23. *Шиляева:*

Ондрей Николаевич Носарев пел про Кострюка.

24. *Заозерье:*

Иван Клокотов (Петрило), по указанию других, должен знать, но его не было дома.

25. *На перевозе через р. Мезень*, между станциями Юромой и Нисогорами старик Иван Семенович Шубин из д. Заручьевской, или Ивановской, знает старины (обещал прийти петь в Нисогоры, но обманул): «Добрыня», «Дунай», «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Бой Добрыни с Дунаем», «Святогор», «Первая поездка Ильи Муромца».

26. *Б. Нисогоры:*

а) Степан Никитич Сахаров знал старины: «Дунай», «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»;

б) девки поют старину о том, как князь губил жену, как песню; взрослые же позабывают ее и помнят из нее по несколько слов.

27. *Березник против Нисогор.*28. *Смоленец:*

а) Митрей Бородин сам хвалился утешить меня;

б) Василий Шылов, учитель А. Мартынова Большого, знает хорошо, например старины: «Святогор», «Дунай»;

в) Михаил Попов;

г) Василий Кирилихин.

29. *Пылема:*

а) Листов, у которого Е. Разсолов выучил «Первую поездку Ильи Муромца»;

б) Ивойло знает много;

в) Петр Листов.

30. *Ценогоры Лешуконской волости:*

Никифор Прокшин 90 лет, отец Флегонта Прокшина.

Вообще, по словам моего тимшельского певца Ф. Рюмина, вверху по р. Мезени (за д. Усть-Вашкой) поют старины, но по р. Вашке их знают мало.

VII. Напевы мезенских былин

Среди местных музыкальных традиций севернорусского былинного эпоса мезенскую, по-видимому, следует считать одной из наиболее изученных. Тому способствовали целенаправленные экспедиционные обследования, регулярно осуществлявшиеся в течение всего XX столетия. Особенно важно, что результаты полевых разысканий получали отражение в солидных изданиях. Таким образом, мезенская былина довольно часто оказывалась в поле зрения ученых-фольклористов.

И. С. Тезавровский,¹ которому А. Д. Григорьев доверил нотировку своих фонограмм, руководствовался полномочиями «переводчика напевов». Выполнив предложенную работу на высоком уровне,² он освоил совершенно новый и весьма значительный по объему материал (в Собрании А. Д. Григорьева опубликовано 156 нотных образцов), однако не решился на какие-либо музыкально-этнографические обобщения. После разъяснения своих принципов «переводчика напевов» в первой книге Собрания,³ И. С. Тезавровский в дальнейшем (в частности, в мезенском томе) ограничился лишь самыми общими замечаниями, полезными для систематизации мелодий с позиций теории музыки начала прошлого столетия.⁴ Вместе с тем заслуги И. С. Тезавровского в

¹ Тезавровский Иван Сергеевич (1871—1941) — композитор, музыковед. Среди фольклористов был известен активной деятельностью в сфере практической обработки материалов как один из наиболее видных нотировщиков и текстологов своего времени.

² Большую помощь в работе И. С. Тезавровскому оказал крупный филолог-славист академик Ф. Е. Корш.

³ Тезавровский И. С. От переводчика напевов // Гр. I. С. 649—652.

⁴ Там же // Гр. III. С. 655—656.

сфере аналитической очень существенны. Он уловил метроритмическое своеобразие напевов и отразил это в своих нотировках, по существу указал на особый способ организации музыкальной формы в напевах севернорусского эпоса.

Первая попытка музыкально-фольклористического анализа мезенских былинных мелодий была предпринята много позже и связана с именами Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд. Издание, для которого предназначалась работа, позволяло дать сравнительную характеристику материалам, записанным на Мезени и на Печоре.⁵ При классификации эпических напевов Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд опирались на теоретические положения, выдвинутые в известной работе А. Л. Маслова — современника И. С. Тезавровского, активного собирателя и исследователя поющего фольклора поморов Севера.⁶ Они разделили двенадцать публикуемых образцов на три группы («напевы типа, описанного Масловым, „полного эпического размера”»;⁷ «напевы, связанные чаще всего с былинами поздней скоморошьей традиции, типа, описанного Масловым, „скоморошьего”»

⁵ Гиппиус Е. В., Эвальд Э. В. Несколько замечаний о напевах мезенских и печорских былин // Аст. 1. С. 545—549.

⁶ Маслов Александр Леонтьевич (1876—1914) — музыковед-фольклорист. Речь идет о труде, который не утратил своей научной ценности и в настоящее время. См.: Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад: Исследование А. Л. Маслова // МЭК-2. С. 299—329.

Не касаясь подробно самого исследования, укажем на некоторые положения, отражающие позицию А. Л. Маслова: 1) севернорусский эпос восходит к культуре индивидуального сказительства, характеризуется преобладанием повествовательного начала; 2) напев (былины, баллады, духовного стиха и пр.) представляет собой особую форму музыкальной декламации и может использоваться для интонирования различных по содержанию старин, он всегда тесно связан со стихом; 3) основной ритмической единицей напева является ритмический период с одним акцентом, приходящимся всегда на его начало (подробнее см.: Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха: Методологические заметки / Фольклор 1981: Поэтика и традиция. М., 1982. С. 97—98); 4) по особенностям соотношения стиха и напева музыкальные формы подразделяются на сложные (двух- и трехстрочные, в которых напев охватывает два-три стиха поэтического текста) и простые (однострочные, где напев соответствует одному стиху); 5) простые формы получили распространение в пяти разновидностях; для выявления этих разновидностей следует учесть, что напевные сказания могут опираться на полный эпический размер, на сокращенный эпический размер, на скомороший размер, на размер духовного стиха, на позднейший одномерный размер (не исключается также использование родственных размеров в одной старине) — это отражается на музыкальном строении мелостиха, существенно влияет на его протяженность.

Отметив в напевах одной и той же группы (напевы, связанные с «полным эпическим размером») преобладание двухдольных (четных) либо трехдольных (нечетных) ритмических групп, А. Л. Маслов фактически указал на два способа распределения музыкального времени, приходящегося на пару слогов поэтического текста — в целых и полуторных долях; первый из них восходит к традиции равномерного слогапроизнесения, для второго же существенно чередование слогов по долготе-краткости (в дополнение к упомянутой публикации А. Л. Маслова см.: ММБ-1. С. 16). Исследователь исходил из единства музыкального и поэтического начал русского эпоса, поэтому объяснения феномена народнопесенного стиха с позиций стиховедческой теории его не устраивали; вместе с тем через анализ координации стиха и напева он вплотную подошел к проблеме выявления элементов квантитативного ритма в севернорусской напевной декламации.

Очень важно, что предложенный А. Л. Масловым путь систематизации севернорусских эпических напевов предусматривает выявление суммы важнейших структурных признаков. По существу его работа характеризует не только своеобразие, но и многообразие севернорусского поющего эпоса, а сам метод раскрывает взаимодействие различных композиционных принципов и в типологически контрастных музыкальных формах, и в однотипных напевах местных традиций.

⁷ Аст. 1, с. 546 (нотный раздел, № 1, 5, 7 — «мезенский типовой напев»; № 8, 10, 11 — «печорский (усть-цилемский) типовой напев»).

размера»;⁸ «напевы, интонационно связанные с песенным жанром, чаще всего с интонациями свадебных величальных песен, иногда же лирических»⁹), установили соотношение мелодий с музыкальными материалами из мезенской части Собрания А. Д. Григорьева.¹⁰

Вслед за А. Д. Григорьевым Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд продолжили разыскания образцов группового исполнения севернорусских былин и предприняли попытку музыковедческой характеристики этого явления.¹¹

Важной вехой в музыкальном эпосоведении стал выход в свет антологии «Былины».¹² Изложенные в ней характеристики мезенских материалов очень существенны. Во-первых, составители подтвердили позицию Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд, полагая, что «мезенскую и печорскую эпическую традицию следует рассматривать вместе в связи с их принципиальным сходством».¹³ Во-вторых, в специальном разделе мезенские материалы они объединили с кулойскими.¹⁴ Тем самым был установлен ареал, охватывающий северо-восточные районы Архангельской области по течению рек Мезени и Кулоя. В-третьих, предложенный А. Л. Масловым метод прошел в антологии основательную проверку на обширном материале, охватившем фактически все основные му-

⁸ Там же. С. 547—548. По мнению авторов, «на Мезени „скоморошья“ напевы в чистом виде, с характерной для них скороговоркой, встречаются редко. Чаще „мезенский“ напев „скоморошьяго размера“ представляет своеобразный смешанный тип, соединяющий в себе каноны напевов „полного эпического размера“ с канонами размера „скоморошьяго“» (нотный раздел, № 3, 4, 6).

⁹ Там же. С. 548 (нотный раздел, № 2).

¹⁰ Там же. С. 546—547. Гр. III, нотный раздел, № 1, 2, 4, 5, 9, 13, 14, 23, 24, 27—35, 38, 40—42, 46, 50 — «мезенский типовой напев»; № 11, 16, 18—21, 44 — «напевы „скоморошьяго“ типа». К сожалению, Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд не во всем оказались последовательными. Так, первую группу напевов следовало бы дополнить по крайней мере десятью образцами (Гр. III, нотный раздел, № 25, 26, 37, 43, 47—49, 51, 53, 54), возможно, учесть еще два (там же: № 17 — баллада «Братья разбойники и их сестра»; 36 — духовный стих «Голубиная книга»). С другой же стороны, один из напевов, связанных с «полным эпическим размером», но представленный иной структурной версией (той же самой, кстати, что и напев былины «Про старого», записанный на Печоре от семейства сказителей Чупровых и не получивший комментария в «Былинах Севера»), по непонятной причине оказался среди «напевов „скоморошьяго“ типа» (Гр. III, нотный раздел, № 44; ср.: Аст. 1, нотный раздел, № 9). Кроме того, в мезенской части Собрания А. Д. Григорьева содержатся материалы, устанавливающие важные параллели с образцами «печорского (усть-цилемского) типового напева» (Гр. III, нотный раздел, № 6—8, 39). Следовало бы сослаться и на образец строфического напева чисто песенного происхождения, подтверждающий наблюдения авторов (там же, № 45).

Конечно, при более детальной проработке вышедших в свет двух томов Собрания А. Д. Григорьева (поморско-пинежского и мезенского) исследователи безусловно пришли бы к более весомым выводам, по крайней мере — при характеристике мезенского поющего эпоса. Что же касается печорских материалов, то их ограниченное количество требовало от Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд известной осторожности. В этой части не столько важны указания на очевидное, сколько сам факт публикации напевов печорских былин, ими же записанных и расшифрованных; но еще важнее сама попытка охарактеризовать «мезенско-печорскую традицию».

¹¹ Аст. 1, с. 548. К этой проблеме возвратимся позже. В настоящий момент заметим, что собиратели безусловно отталкивались от опыта А. Д. Григорьева и, несмотря на ограниченное количество выполненных записей, смогли достаточно убедительно представить эпическую традицию верховьев Мезени. В конечном же счете материалы экспедиции 1928 г. стали логическим продолжением работы, начатой А. Д. Григорьевым в 1901 г.

¹² БРМЭ (музыковедческие оценки издания см.: Васильева Е. Е. Истинный мир былин // Советская музыка. 1985. № 3. С. 100—104; Банин А. А. Методологическая ценность былин // Советская музыка. 1986. № 7. С. 90—96).

¹³ БРМЭ. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 207—275. Как историко-этнографические характеристики обеих традиций, так и музыкально-стилевые особенности местных эпических напевов указывают на целесообразность такого объединения.

зыкальные формы русского эпоса.¹⁵ В-четвертых, антология позволила рассматривать мезенский материал в контексте севернорусской (и в целом русской) музыкально-эпической традиции. В-пятых, этот материал был тщательно отредактирован, представлен наиболее яркими образцами в записях разного времени с весьма надежным комментарием.¹⁶

Из прочих музыковедческих работ, посвященных изучению севернорусской эпической традиции, наиболее важными для характеристики мезенских материалов оказываются две статьи Е. Е. Васильевой. В одной из них — «Композиция однострочных эпических напевов по собранию А. Д. Григорьева»¹⁷ — на основе текстологических наблюдений предлагается интересный и безусловно перспективный метод систематизации музыкальных форм путем разделения однострочных напевов на два типа: «напевы с переменной моры» и «напевы с обособленным кадансом».¹⁸ Другую же — «Этномузыковедческая проблематика русского эпоса: (В связи с выходом первой музыкальной антологии былин)»¹⁹ — в определенном смысле можно считать итоговой. В ней автор обобщает свой весьма богатый исследовательский опыт и на основе музыкальной типологии былинных напевов осуществляет картографирование севернорусской эпической традиции.²⁰ Очень важно, что две карты, предложенные Е. Е. Васильевой, наглядно демонстрируют полное единство мезенско-кулойской традиции, весьма относительное ее сходство с традицией Пинежья и абсолютную ее противоположность традиции Обонежья.

Напевы севернорусских былин представляют собой музыкальные формы, направленные на произнесение слова и тесно связанные с традицией речевого повествовательного интонирования. Но это формы поющие, такие формы, для которых принципиально важны законы музыкальной ком-

¹⁵ В антологии принят региональный принцип расположения материала. В самих разделах напевы представлены в порядке возрастания сложности музыкальной формы («одностиховые напевы», «строфические напевы»), в подразделах напевы группируются по метrorитмическим признакам («в нечетных и смешанных группах метрического времени», «в четных группах метрического времени»).

¹⁶ Всего в разделе «Мезенские и кулойские старины» помещено 11 мезенских образцов: № 35 — ПФМ, № 242 (в антологии публикуется более полная расшифровка); № 36 — Аст. 1, нотный раздел, № 3 (в антологии публикуется более полная расшифровка); № 39 — Гр. III, нотный раздел, № 7; № 40 — Аст. 1, нотный раздел, № 2 (в антологии публикуется более полная расшифровка); № 41 — ПФМ, 230 (в антологии публикуется более полная расшифровка); № 42 — Гр. III, нотный раздел, № 20; № 46 — Гр. III, нотный раздел, № 24; № 49 — Гр. III, нотный раздел, № 1; № 49а — Гр. III, нотный раздел, № 23; № 50 — ПФМ, № 238; № 52 — Гр. III, нотный раздел, № 45. Еще три образца включает Приложение: № 103 — Гр. III, нотный раздел, № 55; № 119 — Гр. III, нотный раздел, № 12; № 120 — ПФМ, № 251 (в антологии публикуется более полная расшифровка).

¹⁷ Васильева Е. Е. Композиция однострочных эпических напевов по собранию А. Д. Григорьева // Проблемы музыкальной науки. М., 1979. Вып. 4. С. 145—163.

¹⁸ Там же. С. 162—163.

¹⁹ Васильева Е. Е. Этномузыковедческая проблематика русского эпоса: (В связи с выходом первой музыкальной антологии былин) // Музыка эпоса: Статьи и материалы. Йошкар-Ола, 1989. С. 44—68.

²⁰ Там же. С. 55—56. Принципы, на основе которых Е. Е. Васильева осуществляет типологическое разграничение напевов, опять же восходят к методу А. Л. Маслова: «однострочные с переменной моры», «однострочные с обособленным кадансом», «многострочные», «скоморошины».

Не случайно и то, что среди основных характеристик одностиховых (однострочных) напевов она отмечает «два способа произнесения слова: последовательное противопоставление слогов по длине («квантитативная ритмика» — музыковедческий термин, заимствованный из античной поэтики, или «совершенный ритм» средневековой европейской поэзии) или равное по длине звучание слогов («неквантитативная», или «несовершенная», ритмика) — см.: Васильева Е. Е. Этномузыковедческая проблематика... С. 50. В «чистом» виде такие принципы формообразования реализуются довольно редко. См.: БРМЭ, № 2, 6; заслуживают внимания два образца из Собрания А. Д. Григорьева: Гр. I, нотный раздел, № 38 (перепечатано: БРМЭ, № 21); Гр. II, нотный раздел, № 45 (перепечатано: БРМЭ, № 37).

позиции. По существу характер соотношения декламационного и песенного начал определяет и типы напевов севернорусского эпоса, и все структурные версии, и даже местные музыкальные редакции.²¹ Ведущими же признаками разграничения нарративных напевов, теми признаками, на основе которых осуществляется их классификация, являются все-таки метроритмические характеристики.

Для мезенских былин наиболее типичны музыкально-поэтические формы, в которых напев соответствует одной строке (одному стиху) поэтического текста (одностиховые напевы). Количество составных (двухстрочных) и регулярно-строфических композиций незначительно, однако наличие таких мелодий вносит важные музыкально-стилевые штрихи в характеристику местной эпической традиции.²²

I. Развитые одностиховые напевы

В мезенских былинах преобладают развитые одностиховые напевы. Согласно предложению А. Л. Маслова, их следовало бы связать с «полным эпическим размером» (двенадцати-четырнадцатисложный стих с тремя акцентами). Особенности таких музыкальных форм проявляются достаточно определенно при сравнении вариантов, записанных на Мезени (примеры 1, 3) и на Печоре (примеры 2, 4). Это композиции двух типов, причем каждый из типов представлен двумя структурными версиями.

1. Гр. III, нотный раздел, № 23 (Дорогая Гора)

$\text{♩} = 80$

1. Ту-т(ы) шли-то где ту-ры по-д(ы)-ле си-нё мо-рё,

2. А по-плы-ли ту-рё-н(ы)-ки за си-нё мо-рё...

²¹ Севернорусские эпические напевы не имеют постоянной прикрепленности к какому-либо сюжету. Многие из них одинаково типичны и для былин, и для баллад, и для духовных стихов, и для образцов «комического эпоса». Согласно мнению Ф. А. Рубцова, такие напевы «всегда остаются лишь средством музыкальной декламации (<...>), а потому могут использоваться для былин самого различного содержания» (Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 131).

²² При анализе эпических напевов важно учитывать особенности их варьирования, вызывающие нарушения структурных норм: колебания количественно-слогового объема в инициальной части напева, изменение продолжительности звучания последнего слога мелостиха (чаще — в сторону увеличения). В процессе исполнения былины возможно использование двух типологически родственных интонационных канонов (образование составной композиции); усечение инициальной части напева в результате приспособления развитой композиции для интонирования стихов с сокращенным количественно-слоговым объемом (образование производной формы); смешение разных интонационных канонов при интонировании мелостиха (возникновение комбинированной формы); наконец, при отступлении от традиции напева — появление некондиционной формы.

2. Аст. 1, нотный раздел, № 9 (Абрамовская)

$\text{♩} = 88$

1. Ай да не бли_зко(у) от го(у) - ро_да, не да - ле - ко (у)ж. не...

2. Не да - лё_ко(у) от Ки - е_ва-за_аве - на - ац_ть лё_рст...

3. Гр. III, нотный раздел, № 39 (Кильца)

$\text{♩} = 172$

1. У_ш(и) как плы_ли ту - ры за о - ки - ан - мо - рё,

2. Вы - плы - ва - ли ту - ры да на Бу - ян - ост - ров...

4. Аст. 1, нотный раздел, № 10 (Абрамовская)

$\text{♩} = 80$

1. Как про бе_ло_го(у-о) ска_зать ца_ря, ска_зать про бе - дно - го,

2. Про ю - да_ло_го ска_зать да до - бра мо - лод - ца.

Напевы первого типа (1, 2) характеризуются наличием внутрислоговых распевов, дроблением доли за счет вставного слога (включая огласовки); в напевах второго типа (3, 4) преобладает слоговой ритм (принцип соответствия одного слога одному звуку), мера музыкального времени здесь оказывается вдвое короче. Метроритмическая организация мелостихов указывает на сложную взаимосвязь всех четырех композиций.

- 1) = 13
Тут шли- то где ту- ры под- ле си- нё мо- рё...
- 2) = 14
Да не близ- ко от го- рода, не да- ле- ко ж, не...
- 3) = 20
Уш какплы- ли ту- ры за о- ки- ан мо- рё...
- 4) = 19
Как про бе-ло- го ска- зать, ца- ря ска-зать про бед-но- го...

Для напевов первого типа (тринадцати- и четырнадцатимерная версии) более существенна опора на традицию равномерного слогапроизнесения, в напевах второго типа (девятнадцати- и двадцатимерная версии) преобладает принцип чередования слогов по долготе — краткости.

Музыкальная форма каждого из четырех мелостихов характеризуется противопоставлением двух важнейших элементов структуры — инициальной части и каданса²³ (функциональная противоположность этих элементов подчеркивается также метроритмическими параллелями инициальной части в однотипных напевах, каданса — в типологически различных). В конечном счете все композиции опираются на принцип контрастного строения (следует обратить внимание на то, что оппозиция инициальной части и каданса выражена в напевах по-разному: в тринадцатимерном напеве равномерное слогапроизнесение в инициальной части сменяется чередованием слогов по долготе — краткости в кадансе; в четырнадцатимерном — в кадансе вдвое увеличивается время произнесения слога; в двадцатимерном напеве каданс наряду со сменой принципа слогапроизнесения подчеркнут и переменной моры; в девятнадцатимерном напеве эта оппозиция подчеркнута лишь мелодическими средствами).

²³ Соотношение двух важнейших элементов напевно-декламационной формы удачно прокомментировано Е. Е. Васильевой: по ее мнению, инициальную часть характеризует «мелодическое развертывание, не предполагающее завершенности, обретающее свою форму во встречном взаимодействии с кадансом...» (Васильева Е. Е. Композиция однострочных эпических напевов... С. 159). Каданс (клаузула) — наиболее стабильный элемент мелостиха (обладающий к тому же свойствами «формульности») — имеет решающее значение для организации музыкально-стихотворной формы. Поэтому «выражение „квантитативный ритм“, — указывает Е. Е. Васильева, — вводится не только в оппозиции тоническому, обозначая определенное соотношение ударных и безударных по долготе, но оно родственно еще понятию „квантитативная клаузула“, что значит определенным образом ритмически организованное завершение строки, которое, повторяясь неизменно, создает стихотворную форму, расчлененную на воспринимаемые единицы (строки), имеющие и собственную организацию, ярче всего проявляющуюся именно в клаузуле и от нее ретроспективно проецирующуюся на предшествующие участки строки... Роль клаузулы в былинном тексте чрезвычайно важна... Если выделение клаузулы перестает быть важнейшим моментом композиции мелодической строки, эпический напев разрушается, начинается его перерождение» (Там же. С. 160—161).

Исходной причиной широкого распространения и параллельного бытования типологически различных музыкальных форм могли быть контрастные темповые версии напевной декламации. Но какие-либо обоснованные предположения о том, как именно происходил процесс образования конкретных напевов (известных, к тому же, лишь по записям прошлого столетия), разумеется, невозможны (после сравнения большого количества однострочных напевов, записанных на Мезени, на Кулое, на Печоре, все-таки заметим, что конечные результаты этого процесса отражают своеобразие использования интонационных канонов в местных культурах).

Судя по записям, для мезенских былин наиболее типичны тринадцатимерные напевы. Они получили наиболее широкое распространение и на протяжении нескольких десятилетий многократно записывались разными собирателями. Менее характерны четырнадцатимерные и двадцатимерные мелости (зафиксированы лишь в отдельных населенных пунктах) и совершенно не типичны девятнадцатимерные.²⁴ Таким образом, из напевов первого типа в мезенских былинах преобладают тринадцатимерные, из напевов второго типа — двадцатимерные, т. е. именно те композиции, в которых наиболее последовательно выражен принцип контрастного строения. В печорских же былинах — наоборот. Это указывает на более тесную связь мезенских однострочных напевов с канонами напевной декламации, а в конечном счете — на их меньшую зависимость от традиции песенного интонирования.

Развитые одностиховые напевы отличаются высокой стабильностью музыкальной формы даже в условиях сольного исполнения. Отступления от структурной нормы незначительны, и их мало.²⁵ Надо заметить, что и мелодические редакции напевов, зафиксированные у разных сказителей, также демонстрируют весьма ограниченный диапазон варьирования музыкальной фор-

²⁴ Развитые одностиховые композиции представлены в мезенских былинах следующим образом: тринадцатимерный напев зафиксирован 76 раз в 22 населенных пунктах у 43 сказителей (с учетом нескольких образцов группового исполнения); четырнадцатимерный — 7 раз в 2 населенных пунктах у 3 сказителей; двадцатимерный — 4 раза в 2 населенных пунктах у 3 сказителей (с учетом одного образца группового исполнения); девятнадцатимерный напев как самостоятельная форма на Мезени не зафиксирован, однако записан двухстиховой напев с достаточно свободным чередованием двадцати- и девятнадцатимерных структур. Последний случай требует комментария. Напев записан в д. Койнас от сказителя П. П. Садкова. Аналогичную форму он использовал при исполнении духовного стиха «Аника-воин» (см.: БРМЭ, № 120). Это составная композиция (признаки строфического и тирадно-строфического строения явно отсутствуют), в которой подтверждается типологическое единство девятнадцати- и двадцатимерных мелостихов. Столь же важным оказывается записанный на Кулое строфический напев, объединяющий тринадцати- и четырнадцатимерную структуры (см.: Гр. II, нотный раздел, № 32; ср.: Напевы кулойских былин: (По материалам коллекции О. Э. Озаровской) / Публ. А. Д. Троицкой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 393, № 10).

²⁵ Показательна статистика тринадцатимерных былинных напевов. В записях А. Д. Григорьева, дополненных материалами мезенской экспедиции 1928 г., содержится 36 нотных образцов, содержащих 185 мелостихов. Во всех мелостихах строго сохраняется структурная норма. Материалы экспедиции ИРЛИ 1958 г. представлены 24 нотировками — всего 214 мелостихов; в 12 нотировках (99 мелостихов) содержится 24 ненормативных мелостиха. Материалы последующих экспедиций представлены 16 нотировками — всего 186 мелостихов; в 6 образцах (75 мелостихов) — 11 ненормативных мелостихов. Следовательно, отступления от структурной нормы имеют 35 мелостихов из 585.

О строгом использовании тринадцатимерных канонов в мезенских былинах свидетельствует и тот факт, что всего лишь один раз была зафиксирована производная форма (Аст. 1, нотный раздел, № 6), один раз — некондиционный напев (ПФМ, № 247), и то — либо среди образцов «комического эпоса», либо среди поздних записей.

Двадцатимерные напевы представлены всего лишь четырьмя образцами из собрания А. Д. Григорьева. Всего 21 мелостих — фактически без отступлений от структурной нормы.

мы: многие образцы, отдаленные как по месту бытования, так и по времени записи, обнаруживают очень большое сходство. Эффект тождества напевов усиливается при сведении их в условную партитуру, воссоздающую многоголосие. Но, что особенно важно, такое многоголосие согласуется с реальным, отраженным в записях группового исполнения местных былин.²⁶ Это подчеркивает определенную связь развитых однострочных напевов с традицией ансамблевого пения, одновременно указывая на противоречие в самих публикуемых материалах, представляющих такие напевы преимущественно сольными вариантами.

II. Десятисложные напевы

Среди напевов мезенских былин важную, но немногочисленную группу составляют музыкальные формы, опирающиеся на десятисложный силлабический стих.²⁷ Основу их композиции составляет шестимерный пятисложник, двумя разновидностями которого определяются две структурные версии. Напевы одной из версий характеризуются пятисложником с равномерным слогапроизнесением и долготой в позиции пятого слога. Музыкальные формы подобного строения достаточно типичны для севернорусской напевной декламации²⁸ и представлены в мезенских материалах убедительными образцами. Один из этих образцов (пример 5) приводится для более подробного комментария.²⁹

²⁶ Подробнее см.: *Марченко Ю. И.* Некоторые вопросы изучения музыкальной стилистики эпических напевов архангельской традиции: (По материалам, записанным на Кулое, Мезени и Печоре) // РФ: Эпические традиции: Материалы и исследования. СПб., 1995. Т. 28. С. 121—123, 125—126.

²⁷ Б. Б. Ефименкова относит такие мелости к классу цезурированных ритмических форм, принадлежащих, по ее мнению, к одной версификации — силлабической. «От литературной силлабики народный цезурированный стих отличается подвижностью своего слогового объема... его слоговые группы обладают дополнительным качеством — определенной протяженностью музыкального времени, которая не варьируется в текстах стабильной структуры. Поэтому константность размеров единиц стиха сохраняется даже при изменении их слоговой величины. Таким образом, песенный силлабический стих может быть и обычно бывает неравнослоговым» (*Ефименкова Б. Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2001. С. 71).

²⁸ *Кастров А. Ю.* Вопросы структурной типологии олонечких нарративных напевов («вепская мелострофа» и «рунический ритм») // РФ: Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. Т. 27. С. 115—121.

²⁹ Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд при первой публикации мелодии отмечали ее связи с песенным жанром, подчеркивали отсутствие ритмо-интонационных параллелей с традиционными напевами мезенских былин (см.: Аст. 1, с. 548). В. В. Коргузалов, комментируя более детализированную нотировку той же фонограммы в антологии (эта же нотировка включена и в настоящее издание), рассматривает мелодию в контексте севернорусской напевной декламации. Более того, опираясь на материалы, представленные в «Былинах Севера», совершенно справедливо указывает на использование аналогичной формы другим мезенским сказителем (см.: БРМЭ. Комментар. № 40. С. 541—542).

5. Аст. 1, нотный раздел, № 2 (Усть-Низема)

$\text{♩} = 66$

1. По - ды - ма - лось чу - ди - що не ма - ло - ё,

2. Да ка - к(ы) не ма - ло - ё да не ве - ли - ко - ё,

3. Да го - ло - ва у не - го да как пи - вной ко - тёл,

4. Да ка - к(ы) гла - за у не - го да как пи - вны ця - ши...

Метроритмическая схема мелостиха наглядно демонстрирует его связь как с нарративными напевами севернорусского эпоса, так и с широким кругом чисто песенных явлений восточнославянского фольклора.

$\text{♩} = 6 \text{ ♩} + 6 \text{ ♩}$

По-ды- ма-лось чу- ди- що не ма- ло- ё...

Непосредственно при исполнении былин такие напевы фиксировались в трех населенных пунктах у трех сказителей, причем все фонограммы были выполнены в экспедиции 1928 г.³⁰ Наиболее существенным при произнесении поэтического текста оказывается принцип соответствия одного слога одному звуку. Музыкальная форма жестко регламентирована метроритмическим канонem и никаких существенных отступлений от нормы фактически не допускает.

Судя по собранию А. Д. Григорьева, подобные напевы бытовали на Мезени и в иной, более развитой мелодической редакции, в которой улавливаются некоторые черты песенного склада.³¹

Благодаря фиксации напевов в нескольких населенных пунктах, расположенных на значительном удалении друг от друга (крайними были д. Латьюга и д. Дорогая Гора), а также наличию среди них контрастных вариантов, все эти напевы оказываются важными и совершенно необходи-

³⁰ См.: Аст. 1, нотный раздел, № 2 (д. Усть-Низема, М. Г. Антонов), № 4 (д. Засулье, Е. М. Михеев), Приложение (д. Латьюга, И. К. Букин).

³¹ Гр. III, нотный раздел, № 3, 22 — записи выполнены в д. Дорогая Гора от В. Я. Тярсова и И. А. Тярсова. Широкий диапазон мелодии (до октавы), наличие скачкообразного движения и внутрислоговых распевов, сдержанный темп исполнения, а в конечном счете, вероятно, и традиция дыхания, совершенно не типичная для напевно-декламационных форм, — все это указывает на присутствие элементов песенного интонирования. Однако следует подчеркнуть, что речь идет именно об элементах песенного интонирования в нарративных напевах, но не о признаках песенной формы, которые, разумеется, отсутствуют.

мыми звеньями в характеристике мезенской былинной традиции с ее чисто местными особенностями.³²

Вторая структурная версия десятисложного мелостиха представлена лишь одним, но весьма существенным образом.

6. Аст. 1, нотный раздел, № 3 (Усть-Низема)

$\text{♩} = 56$

1. Е - хал стар ло ци - сту по - лю,

2. По то - му ро - заю лю ши - ро - ко - му.

3. Го - ло - ва бе - ла, бо - ро - да се - да,

4. По бе - лым гру - дям ро - сти - ла - е - тси...

В основе композиции напева выявляется шестимерный пятисложник с равномерным слоγο-произнесением и долготой в позиции третьего слога.³³

[Уж как] е- хал стар по ци- сту по-лю...

Особенности мелодии указывают на ее тесную связь с повествовательным интонированием. Напев отличается направленностью не только на слоγο-, но и на словопроизнесение. По этой причине при интонировании допускаются незначительные отступления от структурной нормы — сжатие мелостиха вследствие сокращения его количественно-слогового объема либо увеличение протяженности последнего слога. Последнее воспринимается как смысловая цезура, отделяющая одно относительно законченное музыкально-поэтическое построение от другого, и в целом согласуется с нормами речевого произнесения. Надо заметить, что исполнение былины в сдержанном

³² Напевно-декламационные редакции напевов обнаружены только на территории Лешуконского района, мелодически развитая форма дважды записана севернее, но лишь в одном населенном пункте (д. Дорогая Гора) и с одним сюжетом (по А. Д. Григорьеву — «Наезд на богатырскую заставу и бой Подсокольника (Сокольника) с Илей Муромцем»). Для характеристики особенностей эволюции мезенской эпической традиции важно подчеркнуть, что в экспедициях второй половины XX столетия такие напевы в местных былинах уже не фиксировались.

³³ Музыкальный образец записан в 1928 г. от М. Г. Антонова и при первой публикации наделен весьма спорными характеристиками (по мнению Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд, «текст... имеет размер восьмисложного „скоморошьего” стиха; напев же короткого „скоморошьего размера” на протяжении всей былины сохраняет одну и ту же квантитативную ритмическую формулу, что сближает его с напевами „эпического” размера» — см.: Аст. 1, с. 548).

темпе, приближенное по стилю к монотонной речитации, как нельзя лучше подчеркивает основной принцип индивидуального сказительства — повествование для слушателей.³⁴

Обе структурные версии десятисложных напевов, как и мелодические редакции одной из них, выявляют многообразие способов координации исходной силлабической формы с акцентным (тоническим) стихом. Чисто музыкальный диапазон варьирования также оказывается достаточно широким, для того чтобы лишний раз обратить внимание на далеко не простые принципы взаимодействия декламационного и песенного начал в былинных напевах мезенской традиции.

III. Элементарные напевы нестабильной структуры

На общем фоне мезенских былинных мелодий резко выделяются музыкальные формы, в основу которых положен принцип, восходящий, по всей видимости, к речевому произнесению. Такие композиции не могут быть сведены к какому-либо метrorитмическому стереотипу, чем принципиально отличаются от всех рассмотренных образцов. В результате частого изменения количественно-слогового объема стиха инициальная часть в напевах постоянно варьируется, мелодика оказывается замкнутой в узком (по существу минимальном) диапазоне и характеризуется преобладанием равномерного сло-гопроизнесения, признаки внутренней контрастности музыкальной формы фактически отсутствуют.

7. Гр. III, нотный раздел, № 21 (Догорая Гора)

$\text{♩} = 128$

1. По-сж-жал-то По-тык Ми-ха-и-луш-ко сын И-ва-но-вич

2. Он в(ы)о-р(ы)-ду зе-м(ы)-лю да о.н(ы)не-вер-ну-ю.

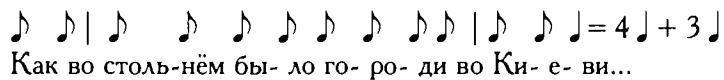
3. Са-дил-са Ми-хай-луш-ко на доб-ра-ко-ня.

4. Що не ви-де-ли по-ез-ки да мо-ло-дць-ко-е,

5. Толь-ко ви-де-ли: в цис-том по-ли-ку-ре-ва-сто-ит...

³⁴ Б. М. Добровольский и В. В. Коргузалов при публикации напева в антологии предпочли более детализированную нотировку (она же была взята за основу при редактировании образца для настоящего издания). Составители намеренно подчеркнули сложную природу музыкально-поэтической формы, указав на переплетение исходной структуры с элементами нечетного ритма (см.: БРМЭ, № 36 и коммент. к нему).

Для характеристики самого явления важно учесть, что такие мелодии зафиксированы в двух населенных пунктах с временным интервалом в 57 лет, а наиболее ранние записи выполнены от одной сказительницы и отличаются очень высокой вариативностью мелостихов.³⁵ В. В. Коргузалов при анализе подобных структур основное внимание уделит выявлению их мелодических особенностей, указав на интересные параллели с образцами севернорусских баллад и причитаний. В качестве метроритмической основы музыкальной формы исследователь предложил рассматривать семимерный музыкально-временной период (4+3). Вероятнее всего, в части мезенских материалов такого характера наиболее предпочтительной для него оказалась единственная запись напева, осуществленная во время ансамблевого исполнения и уже по своим условиям предполагавшая стабилизацию музыкальной формы. Таким образом удалось выявить метроритмический стереотип, который при всей своей условности определил некую точку отсчета, важную при характеристике подобных композиций.³⁶

Эти наблюдения оказываются весьма полезными. Однако при работе с материалами необходимо постоянно учитывать, что речь идет о музыкально-поэтических формах, в которых колебания слогового объема стиха почти всегда сопровождаются изменением метроритмических характеристик напева, а свободное использование интонационных канонов иногда приводит к совершенно неожиданным результатам — вплоть до появления комбинированных структур, обладающих признаками типологического смешения.³⁷

IV. Напев постоянного метра

Напев постоянного метра в мезенских материалах представлен единственной записью, выполненной А. Д. Григорьевым.³⁸ Вместе с тем его появление в репертуаре местного сказителя выглядит совершенно логичным. Можно даже утверждать, что своей записью А. Д. Григорьев как раз и добыл то необходимое звено, отсутствие которого в корпусе мезенских былинных напевов объяснить было бы очень не просто.

³⁵ Гр. III, нотный раздел, № 16, 19, 20, 21 (д. Дорогая Гора, А. В. Потрухова); ПФМ, № 230 (Дорогая Гора, А. А. Потрухова и В. М. Лупочева), № 245 (д. Колмогора, М. Н. Листов).

³⁶ СБ. 1. С. 142 (см. также: ПФМ, № 230).

³⁷ См.: Гр. III, нотный раздел, № 15; ПФМ, № 245.

³⁸ Гр. III, нотный раздел, № 11. Следует подчеркнуть, что запись выполнена от В. Я. Тяросова, который, судя по публикациям, оказывается одним из наиболее видных сказителей не только Мезени, но всего северо-востока бывшей Архангельской губернии.

8. Гр. III, нотный раздел, № 11 (Дорогая Гора)

1. ...да- (ле-чем) во Чер - ни - го-ро-де

2. У пре - крас-но-го ца-ря у Ва-силь - я о - ку - ло-ви-чя

3. За - во - ди-лось пи-ро-вань-и-цё, по - чесь - ен пир

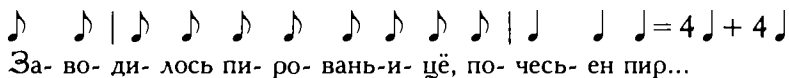

4. А про тех же про па-но-вей-у - ла - но - вей,

5. А про тех же по-га-ны-ех то - та - ро - вей.

Ф. А. Рубцов, комментируя одну из типологически родственных музыкальных форм, настаивал на ее позднем происхождении, датируя второй половиной XIX в.³⁹ Важнее, на наш взгляд, подчеркнуть другое. Композиция устанавливает широкие параллели с песенным жанром (в частности, с севернорусскими празднично-поздравительными песнями, или так называемыми виноградьями). Несмотря на некоторые отступления от структурной нормы в начальных мелостихах, легко выявляется ее четырехдольная основа и характерный принцип равномерного слогапроизнесения с удвоением протяженности каждого слога в кадансе-клаузуле.

Очень существенно то, что мелостихи с подобной метроритмической организацией типичны для былинной традиции в целом и представлены как записями из различных областей России, так и разнообразными местными редакциями, а в некоторых случаях оказываются звеньями многострочных (тирандно-строфических) образований.⁴⁰

³⁹ Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. С. 65—66. Исследователя интересовали главным образом ладо-мелодические характеристики напева.

⁴⁰ См.: БРМЭ, № 5, 15а, 17, 30, 31, 63, 66—68, 79, 80, 80а.

V. Строфические напевы

Строфические напевы совершенно не типичны для былин северо-восточных районов Русского Севера. В мезенских материалах содержится лишь два таких образца, которые воспринимаются, скорее, как исключение. Но от этого их значение для местной эпической традиции только возрастает.

Одна из мелодий была записана А. Д. Григорьевым от И. Е. Чупова со следующим комментарием: «... старину я записал ночью при свечах. Начав ее, он не мог продолжать пения, так как у него все слиплось во рту; чтобы немного его подбодрить, пришлось поднести ему рюмку водки, а перед пением в фонограф другую. Задумчивое пение надтреснутым старческим голосом в связи с интересным напевом произвело на меня захватывающее впечатление. При пении этой старины ему приходилось вспоминать и вставлять пропущенные по забывчивости стихи».⁴¹

9. Гр. III, нотный раздел, № 45 (Кильца)

$\text{♩} = 82$

1. Не на Волхови зеленой сад шатаець се,
Да по морской волны ка раблицек по ха жи ват.

2. На ка раблицки Васильюшко по гу ли ват,
Да що не бе ла я бе резка к зем(ы)ли к(ы) ло ниц цы.

Уместно привести характеристики мелодии, предложенные разными исследователями. По мнению Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова, это «редкий на Мезени напев строфической структуры со сдвоенными музыкальными фразами, находящимися в вопросо-ответном соотношении. По своему строению напоминает известный напев среднерусской былины о Добрыне, впервые опубликованный М. Стаховичем».⁴² Е. Е. Васильева же полагает, что «напев этот не что иное, как приспособленный к былинному стиху напев свадебной мезенской песни, сохраняющий и мелодический облик, и характерную двухчастную форму, основанную на цепном повторении стиха».⁴³ Оба замечания оказываются одинаково справедливыми: мелодическое сходство с напевом

⁴¹ Гр. III. С. 448—449.

⁴² БРМЭ, № 52. С. 545 (коммент.).

⁴³ Васильева Е. Е. Истинный мир былин. С. 103.

былины о Добрыне весьма существенно, тесное композиционное соотношение с одним из мезенских свадебных напевов не вызывает никаких сомнений.⁴⁴

Таким образом, композиция И. Е. Чупова теряет многие качества, присущие севернорусским нарративным напевам, зато выводит на прямую связь с песенным жанром.⁴⁵ Поэтому сама старина больше напоминает былинную песню, поэтический текст которой опирается на повествовательные каноны севернорусских сказаний.

Еще одна строфическая мелодия была записана в 1958 г. от О. И. Ляпиной.⁴⁶

10. ПФМ, № 239 (Кузьмин Городок)

$\text{♩} = 68-72$

1. И что во сто-л(и)-нём-то бы-ло го-ро-де во Ки-е-ве
Со-сто-я-л(ы)-ся-то пир, по-чес-тён пир.

2. И на пи-ру-ту ле-все да со-би-ра-ли-се,
Ах, на чест-но-м(ы)-то ли все да на-пи-ва-ли-се.

Несмотря на импровизационный характер, песенное происхождение напева, как и его строфическая форма совершенно очевидны. Сам напев, с одной стороны, оказывается резко контрастным по отношению ко всем прочим образцам мезенских былинных мелодий; с другой же стороны, не обнаруживает удовлетворительных параллелей и с местными чисто песенными формами. Важно подчеркнуть, что оба строфических напева оказались единственными образцами, зафиксированными

⁴⁴ Ср. БРМЭ, № 52, 73; ПФМ, № 153, 154, 158, 159. Вместе с тем прямое заимствование Е. И. Чуповым одного из типовых напевов, свойственных песням исключительно женского обрядового репертуара (как это следует из замечания Е. Е. Васильевой), представляется далеко не очевидным. Вероятнее другая причина: опора на родственные принципы формообразования в разножанровых композициях, направленных на произнесение слова. Возможно, что одной из исходных моделей для конкретного былинного напева действительно оказалась структура местной свадебной песни, но мелодическое решение, предложенное исполнителем, подчеркивает его вполне самостоятельную интонационную природу.

⁴⁵ Поскольку мелодия содержит все необходимые признаки песенной формы, то речь может идти не только о признаках песенного интонирования, но и о прямом музыкально-типологическом соответствии песенному жанру.

⁴⁶ ПФМ, № 239. Зап. в д. Кузьмин Городок. В наст. изд. напев приводится в уточненной нотировке.

ми в былинном репертуаре обоих сказителей. Никаких определенных материалов для сравнительного анализа, к сожалению, больше нет. Очевидное «выпадение» напевов из общей музыкальной системы мезенского эпоса, их взаимная контрастность — все это подчеркивает индивидуальный характер происхождения композиций, возможно — особую манеру исполнения былины, получившую распространение у группы сказителей на небольшой территории; но, как бы то ни было, указывает на сложные связи мезенской эпикой с музыкальной системой местного фольклора.

В целом наибольшим музыкальным разнообразием на Мезени отличаются былины в д. Дорогая Гора (5 напевов) и в д. Кильца (4 напева). Среди сказителей выделяется В. Я. Тярсов (5 напевов, из них 4 — былинные). Кроме того, материалы экспедиций 1901 и 1928 гг. указывают на нескольких исполнителей, владевших двумя-тремя эпическими напевами: А. Е. Петров, А. Я. Тярсов, И. А. Тярсов, А. В. Потрухова (д. Дорогая Гора), И. А. Чупов, А. А. Чупов, А. П. Чупова (д. Кильца), М. Г. Антонов (д. Усть-Низема). Результаты последующих экспедиций ничего нового в музыкально-типологическую картину мезенского эпоса не вносят, однако весьма убедительно иллюстрируют процесс угасания традиции, итогом которого становится сведение музыкального репертуара к одному напеву (тринадцатимерной композиции), а текста былины — к более или менее развернутому типовому зачину.

Одна из важнейших особенностей мезенской эпической традиции — широкое распространение и устойчивое бытование коллективного исполнения былин.

Еще в экспедиции 1901 г. во время работы на кулойском маршруте А. Д. Григорьев записал некоторые материалы, косвенно свидетельствующие о распространении традиции группового (ансамблевого) исполнения эпоса.⁴⁷ Прямые доказательства существования такой традиции ему удалось зафиксировать несколько позже на Мезени.⁴⁸ Это вносило важные дополнения в характеристику севернорусского эпоса, который после выхода в свет собраний П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга считался одной из важнейших форм индивидуальной повествовательной культуры.

Серьезность открытия, сделанного А. Д. Григорьевым, стала очевидной много позже. В 1928 г. Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд вновь обнаружили ансамблевое исполнение былины на Мезени,⁴⁹ а спустя год выполнили еще несколько записей на Печоре.⁵⁰ Наряду с подтверждением материалов А. Д. Григорьева основательно расширились ареальные характеристики традиции, охватившей более половины территории бывшей Архангельской губернии. Фактически уже в те годы постановка вопроса о соотношении культуры индивидуального сказительства с традицией группового (ансамблевого) исполнения былин (баллад, духовных стихов, небылиц-пародий) при

⁴⁷ Например, из характеристики сказителя Василия Буторина (с. Долгая Щель) узнаем, что «в путях он поет, а другие ему подтягивают» (Гр. II. С. 336). При работе с Яковом Поповым (с. Долгая Щель) «во время пения первой старины ему стал подтягивать его брат Илья, но так как это мешало записи (некоторые слова он произносил иначе) и потом могло выйти недоразумение при расплате, то я попросил Илью не подтягивать во время пения второй старины» (Там же. С. 379). По свидетельству сказителя Ивана Сычова (д. Сояна), «старины поют и хором несколько человек; например, на подледной ловле пело человек 10 вместе про „Ваську-пьяницу“» (Там же. С. 293).

⁴⁸ Гр. III, нотный раздел, № 23 (зап. в д. Дорогая Гора), № 37—41 (зап. в д. Кильца), № 52 (зап. в д. Защелье). Надо заметить, что летом того же года в параллельной экспедиции, работавшей на Терском Берегу и Зимнем Берегу Белого моря, музыковеду А. Л. Маслову также удалось услышать и записать на слух ансамблевое исполнение былины в с. Варзуга. Однако он не стал придавать этому факту особого значения, хотя и сопровождал напев при публикации кратким примечанием: «Пело двое» (ММБ-2. Напевы Терского Берега Белого моря. № 29. С. 5).

⁴⁹ Аст. 1, нотный раздел, № 7 — зап. в д. Малые Нисогоры.

⁵⁰ Там же, нотный раздел, № 9—11.

систематизации севернорусского материала обрела свою актуальность.⁵¹ Отметим, что упомянутые записи мезенских былин оказывались далеко не последним аргументом в пользу уточнения, а может быть — и некоторого пересмотра сложившихся научно-теоретических воззрений на севернорусский классический эпос (в его музыкальной части, разумеется).

Бытование традиции группового исполнения эпоса, несмотря на «скудные остатки прежнего былинного богатства»,⁵² вновь подтвердили спустя три десятилетия участники мезенской экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.⁵³ Расшифровка одного наиболее яркого фрагмента (полного текста былины исполнители, к сожалению, не помнили) с достаточно подробным комментарием вошла в антологию «Былины», где оказалась в ряду самых убедительных примеров, представляющих музыкально-выразительный диапазон севернорусской напевной декламации.⁵⁴

Всего с 1901-го по 1958 г. на мезенских маршрутах было записано 15 образцов ансамблевого исполнения эпоса. Среди них 12 былин и 1 небылица-пародия.⁵⁵ Количество таких фонограмм могло бы оказаться несколько большим с учетом того состояния местной сказительской культуры, которое наблюдал А. Д. Григорьев, а вслед за ним еще застали участники экспедиции 1928 г. Однако А. Д. Григорьев главную свою задачу видел в решении проблем преимущественно филологического и историко-этнографического характера. Что же касается Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд, то они стремились к изучению музыкальной стилистики местных песенных жанров. Поэтому в сфере повышенного внимания собирателей чаще оказывались мелодически развитые формы классической протяжной лирики, дополненные некоторыми наиболее яркими образцами обрядового фольклора. Осуществляя только самые необходимые записи напевов былин, баллад, духовных стихов, небылиц-пародий на фонограф, Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд не допускали активного вмешательства в ту основную часть работы по изучению мезенского эпического репертуара, которая была возложена в экспедиции на А. М. Астахову. Им все же удалось пополнить коллекцию ансамблевых записей мезенских былин одним образцом. Этот образец после пропажи в Варшаве фонографических валиков А. Д. Григорьева⁵⁶ оказался наиболее ранним документальным свидетельством среди всех прочих, сохранившихся на звуковых носителях.

⁵¹ Важно отметить, что в экспедициях 1927—1928 гг. Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд осуществили звукозаписи ансамблевых исполнений двух баллад, одной небылицы, одного духовного стиха. Подробнее см.: Аст. 2, № 189, напев № 14; Архивные записи Пинежского эпоса: (По материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года) / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. Нотировка № 9. С. 167—168, коммент. к № 9. С. 178; нотировка № 15. С. 171, коммент. к № 15. С. 179; Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 410. Пример 3г и примеч. к нему.

⁵² ПФМ. С. 31.

⁵³ Там же: № 208 — зап. в д. Юрома; № 230 — зап. в д. Дорогая Гора; № 238, 256 — зап. в д. Азаполье; № 247 — зап. в д. Смоленец.

⁵⁴ БРМЭ, № 50. С. 264—265, 544.

⁵⁵ См.: № 8а, 45, 46, 81а, 117а, 133а, 175а, 180а, 209а, 244 (некондиционная форма), 248, 321 — былины; № 225 — небылица-пародия. По условиям наст. изд. в него не вошли две ансамблевые записи, одна из которых была выполнена А. Д. Григорьевым (историческая песня «Осада Пскова королем» — см.: Гр. III, нотный раздел, № 52), другая — Е. В. Гиппиусом и Э. В. Эвальд (духовный стих «Вознесение» — см.: Эпические баллады и духовные стихи Обонежья... С. 410).

⁵⁶ В томе кулойских былин находим следующее замечание А. Д. Григорьева: «К сожалению... значительная часть оригинала записанных мною былин и запись их напевов на восковых валиках были украдены из моей варшавской квартиры во время войны служащим библиотеки польского Варшавского университета Станиславом Занд-

Результаты, полученные в 1958 г. участниками экспедиции Института русской литературы, лишний раз убеждают, что групповые формы исполнения эпических жанров получили на Мезени достаточно широкое распространение.⁵⁷ Возможно, на рубеже XIX—XX вв. для местной былины были одинаково типичными как сольные, так и ансамблевые исполнения, хотя основными носителями традиции оказывались все-таки отдельные и наиболее авторитетные ее знатоки. Тем не менее эти знатоки не обрели ни славы знаменитых местных сказителей, вроде Гаврилы Леонтьевича Крюкова или Федора Тимофеевича Пономарева с Зимнего Берега Белого моря, ни тем более всероссийской известности, как например, семейство обонежских сказителей Рябининых или пинежанка Мария Дмитриевна Кривополенова. Причина же, как это ни парадоксально, заключалась, по-видимому, в массовом распространении эпоса и многообразии форм его бытования на Мезени. Согласно наблюдениям А. Д. Григорьева, «здесь (на Кулое и Мезени. — Ю. М.) нет лиц, которые специально занимались бы пением старин: их поют простые крестьяне и крестьянки», — и далее: «учатся старинам тем, что подтягивают за поющими их... благодаря пению старин во время путей, когда собирается много мужчин, у хороших знатоков старин оказывается много учеников...».⁵⁸ Иными словами, хорошее знание былин на Мезени не считалось чем-то особенным и самими носителями этой традиции воспринималось как нечто совершенно естественное.

Культура группового исполнения севернорусского эпоса еще не могла получить какой-либо интерпретации у И. С. Тезавровского. Продолжившие изучение проблемы Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд в свою очередь весьма осторожно объясняли такое явление разнообразным влиянием песенных жанров, постоянно подчеркивая тесную связь мезенских былинных мелодий с канонами севернорусской напевной декламации.⁵⁹

Много позже идеи Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд, дополненные необходимыми примерами, были удачно истолкованы В. В. Коргузаловым в антологии,⁶⁰ а затем — и в некоторых других работах. В качестве основы севернорусского эпоса В. В. Коргузалов рассматривал культуру индивидуального сказительства, на фоне которой групповая форма исполнения былин интерпретировалась как традиция более позднего времени, сохранившая, однако, тесные связи с канонами севернорусского повествовательного фольклора: «По сравнению с обонежской и карелобережной эпической культурой, преимущественно рапсодической (...), очаговые зоны эпоса архангельско-поморской

ровичем и, по-видимому, вместе с моей библиотекой были проданы букинистам на Свентокржижской улице» (Гр. II. С. 24). См. также: *Иванова Т. Г.* А. Д. Григорьев и его собрание «Архангельские былины и исторические песни» // Из истории русской фольклористики. Вып. 3. С. 54—55.

⁵⁷ Записи ансамблевых исполнений былин осуществлялись в пяти населенных пунктах на довольно обширной территории: Дорогая Гора, Кильца, Азаполье, Юрома, Малые Нисогоры.

⁵⁸ Гр. II. С. 26.

⁵⁹ «Возникновение былинных напевов из песенных интонаций, по-видимому, характерно для мезенско-печорской традиции вообще, причем в большей степени для печорской, чем для мезенской. Проникновение интонаций песни в былинный жанр сказывается не только в самой мелодике, но и в традиции хорового многоголосного исполнения былин, в особенности типичного для Печоры. Формы бытования хорового исполнения былин на Мезени и на Печоре различны. На Мезени хоровое исполнение былин не может быть названо многоголосием в строгом смысле, так как подголоски отклоняются от унисона не как сознательные подголосочные разветвления, а большею частью как случайные несовпадения с унисоном. На Печоре же при хоровом исполнении былин наблюдаются именно сознательные подголосочные разветвления, в особенности на концовках, т. е. та же многоголосная фактура, которая имеет место в печорской песенной традиции» (*Гиппиус Е. В., Эвальд Э. В.* Несколько замечаний... С. 548).

⁶⁰ БРМЭ. С. 44.

традиции (Белое море, Пинега, Кулой, Мезень, Печора) предстают перед нами зонами позднейшего (...) формирования со смешением черт различных миграционных потоков. Стилистической особенностью этой новой эпической культуры (...) является традиция артельного подхвата сказителя (...). При этом статус индивидуального сказителя сохраняется».⁶¹ Введением понятия «ансамблевый стиль сказительского искусства»⁶² В. В. Коргузалов решил по крайней мере две задачи: с одной стороны, определил место этой традиции в ряду прочих музыкально-стилевых явлений севернорусского эпоса, с другой — установил главное отличие от иных, хотя и внешне схожих форм исполнения былин, известных по записям из других областей России.

Мезенский музыкальный эпос достаточно богат в своей «чисто былинной» части, в том числе — и многочисленными музыкальными параллелями с напевами различных областных традиций.⁶³ И все же, несмотря на известные отступления от принципов напевной декламации и обилие интонационных параллелей с песенными жанрами, местная былина в основе своей опирается на художественные каноны, характеризующие сказительскую культуру северо-восточных районов Архангельской области. Мезенская (возможно шире — мезенско-печорская) ветвь архангельского эпоса должна рассматриваться, скорее всего, как культура позднего формирования. Об этом свидетельствует отсутствие контрастных сказительских школ, преобладание однотипных напевов в былинах, записанных на обширной территории, весьма ограниченный диапазон их варьирования.

На иной, отличный от рапсодического, стиль архангельского поющего эпоса указывала еще А. М. Астахова. По ее мнению, такой стиль выражается через проникновение в исполнение былинны песенной манеры.⁶⁴ Далее проблематика получила отражение в работах музыковедов, которые сочли возможным связать архангельскую традицию с особой, возможно переходной, формой сказительской культуры на пути становления былинной песни.⁶⁵ Но это никоим образом не способно поколебать идеи самобытности архангельской эпикки в целом и ее мезенской ветви в частности.⁶⁶

Стилистика мезенских былинных напевов и особенности их распространения указывают на то, что музыкальная система местного эпоса могла формироваться на основе переинтонирования обширного музыкального фонда, включавшего разножанровые мелодии. Скорее всего, эволюционный процесс оказался направленным в сторону упрощения развитых музыкальных композиций, их приспособления к канонам повествовательного интонирования. Тем самым закладывались основы

⁶¹ Коргузалов В. В. Движение эпической традиции на Русском Севере // РФ: Эпические традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. Т. 28. С. 137.

⁶² Коргузалов В. В. Музыковедческие аспекты построения Свода русского эпоса // РФ: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 118.

⁶³ Для сравнения с мезенскими тринадцатимерными напевами см.: Селиванов Ф. М., Канчавели Л. Г. Песня на былинный сюжет в Калужской области // Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3. С. 77—80; Соколова А. К. Дунайский вариант былинны «Женитьба Хотена Блудовича» // РФ: Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 119—122.

⁶⁴ Аст. 2. С. 690.

⁶⁵ Наиболее последовательно эту позицию изложил В. В. Коргузалов в своей последней работе. См.: СБ. 1. С. 135—137.

⁶⁶ Даже если допустить, что былинны напевы различных областных традиций действительно могли восходить к общим музыкальным источникам, то окажется, что переосмысление исходных форм на Севере и на Юге России имело противоположную направленность: на Севере этот процесс опирался на каноны повествовательной культуры, на Юге — протекал под сильным воздействием песенных жанров. В результате такой эволюции известные образцы южнорусского эпоса стали качественно отличаться от севернорусских явным преобладанием музыкального начала над поэтическим, а в конечном счете — преобладанием лирического начала над повествовательным.

музыкально-типологического единообразия, преобладанием которого в итоге и охарактеризовалась мезенская эпическая традиция на последнем этапе своей реальной истории.

Нотировки, выполненные с фонограмм, не связанных единым актом исполнения с записью поэтических текстов, помещены под литерным обозначением. Реконструкции И. С. Тезавровского, отмеченные в авторском тексте круглыми скобками, приводятся в квадратных скобках.⁶⁷ Наши реконструкции заключены в угловые скобки и везде специально оговариваются. Все авторские примечания к нотировкам (А. Д. Григорьева, И. С. Тезавровского, А. М. Астаховой, Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд) сохранены.

Нотировки, представляющие мужские исполнения старин, записаны в басовом ключе, женские — в скрипичном. Некоторые женские исполнения былин, звучащие в низком регистре, записаны в ключе с октавным транспортом (реальное звучание октавой ниже нотировки). Окончательная текстологическая редакция нотных материалов выполнена Ю. И. Марченко.

Сведения о нотировщиках

1. И. С. Тезавровский: 8а, 10а, 21а, 22а, 24а, 28а, 66а, 68а, 69а, 74а, 75а, 76а, 77а, 81а, 95а, 98а, 107а, 111а, 112а, 113а, 114а, 117а, 140а, 147а, 151а, 153а, 159а, 167а, 168а, 169а, 171а, 172а, 175а, 176а, 177а, 180а, 186а, 192а, 193а, 196а, 198а, 206а, 208а, 209а, 210а.
2. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд: 89а, 226, 339.
3. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд, В. В. Коргузалов: 96а.
4. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд, Ф. А. Рубцов, В. В. Коргузалов: 108а.
5. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд, Ю. И. Марченко: 133а, 160а.
6. В. В. Коргузалов: 248.
7. П. Ф. Кольцов:⁶⁸ 257.
8. А. Ю. Кастров: 258.
9. Ю. И. Марченко: 15, 16, 16 коммент., 17 коммент., 20, 43, 44, 45, 46, 47, 49 коммент., 50 коммент., 51, 55, 56, 57, 58, 88а, 134, 135, 137, 162, 163, 181, 183, 184, 185, 203, 205, 212, 213, 218, 220, 223, 225, 242, 244, 246, 251, 252, 254, 256, 295, 303, 321, 326, 329, 330, 333, 334, 336, 337, 342.

⁶⁷ В расшифровках И. С. Тезавровского сохранены его условные обозначения: прямая черточка над нотой — знак небольшого увеличения протяженности звучания; вогнутая дужка над нотой — знак небольшого сокращения протяженности звучания; косая черточка над нотой снизу вверх — знак незначительного повышения; косая черточка над нотой сверху вниз — знак незначительного понижения.

⁶⁸ Кольцов Петр Федорович (1904—1981) — композитор, активный собиратель образцов песенного фольклора Архангельской области, автор обработок народных песен.

VIII. Мезенская рукописная книжность

Из числа территориальных рукописных собраний Древлехранилища Пушкинского Дома РАН Мезенское собрание значительно уступает по количественному составу своим прочим северным собратьям: в нем представлено всего лишь 183 единицы хранения XVI—XX вв. При всем при том, однако, это — единственное территориально подтвержденное «Мезенское собрание» в ряду всех прочих рукописных собраний и коллекций России. Показателен и сам факт, что В. И. Малышев, основатель Древлехранилища Пушкинского Дома, после поездки в 1949 г. на Печору избирает для себя новым маршрутом именно Мезень, откуда и привозит в следующем го-

ду 50 рукописей XVI—XX вв. Именно с 1950 г. появились в Пушкинском Доме первые мезенские рукописи. Собрание пополнялось потом экспедиционными находками в 1958, 1962, 1966, 1967, 1984 и 1989 гг., но так и не стало в количественном отношении достаточно репрезентативным. Отдельного упоминания в этом экспедиционном ряду заслуживает совместная фольклорно-археографическая поездка 1958 г., в отчете о которой Н. Ф. Дробленкова указывает, в частности, конкретные шифры рукописей мезенского происхождения в собрании П. Д. Богданова (ГПБ), найденных им еще в 1885 г. (в том числе пергаменного Октоиха XIV в.), приводит сведения о мезенских находках А. Д. Григорьева 1901 г.¹ В своем обзоре фондов² В. И. Малышев отмечал, что мезенские рукописи обретаются также в Архангельском, В. Г. Дружинина и других собраниях БАН, в личных коллекциях москвичей А. Н. Зуева и А. Д. Синявского.³ Можно с уверенностью дополнить этот список рукописями сыктывкарских хранилищ,⁴ привезенными с Мезени в 1967 г. тремя грамотами и 12 рукописными книгами, поступившими в ГПБ;⁵ документами, косвенно связанными с мезенской книжной традицией в архиве Института истории.⁶

Таким образом, совершенно очевидно, что мезенская рукописная книжность оказалась рассредоточена по многим собраниям и личным коллекциям. Но подобная же судьба была предначертана печорским, карельским, северодвинским рукописным книгам. Их, однако, сохранилось больше, рассказать о себе они могут более внятно и подробно. В чем же причина такого археографического казуса? Дело в том, что значительная часть сохранившихся во всех этих районах рукописей принадлежит хронологически к XVIII—XX вв. и свидетельствует о степени развитости рукописной традиции в том или ином регионе уже после церковного раскола середины XVII в. Но ведь именно Мезень стала местом ссылки протопопа Аввакума в 1664—1666 гг., а семья его оставалась там еще долгие годы. На Мезени, казалось бы, и должна была возникнуть своя рукописная традиция, ориентированная впоследствии на полемическое творчество пустозерских узников. Она и возникла; именно через Мезень и осуществлялась в значительной степени связь пустозерских страдальцев за веру с центром страны, здесь переписывались (своего рода «тиражировались») их полемические сочинения. Свидетельство тому, в частности, письмо дьякона Федора от 1 сентября 1669 г. к семье Аввакума в Окладникову Слободу о посылке к ним книги «Ответ наш о православных догматах» для переписки и отсылки «верным» в Соловецкий монастырь и в Москву и чтобы давали списывать надежным людям и «списывали бы добрым письмом».⁷ Но уже в марте следующего года на Мезени начались казни, а семья Аввакума оказалась в земляной тюрьме.⁸ Такие репрессивные меры, вероятно, не могли не сказаться на активности местных переписчиков, но остается существенным фактом,

¹ Дробленкова Н. Ф. Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 528—538.

² Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: (Обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 57—63.

³ Краткое описание собрания А. Д. Синявского было снято цензурой в статье: Малышев В. И. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 383—389.

⁴ См.: Старообрядческий центр на Вашке: Устная и письменная традиция Удоры: Материалы и исследования. Сыктывкар, 2002.

⁵ Розов Н. Н. Мезенские сборники XIX—XX вв. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 396—400.

⁶ Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 63.

⁷ Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 309.

⁸ Там же. С. 311.

что и в следующем столетии по рукописям не прослеживается пока каких-либо характерных палеографических примет их принадлежности местной, мезенской, традиции. Сохраняется, однако, тенденция добросовестного воспроизведения текстов. Так на л. 6 об. (т. е. пропущенной писцом странице) в Сборнике рубежа XVII—XVIII вв. читается своего рода покаянная запись: «Описался страницей ненарочно, в забытии ума моего. И ты чти, обратив сей лист, на другом листе первую страницу» (Мезенское собр., № 4).⁹ Никак не запечатлелась, например, на Мезени широкомащтабная и в высшей степени профессиональная книгописная деятельность Выголексинского общежителства (на рукописную книжность Печоры она имела определяющее влияние). Духовное окормление мезенцев в значительной степени осуществлял в этот период Ануфриевский скит, с конца же XIX в. заметно возрастает влияние (особенно в верховьях Мезени и на Вашке) каргопольских старообрядцев-скрытнников. К этому времени относится и появление некоторых особенностей оформления рукописей: подражание полууставным почеркам; иногда заставки, напоминающие росписи палацельских прялок (№ 142); крашенные красным или зеленым обрезы книжных блоков (№ 22—25, 27). Рисованная бумажная икона в красках «Богородица — умягчение злых сердец» (№ 8) сохранила подпись: «Сию картинку писал Агапит Матвеевич Ябелов» с датой 17 января 7419 (1911), и его же приписку на обороте листа: «Сию картину прошу передать Владимиру Ивановичу Арбузову» (фамилия была потом зачеркнута карандашом и заменена на «Ивкину»). На переплете двух рукописей начала XIX в. (№ 13, 15) сохранились нетрадиционного типа медные литые застежки, заставляющие вспомнить о процветавшем когда-то в с. Кимжа литейном промысле. Некоторое стилистическое своеобразие в копировании поморского полуустава и скорописи заметно в сборнике XVIII в., содержащем выписки из сочинений протопопа Аввакума и Житие Корнилия Выговского (№ 8), но развития эта, возможно намечавшаяся, графическая тенденция впоследствии не получила.

Впрочем, было бы странно, если бы на листах мезенских рукописей не запечатлелись старообрядческие сочинения. Они здесь как бы нечто само собой разумеющееся. Но в дошедших до нас книгах мезенского происхождения представлены отнюдь не только эти, порожденные конкретной исторической событийностью, сочинения. В них представлены по сути дела все основные жанры древнерусской литературы, когда перечисление самих памятников заставило бы в значительной степени повторить упоминавшийся уже «обзор фондов», составленный В. И. Малышевым. Отметим, однако, что в ряду наиболее почтенных по возрасту рукописей Мезенского собрания, т. е. принадлежащих хронологически к XVI—XVII вв., преобладают церковно-служебные жанры (иногда с нотным «крюковым» сопровождением) и немногочисленные памятники житийного и учительного содержания. Выпадает из этого ряда «указец» о изготовлении празелени, золота и серебра для письма (№ 93), свидетельствующий о возможном существовании еще в XVII в. на Мезени «изрядно украшенных» или даже «лицевых» рукописей. Впоследствии это искусство было в значительной степени утрачено, орнаментированных книг сохранилось мало, а рукописи с миниатюрами в Мезенском собрании вообще единичны.¹⁰ На Удоре такие рукописи встречались, но созданы они были, как правило, не ранее начала XX в. и в изобразительном отношении не избежали влияния северодвинских лицевых сборников, известных уже с конца XVIII в.

⁹ Ниже мы приводим только номера рукописей Мезенского собрания и при необходимости отсылки на листы рукописи.

¹⁰ Одна из них, обретающаяся в кол. Гемп (№ 89), привезена была с Мезени и подарена потом К. П. Гемп в Архангельске. Изобразительное оформление рукописи не противоречит тому, что речь идет о «скрытническом» происхождении оной на рубеже XIX—XX вв.

Основная же часть житийно-повествовательной литературы, представленной в мезенских рукописях, вошла в состав сборников XVIII—XIX вв. и сохранила для нас не только относительно редкие переводные («Суждение дьявола против рода человеческого» с указанием на перевод с польского 1687 г.) и оригинальные тексты (как например Повесть об Антонии Галичанине, № 15), но и уникальные местные их редакции («Краткое сказание о Енохе и Илии и Иоанне Богослове» с упоминанием пустозерских страдальцев, № 23). Совершенно особое место принадлежит, однако, двум произведениям, созданным на Мезени и повествующим о лицах, всем здесь когда-то известных. Не исключено, что «списатели» запечатлели на бумаге и какие-то устные мезенские предания. Житие преподобномученика Иова Ущельского (№ 137) иногда, правда, встречается в рукописях, но все равно считается редким, все равно удивляет — основать в 1615 г. при впадении реки Ёжуги в Мезень пустыньку-монастырь, а через десять лет погибнуть от рук разбойников! На Мезени про такое раньше не слыхивали, на Мезени-то ни разбойников, ни монастырской традиции никогда не было — не потому ли надолго и запомнили. А когда потом проявились святые мощи убиенного да чудеса стали свершаться, то паломники со всей округи пошли. Находились и грамотей, которые не только слушали про явления во сне и благие деяния преподобномученика, но записывали услышанное. Григорий Яковлевич Ситников из д. Верхние Березники целый сборник чудес Иова Ущельского с 1893 по 1909 г. по своим снам да со слов своих ближних составил (№ 151). Он, правда, сначала в церковь ходил, со священником о всех этих чудесах разговаривал, в освидетельствовании мощей участвовал, а в сборнике своем, на л. 74 об., для себя почему-то вдруг приписал: «Непременно нужно поддярживадце старых обрядов, а не после Никона 1666-го новых обрядов, нужно их отвращатце». Завершилось все это впоследствии рукоположением его в г. Уральске сначала в дьякона, потом в старообрядческого священника.

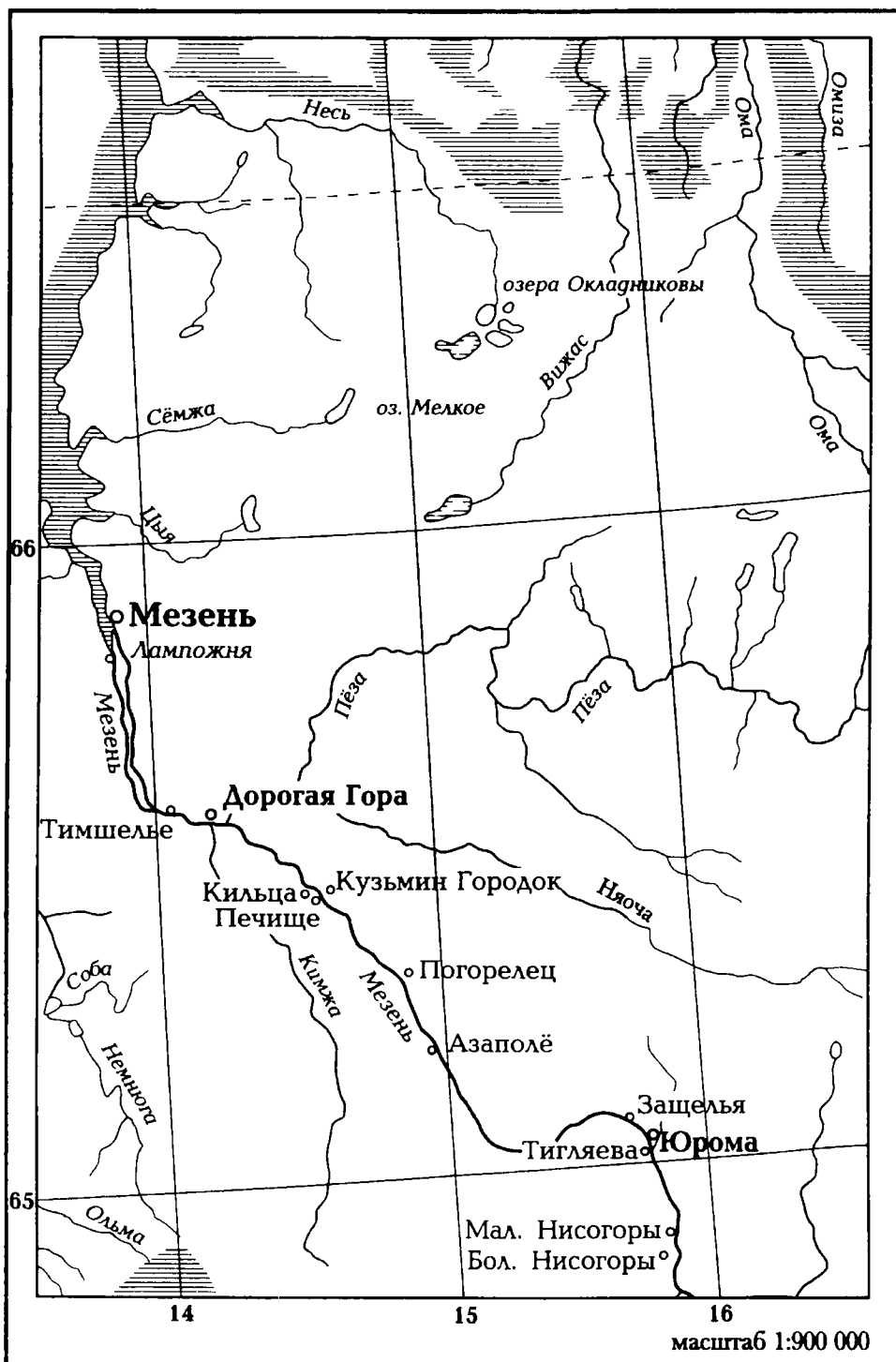
А вот «Повесть об Иване Семенове» (№ 132) к житийному жанру только условно отнести можно, поскольку даже образца не вспоминается такому удивительному и «зело страшному» повествованию. Вроде бы тоже об основании Екатерининского монастыря, а сначала только часовни, речь идет, но совсем не в традициях жанра. Даже попала в Древлехранилище эта повесть по-особому: сначала в 1958 г. один только лист был найден и записан как «отрывок из Юромского (или Защельского) чуда Екатерины великомученицы» (№ 94), а в 1966 г. еще 28 сшитых в тетради листов этой повести обнаружилось. Стало понятно, что найденный первым лист в самый конец должен быть приложен. Но в повести все равно так и недостает одного листа в начале (поэтому название ее условное) и в конце одного или нескольких. Сравнить и проверить по другим рукописям тоже не получается, поскольку пока в одном-единственном списке известна эта повесть. Переписана крупным полууставом, на грубоватой по выделке бумаге с датой 1838 г. Но в самом повествовании упомянут 1617 г., когда Ивана Семенова подрядили сделать новый крест в Юроме на церкви архистратига Михаила. Уже одна эта деталь местной истории дорогого стоит. Однако о времени создания повести можно только гадать. Местные реалии представлены в повести в изобилии, но сам «древодолец» Иван Семенов почему-то никак не осознает для себя providенческого значения собственных снов, в которых ему говорится и потом несколько раз напоминает о сооружении часовни в память Екатерины великомученицы. Даже вдруг случившаяся с ним болезнь и смерть его сына, прекословившего отцу в еще не воплотившемся благом начинании, не возымили должного действия. Потом, однако, явился ему «юноша светел», унес его на широкий луг и велел смотреть в сторону запада. «Он же возрев тамо и виде на той западной страны отдалеча дым исходящ, темен, кудряв, густ вельми... и единою стезею дым той столпами идет к восточной стране, аки река течет великая высотой от земли, ако пять на десять сажен. Возрев же он, Ио-

анн, к восточной страны и виде лесы многия велми высоких древ, стояща издалече, а в тех лесех по тому же дымы темныя... Юноша же той рече ему: „Дым есть, иже исходит на западной стране, тамо есть огонь вечный, уготованный от Господа на мучение грешником. А что единым местом идет и стезей дым той в вышеписанные леса к восточной стране, аки великая река, то суть дорога им, грешником, ходити в те леса... и носят дрова на мучение себе во огонь вечны, вметаюте те дрова во огонь и сами в том огни горят, а згореть не могут. А как те дрова згорят, и паки посылают их немилостиво ангели дымом тем в лесы те высокое по дрова и бьют их немилостиво жезлием железным нещадно. И они идут по дрова, но тамо несть секиры, чем сещи лес той, и они в дыму том лазят на те древа и ломают сучье руками своими. И соберут по ноши дров, аггели гонят их во огонь и не дают тамо много медлти. И стретаются друг другу на дороги той: инии з дровами, а инии по дрова идут, и друг друга в дыму том вреждают на стретах их, топчют, понеже бо аггели гонят их немилостиво жезлием железным”» (л. 19—21). Это последнее видение убедило-таки Ивана Семенова сначала крест, приготовленный для юромской церкви, поставить на дороге близ впадения речки Нерманки в Мезень, а потом часовню срубить в память великомученицы Екатерины (деревня Усть-Нерманка до сих пор в народе «Катериной» именуется, а своими резными обетными крестами: Мезень была известна по всему Северу). Однако крестьянам ближней деревни Зашелье «диавол вложи зависть в сердца», испугались они, что потом здесь монастырь может возникнуть и монахи ими «владеть начнут», и послали челобитную митрополиту в Холмогоры, чтобы уничтожить часовню, а иконы передать в Юрому. Но устояла тогда Екатерининская пустынь, разорение же постигло ее значительно позднее, чего повесть не предполагала.¹¹

В этом же ряду местных повествований необходимо упомянуть и «Повесть о явлении чудотворного образа святых единосущных неразделимых Троицы в пределах области Мезенския в веси, нарицаемой Лампожня», сохранившейся в сборнике конца XVII в., привезенном археографами с Пинеги.¹² По тексту самой повести именно на Пинеге, неподалеку от Шеймогоры, и обрелся вдруг лежащий на снегу «образ в меди изваян». Накануне ночью был сильный снегопад, Иван и Козьма, «едуще на возех своих», ничего не приметили, а ехавший следом Симеон увидел лежащую на снегу медную икону да положил в свой воз, хотя и не понял, что на ней изображено, «не учен бо бе писанию, пачеже и поселянин». Только в Кулойском посаде некто «человек искусен» Меркурий объяснил ему «воображение» Троицы на иконе и добавил, что образ «чюден вельми». А потом Симеон приехал наконец «в дом свой» (Лампожня в сохранившихся фрагментах повести не названа, только в заглавии), но не успел даже поужинать с дороги, как дочь его речи лишилась, супруга же разболелась и «возопила», что образ Троицы на возу лежит, а надо ему быть даже не в их доме, «но и повелено есть поставити его во церкви святого мученика Георгия». В церкви же священник Иоанн поставил икону сначала на месте свечи перед образом Георгия, но оказалось, что предопределено ей место «над великими враты святого алтаря». Исцелилась от недуга супруга Симеона, а дочь его Акилина не только обрела дар речи, но и возвестила присутствующим, что должно крестный ход совершить сначала в церковь Николы «за три поприща», а потом в Окладникову слободку в церковь Рождества Богородицы «за 15 поприщ». И все пошли, и чудесным образом никто не замерз, хотя был «мраз лют в то время». На следующем видении Акилины о необходимости «измыть» в реке икону Троицы и кропить потом освященной водой «болящих и раз-

¹¹ Отголоски земельных споров XVII в. Ушельской и Екатерининской пустынь с местными крестьянами документированы (см. сн. № 5).

¹² Волкова Т. Ф. Вновь найденная повесть XVII в. о мезенской иконе Троицы // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. С. 136—143.

Карта Мезени.

Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни.

Т. 3 / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2003. С. 6.

личными недуги одержимых» текст повести обрывается. Точно ли на Мезени сочинена была эта повесть, сказать пока трудно, но мезенские реалии и предания запечатлелись в ней несомненно.

Эта же проблема, связанная с местом происхождения письменного текста, сопутствует изучению «Книги о чудесах Спасова Нерукотворенного образа чудотворная иконы», также сохранившейся в единственном списке XVII в. Рукопись была найдена в с. Сура на Пинеге, можно считать доказанным, что создавалась рукопись тоже на Пинеге.¹³ Но чудеса все-таки совершаются от иконы Спаса Нерукотворного, обретающейся в Кузнецовой слободке, административно существовавшей в Мезенском уезде. В письменном сказании написан этот образ Спаса Нерукотворного по повелению добродородного и богатого вологжанина Сергея Григорьева сына Герасимовых и увезен был им на речку Хоруговку, близ устья Кулоя, где прожил он 35 лет, построив для иконы часовню. В старости хотел передать икону в церковь Богородицы Владимирской в Долгощелье, но никто «не возмогоша с места двигнути чудотворная иконы», пока не повелел Спас в видении перенести ее в Кузнецову слободку. Однако существовало и другое предание, записанное С. В. Максимовым, согласно которому икона появилась на Мезени с первыми засельниками этих мест, новгородцами Окладниковым и Филатовым, что привез ее Окладников, потом переходила икона из рук в руки, сохранилась у безвестного отшельника в пустыньке при устье реки Хорговки, откуда и перенесена была в 1663 г. в Спасскую церковь Кузнецовой слободки.¹⁴

Подобного рода тексты и определяют «особинность» мезенской рукописной книжности. Просто нет больше на Севере таких вот сочинений, вроде бы традиционных по жанру, но как-то очень уж по-домашнему, по-мезенски изложенных. Рукописей сохранилось относительно немного, да зато уникальных несколько. Стихи духовные есть (тоже иногда в своих «мезенских» вариантах), но есть и Михайлы Ломоносова стихи. Изначальные «кряковые» певческие рукописи соседствуют потом с нотолинейными. Кто-то из мезенских жителей в XIX в. в Соловецкий монастырь богомольцем едет, а кто-то в «старую веру» переkreщивается. Устье Мезени только во времена Ивана Грозного русскими заселяться начинает, в Москве еще только пробуют издавать печатные книги, а одно из семи так называемых дофедоровских, или безвыходных изданий (узкошрифтное Евангелие) уже обретается в Лампожне, что и подтверждается вкладной записью на книге с указанием даты 7071 (1563) г., имеющей принципиальное значение для хронологической фиксации и географии распространения этих первопечатных опытов.¹⁵ Еще одно из этих изданий (широкошрифтное Евангелие) указывает только, что «лета 7077 (1569) положили сию книгу святое Еуангелие в дом Воскресенью Христову и пророку Илии поп Стефан да Павел Ефремов сын», но в следующем столетии запись была продолжена: «А поделывал ту книгу, переплетал вново, лета 7142 (1634) году воскресенской черной поп Игнатьище из Окладниковы слоботки, с Мезени, а родом из Пустоозерскаго острогу».¹⁶ Так что вполне возможно, что рукописная и печатная книга на Мезени сосуществовала изначально, со времени появления здесь первых христиан-поселенцев.

¹³ Савельева Н. В. Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 259—272.

¹⁴ Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 21.

¹⁵ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 150.

¹⁶ См.: Там же. С. 232.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА

(о принципах издания записей А. Д. Григорьева и А. М. Астаховой)

Тексты былин в записи А. Д. Григорьева — главная часть мезенских томов (тома 3—5) былинной серии Свода русского фольклора. В связи с утратой собирателем его архива (оригиналы записей и перебеленные копии словесных текстов, фоновалики) современные публикаторы и исследователи располагают в качестве первоосновы только изданием «Архангельские былины и исторические песни» (т. 1—3, 1904, 1939, 1910), подготовленным самим собирателем и прошедшим его корректуру. Как известно, А. Д. Григорьев, стремившийся максимально тщательно зафиксировать фонетический облик поющих былин, снабдил издание подробными разъяснениями о принципах публикации текстов (т. 1, «Предисловие», с. XXV—XLVIII, LIV—LVI), примечаниями, адресованными исследователям «языка или метрики»,¹ а кроме того, подстрочно отмечал выявленные странности вариантов, пропуски и перестановки, допущенные певцами, фиксировал некоторые особенности пения, повлиявшие на текстовый словесный рисунок. К томам имелись существенные поправки в реестрах замеченных опечаток, подразделенных на рубрики, соотносимые с поэзией, напевами и авторским текстом публикатора.² Ряд оправданных правок к григорьевским публикациям осуществлен в первом переиздании Собрания,³ и они также учитываются. Весь этот материал — единая база данной публикации.

В процессе подготовки былин к печати А. Д. Григорьев подверг личные записи и свои редакции произведений тщательной аналитической ревизии. Лингвист, впервые оказавшийся лицом к лицу с северными диалектами, впервые вошедший в мир народной поэзии и старинного народного быта, допускал неизбежность разнообразных своих неточностей в ходе записей. Во-первых, они должны были возникать из-за недопонимания слов, обозначающих предметно новую для собирателя севернорусскую бытовую действительность либо круг незнакомых явлений, понятий поэтического ряда — с их архаикой, со специфической певческой окраской. Во-вторых, проблема заключалась в степени графической точности фиксации слышимого текста. В-третьих, — в уверенно точном либо ошибочном чтении собственных карандашных написаний. Укажем также, что собирателю, воспитавшемуся в польской языковой среде, подчас казались севернорусскими диалектными нюансами произнесения случаи фонетической порчи слов вследствие индивидуальной речевой артикуляции исполнителей (влияние возраста, усталости, хмеля, болезней и т. д.).

¹ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. СПб., 1910. Т. 3. С. 649—654.

² Там же. М., 1904. Т. 1. С. 707—708; Т. 3. С. 731.

³ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. СПб., 2002. Т. 3.

Практически все «Примечания» А. Д. Григорьева — рассказ ученого о его полевых тетрадях, исповедальный монолог о качестве записей, находившихся перед глазами их автора, и повествование о том, почему при печатании «старин» (былин, исторических песен, баллад, духовных стихов) слова, словоформы, конкретные лексические звукообразы передавались буквами так, а не иначе. Собирателю дорожил облик произносимого слова, опасался впадений в орфографическую нормативность, а потому фиксированные им слова, фразеология, могли совпадать с привычным литературным их видом, но в значительной части выглядели несопадающими.

В «Предисловии», касавшемся всех его экспедиций (это вынуждает говорить ниже не только о текстологических уроках мезенских записей, но и о результатах записей собирателя в других регионах), А. Д. Григорьев добросовестно поведал о стремлении отражать в записях былин прежде всего «особенности против литературного письма в области гласных» (например: «и» и «о» вместо «е», «о» вместо «е», «о» вместо «а», «е» вместо «я» и т. д.); их «стяжение»; непривычную постановку согласных («ц» или «неясный согласный» вместо «ч»; мягкое «ц» вместо «ч» и «ц» твердо, глухие согласные вместо звонких, пропуск согласных и их ассимиляцию («ждж» вместо «эж»)), а также отклонения «в области форм слова». ⁴ Им отмечалась многовариантность живого произнесения некоторых литературно привычных согласных: например, троякость звучания «щ»: как «шч», «шш», «ш». ⁵ Он заносил в тетрадь обращавшее на себя внимание фрикативное «г». «Неясные гласные», имевшие широкие и узкие варианты, обозначались им сразу двумя буквами: «е^н» — узкое «е», «я^ф» — узкое «я», «о^а» — широкое «о». ⁶

А. Д. Григорьев рассказал о большом круге эпизодических сомнений в точности чтения записанных им букв, о графических их недостатках, порождавших фонетические двусмыслия. Сомнения возникали и по поводу правок. Собирателю оттенял необходимость учитывать искушения орфографической нормативностью. С этим автоматическим импульсом он боролся: заметив ошибки в некоторых первоначальных своих написаниях, менял их по «подсказкам» слуховой памяти о произнесенных текстах. Например, «рыбьята» появились в стихе 142 текста № 322 после замены прежнего слова «ребята». ⁷ Ученый расценивал как условность некоторые публикуемые версии лексик, в которых ему угадывались явные описки (к примеру, о № 307 он писал, что в строке 192 «объедешь» — вероятная описка вместо «объедёш»). ⁸ А. Д. Григорьев замечал у себя случаи отождествления в записи букв «н» и «п», «о» и «а», «о» и «ы», а посему не знал в точности, следует ли читать в полевом тексте «Он седдал» или «Оп седдал», ⁹ «православную» или «православную», ¹⁰ «старой» или «старый». ¹¹ Он фиксировал в своих тетрадях неопределенность в мене «ц» на «ч» или наоборот (слово «цярочка» в № 322). ¹² Кроме всевозможных фактов фонетического раз-

⁴ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни... М., 1904. Т. 1. Предисловие. С. XXX.

⁵ Там же. С. XXXI.

⁶ Там же. С. XXX.

⁷ Там же. Т. 3. С. 650.

⁸ Там же. С. 649.

⁹ Там же. С. 650. (Тогда появляющаяся глагольная приставка может давать «опседдал»). Прочтение «н» как «п» («по резвы ноги» вместо «но резвы ноги» — № 411, стих 42) вызвало однажды удивление самого собирателя: «так в черновике» (С. 566). При перепечатке текста Ю. И. Смирновым и В. Г. Смолицким (Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 322. (Литературные памятники)) текстологами было внесено необходимое исправление.

¹⁰ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. 3. С. 650.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

нобая А. Д. Григорьев отметил сложности словоделения слитно написанных слов, трудности определения их границ, спорности в установлении границ предложений...

Среди необходимых сегодня поправок следует назвать наиболее существенные.

Собирателю некогда потребовалось «расцепление» «слипшихся» при пении разных лексических единиц и их элементов. При этом твердый смысл и ясность требующих «суверенности» слов иногда им нарушались. В № 359 в стихе 18 читаем: «в орюхи» (игра в городки), а в стихе 265 «во рюхи». Второе написание безусловно вернее и потребовало унифицирующего исправления первого.

В ряде текстов А. Д. Григорьев предлагал экспериментальное начертание предлога и собственного имени, предлога и существительного, воспринятых им в единстве звучания: «к-Олешеньки» (№ 423, ст. 79), «в-ободверину» (№ 356, ст. 285), «в-ограду» (№ 358, ст. 74), «соццём» (т. е. «с оццём») (№ 315, ст. 83) — что приобрело ныне естественный орфографический вид.

В иных эпизодах расшифровки собирателем его черновики появлялись до очевидности неубедительные их чтения, связанные с незнанием бытовой народной лексики: «во ковочьки» (надо: «в оковочьки» — № 284, ст. 216, по образцу ст. 221); «во секу» (требуется: «в осеку» — № 66, ст. 2, в согласии с народным толкованием М. Д. Кривополеновой ст. 12 из № 123); «со катным жемцюзгом» (вместо: «с окатным» — № 322, ст. 59); «воцях... завираецсэ» (вместо «в оцях» — № 322, ст. 203); «в окутнее окошко» (вместо: «во кутнее» — № 85, ст. 39), «лежучи слезыт» (вместо: «лежучис лежыт» — № 313, ст. 57). Известный эпизод с упоминанием сравнения «цюдишша поганого» на пиру князя Владимира и «собакища обжорцивого» (в № 126, ст. 190—192, 199—202, а также в № 165, ст. 164, 166, 173—175; ср. синонимичную словозамену «кобелищо» в № 212, ст. 76) был преподнесен с отсечением от слова «собакищо» его суффикса и превращением основы слова в искаженное, потерявшее эмоциональную выразительность укороченное существительное с наречием: «собаки цю».

В упомянутых примерах, как и в ряде нижеследующих, вместо дублирования текста, потребовалась его корректировка.

Обнаружены случаи неточности, выявляющиеся при соотнесении фрагментов текста с текстовой целостностью, противостоящей «парциальному» восприятию. В № 221 стих 163 содержит: «во осуноньку» (т. е. суму, сумочку), но нигде в других стихах текста вариации данного слова не знают впереди слогонаращения: «суночки» (ст. 7), «суноцьки» (ст. 172, 276, 277, 295, 360, 375), «суноцьку» (ст. 311). Т. е. наиболее вероятная причина появления слогового «о» — певческое удлинение звука в предлоге, который вместе с существительным более оправданно может быть передан в форме скрепления «о» с огласованным предлогом: «во-о суноцьку».

В тексте № 411 строка 80: «и отправились они да к Езонець-реки» — передана по-новому: «И отправились они дак ез [из] Онець-реки», что диктуется смыслом в связи с наличием в тексте форм «Онець-реку» и «Унець-реку» (ст. 98 и 8; последний, 8-й стих, содержит закрытый вариант начального гласного о, позиционно переходящего в у), а также обычным присутствием в смежных стихах данного варианта былины частицы *дак*.

В стихах 207 и 227 текста № 218: «взошло то красно солнышко», «пало то Издолишшо» в старой публикации — «то» сейчас расценено и передано как приглагольная членная форма, имеющая у самого Григорьева соседствующие грамматические подобию-опровержения: «отвеццал-то» (ст. 204), «бились-то» (ст. 212), «подопнул-то Издолишша» (ст. 226), «закрыццал-то» (ст. 230). При наличии дублированных форм «этта приедет», «эта приедет» (№ 233, ст. 65, № 226, ст. 37)

отдается предпочтение правильным формам их фиксации с введением добавленных звуков: «эт(т)а приедет».

Отмеченные А. Д. Григорьевым промахи певцов, забывавших некоторые стихи, а затем вспоминаявших их и помещавших при пении не на «свои» места (это нарушало течение действия и инерцию текстового восприятия), побудили к редчайшим перестановкам, разумеется, сопровождаемым соответствующими примечаниями (например, в тексте № 227 прежний ст. 47 перемещен на место 43-го, а 55-й на место 52-го; согласно подсказке собирателя — примечанию к ст. 95 — стали прямой речью ст. 96—98; включены в прямую речь ст. 216—218: ср. в оригинале сомнения собирателя-публикатора, его примечание к ст. 218). Есть случаи поправок, связанных с уточнениями к неверно закавыченной речи героев (см. № 409, ст. 60—61, на деле принадлежащие не одному лицу, а матери Добрыни и самому Добрыне; при этом коррекцией логика сюжетного узнавания и логика речевого рисунка отнюдь не нарушены, а подчеркнуты). Состоялась передвижка слов из одной строки в соседнюю «с санкции» Григорьева (см. № 309, ст. 243 и 244). Иногда поправки коснулись разбивки предложений (ср. № 272, ст. 123—124 и 145).

Издредка вставлялись (с заключением вставки в угловые скобки) явные пропуски, влиявшие на понимание текста. Так, в тексте № 337 путем повтора стиха 21 восстановлен утраченный стих № 29 (аргумент — аналогии в № 363, ст. 24, в № 364, ст. 30). Более мелкие вставки — включения отдельных слов: «черны (вороны) награйтися» (№ 213, ст. 58). Подобные конъектуры типичны для правок самого собирателя (см. № 382, ст. 10 — слово «морю»). Подчас во избежание смысловых искажений производились реконструктивные подстановки (путем введения в скобки) выпавших в диалекте или индивидуальном произнесении звуков («пот(п)руга» вместо «потруга»). Пропуск подразумеваемых гласных, указанный прежде апострофом, восстановлен в угловых скобках (например: «на примаёт» — «(О)на примаёт» — № 353, ст. 153). Была реализована серия указаний собирателя из списка его «недосмотров» и «опечаток», к которым добавились вновь выявленные случаи (типа: «на добрых коней» вместо опубликованного «на добрых коней» — № 284, ст. 237).

Пояснения певцов, дополнявшие текст, заключены в круглые скобки и выделены курсивом (например, № 213, строки 70, 71). Отдельные строки пояснительного исполнительского комментария, графически попавшие в былины, обособлены (№ 319, строка 322).

Новой орфографией предписаны правки, давшие наречную беспредложную лексику (типа «наголо» вместо бывшего «на голо» — № 217, ст. 202 и др.).

Фрикативное «h» передано не латынью, а буквой «г» с точкой сверху («ġ»). С заглавной буквы последовательно даются государственные обозначения типа «Орда».

Тщательный анализ пунктуации собирателя, которая была предметом его специальной заботы, выявил значительное число упущений, неизбежных при единоличной работе, которая лишь эпизодически дополнялась технической подготовкой рукописи членами его семьи. Это побудило придать единообразие пунктуации регистрируемых формул там, где есть разноречие в их передаче, восстановить потерянные дефисы, вопросительные знаки, кавычки. Частично перемены знаков связаны со стремлением повысить выразительность читаемых произведений.

А. Д. Григорьев предварительно изучал правописание и пунктуацию А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, дабы с учетом прецедентов избежать «недосмотров» и «непоследовательности»,¹³

¹³ Там же. Т. 1. С. XXXVI (ср. с. XXXV).

поэтому перед печатанием Собрания он подробно изложил свой подход к расстановке знаков препинания в простых и сложных предложениях поэтического текста. Ныне эти соображения имеют лишь исторический интерес: поиски более выразительных способов передачи грамматических конструкций стихотворного эпоса в Своде русского фольклора учитывают и опыт внесения поправок в классические сборники, накопленный изданиями серии «Памятники русского фольклора», и опираются на современную пунктуационную норму.

В этой связи укажем на более широкое применение, например, тире. Так, поясняющие раскрытие событий подробности действия после обобщающих характеристик этого действия, которые А. Д. Григорьев не отмечал вообще никакими знаками, ныне получают благодаря введению тире дополнительный смысловой, комментирующий акцент:

Вы ведите-то ёго во полё Куликово —
Да на тую ли плашку на липову,
Да ко той ли ко ляги кровавыи...

Частица «ли» не соединяется дефисом — в согласии с новой орфографией — с предшествующим указательным местоимением в отличие от того, как это было у Григорьева («тую-ли», «той-ли»)¹⁴.

Обобщающие существительные, поясняемые через существительные конкретизирующие, не просто отделяются, как это выполнено А. Д. Григорьевым, запятой (ибо не являются первой единицей в перечне равнозначных явлений), а получают расподобление через тире:

Собирайсе, соезжайсе, со всей армии,
Со всей армии — пехотой, с конной гвардией...¹⁵

Обобщающее понятие «армия» здесь расшифровывается как «пехота» плюс «конная гвардия».

Есть и отдельные решительные поправки, связанные с изменением эмоционального ударения. Например, А. Д. Григорьев настаивал на необходимости давать описание сопровождающих бой возгласов богатыря с акцентированием текста через постановку тире:

Долгой — тотарин, не порветсе,
Косливой — тотарин, не изломитсе.¹⁶

Текст достигает большего эффекта, высказывание заряжается подлинной экспрессией при перемещении тире, что выявляет причинно-следственную характеристичность результата действий, подчеркивает связь между существительным, скрепленным с прилагательным, и глаголом:

Долгой тотарин — не порветсе,
Косливой тотарин — не изломитсе.

¹⁴ Там же. С. XXXVIII.

¹⁵ Там же. С. XXXIX. У Григорьева во 2-м стихе вместо тире — запятая.

¹⁶ Там же. С. XLI.

Внимательная оценка публикационных принципов пунктуации А. Д. Григорьева — с позиций выявления им эмоционального накала в рамках эпического нарратива позволила полностью принять и сохранить многие знаки, безупречно размещенные собирателем, чувствовавшим красоту поэтического движения. Скажем, постановка восклицательного знака в восклицательных предложениях, выражающих обращение с прямой речью к собирательному или индивидуальному лицу, воспринимается сегодня как единственно правильное понимание и толкование текстов:

Уж ты ой еси, братец родимые,
 Уж ты ой еси, Микитушка Романович!
 ...Уж вы есь, народ-люди добрыи!
 Уж вы ой есь, палацци немилосливьи!¹⁷

Не расширяя далее затронутую тему, отметим, что пунктуационные обретения ученого стали необходимым поводом к появлению новых, взвешенных оценок и обязательным элементом многих текущих перепечаток.

Среди самокритичных констатаций собирателя-публикатора есть признания в том, что подчас противоречия намерений и результата не могли быть сняты изданием: черновик иногда оставался не прочитанным до уровня исчерпания смысла; отдельные неясности застыли в своей условной фиксированности навсегда; выбор между звуками, изображенными при письме посредством некоей буквы, заместившей собою другую букву, порой оказывался недостаточно мотивированным; субъективные решения — неотъемлемая часть и процесса записи, и процесса ее расшифровки, перепрочтений для публикаций... Так, оценивая свою запись былины № 351 (фрагмент о бое Добрыни и Ильи Муромца) он писал «„прыгали” (имелось в виду «кони прыгали». — Ред.), но можно прочесть и „крычали”».¹⁸ И это одно из сотен сомнений собирателя. Не менее показательным примечание к № 350 (ст. 191) об условности чтения некоторых окончаний: «последние две буквы не ясны; можно прочесть: -ой, -ей, -ий».¹⁹

А. Д. Григорьев сделал несколько существенных предложений, как бы обращенных к будущим издателям его записей: рекомендовал читать некоторые темные места «по аналогии с другими местами»,²⁰ с соседствующими текстовыми, лексическими, стилистическими подобиями, отметив при этом уникальность некоторых словесных форм, разошедшихся с его собственными ожиданиями.²¹

Из этих самооценок, принадлежавших молодому, но высоко ответственному автору Собрания проистекли практические доводы, которым предстояло последовать при публикации текстов А. Д. Григорьева в «Былинах Мезени». Очевидно, что перепечатка «буква в букву», «знак в знак» зачастую только осложнила бы контакт читателя с текстами, ничего не прибавив к их достоинствам. Полезно прислушаться к одному из суждений В. Я. Проппа: «Само же по себе точное сохранение и точная передача всех звуков данного наречия для фольклориста не определяет ни ценности текста, ни ценности записи. Классический сборник Рыбникова, в котором эти особенно-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Т. 3. С. 652.

¹⁹ Там же. С. 652.

²⁰ Там же. С. 653.

²¹ Там же. С. 652 (речь идет о стихе 346 в № 360, где «удалого», «доброго» оказалось там, где ожидалось «добраго»). Далее указано конечное озвончение согласного (там же, с. 653, 654): «каг», возможное наравне с «как» (тексты № 403, 409).

сти не отмечены, не теряет в своей ценности от сравнения его со сборником Григорьева, где сделана попытка эти особенности сохранить и передать».²²

Известное недоверие к точности записей А. Д. Григорьева не покидает читателей, наблюдающих спорные случаи фиксации собирателем звуков и звукосочетаний, позиционно подчас едва ли произносимых. Есть прежде всего эпизоды фонетических регистраций, подразумевающих произносительную норму, которая расходится с нормой орфографической. Вариативное «двоение» тогда дает разнобой начертаний, но за ним стоит одно и то же звуковое явление.

Когда А. Д. Григорьев дает суффикс *-ств-о* в разговорно-устной форме *-сьв-о*: «замужесь-во» и рядом литературно привычное «замужество» (текст № 371, ст. 76 и 82) — перед нами явный случай подчинения орфографическому «диктату». Когда глагольное окончание 2-го лица единственного числа имеет *ь*, но теряет его в иных стихах, это также свидетельство влияния орфографии (в № 305 ст. 90: «утешь-ко» при органичном северном произнесении в ст. 12: «хоиш»; в № 352 ст. 111 со смягчением *ш* — «съездишь» при «свёзёиш»).

Специфически «конфликтными» являются написания сочетаний твердых шипящих с последующими гласными. *Ж* и *ш* в сочетании с *и*, звучащие как *жи*, *шы*, а изображаемые на письме как *жи* и *ши*, передаются сбивчиво. Например, «живёхонёк» и «живёхонёк» (№ 305, ст. 39 и 124), «отишп» и «отишп» (№ 370, ст. 96 и 97).

В свою очередь нормативная орфографическая несмягченность шипящих выглядит данью правописанию, а вовсе не указанием на наличие концевочного твердого *ч* в иных вариантах. Наличие формы «Касимировичь» (№ 352, ст. 68, 80, 124, 230, 239) при «Касимирович» (ст. 109, 126), а также смягчение согласного в косвенных падежах — «Касимировичю» (ст. 131) и постоянство смягчения в формах отчества другого персонажа («Батеевиць» — ст. 170, 178, 195, 196, 218, 224; «Батеевичь» — ст. 245, 269, 272; «Батеевичя» — ст. 160, 165; «Батеевичю» — ст. 71, 157, 159, 216) при единичном «Батеевич» (ст. 235) позволяют утверждать: публикация «Касимирович» с конечным *ь*, обязательным до реформы орфографии 1918 г., отнюдь не показывает твердого *ч*, нетипичного для северных диалектов. Это описки, опечатки, требующие исправления. Твердого *ч* фактически не было и при встречающихся в текстах сочетаниях *ч* с *а*: «царевичам» (№ 287, ст. 19), «несчастную» (№ 305, ст. 137), «Поповича» (№ 371, ст. 24, 58, 83).²³ Здесь и в подобных стихах выход на последовательно нормативное написание слов в косвенных падежах («Касимировичю», «Поповичю») — это всего лишь способ иной буквенной фиксации фонетического явления, наблюдавшегося и печатно констатированного А. Д. Григорьевым.

С нашей точки зрения, нет необходимости сохранять и форму написания сочетаний твердых *ж* с *и* и *е* как *жи*, *же* вопреки принятой ныне норме: *жи*, *же*. Недаром под пером собирателя в его тетрадях и публикациях появлялись «сбои»: «жыва», «жыли», «жить» (№ 216, ст. 141; № 217, ст. 213, 214, 279, 282, 331; № 218, ст. 129), «скажы» (№ 216, ст. 122), «перехожых», «перехожья» (№ 215, ст. 106, 128) соседствовали с «прожитоцьных» (№ 216, ст. 7), «перехожиа», «перехожие», «перехожиш», «переежие» (№ 215, ст. 3, 4, 103). Аналогично проявляется разнобой в запечатлениях контактирования *ш* с *и*: «к шыроку двору», «на шырокой двор» (№ 371, ст. 215, 127) — при: «на широкой двор» (№ 216, ст. 53, 61) и «к широку двору» (№ 216,

²² Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // РФ. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 202.

²³ Ср. в тексте № 371 выразительные смягчения: «Поповичя» — ст. 41, «Поповичь» — ст. 153, 173, 188, 191; «Муромечь» — ст. 186, 223; «Муромець» — ст. 46; «Микитичя» — ст. 53, 176, 195 при смягчении: «Микитиць» — ст. 56 и ошибочную несмягченность: «Микитиц» — ст. 2.

ст. 60); или: «Олёшыной», «Олёшына» (№ 371, ст. 206, 207) — при: «Олёшину» (там же, ст. 125). У А. Д. Григорьева встречаются формы «поединшика» (№ 214, ст. 229), «постороньшины» (№ 214, ст. 210, 237; № 216, ст. 78), которые дают практически непроизносимые смыкания букв *ши*. За ними слышится неизбежное русское *шы*, всего лишь формализованное орфографической традицией. Общая картина «чересполосного» фонетизма присутствует при нормативной регистрации частицы *же*, которая при твердости звука *ж* фактически фиксирует звучание *жэ*: «немного *же*», «поленица *же*», «спокойно *же*», «ненадолго *же*» (№ 217, ст. 263, 267, 271, 272 и др.). К числу невозможных произносительных сочетаний относятся чтения *а* после *щ*: «проща тия» (№ 215, ст. 154), где соблюдение точности звучания потребовало бы постановки *я* вместо *а*. Нереально сочетание твердого и мягкого *и*: «помошшь» (№ 237, ст. 345); ср. однокоренное существительное «помошница» (№ 230, ст. 205).

Неубедительность фонетических фиксаций собирателем ряда явлений, великолепно им ощущавшихся и отчасти (но по неизбежности неполно) зарегистрированных, проявилась также в передаче оглушений и озвончений согласных. К примеру, в тексте № 339 написание существительного «князь» (ст. 58) и «княсь» (ст. 53) не содержит безусловных контекстных данных в пользу того, чтобы расценить различие фиксированных форм как разницу звучащих реальностей, а не разницей, связанный с рефлексом литературной нормы, проявившимся в стихе 58. Недоверие к точности возникает и при оценке текста № 411, где в парах стихов 17—18, 37—38, 55—56 читаем:

А не силою возьмём, дак грозой грозною,
А грозой-то мы возьмём да богатырьскою...

А не силою возьмёт, даг грозой грозною,
Он грозой то ле возьмёт даг богатырьскою...

А не силой-то возьму, да грозой грозною,
А грозой-то я возьму, да богатырьскою...

Стих 17 содержит написание, которое представляется отсветом нормативности. Нет оснований менять в настоящем издании разнослышавшиеся «даг» (в том числе зафиксированного перед сонорными) на «дак», но противостояние форм указывает на возможность предпочтений и выбора для будущих публикаций за пределами Свода русского фольклора.

Аналитическое вхождение в тексты А. Д. Григорьева сопровождало работу над каждой стиховой строкой и обеспечило некоторые буквенные, пунктуационные их обновления, сблизившие передачу записей былин ученого с тем, что несет коллекция А. М. Астаховой. При передаче целого ряда окказионально менявшихся слов было принято решение прибегнуть к осторожному и осмотрительному орфографическому их редактированию. Все новые перемены в разделе «Тексты» отмечены подчеркиванием нормативных обозначений, заместивших буквенные графические редакции части лексики, принадлежавшие собирателю.

Укажем на некоторые сквозные перемены.

Суффикс *-чк-* со смягчением из полевых записей и публикаций А. Д. Григорьева теряет *ь*. В последнем нет необходимости при нормативной, т. е. несущей смягченность форме его передачи в слове. Например, примечательны начертания у собирателя: «придвернички» (№ 340, ст. 344), «прядверьничкам» (ст. 347), «подносчички» (ст. 384), «шубочку» (№ 351, ст. 54), вопреки

«прыворотничкам» (№ 342, ст. 341), «стольнички» (ст. 359), «печьки» (№ 351, ст. 180), «стрелочьку», «половиночьку», «скалочьки» (№ 352, ст. 220, 222) и т. д.

Теряет *ь* и конечный суффикс *-ич*, примеры употребления которого приведены выше.

Происходят приставочные «реставрации» фонетически очевидной современной нормы с переходом *з* → *с*: «разсказать» → «рассказать», «згубила» → «сгубила» (исключения: ради сохранения исторического облика фамилии — Разсолов; просторечные префиксальные наращенные в лексике типа *здолой*), но сохраняются случаи озвончения предлога *с* при сочетании с звонкой согласной: «з Владимиром».

«Фотографизм» в передаче *жы, шы* сменяется привычными: *жи, ши* («дрожьгт» → «дрожит», «бежьгт» → «бежит», «пошьнгивать» — «пошиньгивать»), при сохранении выявленной явной твердости *чы* (*чыстым*). Сохранены эпизодически представленные у собирателя фиксации *цы* (*слуцьыlose*).

Снимаются оглушения: *г*, переходящее в *к* («крук», «лук», «рок» передаются как «круг», «луг», «рог»), переход *б* в *п* («шупка» → «шубка»), *д* — в *т* («млат» → «млад», «глатки» → «гладки», «пот» → «под»), *ж* — в *ш* («друг друшку» → «друг дружку», «дорошка» → «дорожка», «друшкою» → «дружкою»).

Производится расподобление уподобившихся сочетаний согласных: *тт* → *дт* («бутто» → «будто»), *дд* → *тд* («оддавал» → «отдавал», «оддала» → «отдала») при сохранении твердой и смягченной форм одной и той же согласной («бытьто»).

Перемены букв, буквосочетаний — формальные отступления от оригинала во имя соблюдения общепринятой орфографической нормы регистрируются подстрочными подчеркиваниями этих букв в словах: *ф* записи и публикации передается как *в*; *ж* — как *ш*; *ш* — как *ж*; *к* — как *г*; *п* — как *б*; *д* — как *т*.

Специфическая окрашенность звука, передававшаяся надстрочными литерами, регистрируется путем постановки призвука вслед за соответствующей звуку буквой в квадратных скобках (например, *е^а* фиксировано как *е [я]*).

Сняты в текстах А. Д. Григорьева: курсивы, подтверждавшие, что слово было пропето именно так; публикаторские пометы в скобках в тексте («так», «sic!»); вертикальные черточки, непосредственно фиксировавшие паузы по ходу исполнения былин.

Подстрочные примечания собирателя объединены с его комментарием, следовавшим в конце издания «Архангельские былины и исторические песни». Сюда же отнесены подающиеся в ломанных скобках ⟨ ⟩ необходимые текстологические комментарии редактора и составителей томов.

Более подробная и частная характеристика работы над текстами конкретизирована в текстологических примечаниях к ним.

* * *

При подготовке к изданию филологических материалов экспедиции 1928 г. на Мезень составители располагали тремя источниками: полевыми записями А. М. Астаховой («рабочими» тетрадами), беловыми копиями этих записей, сделанными самой собирательницей,²⁴ а также их публикацией в первом томе «Былин Севера».²⁵

²⁴ Все рукописные экспедиционные материалы хранятся в РО ИРЛИ, р. V. Шифр хранения каждой записи указан в паспортном комментарии к конкретному тексту. Там же приводятся сведения о трех записях былин, осуществленных другим участником экспедиции 1928 г. — И. М. Левиной (№ 99, 123, 124).

²⁵ Два из публикуемых в настоящем издании текста (№ 156, 202) не были включены А. М. Астаховой в «Былины Севера».

За основу — своего рода оригинал текста — принималась запись (если таковая сохранилась), произведенная непосредственно во время исполнения былины.

Наивно было бы полагать, что в условиях полевой работы собиратель, к тому же еще не столь опытный, каким была А. М. Астахова в 1928 г., мог абсолютно адекватно зафиксировать «со слуха» поющий или рассказываемый текст. Отсюда неизбежность многочисленных описок, исправлений, сокращений в записях-«оригиналах», в том числе и отражение в них слуховых ошибок «регистратора» фольклорного материала. Все это вызывало необходимость критического отношения не только к печатному, но и к рукописным источникам.

При воспроизведении текста по полевой записи составителями в каждом сомнительном случае избирался либо вариант белой копии, либо вариант издания, либо предлагалось свое прочтение «темных мест» оригинала. Неизбежные отступления от полевой записи непременно отмечались в текстологических комментариях или системой условных обозначений (курсив, скобки) в текстах.

А. М. Астахова никогда не писала былины «под диктовку», отсюда вполне оправданные сокращения,²⁶ знаки повторов в ее рабочих тетрадях, а также недописанные слова (редко — фразы). Полный текст восстанавливался прежде всего по беловым копиям собирательницы²⁷ с выделением курсивом тех его частей (чаще отдельных букв в окончаниях слов, иногда — повторяющихся в былине «клишированных» строк), которые в принципе могли бы быть воспроизведены в ином варианте. Выделение в аналогичных ситуациях фрагментов ремарки исполнителя (уже отмеченной курсивом) осуществлялось с помощью жирного шрифта.

Так, имя князя, зафиксированное в полевой записи (п. з.) в сокращении «В-ер», печатается в настоящем издании полностью без каких-либо дополнительных обозначений: «Владимер». Сокращение же «В-р» или «Вл» раскрывается по перебеленной рукописи с выделением курсивом предпоследней буквы, т. е. печатается «Владимер» или «Владмир». То же касается раскрытия цифрового обозначения числительных: «десети», «пети» и пр.

В особых случаях вместо отметки курсивом даются отсылки к текстологическим комментариям: если точность воспроизведения слова вызвала сомнение у самой собирательницы (в п. з. на полях стоит знак вопроса); если сокращение раскрывается не по белой копии, а по изданию (см. примеч. 1 к № 71, 14 к № 72, 6 к № 96 и др.); если слово печатается по перебеленной рукописи и изданию, но точность его воспроизведения остается под сомнением (см. примеч. 2 к № 73, 3 и 8 к № 91 и т. п.). В текстологических работах (в том числе в предисловии к первому тому настоящей серии — СБ 1, с. 110—112) справедливо указывалось на различия между полевой и перебеленной записями, рукописями А. М. Астаховой и изданием «Былины Севера». Такого рода различия характерны и для мезенских материалов, и вряд ли этот факт требует подкрепления дополнительными примерами. Акцентируем внимание на другом. Наличие несоответствий между «рабочей» фиксацией текста и его публикацией вызвано, думается, не стремлением собирательницы «улучшить» былину, а осознанием весьма относительной точности своих полевых записей и необходимостью в ряде случаев снять искажения текста в записи «со слуха».

²⁶ Следует отметить, что А. М. Астахова, как правило, никогда не прибегала к сокращенной записи слов (в том числе имен), встречавшихся в тексте впервые.

²⁷ К сожалению, мы можем лишь предполагать, когда А. М. Астаховой были сделаны копии полевых записей былин, — вероятно, уже после возвращения из экспедиции, спустя какое-то время: копии сделаны чернилами и выборочно в отличие от карандашных полевых записей.

К примеру, начало строки 90 текста № 88 в полевой тетради (п. 14, ед. хр. 2, л. 96) было абсолютно четко зафиксировано в таком виде: «Густарака за как». Засомневавшись в услышанном, собирательница поставила на полях знак вопроса. Но чуть ниже встречается аналогичная нелепая, однако столь же отчетливая и не сопровождаемая знаком вопроса запись начала 116-го стиха: «Густарака» (там же, л. 98). Если в первом случае слуховая ошибка была исправлена на стадии копирования материала (в белой рукописи (б. ркп.) уже читается: «У стара казака» — п. 14, ед. хр. 13, л. 102 об.), то во втором случае текст окончательно выправляется — вряд ли можно сказать, что «подправляется», — в издании (в б. ркп. «У стара ка» — там же, л. 103 об.).

В этой и аналогичных ситуациях за основу берется либо текст белой копии, либо текст издания, но с соответствующей оговоркой в текстологическом комментарии.

Так, вместо читаемого в п. з. «богатырская» выбран «вариант» белой копии: «богатырская» (см. примеч. 3 к № 67), вместо слова в п. з. «не ставился» печатается, как в «Былинах Севера», «не старился» (см. примеч. 1 к № 14) и т. д.

Если при этом слово (или его часть, часть строки, ремарка исполнителя), публикуемое здесь по изданию, не нашло отражения в полевой и перебеленной рукописях, оно заключается в прямые скобки (т. е. начало упоминавшегося выше ст. 116 № 88 публикуется в таком виде: «У стара ка[зака]»). В случае сохранения в каком-либо слове вставленной А. М. Астаховой при издании буквы (с целью прояснения смыслового значения конкретного слова) дополнительные пояснения в комментариях не даются, но отсутствующая в п. з. и б. ркп. буква также заключается в прямые скобки: «лева руценька приколь[з]нулась» (см. № 91).

Когда же запись в полевой тетради вполне отчетлива и никаких недоумений фиксация текста не вызывает, то разночтения — если таковые имеются — с публикацией в «Былинах Севера» (и белой копией) не приводятся. Иначе оценка фольклорного текста подменялась бы оценкой его издания.

Исключение составляют случаи, когда текст печатается по полевой записи, но допускается возможность иной версии ее прочтения — по перебеленной рукописи или изданию А. М. Астаховой. Например, слово «перстень», зафиксированное в рабочей тетради собирательницы, передается ею в белой копии и издании как «перстень». В комментариях указываются эти разночтения (см. примеч. 3 к № 3), но оставлен вариант полевой записи, тем более что форма существительного «перстень» фиксировалась и А. Д. Григорьевым, причем с пометой: «едва ли ошибка» (см. примеч. 3 к № 39).

Непрерывно оговариваются в текстологических комментариях те немногочисленные случаи, когда предложен свой вариант подачи текста — при полном совпадении полевой записи с перебеленной рукописью и изданием.

Так, в полевой записи И. М. Левиной, отразившей два варианта исполнения былины о Дунае — сказанный и пропетый, между словами «лев» и «зверь» вставлена буква «ы» (к. 5, п. 14, ед. хр. 10а, л. 2). В белой копии и «Былинах Севера» полевая запись спетого текста была воспроизведена буквально:

И выпрыгнул вон из подгрёба,
Как лев ы зверь из вертепа же
(Аст. 1, № 45, ст. 59—60;
к. 5, п. 14, ед. хр. 10, л. 3 об.).

Вызывающее подчас недоумение сочетание «лев ы зверь» (где «ы» воспринимается как союз) включено в текст настоящего издания в ином виде: «лев(ы)-зверь» (см. № 123), так как «ы» здесь — огласовка предыдущего согласного, возникшая при распеве слова и услышанная И. М. Левиной.

Полевые записи А. М. Астаховой чрезвычайно сложны для прочтения. Нередко сама собирательница не могла разобрать зафиксированное «скорописью», что видно из подчеркнутых ею при перебеливании рабочих тетрадей отдельных слов и проставленных рядом вопросительных знаков. «Темные места» рукописи, явные неточности ее прочтения самим автором по возможности ликвидировались. При этом реконструированные фрагменты текста отмечены угловыми скобками и снабжены комментарием. К примеру, сокращение «прав-ую» в отличие от белой рукописи и издания, где это слово воспроизведено заведомо неточно: «за веру да за правую» — раскрывается как «прав(ославн)ую» (см. № 97, примеч. 8), а недописанная во время первого исполнения былины фраза реконструируется на основе повторной записи (см. № 128, ст. 47 и примеч. к нему) и т. п.

Особую трудность для прочтения вызывали двуслойные записи текстов, отражающие два последовательных акта исполнения былины (чаще сказанный и пропетый, реже — два пропетых). «Расслоение» этих записей А. М. Астахова пыталась осуществить при копировании экспедиционного материала, отделяя один вариант от другого двумя видами скобок.²⁸ Это послужило хорошим подспорьем при восстановлении по полевой записи каждого из вариантов.

Более точной можно считать запись повторного исполнения былины, так как в этом случае текст уже не приходилось писать целиком, в него вносились лишь соответствующие поправки. Именно вторые варианты (пропетые тексты) включены составителями в основной корпус «Былин Мезени». Разночтения со сказанными (реже — также пропетыми) вариантами приведены в комментариях. Если количество разночтений оказывалось слишком велико, то в корпус включались оба текста.

Сличение сказанного и пропетого вариантов одной и той же былины представляет несомненный интерес и на фонетическом уровне. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что в каждом конкретном случае (допустим, при замене окончания *-ся* на *-се*) разночтения вызваны вариативностью сказанного и распетого слова, а не простым уточнением услышанного при первом акте исполнения былины. Тем не менее представленный материал наглядно показывает, что пропетый текст в большей степени сохраняет черты диалектного произношения.

В данном собрании тексты печатаются с сохранением всех орфоэпических особенностей местного говора, отмеченных А. М. Астаховой. Следует подчеркнуть, что в полевых записях собирательницы сознательно не отражены (за исключением редких случаев «машинальной» фиксации услышанного) «явления ассимиляции согласных и переход звонкого в глухой на конце слова, поскольку они в северных говорах в основном тождественны с явлениями литературной речи» (Аст. 1, с. 4). В то же время вызывает сомнение попытка А. М. Астаховой объяснить наличие в полевой записи некоторого фонетического разнобоя при передаче всегда твердых *ж* и *ш* и мягкого *ч* вариативностью речи: «Твердое произношение *ж* или *ш* и мягкое *ч* особыми начертаниями отме-

²⁸ Такого рода разделение не коснулось ремарок сказителей. Не всегда по полевой записи можно четко определить, к какому акту исполнения следует отнести ту или иную реплику. А. М. Астаховой было важно ее зафиксировать, «не потеряв» впоследствии — при публикации текста.

чаются лишь в тех случаях, где эта твердость или мягкость усилена (?! — *Ред.*) сравнительно с литературной речью» (Аст. 1, с. 4). Такие случаи в текстах А. М. Астаховой единичны и вызваны скорее колебаниями самого собирателя в передаче фонетики. Скажем, трудно поверить, чтобы в одном стихе по-разному звучало окончание глаголов во 2-м лице ед. ч.: «...ты куда же едѣш, куда путь держишь?» (п. з. — п. 14, ед. хр. 6, л. 55 об.). Не случайно в «Былинах Севера» в слове «держишь» ь был опущен (см.: Аст. 1, № 39, ст. 83).

В настоящем издании в окончаниях глаголов 2-го лица ед. числа сохранен ь (как чисто орфографический момент). «Усиление» твердости *ж, ш* и мягкости *ч*, якобы улавливавшееся собирательницей, не отмечается. Однако в случае замены при этом какой-либо буквы в тексте А. М. Астаховой соответствующая литера подчеркивается (как и при передаче записей А. Д. Григорьева), если таковая замена уже не была произведена самой собирательницей при публикации экспедиционных материалов.

В текстах сохранены знаки ударения, проставленные А. М. Астаховой в полевой рукописи и «Былинах Севера». При этом оговариваются случаи, когда знаки ненормативного ударения в п. з. отсутствуют.

Заглавия былин, принадлежащие самим исполнителям, указаны в паспортных комментариях к текстам. В прямых скобках даны заглавия собирателя.

* * *

В томах 3—5 серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора («Былины Мезени») составители следуют правилам публикации текстов, суммированным в 1-м томе библиотеки былин в разделе «Текстологические принципы издания».²⁹

Дополнительно вносится правка в передачу йотации гласных, как правило, оговариваемая в комментариях. (*Й*)у, (*й*)о передают ю, ё оригинала Григорьева.

Необходимо также повторить.

В текстах подчеркиваются подстрочно буквы, показывающие графические отступления от буквенного оригинала (записи, публикации) собирателя в интересах соблюдения орфографической нормы. Изменения оговариваются в текстологической части комментария.

Пунктуация текстов приводится в соответствие с современными нормами орфографии при постоянном учете специфики интонируемых поэтических текстов.

Звездочка (*) в тексте означает границу фонограммы; при наличии более полной параллельной словесной записи произведения продолжение и завершение текста осуществляются по словесному варианту записи.

²⁹ Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1: Север Европейской России. Былины Печоры. СПб.; М., 2001. С. 152—153.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Том 3-й серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора — первый из трех томов «Былины Мезени» (тома 3—5) создавался коллективом авторов.

Авторы статьи «Былины на Мезени»: Т. Г. Иванова, С. И. Дмитриева (разделы I, II), Ю. А. Новиков (раздел IV), Л. И. Петрова, Ю. И. Марченко, А. А. Горелов, С. Н. Азбелев (раздел V), Ю. И. Марченко (раздел VII), В. П. Бударагин (раздел VIII). Раздел III составляет статья Н. П. Колпаковой из кн.: *Песенный фольклор Мезени*. Л., 1967. Раздел VI — перепечатка статьи А. Д. Григорьева из кн.: *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.* Прага, 1939. Т. 2: Кулой. «Текстологическая справка» написана А. А. Гореловым и Л. И. Петровой.

Тексты готовили: № 1, 8—11, 21—29, 32—39, 66, 68, 69, 74—85 — А. А. Горелов, А. Н. Мартынова, Л. И. Петрова (паспортный комментарий и примечания А. Д. Григорьева — Л. И. Петрова); № 2, 4, 13, 30, 31, 41, 86—90 и примечания к ним — А. Н. Мартынова; № 3, 12, 14, 40, 67, 70—73, 91 и примечания к ним — Л. И. Петрова; № 5, 15—18, 42—54, 92, 93 и примечания к ним — Т. Г. Иванова; № 6, 19, 20, 58—60, 63 и примечания к ним — А. Н. Розов; № 7, 61, 62, 64, 65 и примечания к ним — Ф. М. Селиванов, А. А. Горелов; № 55—57 — Ю. И. Марченко, примечания к ним — С. И. Дмитриева.

Приведение текстологических комментариев к единому образцу выполнила Л. И. Петрова.

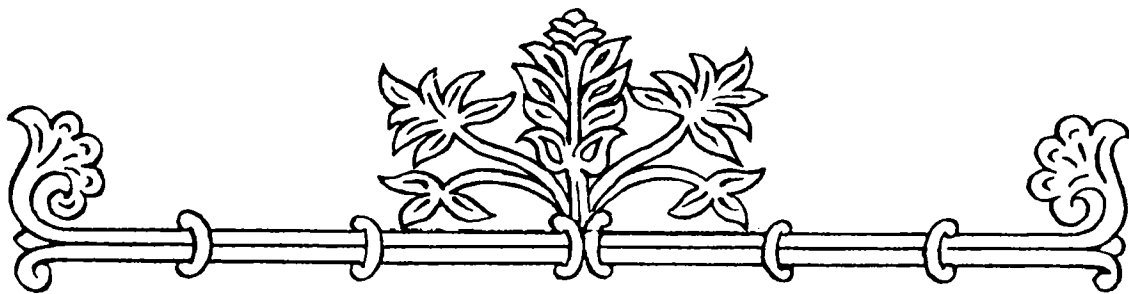
Сюжетный комментарий Ю. А. Новикова.

Музыковедческую часть тома подготовил Ю. И. Марченко.

Подбор иллюстраций и подготовку подписей к ним осуществили В. И. Жекулина, В. И. Еремина, А. А. Горелов.

В технической подготовке тома к печати приняли участие И. П. Ковтун, Л. И. Петрова, Ю. И. Марченко, А. Ю. Кастров, Е. Б. Соломон, Е. П. Гладких.

Ответственный редактор тома А. А. Горелов.

ТЕКСТЫ БЫЛИН

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 1—7)

№ 1

Поеджжал-де старой да нонь из Киева,
Поеджжал где старой дак на цисто полё
Да на то же роздольцо широкоё,
Да на те же на шоломени ровняя,
⁵ Да на ровняя шоломя окатисты.
Ище выехал старой да на цисто полё,
Да поехал старой да на Светы горы,
Да наехал старой да как богатыря:
Ище ездил где он да по Светым горам —
¹⁰ Не нёсла где его да коня доброго
Ище мати не нёсла да как сыра земля.
Да сидит на кони да засыпат-сидит.
Да ударыл старой да жалезной палицэй:
Да ударыл старой да как по первой раз,
¹⁵ Да ударыл старой да как по второй раз,
Да ударыл-де старой да нонь по третьей раз.
Овернулсе тут сильней да тут богатырь-от
Да хватил где старого да со добрым конём,
Да засунул где ёго да во глубок корман.
²⁰ Ище едёт Светыгор да по Светым горам —
Ище конь у его да проступацьсе стал.
Ище бил он коня да по крутым рёбрам,
Ище сам где коню да приговарывал:
«Уж ты конь ле, ты конь, да лошадь добрая,
²⁵ Ище волцьбя ты сыть да травеной мешок!
Ище що же ты у меня да проступаиссе:
Иле слышиш незгоду да мне великую?»

- То сказал ему конь да руським языком:
«Не один ты сидишь, да как в кормани ешь!»
- 30 Ище сунул богатырь да руку правую,
Ище вытянул из кормана старого со добрым конём.
Ище едут они да разговор ведут.
Ище тут где-ка старой да ёму хресник был,
Окрепил¹ где-ка руку да нонь на хрёсного.
- 35 Говорыл Светыгор да таково слово:
«Ище много я ежду да по Святым горам,
Не видал где себе да супротивника.
А да утвержоно бы кольцо да во сыру землю —
Повёрнул бы я треть да мать сырой земли.
- 40 На небеса была нонь да бы как лисвиця —
Да с небесною силой да я бы сведалсе,
Ище сведалсэ с ей да переведалсэ!»
Да не в то ле как время да нонь не в ту пору
Да идёт где старик да нонь седатой-от,²
- 45 Ище весь где старик да исутулилсэ;
Да несёт где старик да нонь три ташоцьки,³
Да одну-ту ведь ташку да уронил с плеча.
Говорил где старик да таково слово:
«Ты соскакивай-ко, сильней удалой доброй молодець,
- 50 Ты соскакивай нонь да со добра коня;
Ты подыми-ко у мня ташку на могучо плечо!»
Да соскакивал Святыгор да со добра коня
Да хватил ету ташку да единой рукой —
Да не мог где-ка нонь да оторвати нонь
- 55 Да от той же земли да ноне матери.
Да хватил-де где-ка нонь да в обе руки ей —
По колен-де осел⁴ да во сыру землю.
Да не в то времё нонь да не в ту пору
Да подсунули ему плиту жалезную.⁵
- 60 Говорил где седатой таково слово:
«Ище ездн нонь, молодець, не хвастай нонь:
Ище в этой где ташки да нонь как — треть земли!»
Посадились они да на добрых коней
Да поехали они да как прямым путём, —
- 65 Ище строят домовищо да белодубово.
Приежджали где они да к добрым молотцам,
Да давали бы они да как Божью помóшь.
Говорил Святогор да таково слово:
«Да кака у вас идёт да ноне зароботка?»
- 70 Отвещали бы ему да таково слово:

- «Ище ездит-де нонь да на цистых полях,
 Да названьё ему, да добру молоцьцю,
 По названью, где он да ноне, — Святыгор.
 Про ёго-де роботам домовищо белодубово!»
- 75 Говорыл где Светыгор да таково слово:
 «Уж вы как где-ка нонь да как вы знаите,
 Да велико ле мало, да как пример нонь взять?»
 Да соскакивал он нонь со добра коня
 Да ложилса в домовищо да белодубово.
- 80 И закрывали дошочки белодубовы;
 Говорили бы они да таково слово:
 «Ище лёг, дак тепереце не выйдёшь нонь».
 Говорыл Светыгор да таково слово:
 «Ростяну ведь я нонь да ногу правую —
- 85 Да улетят ведь ваши нонь укрепы все!
 Да роскину ведь я нонь руку правую —
 Росшибу я домовищо белодубово!».
 Говорили бы строители таково слово:
 «Ище мошь ле ведь ноне да как подёстовать?»
- 90 Ростенул-де ведь нонь да ногу правую —
 Как права-та нога да нонь не дёстуёт.
 Ростянул где Святыгор да руку правую —
 Как права-та рука да нонь не дёстуёт.
 Говорыл Светыгор таково слово:
- 95 «Уж ты ой еси, Илеюшка ты Муромец!
 Ухвати-тко-се палицу буёвую,
 Розбивай домовищо да белодубово!»
 Тому слову где старой да не ослыщилсэ:
 Ухватил он ведь палицу буёвую,
- 100 Как ударыл домовищо да белодубово.
 Как ударыл где старой — да обруць наковал.
 Как ударыл где старой да ноне ввторой раз —
 Ище ввторой ноне⁶ обруч да ведь как наковал.
 Как ударыл старой-от да ноне треть-ёт раз —
- 105 Ище треть-ет⁷ старой да обруць наковал.
 Загорело у старого да ретиво сердце,
 Росходились у старого да могучи плеча —
 Заковал домовищо да белодубово.
 Ище тут Святыгору да не бывать на Руси,
- 110 Не видать Святыгору да свету белого.
 Говорил Светыгор да таково слово:
 «Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
 Да пойдёт где у меня да пена жолтая —

- Ище ту где пену да здолой сгребн;
 115 Да пойдёт где у мня да пена смёртная —
 Ище ту ноне пену да как здолой сгребн;
 Ище третья пойдёт да пена белая —
 Ище ту же нонь пену да как три раз лизни:
 Ище той где нонь силы будёт довольнё ей!»
 120 Да слизал где эту пену да Илья Муромец,
 Да слизал эту пену да ноне белую —
 Ище стало у его силы вдвоём-втроём.
 Ище тут-де старой да розосталсэ с им;
 Да пошел где старой да во цисто полё,
 125 Поимал где своёго да коня доброго,
 Да садилсэ старой да на добра коня —
 У добра коня подломилась как хребётна кость.
 Да пошел где старой да нонь пехотою.
 Да идёт где старой да по городу по Киеву —
 130 Ище стретилась калика да перехожая,
 Перехожая калика да переброжая.
 Ище стал-де старой да калику нонь пошиньгивать,⁸
 Да пошиньгивать, над ей да стал пошущивать.
 Говорыл бы калика да таково слово:
 135 «Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
 Ты не знашь, що нонь в Киеве у нас деицьсе?
 Да приехало Издолищо проклятоё,
 У кнегинушки Опраксеи доржит руки в пазухи,
 Ище князя-та Владимира он в замки садил.
 140 Запретило бы оно да просить милостину,
 Запретило бы оно просить для всех богов:
 Ище просят для поганого Издолища!..
 Ище дай мне-ка платьё да богатырьскоё,
 А возьми-тко-се платьё да нонь калицкоё!..»
 145 Тому слову где старой да не ослышилсэ:
 Одевал он ведь платьё да нонь калицкоё,
 Да пошел где старой да в стольне Киев-град.
 Приходил где старой да ко светлой грывни,
 Да крычал где старой да громким голосом —
 150 Попросил ведь старой да он ведь милостину
 Ище ради Христа, Чаря Небесного,
 Ище ради нонь Спаса да как Пречистого.
 Услыхало Издолищо проклятоё,
 Говорило бы оно да таково слово:
 155 «Не больша она калика, да громогласна нонь —
 Вы ведите калику да во светлу грывню!»

- Заходил где старой да во светлу гриню,
 Становилсэ у пеценьки кирпичьнее.
 Ище тут-де Издолищо розговаривал:
- 160 «Ты откуль идёшь, калика, да откуль прависсе?»
 Говорил где старой да таково слово:
 «Я иду где топере да из циста поля». —
 «Ище где же ты видал да его, старого,
 Ище старого ты его, седатого?»
- 165 Отвещал где старой казак Илья Муромецъ:
 «Ище знам где мы его довольнѣ нонь;
 Ище наш где старой да не велик в росту!»
 Говорил где невежа да таково слово:
 «Ище много ле старой да можот дѣстовать?»
- 170 Ище я ле нонь съедаю да полтара быка,
 Ище я столько выпиваю да пива пьяного,
 Ище столько приедаю да мѣду сладкого!»
 Отвещал где старой да ему напрямую:
 «Как у нашего было да нонь у батюшка
- 175 Да была-де поварня да испостроѣна,
 Да варили они тут да пива пьяноѣ;
 Да корова-та была да нонь обжорыста,
 Обжоралась оловины да ею лопнула.
 Не узнашь, Вам ведь нонь да как смерть прыдѣт!»
- 180 Ище тут как Издолищу за беду стало,
 За велику-ту досаду да показалосе;
 Да влепил ёго вилками булатныма.
 Тому делу старой да как догадлив был;
 Увѣрнулса он к пецьки нонь кирпичьнеей⁹ —
- 185 Улетели ети вилки, да как простенок вон.
 Говорыл где старой да таково слово:
 «Уж ты ой еси, невежа да ты не руськая!
 Да как кинул меня, да не вертись нонь сам!»
 Да снимал он, старой, да шляпу-ту калицькую,
- 190 Да влепил он проклятого Издолища —
 Да слетела у его да буйна голова,
 Ище вышиб нонь он да как простенок весь:
 Улетело всё на улицу широкоую.
 Да хватил где старой да его тулово,
- 195 Да выбрасывал ведь он на широкоу улицу.
 Ище тут у Издолища славы поют.

№ 2

- Кабы¹ ездил тут стар по-за городу,
 По-за городу да по-за Киеву,
 Что по тем по полям по широкиим,
 А по тем по дорожецкам по долгиим.
- ⁵ Наезжаёт бы стар на росстáнюшки,
 Што на те на росстани на широкие,
 На те ли дорожки да на долги.
 А лёжит на росстанюшах камешок горящий же,
 А как на камешку да подписано,
- ¹⁰ А написано да подпись все подрезано:
 «А во пёрву-то дорожецьку ехать — убиту быть,
 А во вторую-то дорожецьку ехать — женату быть,
 Как и в третью-то дорожецьку ехать — бо́гату быть».
- Как садилса-то старой на горяць камéнь,
- ¹⁵ Он и думал думушку не малую,
 А не малую думушку — великую:
 «А нашто мне, старому, теперь женитися?
 А жонитися мне не по младости.
 А нашто же мне, старому, и теперь всё богатество?»
- ²⁰ Как¹ есть у меня, старого, золотой казны,
 Кабы есть у старого цистого сéребра,
 Есть у старого красно золото,
 А кабы¹ есть у меня да циста жемчуга.
 Я² наездилса, стар, на белóm свете,
- ²⁵ Кабы много от старого сирот сиротаёт же,
 Кабы много от меня вдовушек да вдовеёт же:
 Я побил на сём свете удалых добрых мóлодцев,
 Я поеду по той по дорожке — по убитой».
- Как садилса бы стар на добра́ коня,
- ³⁰ А ехал по дорожецьки по убитое.
 Как идут-то станицьники — да люди вольные,
 Люди вольные — да всё разбойницьки.
 Стали на старого приступати же:
 «Ты докуль, старой пёс, в поли шатаишьса,
- ³⁵ Докуль ты добрых мóлодцев побиваешь?» —
 «Ох вы, станицьники да люди вольные,
 Как у меня своей казны не пригодилося,
 А поехал — у князя не выпросил.
 Только есь на старом кúнья шубонька,
- ⁴⁰ Стоит шубоцька петьсот рублей,
 Как на шубоцьке пуговок на тысячю.

Есь у старого сабля вострая,
 Стоит сабелька петьсот рублей.
 Есь тут копё долгомерное,
⁴⁵ Стоит копё петьсот рублей³
 Есь тут стрелочка каленая,
 Каждая стрелочка стоит по сотенке.
 А есь под старым доброй конь, —
 Тому коню цены нет!»

⁵⁰ Стали станицьники к старому приступать. Вымает стар из колчанá каленú стрелу, зарежает калёный лук, сам ко стрелке приговаривает: «Ты лети-ко в матушку сыру́ землю, рви-пластай што три⁴ по́греба».

Тут и вси станицьники в ямы упáдали,
 Кабы все тут они устрашился:
⁵⁵ «Ты не бей, стар казак, не губи!
 Мы идём в слуги верные!» —

«Мне не надо слуги верные: Святая Русь не живёт без могучих плеч, без богатырских сил. На то дал нам Господь силушку расчищать пути засорены». Дали они заклятие великое: «Не будем мы боле разбойничать, пойдем по светым местам, ко своим жёнам».

⁶⁰ Поехал стар по дорожецьке в поля широкие. Лежат тут ускоки богатырские. Пошли надвое две дороги: одна вправо, другая влево, пробиты две дороги до пояса. Первая дорога пошла на Светые горы. Наехал старый на богатыря. Выдернул он палицу буёвую, ошил его, огленулся Егор-Святогор. Сказал ему: «Ах, русские комары больно же кусают!». Взял засунул его в карман с конём со всем.

⁶⁵ Потом конь Егора-Светогора прискакал на Светые горы, пристал, сказал: «Ах, Егор-Светогор, не могу боле скакать! ЕСТЬ у тебя в кармане богатырь не плохой». Тот выдернул из кармана, и назвались они братьями: Егор больший и Илья меньший. «Поедем, Илья, ко своему отцу на Светые горы! Живет у меня отец на Светых горах слепой».

⁷⁰ Вот приехали в ограду, привязали коней к столбу, к золотому кольцу. Вот заходят в палаты белокаменны, находят старика слепого.⁵ «Вот, татка, — говорит, — я привёз русского богатыря в гости». — «Ладно, — говорит, — привёз, так потчуй». Стали за столы дубовые, сели за ествá сахарные, за пítья медвяные.⁶ Вот они пили-гуляли, отец слепой говорит: «А ну, я ручки богатыря пощупаю, — каковы?» А Егор-Светогор говорит: «Ты не давай ему руки — палицу дай ему пощупать!» Он пихнул ему в руку. Он при́жал, — только пена пошла.

⁷⁵ Вот назавтра у Егора-Светогора битва с паленицей последняя. Ездит, бьётця в поле тридцать лет. Вот и говорит Егор-Светогор: «Давай, брат Илья, поедем: у меня последняя битва с паленицей. Некоторый, — который победит, — будет на ней жениться!»

Вот распростился со стариком, и стали с ним уезжать. Спустились со Светых гор, а она уже ездит, рискует в поле. Егор и говорит: «Ну, Илья, ты поезжай к ней, ты⁷ биться знаешь, не можешь ли ее как взять». А Егор сам остался под дубом.

⁸⁰ Вот Илья, старой казак, поехал. Она и говорит: «Вот кого Егор послал! Я дуно — так улётит, я плюну — так костья не найдёт». Вот и подъехал, дунула на него, он сидит — не трях-

нется. Плюнула — сидит. «Ах, какой ловкой подъехал», — говорит. Подъехала к нему, да и махнула саблей вострой. А этот Илья был увёртливой! Увернул коню под передние ноги. Пересекла коня, значит, у него. И шарнул Илья копьём, и спёхнул с коня. Выдернул свой меч и подсек голову ей. Заскочил на ейного коня, не зевая. Учул конь, что лёгок седок, носил по полям широким: едва дёржитца Илья на коне. Когда этот-то конь утомился, и подъезжает к Егору-Святогору. Егор-Святогор говорит: «Эй, Илья! Есь у ей перстень самоцветной, с самоцветным камнем, — съими его, он твой, ты победил». Скочил Илья с коня и стал сымать, — она еще пышит. Махнула рукой — он попал под руку и встать не может. Прибежал Егор-Святогор, оторвал со всем с перстом. Отдал Ильи, сели на коней и поехали по полям по широким.

Едут в поли, — строят старцы в поли гробницу. Егор-Святогор спрашивает: «Эй, старцы, про кого вы эту гробницу строите?» Старцы сказали: «А хоть ты лежишь!» А Святогор говорит: «Што же мне эта гробница стоит! Лягу и всю разопру ее». Соскочил Егор с коня и лёг в гробницу. Как лёг, так и пошевелиться не может. «Эй, брат Илья! Бей по концу палицей, пусть розлезется!» Илья взял ударил по концу палицей — налетел обруч железный. «По другому бей!» По другому ударил — другой обруч налетел. А у его силы никакой в гробнице: подрезаны все силы⁸ его. — «Сделай, брат Илья, дыру: если тебе нать силу — пойдёт у меня сила, буду умирать. А пойдёт сила, первой пар густой — не тронь, второй пойдёт — не тронь, а третий пойдёт — и то тронь с калачиком!»

Первый пар пропустил, второй пропустил. Третьего пару хватил! Сила в ём расходилась. Рвал лес, ломал лес, чтобы уничтожить силу. Когда некогда уничтожил, пошел похоронил Егора, сел на коня и поехал.

Ехал полями широкими, выехал на дороги долгия. Едет по дорожке в Киев. Идёт на встречу старик седатый. Илья и говорит: «Здравствуй, дедушка!» Тот и отвечает: «Здравствуй, Илья Иванович!» — «Как же ты меня знаешь?» — «Да как мне не знать, я киевской». — «Што теперь хорошего в Киеве деется?» — спрашивает Илья. — «После твоего отъезду заселился богатырь, живёт у князя во дворе, к выти съедает семь пудов хлеба да быка. Никто и подступиться не может!» — «Спасибо, дедушка, на вестях».

Ну вот, распростились и поехали. Тот пошел по дорожке, а этот поехал в Киев. Стал спрашивать: «Какой богатырь засел в Киев?» Вот все рассказали. Вот на другой день надел Илья шляпу в сорок пудов, взял клюку в сорок пудов, оделся каликой и пошел ко князю. Заходит в палаты белокаменны во время обеда. Сидит богатырь, княгиню на коленях дёржит.

Бык поджарен, лежит на столе на блюде, нож вклеплен в него. Вот разговор завели. Он и спрашивает: «Вот у вас есь казак Илья Муромец. Сколько он к выти хлеба кушает?». А князь отвечает: «А он у нас мало ест». А он говорит: «Вот я к выти семь пудов хлеба съедаю и быка». А стоит Илья под порогом: «Вот у нас была корова обжорливая, много ела и пропала! Вот и ты пропадёшь!»

Вот это слово ему не пондравилось. Взял княгиню с коленей спехнул, взял нож — и махнул в Илью. Нож в простенок стал: на то Илья был увёртлив. Илья схватил с головы шляпу и катнул его шляпой своей! Вылетел этот богатырь с простенком со всем на улицу. Вот тут его и рушил.

Князь богатыря прославил: «Слава тебе, избавитель! Опять избавил нас, от смерти опять!» Сделал бал великолепный князь Ильи, что избавил от смерти опять.

(Вот же всё!)

№ 3

Ехал стар по-за́ городу,
 Ехал стар по-за Киеву,
 Наехал стар на три рóстаньи.
 И на тех рóстаньях лежал камень,
 5 И на том камне подписано и подрезано:
 «По правой дороге — богату быть,
 По другой дороге — женату быть,
 По третьей дороге — убиту быть».
 И вот он сел на этот камешок и призадумался:
 10 «Для чего мне на старость богатство? — Мне не в диковинку!
 А женатому мне быть — не ко младости!
 Поеду я по той дороге — по убитой:
 Нажился я, стар казак, на белóм свету!
 Много от меня, старого, жён вдовеет,
 15 Много от меня малых детей сиротает».
 Поехал стар по той дороге — по убитой.
 Едет стар казак по чистóму полю,
 Наехал стар казак на площадь:
 Дороги наделаны широки —
 20 И поехал он на Святые горы.
 Поехал стар по дороге,
 Наезжает стар казак на богáтыря.¹
 Вскричал он богатырским голосом — не огленулся!
 Пáлицей ударил — не огленулся!
 25 Оглянулся — да в карман запехнул!
 (С конём, со всем.)
 Богáтырь едет дальше.

Конь и прогóворил:¹ «Ну, Егор-Святогор, не могу двух богатырёй везти: есть у тебя богáтырь не хуже тебя!» Тогда он вспомнил, вытащил этого богáтыря из кармана. Он спросил, каких городов, какого племени. И назвались они братьями. «Давай, говорит, поедем к моему папаше в гости!» Приезжают к егову папаше в гости. Служанки на обед приготовили что было. Сели, стали они попивать. А у его отец слепой был. И вот говорит этот сын: «Вот я, папаша, русского богáтыря привёз в гости». — «Ладно, привёз, так угощайте. Каковы у русских богáтырей ручки? Я тебе, грит, пощупаю». А этот Егор предупредил: «Не давай ему руку, — давай палицу!» Он дал ему палицу. Он жал, жал, пережал через и говорит: «Мяконьки русские²

35 руки!»

Ну вот, долго ли, коротко ли сидели. Егор-Святогор говорит: «Ну, Илья, нам некогда сидеть! Последний у нас сегодня, решительный бой: женщина у нас — паленица воюет. Который которого перебьёт — замуж возьмёт». «Так давай, — говорит Илья, — поедем с тобой в чистое поле!»

40 Тридцать лет они бьются с им. Вот они где место попали, где бьются, — она рыщет там, развезжает, шпорами — коня, ох как подвездивает! Вот Егор-Святогор говорит Илье: «Ты поезжай! Если можешь сбить — твоё золотó кольцо!»

Тот, делать нечего, сел на коня и поехал, а этот остался за кустиком. Подвезжает он к ей. Она увидала. «Ох, Егор-Святогор кого послал, комара какого! Я дуну — так костей не найти!»

45 Она дунула — он сидит. Она и плюнула — он всё сидит. «Ах, говорит, вот какой подвезжал!»

Она выхватила саблю да махнула. А Илья на это был увёрточный. Сейчас под коня! Она копьём рассекла, а он копьём под грудь поддел, она и свалилась с коня. Он в это же время на ейного коня соскочил, — конь стал носить по чисту полю. (Он этому коню лёгок показался, вот и носит.) А он дёржитця. Долго ли, коротко ли он таскал — только всё-таки укротáл! Подвезжал он к этому туловищу. Ну, и Егор-Святогор подвезжал: «Раз ты победил, — у ей есть кольцо, перестень³ самоцветный, можешь получить. Из-за этого кольца я тридцать лет бился!»

Вот стал он это кольцо снимать. Она рукой махнула. Он под эту ейную руку попал — и встать не может. Егор видит Святогор, что Илья не может выбиться, он схватил ее за руку и с пальцем это кольцо отóрвал. Илья встал, — он это кольцо ему пёредал.

55 Вот сели на лошадей и поехали дальше по горам. Ехали, близко ли — высоко, низко ли — далёко: два старца гроб делают на горах. Егор-Святогор спросил: «Кому вы этот гроб делаете?» — «А не знаем, кому угодить. Ты хоть ложись, нам всё равно».

Тогда Егор-Святогор говорит: «Я ляжу — так весь гроб раздавлю у вас!» Егор-Святогор с коня слез и лёг в этот гроб. Как он лёг, так сейчас крышка налетела наверх. Ну, ладно. Он ослаб 60 весь в гробу, встать не может.

«Ну, Илья-брат, бей палицей по гробу!» (Эти старцы в это время потерялись; как крышка налетела — а их и нету.) Когда этот Илья палицей ударил, обруч железный налетел. Тогда Егор-Святогор сказал: «Ну, Илья, наверно мне это смерть! Не бей больше». Тогда Егор-Святогор говорит: «Ну, Илья, прямо против лица дырку вырежи: мне дух выпустить. Когда 65 я первый дух выпущу, тот дух смотри не бери! Второй — не бери! Третий — немного хвати!»

Вот он захрапел, спустил воздух, густой пошел (сила, значит, пошла) — он того не смел хватить! Потом второй спустил — он второго-то хватил! Вот в ём сила не может поместиться! Вот он бросился на лес, деревья стал с кореньями рвать. Когда немного⁴ укротил свою силу, тогда он могилу выкопáл и этого Святогора похоронил. Коня в чисто поле отправил евоного, спустил.

70 Поехал к егóму отцу, к слепому старику с известием, что сына его похоронил. Тогда отец сказал: «Ты — злодей, погубил ты у меня сына!»

Поехал он обратно к стольне Киев-граду. Едет он, близко ли — далёко, низко ли — высоко: Киев-город недалекó. Встречается ему староста Микула.⁵ Он спросил его: «Что у нас нонь в городе, никаких новостей?» — «У нас в стольнем городе Киеве всё не по-старому, всё не по-прежнему: 75 населился чудовище великое к князю Владимиру в дом. Князь Владимир прислугой живёт, а княгиня Апраксея у него на коленях сидит. Ко одной выти быка съедает».

Он всё тут расспросил, как что ведётся, поехал дальше. Приезжает он в город. Там на стешушку городовую, где застава стоит, не поехал. А перерядился каликой перехожей, взял клюку и пошел.

80 Вот он приходит 'князю Владимиру на дворец, где этот чудовище живёт. А все придворные знают, что старый идёт, пропуск дают. Заходит он в комнаты. Как раз этот чудовище сидит у его обедает. Князь Владимир тут ему на тарелке поднашивает вроде лакея, а кнегиня Апраксея си-

дит на коленях, а он жрёт. Князь Владимир видит, что стар казак зашел (*добром не видит*), а сам не говорит. Это чудовище сидит и жрёт.

⁸⁵ «А много ли у вас стар⁶ казак съедает нараз⁷ к выти?» Князь отвечает, что он очень мало ест. А он говорит: «Какой же это богатырь? Вот мне бык — на раз!»

А Илья стоит под порогом. А он не знает: калика и калика. Илья и говорит: «У нас ведь была обжористая корова, обожралась и пропала — и так ты пропадёшь!»

Он сейчас в это время спёхнул Апраксею, нож схватил и ножом его свиснул, эту калеку. А ⁹⁰Илья на это был увёрточный. Он схватил шляпу (*на его была в сорок пудов*), швырнул в его — он с простенком и улетел вон, весь там расшибся!

(*Тем и закончилось.*⁸)

№ 4

Вот Илья Муромец заповедь положил: кого наехать, тогó и убить! Наехал Светогора. Разъехал-са, палицей своей ударил Светогора — Светогор не оглядываетци. Другой раз ударил — Светогор не оглядываетци. Третий раз ударил — он огленула: «Фу, русски комары кусают!» Взял его с конём и в карман положил. У его конь подпинаетци. «Ох конь, травеной мешок, подпинайсе! Не ⁵мошь себя нести — не то меня!» — «Я могу себя нести и тебя! А не могу две головы целовеческих нести, третью — лошадину!» Вот он и хватилса (*забыл в кармане!*) вьнял — поехали вместех.

Заехали на гробищо. Работают старцы гробищо. «А кому вы это гробищо работаете?» — «А это тебе!» — «Это мне гробищо не приходится: мáло, я не войду!» — «А ну-ко лёг, отведай». Он и лёг в гробищо, крышка налетела на гробищо, обручи железные...

¹⁰ «Ну, старый козак, бей гробищо!» Старый козак стал бить, а ещё крепче стало. — «Ну, старый козак, из меня пойдёт бела пена — съешь, а черная пена — не ешь: ты человек не из рода!»

А он не может терпеть (*сила-то нать!*), — помакивает пёрстом-то черную пену. Вот его стало рвать: не знать, куды силы девать. У него был лес. Он дерево выдернет из корня — и в Неву мечет. Заметал в Невы устьем, другим прорыло.

(*Ну, больше ничего тут.*)

№ 5

Ехали они тут, Святогор и Илья, куда ли, Бог знает. Едут, едут, глядят — на гроб наехали. Стоит гроб большой, никому не впору. Пустой стоит. Святогор говорит Ильи: «Ну, попробуй, ложись, не на тебя ли рублен?» Илья послушался, лег — ровно малой ребенок в гробу. Не по нем гроб-то строен.

⁵ А Святогор лег — в самой раз ему. Ну, попробовал — вставать хочет. И не выйти ему из гроба-то: крышка нахлопулась. Говорит он Ильи: «Руби, говорит, брат, со всей силы!»

Илья палицу свою поднял, стал по гробу бить. Раз ударит — железной обруч наскочит. Другой раз ударит — другой обруч наскочит. Святогор говорит: «Нет, видать, не выйти мне отсюда. И зачем лез!»

¹⁰ Так там и помер, Святогор-то.

А Илья дальше поехал.

№ 6

- Делали-то¹ гроб да на крутом бережку,
 А не знали, для кого они и старались.
 Подошел к им тут удалой да доброй молодец:
 «Вы чего же это строите и делаете,
⁵ Для кого же это вы да всё стараетесь?»
 А ответили ему да люди добрые:
 «Для тебя мы строим, делаем да домовищицо,
 Вековечно домовищицо да оно вечно!»
 Усмехнулся тогда да доброй молодец:
¹⁰ «Только мне-ка, добру молодцу, обе ноги протянуть² —
 Враз он лопнёт — и всё, и не останется ничего!»
 А повалился доброй молодец легошенько,
 Он сказал им тогда да веселёшенько:
 «Мне не гроб то, не гроб да не гробница здесь!»
¹⁵ Как махнул он ноги резвы да во весь рост тот свой,
 Только нажал ногами — да обруч другой, другой напярнул!
 Тогда вспомнил он слова да людей старых.
 А исче он попыталсе да ростянуться всему —
 Как напярнул на его третий обруч кованой!
²⁰ Больше — всё: у его прошло да всё-то желаньицо.
 Он не стал больше силушку применять туда.
 «А закройте, товарищи, гробовой доской,
 Я дыхну-то на вас да на всех я товарищей —
 Отдаю вам я силушку богатырскую.
²⁵ Мне-ка больше не жить, да мне-ка больше не слыть!..»

Они подошли, а он дыхнул на их, да всё. Вот он и знал, что ему уж не сорвать этих обручей.³ Да сказал еще: «Будьте сильны и могучи!» И больше — все. Он похвалилсе сначала-то: что ему этот гроб!.. А потом, как обруч этот один-от и хотел смахнуть, — и не смахнул, а другой тот наско-
³⁰ чил; а как третий-от наскочил — вот и всё!.. В головушку тогда пала другая мысль, и покорилсе он своему ретиву сердцу, — что так, наверное, быть и так должно получиться: его силушка тут оста-
 нетсе.

№ 7

Илья Муромец-то нагонил его, Златогора-то, а он Илью-то Муромца со всем, с конем и по-
 ложил в корман. Ехал, ехал, да и тяжело стало в кармане-то. Он Илью-то Муромца из кармана
 выпустил, поехали вместе. Ехали, ехали они, по Золотой горе ехали — переехали.

- Один делает гробницу.
⁵ Он говорит: «Что ты здесь делаешь? Кому эта гробница?» —
 «А не знаю, — говорит. — Кому подойдет, тот и будет!»

Вот Илья Муромец повалился в эту гробницу, — велика, не годится!

Этот, Златогор-то, говорит: «Ну кось, я повалюсь».

Повалился, — как раз гробница! Он в гробницу и попал, этот Златогор. Илья Муромец сколачивает доски, а они пуще наколачиваются. Сколачивал, сколачивал, — не может ничего сделать. Вот и говорит Златогору-то: «Не могу я больше ничего сделать!» — «Ну, — говорит, — поезжай обратно! Поезжай к моему отцу и скажи, что Златогор погиб на Златой горе. Но только — поезжай. Тебя будет запускать на фатеру отец, — ты мимо поезжай: он — теби!..»

Вот он так и сделал.

15 «Только, — говорит, обратно поедешь, — на фатеру зайди. Только он с тобой будет здороваться, — ты ему руки не подавай, а подай ему палицу!»

Он так и сделал: дал ему палицу в руки, этому отцу Златогора. Он и перерезал в руке эту палицу. Вот какой был!

Они побеседовали. Потом Илья Муромец уехал, а Златогор погиб на Золотой горе.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ (№ 8—20)

№ 8

А во славном было городе во Киеви
 А тут жил ведь, был Микита князь Романович.
 Он не старылса Микитушка — преставилса.
 Оставалось у ёго да дитя милоё,
 5 Ёго милоё чадышко любимое,
 Ёго молоды Добрынюшка сын Микитич млад.
 Много-мало тому времени минуицэ —
 Он задумал ведь ехать во чисто полё,
 Он на тихия вёшныя на заводи —
 10 Он стрелять где гусей да белых лебедей,
 Перепёрыстых серых малых уточок.
 Он и стал просить у маменьки благословленьиця,
 Он и падал своей маменьки в резвы ноги:
 «Уж ты дай мне-ка, мать, благословленьице
 15 Мне-ка съездить, добру молочьчю, во чисто полё
 А на тихи мне на вёшныя на заводи —
 Пострелеть мне гусей, ведь белых лебедей,
 Перепёрыстых серых малых уточок».
 А даёт ёму маменька благословлен[ь]ице,
 20 А даёт ёму родима, наговариват:
 «А поедёшь, моё дитятко, в чисто полё,
 А приедёшь на тихи вёшны заводи —
 Настреляшь ты гусей, ведь белых лебедей,
 Перепёрыстых серых малых уточок.

- 25 А пригрет ты, прижарыт красно солнышко,
 Навалицьсэ на ты лень-тягость великая —
 Ты поедёшь купацьсе ко синю морю.
 Не купайсе, моё дитятко, на синём мори,
 На синём-то мори ты на первой струи:
- 30 А перва-та струя быстра-относлива —
 Отнесёт молочьця ты на втору струю;
 А втора-та струя быстре-относливе —
 Отнесёт молоцьця ты на третью струю;
 А третья-та струя быстра-относлива —
- 35 Отнесёт молоцьця ты на синё морё,
 Понесёт ведь молоцьця ты по синю морю,
 Понесёт тибя под горы белокамянны.
 Увидат с гор Змеищо превеликоё,
 Превеликоё Змеищо троёглавоё,
- 40 Троёглавоё Змеищо троёхоботно —
 А налётит молочьця ты на синём мори,
 Укоротать у тибя она веку долгого,
 А лишит молочьця ты свету белого!»
 А поехал тут Добрынюшка во чисто полё.
- 45 Он приехал на тихи вёшны заводи,
 Он ведь стал где стрелеть гусей, белых лебедей.
 Настрелял он гусей, белых лебёдушек,
 Перепёрыстых малых серых уток.
 А пригрело, тут прыжарыло красно солнышко,
- 50 Навалилась на ёго лень-тягость великая —
 А поехал Добрыня ко синю морю.
 Он приехал, Добрыня, ко синю морю,
 Роздевал он с сибя ведь платёе цветноё;
 Он ведь стал тут купацьсе на синём мори,
- 55 На синём мори купацьсе стал на первой струи.
 А перва-та струя быстра-относлива —
 Отнёсла тут Добрыню на втору струю.
 А втора-та струя быстре-относливе —
 Отнёсла тут Добрынюшку на третью струю.
- 60 А третья-та струя быстра-относлива —
 Отнёсла молочьця тут на синё морё.
 Понёсло¹ молочьця ты по синю морю.
 Увидала с гор Змеищо превеликоё,
 Привеликоё Змеищо троёглавоё, —
- 65 Налетела Добрынюшку на синём мори,
 А сама говорила таково слово:
 «Уж ты ой еси, Добрынюшка сын Микитич млад!

- А святы оцци писали-те — прописалисе;
 А сказали: „От Добрынюшки Змеи смерть прыдѣт”, —
- 70 А тепере от Змеи Добрыни смерть прышла!»
 Говорил тут Добрынюшка таково слово:
 «Уж ты ой еси, Змеищо превеликоѣ,
 Превеликоѣ Змеищо троѣглавоѣ!
 Уж ты дай мне-ка строку на три годика!..»
- 75 Не даѣт Змеищо строку на три годика.
 А просил Добрыня строку на три месеця:
 «Уж ты дай мне, Змеищо, — на три месеця!..»
 Не даѣт ёму Змеищо на три месеця.
 А просил Добрыня строку на три неделицьки:
- 80 «Хошь ты дай мне, Змеищо, на три неделицьки!..»
 Не даѣт ёму Змея на три неделицьки.
 Тут просил у ей Добрынюшка на три денецька —
 Не даѣт ёму Змеищо на три деницька.
 А просил у ей Добрыня на три цясика:
- 85 «Хошь ты дай мне, Змеищо, на три цясика —
 А мне-ка выплыть, добру молоцьцю, на крут бережок,
 А дотти хошь мне до платьця до цветного!»
 А дала ёму Змеищо на три цясика.
 А тут поплыл Добрыня на крут бережок,
- 90 Выходил тут Добрыня на крут бережок,
 Да пошел он ко платью всѣ ко цветному.
 Не дошел он до плать[и]ця до чветного —
 Увидал он сибѣ в ношу сер-горюч камень.
 Он хватал где-ка етот сер-горюч камень,
- 95 Он мѣтал ёго в Змеища троѣглавого —
 Он отшиб у Змеища все три головы,
 Он три головы отшиб у ей, три хобота.
 Он и сам говорил да таково слово:
 «А святы оцци писали-те — не прописалисе:
- 100 А сказали: „От Добрыни Змеи смерть прыдѣт”, —
 А тепере ну от Добрынюшки Змеи смерть прышла!»
 А ведь тут где Змеищу и славы поют,
 А славы-ти поют да старину скажут.

№ 8а

$\text{♩} = 88$

Ай во столь_нём бы - ло во го - ро_де во Ки - е - ве

был Ми_

Ту_т(ы) жи_л(ы)-бы_л(ы) Ми_ки - та князь Ро - ма - но - вичь.

тут Ми_ки - туш_

Ту_т(ы) жи_л(ы)-бы_л(ы) Ми_ки - туш_ка - не ста - рил_са,

[да] Ме_ки - туш_

Он не ста_рылся Ме_ки - туш_ка - пре - ста - вил_са.

1 2

О_ста - ва_лось у ё - го то ли_тя ми - ло - ё...

* Записано точно.

** „Соль“ во всех аналогичных местах простое.

1-2 В расшифровке И.С.Тезавровского паузы пропущены.

№ 9

- Да было во городи в Романови —
 Ище был-жил Микита-то¹ Романовиць.
 А состарылса Микита — да и преставилса.
 Как осталась у Микиты дак любима семья,
⁵ Любима-та семья — да молода жона,
 Как осталось у Микиты да цядо милоё,
 Ище милоё цядышко любимое,
 Молодой ле тут Добрынюшка Микитиц млад.
 Ище стал ле тут Добрынюшка на возрасти,
¹⁰ Быдъто младой есён сокол на возлети.
 Он и просит у матушки благословеньця:
 «Благослови-тко меня, мамушка родимая,
 Мне-ка съездить, Добрынюшки, во цисто полё —
 Посмотреть мне, Добрынюшки, людей добрые,
¹⁵ Показать мне, Добрынюшку, самому себя!»
 Как дават ле ему да благословеньцо:
 «Ты поедёшь, моё дитятко, во цисто полё
 Ты ко синёму морю да ко студёному,
 К самофирию, белу каменю, ко Латырю.
²⁰ Как захоцицьсе, дитятко, купатисе —
 Ты купайсе, Добрынюшка, на первой струи,
 Уж ты плавай, Добрынюшка, на второй струи,
 Ты не плавай, моё дитятко, на третью струю:
 Как третья-та струя да тут отностива».
- ²⁵ А пошол ле Добрынюшка на конюшин двор;
 Выбирал тут Добрынюшка коня доброго;
 Он седлал ле, уздал да скоро-наскоро,
 Он двеннаццэтъ подпружинок подстегивал,
 Он триннаццэтую через хребётну сте⟨п⟩ь,²
³⁰ Он не ради басы — да ради крепости.
 Только видели: Добрынюшка в стремяна ступил,
 А не видели поездки да богатырьскойей.
 Как приехал Добрынюшка во цисто полё
 Как ко синёму морю да ко студёному,
³⁵ К самофирия,³ белу каменю, ко Латырю.
 Он ведь ставил коня да ко сыру дубу.
 Скиновал он своё платьё да богатырьскоё,
 Ище клал тут он платьицо под сырой дуб,
 Оставляя на буйной главы пухов колпак.
⁴⁰ Ище плавал Добрынюшка на первой струи,
 А плавал Добрынюшка на второй струи.

- Боготырсько-то³ серьцѣ заплывьциво:
 Выплывал тут Добрынюшка на третью струю.
 Как третья-та струя была относлива:⁴
- ⁴⁵ Отнёсло тут Добрынюшку на синё морѣ
 Как под горы-пешшоры да к Змею лютому.
 А не темная туця да накатиласе,
 Как не оболоко да навалилосе —
 Налетело Змеицо да зло Горыницо.
- ⁵⁰ Ище сам он говорит да таковы слова:
 «Как святы оцци писали, да прописалисе:
 Как сказали: „От Добрынюш[к]и Змее смерть прыдѣт”,
 А тепереце Добрынюшки смерть случайцьсе!»
 Говорыл ле тут Добрынюшка таковы слова:
- ⁵⁵ «Уж ты ой еси, Змеицо да зло Горыницо!
 А над нагим ругацьсе — да що над мёртвым же:
 Ище дай-ко мне выплыть да на крут бережок,
 Ище дайте мне, Добрынюшки, поправицьсе!»
 Выплывал тут Добрынюшка на крут бережок,
- ⁶⁰ Зацерпал тут пухов колпак полон пяску,
 Ище шиб он Змеица по хоботам —
 Он отшиб у люта Змея три хобота,
 Ище пало Змеицо да на сыру землю.
 Как садилсэ Добрынюшка на люта Змея,
- ⁶⁵ Он ведь хоцѣт пороть да груди черныя,
 Он ведь хоцѣт вымать до ретиво серьцѣ.
 Говорит тут Змеицо да таковы слова:
 «Не пори-тко мои да груди черныя,
 Не вымай-ко моѣ да ретиво серьцѣ.
- ⁷⁰ Подарю тебе подароцьки великия:
 Подарю тебе рубашуку полотняну —
 Ище ввек та рубашка да не износицьсе;
 Подарю тебе сапожки сафьяныя —
 Ище ввек сапоги эти не истопцюцьсе;
- ⁷⁵ Подарю я тебе да тут добра коня;
 Подарю я ле тебе да красну девицю,
 Ище князю Владимиру племянницю!»
 Роспорол тут Добрынюшка груди черныя,
 Как вымал тут Добрынюшка ретиво серьцѣ.
- ⁸⁰ Он розрезал ведь тулово Змеиноѣ
 Как во те же цереньѣ да во ножёвоѣ —
 Розмѣтал он по далецю цисту полю.
 Ище взял тут Добрынюшка добра коня,
 Ище брал тут Добрыня да красную девицю.

85 Они сели на добра тут коня, поехали
 Ко своей ле он матушки родимой.
 Ище были тут радости великия!

№ 10

А ишше прежде Резань да слободой слыла,
 А да и ноньче Резань да словоет городом.
 А да во той во Резане да было славном городе
 А да был-жил Микитушка — состарылса,
 5 Да состарилса Микитушка — представилса.
 А-й оставалась у Микиты да любима семья,
 А-й любимая семья его, молода жена,
 А да на имё Омельфа да Тимофеевна.
 А да ишше ле оставалось да чадо милоё,
 10 А-й да и милоё чадышко любимое,
 А да на имя Добрынюшка Микитич млад.
 А да ходил-де Добрынюшка на красно крыльцо
 И да смотрел-де Добрынюшка да во чисто полё —
 А да здумал он ехать да во чисто полё.
 15 А да пошол-де Добрынюшка во светлу gryдню
 А ко своей он маменьки родимой:
 «А уж ты ой еси, маменька родимая!
 А уж дай ты мне благословеньцо великоё
 А со буйной головы да до резвых ног;
 20 А да и здумал я ехать во чисто полё —
 А посмотреть мне людей да ноньче добрых,
 А показать мне, Добрынюшки, самому sibя». —
 «А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад!
 А поежай-ко, Добрынюшка, куда хочицэ,
 25 А куда хочицэ, Добрынюшки, куда надобно.
 А да приедешь, Добрынюшка, к синю морю,
 А да и здумашь, Добрынюшка, купатисе —
 Э там одна струя тиха, заманьчивая,
 А да вторая струя быстра и относливая —
 30 А отнесёт тебя, Добрынюшку, на синё морё».
 А пошол-де Добрынюшка на конюшин двор,
 Э выводил коня да себе доброго,
 А-й седлал-де, уздал да скоро-наскоро,
 А-й скоро-наскоро уздал да крепко-накрепко:
 35 А-й двенаццати подпрыжичок¹ он шолковых,
 А-й да тринаццату подпругу через хребётную кость;

- А-й да седлал-де, уздал да приговаривал:
 «А-й да не ради он басы — дак ради крепости,
 Да и ради окрепы да богатырское —
- 40 А не оставил бы меня конь да на чистом поле,
 А-й на чистом-де поле да на сырой земле
 Да серым-де волкам да на ростарзанье,
 Роспроклятыем вороньям да на поруганье!»
 А-й да садилса тут Добрынюшка на добра коня.
- 45 А-й молода жена ноги в стремяна кладет,
 А-й да кладет она — да слезно плачицсэ.
 А-й говорыл-де Добрынюшка таково слово:
 «А уж ты ой еси, моя да молода жена,
 А да по имени Апраксея-королевисьня!
- 50 А уж ты жди меня домой дак ровно восемь лет,
 А ише жди меня домой дак ровно в десеть лет,
 А ише жди меня домой ровно в двенаццать лет.
 А да как выступит на лето как на тринаццато —
 А ты домой меня не жди, ты тогда живым не ч(и)тí,
- 55 А хошь замуж ты поди, а хошь вдовой сиди;
 Хошь за князя ты поди да за боярына,
 А хошь за купца ты поди да за богато,во,
 А хошь за кресьянина поди да за прожиточново,
 Хошь за сильнево-могучево богатыря;
- 60 А не ходи ты за Олешеньку Поповича:
 А не люблю я ведь роду всё поповского,
 А да Олешенька Поповиц да мне крестовой брат!..»
 Ишше видели поезку да богатырскою
 Да увидели: во поле да курева стоит,
- 65 Курева-де стоит, да дым столбом валит —
 Да уехал-де Добрынюш[к]а во чисто полё.
 А доехал-де Добрынюшка до синя моря,
 А да и здумал-де Добрынюшка купатисе.
 А да соскочил-де Добрынюшка со добра коня,
- 70 А да роздел-де Добрынюшка платьё цветноё,
 А привязал-де Добрынюшка к стремянам коню,
 А говорыл-де Добрынюшка такуво слово:
 «А уж ты ой еси, конь мой, лошадь добрая!
 А да бежи-тко ты, конь, да во чисто полё,
- 75 А да и еш траву да ноньче шелковую,
 А да пей-ко воду всё ключёвою».
 А да пошол-де Добрынюшка к синю морю,
 А да и поплыл Добрынюшка на синё морё.
 А да и перва-та струя была заманьчивая —

- 80 А заманила тут Добрынюшку на синё морё.
 А-й втора-де струя быстра была относливая —
 А отнёсла-де Добрынюшку на синё морё,
 А заносила тут Добрынюшку по морским волнам.
 А надлетела тут Змея да востролютая,
- 85 И говорила тут Змея да таково слово:
 «А да сказали, мне от Добрынюшки смерть придет —
 А тепере я с Добрынюш[к]ой, што хочу, сделаю:
 А-й да хочу — Добрынюшку живком зглону;
 А я хочу-де — Добрынюшку нонь зараз убью!»
- 90 А проговорил-де Добрыня да таково слово:
 «А уж ты ой еси, Змея да востролютая!
 А да не честь тебе будёт да не похвала нонь:
 А на синём-де мори ты меня живком зглонешь,
 А на синём-де мори меня до смерти убьёшь, —
- 95 А да вынеси меня да на сыру землю!
 А да тепере, ведь видишь, и наг плову,
 Да и нету у меня да коня доброго,
 Да и нету у меня да сабли вострой;
 А тогда, што хочешь, Змея, со мной ты делаешь».
- 100 А подлетела Змея ноньче к Добрынюшки,
 А схватила-де Добрынюшку в востры когти,
 А понёсла-де Добрынюшку на сыру землю,
 А да и вынёсла Добрынюшку на сыру землю —
 А да и бросила Добрыню да на сыру землю.
- 105 А розлетелась-де Змея да востролютая
 А да хотела-де Добрынюшку ударити,
 ⟨О⟩на махнула крыло да своё правоё —
 Да на то Добрынюшка успешен был:
 А да схватил-де Змею да за право крыло,
- 110 А да ударил-де Змею да о сыру землю.
 А зговорила Змея да востролютая:
 «А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
 А не убивай меня, Добрынюшка, до смерти нонь!»
 А говорыл-де Добрыня да таково слово:
- 115 «А ты скажи мне, Змея да востролютая,
 И да скажи мне, Змея, да всю ведь правду нонь:
 А да где у тя стоит жива вода, мертвая?
 А-й где у тя стоит ковёр самолётные?
 А ишша как же ковру да приговаривати?» —
- 120 «А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
 А вон, видишь ты, дом мой белокамянной?
 А как зайдёшь на крылецошко на правоё —

- А да на правой стороны да стоит горенка,
 А да во той же во горёнки ковёр весит,
 125 Да во той же во горёнки вода жива, мертвая;
 А да садись ты, Добрынюшка, на самолет-ковёр,
 А подними ты угол ноньче всточние:
 „А подымайсе, ковёр, выше лесу темново,
 А выше лесу нонь темного, ниже облака нонь ходечего,
 130 А опустишь ты, ковёр, куда мне надобно!“»
 А замахнулса Добрынюш[к]а покрепче нонь,
 А ударил-де Змею да во сыру землю —
 Да и столько тут Змея да и пышала нонь.
 Да пошол-де Добрыня да во полаты к ней,
 135 А да зашол-де Добрынюшка на право крыльцо,
 А да зашол-де Добрыня да во праву горьницу —
 А да увидел тут Добрыня да самолет-ковёр,
 А да увидел тут Добрынюшка воду живу, мертвую.
 А да взял-де Добрынюшка с собой нонь все,
 140 А выходил-де Добрынюшка на белой нонь свет,
 А становилсэ Добрынюшка на самолет-ковёр,²
 А подымал он угол да ноньче всточные,
 А говорыл-де Добрынюшка таково слово:
 «А уж ты ой еси, ковёр да самолетные!
 145 А подымайсе выше лесу да ноньче темново,
 А-й выше темново лесу да всё стоячево,
 А-й ниже облака нонече ходечево,
 А-й опустишь ты ведь, ковёр, да ко добру коню!»
 А-й да поднялса ковёр да полетел ведь нонь.
 150 А-й перенесса Добрынюшка цере⟨з⟩ синё морё,
 А-й да завидял Добрынюшка добра коня,
 А-й да закрычал-де Добрынюшка громким голосом:
 «А-й уж ты ой еси, конь — дак лошадь добрая!
 А-й ты неси-тко скоре мне платьё³ цветноё».
 155 А-й опустилса ковёр дак на сыру землю,
 А-й на сыру-де землю да ко добру коню.
 А одевалса Добрынюшка в платьё цветноё,
 А поежжал-де Добрынюшка во чисто полё.
 А да минулось тому времечьки ноньче восемь лет,
 160 А да минулось тому времечьки ведь десеть лет,
 А да минулось тому времечьки двенаццэт лет,
 А да и выступило на лето да на тринаццато.
 А выходила-де Омельфа да Тимофеевна,
 А выходила Омельфа да на красно крыльцё,
 165 А да смотрела-де она да во чисто полё —

- А и нету Добрынюшки из чиста поля!
 А да видела Омельфа да во чистом поле:
 А што не пыль-то в поле да роспылаицса,
 А не туман с синя моря да поднимаицсэ —
 170 А там сильней богатырь да потешаицсэ,
 А да и путь свое держит да на Светую Русь,
 А да копё своё клонит да на Резань-город.
 А да приехал тут удалый да добрый молодец —
 А да стары-де казак да Илья Муромец.
 175 А говорила тут Омельфа да таково слово:
 «А уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
 А не видал-ле Добрынюшки там Микитица?»
 А отвечал-де стары казак Илья Муромець:
 «А да и видел я Добрынюшку вчерашной день:
 180 А да лежит твой Добрынюшка на сырой земли,
 А да и ротом у Добрынюшки вода бежит,
 А на глазах у Добрынюшки цветы цветут». ⁴
 А да пошла-де Омельфа да во светлу грэдняю
 А к молодой-де Апраксеи-королевисьни,
 185 А говорила она ей да таково слово:
 «А уж ты ой еси, Апраксия-королевисьня!
 А да приехал тут удалой да доброй молодец —
 Да стары-де казак да Илья Муромец,
 Да принёс нам он весточку нерадочную,
 190 А да нерадочну весточку, невесёлую:
 А да нету тут Добрынюшки живого нонь,
 А да лёжит-то Добрынюшка на сырой земли,
 Да и ротом у Добрынюшки вода бежит,
 А-й на глазах у Добрынюшки цветы цветут».
 195 Да уехал тут стары казак да Илья Муромец,
 Да уехал-де казак да в стольне Киев-град.
 А да прошла тут весточка по всем странам,
 А-й да по всем-де странам, по разным городам,
 А да узнал тут Олешенька Попович млад.
 200 А да садилсэ Олешенька на добра коня,
 А да поехал тут Олешенька в стольне Киев-град
 А ко тому же ко князю да стольне-киевскому:
 «А уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
 Ах, не изволь меня за слово скоро сказнить,
 205 И да скоро меня сказнить, да круто вешати!
 А-й не сади меня в погребы глубокие —
 Да позволь мне, Владимир, да слово молвити!»
 А-й говорыл-де Владимир да таково слово:

- «А уж ты ой еси, Олешенька Попович млад!
- 210 А-й говори-тко, Олеша, да что те надобно,
 А што те надобно, Олешенька, чево хочицсэ?» —
 «А уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
 А у нас все нонче во городе поженены,
 Да все красныя девушки замууж выданы,
- 215 А да один я, удалой да доброй молодец,
 А да холост я живу да неженат слыву —
 А да позволь мне, Владимёр-князь, женитисе!
 А да и знаю я сибе да богосужону,
 А богосужону сибе, да причесну вдову,
- 220 А да по имени Апраксию-королевисьню;
 А да не стало ноне Добрынюшки в живых ведь нонь».
 А да ставал-де Владимир да на резвы ноги,
 А да кричал Владимир да громким голосом:
 «А уж вы ой еси, слуги да мои верные!
- 225 А да ведите скоре да коня добраго!»
 А да поехал тут Владимёр да во Резань-город
 А да со тем же с Олешенькой Поповичом.
 А да приехали они да во Резань-город
 А да ко той же Омельфы да Тимофеевны,
- 230 И заходили тут они во светлу грэдьню.
 А-й говорыл-де Владимир да таково слово:
 «А уж ты здрастуешь, Омельфа да Тимофеевна!
 А я привёз к тебе весточку весёлую,
 А да весёлую весточку харошую:
- 235 А ты отдай-де Апраксию в замужество
 А за того же за Олешеньку Поповича!»
 А да ставала тут Омельфа да на резвы ноги,
 А говорила-де Омельфа таково слово:
 «А уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
- 240 А ты иди-тко, Владимир, да во светлу грэдьню
 А ко самой-де Опраксеи-королевисьни».
 А да пошол-де Владимир да во светлу грэдьню
 А ко самой-де Опраксии-королевисьни:
 «А уж ты здрастуешь, Апраксея⁵-королевисьна!
- 245 А я привёз тебе весточку весёлую,
 А да весёлую весточку хорошую:
 А ты не йдешь ле, Апраксия, в замужество
 А за того же Олешеньку за Поповича?»
 А отвечала тут Апраксея⁵ таково слово:
- 250 «А уж ты ой еси, Владимёр, князь стольне-киевской!
 А када поеждал тут Добрынюшка во чисто полё,

- Говорыл мне Добрынюшка таково слово:
 «А када здумашь итти да во замужество,
 А не ходи ты за Олёшеньку Поповича!»
- 255 А да Олёшенька Попович ему крестовой брат;
 А дак не йду я за Олёшеньку в замужество!»
 А говорил-де Владимир да таково слово:
 «А уж ты ой еси, Апраксия⁵-королевисьня!
 А ты добром ноне не йдешь, дак возьмем нечесью:
- 260 А умывайсе поди да побелёшенько,
 А одевайсе нонь ты да поскорешенько!...»
 А да взяли тут Апраксию ведь за руки,
 А повели-де Апраксию на широкой двор,
 А посадили-де Апраксию на добра коня,
- 265 А повезли-де Апраксию в стольне Киев-град,
 А-й увезли⁶-де Апраксию в стольне Киев-град.
 А-й да севодни у их будет да рукобитьица,
 А да и завтро-то будет да зарученьица,
 А запозавтрея будет у их почесьен пир.
- 270 А выходила-де Омельфа да на красно крыльцо,
 А-й да смотрела тут она да во чисто полё —
 А да завидела там удала да добра молоуца:
 А да ездит молодец да по чисту полю,
 А да и путь он свой держит да во Светую Русь,
- 275 А-й да копьё своё клонит да на Резань-город.
 А да приехал тут удалый да добрый молодец,
 А что по имени Добрынюшка Микитиц млад, —
 А да стречат его маменька родимая.
 А соскочил-де Добрынюш[к]а со добра коня:
- 280 «А уж ты здрастуешь, маменька родимая!
 А да што ноне у вас да не по-стараму,
 А не по-старому у вас да не по-прежнему?
 А да где же моя да молода жена,
 А да где же она — да не стречат меня?..»
- 285 А говорила тут Омельфа да Тимофеевна,
 А говорила-де она да таково слово:
 «А да пойдём-ко, Добрынюшка, в светлу грэдьню;
 А роскажу тебе, Добрынюшка, подробно все».
 А да зашли тут они да во светлу грэдьню,
- 290 А-й говорила-де Омельфа да таково слово:
 «А-й уж ты ой еси, моё да ча ... чадо милоё!
 А-й да приехал тут удалый да добрый молодец —
 А да стары-де казак да Илья Муромец,
 А да приехал тут казак да из чиста поля —

- 295 А да розвѣз ту весточку нерадочну,
 А да нерадочную весточку, невесѣлую —
 А что и будто бы Добрынюшки живого нет:
 А-й да и видял он тибя да на сырой земли,
 А что и ротом у тибя да тут вода текла,
- 300 А-й на глазах у Добрынюш[к]и цветы цвели...
 А-й да узнал тут Олѣшенька Поповиц млад;
 А-й да приехали з Владимиром, князём стольне-киевским,
 А-й увезли-де Опраксию в стольне Киев-град —
 А за того же Олѣшеньку в замужество.
- 305 А што и третьего дня было рукобитыицо,
 Да вчерашной-от день — дак богомольицо,
 А-й да севоднешной день — дак у их свадебка!..»
 А-й заходил-де Добрынюшка по светлой грѣднии;
 А замахали у Добрынюшки руки белые,
- 310 А засвистали у его дак очи ясные;
 А-й говорыл-де Добрыня да таково слово:
 «А уж ты ой еси, маменька родимая!
 А да поди-тко скорѣ да в мой крепкой чулан,
 А да неси ты ведь мне платьѣ калицкоѣ,
- 315 А да неси скорѣ да звончѣты гусли —
 А да поеду я к Олѣшеньки на свадебку». —
 «А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
 А да Владимир-от да стоит у его тысицким,
 А да стары-де казак — дак бѣльшой дружкойю,
- 320 А все богатыре сильные — подносчики:
 А не бывать тебе, Добрынюшку, живому назад». —
 А говорыл-де Добрыня да во второй након:
 «А ты неси мне скорѣ платьѣ калицкоѣ,
 А-й ты неси мне скорѣ да звончѣты гусли».
- 325 А да принесла ему маменька платьѣ калицкоѣ,
 А принесла-де ишше да звончѣты гусли.
 Да оделсѣ Добрыня да в платьѣ калицкоѣ,
 И да взял он с собой да звончѣты гусли,
 А-й побежал-де скорѣ да на широкой двор,
- 330 А-й да садилсѣ поскорѣ да на добра коня —
 А-й поскакал-де Добрынюшка в стольне Киев-град.
 А-й не путѣм он нонь ехал, да не дорогою —
 А-й да скакал он за заставы городовые,
 А да скакал он за башны да карабельные,
- 335 А да приехал тут Добрынюшка в стольне Киев-град,
 А да спустил-де коня да во чисто полѣ.
 А да пошол-де Добрыня да на широкой двор —

- А у ворот-то стоят слуги-приворотницъки,
 А не пускают калику да на широкой двор.
 340 А вынимал-де калика да золоту грьдню,
 А подавал-де строгим нынче прыворотничкам —
 А пропустили тут калику да на широкой двор.
 А да зашол-де калика да на белы сени —
 А у дверей-то стоят строги придвернички,
 345 А-й не пропустят калику да во светлу грьдню.
 А-й вынимал-де калика да золоту грьдню,
 А-й да давал-де строгим нынче прывдверничкам —
 А запустили калику да в светлу грьдню.
 А-й да зашол-де калика да в светлу грьдню —
 350 А да крест-от кладёт да по-писаному,
 А-й да поклон-от ведёт да по-ученому,
 А-й на все стороны четыре да поклоняицсэ:
 «А уж ты здрастуешь, Владимир, князь стольне-киевской,
 Да стары-де казак да Илья Муромец,
 355 А да Олешенька Поповиц да с молодой женой!»
 А говорил-де Владимир да князь стольне-киевской:
 «А проходи-ко, калика да перехожая,
 А перехожая калика да переброжая!
 А уж вы ой еси, стольнички-подносчицки!
 360 А-й наливайте вы чару да зелена вина,
 А-й да не малую, не велику — да полтора ведра,
 А-й подавайте калики да перехожой!»
 А-й да на то были подносчики не ослушливы:
 А-й наливали тут чару да зелена вина,
 365 А-й да не малу, не велику — да полтора ведра,
 А-й подавали тут калики да перехожой.
 А-й принимал-де калика да единой рукой,
 А-й выпивал-де калика да к единому духу:
 «А-й благодарствуйте, Владимир, князь стольне-киевской,
 370 А-й да стары-де казак да Илье Муромец,
 А-й да Олешенька Поповиц да с молодой женой!»
 А-й говорил-де калика да таково слово:
 «А-й уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
 А-й да позволь мне сыграть да в звоньчеты гусли».
 375 А отвечал Владимир, князь стольне-киевской:
 «А да играй-ко, калика, да што те надобно,
 А-й што те надобно, калика, да чиво хочыцсэ».
 А-й заиграл-де калика да в звоньчеты гусли —
 А да Владимир-от князь да призадумалсэ,
 380 А да стары-де казак да призагорюнилсэ,

- А да Олешенька Попович да прирозсмехнулсэ,
 А да кнегиня Апраксия запечалилась.
 А-й говорил-де Владимир да таково слово:
 «А-й да негде я игроков таких не слыхивал
 385 А-й после молода Добрынюшки Микитича!
 А-й уж⁷ вы ой еси, стольнички-подносчички!
 А-й наливайте вы чару да во второй након,
 А-й подавайте калики да перехожой!»
 А принимал-де калика да единой рукой,
 390 А-й выпивал-де калика да к единому духу.
 А-й заиграл-де калика да во вторую игру —
 А да Владимир-от князь да прироздумалсэ,
 А да стары-де казак да запечалилсэ,
 А да Олешенька Попович загорюнилсэ,
 395 А да Опраксея-королевисьня здогадаласе.
 А-й говорил-де Владимир да таково слово:
 «А уж вы ой еси, стольнички-подносчички!
 А-й наливайте вы чару да во третьей након,
 А-й подавайте⁸ калики да перехожой!»
 400 А да на то были подносчички не ослушливы:
 А-й наливали тут чару да зелена вина,
 А-й подавали⁸ тут калики да перехожой.
 А-й принимал-де калика да единой рукой,
 А-й говорил-де калика да таково слово:
 405 «А уж ты здрастуешь, Владимир, князь стольне-киевской,
 А-й да стары-де казак да Илья Муромец,
 А-й да Олешенька Попович да с молодой женой!
 А-й уж первую пил я чару нонь для здоровьица,
 А-й да вторую чару пил да для похмельица,
 410 А-й да и третью чару выпьем — да для безумьица!»
 А-й да выпил он чару да на единой дух,
 А заиграл-де калика да в звончатые гусли —
 А-й да Владимир-от князь прироссмехнулсэ,
 А да стары-де казак да потупя глаза,
 415 А-й да Олешенька Попович восё запечалилсэ,
 А-й да Апраксея-кнегиня да з[до]годаласе,
 А-й из-за дубова стола да выдвигаласе,
 А-й и к печки-муравленки приближаласе,
 А-й да брала-де калику да за белые руки,
 420 Целовала⁹-де калику в уста сахарные,
 А-й говорила-де она да таково слово:
 «А-й ты здрастуешь, Добрынюшка Микитич млад!»
 А-й говорил-де Добрыня да таково слово:

- «А уж ты здрастуешь, Апраксея⁵-королевисьня!»
- 425 А дак брал тут же Добрыня да за белы руки,
А-й да повёл-де Добрынюшка из светлой грядни,
А-й говорил-де Добрынюшка таково слово:
«А-й ты здрастуешь, Олешенька Попович млад!
А-й ты здорово, друг, женилсэ, — да тебе не с кем спать!»
- 430 А-й выводил-де Добрыня да на широкой двор.
А-й да хватал-де Олеша да саблю острую
А-й да бежать тут хотел да назади всугон¹⁰ —
А-й не спустил его старый казак Илья Муромец.
А да урвалса Олешенька потихохонько,
- 435 А да нагнал-де Добрыню у крутой горы,
А-й замахнулсэ на Добрыню да саблей острую —
А-й да на то был Добрынюш[к]а ухватчивой:
А-й отмахнул у его сабельку налево нонь,
А-й да схватил-де Олешу да за русы власы,
- 440 А-й да бросил-де Олешу да на круты горы.
А-й да пошол-де Добрынюшка во чисто полё,
А-й да и кликнул Добрыня да коня доброго —
А-й прибежал тут к Добры[н]юшки конь — лошадь добрая,
Да поехали они да во Резань-город
- 445 А-й ко своей они маменьки родимой.

№ 10а

♩=112-132

А иш-ше пре-жде ле Ре - за-н(и) да-к(ы) сло - бо - до - й(и) слы-ла,
Дв и но-ля-че Ре - за-к(и) да с(ы)ло - вёт го - ро - дом.
Ай да во то-й(и)во Ре - за - не бы-ло слав-ном го - ро - ди

Да и жи-л(ы)та-м(а) Ме-ки-ту-щ(и)-ка - со-ста-ри-л(ы)сы,
Ая да со-ста-рил-са Ме-ки-туш-ка - при-ста-ви-л(ы)-сы.

№ 11

- Поежжаёт Добрынюшка во чисто полё,
 Поежжаёт — молодой ведь жоны наказыват,
 Вдвоё, втроё ле он маменьки наговарыват:
 «Уж ты ой еси, Омельфа да Тимофеевна!
 5 Как пройдёт ле тому времецьку перва шесть лет,
 Да пройдёт ле тому времени втора шесть лет,
 Да минуицэ времецьку двенаццэтъ лет,
 Как тринаццатое да летицько те[ё]плоё —
 После эфтого бываньица хошь вдовой сиди,
 10 Хошь вдовой ты сиди, хошь взамуж поди;
 Хошь за князя поди, хошь за боярина,
 За детинушку поди да туроватина —
 Не ходи-ко за Олешеньку Поповиця:
 Мне Олешенька Поповиць же крестовой брат!»
 15 Как поехал Добрынюшка во чисто полё
 Он ведь бить-то Змею да злу пешшорскую.
 Назлетела Змея ёго на синём мори,
 Ишше хочот Добрыню побить же на синём мори.
 Говорыл тут Добрынюшка таковы реци:
 20 «Уж ты ой еси, Змея да зла пешшорская!
 Уж ты хошь же побить меня на синём мори,
 И ты побьёшь же меня дак на синём мори —
 Да не будёт твоя цесть-хвала молодецкая!
 Ты побьёшь же миня дак на плотной земли —
 25 Ишше будёт твоя цесть-хвала молодецкая!»
 Назлетела Змея ёго во второй након.
 Назлетела Змея ёго во третьей након —
 Как сидит-то Добрынюшка на плотной земли,
 На плотной же земли — да на крутом бережку,
 30 На крутом бережку, на сером камешку.
 Ише хватил-то Добрынюш[к]а сер-горюць камень,
 Да бросал он ею да в буйны головы —

- Да злетело у Змеи да ровно восемь голов,
 И сделалосе с голов дрогоченно каменё,
 35 Ишше стала Змея покорна и послóбная:¹
 «Ты пойдём-ко-се, Добрынюшка, ко теплу гнезду!»
 Да пошли-то с Добрынюшкой ко теплу гнезду —
 У тёпла-та гнезда шивелóм шивелицьсе.
 Как вымал-то Добрынюшка сабельку-ту вострую,
 40 Да отсек-то Добрынюшка ведь те две главы,
 Да зажог у Змеи дак тепло гнездышко,
 Он россеял попёлоцек да по чисту полю.
 Как во стольнём во городи во Киеви
 Как у ласкова князя да-й у² Владимёра
 45 Заводилось пированьицо-стол, почесьён пир.
 Ише все-то на пир да собиралисe,
 Ише все ли на почесьён да соежжалисe,
Вси пресильни-могучии богатыри.
 Ише вси на пиру да пьяны-весёлы,
 50 Ише вси на чесном пиру приросхвастались.
 Как один ле сидит молодец — не пьёт, не ест,
 Да не пьёт, не ест молодец — не хвастаёт.
 Говорыл-то Владимир, князь стольне-киевской:
 «Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!»
 55 Ишше що же ты сидишь, ницего не пьёшь, не ешь,
 Ты не пьёшь³ ле, не ешь, молодец, не кушаёшь,
 Ты нецем, седишь, Олёшенька, не хвастаёшь?»
 «Уж ты батюшко Владимёр, князь стольне-киевской!»
 Ишше нецим у миня дак будёт хвастати.
 60 Ишше все у нас во городи поженёны,
 Ишше красны-ти девушки взамуж выданы —
 Как один ле Олёшенька, побёт⁴ хожу,
 Я побёт хожу, Олёшенька, нежонат слову».
 Говорыл-то Владимёр, князь стольне-киевской:
 65 «Да кого же, Олёшенька, тебе надобно?⁵
 Душа красна девиця ле тебе надобно,
 Але вдова благочестивая тебе надобно?»
 «Мне-ка надобно вдова благочестивая,
 Причесна вдова-й Омельфа⁵ да Тимофеёвна!»
 70 Говорыл-то Владимёр, князь стольне-киевской:
 «Уж вы слушайте, князи да многи бояра,
Все пресильни-могучии богатыри!
 Как не зря ле Олёшенька седит-древит?»⁶
 Не с огня ле Олёшенька рець говорит?⁷
 75 Он ведь хоцёт у живого мужа жону отнеть!»

- Говорыл-то Олешенька таковы речи:
 «Уж ты батюшко Владимёр да стольне-киевьской!
 Уж я был-то вецёр да во чистом поли;
 Я погрёб-то у Добрынюшки тело белоё,
 80 Щобы черны-ти вороны не граели,
 Щобы серы-ти волки косток не таскали!»
 Говорил-то Владимёр, князь стольне-киевской:
 «Поежжайте за-й Омельфой⁷ да Тимофеёвной!»
 Вдруг не туця туцицьсе, не гром громит —
 85 Как нашли-то, наехали удалы добры молодци
 Ко причесной вдовы-й Омельфы⁷ да Тимофеёвны.
 Говорил тут Олешенька таковы речи:
 «Прическа вдова-й Омельфа⁷ да Тимофеёвна!
 Ты идёшь ли — не йдёшь⁷ да за меня взамуж?»
 90 «Уж ты ой еси, Олешенька Поповиц сын!
 Поежжал-то Добрынюшка во чисто полё,
 Поежжал, ведь мне-ка он наказывал,
 Вдвоё, втроё ле он маменьки наговарывал:
 „Как пройдёт ле тому времецьку перва шесть лет,
 95 Как пройдёт тому времени втора шесть лет,
 Как минуицсэ времецьку двенаццэт лет,
 Как тринаццатое да летицько тёплоё,
 После этого бываньиця — хошь вдовой сиди,
 Хошь вдовой ты сиди, хошь и взамуж поди.
 100 Хошь за князя поди, хошь за бояра,
 За детинушку пуди да туроватого —
 Не ходи-ко за Олешеньку Поповича:
 Как Олешенька Поповиц да мне — крестовой брат!»
 Да говорил тут Олешенька таковы речи:
 105 «Ты добром же идёшь — дак мы добром возьмём;
 А ты добром не идёшь — дак возьмём силою,
 Уж мы силушкой возьмём дак богатырьцьскою,
 А мы поезкой повезём да княжеиньскою!»
 Тогды шевелилсэ у Добрыни на вороту же крес:
 110 «Да берут, видно, Омельфу да Тимофеёвну,
 Ише тот же Олешенька Поповиць же».
 Да поехал Добрынюш[к]а на добром кони,
 Да поехал Добрынюш[к]а по цисту полю.
 Приежжаёт Добрыню[ш]ка ко красну крыльчу,
 115 Да заходит Добрыню[ш]ка на красно крыльчэ:
 Как стоит-то Олешенька Поповиц млад
 Ишше с той же Омельфой да Тимофеёвной.
 Говорыл-то Добрынюш[к]а таковы речи:

«Уж ты здрастуй, Олешенька-крестовой брат!
 120 Те здорово жанилсэ — да будёт не с ким спать!»
 Выходила Омельфа да Тимофеёвна:
 «Уж ты здрастуй, Добрынюшка Ми[ки]тиць сын!»
 Чёловала ёго ле уста сахарныя.
 Он поезкой повёз ей да княжоиньцьскою.

№ 12

Да старый казак Илья Муромец да сын Иванович —
 Поехал казак да во чисто поле
 Стрелять-палить да гусей-лебедей,
 Перелетных серых м(а)лых¹ утицей.
 5 Выезжал старый ко синю морю;
 Тут ему да припотелоса, и вздумал он купатися.
 Складовал он да платье цветное,²
 Привязал ко добру коню, к золоту седлу да свое платье светное,
 Сам он коню да наказывал:
 10 «Когда скричу я громким голосом,
 То бежи скорей ко мне, конь — да лошадь добрая!»
 Выплаал-то Илья Муромец на перву струю да синя моря,
 Поплыл во втору струю да синя моря,
 Поплыл он на третью струю;
 15 А третья струя зла-относлива —
 Отнесло его да за сине море
 Во те же норы во змеинья.
 Налетала Змея семиглавая:
 Хочет Илью огнем спалить,
 20 Хочет Илью живком сглонуть.
 Тут Илья воспроговорил:
 «Дай мне, Змеище, три раза вынырнуть!»
 Первый раз вынырнул среди синя моря —
 Не успела Змеища сглонить его.
 25 Второй раз вынырнул у крута красна бережка —
 Тут скричал Илья громким голосом:
 «Конь ты конь, лошадь добрая,
 Ты бежи, конь, да поскорей ко мне!»
 Прибежал конь к Илье Муромцу,
 30 Одевал он себе платье цветное, Илья Муромец,
 Тогда прилетела Змея семиглавая —
 Отшиб он у Змеища все головы и все хоботы,³
 Тут Змеищу и славу поют.

- Тут Змеище возмолилося:
- ³⁵ «Ой ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович,
 Я тебе весть скажу, что в дому да случается:
 У тебя во дому молода жена да \langle за \rangle ⁴ столом стоит,
 Выходит замуж за того же за Добрынюшку за Никитича, —
 Садись ты, Илья Муромец, на добра коня!»
- ⁴⁰ Приезжает он, Илья Муромец, ко своему отцу да к матушке.
 Отец-матушка воспроговорил:
 «Ой еси да мое дитячко!
 У тебя молода жена да за столом стоит,
 За столом стоит — замуж идет
- ⁴⁵ За того же Добрынюшку Никитича!..»
 Увидала его да молода жена,⁵
 Подавала ему чару зелена вина.
 Принимал Илья да чару зелена вина,
 Выпивал-то да за единый дух:
- ⁵⁰ «Здорово Добрыни ось жениться,
 Да не с кем спатися!»
 Малыя ребята ладошками захопала:
 «Здорово женился — не с кем спать!»
 («Все кончилось: ему не с кем спать».)

№ 13

- Да не белая берёзонька шатается,
 Не кудрява-зеенá преклоняитси, —
 Перед матушкой Добрынюшка унижается.
 Не бумажно-ко листьё да росстиляется —
- ⁵ Да он просит у матушки благословленьице.
 Да дават ему матушка, да наказыват:
 «Не играй-ко, Добрынюшка, со девками,
 Да со девками, Добрынюшка, со б.....,
 Со тема же со вдовами сволочажныма!»¹
- ¹⁰ Да поедёшь, Добрынюшка, по чисту полю,
 Да найдут на тебя вёшны марева,
 Да ударят тебя солнечны упёченки,
 Да приедёшь, Добрынюшка, к Оманал-реки,
 Да захочитси тебе да покупатиси —
- ¹⁵ Розувайсе, Добрынюшка, да не дóbоса,
 Роздевайсе, Добрынюшка, да не дóнага,
 Да не складывай, Добрынюшка, да пухóв колпак,
 Да не плавай, Добрынюшка, за третью струю:

- Да ведь третья струицька была относлива,
 20 Отнесёт тебя под горы под Сорочинский —
 Потеряшь ты свою да буйну гóлову!»
 Да не видели у Добрынюшки поездочки,
 Только видели: Добрынюшка в стремёно вскочил,
 Только видели: Добрынюшка коня сёдлал,
 25 Только видели: у Добрыни в поле куревá стоит,
 Куревá стоит да дым столбом валит.
 Да приехал Добрынюшка ко Оманал-реке,
 Розувалса Добрынюшка да ведь дóбоса,
 Роздевалсэ Добрынюшка да ведь донагá,
 30 Да и пóплыл Добрынюшка за первú струю,
 А и пóплыл Добрынюшка за вторú струю,
 Захотелосе Добрынюшке за трéтью струю —
 Отнесло Добрынюшку да ведь под те гóры,
 Да под горы те под Сорочинския.
 35 Налетела на Добрынюшку да люта́ Змея́,
 Да люта́ нонь Змея́ да така́ страшна́:
 «Да хочу ле — тебя искрами зáсыплю,
 Да хочу ле — тебя ноньче огнём спалю,
 Да хочу ле — я ноньче водой стоплю!» —
 40 «Уж ты дай мне строку на три часа́!» —
 «Да не дам тебе строку я на полчаса!» —
 «Уж ты дай-ко мне строку хоть да два часа
 Да доплыть мне до кру́того сла́вного бéрежку,
 Роспроститься ведь мне с землёй-матерью!» —
 45 «Уж я дам тебе строку нонь на ёдин час!»
 Да и пóплыл Добрынюшка да ко бéрежку,
 А ведь дóплыл Добрынюшка до бéрежку,
 А ведь вышол² Добрынюшка да на бéрежок,
 Да ведь складывал Добрынюшка да пухóв колпак,
 50 Набирал он хрящú-мелкого ка́меня,
 Загибал тут Добрынюшка да пухóв колпак,
 Да влепил тут Добрынюшка во люту́ Змею́ —
 Да отшиб у Змея́ он три хóбота.
 А пáла Змея́ ноньче на землю́:
 55 «Да не бей ты меня ноньче дóмертва,
 Пожалей ты моих да малых детуцёк!»
 (Дальше не знаю.)

№ 14

Жил Никитушка — не старился,¹ а сейчас преставился.

Осталася у Никитушки любима семья, молода жена беременна.

И вот родила она сына, вот нарекли ему имя Добрыня Никитич. Он не по годам рос, а по минутам. Ростила она его до трёх лет, он уже большой стал. Отдала она его в школу учиться, разные науки богатырския: по поднебесью ходить ясным соколом, по воде — ярим гоголем. Он учился и всё учение произошёл. Ходит он в городе и шутит шутки непомерные над боярскими детьми. Ко́го хватит — нога прочь, ко́го хватит — рука прочь. Приходят к матушке, заявляют на сына: «Шутит шутки непомерные, многих побил!»

Матушке сына отдавать жалко стало, а велят из города выселять дальше. Ходит Добрыня, загорюнился и запечалился. Однажды идёт Добрыня по-за городу. Выбегает к нему старушка. «Што же ты загорюнился, запечалился, ходишь не весел?» — «Ходи ты, старая чертовка!» Она обежала дом, да опять к нему навстречу. Он и подумал: «Что это бабушка бегаёт?» «А вот, — говорит, — бабушка, хожу, не могу себе коня выбрать!» Вот она ему и сказала: «А вот у твоего батюшка² есть в чистом поле дуб, и под этом дубе — плита, а под плитой — погреб, а в погребе — конь. И тут же в саду дом стоит, и в ём вся богатырская сбруя сложена. Можешь этой плитой владать, можешь этим конём владать!»

Пошёл он в чистое поле, отыскал этот дуб, где он стоит. Схватил с кореньем со всем, выгацил, бросил. Плиту носком поддел, отсвиснул. Конь выскочил из погреба, пал на колена. Хлопнул коня по тучным ребрам: «Конь, ты конь — травяной мешок! Как батюшку служил, так и мне послужи!»

Пришёл под передний угол, признал его кверху. Одной рукой держит — другой вынимает саблю, меч-кладенец, копьё долгомерное, седло турецкое. Обседлал, обуздал коня, седёлко турецкое, вдоль по спинушке ремешки: не ради басы — ради крепости. Снарядился, сел на коня и поехал, к матушке своей. Приехал он к матушке, привезал к золотому кольцу. Матушка испугалась: «Какой богатырь приехал незнакомый?» Стал он просить у ей благословения ехать в чистое² поле послужить, себя показать — князю Владимиру в стольне Киев-град. Так матушка сперва не давала. «Дашь — поеду, не дашь — поеду!»

Ну, матушке делать нечего. Подорожников напекла и снарядила в дорогу. Ещё при поездках вынесла ему плётку-троехвостку. И вот сказала ему: «Вот ты поедешь в чисто поле, в Брянские горы. На восходе солнце красного нападёт на тебя лень и захочется тебе покупаться в тихих заводах. Перва-то заводь отрывчата, вторая-то заводь — зла-относчива: под жилище змеиное тебя отнесёт. Вот налётит на тебя Змея лютое, огнём опалит, в хоботá возьмёт. А вот отец-родитель этой плёткой отдувался от ней!»

Взял эту плёточку, завернул, в карман положил. Вот Добрыня тут садился; не видели, как в стремена вступил, — а только в поездочку пыль столбом стоит, поехал в чистое² поле. Вот он ездил, близко ли — далёко, низко ли — высоко, по чистому полю. На восходе солнце красного, на закате светлого месяца напала на него тоска-кручина-лень. Тяготит его, в сон клонит — и захотелось ему покупаться. И поехал он к морю. Приезжает он к морю, поставляет коня, и разделся, и купнулся в первую заводь, нырнул. Вынул у второй заводь: унесло. Нырнул второй раз. Вынул под змеиным гор[ой]-жилиц[ем].³ И вот нырёт тут, горится под змеиным жилищем. Увидала там паленица зла-удалая из своего терема и летит из своего терема прямо на него — о двенадцати хоботах Змея!

Вот говорит: «Святые отцы писали-прочили, что мне от Добрыни смерть, а теперь Добрыня у меня в руках! Хошь я тебя, Добрыня, в хоботы сожму; хошь я тебя, Добрыня, искрой засыплю; хошь я тебя, Добрыня, дымом задымлю!» Тут Добрыня ответ ей держит: «Не отеребила — да сварила, не сварила — а скушала!»

45 Нырнул, значит, Добрыня в первую заводь; голову показал,⁴ нырнул второй раз — она его и потеряла: ярым гоголем обернулся. Сейчас он выскочил на берег, надел рубашку и подштаники. И вот эта Змея увидела его на берегу и летит с горы. Вот он сапог песку черпнул, да ей встречу и катнул. У ей половину хоботов отшиб! Тогда они схватились с ей в рукопашный бой. Много ли, мало ли с ей бились — трое суток. Тогда Добрыня вспомнил эту плётку. И выхватил из кармана
50 ей эту плётку. Давай этой плёткой лупить и дуть! Давай она извиваться! Тогда она взмолилась: «Не бей, Добрыня! Буду я тебе слугой верной и неизменной! И поедем, грит, ко мне в дом. У меня есть дочь прекрасная, могу за тебя замуж отдать».

Тогда Добрыня согласился, в живности оставил, и поехали с ей во дворец. Приезжают они, собрала она тут, что ему требуется: питья, кушанья, поставила⁵ что ему нужно на стол. Подносит
55 ему чару зеленá вина. Смотрит он в эту чару, видит — посередине Змея лежит, а по краям ключи кипят. Катнул он эту чашу за окно и услышал топот на улице. Выбежал — Змея под ногами извивается. Забежал, копьём ей схватил, вытащил в чистое² поле, разорвал, разбросал по чисту полю. Тут девушка у ей была. Девушка стала плакать: «Вот ты у меня мамашу убил, а я куда деваюсь, как буду жить?» — «Нет, это тебе не мамаша! Не помнишь ли ты, откуда взята, не помнишь ли
60 родителей хоть немного?» Вот тогда она и говорит: «А как будто немного помню. Вышла я с няньками, а ветер (...)⁶ подхватил и унёс». «Вот, говорит, срежайся и поедем со мной!»

Вот она средилась. Он это жилище змеиный сожег и повез в стольный Киев-град. Не доезжая он до городу, раскинул он шатёр и эту девушку оставил в шатре на кровати. А она не остаётся, плачет: «Ой, меня кто унесет!» А он говорит: «Нет, никто не унесет, оставайся покамест».

65 Ну вот, он поехал в стольне Киев-град. Припустил коня через стенушку городовую, поставил на площади, к золоту кольцу привезал. Заходит, караульщики, часовые пропускают. У князя Владимира идет бал. Крест кладёт по-писаному, поклон ведёт по-учёному, поклон ведёт на все четыре стороны, князю со кнегиней во особицу. И вот князь Владимир посадил его за стол, подносит ему пива хмельного, чару в полтора ведра. И стал князь его выспрашивать: каких городов,
70 какого отца-матери, племени. Вот он рассказал: «Добрыня Никитич, из такого-то места, приехал к вам в услужение. Нельзя ли вам послужить?» И каким путём ехал — всё расспросил. И вот князь Владимир говорит: «Ты тем путём ехал: не видел ли девушки, не собирает ли ягоды? Она как лет петнадцать потерялась! Не видал ли, не слышал ли?»

Вот тогда Добрыня Никитич говорит: «В одном месте видел: девушка ходит, ягоды собирает
75 на пустом месте». — «А не можешь ли эту девушку привезти?» — «А это могу». Ему принесли чару. «Войска ли не надо?» — «Нет, не надо мне войска».

Приезжает он к белому шатру, а она спит на кровати. Давай он ей будить потихоньку. Розбудил, а она плачет. А он ей говорит: «Давай поедем в город!»

Вот он приезжает, привозит ей. В охапке всё вёз. Привозит, тут встретил князь Владимир,
80 узнал, что дочь. Со молебствием, со звоном: весь город собрал, все пировали. Я тут был, мёд-пиво пил, вместе пировал!

№ 15

♩ = 96

Сря - жа_л(ы)_сэ Доб - ры - нюш_ка во цис - то по - лё,
 Спо_доб - ля_л(ы)_сэ Ми - ки - тиць да во ро_з(ы) - до - ли(и) - и - цё,
 Он про - си_л(ы) тут у ма - мень_ки Бож(ь)ё да бла_слов - ле - н(и) - и - цё.
 Тут да - ва_ла ё - му ма - муш_ка, слез - но пла - ка - ла:
 "Ты по - е_дэш, мо - ё ди - тят_ко, по цис - ту по - лю,
 По то - му же ты ро_з(ы) - до_ли(и) - цю ши - ро - ко - му,
 Не ку - пай_се ты вед(и), ди - тят_ко, во Не - плы - в(и) - ре - ки:
 Во Не - пы_ти - то ре - ки та_м(ы) есь у_ж(ы) три с(ы) - тру - и -
 От_не - су_т(ы) те - бя, ди - тят_ко, во си - нё мо - рё,
 Во - за го - ры - ти те - бя да за Пе - щё - р(ы) - ски - я..."

Сряжалсэ Добрынюшка во цистó полё,
 Сподоблялсэ Микитиць да во роздольце,
 Он просил тут у маменьки Божьё да благословленьице.

- Тут давала ёму мамушка, слезно плакала:
⁵ «Ты поедёшь, моё дитяtko, по цисту полю,
 По тому же ты роздольицю широкому,
 Не купайсе ты ведь, дитяtko, во Неплыни-реки:
 Во Неплыни-то реки там есь уж три струи —
 Отнесут тебя, дитяtko, во синё морё,
¹⁰ Во-за горы-ти тебя да за Пещёрския,
 Как за ти же пески хресту сыпучого!»
 Тут поехал Добрынюшка по цисту полю,
 По тому же по роздольицю широкому.
 Тут Добрынюшки Микитицу приспотелосе —
¹⁵ Покупаться тут ёму да захотелосе.
 Не исполнил он тут мамына благословеньица,
 Стал купаться тут Добрынюшка во Неплыни-реки.
 Во Неплыни-то реки тут было три струи,
 Было три-то тут струи, да все они относивы —
²⁰ Отнесли они Добрынюшку¹ за синё морё,
 Что за те же за горы да за Пещёрския.
 Надлетело тут Змеищицё семиглавноё:
 «Уж ты хошь ли, Добрынюшка, — я тебя живком сглону,
 Я живком тебя сглону да крылом захвостну!» —
²⁵ «Уж ты ой еси, Змеищицё семиглавоё,
 Уж ты дай-ко мене повыплыть да на суху землю:
 У мя много было бито и люди граблёно,
 Мне к землі-то мне-ка к матушке приклонитисе,
 Мне-ка с белым-то светом да распроститисе!..» <...>²
³⁰ Тут повыплыл <Добрынюшко>³ да на суху землю,
 Он и слóжил свою шляпочку землянистую,
 Землянистую шляпу да сорока пудов,
 Он кладёт тут песоцку-хресту сыпуцёго.
 Надлетаёт тут Змеищо да семиглавоё,
³⁵ Он махнул етой шляпой да землянистою —
 Он убил ей тут Змея да семиглавого.
 «Уж ты рано, Змеищицё, рано хвастало,
 Уж ты рано, Змеищицё похвалялосе!»

(Вишь, он хотел его живком сглонуть, а как вот тут Добрыня-то его шляпой-то этой махнул да убил. Рано, говорит, хвастало, да рано похвалялосе!)

№ 16

$\text{♩} = 92-96$

Да сре - жал(ы) сэ до.б(ы) ры - нюш.ка во цис - то по - лё,
 Спо.доб - лял сэ сы.н(ы) Ми - ки - тиць да во ро.з(ы) - до.л(и) - и - цё,
 Он про - си.л(ы) тут у ма.м(ы)нь.ки Бо.жи.ё да бла.с(ы)л(о)в.ле.н(и) - и - цё.
 "Ты по - е.д(ы)шь, мо - ё дит.я.т.ко, по цис - ту по - лю,
 По то - му же по ро.з(ы) - до.л(и) - и - цю ши - ро - ко - му..."
 Как те - пе.р(и) до.б(ы) ры - нюш - ки при - спо - те - ло - се,
 По.ку - пат.це ту.т(ы) ё - му да за - хо - те - хо - се...

- Да срежалсэ Добрынюшка во цистó полё,
 Сподоблясэ сын Микитиць да во роздольицё,
 Он просил тут у ма⟨меньки⟩ Божие да благословеньицё.
 «Ты поедёшь, моё дитя́тко, по цисту́ полю,
⁵ По тому же по роздольицю широкому...»
 Как теперь Добрынюшки приспотелосе,
 Покупатце тут ёму да захотелосе...
 Не велела ёму купаться да родна маменька:
 «Не купайся ты, сердечнё да моя дитя́тко, —
¹⁰ Отнесёт тебя за горы да за Пещёрския,
 Что за те же за пески хрещу сыпучого!»

- Уж как ехал тут Добрынюшка по цисту полю,
 По тому же по роздольицю широкому —
 Как Добрынюшки Никитицю приспотелосе,
 15 Покупатьсе тут ёму да захотелосе:
 Стал купатьсе тут Добрыня да во Непльѣни-реки.
 Не велела тут родима да ёму мамушка —
 Не послушал он тут ейного благословеньиця —
 Стал купатьсе Добрынюшка во Непльѣни-реки.
 20 Надлетело тут Змеищицѣ семиглавноѣ,
 Семиглавноѣ Змеищо да восьми хоботов:
 «Уж как хошь ты, Добрынюшка, — я тебя живком сглону,
 Я живком тебя сглону да крылом захвостну!» —
 «Уж ты ой еси, Змеищо уж семиглавноѣ,
 25 Уж ты дай-ко мне повыплыть да на суху землю:
 У мя много было на свете бито и граблѣно,
 Мне-ко с белым-то светом да распроститисе,
 Мне к земли-то к матушки приклонитисе!»
 Тут повыплыл Добрынюшка на суху землю,
 30 Он снимал-то свою шляпоцку земленистую,
 Земленистую шляпу да сорока пудов,
 Он кладѣт-то тут песку-хрещу сыпучого.
 Надлетаѣт тут Змеищо всё семиглавноѣ.
 Он махнул етой шляпой земленистою —
 35 Он убил тут Змея да семиглавного:
 «Уж ты рано, Змеищо, да рано хвастало,
 Уж ты рано, Змеищицѣ, похвалялосе!»
 (Убил его.)

№ 17

- Срягается Добрынюшка во чисто поле,
 Подобляется Микитич да во раздольицю,
 Он просил тут у маменьки Божье-то благословеньице.
 Тут давала ему маменька, слезно заплакала:
 5 «Ты поедешь, мое дитятко, ко чисту полю,
 По тому же ты раздольицю широкому, —
 Не купайся, мое дитятко, во Непльѣнь-реки!
 Во Непльѣнь-то реки ту есть ведь три струи,
 Есть ведь три-то тут струи, они относливы:
 10 Отнесут тебя, дитятко, во сине море,
 Что за те же за горы да за Пещорские,
 Что за те за пески хрящу сыпучего!..»

- Уж как уехал тут Добрыня по чисту полю,
 По тому же он раздольицу широкому, —
- ¹⁵ Тут Добрынюшке да припотелосе,
 Покупаться ему да захотелосе:
 Стал купаться тут Добрынюшка во Неплынь-реки,
 Не послушал ведь уж тут матушкина благословеньца.
 Отнесло тут Добрынюшку во сине море,
- ²⁰ Что за те же за горы да за Пещорские,
 Что за те жа за пески хрящу сыпучего.
 Надлетело тут Змейчище семиглавое:
 «Уж как ты хошь, Добрынюшка, — я тебя живком сглону,
 Я живком тебя сглону да крылом захлосну!» —
- ²⁵ «Уж ты гой еси, Змейчище семиглавное,
 Уж ты дай-ко мне повыплыть да на суху землю:
 У меня много было бито людей, граблено —
 Мне-ка с белым-то светом да распротитисе,
 Мне к земли-то к матушке приклонитисе,
- ³⁰ Мне грехи-ти свои надо сдатисе!»
 Тут повышел Добрынюшка на суху землю,
 Он снимал свою шляпу землянистую,
 Землянистую шляпу да сорока пудов,
 Он кидает тут песку-хрящу сыпучего.
- ³⁵ Опеть надлетает Змейчище-то семиглавное.
 Он махнул этой шляпой да земленистою —
 Он убил тут Змейчища да семиглавого:
 «Уж ты рано, Змейчище, да рано хвалилосе,
 Уж ты рано, Змейчище, похвалялосе!»

№ 18

- Жил-был Добрыня Добрынюшка,
 Родился у него сын Никита Добрынич млад,
 Поженился он на жены на Овдокии Яковлевны.
 Его стробовали на чистó полё, ехать воёвать,
- ⁵ Садился он на добра коня,
 И говорила ему желанна мамушка:
 «Ты сердечнё мое дитятко,
 Никитич Добрынич млад!
 Поедёшь ты ко синю морю,
- ¹⁰ Поедёшь ты на во́йна страшныя,
 На страшныя-великия, —
 Тебе да там приспoteетсе,¹

1. М. Д. Чулков (1744—1792)

2. Н. И. Новиков (1744—1818)

1831. Декабря 16. Москва.

Пушкин, 20-

Скажите мне как слышат все донны
напечатанные русские песни — и при
всех их во порядке и савофаровъ
как слышны они впрочемъ савофаровъ
но не слышатъ они карлы — слышатъ!
И слышатъ! А слышатъ?

3. А. С. Пушкин (1799—1837)

«Пушкин говорит, что он слышал все донны напечатанные
русские песни и привел их в порядок ...»

(Из письма Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 16 декабря 1831 г.).

Юль 12. Казань. 1831.

Главное и единственное занятие и удовольствие
составляют мне теперь русские песни...»
иногда и пишу. П. Кудрявский и
еще возмущают погрешное мнение соде-
ржательное — и кажется довольно много
еще неконсервированы и прекрасны в,
Самы милые дома, что можно
то соберется сколько можно больше
перидной работы и все, а также
иногда ^{иногда} труднее в трудном и про-
том совершить труднее в
труднее кину комок и,
не может ни одного в
кредит, и полтора в ка-
и представить себе
иногда, строгое, же
иногда. Не совсем.
Собор в селе ДВМ и
каждый великий?

4. Н. М. Языков (1803—1846)

«Главное и единственное занятие и удовольствие
составляют мне теперь русские песни...»

(Из письма Н. М. Языкова к А. М. Языкову от
12 июля 1831 г.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 341 (7666) 12 декабря 1938 г., понедельник ЦЕНА 10 КОП.

ДЕПУТАТ-ПИСАТЕЛЬ

Не меньшее значение имеет издание национального великого фольклора великого русского народа. Идея издания фольклора воплотилась в Ленинграде в беседе с местными фольклористами. У нас неисчерпаемые запасы фольклорного материала. Часть его, будучи опубликована в разных старых изданиях, представляется теперь библиографической редкостью. Другая часть — в виде десятка тысяч рукописей — лежит необъятной в архивах. И, наконец, третья часть — огромный коллектив народных эпосов — советского фольклора. Все эти фонды, составляющие сокровищницу народного творчества, недоступны не только для широкого, но и для среднего читателя. Наша задача — собрать эти фонды и оживить в виде живого издания и вернуть народу его сокровища.

Летом этого года мною была подана правительству докладная записка о необходимости издания свода фольклора, встречающаяся разнородные отношение руководителей газетной. В конце декабря будет созвана фольклорная конференция при участии ученых фольклористов, писателей, поэтов и музыковедов. Задача конференции — выявить запасы рукописей, находящихся в центральных архивах и на периферии, договориться об установлении общего типа издания, о вариантах и др.

По своим размерам, в сравнении с другими народами, даже народное творчество велико. По качеству и количеству. Название «Своя русская» будет не только пятимиллионным вкладом к контролю, но оно имеет огромное политическое значение, так как отражает богатую культуру русского народа и страны, к которой устремлены взоры всего мира. Успешное завершение до конца этой работы является делом чести для себя — депутата-писателя.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ.

(Старорусский избирательный округ, Ленинградской области).

5. А. Н. Толстой (1882—1945)

«Депутат-писатель» (Правда. 1938.

12 дек. № 341).

6. Н. И. Толстой (1923—1996)

Н. И. Толстой

Язык и народная культура

Очерки по славянской мифологии
и этнолингвистике

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНАРИК»
Москва 1995

Křestní jméno *Максим*
 Data narození *3 října 1874*
 Místo narození *Шарокава, by*
 Povolání *profesor umiv*
 Bydliště *Калиа XII, Сера*
 Dřívější státní příslušnost *rusko, um*
 Rodiče *Дмитрий и А*
 Manžel (ka) *Анна*

Popis osoby
 Postava *Р*
 Tvar obličeje *Р*
 Barva očí *Р*
 Barva vlasů *Р*
 Ústa *Р*
 Nos *Р*
 Zvl. znamení *Р*

Doklady:
Перлэд есѣл. нас нуд. бѣр. бол. лавч.
Крѣстимое, рѣшѣ. Крѣстимое
Крѣстимое, рѣшѣ. Крѣстимое

АРХАНГЕЛЬСКІЯ
БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ,
 СОБРАННЫЯ
 А. Д. Григорьевым
 въ 1899—1901
 СЪ НАПѢВАНІИ, ЗАПИСАННЫМИ ПОСРЕДСТВОМЪ
 Т. III.
 МѢСЯЦЪ.
 СЪ КАРТОЙ РАСПРОСТРАНЕНІЯ СТАРѢЙШЕ НА ПРИБЛИЖЪ СЕВѢ
 ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Типографія Императорской Академіи Наукъ, Ва
 1910.

7. А. Д. Григорьев (1874—1945)

8. А. М. Астахова (1886—1971)

Полевая запись былины
«Добрыня и Маринка» — от М. Г. Антонова.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. А. РЫБАКОВ

Древняя Русь

СКАЗАНИЯ
• БЫЛИНЫ •
ЛЕТОПИСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

9. Б. А. Рыбаков (1908—2001)

10. В. М. Жирмунский (1891—1971)

В. ЖИРМУНСКИЙ

НАРОДНЫЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ
ЭПОС

*Сравнительно-исторические
очерки*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД 1952

Василий Базанов

✦
Поэзия
русского
севера
✦

Карельские статьи и очерки

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1981

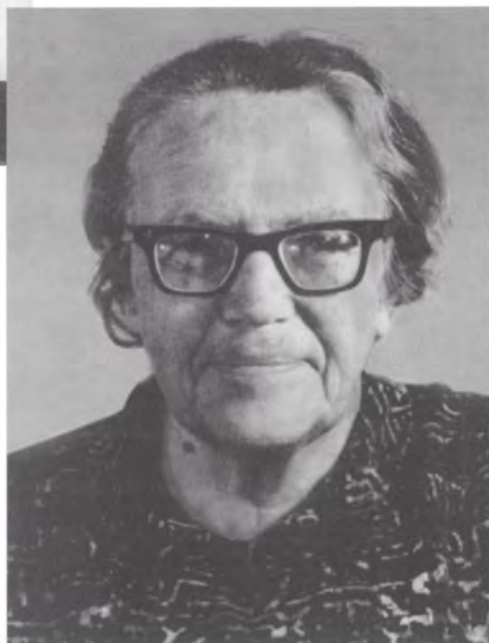

11. В. Г. Базанов (1911—1981)

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА
О РУССКОМ
ФОЛЬКЛОРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

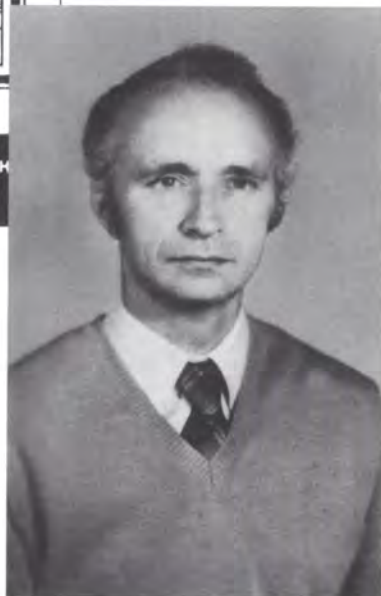

12. Э. В. Померанцева (1899—1980)

Ю.И. ЮДИН
ГЕРОИЧЕСКИЕ
БЫЛИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

13. Ю. И. Юдин (1938—1995)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПОЭЗИЯ ФАКТА И ПОЭТИКА ОБОБЩЕНИЯ

Этот спор, пожалуй, выглядит уже в некотором роде старомодным — спор об историзме былинного эпоса. И не потому, что продолжается он вот уже второе столетие. Замечательнее другое: периодически возникал и всякий раз принимая весьма острые формы, он всякий же раз идет как бы по второму кругу.

Впрочем, правильнее будет сказать, что относится это главным образом к одному из вопросов, входящих в проблему историзма, а именно к sacramentalному вопросу о взаимоотношениях быliny и факта. Зато и трудности, с ним связанные, можно сказать, стоят всех других, которые таит в себе проблема историзма.

Основная трудность — и ее же не преиждут быliny, как известно, полны всякого рода называемых «реалии», приходится все же в средствах определения их роли в формировании что нет. Ибо все, абсолютно все предлоги прямо или опосредованно связать тот или иным историческим фактом остаются локальными догадками, далеко не во всем и действительными. Скорее всего и будущее нам не открытий. «Реалии», о которых идет речь, драх былинных сюжетов, настолько вытеснены историческим контекстом, что проследить быliny, вряд ли вообще когда-нибудь удастся, по-видимому, просто принять как нечто бы из нес и исходить во всех своих исследованиях.

Парадокс, однако, в том, что, отказываясь попыток возвести генезис быliny к онц (отказываясь совершенно справедливо), уйти от самой этой проблемы — «былина редакция она все равно возвращается к шаблонный сюжет невозможно признать к какому-либо делу так, будто возбудителем поэтического историзма является, как выражаются что-то кроме конкретных исторических фактов: менее оправданной. Былинные сюжеты обстоятельств, создавались под их влиянием тоже приходится, по-видимому, принять в к.

Так что же «Король умер — да здравствует Да. До известной степени. Но только случае идет не о факте как о конечной цели разрабатывающей функции, а о принципе отражающего историческом кристалле», который реальная с

14. Л. И. Емельянов (1929—1996)

Ф. М. СЕЛИВАНОВ
**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
 СРАВНЕНИЯ
 РУССКОГО
 ПЕСЕННОГО
 ЭПОСА**

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- НАУКА -

15. Ф. М. Селиванов (1927—1990)

РУССКИЙ
 ФОЛЬКЛОР

ЭПИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
 МАТЕРИАЛЫ
 И ИССЛЕДОВАНИЯ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Д. М. БАЛАШОВА

Художник
С. Харламов

МОСКВА
«СОВРЕМЕНИК»
1983

16. Д. М. Балашов (1927—2000)

Во синём мори купаться тебе захочется.
 В этом синём мори есть три струи,
 15 Есть три струи злы-относливы:
 Погиб твой родной батюшко
 (Отец ёго погиб!) —
 Не купайся в этих злых струях!»
 И говорит он своей жёнѣ:
 «Овдокия да Яковлевна!
 20 Я, говорит, перва́-та шесть не приеду же,
 И друга́-та шесть лет не приеду же —
 Тогда ты, говорит, съезди во дистó полё:
 Прибери мое платье да богатырское,
 Прибери мои да жолты кудри,
 25 Придай ты их ко сырой земли,
 Тогда — хошь вдовой сиди, хошь во замуж поди!
 Только не ходи за Олешеньку Поповича:
 Олешенька Попович мне названой брат!» <...>

Она три года просидела, да этого Олешеньку-то и послала спроведать-то. Сама-то не поеха-
 10 ла! Он никуды не съездил, да не приехал, да ничего.* Он поехал, да и сказал:

«Схоронил под ракивов куст,
 Прибрал жолты кудри.
 Нет Никиты Добрынича живого!»
 А Добрыничу приспотелось,
 35 Купаться захотелось во Непры-реки,
 А в Непры-реки три струи.
 На первую струю повыехал —
 Как белой лебедью выехал;
 На вторую струю повыехал —
 40 Как ясным соколом повылетел;
 А третья струя отнесла Микиту
 Да во синё морé.
 Налетало Змеище шостиглавое:
 «Я, Микита, тебя хочу — так живком заглону,
 45 А хочу — пополам разорву!»
 Попросил Микита Добрынич млад:
 «Дай мне повыехать на суху землю,
 <М>не свежей водой да умыться,
 С белым светом да распротиться!
 50 У мя много бито-граблено».

Сдавалось Змеище на его слова.
 Выходил Добрынич на суху землю.
 У него шляпа была сорока пудов.
 Насыпал Добрынич шляпу песку сыпучего,

- 55 Бросал ею в буйну голову —
 Сшиб у него шесть голов, шесть хоботов,
 Убивал Змеища шестиглавого насмерть!
 Взял во свои руки белые
 Змеища шестиглавого, брал да приговаривал:
- 60 «Ты зачем, Змеище, рано прирасхвастался,
 Хотел меня живком сглотнуть?..»
 Бросал его о сыру землю —
 Поехал к родной матушки.
 Спустил коня во цисто поле,
- 65 Нарядился каликой перехожей:
 «Дайте мне милостыньку — не ради меня,
 Ради Никиты Добрынича!»
 Заплакала родна матушка:
 «Что же у нас в городе деялось!
- 70 Пошла его молода жена во замуж
 За того Алешу Поповича!»
 Вышел Добрынич к родной матушке:
 «Ты неси-ко мне платьє калицкое!»
 Взял свои гусли звончатые,
- 75 Пошел на свадьбу.
 Переступил он во светлицу —
 Светла горница пошатилася,
 Все столы да расшаталася,
 Все питья да разливалася.
- 80 Садился он ко печи за стол,
 Увидала его молода жена
 Катерина Яковлевна:
 «Ой, Алеша Попович!
 Подай ты этому калике
- 85 Ты не малу чару — в полтора ведра,
 Полтора ведра пива пьяного!»
 (Она узнала его.)
 Выпивала калика да на единой дух.
 «Уж ты ой еси, Алеша Попович!
 Ты заставь калику перехожую
- 90 Заиграть в гусли звончатые,
 Звеселить нашу свадьбу!»
 Заиграла калика перехожая —
 Скакала молода жена
 Из-за стола дубового, яствов сахарных,
- 95 Обнимала Никиту Добрынича,
 Целовала в уста сахарные,

Падала во резвы ноги:
 «Ты прости меня, Никита Добрынич,
 Во моей в вины во женской!» —
¹⁰⁰ «Ты здорово, Алеша Попович,
 Ты женился — да не с кем спать!»

№ 19

⟨...⟩¹Он кúда-то поезжал, просил у матери благословленья. Вот она его направила и говорит:
 «Это, там захошь, — говорит, — купаться, и не плавай, — говорит, — на первую струю;
 струя, — говорит, — зла и обманчива, обманит на вторú, а вторая относиста. Отнесет на
 третьú, — говорит, — а с третьей тебе, — говорит, — не справиться: отнесет на синё морё».

⁵ Вот он там вот где-то жил, жил.² ⟨...⟩ И захотел купаться. Вот и выплывает, это, на первú
 струю, ⟨...⟩³ отманило на вторú, со второй на третьú, и он не можот уж боле справиться — унес-
 ло на синё морё. Вот, унесло, и завидяла его Змея синя-огнянна. И вот и летит к ему:

«Волны-те волновали, — говорит, — проволновалисе,
 Святы-те отцы писáli — описáliсе,
¹⁰ Люди-ти сказали — просказалисе;
 Сказали, что от Добрыни Змéи смерть придет —
 А тепере уж от Змéи Добрыни смерть пришла!»
 (Уж никто и ничего, а уж и пришла смерть.)
 «Вот, надо — и, говорит, — Добрынюшка,
 Я тебя, — говорит, — на воды стоплю,
¹⁵ А надо, — говорит, — я огнем спалю,
 А надь, — говорит, — да в хоботá схвачу
 Да детя́м на гнездо йисть снесу!»

Вот он и, Добрынюшка этот, и говорит: «На воды жо ты меня возьмёшь, — говорит, — как
 мёртвого — не пройдёт дак про тебя ведь никуда слава велика, — говорит. Дай мне, — гово-
^ю рит, — выплыть на сыру землю,

Матушки сырой земли покаяться,
 И с белым светóм распротитисе!
 Тогда, — говорит, — бей как те хочется,
 И как те можетсе!
²⁵ И пройдёт про тебя, — говорит, — слава велика
 Везде, по всем, говорит, земля́м,
 По всем городам, по всем богатырям!..»
 (Она и улетела.)
 Вот выплыват Добрынюшка,⁴
 И выплывает Добрынюшка наш на сыру́ земля́;
³⁰ Он сам матушке сырой земли стал каятьсе
 И с белым светом стал прощатисе.
 (Она опять летит!)

Опеть летит, опеть также выхвалееется:
 «А надо, — говорит, — я на воды стоплю,
 А надо, — говорит, — я его огнём спалю,

(Это: волны-ти волновалисе, — тоже выводила.)

³⁵ А надоть, — говорит, — дак на тёпло гнездо исть снесу!»

А на то Добрынюшка ухватчив был:
 Он схватил с головы пухов колпак
 И почерпнул песку-хрещу сыпучего, —
 И махнул во все чётые стороны,

⁴⁰ И засыпал у ей все очи ясные:

Не увидела она свету белого,
 И валилась на сыру землю.
 И он на то был, Добрынюшка, ухватчив.
 Схватил её сильни хоботы

⁴⁵ И поднимал выше могучих плечей,

И опускал в сыру землю, —
 И связав у ей все здохи змеиные.
 Вот она тут ёму и змолиласе,
 И змолиласе и Добрыне, покориласе:

«Оставь, — говорит, — Добрынюшка, хоть душу в теле, ши, для малых деточёк!»

⁵⁰ А ёму за беду пришло,

За горьку, велику досадушку показалосе.
 Он бьёт ей пуце старого,
 Бьёт и приговариват:

«Волны-те волновали — ведь не проволновалисе,

⁵⁵ И святые-те отцы писали — не описалисе,

И люди-те сказали — не просказалисе;
 Сказали: „Еще от Добрыни Змей смерть придёт!”

Вот тут-то, говорит, от Добрыни Змей смерть пришла!»
 Вот она хвастала, хвастала, и ничего не смогла.

И вот про ёго и прошла везде слава великая,

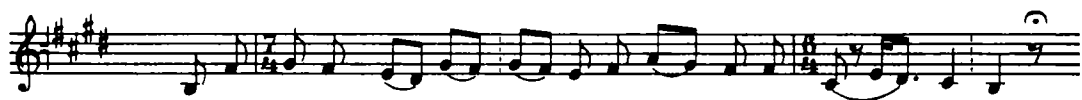
⁶⁰ По всем землям, по всем городам, по всем богатырям,
 До самого до главного богатыря Ильи Муровеца.

№ 20

$\text{♩} = 80-84$

"[...] стру - я да зла о_т(ы) - но - сис - та -
 От не - сёт те - бя, До - бры - нюш_ка, на треть - ю стру - ю,
 А на треть_ей - то стру - и те - бе бу_дёт не спра - вит_це,
 По не - сёт тя, До_б(ы)ры - нюш_ка, на си - нё мо - ре."
 А там у - ви_дя - ла е - го да Зме - я о - г(ы)нян_на,
 О - на ле - тит ко_б(ы)ры - ни_да вы - хва - ле - ит_це:
 "Уж как вол_ны_ти вол_но - ва - ли_правол_но - ва - ли_се,
 Как смя - ты от - цы пи - са - ли_да о - ли - са - ли_се,
 Уж как(ы) лю_ди_ти ска - за - ли_да про - ска - за - ли_се;
 О - ни ска - за_ли: "От до_б - ры - ни да Зме - ю смерть бу_дёт!" -

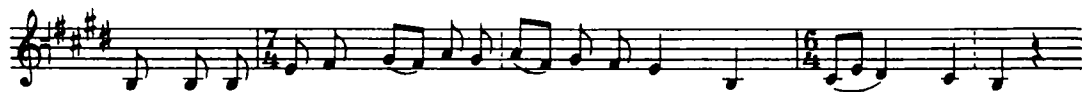
А те - пе - ре от Зме - и До - б(ы)ры - нюшки смерть при - шла.
(Пришла уж - а ведь всё маетце!)

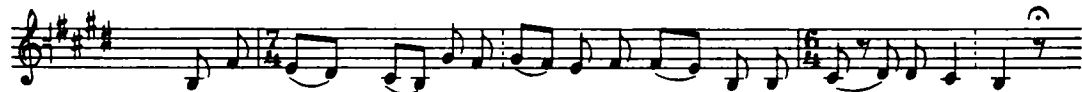
А те - бе на - доб - но, Доб - ры - ня, дак я те на во - ды стоп - лю,

А ес - ле на - ло, До - б(ы)ры - нюшка, - я о - г(ы) - не - м(ы) сла - лю,

А ес - ле на - до те, До - б(ы)ры - ня, да вхо - бо - та схва - чу,

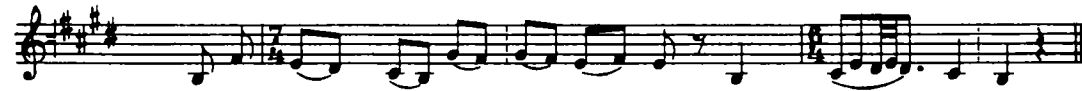
Я на тёп - ло - то г(ы) нез - дышко де - тя - м(ы) йи - с(и) сне - су!"

А го - во - рил - то тут Доб - ры - ня да та - ко - во сло - во:

"На во - ды - то ты во з(и) - ме - ш(и) ме - ня, как ме - р(ы)тво - го, -

Не прой - дёт про те - бя сла - ва ве - ли - ка - я."

«...Струя да зла-относита —

Отнесёт тебя, Добрынюшка, на третью струю,

А на третьей-то струи тебе будет не справитце,

Понесёт тя, Добрынюшка, на синё морё».

⁵ А там увидяла его да Змея огянна,

Она летит к Добрыни — да выхвалитце:

«Уж как волны-ти волновали — проволновалисе,

Как святы отцы писали — да описалисе,

- Уж как люди-ти сказали — да просказалисе;
- 10 Они сказали: „От Добрыни да Змею смерть будёт!” —
 А тепере от Змея Добрынюшки смерть пришла.
 (Пришла уж — а ведь всё маетце!)
 А тебе надобно, Добрыня, дак я те на воды стоплю,
 А есле надо, Добрынюшка, — я огнём спалю,
 А есле надо те, Добрыня, — да в хоботá схвачу,
- 15 Я на тёпло-то гнездышко детям йисть снесу!»
 А говорил-то тут Добрыня да таково слово:
 «На воды-то ты возьмёшь меня, как мёртвого, —
 Не пройдёт про тебя слава великая.
 Уж ты дай мне-ка выплыть да на сырú землё,
- 20 Мне-ка матушке сырой земли покаетьце,
 Мне-ка с белым той светом да распротитисе;
 Уж ты бей-то взад меня, да как те хочитце,
 Как те хочитце бей, да как тебе можитце, —
 И пройдет про тебя слава великая,
- 25 И про всем городам, по всем богатырям!»
 Полетела Змея да синя-огненна.
 Выплывает тут Добрынюшка на сырú землё,
 Уж он матушки сырой земли стал им каитьце.
 И уж он с белым-то светом да стал и прошатисе.
- 30 Уж тут летит Змея-от, летит огнянна,
 Она летит к Добрыни, да выхвалеитце:
 «Уж как волны волновали — проволновалисе,
 Как святы отцы писали — да описалисе,
 Уж как люди ти сказали — да просказалисе.
- 35 Они сказали: „От Добрыни Змеи смерть будёт!” —
 А тепере от Змея Добрыни смерть пришла!
 (⟨Исп. смеется⟩): Об чем эти песни?)
 А тебе надобно, Добрынюшка, — я й те на воды стоплю,
 А есле надь те, Добрыня, — я огнём спалю,
 А есле надо, Добрыня, — да в хоботá схвачу,
- 40 А я не тёпло-то гнездышко — детям исть снесу!»
 А на то наш Добрынюшка ухватчив был:
 Он схватил с головы да свой пухов колпак,
 Почерпнул он песку-хрящу сыпучёго,
 Он махнул колпаком во все четыре стороны —
- 45 Он засыпал у Змея все очи ясныя.
 Не увидела Змея да свету белого,
 Увалилась Змея да на сырú землё,
 А уж тут-то наш Добрынюшка ухватчив был:
 Он схватил тут Змею за сильны хоботы,

- 50 Поднимал он Змею выше могучих плечей,
 Опускал он Змею да о сырú землю.
 Уж он связ у ей здохи да всё змеинья.
 Уж как тут-то Змея ёму измолиласе.
 Измолиласе, Добрынюшке покориласе:
- 55 «Ты оставь-ко-се, Добрынюшка, хоть душú в тели,
 Ты душú ту у меня — для малых деточёк!»
 А уж как тут-то Добрынюшки за беду пришло,
 За велику досадушку показалосе.
 Уж он бьет-то Змею да пуще старого.
- 60 Уж он бьет-то Змею да приговариват:
 «Уж как волны ти волновали — не проволновалисе,
 А как святы́ отцы писали — не описалисе,
 А уж как люди ти сказали — не просказалисе.
 Они сказали: „От Добрыни Змею смерть придет!”
- 65 Вот тепере от Добрыни Змей смерть пришла!»

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 21—23)

№ 21

- А во столнеём¹ городе во Киеве
 А у ласкова князя у Владимира
 А было пированьё-стол, почесьён пир,
 А про многих хресьян, про руських бояров,
 5 А про тех же про руських богатырей,
 А да про тех полениц да при(й)удалые,
 А про тех же наезников пресильниех.
 А все на балу сидят, пьют, кушают,
 А два молоцца не пьют, не кушают,
 10 А где белой лебедушки не рушают.
 А говорил тут Владимир стольнё-киевской:
 «А уж ты ой еси, Василей да сын Кáсимировиць!
 А сослужи ты мне-ка служобку церковную:
 А шше съезди-тко, Васильюшко, во Большу-й Орду,²
- 15 Во Большу-де Орду — да в прокляту землю,
 А к тому же ко Батею г сыну Батевицю —
 А да свези где-ка дань, свези всё пошлины
 А да за те за двенаццать лет вьходных!
 А да свези где ему ноньце подароцьки:
- 20 А во-первых-де, двенаццать ясных соколов,
 А во-вторых-то, двенаццать белых лебедей,

- А во-третьих-то, двенадцать да серых крестьтов!»
 А шше тут-де Васильюшко призадумался,
 Говорыл где Васильюшко таковы слова:
- 25 «А уж ты ой еси, Владимир да стольнѣ-киевской!
 А у нас много где ездило во Большу-й Орду,²
 Во Большу-де-й Орду² — да прокляту землю
 А к тому же ко Батею сыну Батеевичу,
 А назадъ тут они не приежживали!»
- 30 А говорыл тут Владимир да стольнѣ-киевской:
 «А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимеровиць!
 А тебе надо ехать во Большу-й Орду,²
 Во Большу-де-й Орду² тебе — в прокляту землю!
 Да бери-тко ты от меня да золотой казны,
- 35 А бери от миня да силы-армен!»
 Говорил тут Василей да сын Касимирович:
 «А уж ты ой еси, Владимир да стольнѣ-киевской!
 А не надо мне твоя да золота казна,
 А не нать мне твоя да сила-армея,
- 40 А не нать мне твои ноньце подарочки —
 А только дай мне-ка братилка крестового,
 А на мѳлода Добрынюшку Микитиця!»
 Говорыл тут Владимир да стольнѣ-киевской:
 «А сряжайтесь-ко вы, руськие богатыри,
- 45 А сряжайтесь, богатыри, по-подорожному.
 А возьмите-тко с собой тут да дань-пошлину
 А за те за двенадцать лет как выходных,
 Вы возьмите ише ему подароцьки!»
 А говорил-де Васильюшко сын Касимирович:
- 50 «А не надо где нам да дань ведь пошлина,
 А не надо ведь нам ёму подароцьки!»
 А средились богатыри по-подорожному:
 А седлали-уздали своих добрых коней,
 А на сибя надевали латы кольцюжные,
- 55 А брали луцѳек, калѳену стрелу,
 А ту ише палоцьку буѳевую,
 А ту ише саблю да ноньце вострую,
 А то где копейцѳе да брусоменьцята, —
 А ише падали в ноги князю Владимиру.
- 60 А ише падал Добрыня Василью Касимировичу:
 «А уж ты ой еси, братилко крестовой нонь!
 А да поедѳем мы с тобой во путь-дорожечку —
 А не бросай ты меня да среди поля,
 А не заставь ты меня ходить бродягою!»

- 65 А да не видели поезки богатырьскою,
 А только видели: в поли курева стоит,
 Курева где стоит, да дым столбом валит.
 А едут дорожкой да потешаюцьсе:
 А Васильюшко стрелоцьку постреливат,
- 70 А да Добрынюшка стрелоцьку подхватыват.
 А приехали во царсьво да во Большу-й Орду.²
 А не дёржала стена их городовая,
 А та где-ка башня цветёроугольня —
 А заежжали они да нонь в ограду тут,
- 75 А становились молощцы да ко красну крыльцю.
 А вязали коней да к золоту кольцю,
 А заходили они да во светлу гриню.
 Говорыл где Васильюшко сын Касимирович:
 «А здрастуй,³ царь Батей Батеевиць!»
- 80 А говорил где-ка царь Батей Батеевиць:
 «А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимирович,
 А приходи-тко ты, Васильюшко сын Касимирович,
 А садись-ко, Васильюшко, за дубовой стол!»
 А ише тут где-ка царь угошшать их стал.
- 85 А говорил где-ка царь Батей Батеевич:
 «А ты послушай-ко, Василей сын Касимирович,
 А да привёз ле мне дань, привёз ле пошлину
 За двенаццэтъ как лет да ноньце выходных?
 А привёз ишше ноньце подароцьки:
- 90 А тех же двенаццэтъ ясных соколов,
 А во-вторых, двенаццэтъ белых лебедей,
 А во-третьих, двенаццэтъ серых крецятов?»
 А говорил Васильюшко сын Касимирович:
 «А уж ты ой еси, царь Батей Батеевиць!
- 95 А не привёз я к тебе нонь дани-пошлины
 А за те как за двенаццэтъ лет как выходных!
 А не привёз я к тебе ноньце подароцьк:
 А тех же двенаццэтъ ясных соколов,
 А во-вторых-де, двенаццэтъ белых лебедей,
- 100 А во-третьих-де, двенаццэтъ серых крецятов!»
 А говорил где-ка царь Батей Батеевиць:
 «Уж ты ой еси, Василей да сын Касимирович!
 А есь ле у вас да таковы стрельци:
 А с моима стрельцями да пострелетисе
- 105 А во ту где во меточку во польскую —
 А во то востреё да во ножовоё?
 А-й есьли нету у вас да таковых стрельцей:

- А с моима стрельцами пострелетисе —
 А не бывать те, Васильюшко, на Светой Руси,
 110 А не видать цетья-петья церковного,
 А не слыхать тебе звону колокольнёго,
 А не видать те, Васильюшко, бела свету!»
 А говорил где Васильюшко, сын Касимирович:
 «А уж ты ой еси, царь Батей Батеевиць!
 115 Я надею дёржу да я на Господа,
 А надеюсь на Матерь на Божью Богородицю,
 А надеюсь на званого на братилка —
 А на молоды Добрынюшку на Микитиця!»
 А ише тут Батей царь Батеевиць
 120 А выбрал он ровно триста стрельцёв,
 А из трёх сот он выбрал одну сотёнку,
 А из сотни он выбрал да только три стрельця.
 Да пошли как они как тут стрелетисе,
 А пошли где они да во цисто полё.
 125 А стрелели во меточку во польскую,
 А во то востреё во ножовоё.
 А первой тут стрелил — да он не выстрелил;
 А второй-от тут стрелил — да он не дострелил;
 А третьей-от стрелил — да он перестрелил.
 130 А Добрынюшка стрелил да всё во меточку —
 А калёна-та стрелоцька росколаласе.
 А ише тут у царя да вся утеха прошла.
 А собрал он где пир да ровно на три дня,
 А ише тут богатырей угощать тут стал.
 135 А пировали-столовали да ровно по три дня,
 А на четвёртой-от день стали розъежжатисе.
 А говорил где Батей сын Батеевиць:
 «А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимирович!
 А есь ли у тебя д[а] таковы игроки —
 140 А с моима игроками поиграти нонь
 А во те же во картоцьки, во шахматы?»
 А ише нет у тя таковых игроков —
 Не бывать тут тебе да на Святой Руси,
 А не видать тебе тут будёт бела свету,
 145 А не слыхать-то цетья-петья церковного,
 А не слыхивать звону колокольнёго!»
 А говорил тут Василей да сын Касимирович:
 «А я надею дёржу да я на Господа,
 Я на Матерь на Божью на Богородицю.
 150 Я надеюсь на званого на братилка —

- А на молоды Добрыню на Микитича!»
 А ише тут же как царь Батей Батее[е]вич
 А ише выбрал игроков он одну сотёнку,
 А из сотёнки выбрал да ровно триццэть их,
 155 А из триццэти выбрал да ровно пять тут их —
 А они сели играть во карты-шахматы.
 А играли они да ровно сутоцьки —
 А Добрынюшка тут всех их поигрывают.
 А ише тут у царя да вся утеха прошла.
 160 А собрал он пир да ровно на три дня,
 А тут-де богатырей угощать тут стал.
 А пировали-столовали да ровно три тут дня,
 А на четвёртой-от день стали розъежжатисе.
 А говорил где-ка царь Батей сын Батеевиць:
 165 «А уж ты ой еси, Василей да сын Касимировиць!
 А есь ле у тебя тут таковы борьци —
 А с моима борьцями да поборотисе?
 А есьли нет у тя да таковых борьцей —
 Не бывати тебе да на Святой Руси,
 170 А не видати тебе да нонь бела свету,
 Не слыхать тут цетья-петья церковного,
 А не слыхивать звону колокольнёго!»
 Говорил тут Василей да сын Касимеровиць:
 «А надею дёржу да я на Господа,
 175 Я на Матерь на Божью Богородицю.
 Я надеюсь на званного на братилка —
 Я на молоды Добрынюшку на Микитица!»
 А тот как царь Батей Батеевиць
 А ише выбрал борьцёв одну ведь сотёнку,
 180 А из сотёнки выбрал ровно триццэть их,
 А из триццэти выбрал да ровно три борьца —
 А да пошли где они тут всё боротисе
 А во то-де как полё — да во роздольице.
 А говорил где Васильюшко сын Касимировиць:
 185 «А послушай-ко, Батей ты царь Батеевиць!
 А как им прикажощь тут боротисе:
 А поодиноцьки ле им или со всема тут вдруг?»
 А говорыл тут Батей да сын Батеевиць:
 «А уж ты ой Васильюшко сын Касимировиць!
 190 А боритесь-ко вы нонь, как нонь знаите!»
 А ише тут-де Добрынюшка Микитиць млад
 А ише два к сибе взял ноньце в охабоцьку,
 А третьёго взял да посерёдоцьку —

- А всех он тут трѣх да живота лишил.
- 195 А богатырская тут кровь да роскипеласе,
А могуци ёго плеця росходилисе,
А белы ёго руки примахалисе,
А резвы ёго ноги приходилисе.
Ухватил он тотарина всѣ за ноги,
- 200 А стал он тотарином помахивать:
А перѣд тут махнѣт — да всѣ как улками;
А назадь-от махнѣт — да пере(й)улками.⁴
А сам где тотарину приговариват:
«А едрѣн где тотарин на жилки — не порвицьсе,
205 А могутѣн на косьи — не переломицьсе!»
А ише тут где-ка царь Батей Батеевиць
А говорил где-ка царь Батей Батеевиць:
«А уж вы ой еси, руськие богатыри
А те же удалы добры молоцци!
- 210 А укротите свои да ретивы серьця,
А опустите-ко свои да руки белые —
А оставьте мне тотар хотя на семяна!
А я буду платить вам дань и пошлину
А вперѣд как за двенаццать лет как выходных:
- 215 А буду я давать вам красного золота,
А буду дарить вам цистым серебром,
А ише буду ведь я — скатным жемцюгом!
А присылать я вам буду нонь подарочки:
А тех же двенаццэтъ ясных соколов,
220 А тех же двенаццэтъ белых лебедей,
А тех же двенаццэтъ серых крецятов!»
А шше где-ка тут царь Батей Батеевиць —
А шше тут где-ка царь да им ведь пир доспел.
А пировали-столовали да ровно десеть дней,
225 А на одиннацатой день стали розъежжатисе:
А ише зацели богатыри срежатисе,
Ише стали могуци сподоблятисе —
А спроводил их Батей тут сын Батеевиць.
А да приехали они ко городу ко Киеву,
230 А к тому же ко князю да ко Владимеру.
А стрецят их Владимер да стольне-киевьско[й],
А стрецяет ведь их да всѣ тут с радосью.
Росказали они князю да всѣ Владимеру.

№ 21а

$\text{♩} = 84 - 86$

Да во столь_нѣм бы - ло го - ро - ди во Ки - е - ве

Да у лас - ко - ва кня - зя дай у Вла - ди - ме - ра

За - во - ак - лось пи - ро - ва - в(и) - и - по - стол, по - че - съён пир...

№ 22

- А-й как во стольнѣм во городе во Киеви
 Да у ласкова князя да у Владимира
 Да было-де пированьице, был почесьён пир
 И про всех же купцѣй-гостей торговыя,
⁵ И про тех же хресьянушок прожитосьних,
 А про тех полениць да при(й)удалыя,
 А да про тех хресьянушок чернопахотных,
 Чернопахотных же хресьянушок прожи[то]сьних,
 Да про тех полениць да пре(й)удалыя,
¹⁰ Да про тех же сильних-могучих богатырей,
 А про тех про вдов да благодарных,
 Да про ту про всю веру крещѣную.
 Да как день-от идѣт да день ко вечеру,
 Ноньце солнышко катицьсе ко западу,
¹⁵ А да почесьён-де пы[и]р идѣт навесели.
 Ишше все-де на пиру сидят пьяны-ти, весѣлы,
 Ишше все же на пиру да приросхвастались:
 А как богатой-от хвастат да золотой казной,
 А как наезник-от хвастаѣт добрым-то конѣм,
²⁰ А богатырь-от хвастал да могучей силой,
 Ише глупой-от хвастал да молодой-то жоной,
 А неразумной-от хвастал дак он родной сестро[й],
 Ише умной-от хвастат старой матерью.
 За тема столами да убраными,
²⁵ За тема же за есвами за сахарными,

- За тема напитками разноличныма
 А как сидит тут удалой да доброй молодець,
 Как не пьёт-то, не ест — сидит, не кушаёт,
 Ишше белой-то лебёдушки не рушаёт.
- ³⁰ Ишше князь-от Владимир стольне-киевской
 Как по светлой-то грьднюшки сам похаживал,
 Как сапог о сапог да поколачивал,
 И белыма руками да сам розмахивал,
 И злаченыма перснями да сам нашшалкивал,
- ³⁵ Да как сам он из речей да выговарывал:
 «Уж вы ой еси, мои гости да все названья,
 Да названные мои гости вси отобранныя!
 Да не съездит ле хто из вас во Большу Землю
 И во Большу-де Землю съездит — во прокляту Литву?»
- ⁴⁰ Не свезёт ле хто от меня да дани-пошлины,
 За два[е]наццэтть тут лет да дани-выходы?»
 За тема же нонь столами да-й убраными¹
 Тут сидел тут удалой доброй молодець.
 А как он сидит, не пьёт, не ест, не кушаёт,
- ⁴⁵ Да он белой-то лебёдушки, сидит, не рушаёт.
 Да как князь-от Владимир да тут проговорит:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
 Ише що же ты сидишь, не пьёшь, не кушаёшь,
 Ише белой-то лебёдушки да не рушаёшь?»
- ⁵⁰ Ише винна ле чара тибѣ не подана?
 Да братыня-та с пивом была не поднесена?»
 Тут сидит-то удалой да доброй молодець,
 Ведь сидит-то он да из рецей ноньце выговарыват:
 «Уж ты ой еси, князь Владимир стольне-киевской!
- ⁵⁵ Ты позволь-ко-се ведь мне да слово молвити,
 Ты позволь-ко-се мне да речь говёрити —
 Не позволь миня за слово скоро-то казнить,
 Ише скоро-де казнить, скорѣ повесити!»
 А да спроговорил князь Владимир да стольне-киевской:
- ⁶⁰ «Ой, говори-тко-се, удалой доброй молодець:
 Ты не будёшь казнён, да скоро повешон же —
 Говори-тко-се ты, да що тибѣ надобно!»
 За тема же столами удалой доброй молодець выговарывал:
 «А как-то есь то-й у¹ Вас да во чистом поли,
- ⁶⁵ Ише есь-то-й у¹ Вас да нонь глубок погрёб:
 В глубину-ту погрёб да сорока сажон,
 В ширину-ту погрёб да сорока локот. —
 Да сидит тут посажон Василей Касимирович.

- Да он съездит от Вас до во Большу Землю,
⁷⁰ Во Большу Землю — да в прокляту-ту Литву
 Ко Батею-то сыну да ко Батеевичу.
 Как свезёт ведь он дани-пошлины,
 За двенаццэт-то лет да дани-выходы!»
 А говорил тут Владимир да слово ласково:
⁷⁵ «Уж вы ой еси, мои слуги верныя!
 Вы подите-то, слуги, да во чисто ле полё,
 Вы берите-ко, слуги, да золоты ключи,
 Отмыкайте-ко, слуги, да вы крепки-то замки,
 Выпускайте-ко Васильюшка на почесьён пир!»² —
⁸⁰ «И зовёт-то тебя, Василий Касимирович,
 И зовёт-то тебя князь Владимир да на почесьён пир!»
 Да на то же Васильюшко приослушалсэ —
 Да не йдёт же Василей да на почесьён пир.
 Ише тут же князь Владимир да роспрогневалсэ —
⁸⁵ Посылат-де ведь он слуг да во второй након:
 «Вы подите-ко, мои слуги да ноньче верныя,
 И ведите-ко Васильюшка на почесьён пир!»
 Да на то-де Васильюшко не ослушалсэ:
 Да пошол же Василей да из глубокого темного погрёба,
⁹⁰ А пошол-де Васильюшко на почесьён пир.
 Да подходит Василей да к широку двору,
 Да подходит Василей да ко красну крыльцю,
 А заходит Василей на лисвянку брущатую,
 Да берецьсе Васильюшко за вито кольчѣ,
⁹⁵ Отпираёт Василей ведь широки ворота,
 Да широки ворота — да с крюков на пяту,
 И заходит Василей да до тугих дверей,
 И заходит Василей да во светлу грыню.
 Как ставаёт-то он да во светлу грыню,
¹⁰⁰ Как ставаёт Василей да среди-то грыни,
 Да как ставаёт-то он против матици —
 Ишше крест-от кладёт да по-писаному,
 Да поклон-от ведёт да по-учоному,
 Да как на все ле сторонки да низко кланеицсе:
¹⁰⁵ Поклонилсе, в-первых-де, князю Владимиру,
 Да тогда ле на все четыре сторонки да низко кланялсэ.
 Тогда-де князь Владимир да стольне-киевской
 И проговорил он да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Василей да сын Касимирович!
¹¹⁰ Да не съездишь ле у нас да во Большу Землю?
 Не свезёшь ле от нас да дани-пошлины,

- За двенаццэтъ тут лет да дани-выходы!»
 Да князь-от Владимир наливал чару зелена-та вина,
 Да не малу, не велику чарочку — полтара ведра,
 115 Подавал где Владимир да стольне-киевской,
 Подавал где Василью да единой рукой.
 Выпивал-де нонь Василей да к едину духу —
 Ише тут же Василей по светлой-то гринюшки запохаживал,
 Ише сам он из речей да выговарывал:
 120 «Уж ты ой еси, князь Владимир да стольне-киевской,
 Ты позволь-ко-се мне-ка да кого с собой мне-ка взять!»
 Да тогда же князь Владимир да стольне-киевской
 Да спрговорил он да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Василей да Касимирович!
 125 Ты бери-тко-се ты, да хто надобно!»
 Да спрговорил Василей да свет Касимирович:
 «Дак как дай-ко мне помошь — Добрыню Микитиця!»
 Как наливал-де князь Владимир да стольне-киевской,
 Наливал-де он чару да во второй након,
 130 Он не малу, не велику — да равно два-та ведра,
 Да тогда ле подават Василью да сыну Касимировичу.
 Да примал-де Василей да единой рукой,
 Выпивал-то Василей да к едину духу.
 Ише тут-де Василей по грини запохаживал,
 135 Ише сам он из речей зачал выговаривать:
 «Уж ты, молоды князь Владимир стольне-киевской!
 Есьли надобно тебе, князь Владимир стольне-киевской,
 Есьли надобно — дак мы тебе от ёго привезём,
 От ёго-то привезём да дани-пошлины,
 140 За двенаццэтъ тут лет да дани-выходы!»
 Да тогда ле Василей сказал да таково слово:
 «Подведите-ко, князь Владимир да стольне-киевской,
 Подведите-ко Вы к нам да коней добрэнских,
 Д[а] щобы нам было на ком ехать да во чисто поли —
 145 Не оставил бы нас конь да во чистом поли,
 Не заставил бы ходить ступью брѣдовою!»
 Ноньче видели ребята, как на коня сядились, —
 Только видели они: да во чистом поли,
 Во чистом-то поли стоит — курева стои[т],
 150 Курева-та стоит, да дым столбом валит.
 Приехали эти удалы да добры молодц[ы],
 Да приехали они да во Большу-ту Земл[ю] —
 (А проклю[я]ту-де Литву они приехали),
 Во Большу-ту Землю — да прокляту Литву.

- 155 В прокляту-де Литву, да прокляту Литву
 Ко Батею они ноньче приехали —
 Ко Батею-ту сыну да ко Батеевичу.
 Безо всякого доклада да заехали
 Ко Батею-ту сыну да ко Батеевичу,
 160 Без доклада Батея сына Батеевича.
 И поставили своих да коней добрыя,
 Да поставили коней да ко белу шатру,
 Да зашли-де они да во белой шатёр,
 Повалилисе они да отдохнуть же.
 165 Тут-де у Батея сына Батее[е]вича
 Как у его идёт пир да навесели,
 Ише все-де на пиру сидят пьяны-весёлы.
 И увидал тут Батей да сын Батеевиць:
 «И кака же невежа приехала
 170 К нам в царсво, робятушка?»
 Зашли они без доклада Батейского!»
 Батей-от Батеевиц посылат своих слуг верныя:
 «Вы подите-ко, мои слуги, да слуги верныя,
 Да спросите-ко, слуги, да кака невежа
 175 Приехала высокородная?»³
 Пришли-де ведь слуги, скоро спросили же:
 «Ты кака така невежа дак к нам приехала —
 Без доклада нашего царску показаласе?»
 Есь, що же приехали?»
 180 Привезли разе дани-пошлины?»
 Да Батей-от сын Батеевиць велел у вас спросить!»
 Отвечают удалы да добры молоч(ь)чи:
 «Не желам мы платить да дани-пошлины —
 Ищо сами желам получить с вас нониче!»
 185 Да пошли-де к Батею да слуги верныя,
 Отвечают ёму да розговаривают:
 «Да не будём платить ёму да дани-пошлины,
 За двенаццэт тут лет да дани-выходы!
 И желам нонь с вас получить да дани-пошлины
 190 И за двеначэт тут лет да дани-выходы!»
 Ише тут же Батеюшку за беду прышло,
 И за велику досаду ёму да показалосе:
 «И подите-ко вы, слуги, да вы спросите-ко,
 Ише есь ли у их да таковы стрельци:
 195 Ише с нами, ребятами, пострелятисе
 Да во ту-де во меточку во польскую —
 Да во то востреё да во ножовой?»

- Как стал же Батей да сын Батеевиць,
 Ише стал-де выбирать Батей сын Батеевиць,
 200 Выбирал ведь он сибѣ дак три стрельця.
 А Василей от сибя выбирал стрельця
 Добрынюш[к]у Микитица:
 Спровожал ёго стрелять во метоцьку во польскую —
 Да во то востреё да во ножовоё.
 205 Как пошли-де они стрелять да во чисто полё,
 Становили эту метоцьку — да востреё ножовоё.
 Ну, тогда ле, тогда первой-от стрелил — не дострелил;
 Д[а] как второй-от стрелил — да ведь он перестрелил;
 А как третей-от стрелил — да только ушьми хватил!
 210 Ну, тогда ле Добрынюшка натегивал да тугой свой лук,
 Тогда ле Добрынюшка направлял свою калену стрелу.
 Как запела тетивонька шелковая,
 Зашипела-полетела да калена стрела
 Да во ту же во метоцьку во польскую,
 215 Да во то востреё да во ножовоё:
 Роскочиласе у нас стрела, калена стрела,
 Роскочилась у нас стрела, да калена стрела,
 Калена-де стрела роскочилась надвоё.
 Ну, тогда ле брал как Добрыня да калену стрелу,
 220 Да идёт-де Добрыня да к Батею сыну Батеевичу,
 Да ише сам он из речей да выговаривал:
 «Уж ты ой еси, Батей да сын Батеевиць!
 Ише есь ли у вас да таковы весы,
 Таковы ле весы — да нашу стрелочку повесити,
 225 Да котора котору половиночку перетянет же?»
 Ише клали вед[ь] стрелочку на скалочки —
 Некотора некотору половиночку не перетягиват.
 Ну, как кричал-вопел Батей да сын Батее[е]виць,
 Как кричал-вопел да громким голосом:
 230 «Ишше вы нонече уланове-буланове,
 Ишше сильние-могучие руськи богатыри!
 Ишше есь ле у вас да таковы борьчи:
 Ишше с нами, с ребятушками, да поборотисе?»
 Отвечал тут Василей да сын Касимирович:
 235 «Спускаю я Добрынюшка Микитица,
 И спускаю ведь с вами да поборотисе!
 Я надею-ту держу да я но[а] Господа —
 А спускаю тут Добрынюшку поборотисе!»
 Ише тут-де Батей да сын Батеевич
 240 Ише стал он выбирать борьчей три сотёнки,

- Да из трёх-то сотёнок выбрал триччэть борчей,
 Из триччети он выбрал да ровно семь борь[ц]ей.
 Как проговорил Василей да сын Касимирович:
 «Ише надобно итти ноньче на чисто полё,
 245 Ише надобно итти на полё боротисе!»
 Выходили тут удалы да добры молоччы,
 Выходили они ноньче на чисто полё.
 Как Добрынюшка Микитич да тут спроговорил:
 «Уж ты ой еси, Батей да сын Батеевич!
 250 Ише как же Вы прикажите мне с има боротисе,
 Ише как же бороцьсэ, как же управла[я]цьсэ?
 Или со всема ле вдруг боротисе,
 Али с кажным же порозь водитисе?»
 Тут захотелосе Добрынюшки поборотисе —
 255 Да схватил-де Добрынюшка всех заедино же,
 Да захватил он в охабочку ведь семь человек.
 Кто был в серёдоцки, того рожжало —
 И ёго ноньче только одна пена осталасе:
 Как не с ким стало Добрынюшки управлетисе.
 260 Добрынюшки не с ким ведь стало поправлетисе.
 Ухватил-де Добрынюшка тотарина за ногу,
 Да как зачал Добрынюшка тотарином помахиват[ь]:
 Как вперед-то махнёт — дак ноньче уличи;
 А назад-от махне[ё]т же — да с переулочками.
 265 И завёрнулса Добрыня да на добра коня,
 Да хватил-де Добрыня тотарина за ногу,
 И стал-де тотарином Добрынюшка помахивать.
 Ише и сам Добрыня из речей зачал выговарывать.
 Ише сам из речей да стал приговарывать:
 270 «Ише крепок тотарин на жильё — не порвицьсе!»
 Ише колько ведь бьёт да силой храброу,
 А вдвоё-втроё да конём топчет же.
 Да тогда ле выходит Батей сын Батеевич
 Он выходит нониче на балхон к себе,
 275 И гледит-де он, смотрит в трубочку подзорную.
 И тогда ле Батей да сын Батеевич
 И он скричал-звонел да громким голосом:
 «Вы уланове-булан[ов]е, сильни-могучи богатыри!
 Вы оставьте ведь мне тотар хошь на семена:
 280 Я согласён вам платить да дани-пошлины,
 За двеначчэть тут лет да дани-выходы!»

№ 22а

$\text{♩} = 92 - 96$

У лас - ко - ва кня - зя да у Вла - ди - ми - ра
 Да бы - ло - де пи - ро - ва - ньё, да бы - л(ы) по - че - съё - н(ы) пир
 А про мно - гих - де кле - зей да руських всяких * бо - я - ров,
 А про тех по - ле - яц да прк - у - да - лы - я,
 Да про сильны - ех - мо - гу - чих да про бо - га - ты - рей...

* Слова „всяких“ я не слышу. А.Г.

№ 23

Ище ехал где Васька из Неметчины¹ —
 Ище ехал бы Васька по цисту полю.
 Ище ехал где Васька да не дорогою,
 Не дорогою он да не воротами, —
⁵ Церез ту же стену да городовую,
 Церез круглу нонь башню да наугольную —
 Приежджал ко чареву да нонь кабаку.
 Да соскакивал он да со добра коня,
 Ище схватывал сбруню да лошадину всю,
¹⁰ Да спушал где коня да но[а] Божью волю,
 Ище сам где пошел да на цярев кабак.
 Да сидит ле Васька на цареви кабаки,
 Ище пил-то сидел да зелено вино
 Да поил где голей да нонь кабацких всех.
¹⁵ Да не много он устукал — да как свою сбруню,
 Да не много он устукал — в сорок тысящей.
 И не в то ле нонь время да нонь не в ту пору

- У того же у князя да у Владимира
 Заводилосе столованьё, почесьён пир
- 20 Да про многих-то князей да многих бояров,
 Да про тех же про сильниих богатырей,
 Да про тех палениц да приудалыя,
 Да про тех же купцей, людей торговые,
 И да про тех про хресьянушок прожитосьних.
- 25 Ище долог-от день идёт ко вечеру,
 Ище весёл-от пир идёт навесели,
 Красно солнышко катилосе ко западу,
 Да ко западу катилосе — ко закату.
 Наливал-де Владимир по цяры² первой,
- 30 Наливал-де Владимир по цяры второй,
 Наливал где Владимир по цяры третьей нынь —
 Ище та же ведь цяшка да полтара ведра.
 Ище все на пиру да пьяны-весёлы —
 Они все на пиру да приросхвастались:
- 35 Ище сильней-от хвастат да многой силою,
 Да наездник-от хвастат да коньми добрыма,
 Да вельможа-та хвастат да золотой казной,
 Ище глупой-от хвастат да красной девицэй,
 Да безумной-от хвастат да молодой жоной,
- 40 Ище умной-от хвастат да старой матерью.
 Говорил-то Владимир да таково слово:
 «Уж вы ой еси, сильни-могучи вси богатыри,
 Ище те же бояра да мои думныя,
 Ище те поленици да приудалыя,
- 45 Ище вы же купци, люди торговыя,
 Ище те же хресьянушки прожитосьни!
 Ище хто из вас съездит да в Ордыню Землю
 Отвезти королю дары да троёгодныя:
 Да двенаццэт ноне да добрых молоццей,
- 50 Да двенаццэт нонь да красных девицэй,
 Да двенаццэт нонь анкрыков³ золотой казны,
 Да двенаццэт нонь пар да белых лебедей,
 Да двенаццэт нонь пар да белых кречятов³»
 Ище спрашивал Владимир-от по первой раз,
- 55 Ище спрашивал Владимир-от по второй раз,
 Ище спрашивал Владимир нонь по третьей раз.
 Ище большой-от хороницьсе за среднёго,
 Ище средней-от хороницьсе за меньшого,
 Да от меньшого нонь да как ответу нет!
- 60 А из того же из места да из высокого

- Выставаёт-де удалой да на резвы ноги,
 Да по имени Добрынюшка Микитиц млад.
 Говорыл-де Добрыня да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
 65 Не изволь меня казнить да за слово скоро,
 Не сади ты меня во темны погребы,
 Не ссылай ты меня во сылки в дальния.
 Ище некому ехать да во большом столи.
 Ише есь у мня названной брат — да горька пьяница:
 70 Да сидит ле нонь Васька на цареви кабаки,
 Ище пьё-то⁴ сидит да зелено вино».
- Тому слову Владимир да не ослышилсэ;
 Да нахватывал башмацьки да нонь тасьмяныя,
 Побежал-де Владимир да на чарев⁵ кабак.
 75 Приходил-де Владимир да на чарев кабак —
 Ище спит-то ле Васенька, горька пьяница,
 Ище спит-то на печки да он кирпичсьнее,
 Приокуталсэ гуней да нонь кабацкой.
 Закрыцял-де Владимир да громким голосом:
 80 «Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяница!
 Пробужайсе-тко, Васька, да от крепкого сну
 Да пожалуй-ко ко мне да на почесьён пир!»
 Отвещал ему Васька — да горька пьяница:
 «Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
 85 Не могу к вам итти да на почесьён пир:
 Как болит-то, болит да буйна голова,
 Да щипит-то, щипит да ретиво серьцё!»
 Наливал где Владимир цяру зелена вина —
 Ище та же была цяшка да полтара ведра! —
 90 Подавал-де нонь Васьки — да горькой пьяници.
 Принимал ноне Васька да единой рукой,
 Выпивал ноне Васька да к едину духу.
 Говорыл где Владимир-от по второй раз:
 «Ты пойдём-ко-се, Васька, да на поцесьён пир!»
 95 Отвещал ему Васька — да горька пьяница:
 «Как болит-то, болит да буйна голова,
 Да щипит-то, щипит да ретиво серьцё!»
 Говорил-де Владимир да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяница!
 100 Ты соскакивай с пецьки да нонь с кирпичсьней,
 Припадай-ко-се к боцьки да ноне ливером,
 Ище пей-ко-се, Васька, да сколько требуешь!»
 Тому слову Василей да не отслышилсэ:

- Соскоцил он ведь с пецьки да нонь кирпичнеей
 105 Да припадывал к боцьки да он ведь ливером,
 Да тянул он из боцьки, да сколько следуёт.
 Да пошол где нонь Васька да на поцесьён пир:
 Да Владимир-от идёт да как попереди,
 Ище Васька идёт да позади нонь.
- 110 Да приходят они да ко красну крыльцю,
 Да пошли где они да во светлу грыню.
 Да пошол где нонь Васька по красну крыльцю —
 И да ступень-от до ступеня догибаицьсе,
 Да красно-де крыльце да пошатаицьсе.
- 115 Во светлу грыню зашол да цяжоло ступил —
 Да дубовы-ти столы да отряхалисе,
Вси напитки на столах да розливалисе.
 Посадили его в место да нонь високоё.
 Наливал где Владимир цяру зелена вина
- 120 (Ище та ж была цяшка да полтара ведра!)
 Принимал где нонь Васька да единой рукой,
 Выпивал где нонь Вася к единому духу.
 Наливал где Владимир да цяру вторую,
 Наливал где Владимир да цяру третью нынь.
- 125 Ище тут где Владимир да выговарывал:
 «Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяниця!
 Да не можошь ле съездить да в Ордянну Землю
 Отвезти нонь дары да троёгодныя:
 Да двенаццэт удалых да добрых молоццэй,
 130 Да двенаццэт и нонь да красных девицей,
 Да двенаццэт нонь анкирков золотой казны,
 Да двенаццэт нонь пар да белых лебедей
 Да двенаццэт нонь пар да белых крельцятов?»
 Тому слову нонь Васька да не ослыщлсэ.
- 135 Говорыл где Василей да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Владимир да стольнё-киевской!
 Добрыма молодцеми нам не замянитисе,
 Красныма девицеми нам не надаритисе,
 Золотой где казной не откупитисе,
- 140 Ище белыма лебёдкама не наедатисе,
 Ище белыма крельцятыма не наслаждатисе!»
 Говорыл где Василей да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
 Ище дай мне-ка названого брата Добрынюшку Микитица!»
- 145 Посидели удалы да на цёсном пиру,
 Да пошли они ведь нонь да из цёсна пира.

- Ище стали где удалы да соби́ратисе,
 Да поехали рибята да во дорожечку.
 Приежджали бы они да в Ордянну Землю
 150 Ко тому же королю да ко ординьскому;
 Приежджали бы они да на широкой двор
 Да соскакивали где да со добрых коней.
 Ище Васенька нонь — да горька пьяница
 Как оставил Добрыню да в широке дворе
 155 Ище тут-то с татарами бо[а]ротисе.
 Ище сам где пошел да во светлу грыню —
 Да ступень-от до ступеня да догибаицьсе,
 Да красно где крыльце да росшатаицьсе.
 Заходил где бы Васька да во светлу грыню,
 160 Ухватил где тотарина нонь за ноги,
 Ище нацел он тотарином помахивать,
 Ище сам где тотарину приговарыват:
 «Ище жилы у его дак не сорвуцьсе,
 Да копьё-то у его дак не сломицьсе!»⁶
 165 Ордянной-от король да перепалсэ нонь,
 Да бежит он за пецьку да за кирпичную.
 Говорил где король да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяница!
 Ты оставь мне-ка на семена, на плод людей!»
 170 Ище тут где нонь Васька да приохитил⁷ всех,
 Ище тут где Васька нонь да поворота дал,
 Выходил на широку да он на улицу;
 Погледел нонь ведь Васька да в широке дворе:
 Да прыбил где Добрыня всех тотаровьёв,
 175 Ище тут-де живого да не видать нигде.
 Да пошли где рибятушки в торговой ряд,
 Нагрузили они да ровно три сумы
 Да того ноне платья да дрогоценного
 Да поехали вобрат да в стольне Киев-град.
 180 Приежджали ко князю да ко Владимиру.
 Да не в то где нонь времё да не в ту пору
 Сбирал он, Владимир, да как поцесьён пир.
 Полуцили рибятушка благодарность всю
 От того же от князя да от Владимира,
 185 Да от той же кнегинушки Опраксен,
 Да от тех от бояр да всех от думных,
 Ото всех от купцей, людей торговья,
 Да от тех палиниц да приудалыя
 Да от тех от хресьянушок прожитосьных.

ПОЕДИНОК ДОБРЫНИ НИКИТИЧА С ИЛЬЁЙ МУРОМЦЕМ (№ 24—25)

№ 24

А преждже Резань дак слободой слыла,
 А ишше нониче Резань дак словёт городом.
 А в том же во Резани, да славном городи,
 Да жил где Микитушка Романовиц.
⁵ Жил где Микитушка — состарылсэ,
 Во Резани, славном городи, преставилсэ.
 Оставалась у Микитушки любима семья,
 Любимая семеюшка — молода жена;
 Оставалось у Микитушки чадо милоё,
¹⁰ Ище милоё чадышко любимое —
 Оставалсэ у Микитушки где одинакой сын,
 Да по имени Добрынюшка Микитиц млад.
 А ясной сокол уж стал на возлети,
 А бодрой-от конь дак стал на бодрости —
¹⁵ Да стал-де Добрынюшка на возрости.
 Начал ходить на улицю широкую
 Да с малыма рибятами боротися —
 А с малого борёт и до средьнёго,
 А со средьнёго борёт всех до старого...
²⁰ А в том городу дак постояльцей нет —
 А прошла где тут весточка до города до Мурова,
 До села-де, села да Карачарова,
 До стара казака до Ильи Муромья.
 Говорил где Илеюшка таково слово:
²⁵ «Там како тако бахвалишко проевилосе?»
 Да бежал-де Илеюшка на конюшин двор;
 А седлал где, уздал да коня доброго:
 А застегивал подпруг он до двенаццэти,
 Да тринаццату подпружечку подстегивал
³⁰ Цезез ту где степь дак лошадиную —
 Да не ради басы — дак ради крепости:
 Не оставил бы¹ конь да во чистом поли.
 Скиновал он с сибя да платьё цветноё,
 Одевал на себя да платьицо жыляно,
³⁵ А застегивал застёжок до двенаццати,
 Да тринаццату застёжечку застегивал
 Да не ради басы — да ради крепости,
 Да для-ради опоры да боғатырьского.
 Да садилсэ Илеюшка на добра коня —
⁴⁰ Да не видели Илеюшкиной поездочки;

- Только видели: Илеюшка в стремяно ступил,
 В стремяно где ступил, дак на коня скочил.
 Да садилсэ на коня — дак думу думает:
 «Стороной ли мне ехать, ли дорогою?»
- 45 А дорогою ехать — петьсот ведь вёрст,
 А стороной мне ехать — полтараста вёрст». —
 А поехал стороной, уж не дорогою:
 А темны-де лесы конь промеж ноги берёт,
 А дыбучия болота перерыскивает,
- 50 А глубокия реки конь перескакивает.
 Выехал Илеюшка на шоломя окатисто,
 Да на то же на шоломя-круту гору,
 А зрил-де, смотрел во трубочку подзорную.
 Да завидял Илеюшка Резань-город;
- 55 А в том же Резани, да славном городе,
 В том же народу да много-множество:
 А конны-ти едут темным лесом,
 Пешоходом идут народ станицеми,
 Черным караблём бежат дак по синю морю.
- 60 Соскочил где Илеюшка со добра коня
 Да спускат-де коня дак во чисто полё:
 «Ище ой еси, конь — да травяной мешок!
 Ты ходи-тко-се, конь, да во чистом поли,
 А своёго времени не прохаживай
- 65 Да миня, доброго молодца, не забыдивай!»
 А пошел-де тут старенькой пехотою
 А пехотою, ступью бродовою.
 Да приходит-де старой во Резань-город
 А к тому же к Добрынюшкину к округу:
- 70 «А пустите-ко миня, рибятушка, подальше в круг». —
 «Ище где же тебе, старому, пробратися?»
 Не тебе ишше: старой, дак не пробратися!»
 Ище тут где старому за беду стало,
 За великую досаду-досаду да показалосе:
- 75 Он на ту руку махнёт — да тут и улица,
 А оверьницьсе где — да с переулками.
 Да скочил-де старенькой во самой круг
 Да схватил-де Добрынюшку за ворот.
 Говорыл-де Добрынюшка таково слово:
- 80 «Не спросилсэ ты у гузна — ды за голову,
 Не спросилсэ у молоцца — ды за ворот.
 Я же тебя не беру наперёд за ворот,
 Покуда с тобой дак не условились!

- На твою ли пойдём, ли на мою пойдём?
- 85 На твою пойдём — я брошу, на мою пойдём.
А на мою пойдём — ты бросишь, мы розойдимсе». ²
А ясныя соколы слеталисе —
Не удалы добры молодцы схваталисе.
Да боролись они да день до вечора.
- 90 Тут же Добрынюшки за беду стало,
За великую досаду да показалосе;
Розгорелась у Добрынюши горяча кровь,
Росходились у Добрынюши могучи плеча.
Да замётывал Добрынюша леву ногу,
- 95 Да подхватывал Добрынюша правой рукой —
Да бросил где старого о сыру землю:
Ишше пряжки серебряны все переломалисе,
А шпенёчки булатны перегибалисе,
Платьё ведь жилино всё уж лопнуло.
- 100 Поднимает он старого на резвы ноги.
Говорил где тут старой таково слово:
«Ище ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
Не на однакого, Добрынюша, навернисьсе.
Да поди-ко, Добрынюша, своей матушки:
- 105 Ишше пей где ты, ешь кашу варёную,
А слушай, Добрынюша, говорёному!»
Да лишной народ дак росходицьсе стал,
А конной народ дак розъежжацьсе стал.
А пошел где Добрынюша своей матушки,
- 110 А пошел где Илеюшка во чисто полё
Да искать-де своего коня бодрого.
Да нашол-де своего коничка бодрого
Да поехал где Илеюшка во своё место.
Да приехал где Илеюшка в город Муров же —
- 115 А стал народ у ёго уж спрашивать,
А стал же народ у ёго выведывать:
«А с кем же ты, Илеюшка, боролсэ там?» —
«Да боролсэ с удалым да добрым молодцом
А с тем же Добрынюшой Микитичом:
- 120 А бросил-де Добрынюшка о сыру землю!»
Да народу тому дак это не любо.

№ 24а

$\text{♩} = 92$

Пре - же Ре - завь да сло - бо - до - й(и) слы - ла,
И - ще по - н(и) - че Ре - за - юшка сло - вёт го - ро - дом.
А в том де Ре - за - ни да слав - ном го - ро - ди
А жи - л(ы) где Ме - ки - ту - ш(и) - ка Ро - ма - но - вич.
Жи - л(ы) где Ми - ки - ту - ш(и) - ка - со - ста - ри - л(ы) - сэ,
Во Ре - за - ни, слав - но - м(ы) го - ро - ди, пре - ста - вил - сэ.

№ 25

Типерь поехал Илеюшка во чисто полё,
 Да в то роздольицо широкое.
 Он доехал, Илеюшка, до чиста поля,
 Он роскинул на чистом поле свой белой шатёр,
⁵ Он насыпал коню пшеницы белояровой,
 Сам лег во шатре да заснул крепким сном.
 Он спал ведь тут сутки ровно сутками.
 Он проснувшись, во сне да видит дивное:
 Стоял возле его шатёр полотняной,
¹⁰ И конь у шатра стоял белой весь,
 Отгонивши коня да Илья Муромцы
 От той же пшеницы белояровой.
 На што тут Илеюшка россердивши был:
 «Кака же тут невежа приехала
¹⁵ И пустила коня к его пшеницы белояровой?»

- Розбудил он в шатре сильного богатыря:
 «Ты ставай сичас, невежа, невежа незваная;
 Мы поедём с тобой да по чисту полю,
 Мы будем там биццэ на жисть, на смерть!»
 20 Они съехались, молоццы, — розъехались:
 Они билисе копьеми берзаминьскими,¹
 Они билисе палицами боёвыми.
 От рук ихны палицы загорелися —
 Некоторой некоторого не ранили.
- 25 Они сцепились цепями-то железными —
 Некоторой некоторого перетянуть не могли.
 Под ними кони-то добрыя прыгали² вдрут
 От сильной же битве богатырьское.
 Сходили с коничков добрых,
- 30 Сходили богатыри на сыру зем[л]ю —
 Схватились бороцца в охабочку,
 В охабочку³ бороцца — по-медвежьему.
 Они первой день ходили-боролись до вечора
 И другой день боролись до вечора:
- 35 Солнышко катилосе ко западу,
 Ко западу катилосе, ко закату.
 Тут имел же Добрынюшка Некитич млад,
 Он имел тут ухваточку приловкую,
 Преловкую ухваточку гимнастики:
- 40 Повернул Илью Муромца накругом-вокруг,
 Ударыл его, Муромца, об сыру землю
 И сел к Ильи Муромцу на белы груди,
 И стал Илью Муромца спрашивать,
 Спрашивать стал его, выведывать:
- 45 «Ты которого города, коей земли?
 И как оцца-матерь именём зовут,
 Именом же зовут да по отечеству?»
 Отвечал тут ему да Илья Муромец:
 «Уж я был бы сидел да на твоей груди —
- 50 Я ростегивал бы твои пуговки вольячныя
 И порол бы твою да грудь я белую,
 И смотрел бы я твоё да ретиво сердце!»
 Тут стал же Добрынюшка Некитич млад,
 Он стал тут ростегивать⁴ шубочку собольею:
- 55 Он ростегивал пуговки вольячния,
 Отворачивал латы булатныя.
 Увидавши он на груди крест серебряной,
 Соскочивши с груди он могучие,

- Он брал тут Илью да за белы руки,
 60 Поднимал он Илеюшку на резвы ноги:
 «Извини меня, Илья, да Илья Муромец,
 Извини меня, Добрынюшку Некитича, —
 В том звини, что я победил тибя:
 Быть же ты мой, да мой крестовой брат,
 65 Ты крестовой мой брат, да ты мой старшэй брат!»
 Они стали тут братья, покрестовались,
 Покрестовались братья и розъехались:
 Добрынюшка поехал во чисто полё,
 Илья Муромец поехал во Киев-град.
 70 Он приехал во Киев к князю Владимиру.
 (У Владимира сидел да тут Попович млад) —
 Они много сидели и беседовали:
 Он сказал про Добрынюшку Некитича,
 Что видел Добрыню во чистом поле,
 75 Похоронил его косточки могучия,
 И теперь уже Добрынюшки живого нет.
 Олёшенька Попович-от женицсэ стал:
 И стал он просить князя Владимира,
 Штоб женицсэ на вдове Омельфе Тимофеевне,
 80 На жене Добрынюшка Некитича.
 И стал тут Олёшенька сватацсэ.
 Но Омельфа Тимофеевна не йдёт взамуж —
 Она помнит ведь речи Добрыни Никитича,
 Когда поехал Добрыня во чисто полё:
 85 «Если не буду я дома через десеть лет —
 (А теперь прошло времени пятнаццать лет!),
 Ты тогда можешь взамуж итти;
 Хошь за старого пойдёшь, хошь за младово —
 Но не ходи ты за Олёшеньку Поповича,
 90 Потому я Поповича не люблю всегда!»
 Ну, стал тут Попович, посваталсэ,
 Но не шла за него Тимофеевна.
 Он просил, Попович, князя Владимира,
 Еще попросил он Илью Муромца,
 95 Чтобы те помогли ему сосватацсэ
 На той же вдове Омельфе Тимофеевне.
 Пошел тут Владимир, князь стольно-киевской,
 Пошел он к Омельфе Тимофеевне.
 «Ты что же, Омельфа Тимофеевна,
 100 Ты не йдёшь же взамуж за Олешу Поповича?
 Ты иди же, Омельфа Тимофеевна,

- Ты иди же за Олешеньку Поповича!
 Добром ты пойдёшь — дак он добром возьмёт;
 А не идёшь ты добром — я отдам силою!»
- 105 Говорыла Омельфа Тимофеевна:
 «Уж ты ой еси, великий князь
 Владимир стольно-киевской!
 Я не желаю изменить своему супружеству,
 Супругу же Добрынюшки Некитича!
- 110 После времени пройдёт хоша и десеть лет,
 После десети пройдёт и пятнадцать лет —
 Он велел мне тогда выходить в замужество.
 Он велел выходить мне за старого,
 За старого велел и за младого, —
- 115 Только не велел выходить за Олёшу Поповича:
 Не любил он Поповича в жизни сей».
 Говорыл в ответ ей да Владимир-князь:
 «Уж ты ой еси, Омельфа Тимофеевна!
 Чем тебе вдовой сидеть, иди в замужество —
- 120 Ты в замужест[в]о иди за Олёшу Поповича!»
 Говорыла Омельфа Тимофеевна:
 «Будет воля твоя, княже, великая,
 Я послушаю тибя типерь во первый раз:
 По твоей же по просьбе по княжеской
- 125 Я выйду за Олешеньку Поповича!»
 Они назначили день, и день свадебной,
 Они назначили свадьбу и через десеть дён.
 Прошло время то — всё да собирависе,
 Собирависе, на свадьбу снарежалися.
- 130 Они стояли на свадьбе за дубовым столом,
 Они всех тут на свадьбе угощали же,
 Всем чары с вином подавалисе.
 Вдруг входит калика перехожая,
 Он входит во грынюшку во светлую
- 135 На ту же на свадебку весёлую;
 Он ходит и князю челом же бьёт,
 Челом ему бьёт да низко кланая[я]цса:
 «Уж ты ой еси, князь Владимир стольно-киевской!
 Ты позволь мне-ка сесть да на печной столб
- 140 Посмотреть мне на младую супружницу,
 На младую супружницу Поповича!
 Да позвольте мне гусли сыграть же здесь,
 И гусли те дайте мне — Добрынюшки Некитича:
 Помянуть мне прах Добрынюшки Некитича!

- 145 Сыграю я в гусли, звончаты гусли,
Звеселю я Олëshеньку Поповича,
Звеселю я Олëshину молоду жену!»
Принесли тут прохожому золоты гусли —
Тут начал прохожий поигрывать,
- 150 И начал прохожий всё выигрывать...
Догадалса Илеюшка Муромец,
Догадалса притом и Владимир-князь,
Што зашол им во грынюшку и не прохожей же,
Не прохожэй калика, не долгополой же,
- 155 Но пришол к ним — Добрынюш[к]а Мекитич млад.
Догадалась же Омельфа Тимофеевна
По игре в гусях Добрынюшки Некитича;
Попросила она князя Владимира,
Штобы дал он ей чарочку серебряну,
- 160 Штобы серебряну чару в полтора ведра.
Тут подал Владимир чарочку серебряну.
Наливала Омельфа Тимофеевна,
Наливала эту чару зеленым вином,
Зеленым же вином да полтора ведра —
- 165 Подавала эту чару калики прохожому,
Подавала эту чару да на печном столбе.
Принимал эту чару калика перехожэй же,
Принимал эту чару он одной рукой —
Выпивал эту чару к одному духу.
- 170 Он снял свой перстень золотой с руки,
Он положил в эту чарочку серебряну:
«Ты увидишь, Омельфа Тимофеевна,
Ты увидишь этот перстень, коей нам с тобой,
Коей нам же с тобой да обручальной был!»
- 175 Увидавщи Омельфа Тимофеевна,
Она взявши тот перстень на руку свою,
Она обратилась к столу, к столу дубовому:
«Поздравляю тебя, Олëshенька:
Женилса — не с ким спать!»
- 180 Сама пошла она к печки муравленой,
Она брала же Добрынюшку Некитича,
Она брала ево за белы руки —
Целовала его в уста сахарные.
Подходила она с им да к дубову столу,
- 185 Поклонились они Олëshеньки Поповичу:
«Поздравляём тибя, Олëshенька:
Женилса — не с ким спать!»

- А еще же промолвил князю Владимиру
И промолвил притом же он Ильи Муромцу:
- 190 «Вы поздравьте Олешеньку Поповича,
Вы поздравьте Олешу, что не с ким спать!»
На то тут Олешенька россердивши был:
Выбегал тут Олешенька на улицу,
Побежал тут Олешенька во дом во свой,
195 Хватил тут Олешенька острую сабельку —
И бежал тут Олеша на Добрынюшку Некитича.
Говорил тут ему Илья Муромец:
«Не летай ты, Олешенька, за соколом:
Я же, старык, да не тебе чета —
200 Не тебе же чета да не тобой зовут —
Да был у меня Добрынюшка на белых грудях;
А тибя-то, Олешеньку Поповича,
Тибя-то, Олешу, как комара, убьёт!»
Тут-то Владимир приужакнулся;
- 205 Узнал он про сильного богатыря,
Про сильного богатыря Добрынюшку Некитича:
«Извини нас, Добрынюшка Некитич млад!
По просьбе моей твоя супружница
Пошла за Олешеньку Поповича,
210 Как прошло тому времени пятнадцать лет
По твоёму отъезду от родины.
Роскажи ты, Добрынюшка, где же был,
Роскажи нам, Добрынюшка, что видал?»
Тут начал Добрынюшка рассказывать:
- 215 «Был я, Добрыня, на синём море;
Я видел, Добрыня, чудо чудное,
Я видял Змея страшново,
Змея старшново видял, троеглавого.
Он хотел миня убить да на синём море.
220 Я сказал тому Змею троеглавому:
„Не честь тебе будет молодецкая,
Не хвальба тебе будет всё Змеиная,
Что убил бы ты богатыря во неволюшке,
Во неволюшке убил бы, на синём море,
225 На синём море убил бы, на быстрой воде!
Помоги ты мне, Змей, да выйти на землю —
Тогда убьёшь меня, молодца, на сырой земле!
Тогда будет и честь тебе молодецкая,
Тогда будут бояцца тебе сильные богатыри —
230 Да такого-то Змея троеглавого,

- Троеглаваго Змея, Змея сильного,
 Што убил-то Добрынюшку Некитича,
 И убил он богатыря могучаго,
 И убил он богатыря на сырой земле!»
- 235 Тут на то Змей, Змей, оглянувшись вдруг,
 Он помог тут Добрыни — до сырой земли.
 Когда вышел Добрынюшка на сыру землю:
 «Ты дай мне, Змей, типерь опомницсэ,
 Ты опомницсэ да отдохнуть с часок!»
- 240 Отдохнувши Добрынюшка Некитич млад;
 Прибравши он в руки сер-горюч камень,
 Сер-горюч камень прыбрал в петьдесят пудов:
 «Ну, ты можешь, Змеишшо троеглавое,
 Ты можешь типерь сразицьсе
- 245 С Добрыней Некитичом,
 Ты можешь сразицьсэ на сырой земле!»
 Тут стало Змеишшо подвигатися,
 Полетело Змеишшо выше всех лесов,
 Полетело Змеишшо под облака —
- 250 Рынулось сверьху на Добрынюшку Некитича,
 Летит на Добрыню с шумом великием.
 Добрыня схватил сер-горюч камень,
 Он бросил этот камень в Змея лютого —
 Оторвал у Змея две главы.
- 255 Упало Змеишшо-то на землю:
 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Некитич млад!
 Пощади меня, Добрынюшка, во первой раз;
 Я за то тебе, Добрыня, вознагражду тибя:
 Приведу тебе, Добрыня, коня доброго,
- 260 Твою сбрую привезу богатырскую, —
 Только не бей меня, Добрынюшка, до смерти!»
 На что тут Добрынюшка согласён был.
 Тогда тут Змеишшо прелютоё
 Слетало Змеишшо за конём доброем,
- 265 Принесло же всю сбрую богатырскую.
 Оделсэ Добрынюшка Некитич млад,
 Оделсэ Добрынюшка в цветно платьцо,
 Надел на себя все сбрую богатырскую,
 И сел он на коничка вороного —
- 270 Отнял он главу Змею лютому,
 Покончил он жизнь Змея лютаго —
 Очистил дорогу прохожим и проежжим здесь.
 Потом поехал Некитич во страны дальняя,

- Страны дальняя ездил, незнакомые.
- 275 Он привёз же оттуда подарочки,
Подарочки для князя для Владимира —
Подарочки: еичко изумрудово,
Второ еичко брельантово,
Из отдалённого царства Малобрунова»
- 280 Прин[ь]явши⁵ подарок, Владимир-князь,
Прин[ь]явши подарок, благодарить он стал,
Благодарить он стал Добрынюшку Некитича:
«Ты бери же, Некитич, что те надобно —
Ты сёла бери да с присёлками,
- 285 Золотой казны бери себе по надобью!»
Говорыл ему Добрынюшка Некитич млад:
«Мне не надо сёла с присёлками,
Мне не надо твоя да золота казна,
Мне не нужны твои да славы-почести —
- 290 Только возвратите вы мой дом белокамянной,
В котором я буду спокойно жить
Со своею Омельфой Тимофеевной!»
Говорыт ему князь да во второй након:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Некитич млад!
- 295 Ты бери свои полаты белокамянны,
Ты живи себе, Добрынюшка, как хочыцъсье, —
Только не забывай меня, князя Владимира,
И не забывай всё нашу родину
Со своим же ты с братом со крестовым,
- 300 Со крестовым братом со Ильёй Муромцом!»
Говорыл им на то Добрынюшка Некитич млад,
Говорыл ему на то Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольно-киевской!
Мы будём охранять да стольно Киев-град,
- 305 Мы будём охранять да свою родину,
Свою родину спасать, свою могучу Русь!
Только дай нам пожить сичас да в городи,
А потом будём ездить мы по заставам,
От розных⁶ наезников лихих-негодных,
- 310 Негодных наезников-разбойников,
Мы спасать буде[ё]м жисть царя великого —
Тибя, князя Владимира!
И за нас тибя, князя, мы царём зовём,
Мы царём тибе зовём да будём клана[я]цсэ!»

ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 26—27)

№ 26

- Как из-за моря-моря — да моря синёго,
 Из-за синёго морюшка широкого
 Тут пловёт-выплывает да триццэтэ караблей.
 Заплывают во матушку во Невесь¹-реку —
⁵ Они ставят свои да цёрны карабли,
 Они ставят ко прыстани карабельни же,
 Они сходёнки-ти клали да на крутой бережок,
 Они походят ко князю да ко Владимиру.
 Как пошли-то, пошли да на круту гору,
¹⁰ Как прышли они, прышли да к широку двору.
 Как заходят тут во грынюшку они во светлую —
 〈О〉не целом-то не бьют, низко не кланеюцэ.
 Как стават князь Владимир да на резвы ноги:
 «Уж ты здрастуёшь, проклятой большой Жидовин!
¹⁵ Пировать ле к нам прышол, але столовать прышол,
 Уж ты пива ле пить да хлеба кушати?..» —
 «Не пировать я к вам пришол, не столовати к вам,
 А не пива к вам, не хлеба кушати —
 Я пришол тут на Марфушки сватацьсе!»
²⁰ Говорил князь Владимир да таковы речи:
 «За себя ле ты берёшь але за брата?
 Как не за брата берёшь, да, буват, за друга?» —
 «Не за себя я беру и не за брата,
 Я не за брата беру и не за друга —
²⁵ Я за короля за Грёбина Замойловица!
 И ты добром не дашь — дак возьму силоу!
 Уж мы силой-то возьмём дак богатырскою,
 Мы грозой-то возьмём да королевскою:
 У вас три дни проживём, да весь ваш град сгубим!»
³⁰ Умывалсэ князь Владимир да побелёшенько,
 Снарэжалсэ князь Владимир да поскорёшенько —
 Как походит он к Марфушки на высок терям.
 Увидяла Марфушка в окошецки:
 «Как давно красно солнышко не всходило,
³⁵ Не много, не мало — ровно двенаццэтэ лет;
 Как сегодни красно солнышко високо взошло
 Как на Марфушкин да на высок терям —
 Как сегодни-то братилко ко мне в гости подошол!
 Пировать ле к нам идёшь, али столовать идёшь,
⁴⁰ Але пива ко мне пить, але хлеба кушати?» —

- «Не пировать я к тебе иду, не столовать иду,
Я не пива к тебе пить, не хлеба кушати:
Как приехали на Марфушку сваты сватацьсэ,
Приехал проклятоё Издолицо!
- 45 Как добром ты не йдешь — дак возьмут силою!
Они три дни проживут — дак весь наш град сгубят!»
Умываласе Марфушка побелёшенько,
Снарежалась тут Марфушка поскорёшенько.
Как пошли-то ко князю да во высок терям,
- 50 Заходят во гринюшку во светлую:
«Уж ты здрастуй, проклятоё Издолицо!
Пировать ли к нам пришол, але столовать прышол,
Але пива к нам пить, але хлеба кушати?..» —
«Не пировать я прышол, не столовати к вам,
55 Я не пива к вам пить, не хлеба кушати;
Я пришол же на Марфушки сватацьсе!» —
«За себя ты берёшь але за брата?
А как не за брата берёшь, да, буват, за друга?» —
«Не за себя я беру дак и не за брата,
- 60 Не за брата беру дак и не за друга, —
Я за короля за Гребина Замойловица!
Ты добром-то не йдешь — дак возьмём силою;
И мы три дни проживём — дак весь ваш град сгубим!»
Говорила же Марьюшка таковы слова:
65 «Как для бабьёго-то гузна да не весь град сгубить!»
Умываласе Марфушка белёшенька,
Снарежаласе² Марфушка хорошохонько;
Говорила же Марфушка таковы слова:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
- 70 Уж ты дай же мне три да спровожателя:
Первого спро[во]жателя — старого казака да Илью Мурамца,
Второго спро[во]жателя — Добрынюшку Микитица,
Как третьёго спро[во]жателя — Олёшеньку Поповица.
Уж ты дай же мне, братилко, боцьку зеленá вина,
75 Ты дай же мне, братилко, боцьку пива пьяного,
Уж ты дай мне-ка, братилко, боцьку мёду сладкого!»
Пошли они из гринюшки из светлой,
Провожают тут Марфушку силы множесьво:
По праву руку пошло силы — сорок тысецей,
80 По леву руку пошло силы — сорок тысецей,
Впереди-то ей идёт³ силы — цисла-смету нет,
Позади-то ей идёт³ сила — цисла-смету нет!
Как светла-та луна да потеряласе,

- Как красно-то солнышко помертвело.
 85 Как зашли они во етот да во цернен карабь,
 Они якори катали — сами отравились.
 Тут бежали они своима и церныма карабли.
 И говорила же Марфушка из⁴ своих редей:
 «Уж ты ой еси, проклятоё Издолицо!»
- 90 Как нельзя ле остановить свои церны карабли:
 Как сегодни-то Марфушки — спроводинной день!»
 Как на то же тут проклятой да не ослышилсэ:
 Остановил он свои да церны карабли.
 Тут наливала Марфушка цару зелена вина,
 95 А наливала тут ведь Марфушка цару пива пьяного,
 Наливала она цароцьку мёду сладкого,
 Подавала проклятому Издолицу:
 «Уж Вы кушайте, проклятой большой Жидовин:
 Как сегодни-то Марфушки — спроводинной день!»
- 100 Как прымаёт проклятоё Издолицо,
 Выпивает ети цары да на единой дух.
 Наливаёт тут Марфушка во второй раз,
 Наливаёт тут цару да полтретья ведра,
 Подаваёт проклятому Издолицу:
 105 «Вы выкушайте, проклятой большой Жидовин:
 Как сегодни-то Марфушки — еменинной день!»
 Тут прымаёт проклятоё Издолицо,
 Выпивает проклятой да на единой дух —
 И как свалилсэ проклятоё Издолицо,
 110 Он свалилсэ во свой да во цернен карабь.
 Добрынюшка Микитиц тут догадлив был,
 Как Олешенька Поповиц да тут он смёлы был,
 А стары казак Илья Муромец едрёной был:
 Они секли у проклятого Издолица,
 115 Они секли у ёго да буйну голову!
 Да убросили они тут и в морё ёго.
 Збортыхалосе то туловищо в синём мори —
 Сколыбалосе синё морё со краю на край,
 Со краю-ту на край да из коньця в конець,
 120 Пошатались и ихны да церны карабли.
 Как пошли ети ихны да церны карабли —
 Как пошли они во свою да нонь стороноцьку.
 Как пошли-то Илеюша Мурамецъ
 Как с той же со Марьюш[к]ой Владимеровной —
 125 Ну пошли-то, пошли да во свою землю,
 Во свою-ту землю да во свою грünü.

№ 27

- А да плыло-выплывало да триццать караблей:
 Ох они плыли¹-заплывали да во Унеп-реку,
 Во тот же город да славно Киёв-град.
 Становилисе они да ⟨на⟩ пристань карабельною —
- ⁵ А выходило Издолицо на землю туда,
 Ко тому же ко князю да ко Владимиру.
 Он заходит во грынюшку² столовую
 Ко тому же ко князю да ко Владимиру:
 «Уж ты здрастуёшь, Владимир да стольне-киевской!»
- ¹⁰ А-й да ставал-то ле князь да стольне-киевской:
 «Пировать ле ты пришол, столовать сюда?» —
 «Не пировать я к вам пришол, не столовать сюда,
 Не хлеба кушати, не гуся рушати —
 Я хожу-то ле к вам о добром деле, сватосве³
- ¹⁵ На той же на Марфы-королевисьны.
 Если добром-то не отдашь — дак возьмём силою;
 А не силою возьмём — дак грозой грозною,
 А грозой-то мы возьмём да богатырьскою!»
 Тут ставал-то ле князь да славно-киевской,
- ²⁰ Он ставал покрутёшенько на ножецьки,
 А поскорёшенько из грыни столовое —
 Ище к той же ко Марфы да королевисьны,
 Ко своее к родной да ко сестриценьки,
 А во то же во грынюшку столовую:
- ²⁵ «Уж ты здрастуёшь, сёстра да моя любимая!» —
 «Уж ты дваццэт лет, солнышко, не сходило,
 А тепере зашло да обогрело же —
 А садись со мной да думу думати!..
 А пировать ле ты пришол да столовать ко мне,
- ³⁰ Але хлеба кушати, гуся рушати?» —
 «Не пировать я к вам прышол, не столовать сюда —
 Я хожу-то ле к вам да не очунь ндрависце:
 А да о том же хожу да о добром деле, сватосве!
 А такой у нас ведь есь да король Гремиев.
- ³⁵ Не жалашь ле за ёго дак ты в замужесьво?⁴
 А добром-то ты не йдешь — дак возьмёт силою,
 А не силою возьмёт — дак грозой грозною,
 Он грозой-то ле возьмёт дак богатырьскою» —
 «Уж ты ой еси, Владимир столь[не]-киевьской!
⁴⁰ А как дле бабьего гузна да не весь град губить!»
 А тут ставала Марфа ле да королевисьня,

- А ставала покрутёшенько н⟨а⟩⁴ резвы ноги:
 «А пойдём-ко-се мы да поскорёшенько,
 Поспешим-ко-се, братилко, скарэшенько
 45 Ко тому королю да ко Гремину!»
 А идут-то они во грынюшку столовую
 Ко тому королю да нонь ко Гремину,
 Ко тому Издолицу проклятому:
 «Уж ты здрастуёшь да ноньце, король Греминов!
 50 Пировать ле ты пришол с нами, столовать сюда?» —
 «Ой не пировать я к вам пришол, не столовать сюда —
 Я заехал сюда да за прекрасною
 А за той же я за Марфой-королевисьной.
 А добром-то ты не йдёшь — дак возьму силою,
 55 А не силой-то возьму — да⟨к⟩ грозой грозною,
 А грозой-то я возьму да богатырьскою!» —
 «А зачем же у нас дак грозой грозной брать,
 А и силой у⁵ нас дак силой сильнёю,
 А грозой-то у нас дак богатырьскою?» —
 60 А нельзя ле у нас дак всё добром сделать?..» —
 «А когда ладиссе добром — дак сделам дело с тобой:
 Обратимсе с тобой тако неманение,⁶
 Обрутимсе в тако с тобой неманеё,⁷
 Обручимсе златыма-то перснями нонь!» —
 65 «Ох мы долго с тобой дак думу думали —
 Мы придумали с тобой дак й-отправлятисе.⁸
 На те на карабли дак на маё пойдём!» —
 «А ты позволь-ко-се мне, да король Греминов,
 Ты позволь-ко-се мне дак слово молвити!
 70 А да мы пойдём-ко с тобой дак ⟨на⟩ пристань карабельною;
 А мы возьмём-то с собой два спроводетеля —
 А мы возьмём-то с собой Олешеньку Поповица,
 А мы возьмём-то с собой Добрынюшку Микитица:
 Мы тогда-то с тобой не забоимсе ведь,
 75 Мы отправимсе с тобой дак во синё морё».
 Выходили ёни из грынюшки столовой:
 А как по праву-то руку — да сорок тысицей,
 А во левую руку — да цисла-смету нет.
 И заходили ёни на карабли товда,
 80 И отправились они дак ез Онепь-реки.
 Поднимали ёни паруса цёрного бархату,
 И отправились они дак на синё морё.
 И тогда-то ёни шли по синю морю,
 А ле стоят со Марфой-королевисьной

- 85 (А тому-то ле думала: он овѣз⁹ неё) —
 А и Олѣша Поповиц нонь ухватцив был,
 А Добрыня Микитиц-от догадливой:
 А срубил у ёво да буйну голову —
 У тово короля дак нонь у Гремена.
- 90 И выхватывали да нонь Издолица,
 И выбрасывали дак во синё морё —
 Сколыбалосе да вот синё морё,
 Сколыбалосе синё морё со краю на край.
 И товда-то ёни все зрадовалисе.
- 95 И прыбили¹⁰ ёни неверну силушку;
 И отбили ёни да триццэтъ караблей,
 Поворачивали да триццэтъ караблей
 И во то же ёни да во Онепь-реку,
 И во тот же ле город славной Киѣв-град,
- 100 И ко тому ле ко князю ко Владимиру,
 И на ту-то же присталь карабельною.
 А поднимали они флаки да ноньце руськия.
 А увидал-то ле князь да стольне-ки[е]вской —
 А тому-то ле он да очонь рад был.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И МАРИНКА (№ 28—31)

№ 28

- А во том же во городи во Цернигови
 А ишше¹ жил-был Мекитушка — не старылсэ,
 А не старылса Мекитушка, жил — представилсэ.
 А оставалась у Микиты всё любима семья,
 5 А любима где семья — осталась молода жона,
 А по прозванью-ту Омельфа да Тимофеевна.
 Оставалось у ей ишше¹ цядо милоё,
 А ишше милоё цядо у ей любимое,
 А по прозваньицю Добрынюшка-свет Микитиц млад.
- 10 А ише от роду Добрыни тольки двенаццэтъ лет.
 А да ходил он гулять да нонь на улицю,
 А он на улицю ходил да на широкую,
 На дорожецьку ходил всё да на проежжую.
 А заходил он гулять на дворы на барские,
 15 А на барские дворы да всё на князевьские,
 А играл он с детьми да князенецькими,
 А со тема же с рыбацами со барскимма.

- А играл он с им[а]² да нонь во рюхи³ нонь —
 А да избил где он их да всех измузил нонь.
- 20 А ише та им игра нонь не понравилась.
 А играл он с има во карты-шахматы —
 А он ведь выиграл у их да платьё цветноё,
 Платьё цветно у их да кнезеновскоё,
 Кнезеновско ведь платьё — да всё ведь барьскоё.
- 25 А ише та им игра да всё не подравилась.⁴
 Они стали Добрыню всё журить-бранить,
 А обносить-то ведь рецьми ёго нехорошима,
 И ише бить-то стали палками всё шаровыма.
 А говорят они сами да таковы слова:
- 30 «А не оцъцёв ты как сын да нонь не материн —
 А нет у тя оцъця да настоящего!»
 А ище ёму шутка да не пондравилась:
 А ухватил он детей да князеновских,
 А он руки-ти у их из плець повыхватил,
- 35 А тех же детей всё ведь барских,
 А ноги-ти у их ведь он повиставил.
 А ише собрал ведь, взял да платьё цветноё,
 Платьё цветноё собрал да князеновскоё,
 Князеновско тут платьице тут барскоё.
- 40 А да приходил-де Добрыня да к своему двору,
 А заходил где Добрыня во теплу спалёнку —
 А бросил как тут платьё цветноё
 А на ту же на кроваточку на тисовую,
 А на ту на перинушку на пуховую.
- 45 А сам пошел где-ка Добрыня да во светлу гриню,
 А где сидит где как родна его матушка —
 А ишше та где Омельфа⁵ да Тимофеёвна.
 А тут же Омельфа да Тимофеёвна
 А становила она стол ёму кленовой же,
- 50 А наносила она пици да всё мёдовое,
 А принесла где ему да хлеба-соли тут,
 А говорила где сама ему таковы слова:
 «А да поешь-ко, Добрыня, да сedy, покушай-ко!»
 А пошла где сама она в теплу спалёнку
- 55 А ише с<т>лать где Добрыни да тёпло местицько —
 А да увидяла Омельфа тут платьё цветноё,
 Платьё цветноё увидяла кнезеновскоё,
 Кнезеновскоё платьё да всё тут барского.
 А приудрогло у Омельфы да ретиво серьцё,
 60 А приусмякло у Омельфы да лице белоё,

- А подломились у Омельфы да ноги резвые,
 А опустились у Омельфы да руки белые,
 А покатались у Омельфы да горющи слёзы.
 А выходила где Омельфа да во светлу гриню,
 65 Говорила где она сама таковы слова:
 «А уж ты ой еси, моё дитя серьдесньё!
 А ты куда нонь ходил гулять на улицу?
 А где ты ведь взял да платьё цветное,
 Платьё цветное взял да князевское,
 70 Князевское платьё да всё ведь барское?
 А убил ле ты кого али ограбил тут?»
 А говорил тут Добрынюшка свет Микитиць млад:
 «А ой еси, родима моя маменька!
 А стыдишь ты меня да нонь бесцестишь тут:
 75 А состила ты миня за вора, за розбойника,
 А за носьного меня ты полуносьника!»
 А пошел где Добрыня да в теплу спалёнку,
 А спал-де Добрынюшка ноньце крепким сном.
 А ишше те же как дети да нонь ведь барские,
 80 А барские дети да князевские,
 А приходят ведь они по своим домам,
 А по своим где домам они, по своим оцьям;
 А говорят тут они ноньце да своим оцьям:
 «А приходил к нам Добрынюша Микитич млад,
 85 А да играл он ведь с нами не по-робецьёму,
 А играл он ведь с нами по-богатырьскому:
 Да какого хватит за руку — руку выставит,
 А какого хватит за ногу — ногу выставит,
 А посередки возьмёт — нас живота лишит.
 90 А отобрал он у нас он платьё цветное,
 Платьё цветно у нас всё князевское —
 Ише та нам ведь шутка да не понравилась!»
 А ише тут где-ка нонь да князя-бояра
 А пошли где ко городу ко Киеву —
 95 А к тому же ко князю да ко Владимиру.
 А говорят они сами да таковы слова:
 «А послушай-ко, Владимёр да стольнё-киевской!
 А прыми-тко от нас да ноньце жалобу:
 А живём мы во городи в Цернигови;
 100 А во том-де во городи во Цернигови,
 А тут есь-де вдова благоцестивая —
 А та же Омельфа да Тимофеевна.
 А есь-де у ей да цядо милоё,

- А ходит гулять да нонь на улицу,
 105 А заходит на дворы наши на барские,
 А играт-то с ребятами со малыма,
 А шутит где шутоцьки не малые:
 А шше руки-ти у их да он повыдергал,
 А шше ноги-ти у их да он повыставил,
 110 А посередки возьмёт — да живота лишит.
 А та ёго шутка нам не надобно:
 А прыкажи ты, Владимир, да ёго выслать вон!
 А не выйдёт где он, дак мы сами выйдём тут.
 А ише та нам ведь шутка да нонь не надобно!»
 115 А говорил тут Владимир да стольне-киевской:
 «А послушайте-ко, князи, вы ведь бояра!
 А подите-тко вы да по своим домам,
 По своим где домам, тут по своим местам:
 А на завтреё Добрынюшку сам повывозу,
 120 А у Добрынюшки, Владимир-князь, всё повыспрошу!»
 А по утру как нонь было всё по ранному,
 А по восхожу-ту было-ту солнышку красному
 А ставал тут Владимир да стольне-киевской.
 А омывалса Владимир да клюцевою водой,
 125 А тонким шитым полотеньцём да утираицьсе,
 А сам говорил он да таковы слова:
 «А уж ты ой еси, гонець, да доброй молодець!
 Одевайсе-ко-се-ко ты по-подорожному,
 А садись как ты да на добра коня,
 130 А поежжай-ко ко городу ко Цернигову —
 А к той-де вдовы благоцестивое,
 А к Омельфы как тут да Тимофеёвны!
 А не доежживай, гонець, — да нонь с коня скоци,
 А не дохаживай до её⁶ — да ей целом ударь,
 135 А говори-тко-се с ей да потихохонько,
 А спрашивай у её да поумалёхонько,
 А скажи: князь тебя просил да скоре требовал
 А с тем с Добрынюшкой с Микитицём».
 А на это гонець-от не ослушалсэ:
 140 А седлал где, уздал да коня доброго,
 А да садилсэ тут нонь да на добра коня,
 А поехал ко городу ко Цернигову —
 А к той же к Омельфы да Тимофеёвны.
 А та где вдова благоцестива тут,
 145 А та же Омельфа да Тимофеёвна
 А скрывала окошецька немножецько —

- Увидала где гоньця тут доброго молоцьця.
 А выходила-де она да на красно крыльцо,
 А ише кланялась ему низко до пояса:
 150 «А-й добро жаловать, гонець, ко мне, доброй молодець!»
 А приеждал тут гонець да ко красну крыльцю,
 А вязал где коня да к золоту кольцю,
 А сам вошел где во грынюшку столовую.
 А стрецят ёго Омельфа да Тимофеёвна:
 155 «Добро жаловать, й-удалой⁷ доброй молодець!»
 А куда ведь тут едешь да куда прависьсе?»
 А говорил где гонець, да доброй молодець:
 «А ежду я ноньце до Вашей милости:
 А ише князь тибя просил, да скоро требовал
 160 А да со тем где Добрынюшкой Микитицём!»
 А тут-де Омельфа да испугаласе,
 А тут Тимофеёвна перепаласе.
 А пошла где она во теплу спалёнку,
 А будит где-ка Добрыню нонь от крепка сна.
 165 А ише спит тут Добрынюшка крепко-накрепко,
 А спит тут Добрыня да двои суточки,
 А спит тут Добрыня — да не пробудицсэ.
 А не могла розбудить ёго от крепка сна,
 А заходила где сама она во светлу грыню,
 170 А говорила молоцьцю да таковы слова:
 «А уж ты ой еси, удалой доброй молодець!»
 А проходи-тко ты сам во теплу спалёнку,
 А буди-тко Добрыню нонь от крепка сна!»
 А они тут стали будить его всяко-навсяко.
 175 А ише тут-де Омельфа да Тимофеёвна
 Она пала ко Добрыни на белы груди,
 Она стала ронить да горюци слёзы.
 А ише пала слёза на лице бело тут:
 А ише звёл где Добрыня да оци ясные,
 180 А поднял где Добрыня да буйну голову,
 А ставал где Добрынюшка на резвы ноги.
 А он увидит свою матерь: да во слезах стоит,
 А перед им-де стоит да доброй молодець;
 А говорил-де Добрыня да таковы слова:
 185 «А уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!»
 А да куда ты идешь, куда ты прависьсе?»
 А цего от миня тибе нонь надобно?»
 А поклонилса тут ёму гонець, доброй молодець:
 «А да послушай-ко, Добрынюша Микитиць млад!

- 190 А ише⁸ ежжу ведь я до Вашей милости:
 А ише князь тебя да скоре требовал
 А со той-де Омельфой да с Тимофеёвной!»
 А умывалса тут Добрыня ключевой водой —
 А он шитым полотеньцём да утираицье,
 195 А во козловы-ти сапожки да обуваицье,
 А-й ишше кунью-ту шубу одеваицье;
 А ишше сам он говорит да таковы слова:
 «А поедём мы с тобой, гонець, доброй молодець,
 А ише мать моя, старуха, нонь пешком прыдёт».
- 200 А они сели как тут, добры молошци,
 А садились они на добрых коней —
 А поехали ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову князю ко Владимиру.
 А приехал тут Добрыня да ко красну крыльцю —
- 205 А тот-де Владимир да стольне-киевской
 А скрывал-де околёнки немножечко,
 А сам говорил да таковы слова:
 «А не провелик детинушка — оцень крепко толст,
 А ише оци-то у Добрыни — да как у сокола,
 210 А ише брови-то у Добрыни — да как у соболя,
 А ресници у Добрыни — да два цисты бобра,
 А ягодници будто ёго — маков цвет,
 А лицо бело у Добрыни — да ровно белой снег!»
 А зашел где Добрынюшка на красно крыльцо,
- 215 А проходя идё Добрыня да по новым сеням —
 Отпираёт-де двери да с крюков на пятау.
 Ише крест-от кладёт — да по-писаному,
 А поклон-от ведёт — по-уцёному,
 А нынь князю Владимиру целом тут бьёт:
- 220 «А уж ты здрастуй, князь Владимир да стольне-киевской!
 А для цего меня зовёшь, для цего требуёшь?»
 А говорил тут Владимир да стольне-киевской:
 «А послушай-ко, Добрыня свет Микитиць млад!
 А тебе сколько, Добрынюша, отроду лет?» —
- 225 «А отроду-ту мне только двенаццэт лет,
 А на триннаццато лето я ведь нынь пошол!» —
 «А уж ты знаёшь, Добрыня, да ноньце грамоту?»
 А говорил тут Добрынюшка Микитиць млад:
 «А я в училищи уцилса да ровно пять тут лет,
- 230 А от учителя имею да я похвальней лист!»
 А ише тут-де Добрынюшка Микитиць млад
 А вымал где-ка листик из корманьщика,

- А подаёт где-ка нонь князю Владимиру.
 А ишше брал-де Владимир да во белы руки,
 235 А цитал где-ка листик, сам головой кацял:
 «А послушай-ко, Добрынюшка, що я скажу;
 На тибя есь, Добрыня, да ноньце жалоба;
 А приходили ко мне да князя⁹-бояра,
 А на тебя где они да ноньце жаловались:
 240 А ходишь гулять нонь ты на улицу,
 А на дорогу где ты да на проежжую,
 А заходил на дворы да всё на барьские
 А на барьски на дворы, да всё на князевски,
 А играл ты с детьми¹⁰ да нонь со барьскима
 245 А с тема же детьми да с княженевскима —
 А да избил ты детей да ноньце барских,
 А барьских детей всё княженевских:
 А руки-ти у их да ты повыставил,
 А ноги-то у их да ты повыдергал,
 250 А посередки где брал — тут живота лишил.
 Отобрал где у их ты платьё цветноё,
 Платьё цветно у их, да княженевскоё.
 А приходили ко мне да князя⁹-бояра,
 Приносили на тебя да ноньце жалобу,
 255 А велели тебя да ноньце выслать вон:
 А не выйдёшь-де ты — дак они сами выйдут тут!»
 А говорил тут Добрынюшка Микитиц млад:
 «А послушай-ка, Владимир да стольне-киевьской,
 А послушай ты, Владимир, да нонь, що я скажу.
 260 А ходил я гулять да нонь на улицу,
 А заходил я на дворы да нонь на барские
 А на барьски дворы на княженевские —
 А играл я с детьми да княженевскима,
 А с тема же с детьми да всё со барскима.
 265 А во первой раз играл во рюхи нонь —
 А избил я ведь их, да нонь измуцил нонь:
 А ише та им игра да не пондравилась.
 А играл я с има во карты-шахматы —
 А отыграл я у их да платьё цветноё,
 270 Платьё цветно у их, да князиневскоё:¹¹
 А они тут-де меня стали журить-бранить,
 А бить-то меня палками шаровыма.
 А ише-то я сносил им всё за шутку же!
 А обносить стали меня рецьми нехорошима:
 275 „А не оцьцёв как сын да ты не материн —

- А ишке нет у тя оцца да настоящего!” —
 А та мне-ка шутка не пондравилась:
 А уж руки-ти у их да нонь повывставил,
 А уж ноги-ти у их да нонь повывдергал!»
- 280 А говорил тут Владимир да стольно-киевской:
 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
 Да садись-ко ты, Добрынюшка, за дубовой стол!»
 А было во ту пору, во то время
 А пришла тут Омельфа да Тимофеёвна.
- 285 Да берёт ведь ей князь да за праву руку,
 А садит ведь ей князь да за дубовой стол.
 А тут-де Владимир угошшать их нонь стал,
 А говорил где-ка Добрынюшки Микитицю:
 «А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
- 290 А ты живи-тко у мя в дому придверьником,
 А живи-тко у мя да воёводою,
 А живи ты у мя хоть за лакея нонь,
 А живи в городе ты управителём,
 А живи ты, Добрыня, хошь казнацеём нонь!»
- 295 А говорил он Омельфы да Тимофеёвны:
 «А ты оставь мне Добрыню да во служеньице!..»
 А говорила Омельфа Тимофеёвна:
 «А послушай-ко, Владимир да стольне-киевской!
 А ишке хто меня, старуху, будёт поить-кормить?..»
- 300 Говорил тут Владимир да стольне-киевской:
 «А кормить я Вас буду ноньце досыта,
 А поить я Вас буду ноньце допьяна,
 А золота тебе казна от меня не запёрта!»
 А говорила тут Омельфа Тимофеёвна:
- 305 «А спусти ты Добрыню ко мне на три месеця!»
 А отпускал-де Владимир тут стольне-киевской,
 Отпускал тут Владимир их ведь с радостью.
 А поехали ко городу ко Цернигову
 А к своёму-де двору тут ко широкому.
- 310 А ише тут Добрынюша Микитиць млад
 А жил где-ка дома да ровно десеть дней,
 А на одинацатой день тут всё гулять пошол.
 А ёго тут ноньце родна сёстра,
 А та как Марья да всё Микитисьня,
- 315 А говорила сама она таковы слова:
 «А да послушай-ко, Добрыня, що ведь я скажу, —
 А пойдёшь ты гулять да нонь на улицу
 А по тому же по городу по Цернигову —

- А не ходи ты во улицу во Игнатъевску,
 320 А во цысты пере(й)улки да во Демидовски,
 А к той же к Марынки, да злой безбожници,
 А к лютой-де Змеи да подколодьници!
 А не гледи ты на ейны на окошецька:
 А на окошецьках сидят у ей тут голубы,
 325 А голубы сидят всё нонь кормлёные —
 А не стрелей ты в околёнку в хрустальную:
 А не застрелить тебе голуба кормлёного!»
 А ише тут-де Добрынюшка Микитиць млад
 А он ходил-де, гулял по всем-де нонь улицям —
 330 А зашел он во улицу Игнатъевску,
 А во цысты переулки да во Демидовски,
 А к той где г Марынки, да злой безбожници,
 А лютой-де Змеи да подколодьници —
 А да увидял¹² он голубов кормлёные.
 335 А натянул Добрынюшка тугой он лук,
 А он стрелил в кошесьцято окошецько —
 А изломал он околёнку хрустальную,
 А не застрелил он голуба кормлёного:
 А улетела стрела да нонь во грынюшку.
 340 А пошел-де Добрыня да на красно крыльцё —
 А ёго стретила Марынка да на новых сенях,
 А овёрнула она его гнедым туром,
 Отвела где ёго да во цисто полё,
 А приказала ёму исть и рвать мураву-траву:
 345 «А ходи-тко ты, Добрыня, да век тут повеки!»
 А Добрынина была тут родна сестра,
 А ише та где как Марья да всё Микитисьня,
 А да пошла-де к Маринки, злой безбожници,
 А к лютой-де Змеи да подколодници:
 350 «А уж ты ой еси, Маринка, да зла безбожница,
 А люта где Змея да подколодница!
 А отдай ты мне-ка братилка родимого!
 А не отдашь мне-ка братилка родимого,
 А овёрну я, Маринка, да тибя сукою —
 355 А псам-то тибя на потарзанё,
 А малым рибятам¹³ на пограеньё!
 Оверну тебя кобылой подорожною —
 А ходить по путям да по дорожецькам,
 А сбирать будёшь ты¹⁴ селеминоцьки!»¹⁵
 360 А тут же Маринка, зла безбожница,
 Овёрнулась Маринушка лютой Змеей,

- Полетела Маринка да во цисто полё,
 А села-пала к туру она на правой роґ,
 А говорила сама она таковы слова:
- 365 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодець,
 А по имени Добрыня-свет Микитиць млад!
 А будёшь ле, Добрыня, ты женитисе,
 А возьмёшь ле, Добрыня, нонь меня взамуж?..
 А если будёшь как ты ноньце женитисе,
- 370 А возьмёшь ле как тут да нонь меня взамуж —
 Оверну я тебя да из гнеда тура,
 А сделаю я тибя да добра молоцца!
 А не будёшь как если ты женитисе,
 А не возьмёшь если ты как нонь меня взамуж —
- 375 А вечно будёшь ходить да по цисту полю,
 А шшипать будёшь, рвать да мураву-траву!»
 А ишше тот где — Добрынюшка-свет Микитиць млад:
 «А уж ты ой, Маринка, зла безбожниця!
 А буду я нонице женитисе,
- 380 А возьму я, Маринка, да нонь тибя взамуж!»
 А овернула тут Маринка да нонь гнеда тура —
 А сделала Маринка да доброго молоцца.
 А ставал-де Добрыня да на резвы ноги,
 А брал во белы руки саблю вострую —
- 385 Отрубил у Маринки да буйну голову,
 А изрубил он Маринку да на мелки куски,
 А розбросал он Маринку по цисту полю...
 А тут-де Маринки да нонь славы поют.

№ 28а

$\text{♩} = 88$

А во том же во го-ро-ля во Цер-ни-го-ве

Иш-ше был-ж(ы) Ме-ки-туш-ка, не ста-рил-сэ,

А не ста-рил-са Ме-ки-туш-ка, был-пред-ста-ви-л(ы)-са.

О_ста - ва_лась у Ме - ки - ты да лю - би - ма се - м(ы) - я,

А лю - би - ма где се - м(ы) - я - да мо - ло - да жо - па.

А о - ста_лось у ё - го где да ча - до ми - ло - ё...

¹ В расшифровке И.С.Тезавровского начало отсутствует.

№ 29

- Да во стольнѣм во городи во Киеви
 И да жил-был Микита да сын Романович.
 Да было у его чадо любимое —
 И молодые Добрынюшка Микитич млад.
⁵ Да стал ле Добрыня да лет пятнаццати —
 Да он хочот итти гулять в красен Киев-град,
 Да он просит у батюшка благословенице:
 «Мне сходит[ь] гулять по городу по Киеву,
 Посмотреть мне-ка нонь людей добрых,
¹⁰ Показать-де себя — дородня молодца!»
 Да давали ёму отець-мать благословенице,
 Да сами ему да наговарывали:
 «Уж ты ой еси, дитятко родимое!
 Ты пойдёшь гулять по городу по Киеву —
¹⁵ Не загуливай во улици ты Игнатъёвы,
 Во часты переулки да во Марынкины:
 Да та ле Маринка — зла безбожница,
 А люта ле Змея да подколодница!»
 Да на то-де Добрынюшка не послушалсэ...
²⁰ Он пошол гулять по городу по Киеву —
 Он зашол-де во улици Игнатъёвы,
 Во часты переулки да во Марынкины.
 Да та ле Маринка — зла безбожница,
 И люта ле Змея да подколодница,
²⁵ Овёрнула Добрыню да туром гнедыем
 Да спустила Добрыню да во чисто полё.

- Да ходит Добрынюшка во чистом поли,
 Да ходит туром Добрыня гнедыем.
 Тут хватились Добрыни да отець-матушка:
- 30 «Да некуда Добрыни нонь деватисе —
 Он ушол, видно, во улици Игнатъёвы,
 Во часты переулки да во Маринкины,
 Да к той-де Маринки, злой безбожници,
 Да к лютой ле Змеи да подколодници!»
- 35 А была у Добрынюшки родима сёстра,
 Именём звали Марфа свет Микитисья.
 Да пошла она во улици Игнатъёвы,
 Во часты переулки да во Маринкины,
 Говорила Маринки, злой безбожници,
- 40 Да лютой-де Змеи да подколодници:
 «Уж ты ой еси, Маринка, зла безбожниця,
 Да люта ле Змея да подколодница!
 Ты отдай мне-ка братилка родимого,
 Ище молода Добрыню сына Микитиця!
- 45 Да ежеле мне ты да не отдашь его,
 Овёрну я тибя сукой да волотязною,
 Я спущу тибя по городу по Киеву —
 Да малым ребятам да на поруганьё
 И псам ле, кычкám,¹ да на потарзаньё!»
- 50 Да тут-де Маринка испугаласе —
 Овёрнулась Маринка Змеей лютою,
 Полетела Маринка да во чисто полё
 Да нашла ле Добрыню да во чистом поли,
 Да садиласе Добрыни она на правой роґ,
- 55 А сама говорит да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
 Да хошь ле на свети ноньце жівой быть —
 Отвёрну я тибя — да доброго молоцца;
 Да возьмёшь ле ты меня да за себя взамуж?»
- 60 Да ты станёшь ле меня да ведь бить-мучити?»
 Отвечал Добрынюшка Микитич млад:
 «Я возьму тибя, Маринка, да за себя взамуж;
 Я не стану тибя нонеце бить-мучити,
 Только дам поученьё да молодецькоё!»
- 65 Да во ту ле ведь пору да и во [то] время
 Отвёрнула Маринка да тура гнедого.
 Да тут стал ле Добрыня да на резвы ноги,
 Да схватил он Маринку да за белы руки,
 Да мётал он под вышину небёсную —

70 Да сам ле ведь ей да не подхватывал.
 Да тут-де Маринки злой славы поют,
 Да славы-де поют да старину скажут.

№ 30

Жил-то Добрыня во Нове-городё,
 Да три годы Добрыня жил — цашницал,
 Три годы Добрыня жил — стольницал,
 Три годы Добрыня жил — приворотницал.
 5 Прошло того времени двенадцеть лет,
 Захотелось Добрынюше по городу пройти,
 Да взял-то он свой тугой лук,
 Ведь тугой лук да калену стрелу,
 Увидел он: на терему два голубя сидят —
 10 Захотелосе Добрынюше подстрелити:
 Натягивал Добрыня свой тугой лук,
 Полетела стрела по-метусову,¹
 Залетела поганому в окошечко,
 Распоролла она ему черны груди
 [(Тут нечистый жил с Маринкой.)]²
 15 Да та ли Маринка зла Кайдаловна,
 Злая еретица-безбожница,
 Румянами-белилами намазаси,
 Да до поеса в окошко забираласи:
 «Кто это шутки шутил, да во игрушки играл?»
 20 Да надо с рук свести, надо с ног стрести!..»
 Да увидела Добрыню со тугим луком,
 Да скрала у Добрыни три следоцика —
 Да не может Добрыня от двора отойти.
 Говорит она да таковó слово:
 25 «Ой еси ты, Добрыня Никитич млад,
 Ты возьми меня теперь во замужество!
 Если не вóзьмёшь меня да во замужество —
 Оберну я тебя туром о чисто поле!
 Ведь есть у меня в поле деветь туров,³ —
 30 Ты же тур будешь десятый,
 Ты же будешь посвирёже всех!»³
 [(Да стала страцать Добрыню-то.)]²
 Она обернула его.
 Как узнала Добрынина матушка —
 Как приходит к Маринке Кайдаловне,

- 35 Злой еретице-безбожнице:
 «Да ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
 Оберни Добрыню в добра молодцы!
 Если не вернешь Добрыню в добры молодцы —
 Оверну я тебя ведь сукою,
- 40 По подъезде со псами волочитесь!»
 Нечему тому Маринка не варуёт.
 Говорит Добрынина матушка:
 «Да ой еси, Маринка Кайдаловна,
 Да злая еретица-безбожница,
- 45 Оверни Добрыню добрым молодцем!
 Не овернешь Добрыню добрым молодцем,
 Оверну я тебя ведь кобылою —
 [(Тоже страшат!)]²
 На весь Новгород воду возить!»
 Ничему тому Маринка не варуёт.
- 50 Тут-то Добрынина матушка
 Сделала обручение великое —
 Взять-то Маринку во замужество.
 Овернула Маринка Добрыню добрым молодцем.
 Говорит Добрынина матушка:
- 55 «Хощь возьмёт-то Добрыня во замужество,
 Он даст три поученья великия».
 Взял-то Добрыня во замужество,
 Говорит тут Добрыня таковó слово:
 «Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
- 60 Да злая еретица-безбожница!
 Туша-то твоя да мне-ка надобна —
 Да ноги-то твои мне не надобно:
 С поганым Издолицом заплетались,
 Да нечистого духа нахвталаси!» —
- 65 Отсек он по колена ноги ей.
 Говорит тут Добрыня таковó слово:⁴
 «Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
 Зла еретица-безбожница!
 Тело-то твоё мне-ка надобно —
- 70 А руки-ка мне твои не надобны:
 Со поганым Издолицом обнималась,
 Да⁵ нечистого духу нахвталась!» —
 Отсек ей по локот руки.
 Говорит-то Добрынюша таково слово:
- 75 «Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
 Злая еретица-безбожница!

Туша-то твоя мне-ка надобна —
 Губы мне твои-ка не надобны:
 Ты с поганым Издолицом целовалась,
⁸⁰ Да⁵ нечистого духу нахваталась!» —
 Отсек губы и с носом у ей!
 [(Изуродовал он, да...)]²
 Вывел он жеребчика неезжанного и нелэгченного,
 Привезал он Маринку за хвост —
 Жеребец убежал и Маринку унёс.

№ 31

Был-жил Добрыня Микитиц у князя стольне-киевского Владимира. Задумал улицу вычищать у Маринки-злой безбожницы. «Поеду, — говорит, — солнышко Владимир-князь, очищу у Маринки улицу!» Князь Владимир его не спускал: «Много было молодцев, какой поедет по ейной улице — вороця ему нет!» Он говорит: «Повёртыват турами гнедыми».

⁵ Вот все-таки поехал Добрыня Микитиц по ейной улице. Едет мимо ейный дворец. Сидит на окощечке голубок у ей. «Уже я пошучу шутоцку над Маринкой!» Вынул калену стрелу, заредил тугой лук и стрелил этого голубка на окне. Она в это время искала у милого друга в головы. Голубка застрелил, пролетела эта стрелка и убила ее друга на коленях. Вышла Маринка-зла безбожница, собрала слёду его. Затопила печку и бросила эти следы в печку. «Как эта печка топится —
¹⁰ так бы у Добрыни сердце по мне кипело!» Читала книгу волшебную.

Приезжает Добрыня к крыльцу, к ейному дворцу. Повёрнула Добрыню гнедым туром и спустила в чистое полё. Там было у ей тридцать девять туров повёрнуто, а этот — сороковой. Потерялся Добрыня шесть месяцев в городе.

¹⁵ А была тётка у Добрыни в городе в Киеве. У тётки были две девушки и ходили за ягодами. Как раз приворотили к этому полю, и один тур прибежал и ластится, и слёзы из глаз текут. Вот приходят домой и говорят своей маменьке: «Мы шли, мама, мимо поля, прежде было тридцать девять туров, а нынче сорок бегат. И один тур прибежал, ластится, и слёзы из глаз падают».

²⁰ Говорит эта ихня матушка: «Ах, верно, эта зла Маринка Добрыню обернула туром! Пойду к Маринке-злой безбожнице, возьму клюку сорокапудовую».

Пришла к Маринке, села на печней столб и постукиват этой клюкой: «Эх, Маринка, злая безбожничя! Зачем же ты обернула Добрыню гнедым туром? То я тебя саму оберну кобылой водозной. Будут на весь город воду возить на тебе!» Того Маринка не убоялась.

«Оберну я сама тебя сукой волотяжной!» Того Маринка убоялась.

²⁵ Вышла в поле, призвала всех туров, в первые — Добрыню Микитича. Отвернула — стал молодец как по-прежнему.

Добрыня говорит: «Отверни всех этих туров — я тебя замуж возьму!» Всех отвернула, молодец молодца чище всех вышли.

«Ну, говорит, ты с милым другом целовалась — я губы отрежу у тебя». Отрезал губы.

³⁰ «Ну, говорит, ты с милым другом обнималась — я руки у тебя обрежу».

С милым другом ногами оплеталась — я ноги у тебя отрежу, тогда замуж возьму!»
 Тогда взял отсек ей голову.
 Тогда поехал ко князю Владимиру: очистил улицу вовсе.

ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 32—65)

№ 32

- Да прежде Казань да слободой слыла —
 Да ноньче Казань да словёт городом.
 Да во том-де городе славном Киеви
 Иш[е] жил тут Микитушка, не старилсэ,
 5 А не старилсэ Микитушка — представилсэ.
 Оставалась у Микитушки любима-та семья,
 А любима-де семья у его — да молода-та жона,
 Молодая жена да чадо милоё,
 По прозваньицю это чадо Добрынюша Микитич млад.
 10 Оставалсе Добрынюша малолеточком.
 Да как стал же он, Добрынюша, на возрости —
 Да как три годы, Добрынюша, он ключничал,
 Да три годы, Добрынюша, он блюшничал,
 Да три годы, Добрынюша, да он чашничал.
 15 Да тогда же Добрынюша как женицсэ стал,
 Ише стал-де Добрынюша да стал на возрости,
 Ише брал-де Добрыня Настасью-королев[ис]ню в замужесьво.
 Да тогда ле Добрынюша гулять пошол,
 Да оставил молоду жону Настасью-королевисьню;
 20 Да как сам он из речей начал выговаривать,
 Ише стал он из речей крепко наказывать:
 «Проживи-ко ты, Настасья-королевисьня, перва-та петь лет,
 Проживи-ко ты, Настасьюшка, втора-та петь лет,
 Проживи-ко ты, Настасьюшка, третья-та петь лет —
 25 Даκ тогда ли, Настасьюшка, — живого нет...
 А тогда ли, Настасья, — да хошь замуж поди,
 И тогда ли, Настасья, — хошь вдовой сиди.
 Да ведь будут на тебе да женихи-ти сватацьсе,
 Ише будут женихи да низко кланецьсе:
 30 Ише князя-бояра, сильни-могучи богатыри
 Ише будут ведь сватацьсе да низко кланяцьсе;
 Да купьци ле — гости станут сватацьсе торговья,
 Ишше все ле кресьянушка прожитосьни,
 За кого ты нонь хошь, за того пойдёшь.

- 35 За одного не ходи только — за Олёшеньку!»
 Прожила-де Настасьюшка перва-та петь лет,
 Прожила-де Настасьюшка дак ведь втора-та петь лет,
 Прожила-де Настасьюшка третья-та петь лет;
 На шеснаццатое нонь лето ноньче выступило[а] —
- 40 Да тогда ле Добрынюшки живого-то нет.
 Ише стали на Настасьи женихи-ти сватацьсэ,
 Ише стали женихи-де низко кланецьсе.
 Ише стали женихи сватацьсе: купья-гости торговые,
 Ише те ле кресьянушка прожитосьны —
- 45 Не за кого-де Настасья не йдёт в замужесьво.
 Ише стал-де Олёшенька нонь сватацьсе.
 Не за кого-де она не пошла в замужесьво,
 А пошла-де она за Олёшу за Поповиця —
 Запоручила она свою да буйну голову,
- 50 И дала ле она свою да руку правую.
 А спроводила ей свёкровка, матушка богосужона,
 Спроводила к веньцю невестушку богосужону
 И садилась на лавоцьку на брусцьятую.
 Да как села под косесьцято да окошечко,
- 55 Да стала везде смотреть в окошечко —
 Да ведь стала она да слезно плакати.
 Во слезах-то сидит, сама выговарыват:
 «Да не стало у мя дитятка родимого,
 А не стало невески да богосужоной —
- 60 Ише некому миня стало поить-кормить!
 У мя резвы ножечки приходилисе,
 Да у мя белы-ти ручушки примахалисе,
 Очи ясны у мя да пригледелисе —
 Ише некому миня стало поить-кормить,
- 65 Ише некому меня стало обувать-одевать!»
 Да згленула на улоньку широкую:
 Вдруг идёт полениця по улици широкое,
 Да идёт ведь полениця да долгополая.
 Да подходить полениця да к широку-ту двору —
- 70 Да к широкому двору да ко красну крыльчу,
 Ко красну-де крыльчу поленича дол[г]ополая.
 Да заходит поленича да на красно крыльчэ,
 Да берецьсе поленича да за вито-то кольчэ,
 Отпираёт вурота да нонь широкия,
- 75 Да заходит полениця да во светлу-ту грыню,
 Да ставаёт полениця да против матици:
 «Уж ты здрастуй, причесна вдова Омельфа Тимофеёвна!

- Уж ты, где же твоя невестушка богосужена?
Она в пир ле ушла или в веселу беседушку да уехала?..»
- 80 Отвечала пречесна вдова Омельфа да Тимофеёвна:
«А не на пир ёна ушла, не на беседушку, —
Да ушла-де, уехала в замужесьво». —
«За кого же ушла да уехала?» —
«Да ушла-де, уехала за Олешеньку за Поповича!»
- 85 Ише тут у поленици смутились очи ясныя,
Ише тут поленици да за беду-ту пришло,
За велику досаду да показалосе:
«Уж ты ой еси, пречесна Омельфа да Тимофеёвна!
Ише дай-ко мне, пожалуй да звоньчаты гусли,
90 Да пойду ле я к Олешеньки на свадёбку!»
Ише тут пречесна вдова Омельфа да наговариват:
«Уж ты ой еси, чадо, да чадо милоё!
Не ходи ты к Олешеньки на свадёбку:
У Олешеньки на свадёбки люди злы таки,
95 У ворот-то приворотники-то были эле того,
А среди-то двора да караульщики,
И у тугих-то дверей были придверьнички —
Без докладу не пускают к Олешеньки на свадёбку!» —
«Да родима моя маменька,
100 Пречесна вдова Омельфа да Тимофеёвна!
И даёшь мне благословеньичё — ишше я пойду,
И не даёшь мне благословеньиця — ище я пойду!»
И дала ему маменька родимая,
И дала ему матёнка благословеньицё —
- 105 Да средилсе каликой перехожою.
И берёт-де калика да золоты деньги,
И берёт-де калика да звоньчаты гусли,
Да берёт-де калика звоньчаты гусли под праву полу,
Да приходит калика к Олешеньки на свадёбку.
- 110 Да подходит нонь калика да ко красну крыльчу,
А заходит калика да на лисвёнку брусъцятую,
Да берецьсэ калика да за вито кольчё
Да тельчйт¹-брэнчит да у колечушка —
И не пускают калики да перехожоей.
- 115 А как вымала калика да золоты-то деньги,
Даваёт калика да золоты деньги,
И даваёт калика да при[д]ворничкам —
Пропускают калику да среди-то двора.
А среди-то двора стоят караульщики —
- 120 Не пускают тут калику да среди-то двора.

- Да вымаёт калика да золоты-то деньги,
 А даёт да калика да караульшицкам —
 Пропускают калику да до тугих дверей.
 Не пускают калику да нонь придверьнички.
 125 Ты² вымала калика да золоты-то деньги,
 И давала калика да золоты-то деньги —
 И пропускали калику да середи-то гыни.
 Да ставаёт, проходит калика да середи-то гыни,
 Среди-то гыни стават против матицы —
 130 Она крест-от кладёт, калика, по-писаному,
 Она поклон-от ведёт да по-учоному:
 Во-первых, поклоняицэ князю Владимеру.
 А все у Олешеньки да люди злы таки.
 Доложиласе калика да перехожая,
 135 Доложилась калика у князя первобрачного,
 Да спросилась у его поиграть в звоньчаты гусли —
 Да тогда присудили калики
 Поиграть ноньче в звоньчаты гусли.
 Заиграла калика да звоньчаты³ гусли —
 140 Ише все у Олешеньки на свадььки,
 Ише все же на свадььбы да при(й)ослушались;
 А Опраксия-кнегина да приросплакалась,
 А сама она из речей выговарыват:
 «После Добрынюшки Никитича
 145 Етих игор да мы не слыхивали!»
 Да наливали тут чарочку зелена вина,
 Подавали калики да перехожей.
 Тут примала калика да единой рукой —
 Выпивала калика да к единому духу
 150 (Не велика эта чарочка — равно да полведра она!)
 Да как нонече заиграла калика в звоньчаты гусли —
 Заиграла калика да лучше старого,
 Лучше старого калика, да лучше прежного.
 Наливали ведь чарочку (ише цело ведро!) —
 155 Подают калики да перехоженькой.
 ⟨О⟩на примаёт, калика, единой рукой,
 Выпиваёт калика к единому духу —
 Заиграла калика да лучше старого,
 Лучше старого заиграла, да лучше прежного.
 160 Да у Олешеньки на свадььки все ослушались,
 Да Опраксея-кнегина приросплакалась.
 Перву чарочку подал ноньче да ведь тысячкой,
 Да втору-ту чарочку подал молодой нонь князь.

- А наливали ведь чарочку во третьей након —
 165 Ише дали подать кнегины да второбрачное.
 А-й подавала кнегина калики перехожой.
 А примала калика да единой рукой
 (Да не мала, не велика чарочка — полтара-та ведра!),
 Да примала калика да единой рукой,
 170 Выпивала калика чару к едину-ту духу;
 Да спускала калика чарочку³ злачен-то перстень,
 Подавала кнегины да второбрачной же.
 А примала кнегина да чару зелена-то вина
 Да вымала из чарочки злачон перстень,
 175 И накладыват кнегина да на праву руку.
 Й-отсадилась⁴ кнегина от й-Олёшеньки,⁴
 От Олёши отсадиласе от Поповича;
 Ешше пала Настасья-королевисьна
 Калики да во резвы ноги,
 180 Ну сама из речей да выговарыват:
 «Да во первой-то вины да миня Бог простит,
 А в другой-то вины да ишше ты прости,
 Да прости-тко меня, ноньче помилуй-ко!»
 Ише тут же калика берёт да за праву руку
 185 Да становит-де Настасью да на резвы-то ноги —
 Проздравлять стал Олёшеньку со свадёбкой,
 И кланеицсе Олёшеньки Поповичу,
 Да и сам из речей да выговарыват:
 «Ты здорово женилсэ, Олёшенька, —
 190 Да тебе не с ким спать!»

№ 33

- А во том-де во городи во Цернигови
 А жил-был Добрынюшка Микитиць млад.
 А у ёго где-ка была мати родимая,
 По прозванью-ту Омельфа да Тимофеевна.
 5 А у ёго ишше была да молода жона —
 А ишше та же Настасья да всё Микулисьня.
 А поежжал где-ка Добрыня да во цисто полё,
 А на ту же на заставу на Тобольскую —
 А молодой жоны Настасьи да он наказывал,
 10 А он Микулисьны своей да наговарывал:
 «А проживи, жона Настасьюшка, перва петь лет,
 А проживи, жона Настасьюшка, втора петь лет,

- А проживи, жона Настасьюшка, третья петь лет,
 А выходит тому времецьку пятнаццать лет —
- 15 На шоснаццато лето хошь замуж поди,
 А хошь замуж ты поди — тогда вдовой сиди.
 А за всех поди хресьян да цёрнопахотных,
 А за князя ты поди, хошь — за барина,
 А за то́го за руського богатыря;
- 20 А за моёго не ходи ты да неприятеля —
 А за того же за Олёшу за Поповиця:
 А Олёша не роду да хрестияньского,
 А Олёша-та роду да всё поповьского.
 Ише руки у Олёши да заграбущие,
- 25 А глаза у Олёши да завидущие.
 А октит тут Олёша да златом-серебром —
 Потеряёшь-ка ты свою буйну голову!»
 А да не видели — Добрынюшка срежаицьсе,
 А не видели — Добрыня да сподобляицьсе.
- 30 А да поехал Добрынюшка во цисто полё
 А на ту на заставушку на Гобольскую
 А хранить-берегци тут крашон Киев тут.
 А прожила жона Настасьюшка перва петь лет,
 А прожила жона Настасьюшка втора петь лет
- 35 (Да выходит этому времецьку ровно десеть лет!) —
 А прошла эта славушка до Киева,
 А от Киева славушка до Питера,
 А от Питера прошла слава по вся земля —
 А сказали, що Добрыни нонь живого нет:
- 40 А мимо ту-де заставушку Гобольскую
 А проеждал-де стары казак Илья Муромець,
 А он ведь видял Добрыню да на цистом поли —
 А на цистом поли лёжит да ноньце мёртвой тут;
 А-й да видали Добрынина добра коня,
- 45 А видали Добрынюшкины косточки.
 А из-за того из-за поля да ноньце цистого,
 А из-за того где роздолья было широкого
 А выеждал где Олешенька с циста поля —
 А вывозил-де главу да на востром копы.
- 50 А сам он по городу розъежжаицьсе
 А да Добрыниной главой он похваляицьсе:
 «А ише эта глава была Добрынина!»
 А ише тут же Настасья да нонь Микулисьня
 А ише стала Настасья да ноньце плакати.
- 55 А женихи-ти на ей да стали сватацьсе:

- А ише сватались тут князя да ноньце бояра,
 А ише те же как руськие богатыри —
 А не за кого она не йдет, да нонь не думаёт.
 А приходил где стары казак Илья Муромецъ,
 60 А ише сваталсэ за Олёшу за Поповиця —
 А ише тут где Настасья да сумлёванцьсе,
 А замуж Настасья да собираицьсе.
 А-й да Добрынина мати да приросплакалась:
 «А ише некому миня стало поить-кормить,
 65 А ише некому миня стало обувать-одевать:
 А не стало-то у мя цяда милого,
 А у мя нету невески да богосужоной!
 А оци-то ясны да пригледелисе,
 А белы-то руки примахалисе,
 70 А резвы-ти ноги приходилисе!»
 А да идёт полениця да из циста поля.
 А идёт она, ступаёт потихохонько,
 Отпираёт-де двери с крюков на пятау;
 Она крест-от кладёт да по-писаному,
 75 А поклон-от ведёт да по-уцёному:
 «А-й уж здра[й]стуй-ко, Омельфа да Тимофеёвна!
 А ише где у тя невеска богосужона,
 А ише та где Настасья да нонь Микулисьня?
 А во пиру она, ушла во гуляноцьки?»
 80 А говорила тут Омельфа да Тимофеёвна:
 «А уж ты ой, полениця приудалая!
 У мя нету невески богосужоной:
 А ушла-де она да за Олёшу замуж!»
 Говорила полениця да преудалая:
 85 «Уж ты ой еси, Омельфа да Тимофеёвна!
 А уж дай-ко мне Добрынины звоньцяты гусли:
 Я пойк[д]у как к Олешеньки на свадебку!»
 Говорила тут Омельфа да Тимофеёвна:
 «А уж ты ой, полениця преудалая!
 90 А у Олешеньки на свадебки люди злы таки,
 А приворотники, придверники ишше эле того!»
 А говорила полениця преудалая:
 «Если даш ты — пойду, дак и не даш — схожу».
 А вымала-де Добрынины звоньцяты гусли —
 95 Отдала поленици да приудалое.
 А наредилса тут каликой перехожою,
 А пошол-де к Олешеньки на свадебку —
 А не пускают калику да приворотники,

- А не пускают калику да всё придверьники.
- 100 А давал тут калика да золотой казны —
А зашел тут калика да среди гыни.
А у Олёшеньки ведецьсе да тут и свадебка:
А ише тысьцьким стоит ноньце Илья Муромець,
А ише сватъей-то — Опраксея-королевисьня,
- 105 А на углу-ту сидит да князь Владимир тут.
А да споговорит стары казак Илья Муромець:
«А уж ты ой, Олёшенька Поповиць млад!
А возьми-тко стоканьцик да тут серебряной,
А налей-ко, Олёша, зелена вина —
- 110 А подай ты калики да перехожое!
А подай ты, Олёша, да во первой тут раз,
А во другой де-ка раз да нонь как я подам,
А во третьей-от раз — у тя молода жона:
А подавайте калики да перехожое!»
- 115 А говорила где калика да перехожая:
«А уж ты ой, Олёшенька Поповиць млад!
А позволь-ко мне сыграть да во звоньцяты гусли!» —
«А ты играй-ко, калика да перехожая,
А играй-ко, калика, да сколько надобно!»
- 120 А вымал-де калика да звоньцяты гусли —
А ишше люди-ти тутотка забаели:
«А-й давно еких¹ гуслей да нонь не видывали,
А после Добрынюшки гуслей таких не слыхивали!»
А заиграла калика перехожая —
- 125 А Олёшина-та мати прислушалась,
А родна-та сёстра да призадумалась,
А-й молода жона Настасья приросплакалась.
А да играёт калика да приговарыват:
«А-й не совесно ле тебе ноньце, стары казак,
- 130 А стоять-де тебе да ноньце тысьцьким?
А не стыдно ле тебе, да князь Владимир, тут
А-й да сидеть тебе оцьцём выдавальним?
А не совестно² ле тебе да стоять сватъюшкой —
А той же Опраксеи-королевисьни?
- 135 А не стыдно ле тебе, да молода жона,
А та же Настасья да всё Микулисьня?
А ишше тут же Олёша ты Поповиць млад!
А здорово ты женилсэ — да тебе не с ким спать!»
А ише та где Олёшина молода жона —
- 140 А выходила она из-за стола тут вон,
А ишше падала калики да во резвы ноги:

«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
 А ты прости-тко меня да таковой³ вины!»
 А ише тут-де Добрынюшка Микитиць млад
 14⁵ А ише брал где жону да за праву руку —
 А вёл где жону да к своему двору.

№ 34

А во стольном было городи во Киеви —
 А тут жил-был Добрынюшка Микитиць млад.
 А т[ут] он задумал где ехать во чисто полё,
 Он ведь стал просить у маменьки благословленьица:
 5 «Уж ты ой еси, маменька родимая,
 Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
 Уж ты дай мне-ка, маменька, благословленьицо
 Мне-ка съездить, добру молоцьцю, во чисто полё!»
 А даёт ёму маменька благословлень[и]цё.
 10 А тут стал где Добрынюшка снарезатисе,
 Поскоре того Никитиць стал сподоблятисе;
 Он и стал своей жоны ноньче наказывать,
 Он наказывать ей, крепко наговарывать:
 «Ты живи, жона Настасея, первы пять лет,
 15 А живи, жона Настасея, вторы пять лет,
 А живи, жона Настасея, третьи пять лет;
 А пройдёт тому времени пятнаццэтъ лет,
 А не будёт как Добрынюшки из чиста поля —
 А ты тогда хоть, Настасея, вдовой живи,
 20 Хоть вдовой живи, Настасея, хошь замуж поди.
 Хошь за князя ты поди, хошь за боярина,
 За купья хоть ты поди, гостя торгового,
 Хошь за руського за сильнёго богатыря —
 А не ходи ты за Олёшу сына Поповича,
 25 За Добрынина большого неприятеля!..»
 А тут поехал Добрынюшка во чисто полё.
 А много-мало тому времени минуицьсе.
 А живёт жона Настасея тут первы пять лет,
 А жила жона Настасея вторы пять лет,
 30 Прожила жона Настасея третьи пять лет,
 А как выступило летицко на шошнаццато —
 А как нет всё Добрыни из чиста поля.
 На Настасеи сватовья стали сватацьсе:
 Стали сватацьсе на ей ведь князи-бояра,

- 35 Уж как те же купчи-гости торговые,
 А ишше руськия сильния богагыри.
 А не йдёт она за князя, за боярына,
 А не йдёт и за купьця, гостя торгового,
 А за руського сильнёго богагыря.
- 40 А стал свататьсе Олёша сын Попович-от —
 А не йдет она за Олёшу и за Поповича.
 Приневаливат¹ ей богоданна-та родна матушка
 А чесна вдова Омельфа Тимофеёвна.
 А во ту где-ка пору и во то время
- 45 По тому где-ка городу-ту Киеву
 А проехал тут старой казак Илья Муромець.
 Он ехал, старой казак, из чиста поля,
 Он и сам говорил, стары, таково слово:
 «Уж я видял во поли чудо чудноё,
 Чудо чудноё я видял, диво дивноё,
 Диво дивноё я видял — тело белоё,
 Тело белоё я видял молодецкоё:
 Тело молода Добрыни сына Микитича.
 Уж как рóтом у Добрынюшки трава росла,
- 55 А глазами у Добрынюшки цветы чвели!..»
 А во те поре Настасья-лебедь белая
 А пошла где она нонь во замужесьво
 За того она Олёшу сына Поповича.
 А сёгднине у их да верно свадьбы бытъ;
- 60 А ушли они топереце ко Божьей черкви,
 А прымать они пошли ноньче Божьей закон.
 А во ту где-ка пору и во то время
 По тому где-ка городу-ту Киеву
 А по той же по улочки широкое
- 65 А идёт тут калика перехожая
 Она прямо к Добрынюшки на широкой двор.
 Проходя идёт калика на красно крыльцо,
 Проходя идёт калика по новым сеням,
 Проходя идёт калика в нову горницю;
- 70 Говорила тут калика таково слово:
 «Уж ты здрастуй, Добрынина родна маменька —
 А чесна вдова Омельфа ты Тимофеёвна!
 У вас <г>де же Добрынина молода жона
 А ведь та где Настасья-лебедь белая?»
- 75 А в пиры ушла але беседушки?
 Але она ушла нонь во замужесьво?
 Але ей топёре в животі нету?»

- Говорит тут Добрынина родна маменька
 А чесна вдова Омельфа Тимофеёвна:
 80 «Уж ты ой еси, калика перехожая!
 А как та где Добрынина молода жона
 А ушла она где ноньче во замужество
 За того она Олёшу сына Поповича;
 А ушли они топере ко Божьей церкви,
 85 Ко Божьей черкви, к Олёши на широкой двор!»
 Говорит тут калика перехожая:
 «Уж ты ой еси, Добрынина родна маменька,
 Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
 Уж ты дай мне Добрынина платья цветного
 90 А сходить мне к Олёшеньки на свадьбу!»
 А на то где Омельфа-та ослушалась —
 Не выносит калики платья цветного,
 А сама говорит да таково слово:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая!
 95 У Олёшеньки свадьба идёт строгая:
 У ворот у Олёши — приворотники,
 У дверей у Олёшеньки — прыдверники:
 Не пропустят калики на широкой двор!»
 Говорит тут калика-та во второй раз:
 100 «Уж ты ой еси, Добрынина родна матушка,
 Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
 Уж ты дай мне Добрынина платья цветного,
 Не хорошего мне платья — хошь дай по среднему!»
 А на то где Омельфа не ослушалась,
 105 Выносила ёму да платья цветного.
 Да брала тут калика платьё цветноё,
 Надевала калика платьё цветноё.
 Одеват тут калика — приговарыват:
 «А замолода платьице завожоно,
 110 А на старость верно платьё пригодилося!»
 Э говорит тут калика таково слово:
 «Уж ты ой еси, Добрынина родна маменька,
 А чесна вдова Омельфа ты Тимофеёвна!
 Уж ты дай мне Добрыниных звончатых гуслей —
 115 Мне сходить нать к Олёшеньки на свадьбу,
 Посмотреть у Олёши нать молоду жону,
 Какова у Олёши молода жона:
 Есле весёла она — да мы распечалим,
 А печальня она — ей прировеселим!»
 120 А на то где Омельфа не ослушалась,

- Выносила калики звоньчаты гусли.
 А тут брал-де калика звоньчаты гусли,
 Он положил ведь гусли под леву полу,
 Он пошел-де к Олешеньки на свадьбу.
¹²⁵ А приходит к Олешину к широку двору —
 У ворот у Олеси — приворотники:
 Не пропустят калику на широкой двор.
 Вынимал тут калика тры златых деньги,
 Отдавал тут калика приворотникам —
¹³⁰ Пропустили калику на широкой двор.
 У дверей у Олеси — все прйдвернички:
 Не пропустят калики в нову горницу.
 Вынимал тут калика три златы деньги —
 Пропустили калику в нову горницую.
¹³⁵ Ишше злы у Олешеньки весёлы гости:
 Не пропустят калики среди горници.
 Вынимал тут калика три златых деньги,
 Отдавал тут калика весёлым гостям —
 Пропустили калику среди горници.
¹⁴⁰ Проходила калика среди горници,
 А садилась калика среди горници,
 Ише склала калика ноги под жопу.
 Вынимал тут калика звоньчаты гусли,
 Заиграл тут калика в звоньчаты гусли,
¹⁴⁵ А играл тут калика жалко-жалосно.
 А тут князь-ёт Владимир был ведь тыщицким,
 А кнегина-та Опракся большой сватьюшкой,
 А стары-ти казак бы большой дружкою.
 А тут князь(ь)-ёт Владимир призадумалса,
¹⁵⁰ А кнегина-та Опракся расплакалась,
 У Олеси молода жона запечалилась.
 Говорит тут Владимир стольне-киевской:
 «Уж ты ой еси, Олеша сын Попович млад!
 Ты налей-ко-се чару зелена вина,
¹⁵⁵ Ты подай-ко-се калики перехожое
 Для того ей для Добрыни сына Микитича!»
 А на то где Олеша не ослушалса:
 Наливал он где чару зелена вина,
 Подавал он калики перехожое.
¹⁶⁰ А ставал тут калика на резвы ноги,
 Прынимал ету чару единой рукой,
 Выпивал ету чару к одному духу,
 А садилса опять он среди горници.

- А играл тут калика в звоньчаты гусли,
 165 А играл тут калика пуще старого,
 Пуще старого играл он жалко-жалосно.
 А кнегина-та Опраксея расплакалась,
 Говорила тут кнегина-та Опраксея:
 «А давно етих гуслей да мы не видали,
 170 Мы давно етой игры ноньче не слышали,
 Посли того где Добрыни сына Микитича!»
 Говорит тут Владимир, князь стольне-киевский:²
 «Уж ты ой еси, Олёша сын Попович млад!
 Ты налей-ко-се чару пива пьяного,
 175 Ты подай-ко калики перехожое
 Для того ей для Добрыни сына Микитича».
 А на то где Олёша не ослушалса,
 Наливал он где чару пива пьяного,
 Подносил он калики перехожое.
 180 Тут ставал где калика на резвы ноги,
 Выпивал ету чарочку всю досуха,
 А садилса опять он среди горьничи.
 Он играл-де калика в звоньчаты гусли,
 А играл он, калика, пуще старого,
 185 Пуще старого играл он жалко-жалосно.
 Говорит тут стары казак Илья Муромец,
 Говорил тут Илеюшка таково слово:
 «Уж ты ой еси, Олёша сын Попович млад!
 Ты здорово женилса — тибе не с ким спать!»
 190 Говорил тут Владимир-князь таково слово:
 «Уж ты ой еси, Олёшенька сын Попович млад!
 Ты налей-ко-се чару мёду сладкого,
 Уж эту-ту чарочку жоны отдай;
 А подаст она калики перехожое
 195 Для того она Добрыни сына Микитича!»
 А на то где Олёшенька не ослушалса,
 Наливал он чару мёду сладкого,
 Он велел ету чарочку жоны подать.
 А брала тут Настасья чару мёду сладкого,
 200 Подносила калики перехожое.
 А ставал тут калика на резвы ноги,
 Принимал он, калика, чару мёду сладкого,
 Выпивал ету чарочку всю досуха.
 Он снимал со правой руки злачон перстень,
 205 Он спускал где-ка перстень в эту чарочку —
 Подавал он Олёщиной молодой жоны.

- А брала тут Олёшина молода жона,
 Вынимала из цяроцьки злачён перстень,
 А наложила перстень на праву руку,
 210 А скакала она тут на резвы ноги —
 А пошла тут она где из застоля вон.
 Выходила она да среди горнични,
 Она падала Добрынюшки во резвы ноги,
 Она сама говорила таково слово:
 215 «Ты прости меня, Добрыня, во первой вины».
 А тут брал ей Добрыня за белы руки,
 Чёловал он в уста ей во сахарные:
 «Во первой вины, Настасья, тибя Бох простит!»
 А пошел он ведь тут из светлой грыви.
 220 А скакал тут Олёша на резвы ноги,
 А хватил он со спицьки саблю вострую —
 Он и хочот казнить ёму буйну голову.
 Говорит тут стары казак Илья Муромеч:
 «Уж ты ой еси, Олешенька Попович млад!
 225 Уж как я-то бы нонь ведь — не тибе чота:
 Уж как был у мя Добрыня на белых грудях!»

№ 35

- А-й тут срежаицьсе Добрыня да сын Микитиць же,
 Он срежаицьсе-сподоблеицьсе во цисто полё.
 Он своей-то жоны дак он наказыват,
 Он Настасьи Викулисьни наговарыват:
 5 «Ты сиди-ко, Настасьюшка, шесть лет поры,
 Просиди ты-ко, Викульсьня, друга шесть лет,
 Да минуицьсе Настасьюшки двенаццэт лет —
 Да вдовой хошь сиди, да хошь замуж поди.
 За Олёшу за Поповиця взамуж не ходи:
 10 Ой Олёша силой не силён, да только ле напуском смел!»
 Тут прошло ле Настасьюшки шесть лет поры;
 Тут прошло ле Викульсьны друга шесть лет.
 Ой миновалисе друга¹ шесть лет —
 Ой тут ведь стали на Настасьюшки сваты сватацьсе.
 15 Ой как Олешенька приехал да сын Попович же,
 Тут ведь здумала Настасьюшка взамуж нетти,
 За Олешенька Поповица взамуж нетти.
 «Тут ведь так же не йдешь — да я ли тибя силой возьму!»
 Тут ведь здумала Настасьюшка взамуж итти

- 20 За Олешеньку она да ле за Поповица,
Тут оставяёт-оставяёт Добрынину родну маменьку.
Тут сидит, тут сидит ле Добрынина родна маменька,
Ой она сидит, тут сидит на кирпичьней жаркой печеньки:
«Ой ище хто ле миня же будёт поить-кормить?»
- 25 Ой ище хто ли миня будёт обшивать-омывать?»
Ой ище хто ле миня же будёт тёплом огревать?»
Ой слезываёт-слезываёт Добрынина родна маменька,
Ой слезываёт-слезываёт с кирпичьней жаркой печеньки:
<О>на ступат, тут ступат на гладки полы,
- 30 На гладки-ти полы² да ли на дубовыя,
Ой на перекладинки ступат да ли на сосновыя;
Ой она проходит-проходит по дубову полу;
Ой она садище-садище на брусцяту белу лавоцьку;
Ой <о>на гледит-то, смотрит во стекляну тут околёнку —
- 35 Ой она гледит-то, тут смотрит да ле во цисто полё,
Во цисто-то полё да ле во роздольцо.
Ой во цистом-то поли да ле курева стоит,
Ой курева-та стоит, да ле дым столбом валит:
Ой ище цёрному ворону пролету нет,
- 40 Ой ище серому-ту заюшку проскаку нет,
Ой ище доброму коню да ле как пробёгу нет.
Ой приежджаёт-приежджаёт да к широку двору,
Ой к широку-ту двору да ле ко красну крыльцою.
Ой он ведь доброго коня да ле сам привязыват,
- 45 Ой на кры[ле]щюшко идёт да ле потихохонько,
Ой на передызбице ступат да ле помалёхонько,
Ой светлу светлицю заходит да Богу молицсэ:
Ой он ведь крест-от кладёт да ле по-писаному,
Ой он поклоны-ти гнёт да ле по-уцёному,
- 50 Ой он молитву творит да ле право Сусову.
«Ой ты здорово, ты здорово, Добрынина родна маменька!» —
«Ой ты здорово, ты здорово, удалой доброй молодець!»
Ой не видал ле ты Добрынюшки ты Микитица?» —
«Ой како у Добрынюшки было знамьцо?» —
- 55 «Ой под правой-то рукой была бородавоцька». ³ —
«Ой ты здорово, ты здорово, Добрынюшка Микитиць же!» —
«Ой уж ты маменька родима, да у тя где друга семья,
Ой где друга-та семья ле — Настасьюшка Викулисьня?» —
«Ой как Настасьюшка Викулисьня во замуж ушла
- 60 Ой за Олешеньку она да ле за Поповица!» —
«Ой уж ты маменька родима, да сходи в тёмны подгрёба,
Ой ты вьми мне, вынеси платё цёрноё,

- Ой платьё цёрно мне вынеси — сирóцкоё;
 Ой ты ище же мне вынеси злоцян перстень,
 65 Уж ты тот же перстень, которой обруцённой-от,
 Мы которой с Настасьюшкой обруцэлисе!»
 Ой тут срежаицсе Добрыня да сын Микитиц же,
 Он походит к Олешеньки на свадёбку.
 Тут пошол же Добрыня да сын, сын Микитиц же.
 70 Он приходит-приходит да к широку двору,
 К шир[о]ку-ту двору да ле ко красну крыльцю.
 Ой по кры[ль]цю що идёт да ле потихохонько,
 Ой по передызбицю ступат да ле помалёхонько.
 Ой в светлу светлицу заходит да Богу молицсэ:
 75 Ой он ведь крест-от кладёт да ле по-писаному,
 Ой он поклоны-ти гнёт да ле по-уцёному,
 Ой он молитву творит да ле право Сусову.
 «Вы здорово-те, здорово-те, все ли люди добрыя!
 Ой ты здорово, ты здорово, Олёша Поповиц же!
 80 Ой ты здорово, ты здорово, Настасьюшка Викулисня!» —
 «Ой уж ты здрастуйсць, здрастуй, калика перехожая!» —
 «Ты, Олешенька Поповиц, да дай мне местицько!» —
 «Ой как хороши-ти места да ле все призаняты —
 Ой как ведь есь ле там местицько на песьнём столбу!»
 85 Ой тут ведь сел ли калика да перехожая.
 «Ой уж вы ой ле еси ле, Олешенька Поповиц же!
 Ой ты позволь-ко калики да во гусли сыграть!» —
 «Ой ты играй-играй, калика, да сколько хоцицьсе!»
 Ой как первой раз заиграл — Настасьюшка подумала;
 90 Ой как другой раз заиграл ле — Настасьюшка-та сплакала;
 Ой как третьей раз заиграл ле — Настасья рець спроговорыла:
 «Ой уж вы ой ле, еси ле, Олёша сын Поповиц же!
 Ты налей-ко калики да зелёна вина,
 Ой ты не много, не мало — да цару полтора ведра;
 95 Ой ты подай-ко калики да перехожоей!» —
 «Ой уж ты пей-ко-се, кушай, калика перехожая».
 Ой тут примаёт калика да перехожая
 Ой одной-то рукой — да одним мезёньшком,
 Ой выпиваёт калика да на единой дух.
 100 Ой как ведь умны-ти люди да всё дозналисе,
 Ой как глупы-ти люди да росмехалисе.
 Ой говорыла тут Настасьюшка тут во второй раз:
 «Ой уж ты ой ле еси ле, Олешенька Поповиц же!
 Ой ты налей-ко калики да зелёна вина,
 105 Ты не много, не мало — да полтара ведра;

- Ой ты подай-ко калики да перехожое!»
 Ой наливаёт Олешенька зелёна вина,
 Ой подаваёт калики да перехожое.
 Ой тут прымаёт калика да единой рукой,
 110 Единой-то рукой и одним мезёнышком;
 Ой выпиваёт калика да на единой дух.
 Ой говорит же Настасьюшка во третьей раз:
 «Ой ты налей-ко цару да зелёна вина,
 Ой ты подай-ко калики да перехожое!»
 115 Ой наливаёт Олёша да сын Попович же,
 Подаваёт калики да перехожое.
 Прынимаёт калика да единой рукой,
 Единой-то рукой, одним мезёнышком;
 Ой выпиваёт калика да на единой дух.
 120 Ой тут скоцил же калика да со песьня столба —
 Ой как Олёшины хоромы да пошаталисе,
 Ой как ведь есвы на столах да ле сколыбалисе.
 Ой тут ведь брал ле Настасьюшку за праву руку.
 Как повёл-то Настасьюшку он из грыни вон.
 125 Ой как умны-ти люди да всё дозналисе;
 Ой как ведь глупы-ти люди всё росмехалисе:
 «Ой ты здорово жанилсэ — да тебе не с ким спать!»
 Ой ище тут же Олешеньки да за беду палось,
 Ой за великую досаду да тут показалосе:
 130 Ой как хотел-то Олешенька назади бежать...

№ 36

- А срежаицсэ Добрынюшка во цисто полё,
 Сподоблеицсэ тут Микитиц во роздольцо.
 Он своей-то тут жоны сам право наказыват,
 Он Настасьи доць Викулисьны наговарыват:
 5 «А пройдёт тому времени шесть лет поры —
 Хошь вдовой ты сиди, только хошь взамуж поди;
 Не ходи только за Олешеньку за Поповица:
 Олёша силой-то не силён, только напуском смел —
 Он напустит на старого, только нонь на малого,
 10 Он напустит на ровнюшку на свою спесивую!»
 Как жила же тут Настасьюшка шесть лет поры,
 Да приехали из-за моря-моря синёго
 Ище те же дружья-братья Настасью сватацьсэ —
 И не здумала Настасьюшка за их нонь замуж итти.

- 15 И жила где Настасьюшка друга шесть лет
 (Да выходит етому времени двянаццать лет!),
 Да приехал Олексей-от Настасью сватацьсе —
 Она здумала, Настасьюшка, за ёго замуж итти.
 Пировали-столовали они да с двора съехали,
- 20 Оставлели Добрынину родну маменьку
 Да на той же на кирпичьней да жаркой пеценьки.
 Она сидит на печи, слезно уливаюци,
 Во слёзах-то сама сидит прицитаюци:
 «Ище хто же меня будёт ноньце поить-кормить?»
- 25 Ище хто же миня будёт да обувать-одёвать?
 Ище хто же миня будёт ноньце тёплом обогреть?...»
 Она соходит со кирпичьней да жаркой пеценьки
 На те же на полы свои на дубовыя,
 Да на те на перекладинки свои сосновыя,
- 30 Да на те как на столбышки на тоцёныя —
 Да подходит ко кошевцяту окошецьку;
 Открыват она стекольцяту-то околёнку,
 Она зрит тут, смотрит там да во цисто полё —
 Да во то же во роздольцо во широкоё:
- 35 Во цистом-то поли там да курёва стоит,
 Курёва-та стоит, да ле дым только столбом валит,
 Из ушей-то, из ноздрей тут да искры сыплюцьсэ.
 Тут не церному ворону пропорху нет,
 Тут не ясному соколу пролету нет,
- 40 Тут не серому волку прорыску нет —
 Проежджаёт-пролетаёт тут доброй молодець.
 Он ведь едёт тут прямо к Добрынину высокоу тэряму,
 Ише прямо ко Добрынюшкиным жолтым сукнам;
 Он ведь ставит коня-та да ко круту крыльцю,
- 45 Он ведь свяжот коня-та да ко золоту кольцю.
 Он заходит тут во грыднюшку во столовую,
 Он ведь крест-от ведь кладёт тут да по-писанному,
 Он поклон-от тут ведёт у их по-уцёному,
 Он молитву-ту творит у их право Сусову.
- 50 «Уж ты здрастуёшь, Добрынина родна маменька!» —
 «Уж ты здрастуёшь, удалой тут доброй молодець!» —
 «Ище где у вас не видно да ноньце другой семьи,
 Как другой-то семьи, Добрыниной молодой жоны?» —
 «Ковда ты-то у мяя ле да стал выпрашивать,
- 55 Ковда ты у миня ле да стал ноньце выведывать,
 Не видал ле Добрынюшки у мяя Микитица?» —
 «И како́ у те, у Добрынюшки, было знамецько?» —

- «И под правой-то под пазушкой была бородовоцька!»
 Скинывает он своё тут платье чёрное,
 60 Он ведь чёрное платицо дорожное;
 Он ведь сдёргиват рубашецьку тут нонь бумажную;
 Выздымает свою только руку правую,
 Он повыше своей тут да буйной головы.
 Ище тут ле она ноньце восьма зрадоваласе:
 65 И не знат она, с им как да поздоровацца,
 И не знат она с им — слезно заплакати.
 «Уж ты здрастуёшь, Добрынюшка Микитиц млад!» —
 «Уж ты здрастуёшь, родима да моя мамушка!» —
 «Да тепереце Настасьюш[к]а под веньцём стоит,
 70 Да тепереце с Олёшенькой где-то овеньцяласе!» —
 «Ты ой еси, маменька родимая!
 Да возьми-ко-се ты, мамуш[к]а, мои золоты ключи,
 Отомкни-ко-се мои поди больши сундуки —
 Принеси-ко-се ты мне-ка да платье чёрное!»
 75 Во-вторы мне принеси-ко-се ты мне-ка злацин перстень:
 Я которым перснём с Настасьей овеньцялся же,
 Я которым с Викулисьней обруцялся же!
 Ты ище мне принеси-ко-се звонки гусельци:
 Уж я пойду там к Олёшеньки, пойду на почесьён пир!»
 80 Воспроговорит ёму маменька таково слово:
 «У их все там ведь места где-то признаныты,
 У их все там ведь места где-то призаси́жоны, —
 У их одно только будёт место тебе на песьнём столбу!
 У их у ворот-то наставлѣны приворотники,
 85 У дверей у их наставлѣны придверники!..»
 И срежалсе тут Добрынюшка крутѣхонько,
 Сподоблялсе тут Микитиц — да поскорѣ того.
 Он пошол же тут к Олёшеньки на поцесьён пир:
 Он не спрашивал у окошоцьков ответчиков,
 90 У ворот-то ведь не спрашивал приворотников,
 У дверей-то не спрашиват ихних прывдверьников.
 Он заходит тут во гряднюшку тут во столовую —
 Он ведь крест-от тут кладёт у их по-писаному,
 Он поклон-от ведёт у их по-уцѣному,
 95 Он молитву-ту творит тут да право Сусову.
 «Уж ты здраствуёшь, Олёшенька Попович млад!» —
 «Уж ты здраствуёшь, калика ты перехожая,
 Перехожая калика ты, пережджая!» —
 «Уж ты здраствуёшь, Настасьюшка Викулисьня!» —
 100 «Уж ты здраствуёшь, калика да перехожая,

- Переходящая калика ты переоджая!
 У нас все же места нонче признаныты,
 Ище все у нас места-ти да признаныты;
 И как одно только ешь местицько на песьнём столбу!»
- 105 Тут садилса калика да на песьней на столб.
 Воспроговорит калика да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Олешенька Поповиц млад!
 Не угодно ле, Олексей, тебе во гусли сыграть
 Да тепере тебе, Олешенька, при пирущельки?»
- 110 Воспроговорит Олешенька Поповиц млад:
 «Ты играй-играй, калика, да колька тебе хоцицьсе!»
 Во первы-ти заиграл — Настасья подумала.
 Во вторы-ти заиграл — Настасья проплакала.
 Во третей-ти заиграл — Настасья спромолвила:
- 115 «Уж ты ой еси, Олешенька Поповиц млад!
 Ты налей-ко, налей цяру-ту мне-ка зелена вина,
 Ты не малу, не велику-ту мне-ка — полтара ведра:
 Да тепереце калики-то шибко угорелосе,
 Со великой-то дорожельки выпить захотелосе!»
- 120 Он наливал ей ведь цяру да зелена вина,
 Он не малу, не велику ей — полтара ведра.
 Подават она калики да цяру зелена вина.
 Прымат тут калика да цяру-ту, зелено вино:
 Одною где тут рукой берёт, одним мезёнышком —
- 125 Выпиват ету цару да зелена вина,
 Выпиват ету цару да к одному духу.
 Он спускает тут ей в цяру да свой златьян перстень,
 Отдават тут Настасьюшки-то Викулисьни.
 Тут берёт где Настасья да доць нонче Викулисьня;
- 130 Воспро(го)ворит Настасьюшка тут таково слово:
 «Уж я етим перснём с Добрыней овеньцьяласе,
 Уж я етим перснём с Микитицём обруцьяласе!»
 Она сымат тут калику да со песьня столба
 И цолуют¹ тут калику да в сахарны уста.
- 135 «Уж ты здрастуёшь, Добрынюша Микитиц млад!» —
 «Уж ты здрастуёшь, Настасьюшка доць Викулисьня!»
 Они Богу помолились, из гряднюшки-то вон пошли:
 «Да спасибо те, Олешенька, нонче под веньцом стоял;
 Да женилса, Олешенька, — тебе больше не с ким спать!»
- 140 Ище мудры-ти люди да все засмеелисе,
 А ище глупы-ти люди все нонче подумали.

№ 37

- А срежаицьсе Добрынюшка во цисто полё,
 Сподоблеицьсе Микитиць да во роздольцо.
 Он свосей-то жоны да право наказыват,
 Он Настасьи Викулисьни наговарыват:
- ⁵ «Поживи-тко ты, Настасьюшка, шесть лет поры.
 Как не мошь ты Добрынюшу дождатисе —
 Хошь взамуж поди, да хошь вдовой сиди.
 Ты за князя поди, хошь — за боярина,
 Хошь за сильнёго-могучёго богатыря,
- ¹⁰ За того же мужика да за богатого —
 Не ходи ты за Олёшу да за Поповица:
 Олёша силой-то не силён, да он напуском смел,
 Он напустит на старого и на малого,
 Он напустит на ровнюшку спесивую!».
- ¹⁵ Ище прошло ле тому времецьку шес(т)ь лет поры —
 Ище стали на Настасьи да сваты сватацьсе,
 За того же за Олёшу да за Поповица.
 Как не здумала Настасьюшка взамуж итти
 За того же за Олёшу да за Поповица.
- ²⁰ Миновалось тому времецьку двенаццэт лет —
 Ище стали Настасью¹ да сваты сватацьсе
 За того же за Олёшу да за Поповица.
 Как задумала Настасьюшка взамуж итти.
 Ище тысецьким у Олёши да был Владимир-князь,
- ²⁵ А кнегина Опраксея была сватыюшкой,
 А хоробры-ти дружки: да был ведь стары казак —
 Ище стар ле казак да Илья Мурамец,
 А вторая была дружка — Дунай да сын Иванович.
 Пировали-столовали да с двора съехали,
- ³⁰ Как оставили Добрынину родну матушку.
 Она горюцима слёзами да уливаицсэ:
 «Ище хто же миня будёт да нонь поить-кормить?
 Ище хто же миня будёт да обувать-одевать?
 Ище хто же миня будёт да нонь тёплом обогреть?»
- ³⁵ А подходит кошевцяту окошецьку,
 А скриваёт окошецька немножецько —
 Она здрила-смотрела да во цисто полё.
 Во цистом-то поли да курева стоит,
 Курева-та ле стоит, да дым столбом валит:
- ⁴⁰ Ище ясному-ту соколу пролету нет,
 Ище церному-ту ворону пропорху нет,

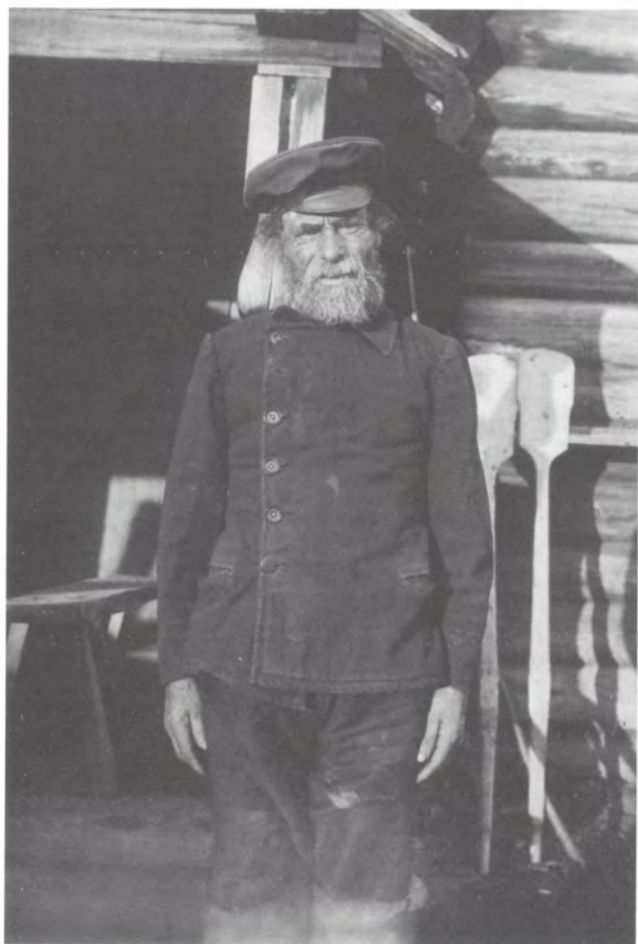
- Ище серому-ту волку да тут прорыску нет —
 Проежджаёт-пролетаёт да доброй молодець.
 Он добра-та коня правит да в стольне Киев-град,
 45 Он ведь едет по Добрынюшкиным жолтым сукнам,
 Он ведь ставит коня да к дубову столбу,
 Он ведь вяжот коня да к золоту кольцу,
 Он заходит на цястую на лесницю —
 Тут заходит Добрынюшка во светлу гриню.
 50 Он ведь крест-от кладёт да по-писаному,
 Он поклон-от ведёт да по-уцёному,
 Он ведь молицьсэ Спасу-ту Прецьыстому,
 Он ведь Матери Божьей да Богородицы.
 «Уж ты здрастуй, Добрынина родна матушка!» —
 55 «Уж ты здрастуй, удалой² да доброй молодець,
 Перехожой-переежджой да из циста поля!
 Не видал ле ты моёго да цяда милого,
 Ище милого-то цядышко³ любимого,
 Молодого ты Добрынюшки Микитица?»
 60 Мы тепереце с Добрынюшкой розъехались!» —
 «Уж ты здрастуй, родима да моя мамушка!» —
 «Уж ты здрастуй, моё да цядо милоё,
 Молодой ты Добрынюша Микитиц млад!» —
 «Уж ты ой, родима да моя мамушка!
 65 У те где же нонь не видно да другой семьи,
 Как другой ле семьи — моей да молодой жоны,
 Молодой жоны Настасьи Викулисьни?» —
 «А тепереце Настасья да с двора съехали⁴
 За того же за Олёшу да за Поповиця,
 70 А ище нонице Настасья да где ли у стола стоят!»
 Говорит тут Добрынюшка Микитиц млад:
 «Я возьму ле себе да свой злоцян перстень,
 Мы которым с Настасьей да обруцелисе,
 Я ище ле возьму да звонки гусельци!»
 75 Как пошол тут Добрынюшка на Олёшин двор.
 У ворот-то у Олёши да были прыворотницки,
 У дверей-то стоят, были, прыдверницки,
 Среди-то двора да стоят стóрожи:
 Не пускают калику да на широкой двор.
 80 Ище всем он даёт да по пети рублей —
 А заходит калика да во светлу гриню.
 Он идёт-то, Богу да сам не молицьсе,
 На все стороны калика да поклоняицсэ:
 «Уж ты здрастуй, Олёша да первоображной князь!

- 85 Ище здрастуй, кнегина да первображная!
 Уж ты здрастуй, Владимир да стольне-киевьской!
 Уж ты здрастуй, Опраксея-королевисьня!
 Уж ты здрастуй, Илья да ты сын Мурамец!» —
 «Уж ты здрастуй, калика да перехожая,
- 90 Перехожая калика да пережджая!»
 Говорит тут кнегина да первображная:
 «Уж ты ой еси, Олёша да первображной князь!
 Ты налей-ко мне-ка цяру да зелена вина!»
 Говорит тут калика да перехожая:
- 95 «Вы позвольте мне, кнезья, да во гусли сыграть,
 Мне при вашей пирушки да распотещицьсе!» —
 «Ты играй-ко, калика, до³ сколько хоцицьсе!»
 Во первой раз заиграл — тут Настасьюшка подумала.
 Во второй раз заиграл — Настасья-та спромолвила:
- 100 «Уж ты ой еси, Олёша Поповиц млад!
 Ты налей-ко мне цару да зелена вина,
 Ты не малу, не велику — да в полтара ведра:
 Ище тут же калики да припотёлосе,
 Как испить тут калики да захотелосе!»
- 105 Подают она цару да зелена вина,
 Подают она калики да перехожей:
 «Ты прымай-ко-се цару да зелена вина!»
 Принимает он цару да единой рукой,
 Выпиват он ведь цару да к едину духу —
- 110 Ище сам он из рецэй да выговарыват:
 «Наливайте мне-ка цару да зелена вина!»
 Ище тут же Олёша да не отслушалсэ —
 Он ведь налил тут цяроцьку зелена вина.
 Как берёт тут калика да перехожая,
- 115 Подают он кнегины да первображной:
 «Уж ты пей-ко-се эту цару да всю до дна —
 Увидашь ты, Настасьюшка, много добра!»
 Она выпила цяру да уж как всю до дна —
 Как положил Добрынюшка свой злоцян перстень,
- 120 Да с которым с Настасьей да обруцэлисе.
 Говорит тут Настасья да таковы слова
 (Как правой-то ногой — да тут да на золот стол,
 А левой-то ногой — да и⟨э⟩ застолья вон):
 «Уж ты здрастуй! Женилса, Олёша, — тебе не с ким спать!»
- 125 Они низко ведь всем да поклонилисе —
 Как⁵ пошол тут Добрынюшка со двора здолой
 Со своей ле супругой да первображную

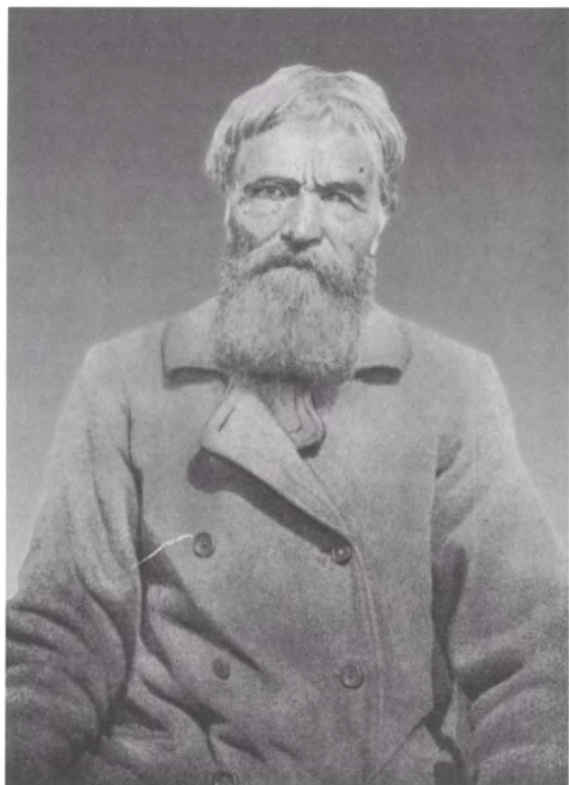
Ко своей ле ко мамушки родимой: .
У их были тут ведь радости великие.

№ 38

- Добрынюшка да он Микитиць млад
А пришол-де Добрынюшка к своей матушки:
«Ах, ты матушка моя, Офимья Олёксандровна!
А нащо миня, матушка, ты спородила?»
5 Спородила бы меня, матушка, дак серым камешком,
Отнёсла бы меня да во синё морё —
Я лёжал бы там веки да все превечныя!»
А и стал прощацьсе¹ с молодой женой:
«Да прости-тко ты меня, Настасья Викулисьня;²
10 А дожидай-ко меня цере́з³ двенаццэть лет,
А подожди ишше лето да ты трынадцэтыто —
Хошь заму́ж тогда поди, да хоть вдовой сиди:
Не ходи только за Олёшу да за Поповиця,
За просмешника не ходи да ёго бабьёго!»
15 Но прошло-де ведь времечко двенаццэть лет,
Да тринаццатой год да он прошол ведь тут.
А Добрынюшка Микитиць млад
Да не видели, как стремена ступил.
Уехал Добрыня во чисто полё.
20 А-й ездил во чисто[м] поли Олёшенька Поповиць млад,
А пропустил таку славушку нехорошую,
Що Добрыню видел — под кустиком убит лёжит.
И прышла ета вестоцька нерадосьня,
И прышла она к Офимьи да Олёксандровны,
25 К Добрыниной да родной матушки.
А из Киева женихи да вот приехали,
А Владимир стольне-киевский — он ведь сватовщиком.
Розговарили⁴ Офимью да Олександровну:
«А тепере Добрыни вот живого нет;
30 А спусти-ко Настасьюшку — взаму́ж пойдёт
За того же за Олёшу за Поповиця!»
Она здумала, Настасьюшка Викулисьня:
«Просидела я типеря да вот тринаццать лет;
А тяжоло мне коротать будёт веки долгиа».
35 И приехала калика перехожая,
А к Добрыниной приехала родной матушки:
«Я ведь видел, Добрынина родна матушка,

17. Сказитель Я. Е. Гольчиков. 1928 г.

18. Сказитель Н. К. Семенов. 1928 г.

19. Сказитель М. Г. Антонов. 1928 г.

20. Сказитель Г. К. Рассолов

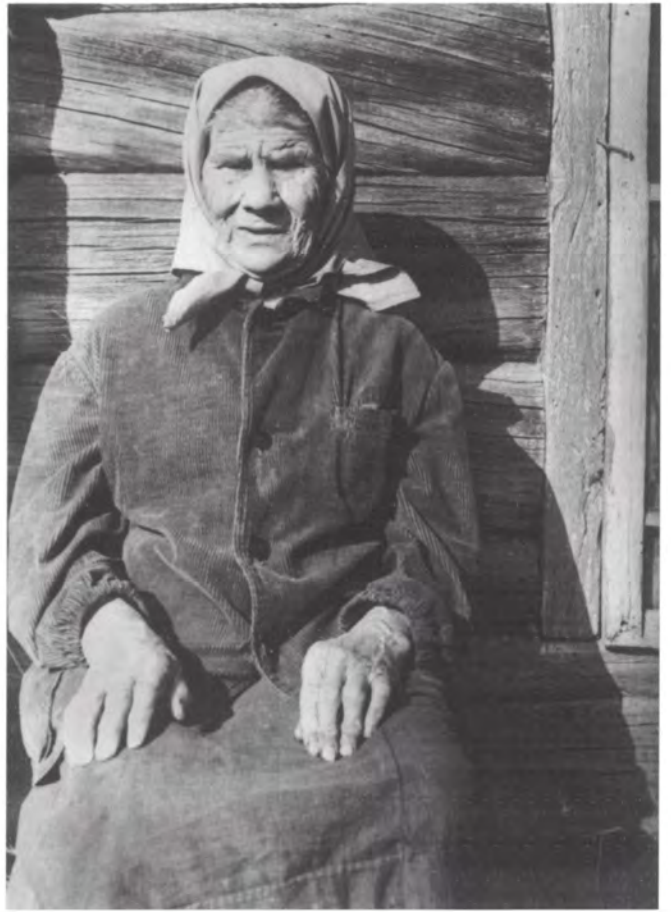
21. Хор д. Кильда. Справа налево: Г. К. Рассолов, И. Н. Бутаков, А. Н. Чупов, У.Т. Чупова. 1928 г.

22. Сказитель Е. Т. Оксенов

23. Сказительница Т. А. Оршкина. 1958 г.

24. Сказительница Т. Г. Немюгина

25. Сказительницы д. Юрома. П. Ф. Бешенькина, М. И. Пургина, Е. Ф. Ружникова. 1958 г.

26. Крестьянский музыкант А. Н. Чупов. 1958 г.

- Я стоял долго с Добрынюшкой Микитицём:
Он живой ведь, да он живёхонёк!»
- 40 А говорят тут Добрынина родная матушка:
«А не ври-тко ты, калика перехожая,
А тепере ведь Добрынюжка⁵ уже живого нет!»
Говорят ей калика перехожая:
«Уж ты дай-ко, Добрынина родная матушка,
- 45 Уж ты дай мне-ка, дай звоньцяты гусли —
Я пойду же к Олешеньки на свадебку,
Посмотрю у Олешеньки дак молодую жену.
Если весела⁶ сидит — запечалю ей;
А печальная сидит — я розвёселю!»
- 50 А Добрынина ведь матушка не отказывала,
А дала тут калики да звоньцяты гусли.
Говорят ишше калика да перехожая:
«Уж ты ой еси, Добрынина родная матушка!
Ишше дай ты мне-ка платя цвѣтного,
- 55 А не слишком хорошего, а по-средньому!»
Добрынина тут матушка не отказывала,
Говорыла калики только таково слово:
«Не попасть тебе, калика, тебе⁷ на свадебку,
Не видать у Олѣши дак молодую жену:
- 60 У ворот ёво стоит да дваццѣть сторожов —
Не пропустят тибя, калику да перехожую.
А у дверей его стоит десеть прыдверьников —
Не попасть тебе, калика, к ему на свадебку!»
А взяла-де калика да скрипку под полу
- 65 Да в правое взяла ее под пазуху.
Ну, прыходит калика да перехожая,
Где стояло у ворот дак дваццѣть сторожов,
Говорыла калика таково слово:
«Уж вы здрастуйте, молоццы, да добры молоццы!
- 70 Я принёс вам тепере золотых я вам
А на винную, на винную на цяроц[ь]ку —
Пропустите меня на свадебку!»
Да прыходит калика где ко дверецькам,
Где стояло у дверей да десеть сторожов,
- 75 Говорят-де калика перехожая:
«Уж вы здрастуйте, молоццы, да добры молоццы!
Пропустите меня, скомороха, на свадебку:
Вам досталась да золотая вам —
Да на винную вам да всё на цяроцьку!»
- 80 А заходит калика да во светлу грыню,

- Она крест-от⁸ кладёт да по-писаному,
 Да молицце калика да по-учоному,
 А Владимиру князю он поклоняиццэ:
 «Уж ты батюшко Владимир стольне-киевской!
⁸⁵ А позволь мне, скомороху, поиграть на скрыпоцьку
 И розвёселить у вас пир бы навесели!»
 Говорыт-де Владимир стольне-киевской:
 «А-й зайграй-ко, с[ко]морох да утешливой,
 Зайграй-ко, скоморох, ты во скрыпоцьку —
⁹⁰ Ты утешь-ко нас тепере на пиру же всех!»
 А стал скоро ли дак розбиратисе:
 А натегает ведь он струноцьку от Киева,
 А от Киева он натягает да до Цернигова,
 А другую натягает ету струночку,
⁹⁵ Да другую послал как в Ерусалим-град.
 Зацял-де играть да он на скрыпоцьку
 Да стал-де по струноцькам похаживать.
 А говорыт только Праксия-королевисьня:
 «Ах, батюшко Владимир стольне-киевской!
¹⁰⁰ А не видали вы игры такой тринаццать лет:
 Когда был у нас Добрынюшка Микитиць млад,
 От та же была игра на звоньцятых играх!..»
 А игру он сыграл да переставать-де стал;
 А тепере ведь Добрынюшка, — играл как он, —
¹⁰⁵ На остадоцьках калика да выговариват:
 «Ты женилса здорово, да тебе не с кем спать!»
 Догадалса стар казак Илья Муромец:
 «Ишше што ета скрыпоцька выговар[ив]ат:
 „А женилса здорово, да тебе не с кем спать!” —
¹¹⁰ Видно, сам тут Добрынюшка Микитиць млад!..»
 Говорыл тут Владимир стольне-киевской,
 Говорыл-де Владимир таково слово:
 «Молодая ты Настасьюшка Викулисьня!
 Ты налей-ко ты цяру зелена вина,
¹¹⁵ И не малу, не велику — да полтора ведра,
 Да подай-ко калики да перехожое —
 А далеко⁹ калика да переход дёржит!»¹⁰
 А принимает калика цяру единой рукой,¹¹
 Выпивает ведь он цяру да к единому духу;
¹²⁰ Да в эту во цяроцьку серебряну
 А кладёт-де калика свой злачон перстень:
 «Не узнала ты, Настасьюшка Векулисьня,
 А пошла ты, Настасьюшка, за другого взамуж.

- Я живёхонёк да приехал я!»
- ¹²⁵ А тут выскоцил Олёша из застолья¹² вон
Да хотел бы над каликой да расходитисе.
Как Добрынюшка схватил его за русы кудри,
А стал его по грынёнки поваживать.
А говорит тут калика да перехожая:
- ¹³⁰ «Я за ето тебя¹³ да я тебя прошшу,
Што ты взял мою да молодую жену.¹⁴
А за другое дело да тибя нельзя простить:
Уж ты ездил, Олёша, во чистом¹⁵ поли,
А увидел меня, видно, да видно, мёртвого,
- ¹³⁵ А привёз ты славушку вот нехорошую
Ко моей ты родимой да родной матушки —
Оскорбил ты матушку мою несчастную!»
А скоцил тут стар казак да Илья Муромец:
«А оставьте вы Олёшеньку Поповиця!»
- ¹⁴⁰ Да повёл-де из грыдьни да княженецкое,
Да привёл-де Добрынюшка молодую жену —
А ко т[ой] привёл-де он к матушки родимое:
«Ах ты матушка моя да ты родимая!
А-й я сходил теперь нашол свою молод[у] жену!»

№ 39

- И тут срежаицэ Добрынюшка во чисто полё
И от своей жоны Настасьи Викулисьни.
И он своей жоны крепко наказыват,
И он Настасьи Викулисьни наговарывал:
- ⁵ «И как шесть лет пройдёт, да хошь замуж поди,
И хошь замуж поди да хошь вдовой сиди,
И не ходи только за Олёшеньку сына за Поповица:
Олёша силой не силён, да он напуском смел!»
И тут жила-пожила Настасья Викулисьня,
- ¹⁰ Она не много и не мало — да как ровно шесть лет.
И тут стали на Настасьи да сваты сватацьсе,
И тут стали на Викулисьни низко кланицьсе
И за того же за Олёшеньку сына за Поповица.
И тут не здумала Настасья да во замуж итти.
- ¹⁵ Она жила-пожила да как друга шесть лет.
И опеть на Настасьи да стали сваты сватацьсе,
И опеть на Викулисьни стали низко кланицьсе
И за того же за Олёшеньку сына за Поповица.

- И тут надумалась Настасья да во замуж итти
 20 За того же за Олёшеньку сына за Поповица.
 И весёлым пирком ды и свадебкой.
 И тут не пыль во цистом поли да не пыля пылуицьсе —
 Ище конь бежит, да как земля дрожжит:
 И едёт тут Добрынюшка¹ Микитиц из циста поля.
 25 И заходил тут Добрынюшка к родной маменьки:
 «Уж ты здрастуй, говорит, да как ведь бабушка!» —
 «Приходи-ко-се, удалой да доброй молодец!» —
 «Ище где же у тебя, бабушка, да молода вдова —
 И молода вдова Настасья да как Викулисьня?..» —
 30 «И молода у мяя вдова да во замуж пошла;
 А тепере уж где ли да у веньца стоит,
 А не у веньца стоит, дак уж за столом стоит.
 А не видел ли ты, удалой да доброй молодец, моего сына² —
 И моего сына Добрынюшки Микитица?» —
 35 «И како́ у Добрынюшки было зна́мецко?» —
 «А под правой-то под пазушкой цорно пятнышко!»
 И скиновалса тут удалой доброй мо́лодець донага́ он весь —
 И тут признала родима да ёго маменька.
 «И ты неси-ко мне-ка, маменька, платьё подвинесьнёе,
 40 И подвенесьнёе платьё да как злоця́н перестень!»³
 И тут средилса Добрынюшка Микитиц-от;
 И пошел тут Добрынюшка-та Микитиц-от.
 И тут садилса Добрынюшка на песьнёй ведь столб:
 «Уж ты ой еси, Алексей да сын Поповиц-от!»
 45 И ты нале́й мне-ка цару да зелёна вина,
 И ты не малу, не велику — да полтара ведра!»
 И наливал тут Алексей да сын Поповиц-от.
 И тут дёржала Настасья Викулисьня в обе́ руки,
 И подавала она Добрынюшки Микитицу.
 50 И он как брал эту цару да ведь как одной рукой,
 И выпивал он эту цару да на один-от дух;
 И положил он в цару да как злоця́н перстень.
 И слезывал тут Добрынюшка Микитиц да на белы полы,
 И подходил тут Добрынюшка ко столу́ близко́,
 55 И тут брал он Настасью Викулисьню за белу руку,
 И за белу руку да за злоця́н перстень:
 «Уж ты весёло женилса — ды и не с ким спать!»

№ 40

- Срежаитце Добрынюшка во чистó¹ полё,
 Сподобляитце Микитиц во роздольице.
 Он своёй жоны да наказыва́т,
 Он Настасьи Микулишны наговарива́т:
- ⁵ «Как пройдёт тому времецко шесть годов поры,
 Хоть за князя пойди, хоть за бо́яра,
 Хоть за купца ты пойди за торгового —
 Не ходи за Алёшу за Поповиця!
 Алёша силен-не силен — только напу́ском смел!»
- ¹⁰ Миновалось тому времецко шесть лет поры —
 И никто на́ Настасьи боле не сватаитце.
 Приеждяёт Олешенька Поповиць млад.
 Она думала-подумала — замуж пошла
 За того же за Олёшу за Поповиця.
- ¹⁵ Оставляет Добрынину родну ма́тушку
 На кирпичней на жаркой на пещеньке —
 Горючими слезами уливаеця:
 «Ищо кто же меня будет поить-кормить,
 Ищо кто же будет обувать и одевать,
- ²⁰ Ищо кто же будет теплом обогреть?»
 Взгленула в косевщето окошечко,
 Взгленула она да во цистó полё:
 Во цистóм поли курева́ стоит,
 (Сын с войны едет.)
 Курева́-то стоит да ле дым столбом валит —
- ²⁵ Пролетает-проеждяет до́брый мо́лодец
 И по тем же по Добрыниным жолты́м сукно́м.
 Приеждяет Добрыня к дому своему
 И ставит ко́ня да к дубо́ву столбу́,
 Он и вяжет коня к золоту́ кольцу́.
- ³⁰ И по сениям бежит да ле скоро-на́скоро,
 Он в избушку заскочил да ле круто-на́круто́.
 И он крест-от кладёт да ле по-писа́ному,
 Он поклон ведёт да ле² по-уце́ному,
 Он молитву творит прав' Исусову.
- ³⁵ «Уж ты здравствуёшь, Добрынина родна́ маменька!» —
 «Уж ты здравствуёшь, удалой доброй мо́лодец!
 Не видал ле ты у меня сердце́ного дитетка?»
 И схватил он платьё бо́гатырское́,
 Смахнул он рубашку тонку полотнену
- ⁴⁰ И признал руку́ правую́.

- А под правой под пазухой-то — бородавоцька,
 А на этой бородавоцьке — три золотых волоска.
 «Уж ты здраствуй, сердечно моё дитятко!» —
 «Уж ты здраствуй, родима моя маменька!» —
- 45 «А уж нет у тебя другой семьи,
 А другой-то семьи, молодой жоны!» —
 «Ты пойдн-ко сходи-ко во кованый сундук,
 Принеси-ко ле мне да золотой казны,
 Мне не много, не мало — да петъдесят рублей!
- 50 Да ещо принеси мне да звонки гусельцы,
 Да ищо мне принеси злачон перстенъ —
 Да которым перснем я обручалась!
 Да ищо мне принеси платье калицкое!»
 (Каликой хочет наредиться.)
 И сходила ёму матушка круто-накруто,
- 55 И средилса ле он скоро-наскоро,
 (Она, вишь, ему сказала: «Поедешь — она у венця не стоит,
 а приедешь — она за столом сидит».)
 И средилса, поехал скоро-наскоро:
 Взгленула в окошечко — не видно нигде.
 Приеждает к Олешину широку двору,
 Он и вяжет коня к дубову столбу.
- 60 У ворот-то стоят да приворотники,
 У дверей-то стоят да все придверники,
 Середи двора стоят да ле крепки сторожа.
 Он идёт и даёт им по пети рублей:
 Приворотникам, придверникам,
- 65 Середи двора крепким сторожам —
 И во гриню заскочил круто-накруто.
 Он и крест он кладёт по-писаному¹
 Он поклон ведёт по-уцёному.
 «Уж ты здраствуй, Олешенька Поповиц блад!» —
- 70 «Уж ты здраствуй-ко, калика да перехожая!» —
 «Уж ты здраствуй-ко, Настасья Микулишна!»³ —
 «Уж ты здраствуй-ко, калика перехожая!
 Ище все-то места у нас призанеты —
 И одно место есь на пецном столбе».
- 75 Заскочил тут Добрынюшка круто-накруто:
 «Ты позволь-ко, Олешенька, во гусли сыграть!» —
 «Играй, играй, калика, сколько хошь играй!»
 Во первы-то заиграл — Настасьюшка подумала,
 В' вторы-то заиграл — слезно заплакала
 (Вот ему и велит, Олеше):

- ⁸⁰ «Ты налей-ко царю да зеленá винá:
 Не малу, не велику — полторá ведра!»
 Наливаёт Олёшенка цярю зеленá винá,
 Подавает калике да переходжой
 (Настасья подавает.)
 Принимает он цярю к одному духу,
- ⁸⁵ Да спускаёт он в цярю зладён перстень.
 Вынимает она перстень тут из цяры-то,
 Наложила она перстень да на праву руку;
 Она правой ногой на стол стала,
 А левой ногой — из застолья вон.
- ⁹⁰ Они Богу помолились да вон пошли.
 И подразнил он Олёшеньку Поповиця:
 «Ты здорово женился: тебе не с кем спать!»
 (Всё боле: он увёз ее.)

№ 41

Добрыня жоне наговаривал:

«Молодá жонá, жди шесть лет.

Как ищё шесть лет не буду — живым не считай».

Вот он шесть лет ездил по чисту полю — завалился отдохнуть. Конь по белу шатру бьёт копытом. Он спит. «Вставай, Добрыня Микитич!» — «А что ты, конь, какую невзгону чуешь надо мной или над собой?» — «А твоя молодая жонá взамуж пошла!» — «А можем ли застать на церковном крыльцы?» — «Можем застать: за столом стоят». Вот и приехал во своё жилище-то. Зашол к матушке своей. Попросил он наигрищов поиграть. А матушка его не признала. «Да ты как знаешь Добрынюшку Микитича?» — «Да я знаю, как самого себя!» (А сам и есть). Вот и пошел на свадьбу, наигривáт. Народ замечает: «А это наигрищо Добрыни Микитичя!» Пошел, сел там под порог, на свадьбу. От князя чару принесли — полтора ведра, выпить. Он чару выпил — принесли от кнегины чару полтора ведра. Он и ту выпил. В чару спустил обручёный перстень кнегины. Вот она взяла, а перстень — обручёный. «Ну, Олёша Попович, ты мне не жених, а я тебе не невеста, у меня свой Добрыня Микитич пришол». Вот Олёша Попович сказал: «Ну, кому ничего, а мне свадебка семьсот рублей стала!» А он (это Олёша Попович) оманул ее: «Я ведь Добрыню Никитича похоронил под ракитовым кустышком!» — Омманом взял.

(Ну, больше и всё!)

№ 42

Собирался Добрынюшка во цисто полё,
 Подоблялся сын Микитиц да во раздольицо,
 Он своей-то Настасьюшке наказывал:
 «Я уеду там Добрынюшка во цисто поле,

- 5 Во то же раздольицо широкое.
 Как пройдет тому времечку пять лет поры,
 Ты сходи-ко-се во дáлеко цисто поле,
 До того же-то до кустышка рокитова,
 До того же-то до прутика малинова:
- 10 Уж как совет ле соловьюшко тепло гнездышко,
 Уж как вывел здесь своих так малых детушек,
 Тогда нет меня, Добрынюшки, на сей земле.
 Ты тогда, моя Настасьюшка, хоть вдовой сиди,
 Хоть вдовой сиди, дак хоть замуж поди.
- 15 Хошь за князя ты поди да хошь за боярина,
 Хошь за сильного могуцого богатыря —
 Не ходи только за Олешеньку Поповича:
 Как Олешенька Попович мне крестовой брат,
 Он и силоцкой не силен, только напуском смел!»
- 20 Прожила тут Настасьюшка пять лет(и) поры,
 А пошла она во дальни цисты поля,
 До того же там до кустышка рокитова,
 До того же там до прудицка малинова:
 Вывел тут соловьюшко малых детоцек,
- 25 Тут и шла Настасьюшка Микитицна
 Из того же она из циста поля,
 Она своей ведь тут маменьке рассказывала:
 «Уж как совил соловьюшко тепло гнездышко,
 Он уж вывел своих да малых детушек —
- 30 Тогда нет Добрынюшки на сей земле!»
 (Тогда Добрыня купался, унесло его.)
 Пришел Добрыня к родной матушке:
 «Уж ты здравствуй-ко, здравствуй-ко, родна матушка!» —
 «Уж ты здравствуй, сердечно да мое дитяtko». —
 «Уж-де есть же у те, маменька, друга семья,
- 35 Как друга семья моя молода жена?» —
 «Как твоя-то молода жона взамуж ушла,
 За того-то за Алешу Поповича,
 У их-то ноне идет да пированьице,
 Пированьице идет да столованьице!» —
- 40 «Ты неси мне-ка, маменька, церно платьице,
 Ты неси мне-ка, неси гусли звончатые,
 Гусли звончатые неси да колокольчатые:
 Я пойду там к Олеше на свадебку!» —
 «Не ходи ты, сердечно мое дитяtko:
- 45 Как у их тепере там да за столом сидят,
 У них все собрались да гости любые,

У них теперь там пиروваньице,
 Пиროванье идет да столованьице!..»
 Ему вынесла мамонька да черно платье,
 50 Она вынесла ему да гусли звончатые,
 Гусли звончаты ему да колокольчатые.
 Он пошел тут к Олешеньке на свадьбу,
 Он правой ногой ступил — дак изба потреслась,
 Он левой ногой ступил — дак рамы сбрякнули.
 55 «Уж вы здравствуйте, все гости любые!
 (А Алеша-то не хочет его за стол посадить, узнал либо!)
 Вам не нать-ка сыграть да гусли звончаты —
 Гусли звончаты сыграть да колокольчатые?»

А Олеша говорит: «У нас все места призаняты да призапущены». А Настасья-то говорит:
 «Есть местецко на печном столбу». (Она узнала его.)

60 А сядилсе тут Добрынюшка на печной столбышек,
 Он сыграл тут свои да гусли звончаты,
 Он первый раз сыграл — она продумалась,
 Он второй раз сыграл — она проплакалась,
 Он третий раз заиграл — она слово молвила:
 65 «Уж ты гой еси, Алеша Попович млад,
 Наливай-ко-се цару зелена вина,
 Ты не малу, не велику — да полтора ведра».
 Наливал тут Олешенька цару зелена вина,
 Он не малу, не велику — полтора ведра,
 70 Тут берет-то Добрынюшка одной рукой,
 Выпивает-то Добрынюшка на единой дух.
 Он как выпил эту цару, Настасью за руки взял,
 За руки взял — из-за столья повел.
 Из-за столья вывел — тонцовать пошли,
 75 Тонцовали, тонцовали — и домой пошли.
 Он того же тут Алешеньку потравливает:
 «Уж ты здравствуй-ко, Алешенька,
 Жонился — тебе не с кем спать!»

№ 43

$\text{♩} = 92-96$

Он сво - е - й(и) - то Нас - тась - юш - ки ка - ма - зы - вал:

"Я у - е - ду та - м(ы), До - б(ы) - ры - нюш - ка, во цис - то по - лё,

Во то - ё же во роз(ы) - до - л(ы) - и - це щи - ро - ко - ё.

Как прой - дёт ведь то - му вре - мечь - ку пять ле - т(ы) по - ры -

Ты схо - ди - ко - се во да - ле - це цис - то по - лё,

До то - го же ты до кус - тыш - ка ро - ки - то - ва,

До то - го же ты до пру - тиць - ка ма - ли - но - ва."

⟨...⟩ Он своей-то Настасьюшки наказывал:

«Я уеду там, Добрынюшка, во чисто полё,

Во тоё же во роздольце широкоё.

Как пройдёт ведь тому времечку пять лет поры —

⁵ Ты сходи-ко-се во далеце чисто полё,

До того же ты до кустышка рокитова,

До того же ты до прутьца малинова.

Уж как совет ле соловьюшко тепло гнездышко,

Уж как вывел здесь своих дак малых деточок —

¹⁰ Тогда нет меня, Добрынюшки, и на сей земли:

Ты тогда, моя Настасьюшка, хошь вдовой сиди,

Хошь вдовой ты сиди, дак хошь взамуж ты поди,

Хошь за князя ты поиди, да хошь за бояра...» ⟨...⟩

...Говорит:

- 15 «Какое у Добрыни было знамечко?» —
 «У меня, у Добрынички, было знамечко, грит, —
 Под правой-то под пазушкой да бородавочка!»
 Скинывает Добрыня да цветно платишко,
 Поднимает свою да руку правую —
- 20 Увидела она под правой рукой да бородавочку,
 Слезла с кирпичной жаркой печеньки,
 Захватила его за шею да и слезно плакала:
 «Здравствуй, здравствуй, мое сердечно дитяtko!» —
 «Здравствуй, здравствуй, родна маменька!»
- 25 А где же у тя, маменька, друга семья?
 Друга-то семья — да молода жена?» —
 «А молода-то жена, говорит, твоя да во замуж ушла,
 За того же за Олешу да за Поповиця,
 Теперя, говорит, у их да пированьице,
- 30 Пированьице да столованьице,
 Теперь у их-де ле да за столом сидят».
 А он и говорит:
 «Неси-ко, маменька, да мне-ка цветно платице,
 Еще неси да мне-ка гусли звонцяты,
 35 Гусли звонцяты да колокольцяты,
 Я пойду к Олешеньки на свадёбку!»

Но вот, она вынесла ёму цветно платице. Вынесла гусли звончатые. Пошел к Олешеньки на свадёбку. Правой ногой ступил — дак изба сотряслась, а левой ногой ступил — рамы сбрыкали.

№ 44

$\text{♩} = 92-96$

По-ез - жат ту - т(ы) до - б(ы)ры - люш-ка во цис - то по - лё,
 По-ез - жат-ли князь Ми - ки - тиль да во ро-з(ы) - до - л(и) - и - це.
 Он про - си-л(ы) тут у ма-мень-ки Бо-жи-ё да бла-слов-ле - н(и) - и - це,
 Тут да - ва-ла ё - му ма - мень-ка, слез - но пла - ка - ла...

—” Про жи - ви - ко - ты,] На с - тась - юш - ка, пять ле - т(ы) по - ры.
 Ты схо - ди - ко - се во да - ле - цё цис - то по - лё,
 Ты во то же во ро - з(ы) до - л(и)и - цё ши - ро - ко - ё,
 До то - го же ты до кус - тыш - ка ро - ки - то - ва..”

- Поезжат тут Добрынюшка во цистó полё,
 Поезжат-ли князь Микитиць да во роздольцё.
 Он просил тут у маменьки Божие да благословлениць,
 Тут давала ёму маменька, слезно плакала <...>¹
⁵ «Проживи-ко ты, Настасьюшка, пять лет поры.
 Ты сходи-ко-се во далецё цисто полё,
 Ты во то же во роздольцё широкоё,
 До того же ты до кустышка рокитова,
 До того же ты до прутцка малинова.
¹⁰ Уж как вывел тут соловьюшко тёпло гнездышко,
 Как спровадил тут своих да малых деточёк —
 Тогда не будет меня, Добрынюшки, на сей земли!..
 Ты тогда, моя Настасьюшка, хоть взамуж поди,
 Хоть за князя ты поди, да хошь за бóяра,
¹⁵ Хошь за сильнёго-могуцёго богатыря —
 Не ходи ты за Олёшу да за Поповиця:
 Как Олешенька Поповиц да мне крестóвой брат.
 Он-от силочкой не силён, да только напуском смел!»
 Прожила тут Настасьюшка пять лет поры.
²⁰ Как пошла тут Настасьюшка во цисто полё,
 А пошла тут Викулишня во роздольцё
 До того же там до кустышка рокитова,
 До того же там до прутичка малинова.
 Уж как совил тут соловьюшко тёпло гнездышко,
²⁵ Он уж вывел тут своих дак малых деточёк.
 Тут приходит Настасьюшка из цистá поля
 А своей она маменьке рассказывает,
 Как она ей да наговариват:

- «Уж как со́вил там соловьюшко тёпло гнёздышко,
 30 Уж и вывёл он своих да малых деточёк —
 Тогда нет, видно, Добрынюшки у нас на всей земли!
 (Нет, видно. Думает — убит он.) <...>
 Он' сидела на кирпичней да жаркой печеньки,
 Тут и слезла с кирпичней да жаркой печеньки,
 Да пришла ко кошевцету окошечку,
 35 Ко стеклянной-то пришла она околёнки,
 И смотрит во далеце в цистó полё.
 Уж как в чистом-то полюшки курёва стоит,
 Курёва́-то там стоит да дым столбом валит,
 Говорит тут Настасьюшка Микулишна:
 40 «Эка в цистом-то поли да курёва стоит,
 Курёва-то тут стоит да дым столбом валит,
 Уж как цёрному-ту ворону прокурку нет,
 Уж как ясному-ту соколу пролёту нет,
 Уж как доброму-ту молодцю проезду нет!»
 45 Пролетаёт, проезжаёт да доброй молодец
 Он по тем же Добрыниным жолты́м сукна́м,
 Он уж едет тут к Добрынину широкому двору,
 Он и ставит тут коня да к дубову́ столбу,
 Он и вяжот коня да к золоту кольцу,
 50 Он заходит тут во грынюшку во светлую,
 Он и крест тут кладёт да по-писанному,
 Он поклон-от ведёт да по-уцёному,
 Он молитву творит да сполна Сусову <...>
 «Уж ты здравствуй-ко, Добрынина родна маменька». —
 55 «Уж ты здравствуй ты-ко, здравствуй, да доброй молодец.
 (Она уж его еще не признала.)
 Не видал ле ты моего там уж дитетка,
 Не видал ли ты Добрынюшки Микитиця?» —
 «Как, како да у Добрынюшки было значечко?» —
 «Как у мя, у Добрыни, было значечко —
 60 Под право́й-то под пазушкой бородавочка».
 Скиноваёт кали́цко да светло плати́це,
 Подымаёт свою да руку правую —
 Тут увидела Добрынина родна маменька
 Под правой-то рукой да бородавоцку.
 65 Слезыват она с кирпичней да жаркой печеньки,
 Как захватыват ёго да за буйну́ голову́,
 А захватыват, дак слезно плакала.
 (Узнала тогда уж как!) <...>
 «Где же у те, мамушка, друга семья,

- Как друга-та семья, Добрынина молода жона?» —
- 70 «Как у меня добра-то от Добрынюшки Микитица
Молода-та жона да во замуж ушла
За того жо за Олешеньку Поповица.
Как у их теперь там да пированьице,
Пированьице идёт да столованьице!..»*
- 75 Догадалсе тут Добрынюшка Микитич сын:
«Ты неси скорей мне, маменька, светло платице,
Ты неси еще мне да гусли звончаты,
Гусли звончаты неси да колокольчаты.
Я пойду схожу к Олешеньке на свадебку!»
- 80 Тут пошел Добрынюшка Микитич сын,
Он пошел тут к Олешеньке на свадебку.
Он правой ногой ступил — да изба потреслась,
Он левой ногой ступил — да рамы сбрыкали.
«Уж вы здравствуйте, гости все любезные!
- 85 Вам надо ли сыграть в гусли звончаты,
В гусли звончаты сыграть — да колокольчаты?»
Говорит тут Олешенька Попович млад:
«У нас нет местечка незанята,
У нас нет местечка незасижена!»
- 90 Сказала Настасья Викулишна да молода,
Как Добрынюшкина жена Микитича:
«У нас есть местечко на песьнём столбу,
Еще то у нас местечко есть незанято,
Еще то у нас место да незасижено!»
- 95 Тут садился Добрынюшка на песьнёй столбышók,
Да играл-то Добрынюшка в гусли звончаты,
Гусли звончаты заиграл он — в колокольчаты.
Он первой-от раз играл — она продумала,
Он другой-то раз играл — она проплакала,
- 100 Он третий раз заиграл — она слово молвила:
«Уж ты гой еси, Олешенька Попович млад,
Наливай-ко-се ты чарочку зелена вина,
Ты не малу, не велику — да полтора ведра!»
Наливает тут Олешенька да чару зелена вина,
- 105 Он не малу, не велику — да полтора ведра,
Тут берет ведь Добрынюшка одной рукой,
Выпивает Добрынюшка на единой дух.
Когда выпил эту чарочку зелена вина,
Он Настасью Викуличну за белы-ти руки брал,
- 110 За белы-ти руки брал — да через стол поднял,
Через стол поднял — да тонцовать пошли,

Тонцовали, тонцовали — и домой пошли.
 Как Добрынюшка тут стал над Олешенькой подсмеиваться:
 «Уж ты здравствуй, Олешенька: женился, да тебе не с кем спать!»

№ 45

$\text{♩} = 68-72$

Со - би - ра.е.т.це Доб - ры - нюш.ка во цис - то лю - лё,

Во цис - то - то по - лё да во раз - до - лфи - це

Он гу - сей - то стре - лить да бе - лых ле - бе - дей.

А он сво - ей - то жо - ны пра - во на - ка - зы - вал,

А он Нас - тась - е Ми - ку - лич - ни на - го - ва - ри - вал...

- Соби⟨раетце⟩¹ Добрынюшка во цисто полё,
 Во цисто-то полё да во раздольицё
 Он гусей-то стрелить да белых лебедей.
 А он своей-то жоны право наказывал,
⁵ А он Настасье Микулични наговаривал:
 «А как пройдёт ле тому времецку шесть лет поры,
 Как приедут тебя да сваты свататце,
 Ещё сильни-могучия богатыря,
 Еще те же купци да все торговья,
¹⁰ А хошь вдовой ты сиди, Настасьюшка, — взамуж поди!
 Как пройдёт ле тому времецку двенадцеть лет,
 Как приедёт Олешенька в сваты свататце,
 Не ходи ты за Олёшу да за Поповица.
 Он ведь силою не силён, да он напúском смел:
¹⁵ Он напустит на старого, на малого,
 Он напустит на ровню да на спесивую!»
 А задумала Настасьюшка во замуж идти
 За того же за Олёшу да за Поповица.
 Пировали-столовали да с двóру съехали,
²⁰ Как оставили Добрынину родную маменьку
 А на той же на кирпичней да жаркой печеньки.
 Слезывáла тут Добрынина рóдна маменька
 Да со той жо со кирпичней да жаркой печеньки,
 Она зрít(ы)-смотрít да во цисто полё.
²⁵ Во цистом-то поли да курёва стоит,
 Курёва-та стоит да дым столбом валит.
 Ищё чёрному-ту ворону пролету нет ⟨...⟩,²
 Ищё ясному-ту соколу пролету нет ⟨...⟩,³
 А ищё доброму-ту молодцу проезду нет.
³⁰ Проезжает тут удалой да доброй молодец ⟨...⟩,³
 Он ведь вяжот коня да к дубóву с(ы)толбу,
 К дубовú-ту столбу да к золоту кольцу.
 А заходит уда́лой да доброй молодец,
 Он к Добрыниной да рóдной маменьки:
³⁵ «Уж ты здравствуёшь, Добрынина рóдна маменька!» —
 «Уж ты здравствуёшь, удалой да доброй молодец!
 А не видал ле ты Добрынюшки Микитица?» —
 «А како же у Добрыни да было значечко?» —
 «Как под правую под пазушкой бородавочка!» —
⁴⁰ Вызднимаёт тут Добрыня да руку правую ⟨...⟩³
 «А уж ты здравствуёшь, родима да моя маменька!
 А у те где же не видно да тут другой семьи,
 Как другой-то * семьи, моей молодой жоны,

- Молодой-то жоны, Настасьюшки Микуличны?» —
- 45 «А Настасья Микулишна во замуж ушла
За того жо за Олёшеньку Поповича». —
«А принеси-ко ты, родима моя мамонька,
Принеси-ко ты ведь платьцо калицькоё,
А ишо-то принеси да золоты гусли!»
- 50 Как поехал Добрынюшка Микитич-свет,
Он ведь вяжёт коня да к дубову столбу,
Он не спрашивает оконечка-ответчика,⁴
Среди двора не спрашивает крепка сторожа.
Как заходит Добрынюшка Микитич-свет:
- 55 «Уж ты здраствуёшь, Олёшенька Попович-свет!» —
«Здраствуй, калика перехожая!» —
«А не можно́ ли у тебя да во гусли сыграть?» —
«Ты играй-ко, играй да сколько хочется!»
Во первы-те заиграл — Настасьюшка подумала,
- 60 Во вторы-те заиграл — Настасьюшка проплакала,
Во третьи-те заиграл — Настасьюшка промолвила:
«А ты налей-ко, Олешенька Попович-свет,
Ты налей-ко-се чару зелена вина,
Ты не малу, не велику — полтора ведра».
- 65 Принимат ету чару да одною рукой,
Одною он рукой да одним пёрстышком.
Выпиваёт ету чару да зелена вина,
Он берёт тут Настасьюшку за руку правую:
«До свиданья, Олёшенька Попович-свет!»
- 70 Он берёт тут, Олёша, да саблю вострую
У Добрынюшки Микитича голову срубить...
(Тут я боле конца-та не знаю, а только не срубил он ёму голову-ту!)

№ 46

$\text{♩} = 60-64$

Как сре - жа-ет-це Доб - ры - нюш-ка во- цис- то по- лё,

Спо-доб - ле-ет-це Ми - ки - тиць да во- роз - до - лод-ки - це

Dolce

Он гу - сей - то стре - лить да бе - лых ле - бе - дей.

Он сво - ей - то жо - ны всё пра - во на ка - зы - вал,
пра -

Он нас - тась - е Ми - ку - лить ни на - го - ва - ри - вал:

- му в(ы) - ре -
"А как трой - дёт ле то - му вре - мь - ку шесть лет по - ры,

Как при - е - дут те - бя да сва - ты сва - тат - це,

А е - ще си - л(и) - ни - мо - гу - ци - я бо - га - ты - ри..."

- Как срежаетце Добрынюшка во чисто полё,
 Сподоблеетце Микитиць да во роздольицё
 Он гусей-то стрелить да белых лебедей.
 Он своей-то жоны всё право наказывал,
⁵ Он Настасье Микулицьни наговаривал:
 «А как пройдёт ле тому времецьку шесть лет поры,
 Как приедут тебя да сваты свататце,
 А еще сильни-могуция богатыри,
 Хошь вдовой ты сиди да хошь взамуж пойди!
- ¹⁰ Как пройдёт* еще тому ведь времечко друга шесть лет,
 Как приедёт-то Алешенька свату сватати —
 Не ходи ты за Алешу да за Поповича:
 Он как силою не силен, да он напуском смел —
 Он напустит на старого, на малого,
¹⁵ Он напустит на ровнюшку спесивую!»
 Как прошло-то тому времечку двенадцать лет,
 Как приехал Алешенька свату свататься.
 И задумала Настасьюшка, во замуж пошла,
 Дак оставила Добрынюшкину родну маменьку.
- ²⁰ Пировали-столовали да скоро съехались.
 А оставили Добрынину родну маменьку
 Как на той же на кирпичной да жаркой печеньке.
 Слезываёт тут Добрынина родна-то маменька
 Как со той же со кирпичной да жаркой печеньки,
²⁵ Она зрит и смотрит да во чисто поле,
 Во чисто-то поле да во раздольицо.
 А во чистом во поли да курева стоит,
 Курева-та стоит да дым столбом валит.
 А еще ясному-ту соколу пролету нет,
³⁰ Ишо-то доброму-ту молодцу п(р)оезду нет.
 Проезжает тут удалый да добрый молодец,
 Приезжает к Добрынюшкиной к родной маменьке,
 Он вяжет коня да к дубову столбу,
 К дубову-ту столбу да к золоту кольцу.
- ³⁵ Тут заходит удалой да добрый молодец
 Ко Добрыниной-то к родной маменьке:
 «Уж ты здравствуешь, Добрынюшкина родна маменька». —
 «Уж ты здравствуешь, удалый да добрый молодец,
 А не видел ли Добрынюшки Микитича?» —
⁴⁰ «А како же у Добрыни было знамечко?» —
 «Как под правой-то под пазушкой бородавочка».
 Вызнимает Добрыня да руку правую.
 «Уж ты здравствуешь, родима да моя маменька!

- У тя где же не видно тут другой семьи,
 45 Как другой-то семьи — моей молодой жены,
 Молодой-то жены, Настасьюшки Викулишны?..» —
 «А Настасья Викулишна во замуж ушла
 За того же за Алешу за Поповича!» —
 «Принеси-ко ты мне, маменька, платьице калицкое,
 50 А еще же принеси мне золоты гусли».
 Как срядился Добрынюшка Никитич ведь,
 Приезжат он к Алешеньке Поповичу.
 Он ведь вяжет коня да к дубову столбу,
 Он ведь вяжет коня да к золоту кольцу,
 55 У окошечка не спрашивает ответчица,
 Среди двора не спрашивает крепка сторожа:
 «Уж ты здравствуешь, Алешенька Попович ведь!» —
 «Уж ты здравствуешь, калика да переходящая,
 Переходящая каликушка, переброжая!»
 60 Как у нас-то места-ти все признаныты,
 Есть порозное место да на печном столбу». —
 «А нельзя ли тут, Алеша,¹ да в гусли сыграть?» —
 «Ты играй-ко, играй, да сколько хочется!»
 Во первой раз заиграл — Настасьюшка подумала,
 65 Во второй раз сыграл — Настасья заплакала,
 А во третий-ти заиграл — Настасьюшка промолвила:
 «Ты налей-ко-ся, Алешенька, чару зелена вина,
 Ты не малу, не велику — полтора ведра».
 Принимает Добрыня эту чару одною рукой,
 70 Одною-то рукой да одним перстышком,
 Выпивает эту чару единым духом,
 И берет-то Настасьюшку за праву руку,
 Он ведет Настасью к родной маменьке.
 Тут хватил же Алеша да саблю вострую,
 75 Тут не ссек голову же, не убил его...
 (Это тут не поется, спутали. Боле — всё.)

№ 47

$\text{♩} = 72$

Как сре - жа - ет - це Доб - ры - ня во цис - то по - лё,
 Спо - доб - ля - ет - це Ми - ки - тиць во роз - до - лжи - цо

Он стре - леть - го гу - сей да толь - ко бе - лых ле - бе - дей,
 Как пер - лас - тых ма - лых се - рых у - то - цёк.
 Он сво - ей тут жо - ны да всё на - ка - зы - вал,
 Он На - с - тась - юш - ки Ви - ку - лиц - ли на - го - ва - ри - вал..

- Как срежаетце Добрыня во цистó полё,
 Сподобляетце Микитиць во роздольцо
 Он стрелеть-то гусей да только белых лебедей,
 Как перластых малых серых утоцёк.
⁵ Он своей тут жоны да всё наказывал,
 Он Настасьюшки Викулицни наговаривал:*
 «И как пройдет-то тому времю шесть ведь лет поры,
 И как минуется ле тому времечку двенадцать лет,
 И ты вдовой сиди — дак замуж поди,
¹⁰ И не ходи ты за Олешу только за Поповича!
 Олешенька силой был не силен, да напуском смел:
 Как напустит-то Олеша на старого,
 И он на старого, на малого,
 Он на ровнюшку, спесивую...»
¹⁵ И как прошло-то тому времю шесть лет поры,
 Миновалось тому времечку двенадцать лет,
 И как приехали Настасью сваты свататца,
 Ицо тот же Олешенька Попович сын.
 И как надумалась Настасья, взамуж пошла
²⁰ И за того же за Олешу за Поповича.
 Как оставили Добрынину да родну маменьку
 На кирпичной ей да жаркой печенье.
 Она горячима слезми сидит уливается,
 Злой кручинушкой да утирается:
²⁵ «И теперь кто же будет меня поить-кормить,
 Теперь кто будет меня обувать-одевать,
 И теперь кто меня будет тут теплом огревать?»..»

- И слезывает-слезывает с кирпичной печеньки,
 Она походит-походит до дубова стола,
 30 До дубова стола, до косящата окна,
 Она зрит-смотрит во чисто поле:
 Во чистом-то поли да курева стоит,
 Курева стоит да дым столбом валит,
 Да видь ясному-ту соколу пролету нет,
 35 Ай и черному-ту ворону прокурку нет,
 Еще серому-то волку прорыску нет,
 А и белому-ту заюшку проскоку нет.
 И пролетает, проезжает-то доброй молодец
 Он по тем же по Добрынины по жолтым сукна́м,
 40 Доезжает, приезжает до широка двора,
 До широка двора, до дубова столба;
 Он ведь вяжот коня да к дубову столбу,
 К дубову-то столбу, к золоту кольцу,
 И он входит во гринюшку во светлую,
 45 И тут ведь крест-от кладет да по-писаному,
 Он поклон-от ведет да по-уценому,
 И молитву творит да право Сусову:
 «И уж ты здравствуёшь, Добрынина родна маменька!» —
 «Уж ты здравствуй, калика перехожая,
 50 Перехожая калика, переезжая,
 Не видал ле ты Добрынюшки Микитеца?» —
 «А какое-то ле у Добрынюшки было знамецко?» —
 «А под правой рукой была бородавоцка!»
 И здымает, и здымает да руку правую:
 55 «Уж ты здравствуешь, родима моя маменька!» —
 «Уж ты здравствуешь, сердечно мое дитятко!» —
 «Уж тебя где же, мама, да не видать другой семьи,
 Не видать стало у те другой семьи,
 Как другой семьи — моей молодой жены?..» —
 60 «Как надумалась Настасьюшка —
 За того жо за Алешу за Поповица!» —
 «И ты возьми-тко, возьми, мама, золоты ключи,
 Отмыкни-тко, отмыкни шкапы стеклянные,
 И принеси-ко, принеси платье дорожное,
 65 Мне дорожное платье, платье калицкое,
 И как еще-то-ка принеси мне гусли звончатые!»
 И отправился Добрынюшка к Олешеньке.
 Как зашел Добрынюшка к Олешеньке,
 Он правой-то ногой стал на печней столб,
 70 А левой-то ногой о порог ступил:

«Здравствуй, Олешенька Попович сын,
 Разрешит-ко ты, Олеша, мне в гусли сыграть!» —
 «Ты играй-ко, играй, калика, сколько хочется!»
 И во первы-ти заиграл — Настасьюшка подумалась,
⁷⁵ И во вторы-ти заиграл — Настасьюшка проплакалась,
 И во третий-ти заиграл — Настасьюшка промолвила:
 «И ты налей-ко, налей, Олеша, чару зелена вина,
 Ты не малу, не велику — полтора ведра!»

Добрынюшка Олешеньку проздравлять стал: «Ты здорово, Олеша, женился — да не с кем спать!» Взял ее и увел из-за стола.

№ 48

Надо бы с конца — как зародился Добрыня, да я не упомяну. Пошел его отец в церковь, молился, чтобы какое ему ни на есть чадо Бог дал. Домой приходит, а жена и говорит: «Сын у нас скоро будет». Вот Добрыня тут и зародился, да потом вырос большим, оженился (...)
 (Ныне у меня ум, как раздробенной, мало помню.)

Собирался Добрынюшка во чисто поле,
 Говорил он своей да молодой жены:
 «Хоть вдовой сиди, хоть замуж иди,
 Только не за Олешу да Поповича:
⁵ Ведь Олеша мне крестовый брат,
 За него итти не советую!»
 Он поехал, Добрыня, во чисто поле
 Погулять, людей посмотреть
 И сам себя показать.
¹⁰ Он оставил ей поясок шелковенькой:
 «И вот ты до тех пор не ходи взамуж,
 Пока пояс не расплётется,
 Да я до тех пор жив буду!»
 Подъезжает Добрынюшка Никитич ко тому морюшку холодному,
¹⁵ И задумал Добрынюшка Никитич покупатися в синём морé.
 Надавал коню пшеницы белояровой
 И спустился в сине море покупатися.
 И перва-то струя была очень зла-тиха, заманчива,
 И отплыл Добрынюшка Никитич во сине море далеко,
²⁰ И попал он на другу струю,
 И та-то была зла-лиха, относчива:
 Отнесло Добрынюшку Никитича под те горы под змеиные.
 Налетело тут Змеище семиглавое:
 «Я тебя, Добрынюшка Никитича, живьем сглону,
²⁵ Хоть живком сглону, хошь на мелки куски рáзорву!»

- Тут взмолился Добрыня сын Никитинич Змеищу семиглавому:
 «Не губи меня, Змеище семиглавое,
 Ты спусти меня домой проститься с матушкой,
 А потом я к тебе опять приплыву!»
- ³⁰ Согласилось Змеище семиглавое
 Приспустить Добрынюшку Никитича.
 Приплывал Добрыня Никитич ко добру коню
 И нагреб он сапоги хрящу-камешку.
 И спустился в сине море и опять поплыл.
- ³⁵ Подплывает под те горы под змеиные.
 Налетает Змеище семиглавое.
 Он махнул сафьянным сапогом —
 И срубил его шесть голов хрящем-камешком.
 Тут змолилось Змеище семиглавое:
- ⁴⁰ «Не губи меня, Добрынюшка Никитич,
 Ты оставь хоть одну голову не для ради меня —
 Ради моих малых детей!»
 А у его один сапог еще в запасе есть.
 «Перенеси меня, говорит, ко добру коню,
- ⁴⁵ Дак я спасу тебя, не срублю седьмую голову!»
 Согласилось Змеище семиглавое —
 Перенесло Добрынюшку Никитича к добру коню.
 Когда он слез — махнул вторым сапогом и ей голову срубил:
 «Чтоб не летало ты на Русь, не губило ты телят, ягнят
 (*И робят унесет!*),
- ⁵⁰ Чтобы не было твоего больше ничего!»
 А он в это время-то — у хозяйки его пояс — расплетаться стал.
 Олеша-то и взял ею на обман.
 Он стал свататься, она и согласилась.
 И пошла она от своей любимой маменьки.
- ⁵⁵ И поехал домой Добрынюшка Никитич.
 Приворотил ко своей мамушке —
 Мамушка сидит уплакана.
 «Что же ты, бабушка, сидишь уплакана-невесела?» —
 «Как, гри, мне, удалый добрый молодец, не плакати?»
- ⁶⁰ Одно было чадо — уехало, домой не приехало,
 Одна была любимая невестушка — сегодня взамуж ушла,
 Ушла в стольный город во Киев за Олешу Поповича!» —
 «А у тя у сына не была никака приметочка?» —
 «Была у его под правой рукой под пазушкой бородавочка». —
- ⁶⁵ «Дак пощупай, грит, бабушка!»
 Она пощупала — тот самый и есть.
 «Ну, мне, матушка, с тобой сидеть больше некогда,

Поеду я во стольный Киев-град».

Поехал во стольной Киев-град.

⁷⁰ Стретається калика перехожая.

«Уж ты ой еси, калика перехожая, переезжая,

Ты не знаешь, что в городе в Киеве деется?» —

«А в городе Киеве деется — Олеша Попович женится,

Сейчас от венца пришли, за столом стоят». —

⁷⁵ «Скидавай-ко ты платье калицьское —

Оболокай-ко платье богатырское!»

И вот он пошел, а они уж за столом стоят.

Добрыня Никитич и видит свою жену.

Она им по стакану и подавает всем.

⁸⁰ И попросила у Олексея Петровича разрешения

Подать калике чару зелена вина.

Дал разрешение Олексея Петрович,

Она подала калике перехожеей.

Он сидит там на печном столбу.

⁸⁵ Потом второй подават стакан.

Второй стакан Добрыня Никитич выпил —

И спустил он гусли-самоигрыши.

Потом подавает третий стакан.

Третий стакан калика перехожий выпил —

⁹⁰ И спустил в стакан золотой перстень.

И сам со столбу соскакиват:

«Здорово, Олексея Петрович, женился — да не с кем спать!...»

(А она узнала по гусям, что он.)

И повел ей за праву руку,

И приехали они к своей мамушке обои — невестка и сын.

№ 49

Уж как прежде Рязань да слободой слыла,

Уж как нонче Рязань да славят городом.

Как во той же Рязани, да славном городи,

Уж как жил-был Никитушка — не старился,

⁵ Он не старился, Никитушка, — представился.

Как осталась у Никитушки любя семья,

Как любя его семья — да молода жена,

Молода его жена Омельфа Тимофеевна,

Молода-то жена да чадо милое,

¹⁰ По имени Добрынюшка Никитич блад.

Уж рос тут Добрынюшка быстрешенько,

- Уж и стал-то ясен сокол на возлете,
 А Добрыня Никитич стал на возрасте.
 Уж и стал он просить да родной матери
¹⁵ Как жениться ему на Уляны Микулишны.
 Как дала ведь она да благословеньице
 Уж брать тут ему молодую жену.
 Уж жил Добрынюшка с Уляной все три года.
 А пришел приказ от ласкова князя да от Владимира
²⁰ Еще ехать ему да во чисто поле
 Биться-драться с врагом — да с неприятелем.
 И поезжал тут Добрыня во чисто поле.
 Родной матушке Добрынюшка наказывал.
 А молодой жены Добрыня да наговаривал:
²⁵ «Вы не ждите-ко, не ждите меня перва́ шесть лет,
 Вы не ждите-ко меня да втора́ шесть лет,
 После двенадцати-то лет да, молода жена,
 Хошь взамуж ты пойди да хошь вдовой живи —
 Хошь за сильного-могучего богатыря,
³⁰ Хошь за русского богатого хрестьянина.
 Не ходи ты только за Олешеньку Поповича:
 А Олешенька Попович да мне крестовый брат.
 Мы с Олешенькой Поповичем крестовались,
 Золотыма мы перстнями да обручались!»
³⁵ Прошло перво шесть лет, а второ шесть лет.
 Во том же славном городе во Киеве
 Как у ласкова князя да у Владимира
 Было собрано собраньицо, почестен пир.
 Уж тут все же на пиру да напивались,
⁴⁰ Уж тут все на пиру гости наедались,
 Уж тут все на пиру да сидят гости веселы,
 Как иной-от ведь хвастант могучми плечми,
 А иной-от ведь хвастант да сильной силушкой,
 А иной-от хвастант конем добрым,
⁴⁵ А умной-то ведь хвастант старой матерью,
 А безумный-то ведь хвастант молодой женой.
 А говорит тут князь Владимир таковы слова:
 «Уж и все у меня да гости веселы,
 Только Олешенька Попович да он не весел сидит.
⁵⁰ Он не пьет, не ест, да все не кушает.
 Уж ты что же, Олешенька, невеселой же,
 Буйну голову ты повесил же,
 А что же тебе, Олешенька, надобно?»
 Отвечает ему Олешенька таковы слова:

- 55 «Уж ты ой еси, князь Владимир да славной киевской,
Уж у нас все во городе поженены,
Красны девушки все да замуж повиданы,
Только я ведь один да все холост хожу,
Я холост-то хожу да неженат слыву!..»
- 60 А говорит ему князь Владимир да славной киевской же:
«А уж мы где невесту те будем сватати?»
Отвечат ему Олешенька Попович млад:
«У мня невеста — молода вдова,
Молода вдова Ульяна Никулишна.
- 65 Вечор был я во чистом поле,
Уж я видел Добрынюшку Никитича:
Буйна голова его да все отрублена
Уж каким же врагом — да неприятелем,
И добра-то лошадь его растарзана!..»
- 70 И пошли они невесту сватати.
Приходили к Омельфы Тимофеевны
Они сватати Ульяну дочь Никулишну.
И еще стал тут Олешенька рассказывать:
«Вечор был я да во чистом поле,
- 75 Уж я видел Добрынюшку Никитича:
Буйна голова его да все отрублена
Уж каким же врагом — да неприятелем,
А добра лошадь растарзана!»
Согласилася Омельфа Тимофеевна,
- 80 Отдават она Ульяну Никулишну за Олешеньку Поповича.
Уж пошли они к закону Божьему.
Приходили они да из Божьей церкви,
Тут ставали они за стола за дубовые,
За напитки за сахарные.
- 85 А еще во ту пору, во то времечко
Приезжает сам Добрынюшка Никитич блад
Ко своей да родной матушке,
Приезжает он, Добрыня, через двенадцать лет.
Он и спрашиват у родной своей матушки:
- 90 «Уж ты ой еси, родная моя матушка, Омельфа Тимофеевна,
Где моя да молода жена?»
Отвечат ему родна его матушка:
«Уж твоя да молода жена — ей дома нет:
Отдала я твою молодую жену взамуж за Олешеньку Поповича!
- 95 Он враль-бахвал, сказал он нам,
Будто ездил он да во чисто поле,
Будто видел он твою да буйну голову отрублену,

А добру лошадь растрáзану врагом — да неприятелем!»
 Уж как пошел Добрынюшка Никитич блад,
¹⁰⁰ Он надел свое да платье цветное,
 Он и взял свои да гусли звонкие,
 Он пошел к Олешеньке Поповичу на честен пир.
 На пути ему калика постречалася.
 «Уж ты ой еси, калика переходящая,
¹⁰⁵ Ты сымай, скидавай платье калическо,
 Натягай ты цветно платье богатырское:
 Мне, Добрыне, в твоём платье на пир итти!»
 Приходил Добрынюшка Никитич блад,
 Он и сел, Добрыня, на песьном столбу,
¹¹⁰ Заиграл он в гусли звонкие —
 Заболело тут сердце у Уляны у Микулишны.
 Уж тут подходит Добрынюшка Никитич блад
 Ко столам ле он да ко дубовым,
 Он берет свою да молоду жену,
¹¹⁵ Он берет ее да за праву руку,
 Он выводит ей тогда из-за столов из-за дубовых же,
 Говорит тогда Добрынюшка Никитич блад:
 «Уж ты гой еси, Олешенька Попович же,
 Ты здорово женился: тебе не с кем спать!»

№ 50

Как женился наш Добрынюшка Никитич млад
 Что на той ле на Настасьи да Вахромеевны.
 Собирается Добрынюшка во чисто поле,
 Оставляют свою княгину да родной маменьке.
⁵ Он родной-от своей маменьке наказывает:
 «Уж ты гой еси, родима да моя маменька,
 Уж ты пой мою княгинюшку яствами сахарными,
 А уж как ты, моя княгинушка, без меня живи,
 Проживёшь, моя княгина, да ровно три годá,
¹⁰ Я еще прошу прожить тебя другие три.
 Еще будет поры-времечка да шесть годов,
 Ты тогда, моя княгина, хоть вдовой живи,
 Хоть вдовой сиди, княгинуша, хоть взамуж пойдиди,
 Хоть за князя ты пойдиди, да хоть за боярина —
¹⁵ Не ходи ты за Олешеньку да за Поповича,
 Ты за бабьего такого да за надсмешника!»
 Еще день идет за днем — да словно дождь дождит,

- А неделя за неделей — как роса падет,
 А еще год идет за годом — как трава растет —
- 20 Вот проходит у Настасьи шесть годочков же.
 А еще день идет за днем — да словно дождь дождит,
 А неделя за неделей — как роса падет,
 А еще год идет за годом — как трава растет —
 Вот проходит у Настасьюшки двенадцать лет:
- 25 Не бывал Добрынюшка из чиста поля.
 Приезжает тут Олешенька Попович млад,
 Привозил Олеша весточку нерадостну:
 «Видел я Добрынюшку во чистом поле:
 Лежит Добрыня во чистом поле,
- 30 Сквозь желтые его кудри трава проросла,
 Сквозь ясные его очи цветы процвели!»
 Тут Добрынюшкина матушка слезно сплакала,
 А князь Владимир-красно солнышко к Настасье стал похаживать,
 Стал Настасью он посватывать
- 35 За того ли за Олешеньку Поповича.
 А недолго Настасья думала — взамуж пошла
 За того ли за Олешу за Поповича.
 А сегодня у Олешеньки венчальной день:
 Пошел Олешенька с Настасьей во Божью церковь.
- 40 А Добрынюшкина матушка села под окошечко,
 Горючьми слезми да уливается.
 Все Добрынюшку домой дожидается.
 Увидала — в чистом поле курева стоит,
 Курева стоит, как дым столбом валит.
- 45 Приезжает тут всадничек из чиста поля.
 Привязал коня ко столбышку точеному,
 На крылечико бежит скорохонько,
 Он во гривню забегает без доклада же.
 «Еще здравствуй же, Добрынина родна матушка.
- 50 Я привез тебе весть радостну:
 Еще видел я Добрыню во чистом поле.
 Его цветное платье поизносилось,
 Голова его призапылилася,
 Скоро Добрынюшка домой придет,
- 55 Он велел тебе отдать мне гусельца яровчатые!..»
 Побежала матушка во кладовочку,
 Притащила она гусельца яровчатые,
 У гуслей еще струночки призаржавели.
 Как пошел этот всадничек на свадьбу
- 60 Он к Олешеньке с Настасьей Вахромеевной.

- Он пришел да сел на печку на муравленку,
 Еще стал он струночки настраивать,
 Еще стал он по струночкам похаживать,
 Еще стал во гусли поигрывать.
- 65 А князь Владимир был тут тысяцким,
 А Настасья сидит — да призадумалась,
 Склонила она да буйну голову,
 Покатились у ей да горючи слезы.
 (Слушат, как он играт дак!)
- Она ступила одной ногой на скамеечку,
 70 А другой ногой — на стол, на печку на муравленку
 Ко тому ле Добрынюшке Никитичу,
 Горючьми слезами заливалася.
 (Узнала его!)
- Как Добрынюшка ей да уговаривал:
 «Не дивлюся я уму бабьему,
 75 У бабы волос долог да ум короток,
 Не дивлюся я Олешеньке Поповичу,
 Еще бабьему да надсмеш(н)ичку,
 А дивлюся я князю Владимиру:
 У живого мужá жену высватал!..»

№ 51

$\text{♩} = 84$

У_ез_жа_ёт-то До_б(ы)-ры_нюшка во чис_то по_лѣ,
 да во чис_то_то во по_люш_ко во рат_ко_ѣ,
 Тут да_ёт_то на_каз да мо_ло_дой же_ны
 "Да ты жи_ви, же_на Нас_тась_юш_ка, во пе_рвых пять лет,
 Ты жи_ви, же_на Нас_тась_юш_ка, во треть_их пять лет..."

Уезжаёт-то Добрынюшка во чисто полё,
 Да во чисто-то во полюшко во ратноё,
 Тут даёт-то наказ да молодой жены:
 «Да ты живи, жена Настасьюшка, во первы́х пять лет,
⁵ Ты живи, жена Настасьюшка во ⟨вторых⟩¹ пять лет,
 Да ты живи,* жена Настасьюшка, во третьи́х пять лет,
 На шестнадцатой год хоть вдовой сиди,
 Хоть вдовой сиди, хоть заму́ж иди —
 Да не ходи-ко-се, Настасья, за Олешеньку,
¹⁰ За того ле Алешеньку Поповича!»
 Как прошло-то поры-времечко пятнадцать лет,
 На шестнадцатой год она заму́ж пошла
 Да за того ле за Олешу Поповица.
 Уж как в ту пору в то время Добрынюшка
¹⁵ Да приезжает-то он да с поля ратного,
 Да он заходит, Добрынюшка, на честный пир,
 Он уж видит-то, Добрынюшка, — за столом сидят:
 Как сидит-то за столом Алеша Попович млад,
 Он с его-то женой да с Настасьюшкой.
²⁰ Тут ведет-то Добрынюшка таковой разговор.
 Он дает-то ведь перстень да со правой руки.
 Да выходит жена Настасья с дубовых столов
 От того ле от Алеша Поповича.
 Он ведь брал ее за праву́ руку.

№ 52

Во стольном городе во Киеве,
 Как у ласкова князя у Владимира
 Заводилось пиrowанье-столованье,
 И почестен пир.
⁵ Собирались да тут все богатыри,
 На пиру все принапивались,
 На пиру все принаедались,
 И стали они хвастаться.
 Умной хвастат старой матерью,
¹⁰ Безумной хвастат молодой жоной,
 А сильной хвастат своей силушкой,
 А богатой хвастат золотой казной,
 А мне, Илье Муромцу, нечем было похвастаться.
 Стал он хвастаться. Владимир вышел из-за стола дубового:
¹⁵ «Кто бы съездил до Воыни Сорочинския,
 До моего тестя любимого —

Вырубил чудь белоглазую?»

Все за столом приумолкли,

Все за столом стали друг за друга прятаться.

²⁰ Вставал Добрыня Никитич и говорит:

«Съезжу я до твоего тестя любимого —

До неверного короля,

До Вольни Сорочинские.

Вырублю, говорит, чудь белоглазую,

²⁵ И всех черкес со татарами!»

Наливает ему зелена вина полтора ведра.

Бежит домой седлать коня. Мать у его была Матрена Тимофеевна: «Куда ты так скоро?» — «Я поеду в Орду неверную». А Настасья Тимофеевна, жена была, выбежала в одной тонкой сорочке. «А долго ли проездишь?» — «Если проезжу три года, то, говорит, не считай в живых!»

³⁰ Вот он уехал. Ждала его три года. Год за годом — как река бежит; неделя за неделей — как дождь дождит. А в этот момент Алёша Попович приехал и привез весть нерадостную: Добрыня убит, сквозь желты кудри трава проросла. Стали ходить свататься. «Я не пойду ни за кого замуж. Исполнила заповедь мужа. Исполню заповедь свою — еще буду три года ждать». Вот ждет три года — он ездит в Орды.

³⁵ Она пошла за Алёшу Поповича. Уже свадьба идет, к венцу надо ехать. Он ехал, шатер раскинул. Ему конь проязычил человеческим голосом (*Сказка ишь!*): «Закатилось солнце красное, уходит у тебя жена взамуж». Он соскочил, коня заседлал, полетел так. Не спросил у ворот приворотников, у дверей придверников. Заходит в избу столовую, кладет крест по-писаному. Приходят ⁴⁰ тут слуги с жалобой. Он скоморохом одет — мать его не признала. Он играл на арфе. Он приехал, зашел домой, а мать говорит: «Было бы цудо милое, не пришел бы так-то». Он долго ездил — оброс весь.

Он и пошел на бал-то. Свадьба идет. Алёша с евою женой. Пришел и сел на песно место, и заиграл в гусли. Она и говорит: «Играет, как мой прежний муж». Князю понравилось, он стал ⁴⁵ садить: «Садись, доброй молодец, перво — возле меня, второе — против меня, третье — куда сам желаешь». А он не сел против его и возле его, а он сел возле жены. Ему приносят чару зелена вина. А он спустил туда кольцо обрученное и подает этой, как сказать, княгины, своей-то жоны: «Выпей-ко от меня цару, пей до дна, так увидишь добра; не выпьешь до дна — так не увидишь добра!» Кольцо к губам подкатилось. (*Чары-то глиняные были, когда богатыри были.*) Она ⁵⁰ взяла, а кольцо-то ейно, именное. Она тут и ахнула: «Не тот муж, кто подле меня, а тот, кто против меня!» Тогда у его и закипело сердце богатырское. Схватил Алёшу Поповича за желты кудри да хотел его о кирпичной пол хлопнуть, да его захватил Илья Муромец, не дал.

№ 53

Во стольном городе да во Киеве,

У ласкова князя да у Владимира

Заводилось пирóванье да¹ поцёстен пир.

- Все на пиру принапивались,
⁵ Все на пиру принаедались,
 И стали они хвастаться:
 Умной хвастат своей матушкой,
 Безумной хвастат молодой жоной,
 Силой хвастат своей силою,
¹⁰ Богатой хвастат золотой казной.
 Тут стает да князь Владимир,
 И говорит он да таковы слова:
 «Кто бы съездил да в Орды неверные,
 Очистил бы дороги прямоезжие
¹⁵ К моему бы тестю любимому?..»
 Тут все да приумолкнули,
 Большой спрятался за среднего,
 Средний спрятался за малого,
 А от малого и² ответу нет.
²⁰ Говорил Добрынюшка Никитич таково слово:
 «Я съезжу, бат,³ в Орду неверные,
 Очищу я дорогу прямоезжую».⁴
 Тут князь подает ему да цару зелена вина в полтора ведра,
 Берет он цару единой рукой,
²⁵ Выпивает цару за единой дух.
 Идет он к своей матушке.
 Идет он, закручинился, запечалился.
 Тут его матушка Омелфа Тимофеевна спрашивает:
 «Что же ты такой, дитятко, невеселой,
³⁰ Может быть, обнесли цароцкой,
 Или кто вас огневил?» —
 «Нет, матушка, еду я да в цисто поле,
 Очищать я дороги прямоезжие,
 К тестю к евоному.
³⁵ Дай мне, грит, платье богатырское!»
 Сдевал он платье цветное,
 Одел он платье богатырское.
 И пошел он коня седлать.
 Тут его матушка
⁴⁰ Побежала к еговой жоне,
 К Настасье Микулишной.
 А Настасья сидела в одной сорочке.
 Выбежала:
 «Закатается да наше красно солнышко
⁴⁵ За горы за высокие, за леса за дремучие!»
 Тут Настасья выскочила в одной сорочке,

- В одних тоненьких чулочках,
 Подошла к ему к правому стремени
 И говорит:
- ⁵⁰ «Сколько тебя ждать-ожидать из чиста поля?»
 Он ей говорит:
 «Жди три года,
 Если не вернусь — то не считай живым!
 Тогда иди, говорит,
- ⁵⁵ Хоть вдовой сиди, хоть взамуж иди,
 Хоть за князя, хоть за боярына,
 Хоть за сильного могучего богатыря —
 Только не ходи за Алешу Поповица!»
 И поехал он.
- ⁶⁰ Первой скок скоцил — за пять верст,
 Второй скок скоцил — лес троцил.
 Едет он, бьется, сражается
 С тою чудью белогазою, бьет всех,
 Не столько бьет, сколько конем топчет.
- ⁶⁵ Перебил он всех, перетоптал,
 И ездит по полю он, розъезживает.
 Тут Настасья его ждет и дожидается.
 День за днем — как дождь дождит,
 Неделя за неделей — как трава растет,
- ⁷⁰ Год за годом — как река бежит.
 Прошло тогда времечко три года —
 Нет Добрыни из чиста поля:
 «Выполнила я заповедь мужнюю,
 Выполню теперь заповедь свою!»
- ⁷⁵ И опять день за днем, как дождь дождит,
 Неделя за неделей — как трава растет,
 Год за годом — как река бежит.
 Опять прошло тому времечко три года,
 А нет Добрыни из чиста поля.
- ⁸⁰ Тогда она закручинилась, запечалилась.
 В то время приезжает Алеша Попович из чиста поля.
 И говорит он таковы слова, что:
 «Ваш Добрынюшка лежит во цистом поле,
 Проросли ему кудри желтые
- ⁸⁵ Той травкой зеленою!»
 Тогда она пуще запечалилась,
 А тут князь Владимир со своей зеной
 Стали ходить за ей свататься
 За того-то Алешу Поповича.

- 90 И⁵ скоро они времечко сделали они свадьбу.
И пошел он — поцестен пир.
Все народ собрались на поцестен пир.
В то время как раз Добрынюшка
Спал во цистом поли.
- 95 Бьет его конь копытами,
Бьет, и он заговорил человечьим голосом:
«Ты спишь да проклаждаешься,
Не знаешь твоей да невзгодушки:
Твоя жена Настасья Микулишна
- 100 Выходит-то замуж за Алешу Поповица,
Идет уж бал!»
Тогда он соскакивает,
Седлает он своего коня,
Садился он на своего коня,
- 105 Едет он.
Реки и озера — броду не спрашивал,
С краю на край перескакивал,
Мелкие пески промеж ног пускал.
Приезжает он ко своему двору,
- 110 К терему заезжает он во двор.
Не спрашивал придворников,
Отталкивал приворотников,
Заходил ко ... он ко своей матушке,
Ко Омелфе Тимофеевне,
- 115 Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-уценому.
Тут идут слуги жаловаться:
«Приехал, — говорят, — какой-то невежество,
Нас всех отталкиват!»
- 120 Тут и говорит Мамелфа Тимофеевна:
«Если бы, — гыт, — было мое дитятко,
Не приехал бы тако невежество!»
Тут он и говорит:
«Я сам вот твой сын!»
- 125 Тут она ему и говорит:
«Сними, — говорит, — сапог с правой ноженьки:
У меня у чадушка
Было родимо пятнышко
На правой ноженьке!»
- 130 Тут он боле сапозецьки скинул,
И она увидела это пятнышко,
Тут он скидовал платье богатырское,

- Попросил платье скоморошное,
 Взял он гусли со струнами,
¹³⁵ И пошел он прямо на княжеской двор.
 Заходит он в гридню столовую,
 Садится на печно место,
 Заиграл он во свои гусли,
 И запели у его струны звонкие.
¹⁴⁰ Тут сидит Настасья Микитична⁶
 И думает:
 «Игра — как моего прежнего мужа,
 Добрыни Никитича».
 Игра понравилась князь Владимиру со своей княгиней.
¹⁴⁵ Он стал его садить за стол:
 «Садись-ко ты, — гыт, — скоморошина,
 Перво место тебе даем подле со мной,
 Второ место супротив меня,
 Третье место — куда сам жалаешь!»
¹⁵⁰ Не сел подле его,
 И не сел против его,
 А сел он против Настасьи Никулишной.
 Налили ему цару зелена вина.
 Он берет эту цару
¹⁵⁵ И подносит ко своим губам,
 И спустил он незаметно обрученное кольцо.
 Подносит он Настасье Никулишной:
 «Пей, Настасья Никулишна,
 Будешь пить — увидашь добра,
¹⁶⁰ Не будешь пить — не увидашь добра!»
 Тогда она выпила,
 И подкатилось ей кольцо к губам,
 Взяла она это кольцо,
 Узнала кольцо обручено, ейно именное,
¹⁶⁵ Тогда она говорит таковы слова:
 «Не тот мой муж, кто подле меня,
 А тот, которой супротив меня».
 Тогда у Добрыни загорелось сердце богатырское,
 Схватил он Алешу за желты кудри
¹⁷⁰ И хотел его ударить о кирпичный пол.
 Тут Илья захватил его:
 «Он же не виноват,
 А виноват князь со княгиней!»
 (Вся тут эта песня и кончилась.)

№ 54

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя да у Владимира
Заводилося пиrowанье и почестен пир.
Съехались да люди званья,
⁵ Богатыя и бедныя,
И руски богатыри.
Все на пиру да принапивалисе,
И все-ти да принаедалисе.
Тут они да за столами прирасхвастались.
¹⁰ Умной хвастат своей матушкой,
Неразумной хвастает молодой женой,
Сильной хвастает своей силушкой,
Богатой хвастат золотой козной.
Встаёт тут да Владимир князь,
¹⁵ Говорит-от он да таковы слова:
«Кто бы съездил да в Ордыни Сорочинския
И перебил бы ту чудь белоглазую,
И тех черкес со тотарами,
И очистил бы дорогу прямоежую
²⁰ Да к моему тестю любимому».
Тут да все за столами приумолкнули,
Большей прячится за среднего,
Средней прятиче за малого,
А от малого и ответа нет.
²⁵ Тут встаёт да Добрынюшка
И говорит таковы слова:
«Съезжу я, да Владимир князь,
И очистю я дороги прямоежия
К твоему да тестю любимому —
³⁰ Перерублю я всю чудь белоглазую,
Всех черкес со тотарами!»
Наливают ему тут да чару
Зелена вина в полтора ведра,
Берет он чару да единой рукой,
³⁵ Выпивает чару да на единый дух.
И пошел он да к своей матушке
Мамельфы Тимофеевне,
Закручинился и запечалился.
Мать его и спрашивает:
⁴⁰ «Что же ты, дитя, невесел стал?
Может, тебя обнесли чарочкой

- Или кто надсмеялися?» —
 «Нет, никто надо мной не надсмеялся,
 И не обнесли чарочкой,
 45 А я еду да в Орды Сорочинския,
 И бить чудь белоглазую,
 Очищать дорогу прямоежую
 Ко евоному тестю любимому!»
 Сдевает он платие цветное,
 50 И одевает платие богатырское,
 И пошел коня седлать.
 Узнала это матушка, что он ушел коня седлать,
 И побежала к евоной жене Настасьи Никуличной.
 А она в одной сорочки сидит в комнаты,
 55 И говорит она Настасьи Никуличней:
 «Закатаится да наше красно солнышко,
 За те-то горы высокия,
 За те-то леса дремучия,
 Уежает он да во чисто поле».
 60 Тут она выскочила в одной сорочки
 И тоненькиф шелковыф чулочках.
 Подбегает она да к правому стремени
 И говорит ему:
 «Когда тебя ждать, Добрынюшка, из чиста поля,
 65 Сколько <в>ремени — год или два?» —
 «Жди меня целыф три года,
 Если не вернусь, то не считай живым,
 Тогда хоть вдовой живи, хошь взамуж иди,
 Хо<ть> за князя, хоть за боярина,
 70 Хож за русского богатыря,
 Только не ходи за Алешу Попов<ича>».
 Попрощался и поехал.
 Первый ускок скочил — за пять верс<т>,
 Второй ускок скочил — и не могли найти,
 75 И след простыл.
 Бьется он с ратью бесчисленой,
 Бьет о<н> чудь белоглазую,
 Всех черкес со тотарами,
 Не секет столько,
 80 Сколько ногами то<п>чет своим конем:
 Перебил всех, перетоптал до единого
 И ездит по полю — разгуливае.
 Живет Настасья Никулична дома
 И ждет Добрыню из чиста поля.

- 85 День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растёт,
Год за годом — как река бежит.
Прошло тому времени три года —
Нет Добрыни из чиста поля.
- 90 «Ну, — говорит Настасья Никулична, —
Выполнила заповедь мужнину,
Выполню запо(в)едь свою три год».
Опять день за днем — будт(о) дождь дожди(т),
Неделя за неделей — как трава растёт,
- 95 Год за годом — как река бежит.
Опять прошло время три года.
Настасья Никулична закручинила и запечалилась:
«Наверно, Добрыня убит леж(ит)».
И живёт она вдовушко(й) печальная.
- 100 Вдруг приезжает из чиста поля
Тот да богатырь Алёша Попович
И привозит весточку нерадостну, что:
«Ваш да Добрынюшка убитый лежит,
Я сам видел его.
- 105 Проросли его кудри желтыя
Той да травенькой шелковою!»
Настасья и матушка ище пуше загоревали о Добрын(юшке).
Тут князь Владимир со кнегиною
Стали к Настасьи Никуличной подхаживать
- 110 И за Алёшу Поповича подсватывать.
Она забыла заповедь мужнину,
Что за Алёшу не велел ходить.
В скором времени и свадьба началась, и пир поше(л).
А в этот день Добрыня во своем шатре спал в чистом поле,
- 115 А конь у шатра стоял привязан.
Конь стал бить копытами
И заговорил человеческим русским языком:
«Что же ты спишь, Добрынюшка, прохлаждае(шь)ся,
Невзгоды своей не знаешь,
- 120 Что у тебя Настасья Никулична
Взамуж пошла за того-т(о) Алёшу Поповича?
Уже сегодня день свадьбы — за столом сидят!»
Соскочил Добрынюшка
И скорей оседлал коня и сел поехал.
- 125 Реки-озера — броду не спрашивал,
С крежа на креж перескакивал,
Мелки леса промеж ног пускал.

- Подъезжает ко своему двору-терему,
 Придворнико⟨в⟩ не спрашивают,
 130 Приворотни⟨ков⟩ отталкивает.
 Заходит в гридю к своей матушки
 К Мамельфы Тимофе⟨евне⟩,
 Крес⟨т⟩ ведет по-писаному,
 Поклон ведет по-ученому:
 (Поклоняется — матушки на особиню поклонился.)
- 135 Слуги-дворники идут жалуются:
 «Приехал какой-то невежество,
 Нам и челом не бьет, всеф нас отталкивает».
 Тут и говорит Мамельфа Тимофеевн⟨а⟩:
 «Ах, кабы было у меня чадышко Добрынюшко,
 140 Не заехало бы тако невежество!» —
 «Это я-то и есть твой сын Добрынюшка!» —
 «Ну-ка сдень с правой ноженки сапог,
 У моего-т⟨о⟩ чадышка было родимое пятнышко!»
 Он раздел сапог,
- 145 Она узнала тогда своего сына.
 Тогда он сдевает платье дорожное
 И просит платье скоморошное.
 Одевает платье скоморошное
 И берет гусли со струнами,
- 150 И идет на княжески⟨й⟩ двор,
 И заходит в гридни столовые.
 В то время пир в разгаре был,
 Садится он на печной столб.
 И заиграл в гусли, запели струночки.
- 155 Сидит Настасья Никулична и удивляется:
 «Игра — как у моего прежнего мужа, Добрынюшки!»
 Игра князю Владимиру со княгинеею Апраксией пондравилась.
 Стали они его за стол садить:
 «Садитесь, скоморошина, с нами за стол,
- 160 Перво место даю возле меня,
 Второе место супротив меня,
 Третье место — куда са⟨м⟩ желаешь».
 Тут он не сел возле его.
 И не сел супротив его,
- 165 А сел против своей жены Настасьи Никуличной.
 Наливают ему чару зелена вина,
 Выпивает он ету чарочку,
 И просит он вторую:
 «Я подам, я подам, кому за⟨хо⟩чу!»

- 170 Налили ему чарочку.
И он незаметно спустил ейное именное кольцо в чарочку.
И подает Настасьи Никуличной.
Та взяла пет(ь)¹ и останавливается.
«Пей, говорит, до дна — увидишь добра,
175 Не выпьешь до дна — не увидишь и добра!»
Она выпила до донышка,
И подкатилось кольцо губам,
Взяла она и узнала, что ейно именное золотое.
Тут она и ахнула и говорит:
180 «Не тот мой муж, которой возле меня,
А тот мой муж — супротив меня».
Тут закипело у Добрынюшки сердце богатырское,
Схватил он да Алешу Поповича за желты кудри
И хотел ударить о кирпичный пол.
185 Да захватил Илья Муром(ец),
Говорит Илья:
«Он не виноват, виноват князь со княгинеею —
Они сватались ко ней!»

№ 55

$\text{♩} = 92$

Преж - де Ре - за-д(и) да с(ы)ло - бо - дай слы - ла,
Уж как нонь че-то Ре - зань да сла - вят го - ро - дом.
Как во то-й(и) же Ре - за - ми, да слав-но-м(ы) го - ро - ди (Вишь, у ме-
ня какой
голос от!)
Уж как жи-л(ы)-был Ни - ки - туш - ка, не ста - ри-л(ы) - сз,
Он не ста-рилсз, Ни - ки - ту-ш(ы)ка, - пре - ста - ви-л(ы) - сз.

Как о - ста - лась у Ни - ки - туш(ы)ки лю - ба се - м(ы) - я,

Как лю - ба ё - го семь - я - да мо - ло - да жо - на,

Мо - ло - да ё - го жо - на О - мельфа Ти - мо - фе - ё - в(ы) - на...

- Прежде Резан(и) да с(ы)лободой слыла,
 Уж как ноньче-то Резань да славят городом.
 Как во той(и) же Резани, да славном(ы) городи,
 (Вишь, у меня какой голос-от!)
 Уж как жил(ы)-был Никитушка, не старил(ы)сэ,
⁵ Он не старилсэ, Никитуш(ы)ка, — преставил(ы)сэ.
 Как осталась у Никитуш(ы)ки любя сем(ы)я,
 Как любя ёго семья — да молода жона,
 Молода ёго жона Омельфа Тимофеев(ы)на;
 Как <...>·осталось у ёго да чадо милоё,
¹⁰ Как по имени Добрынюш(ы)ка Никитич(и)-млад.
 Уж как рос(ы)-то Доб(ы)рынюш(ы)ка скорёхон(и)ко!
 Ище стал(ы)-то ясён(ы) сокол на воз(ы)лети —
 А Добрынюшка Никитич стал на воз(ы)рос(и)ти.
 Он(ы) стал(ы) говорить да родной матуш(ы)ки,
¹⁵ Он просить-то у ей(и) да благослов(ы)лен(и)ищё:
 Как жонитце Доб(ы)рынюш(ы)ки Никитичу,
 Ёму брать тут(ы) вдову Ульяну Никулиш(и)ню.
 Розрешила ёму да родна матуш(ы)ка.
 Вот жонил(ы)сэ Доб(ы)рынюш(ы)ка Никитич(и)-млад.
²⁰ Как живёт-то Доб(ы)рынюшка ровно два годы,
 Со своей(и) он(ы) живёт да с молодой(и) жоной.
 У того же у князя да у Владимира
 Как случилось несчастьищё великоё:
 Наступат(ы) на ёго да ... (постой!) войной да кровопролитною,
²⁵ Наступат эго Из(ы)долищю проклятоё!
 Говорит князь Владимир да славнокиев(ы)ской:
 (Киевской — это славной: стольно-киевской!)
 «Уж ты што же, Доб(ы)рынюш(ы)ка Никитич(и)-млад?!

- Ты добро живёшь у с(ы)воей(и) да молодой(и) жоны,
 Ты второй(и) год(ы) живёшь у ей под крыльш(и)ком!
- ³⁰ Поежжай(и)-ко, Доб(ы)рынюшка, во чисто полё
 Уж ты битце со в(ы)рагом(ы), да с(ы) неприятелём!»
 Поежжал(ы) тут(ы) Доб(ы)рынюшка во ... во чисто полё —
 Родной матушке Доб(ы)рынюш(ы)ка наказывал,
 Молодой жоны Добрынюшка наговаривал:
- ³⁵ «Вы не ждите-ко, не ж(ы)дите меня перва семи лет!
 Вы не ждите-ко, не ж(ы)дите меня втора семи лет!
 После двух-то семи лет, да молода жона,
 Молода жона Ул(и)яна да свет Никулиш(и)ня, —
 Хошь замуж ты поди, да хошь, вдовой(и) сиди!
- ⁴⁰ Хошь — за руського богатого хресьянина,
 Хошь — за сильнёго могуцёго богатыря!
 Не ходи ты — за Олёшен(и)ку Поповича:
 Мне Олёшенька Попович — да крестовой(и) брат!
 Мы с Олёшенькой(и) Поповицём крестовались,
- ⁴⁵ Золотыма мы пер(и)стнями да обручались!»
 Как прошло тол(и)ко, прошло да ровно сем(и) годов —
 Как у лас(ы)кова к(ы)нязя да у В(ы)ладимера
 Было собрано соб(ы)ран(и)ицё, почесен(ы) пир.
 Уж тут все на пиру да напивалисе,
- ⁵⁰ Уж тут все на пиру да наедалисе,
 Уж как все на пиру да стали пьянен(и)ки.
 Как иной-от(ы) вед(и) хвастāt — да конём(ы) доб(ы)рым(ы) же,
 А иной-от(ы) вед(и) хвастāt — да сильней силуш(и)кой,
 А г(ы)луп-от ведь хвастāt — да молодой(и) жоной,
- ⁵⁵ А разум(ы)но-т ведь хвастāt — да старой матер(и)ю!
 А Олёшенька Поповиц — дак тот не ест, не пьёт,
 Он не ест-то, не п(ы)ёт да всё не кушаёт!
 Говорит князь Владимир да таковы слова:
 «Уж как все у м(ы)ня гости да сидят весёлы —
- ⁶⁰ А уж Олёшенька Попович да всё не весёл(ы) же!
 Ты не пьёшь-то, не ешь да всё не кушаёшь!»
 Говорит(ы) тут Олёшенька таковы слова ...

№ 56

$\text{♩} = 92-96$

Уж как преж - де Ре - зань да сло - бо - дай слы - ла,
 Уж как но - н(и) - че Ре - зань да сла - вят го - ро - дом.
 Как во то - й(и) же Ре - за - ни, да слаь - ном го - ро - ди,
 Уж тут бы - л(ы) - жи - л(ы) Ни - ки - туш - ка, не ста - ри - л(ы) сь,
 Он не ста - рил - сь, Ни - ки - ту - ш(ы) - ка, - пре - ста - ви - л(ы) сь.
 Как о - сталась у Ни - ки - туш - ки лю - ба се - м(ы) - я,
 Как лю - ба ё - го се - м(и) - я - да мо - ло - да жо - на,
 Мо - ло - да ё - го жо - на О - мель - фа Ти - мо - фе - ё - в(ы) - на;
 Как о - стало - сь у ё - го да ча - до ми - ло - ё,
 Как по и - ме - ни До - б(ы) - ры - нюш - ка Ни - ки - ти - ч(и) млад.

- Уж как прежде Резань да слободой слыла,
 Уж как нон(и)че Резань да славят городом.
 Как во той(и) же Резани, да славном городи,
 Уж тут был(ы)-жил(ы) Никитушка, не старил(ы)сэ,
⁵ Он не старилсэ, Никитуш(ы)ка, — преставил(ы)сэ.
 Как осталась у Никитушки любя сем(ы)я,
 Как любя ёго сем(и)я — да молода жона,
 Молода ёго жона Омельфа Тимофеев(ы)на;
 Как осталось у ёго да чадо милоё,
¹⁰ Как по имени Доб(ы)рынюшка Никитич(и) млад.
 Уж как рос(ы)-то Добрынюшка скорёхон(и)ко!
 Уж тут стал(ы) же ясён(ы) сокол на возлети —
 А Добрынюшка Никитич да стал на возрос(и)ти.
 Говорит-то Доб(ы)рынюшка родной матуш(ы)ки:
¹⁵ «Уж ты ой еси, да родна матуш(ы)ка,
 Родна матушка Омел(и)фа да Тимофеев(ы)на!
 Уж ты дай(и) же мне-ка да благословен(и)ицо
 Мне жанитце вед(и), брать да молоду в(ы)дову,
 Молоду вдову Ул(и)яну да свет Никулиш(и)ню!»
²⁰ Розрешила ёму да родна матуш(ы)ка.
 Уж жанил(ы)сэ Доб(ы)рынюшка Никитич(и) млад,
 Уж тут жил(ы) же Доб(ы)рынюшка с молодой(и) жоной,
 С молодой(и) жоной(и) жил, с Ульяной Никулиш(и)ней,
 Он ведь жил(ы) тут(ы) Доб(ы)рынюшка ровно два годы.
²⁵ Как на лас(ы)кова к(ы)нзя да на Владимера
 Накатилась ему ведь беда великая!
 Говорит княз(и) Владимер да славнокиев(ы)ской:
 «Уж как што же ты, Доб(ы)рынюш(ы)ка Никитич(и) млад?!
 Ты второй(и) же год живёшь у жоны под крылуш(ы)ком!»
³⁰ Поежжай(и)-ко, Добрынюшка, во чисто полё
 Уж как битце со в(ы)рагом, да с неприятлём».
 Поежжал(ы) тут(ы) Доб(ы)рынюшка во чисто полё —
 Родной матушки Доб(ы)рынюш(и)ка наказывал,
 Молодой жоны Доб(ы)рыня да наговаривал:
³⁵ «Вы не ждите-ко, не ж(ы)дите меня перва семи лет!
 Вы не ждите-ко, не ж(ы)дите меня втора семи лет!
 После двух тых семи лет, да молода жона, —
 Хошь замуж ты поди, да хошь вдовой(и) сиди!
 Хошь, за руського богатого хресьянина,
⁴⁰ Хошь, за сильнёго могуцёго богатыря —
 Не ходи только за Олешеньку за Поповица:
 Мне Олешенька Поповиц(и) ведь — крестовой(и) брат!
 Мы с Олешенькой(и) Поповицём крестовались,

- Золотыма мы пер(и)стнями да обручались!»
- 45 Как прошло-то всёго да ровно сем(и) годов.
 Как у лас(ы)кова-та князя да у В(ы)ладимера
 Было собрано соб(ы)раньице, почесён(ы) пир.
 Уж как все на пиру да гости весёлы,
 Уж как все-ти на пиру да напивались,
- 50 Уж как все-ти на пиру да наедались,
 Уж как все тут хоть гости да стали пьянен(и)ки,
 Уж как все жа да гости п(ы)риросхвас(ы)тались!
 А иной-от вед(и) хвастāt(ы) могучьми плечми,
 ⟨А иной⟩-от ведь хвастāt да конём добрым же,
- 55 А как глупенек-от хвастāt да молодой(и) женой,
 А как ум(ы)но-т ведь хвастāt старой матер(и)ю.
 А Олешенька Попович — да тот(ы) не ест, не пьёт,
 Он не ест-то, не пьёт да всё не кушаёт!
 Говорит(ы) княз(и) Владимир да таковы слова:
- 60 «Уж ты ой(и) же еси, Олешенька Попович ⟨...⟩!
 Уж как все же веди(и) гости сидят весёлы —
 А уж Олешенька Попович да ⟨тут⟩ не ест, не пьёт!»
 Говорит ⟨ёму⟩ Олешенька таковы слова:
 «Уж ты ой еси, В(ы)ладимер(ы)-князь да славнокиев(ы)ской!»
- 65 У нас все же во городе поженёны,
 Красны девуш(ы)ки все замуж повиданы —
 А ведь я только один(ы) да в(ы)сё холост хожу,
 Я холост-то хожу, да нежонат слыву!»
 Говорит ёму вед(и) ...
- 70 Говорит ёму тут(ы) князь да славнокиев(ы)ской:
 «А уж где же, Олешенька, бу ... будем свататься,
 А уж за тебя будем(ы) брать невесту, сватати?»
 Отвечāt ёму Олешен(и)ка Попович(и) млад:
 «У меня невес(ы)та — Ульяна Никулич(и)ня.
- 75 Уж я был(ы)-то в(ы)чера да во цис(ы)том(ы) поли,
 Уж я видел(ы) Доб(ы)рынюш(ы)ку Никитича:
 Чёрны вороны Добрынюш(ы)ку росклёвали,
 А добра коня Доб(ы)рынюш(ы)ки ростар(ы)зали,
 Как люты-ти ле з(и)вери да ростер(ы)зали же!»
- 80 Как пошли они невесту да ёму свататься.
 Розрешила вед(и) ей да родна матуш(ы)ка
 Как Омел(и)фа-то свет да Тимофеёв(ы)на.
 Как пошли они с Олешен(и)кой Поповицём
 Как примать они закон(ы) да в цер(и)ковь Божью же.
- 85 Как пришёл(ы) тут Олешенька с молодой женой
 Во свои он палаты да белокамяны.

- Как во ту же пору да во то в(ы)ремецко
 Приежат тут(ы) Доб(ы)рынюш(ы)ка Никитич(и) млад.
 Он говорит(ы) ведь своей да родной матушки:
 90 «Уж ты гой еси, моя матуш(ы)ка ...
 Уж ты ой еси, да род(ы)на ма ...
 (Вишь, у меня голос-от худой!)
 ... атуш(ы)ка!
 Уж <...> где моя да молода жона,
 Молода жона Ульяна да свет Никуличня?»
- 95 Отвечат вед(и) ему да род(ы)на матуш(ы)ка:
 «Как твоя ведь, моё дитя, да молода жона ...
 Уж как врал(и) тут Олёшенька, нахал(и)ник(ы) же,
 Он сказал(ы) нам(ы) таки да роковы слова:
 Уж как был(ы) будто он да во чистом поли —
- 100 Он(ы) видел(ы) тебя, да й(и) дитя, мёр(ы)твоё!
 Чёрны вороны тебя да всё росклёвали,
 А добра коня люты з(и)вери ростар(ы)зали!»
 Тут берёт ведь Добрынюш(ы)ка Никитич(и) млад
 Одеват(ы) он(ы) своё да платьё цветное,
- 105 Он берёт(ы) ведь свои да гусли з(ы) ... звон(и)цаты,
 Он пошёл(ы) вед(и) на пир к Олёшеньки Поповичу.
 Он подходит, Добрынюшка, ко столам да ко дубовым(ы) же,
 Ко гостям-от(ы) под(ы)ходит да к небывалым(ы) же.
 Он берёт(ы) тут Олёшен(и)ку Поповича,
- 110 Он берёт(ы) веди(и) ёго да за русы куд(ы)ри,
 Он вытаскиват <и>з-за с(ы)толов да <и>з-за дубовых(ы) же!
 (Он убив ёго! Да!)
 Он берёт(ы) тут(ы), Доб(ы)рынюшка, молоду жону,
 Молоду жону Ул(и)яну да свет Никулич(и)ню.
 Говорит тут Добрынюшка таковы слова:
- 115 «А здорово Олёшенька жанилсэ: тебе не с кем спать!»
 (Всё!)

№ 57

$\text{♩} = 76$

Уж как преж - де Ре - зань да сло - бо - дой слы - ла,
 Уж как ноньче - то Ре - за - ни(и) да сла - вят го - ро - дом.

Как во той(и) же Ре - за - ни, да сла_вно_м(ы) го - ро - ас,

Уж как жи_л(ы)-бы_л(ы) Ни - ки - туш - ка, не ста - ри_л(ы)сэ,

Он не ста_рилсэ, Ни - ки - ту_ш(ы)ка, — преа - ста - ви_л(ы)сэ.

Как о - сталась у Ни - ки - туш - ки лю - ба се_м(ы)_я,

Как лю - ба е_го се_м(и) - я — дак мо_ло - да жо - на,

Мо_ло - да жо_на О - ме_л(и)фа Ти_мо - фе - ё_в(ы)на;

А о - стало_сь у е - го да ча_до ми - ло - ё,

Как по и_ме_ни До_б(ы) - ры - ню_ш(ы)ка Ни - ки - ти_ц(и) млаа.

- Уж как прежде Резань да слободой слыла,
 Уж как ноньче-то Резан(и) да славят городом.
 Как во той(и) же Резани, да славном(ы) городе,
 Уж как жи_л(ы)-бы_л(ы) Никитушка, не старил(ы)сэ,
⁵ Он не старилсэ, Никитуш(ы)ка, — представил(ы)сэ.
 Как осталась у Никитушки люба сем(ы)я,
 Как люба его сем(и)я — дак молода жона,
 Молода жона Омел(и)фа Тимофеев(ы)на;
 А осталось у его да чадо милоё,
¹⁰ Как по имени Доб(ы)рынюш(ы)ка Никитиц(и) млад.
 Рос(ы)-то Доб(ы)рынюш(ы)ка скорёхон(и)ко!
 Уж как стал(ы)-то ясён(ы) да сокол на воз(и)лети —
 А Добрынюшка Никитич да стал(ы) на возрос(и)ти.

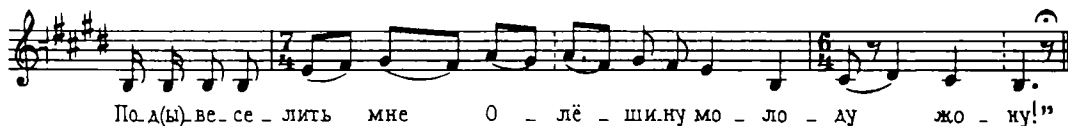
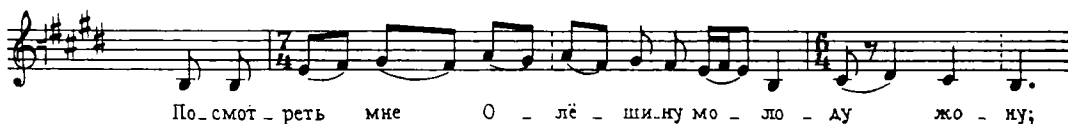
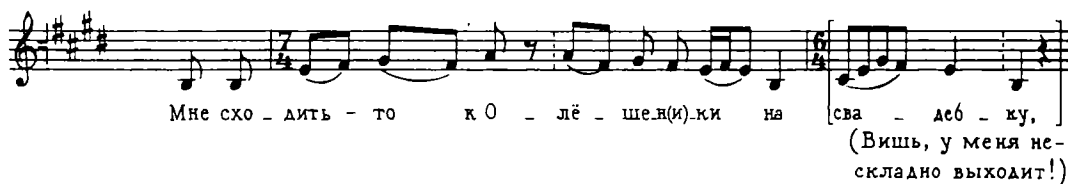
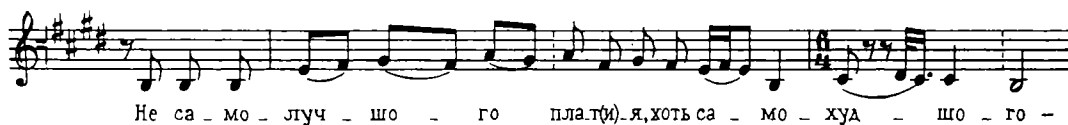
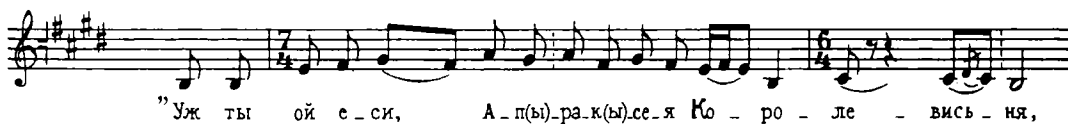
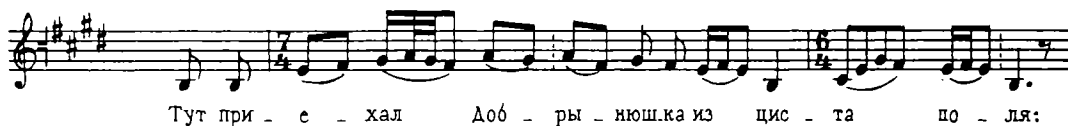
- Говорит Доб(ы)рыня да род(ы)ной(и) матуш(ы)ки:
¹⁵ «Уж ты гой еси, моя да род(ы)на матуш(ы)ка!
 Уж ты дай(и)-ко-се м(ы)не да благословеньице:
 Мне женице, тут(ы) брат(и) да молоду вдову,
 Молоду вдову Ул(и)яну да свет Никулиш(и)ню!»
 Розрешила ему да родна матуш(ы)ка.
- ²⁰ Как живёт тут(ы) Доб(ы)рынюшка с молодой(и) жоной,
 Как живёт тут(ы) Доб(ы)рынюшка ровно д(ы)ва года.
 Как у лас(ы)кова к(ы)нязя да у ... у Владимира
 Накатилась на его да туча г(ы)роз(ы)ная!
 Говорит тут(ы) княз(и) да таковы с(ы)лова:
- ²⁵ «Уж ты ой еси, Доб(ы)рынюш(ы)ка Никитиц(и) млад!
 Ты лёжишь и живёшь да с молодой(и) жоной,
 Ты второй(и) год живёшь у жоны под крылыш(ы)ком!
 Поежжай-ко ты, Доб(ы)рынюшка — во чисто полё
 Уж как(ы) битце со в(ы)рагом(ы), да с неприятелём!»
- ³⁰ Поежжал(ы) тут(ы) Доб(ы)рынюшка во чисто полё —
 Родной матушки Доб(ы)рынюш(ы)ка наказывал,
 Молодой жоны Доб(ы)рынюшка наговаривал:
 «Вы не ждите-ко, не ж(ы)дите меня пер(ы)ва семи лет!
 Вы не ждите-ко, не ж(ы)дите меня втора семи лет!
- ³⁵ То тогда же моя да молода жона,
 Молода жона Ул(и)яна да свет Никулиш(и)ня, —
 Хошь вдовой ты сиди, да хошь замуж поди!
 Хошь, за сильнёго могучого богатыря,
 Хошь, за руського богатого к(ы)рес(и)янина.
- ⁴⁰ Не ходи ты за Олёшоньку за Поповица:
 Мне Олёшенька Попович да ведь хрестовой(и) брат!
 Мы с Олёшен(и)кой Поповичом крестовались,
 Золотыма мы пер(и)стнями да обручались».
 Уж как(ы) ез(и)дит(ы) Доб(ы)рынюшка сем(и) годов.
- ⁴⁵ Как у лас(ы)кова к(ы)нязя да у В(ы)ладимера
 Было собрано соб(ы)ран(и)ицо, почесён(ы) пир.
 Уж как все на пиру да напивалисе,
 Уж как все на пиру да наедалисе,
 Уж как все на пиру да сидят весёлы.
- ⁵⁰ А иной-от вед(и) хвастāt да могучми п(ы)леч(и)ми,
 А иной-от вед(и) хвастāt конём(ы) доб(ы)рым(ы) же,
 А иной-от вед(и) хвастāt да сил(и)ней силуш(ы)кой,
 А как глупенек-от(ы) хвастāt да молодой(и) жоной,
 А как(ы) ум(ы)но-т(ы) вед(и) хвастāt да родной(и) матуш(ы)кой.
- ⁵⁵ А Олёшен(и)ка Попович — тот не ест(ы), не п(ы)ёт,
 Он не пьёт-то, не ест да вед(и) не кушаёт!

- Говорит(ы) князь Владимир да таковы слова:
 «Уж и все у м(ы)ня гости да сидят(ы) весёлы —
 А Олёшен(и)ка Попович да всё не весёлой!»
- 60 Говорит ёму Олёшенька таковы слова:
 «Уж ты ой(и) еси, Владимир-князь да славнокиев(ы)ской!
 Уж как все у нас(ы) в(ы) города поженёны,
 Красны девушки у нас все взамуж повиданы —
 Только я ведь один(ы) да в(ы)сё холост хожу,
- 65 Я холост-то хожу да нежонат слыву!»
 Говорит(ы) ёму к(ы)нязь да таковы слова:
 «Уж ведь где мы, Олёшенька, будем сватати?»
 Отвещает Олёшенька таковы слова:
 «Мне невеста — Ул(и)яна свет(ы) Никулич(и)ня!»
- 70 Я жо съез(и)дил(ы) вед(и) я да во цисто полё,
 Уж я видел(ы) Доб(ы)рынюш(ы)ку Никитица:
 Чёрны ворона Доб(ы)рынюш(ы)ку росклёвали,
 А добра коня люты-ти звери ростарзали!»
 Как пошли они с(ы)ватать Ульяну Никулич(и)ню.
- 75 Розрешила вед(и) ей(и) да ёгова матуш(ы)ка
 За вряля за Олёшеньку за Поповица.
 Как пошли же они да в <храм> вед(и) Бож(и)ей же.
 Как пришли они из храму да всё из Бож(и)его,
 Они стали за с(ы)толы да за дубовыя.
- 80 А во ту вед(и) пору да во то ...
 (Он ведь только семь годов ездил-то!)
 Приежжаёт Добрынюшка из(ы) цис(ы)та поля.
 Говорит тут(ы) Доб(ы)рыня да родной-то матуш(ы)ки:
 «Уж ты ой еси, моя да родна матуш(ы)ка,
 Родна матушка Омел(и)фа да Тимофеёв(ы)на!»
- 85 Уж и г(ы)де же моя да молода жона,
 Молода жона Ул(и)яна да свет Никулиш(и)ня?»
 Говорит тут(ы) Доб(ы)рынюшки родна матуш(ы)ка:
 «Как твоя же, дитя, да молода жона —
 Она вышла за Олёшеньку за Поповича.
- 90 Уж как враль да бах(ы)вал Олёшенька Попович(и) же!»
 Он ведь взял(ы) тут одел(ы) да п(ы)латьё цвет(ы)ноё,
 Он ведь взял тут свои да гус(и)ли з(ы)вон(и)цяты,
 И пошел он(ы) к Олёшоньки на пир(ы), на свадёб(ы)ку.
 Тут приходит Доб(ы)рынюш(ы)ка Никитиц(и) млад,
- 95 Как приходит к Олёшеньки к Поповицу.
 Он подходит, Доб(ы)рыня, к столам дубовым(ы) же,
 Он берёт тут Олёшеньку за русы куд(ы)ри,
 Он ведь тащит з-за с(ы)толов да из-за дубовых(ы) же!

А берёт тут(ы) Доб(ы)рыня да молоду жону,
 100 Молоду жону Ул(и)яну да свет Никулиш(и)ну.
 Говорит тут(ы) Доб(ы)рынюшка таковы слова:
 «Ты здорово, Олёшен(и)ка женилсэ: да тебе не с кем(ы) спать!»

№ 58

♩ = 84

Он матери-то не сказался, вишь. Пришел к матери-то каликою.¹

Тут приехал Добрынюшка из чиста поля:

«Уж ты ой еси, Апраксея Королевисьня,
Уж ты дай мне-от Добрынина платья цветного,

⁵ Не самолучшого платья, хоть самохудшого —
Мне сходить-то к Олешеньки на свадьбу,² <...>
(Вишь, у меня нескладно выходит!)

Посмотреть мне Олешину молодú жонú;
А уж ты дай мне-ка Добрынины золоты гусли —
Подвеселить мне Олешину молодú жонú!»

¹⁰ «А тебя-то ведь не пропустят: „Я не знаю его!” Не пропустят-то как вот:

У ворот-то там стоят там подворотники,
Среди-то двора там стоят троя сторожé,
А у дверей-то стоят да там придверники!»

А тут пошел-то наш Добрынюшка калика³ <...>

¹⁵ Он зашел-то ко Олешиньке тут на свадьбу. <...>

Сидит на печé вот он⁴ <...> Ну, тут хоть подносят ему чарку свою:

Тут подносят ёму чарочку зеленá вина,
Не большу ёму, не малу — да полтора ведра.

Принимает калика да единóй рукой,

²⁰ Выпивает эту чарочку к одному духú.

Да заиграл-то тут калика да в золоты гусли.

От Олешина молода жона призадумалась,

А большá сватьюшка сидит да приросплакалась:

«У нас давным-давно ведь не было таковéх гуслéй,

²⁵ У нас давным-то не было такого игрока,

Тут играть-то есть игрок, да нет Добрынюшки Никитича!»

А тут пошла-то Олешина молода жона,

Поднёсла ёму чарочку мёду сладкого.

Не большу ёму, не малу — да полтора ведра.

³⁰ Принимает эту чарочку единóй рукой,

Выпивает он чарочку едномú духú.

Он уж <...> выхватил из кармана да носовой платок.

Тут увидела жона это имянно клеймо,

Повернуласе она да к дубову столу,

³⁵ Поклониласе она Олешеньки по поясу:

«Уж ты гой еси, Олешинька Попович же,

Уж ты здорово женилсе, да тебе не с кем спать! —

У мя приехал Добрынюшка из чиста поля!»

Тут вскочил-то Добрынюшка на резвú ногé,

⁴⁰ Он схватил со стены да саблю вострую.

Тут схватил-то его Илья Му<ромец>

(Тысяцкой такой.)

⟨Добрын⟩юшка за белы́ плеча́:
 «Ты не бегай, не летай ты, ворона, за ясным соколом,
 Ты не бегай-ко, Олёшенька, за Добрынюшкой Никитичём —
⁴⁵ Потеряшь ты свою да буйну голову.
 Уж тут я-то, Олёшенька, не тебе чота —
 Наседелсе он, Добрыня, у мяя на белых грудях!...»
 (Вот!)⁵

№ 59

И там сосваталсе,¹ ⟨Илья⟩² тысяцким стал, это к Олёше, и свадьба завелась. Увели Олёшина — Добрыни жонку. Вот и за стол сели, тамотки свадьба завелась. И Добрыня воскрёсьше. Они уж так договорились: пришел ко своей матери, не сказавши, пришел каликой. «Ой еси ты, Апраксия-королевичня, — говорит, — дай мне Добрыниного платья цветного, не самолучшего, да самохудшего!» Та и дала. «Сходить, — говорит, — к Олёши на свадьбу, — говорит, — посмотреть Олёшина молода жона». (А своя жонка!)

И вот и та дала. «А дай, — говорит, — еще Добрыниных золотых гуслей, — говорит, — повеселить, — говорит, — Олёшина молодá жона». Та и говорит: «Тебя не пропустят, — говорит, — у ворот-то стоят подворотники, — говорит, — среди двора — сторожа́, у дверей — при-
¹⁰ дверники». — «Ничего, — говорит, — так я пройду!»

Вот дала гуслей ему. Он пришел, пошел тамотки. В кормашек просунул ему горсть денег. (Там вот деньги не бумажны у ёго!) Вот те пропустили. Пришел к сторожам — то же. Те пропустили. И второе место так же.

Ну вот, зашел на свадьбу, и зашел на печку, на печной столб сел, и сидит калика дак каликою!³
¹⁵ Каликой пришел. А Илья Муровец тысяцким стоит и видит, что уж он пришел. Вот и стали обносить чарки. Всех обнесли это, он сидит. А Илья и говорит: «А еще там человек есть, — говорит, — ударьте палкой, да не обнесите чаркой!» Вот ему поднесли чарочку не большу́, не малу ⟨...⟩ поднесли чарочку зеленá вина́ не большу, не малу — полтора ведра. Он принимает единой рукою и выпивает к одному́ духу́. А тут и ужа́хнулись: «Что ⟨...⟩ что за человек?»

²⁰ Вот сидели, сидели. Он сидел, сидел и заиграл в эти гусли. Вот и Олёшина молода призадумалась, жона этого, а вот та сватьюшка сидит с краю, — прирасплакалась: «Давно, давно, — говорит, — в Киеве не бывало такого, таких гуслей, — говорит, — давным давно не бывало такого игрока. Играл, — говорит, — взамен Добрыни Микитича!»

²⁵ Вот сидели, сидели, спровадили молодку это — обносить опеть чарки. Обносила, обносила, поднесла к ёму чарку меду сладкого, опеть не большу, не малу — полтора ведра. Он опеть так же: принимает единой рукою и выпивает к одному́ духу́. И выхватил из кармана платок отираться, — имянно́ клеймо ей. Вот она повернулась ко столу: «Ой еси, Олёшенька Попович, — говорит, — здорово женилсе — не с кем спать! Пришел у мене Добрынюшка из чистá поля!»

³⁰ Тот соскочил да ей за руку взял. Тот вскочил — со стены схватил саблю, а этот, тысяцкой-то, схватил ёго: «Не летай, — говорит, — ворона, за ясным соколом, не бегай, — говорит, — Олёшенька, за Добрыней Микитичём, — говорит, — потеряешь буйну голову! Я-то не тебе чёта, — говорит, — да он сидел у меня на белых грудях!»

(Вот и все.)

№ 60

- Уезжал-то Добрынюшка сражаться во чисто́ полё,
 Наговаривал своей молодой жены:
 «Проживи, жена Апраксия, во-первы́х, пять лет,
 Да проживи, жена Апраксия, во-вторы́х, пять лет,
⁵ Да вот проживи, жена Апраксия, во-третьи́х, пять лет;
 И этому времени будет пятнадцать лет,
 Если не вернуся с поля к тому времени,
 Выходи, жена Апраксия, взамуж
 За всех людей: крестьян, бояр московских —
¹⁰ Не ходи, жена Апраксия, взамуж только за Олёшеньку Поповича,
 За злого за моего́ неприятеля!»
 Прожила жена Апраксия пятнадцать лет —
 Не вернулся Добрынюшка из циста́ поля.
 Стал сватать Апраксию Олёшенька Попович,
¹⁵ И пошла она за него взамуж.
 В эту пору вернулся Добрыня из циста́ поля,
 И приходил он ко своей матушки,
 И рассказал он про Добрынюшку.
 Говорит: «Мы с Добрынюшкой-то жили в одном месте,
²⁰ Пили-ели с одного стола,
 Цветно́ платьицо носили с одного плеча,
 Не обидил Добрынюшкины косточки во чисто́м полей.
 Не даёшь ли, маменька, мне <...> Добрынюшкиного платьица
 Сходить к Олёшеньки Поповичу на свадьбу?»
²⁵ Матушка отдавала цветно́ платьицо.
 (Он попросил *ще* звончат́ гусли.)
 Говорит: «Пойду сыграю в гусли Добрынюшкины!»
 Заходит игрок на свадьбу.
 Посадили его играть в звончат́ гусли.
 Наливали тут молоды ему чару зеленá вина.
³⁰ Принимал-то игрок зеленó вино
 И спустил в чарочку золотой перстень,
 Который дарила ему Апраксия.
 И признала она свой перстенёк.
 Тогда стал Добрынюшка на резвы́ но́ги
³⁵ И позабрал свою молодую жону,
 И повел домой и сказал Олёшеньки:
 «Здорово, Олёшенька, женилсе, а не с кем спать!»

№ 61

Поехал Добрынюшка во чисто полé,
 Во чисто полé-раздольцé.
 Он своей-то Настасьюшке наказывал,
 Микуличне-то наговаривал:
⁵ «Если, Настасьюшка, шесть лет провою,
 Ты хошь вдовушкой сиди,
 Хошь взамуж поди!»
 Она шесть лет прожила,
 Ещё шесть прожила,
¹⁰ Ещё — двенадцать вышло.
 Приехал Алёша Попович ей свататься —
 Подумала Настасьюшка замуж идти за Алёшу Поповича.
 Осталась старая старушка,
 На печном столбе плачет сидит.
¹⁵ «Кто меня будет поить-кормить,
 Кто меня будет обувать-одевать?.. —
 Настасья Микулична замуж вышла!»
 В чистом поле курева стоит,
 Пыль столбом летит:
²⁰ Добрый молодец поезжает и полетает,
 Ко крылечку приезжает.
 И заходит он во светлицу,
 А старушка плачет сидит.
 «Что же ты, бабушка, плачешь сидишь?» —
²⁵ «Был у меня сын Добрынюшка,
 Воевать ушёл — домой не пришёл,
 А Настасья Микулична замуж вышла,
 Оставила меня сиротинушкой!» —
 «А како же у тебя есть у сына <...>?»¹
³⁰ Она ему сказала:
 «Под правой-то ручушкой
 У него бородавочка!»

Вот она тогда его признала, что это ее сын.

Он сел на коня и поехал,

³⁵ К Алёше Поповичу поехал на свадьбку.

Приехал он на свадьбку, заиграл гармонию. Настасья Микулична признала и заплакала. Он взял ее за руку, вывел из-за стола:

«Алексей-то Попович женился —

А не с кем спать!»

№ 62

Как Добрынюшка да собирался,
 Во чисто полё снаряжался.
 Он с матушкой прощался,
 Да Настасье Викулисне наказывал:
⁵ «*⟨...⟩*¹ годов ты вдовой сиди,
 А не вернусь я — тогда и взамуж пойдй!
 Не ходи только, Настасьюшка, за Алёшу Поповича:
 Он и силушкой не силён —
 Только напуском смел».

¹⁰ Он ушел. Настасьюшка сидела, сидела. Потом Алёша Попович стал добиваться ей. Та и пошла за него. Старушку оставила.

И вот свадьба у них.

А Добрынюшка Никитич пришёл к матушке. Она его не признават:

«У моего-то у Добрынюшки под правой пазухой *⟨...⟩*»

¹⁵ Вот взял Добрынюшка гусли и пошел на свадьбу. Пришел-то он такой сиротинкой. Они за столом сидят. Взял гусли, сел на пе*⟨чи⟩*,² как сиротинка. Все играют гусли, — всё не так. А он заиграл, — так Настасья Викулисна из-за стола ушла.

№ 63

Добрыня Никитич *⟨...⟩* его призвал государь, чтобы выполнить ему заданиё¹ *⟨...⟩* Да, государь призвал его выполнить ему заданиё: съездить в некоторое государство, побить богатырей там, богатырей побить. Ну а дал срок на три года² *⟨...⟩*, на три года. Приходит домой к Настасье Никуличне, что *⟨в⟩*от: государь дал задание съездить, побить богатырей (чтобы эти, эта держава
⁵ не шла на это, ну на него). «Вот я на три года уезжаю, Настасья, — говорит, — Никулична, ежели через три года не буду домой, то воля твоя:

Хоть взамуж пойдй, хошь вдовой живи.

За всех — за хошь за-от князя, хошь за боярина,

Хошь за русского могучего богатыря.

¹⁰ Только не ходи за названного за брата,

За Олёшу Поповича!»

(Не ходи. — куда хошь иди!)

Ну, вот, значит, поехал, так и сказал. Ну поехал. Три года не был дома. Она всё ждала. Ну через три года, значит, может идти взамуж. Ну, значит, царь призвал: «Што тебе вдовой жить? Мол, лучше выйти взамуж».

¹⁵ А Олёша Попович приехал из чиста поля и сказал, соврал матери, што:

«Добрыня Никитич убит лежит:

Буйна голова испрострелена *⟨...⟩*, исп[р]оломана,

Могучи плечи испрострелены — убит лежит,

Нет жива Добрыни Никитича!»

20 Значит, он хочет ей взамуж взять. Она думала-подумала. Ну, царь да всё ведь который <...> — приказывают, чтобы она вышла за Олёшу за Поповича. Ну, и как-то и тут уж согласилась. Вот, на-завтра идти. Ну, на свадьбу. У царя будет свадьба.

А Добрыня Никитич в то время домой явился к своей же<не>; уже не жене, а ну, к Настасье дочь Никуличне: «Ну, мать (Апράксия была, Апраксией звали), а где у меня Настасья дочь Никулична?» — «Настасья-то дочь Никулична сегодня, — говорит, — взамуж пошла за Олёшу за Поповича!» Ну, ему ждать-то некогда. Он говорит: «Ну-ко!..» Да, — он говорит, — дак она, <...> мать-то, ведь не признала: «Он, — говорит, — убит лежит!» — «Нет, — говорит, — мама!» Это снял сафьян сапог (у его именно было!), — тогда она узнала его: <...> ну, тако именное место было, что — всё. Тогда она схватила его дальше: «Сын мой, живой! Дак, соврал!» —
30 «Ну, — говорит, — дай мне-ка, — говорит, — неси, — говорит, — гусельцы ярвчатые, я, — скоморошно платьё; я скоморошиной наряжусь и пойду на пир. Та принесла скоморошно платьё. Взял и гусельцы ярвчатые!» Одел и пошел к царю на пир. <...> Заходит на пир:

Не спрашивают у ворот приворотников,
У дверей придворников.

35 Всех отталкивает: поди прочь! Он ведь хоть бы что — тут не боится, а зашел только, поклонился: «Где мое место скоморошное?» Сел на печку. Вот на печку залез скоморошина. Сидит, думат: «Не Бог-то я и скоморошина!»

Он сел на печку и взял свои ярвчатые гусельцы и заиграл. Все заплясали, — такого игрока не было. А Настасья дочь Никулична говорит: «Только ведь мой муж, Добрыня Никитич, играл так хорошо!» Ну, его — как хорошего игрока — посадили за стол: «Заходи, — князь Влади-
40 мир, — заходи, — говорит, — я тебе три места даю, игроку:

Перво место подле меня,
Хошь — супротив меня,
А третьё место — куда сам захошь, куда пожалуешь!»

45 Он с царем не сел, Добрыня Никитич, и ни с кем, а сел напротив своей Настасьи дочь Никуличны. Напротив. Ну, тут они, невеста тут — сидят, а напротив своей стал. Ну, подносят, подносят ему чару зеленá вина, Добрыне Никитичу. Он взял чару зеленá вина и спросил: «Разрешите мне подать эту чару зеленá вина, кому я знаю, кому пожалую!» Встал он на́ ноги и стал подносить Настасье дочь Никуличне эту чару зеленá вина и говорит:

50 «Ежли пьешь до дна, то видаёшь добра,
А не пьешь до дна, не увидаешь добра!»

А... вот, а сам, значит: «Пьешь до дна — видаёшь добра», а сам в это-то время, пораньше-то, спустил именной перстень в эту чару-ту. Она как до дна-то выпила, именной-то перстень подкатился на́ губы-ти. Она вскочила и закричала зычным голосом:

55 «Не тот муж, и который рядом со мной,
А тот муж, который насупротив меня!»

Вот так. Ну, и всё. Тут бросилась к ему на шею: «Прости, — говорит, — ты меня, виноватую, что я взамуж пошла!» Он и говорит: «Да, — говорит, — у женщин ум... ум-волос долог <...>, да ум короток, — говорит, — ну, я тебя прощаю. Ну, за братана, брата (когда побратались
60 Добры<ня> и Олёша Попович) не прощаю за то, что соврал-приехал, что я убит лежу!» И тут схватил его вот через стол и всё: ёму всю хватит — бряк об стол! Царь, а царь — тот сам убежал. Не показывается и боится, чтобы ему не попало.³ (Ну, и всё...)

№ 64

- Как во стольном во городе да во Киеве
 Как у ласкового князя да у Владимира
 Заводилося пирóванье-столóванье, почестен пир.
 Все были на пиру да собраны:
- ⁵ Бедные, богатые и средние
 Сильные-могучие богатыри.
 Все на пиру да принаедалися,
 Все на пиру да принапивалися.
 Стали они очень веселы,
- ¹⁰ Стали они кажный хвалиться:
 Сильный хвастат своей силушкой,
 Богатый хвастат золотой казной,
 Умный хвастат своей старой матушкой,
 Безумный хвастат молодой женой.
- ¹⁵ Тут-то слушал да князь Владимир со своей княгинеею,
 Слушал и встаёт и говорит таковы слова:
 «Кто же из вас да добры молодцы,
 Мог бы съездить к моему тестю —
 Очистить дороги прямоезжие,
- ²⁰ Прямоезжи дороги да были засорены:
 Там залегла да чудь неверная!»
 Тут все да на пиру приумолкнули,
 Все стали друг за дружку прятаться:
 Сильный прячется за среднего,
- ²⁵ Средний прячется за малого,
 А от малого и ответу нет.
 Тут да встаёт Добрыня Никитич
 И говорит таковó словó князю Владимиру:
 «Я съезжу, да князь Владимир,
- ³⁰ Съезжу и очищу все дороги прямоезжие,
 Тебе дорогу к тестю милому!»
 Тут Владимир-князь да подсказал:¹
 «Налейте ему чару зелена вина,
 Подайте ему, Добрынюшке!»
- ³⁵ Тут подносят ему чару <...>
 Наливают чару полтора ведра
 И дают ему чару <...>
 И берёт он эту чару единой рукой,
 И выпивает ее да на единый дух.
- ⁴⁰ Вот пошел он домой да зашатался,
 Зашатался и загорюнился,

- Загорюнился и запечалился,
Повесил свою головушку.
Приходит да ко своей матушке, к Настасье Тимофеевне
- 45 (И говорит-то её таковы〈...〉)
А она говорит ему да таково слово:
«Что же ты, Добрынюшка, невесел так?»
(А Добрыня говорит 〈...〉)²
«Что же ты так невесел стал?»
- 50 Может, тебя, — говорит, — обнесли чароцкой?
Или, может быть, тебя сильно поизобидели?»
«Нет, меня, мамаша, — говорит, — никто меня не изобидел,
Никто меня не обнёс чароцкой.
А тут мне-ка дал наказ Владимир-князь:
- 55 Очистить дороги прямоезжие
К моему тестю любимому».³
Снял он платье скоморошное
И попросил у матушки у своей:
«Дай мне, — говорит, — платье неси богатырское!»
- 60 Тут она несёт ему платье богатырское.
Он одевает платье богатырское.
И полностью оделся. И сел он на коня.
А его жена 〈...〉 его жена ещё и не знала,
Сидит она там во своей комнатке.
- 65 Манельфа Никулична, жена его.
А тут приходит к ей матушка
И говорит ей таково слово:
«Ты ничего не знаешь, никаку невзгодушку —
У тебя Добрыня уезжает!» — говорит.
- 70 Тут она побежала.
Сидела она в одной сорочке
И в одних тоненьких чулочках,
И подбежала она ко Добрыне Никитичу.
(А он уже в полном снаряжении!)
- 75 И говорит ему таково слово:
«Куда же ты поезжаешь?»
Он все про это рассказал:
«Очистить дороги прямоезжие
От той чудь да неверной к тестю любимому!»
- 80 А тут Манельфа Никулична и говорит ему:
«А когда ты вернешься обратно?»
Сколько тебя время ждать?»
Он ей и говорит: «Год жди,
Не приеду — два жди!

- 85 Если не приеду, — три жди!
 Не приеду — то не считай меня живым,
 Тогда можешь идти взамуж, за кого ты хочешь:
 Хоть за князя, хоть за боярина,
 Хоть за богатого, хоть за бедного.
- 90 Только не ходи ты за сильного могучего богатыря,
 Только не ходи ты за Алешу Поповича.
 А поповские рёды завидушие,
 Руки загребушие —
 Они увидят хорошее платье на человеке —
- 95 И может он пропасть безвинные». —
 Тут Добрыня запоезжал. Поехал он.
 Первый скок скочил — за пять верст,
 Второй скок скочил — не могли найти.
 Уехал он там разгуливать
- 100 И бить он эту чужь неверную.
 А она осталась дома,
 Дома она осталась ждать его.
 Ждет его, в окошечко поглядывает.
 День за днем — будто дождь дождит,
- 105 Неделя за неделей — как трава растет,
 Год за годом — как река бежит.
 Прошло времечко — целый год,
 Нет Добрыни из чиста поля.
 Она и стала ждать второй год.
- 110 Опять таким же побытом:
 День за днем — будто дождь дождит,
 Неделя за неделей — как трава растет,
 Год за годом — как река бежит.
 Прошёл и второй год, —
- 115 Нет Добрыни из чиста поля.
 Она и стала ждать третий год.
 Третий год стала ждать опять так же:
 День за днем — будто дождь дождит,
 Неделя за неделей — как трава растет...
- 120 И прошёл третий год —
 Не вернулся да Добрыня Никитич.
 И она не стала его уж... пожалуй, задумалась,
 Задумалась и запечалилась:
 «Что же мне-ко-сь делать?»
- 125 Выполнила я заповедь мужьину,
 Возьму еще выполнить заповедь свою:
 Возьму еще ждать три года».

- И опять таким же побытом стала она ждать:
Опять день за днем как будто дождь дожжит,
130 Неделя за неделей — как трава растет,
Год за годом — как река бежит.
Прошел год, потом и прошел второй,
День за днём и год за годом.
И прошёл второй год.
- 135 И стала последний год ждать,
Опять, последний год ждать.
А уж последний год — прошло время шесть лет.
Тут приезжает да Алёша Попович из чиста поля,
Приезжает из чиста поля...⁴
- 140 Добрыня разъезживал
И бил силу всю нечистую,
И очищал он дороги прямоезжие.
Когда он уже всех повыбил
И ездил по полю, разгуливал,
- 145 Ездил-разгуливал,
Где чтобы не было никаких засорений, людей неверных.
Тогда он взял да лёг отдохнуть,
Лёг отдохнуть, разложил свой шатер.
И лежит, спит богатырским сном.
- 150 А Манельфа Никулична уже замуж выходит там.
Тут конь стучит, стучит ногами:
«Что ты спишь да Никитушка?»
У тебя ведь очень большое невзгодие:
Тут твоя жена Никулична
- 155 Походит замуж за Алёшу Поповича, —
Ты спишь, прохлаждаешься». —
Тут он вскакивает, быстро коня напоил
И сейчас начал лошадь седлать.
Лошадь оседлал полностью
- 160 И поехал он домой застать эту свадьбу, как говорится.
Реки не спрашивал:
Большие реки он вплавь ехал,
Мелкие речки с крежа на креж перескакивал,
Мелкие леса промеж ног спускал.
- 165 И приезжает он на... во свой двор,
Привязывает коня ко столбу дубовому
И идёт он, приворотников отталкивает,
Придверников отталкивает.
И заходит в гридню столовую.
- 170 Крест кладет по-писанному,

- Поклон ведет по-ученому.
 А тут идут да все жалуются —
 Придворные жалуются,
 Приворотники жалуются,
 175 Придверники жалуются:
 «Какой-то приехал невежество, всех нас отталкивает:
 И пору не знает, и все идет мимо».
 А она и говорит таково слово:
 «Ой ты добрый молодец!
 180 Если бы был, — говорит, — у меня сын Никитушка⁵ —
 Не зашел бы ты к нам в дом да не командовал!»
 А тут и говорит Добрыня Никитич:
 «А я самый и есть твой, — говорит, — сын Добрынюшка!»
 Она не верит:
 185 «Нет, не может быть.
 У моёго сына есть на правой ноге родимое петнышко.
 Ну-ко скинь-ко-ся со правой ноги да сапог».
 Он быстро снял сапог,
 Она посмотрела: само то петно.
 190 Тогда она заплакала.
 Добрынюшку обняла и говорит ему таково слово:
 «Твоя, — говорит, — жена ушла взамуж.
 Сядни ведётся пир во полу́пира!»
 Он и говорит ей таковы слова:⁶
 195 «Возьми мое платье богатырское
 И дай мне платье скomorошное,
 И дай мне гусли шелковые —
 И пойду я на свадьбу,
 На свадьбу ко князю Владимиру!»
 200 Свадьба у князя Владимира,
 Там свадьбу-то делают, у князя Владимира.
 И зашел он к ним на бал, на свадьбу.
 На бал свадебный зашёл и сел на печной столб,
 На печной столб сел и стал играть в гусли.
 205 В гусли заиграл — эта игра всем гостям понравилась.
 А княгиня сидит Никулична
 И думает такую мысль:
 «Игра сама-та, как вот у моёго Никитушки!»
 А тут князю Владимиру со своей княгиней Апраксией,
 210 Это им очень понравилось.
 И князь и говорит таково ему:
 «Слезай-ка ты да с печного столба
 Да садись-ка ты за дубовый стол.⁷

- Даю тебе три места:
 215 Первое место даю тебе возле меня,
 Второе место даю супротив меня,
 Третье место даю — куды сам желаешь».
 Тут Добрыня не сел возле его,
 И не сел Добрыня супротив его,
 220 А сел Добрыня да против княжны, своей жены.
 И заставил князь Владимир:
 «Налейте ему чару зелена вина!»
 Наливают ему чару зелена вина.
 Он к роту подносил эту чарочку —
 225 И отнес быстро.
 И подает эту чарочку да своей жены:⁸
 «Ну-ко-ся, княгинушка, выпей от меня чарочку!»
 И она взяла эту чароцку,
 И пьет, и останавливается.
 230 «Пей, говорит, до дна — увидишь добра,
 Не выпьешь до дна — не увидишь добра!»
 Велит её насилу пить, чтобы она выпила все.
 Она пила эту чароцку и допивает до дна, —
 И подкатился ей этот перстень именной,
 235 Ейной именной, которым они обручались.
 И она взяла этот перстень и налаживает на руку.
 Посмотрела и узнала.
 И говорит таково слово всем гостям:
 «Не тот муж, — говорит, — который возле меня сидит,
 240 А тот муж, — говорит, — который возле⁹ меня!»
 Тут у Добрыни сердце разгорелось.
 И он схватил Алешу Поповича за желты кудри
 И потащил через стол.
 И хотел его бросить о кирпичный пол,
 245 И разбить его хотел головушку.
 Но тут подбежал Илья Муромец
 И захватил его сзади за сильные руки:
 «Брось бить, — говорит, — человека безвинного!»
 Тут, — говорит, — виноват сам Владимир-князь.
 250 Они со своей княгинею Апраксией,
 Они, — говорит, — ему сосватали!»
 (Тут я вот дайче¹⁰ пропустил немножко.)
 И тогда взял Добрыня Никитич свою жену
 И повёл домой —
 И увёл ко своей родимой матушке.
 (Вот тут и про Добрыню песня вся.)

№ 65

Как во стольном городе во Киеве
 Как у ласкового князя да у Владимира
 Заводилосе пиrowанье-почестный пир.
 Тут и всех-то на пиру да принапоил,
⁵ Принакормил и напоил,
 И все они да напилисе-то —
 И стали они да каждой хв́алиться:
 Богатый хвастат золотой казной,
 Средний хвастат своим добром,
¹⁰ Хвастаются все богатыри
 Они своей-то да силушкой.
 Тут встаёт-то Владимир-князь
 И говорит-то он да такую речь:
 «Ах вы все же, все да удалы молодцы,
¹⁵ Вы сильные богатыри,
 И кто бы из вас да съездил в орды неверных
 И очистил бы дорожку прямоезжую
 Как к моему-то тестю любимому?…»
 Тут и все-то да на пиру приумолкли,
²⁰ И все-то они да приутихли,
 Как-от все они как воды набрали.
 Тут-то сильный прячется за среднего,
 Средний прячется за малого,
 А от малого же и ответу нет.
²⁵ Тут встаёт-то да Добрыня Никитич,
 Говорит князю да таково слово:
 «Я ведь съезжу да в Орды неверные,
 Я очищу дороги прямоезжие
 Ко твоёмu-то тестю любимому!»
³⁰ Тут и князь и говорит таково слово:
 «Налейте ему чару зелена вина!»
 Наливают чару ему да полтора ведра
 И подносят ему чару — Никитушке.
 Он берет-то да чару единой рукой,
³⁵ Выпивает чару да на единый дух.
 Тут пошёл-то он да закручинился,
 Закручинился да запечалился.
 Он подходит домой да ко своей матушке.
 А тут матушка его да заметила:
⁴⁰ «А что же ты, Добрыня, невесел так?
 Что же тебя кто-то пообидели?»

- Или же обнесли чарочкой?»
 Он: «Никто, — говорит, — меня не избидел ведь
 И никто меня да не обнёс чарочкой.
- 45 А взялся да от князя Владимира
 Да очистить дороги прямоезжие —
 Как во той-то Орды неверныя
 Была дорога неприятелем занята!»
 Он и снял-то да платье хорошее
- 50 И попросил у матушки платье богатырское.
 Одевается он да быстрехонько,
 Он оделся ведь да весь полностью.
 И сел он на коня на своего ехать.
 А жена сидит, Манельфа Никулична.
- 55 И не знает сном-делом, что он поезжает.
 Тут приходит да Никитина мамушка
 И говорит-то ей да скоро-наскоро:
 «Поезжает от тебя Никитушка,
 Поезжает он да в чисто полюшко
- 60 Очистить-то да ведь чудь неверную,
 Как ко князю очищать дорогу прямоезжую
 Как к любимому тестю Владимира!»
 Тут выбежала да Манельфа Никулична
 И стала к Никити к правому стремени,
- 65 И говорит она ему да таково слово:
 «Ты надолго ле да поезжаешь-то?
 Когда тебя ждать домой?»
 «Я поеду пока на три годочка.
 Если первый год не приду, дак жди второй,
- 70 Второй год не приду, дак жди третий;
 Третий не буду, так не считай живым!»
 Вот поехал он в путь-дороженьку:
 Первый ускорок скочил — да за пять верст,
 Второй ускорок — да не могли найти.
- 75 И бьется он с чудью неверною,
 И бьет он всех да беспощадное.
 Он махнёт-то одной стороною,
 Он махнёт в одну сторону — улица,
 А в другу махнёт — переулочек.
- 80 А тут не столько он бьёт да рубит людей,
 А сколько он больше бьёт да конем топчёт.
 И перебил он всех да до единого.
 И стал он разъезжать да по полям везде.
 Манельфа Никулична да ждёт-то его домой.

- 85 Первый год глядит в окошечко:
 День за днем — будто дождь дождит,
 Неделя за неделей — как трава растет,
 Год за годом — как река бежит.
 Прошло тому времечку три годичка —
- 90 И нет Никиты да из чиста поля.
 Да она и думает:
 «Выполнила я его задание —
 Да еще я буду своего задания,
 Еще буду я ждать три годика».
- 95 И стала смотреть да опять в окошечко.
 День за днем — будто дождь дождит,
 Неделя за неделей — как трава растет,
 Год за годом — как река бежит.
 Прошло времечка три годика.
- 100 Ну так-то вот почти кончилось заданьеце.
 Приезжает тут да Алёша Попович —
 Приезжает он да из чиста поля.
 Заходит он да к Никитиной матушке
 И говорит-то он да таково слово:
- 105 «Ваш Никитушка лежит да во чистом поле,
 Он лежит да под кустиком.
 Проросли-то у него волосы травой шелковой,
 Так что не считайте его живым больше!»
 Тут-то Владимир-князь
- 110 Со своею княгиней Апраксией,
 Он ведь и стал-то да Манельфу Никуличну,
 Он ведь стал-то ей да посватывать,
 Он и стал-то да за Алёшу Поповича,
 За Алёшу Поповича подговаривать.
- 115 Тут Манельфа Никулична позабыла,
 Позабыла одну заповедь Никитушки,
 Что он говорил-то за Алёшу Поповича —
 Не ходить-то он велел да ей приказывал.
 Но она всё это позабыла-то
- 120 И посукнулась идти за Алёшу Поповича.
 И тут-то у них да начался пир.
 А Никита-то ездил да во чистом поле.
 Он ведь тот-то день да спал: раскинут был,
 Раскинут был шатёр — он в шатру своем отдыхал,
- 125 Он и спал-то да богатырским сном.
 Тут стучит-то конь да своими ногами,
 Разбужает он да ведь Никитушка:

- «А что ты спишь, да ведь Никита, прохлаждаешься?»
 У тебя-то жена да взамуж пошла,
 130 Она взамуж пошла — да уж пир идет,
 Пир идет уж во полупира!»
 Тут соскакиват да Добрынюшка,
 Седлает он да своего коня,
 Он-то свертываёт своё имущество.
- 135 И поехал он да прямо на родину:
 Он-то реки, озера он вплавь спускал,
 Мелки реки с кряжу на кряж перескакивал,
 Мелки он леса, кусты промеж ног спускал.
 Приезжает он да ко своему двору.
- 140 Приворотников он не спрашивал — отталкивал,
 И придверников он и пору не знал,
 И всех прислугов не почитал — отталкивал.
 И заходит он да в гридню ли свою:
 Крест кладет да по-писаному,
- 145 Кладет поклон да по-учёную
 И здороваётся он да со своей матушкой:
 «Здравствуй, да моя матушка!»
 Тут-то все да идут жалуются
 Приворотники и придверники,
- 150 И все идут и жалуются:
 «Приехал какой-то да невежество
 И всех-то нас да отталкиват,
 И всех-то на〈с〉 да 〈в〉 пору не знат!»
 Говорит-то да Добрынина матушка,
- 155 Говорит-то ему да таково слово:
 «Ох, не приехал бы да ты, невежество,
 Ох, да не отталкивал да всех моих работников,
 Кабы было у меня да дитятко,
 Дитятко да был Добрынюшка:
- 160 Он бы дал бы тебе тут разгуливать!»
 Тут и говорит-то Добрыня Никитич, говорит-то:
 «Да я самый есть Добрыня-то,
 Я Добрыня-то да твой ведь сын!» —
 «Ты не ври-ко-се, да добрый молодец!
- 165 Ну-ко скинь-ко-се сапог с правой ноженьки:
 У моего-то сына есть родимо пятнышко».
 Он ведь быстро да скидает сапог
 И показывает е〈й〉¹ да это пятнышко.
 Тогда узнала его да матушка.
- 170 И говорит-то да она Добрыне-то:

- «А твоя-то жена да взамуж ушла,
 А взамуж ушла да за Алешеньку,
 За Алёшу да Поповича:
 Уж пир идет да во полупира!»
- ¹⁷⁵ Тут говорит-то Добрыня своей маменьке:
 «Возьми-кось у меня все да платьё дорожное,
 А принеси-ко мне да платьё скоморошное».
 Тут и мамушка да все убрала у него.
 И приносит платьё скоморошное.
- ¹⁸⁰ «И принеси-ко мне ещё гусли шелковые (щелковые) —
 Я пойду-то на бал ко князю там!»
 Оделся и пошел быстренько.
 Он приходит да к ним входит в дом,
 Он заходит да тут им к пиру,
- ¹⁸⁵ И заходит — и садится на печной-то столб.
 На печном столбу сидит и заиграл во свои гусли,
 Во свои гусли он да <...> — тут всем понравилось,
 Всем понравилось, и князю Владимиру.
 Тут встаёт-от да Владимир-князь
- ¹⁹⁰ И говорит-то ему да таково слово:
 «Уж ты добрый да добрый молодец,
 Ты садись-ко се к нам да за дубовый стол.
 Я тебе даю да три ведь местичка:
 Первое место даю возле меня,
- ¹⁹⁵ Второе место — насупротив меня,
 А третье место даю — куда сам желашь!»
 Он не сел-то да возле князя,
 И не сел-то он да насупротив князя:
 Он и сел-то да супротив жены.
- ²⁰⁰ Тут князь Владимир говорит:
 «Несите ему да чару зелена вина!»
 Он выпивает зелена вина,
 Он подносит да чарочку ко своим губам —
 И опускает перстень золотное,
- ²⁰⁵ И подает-то он да Манельфе Никуличне:
 «Ну-ко выпей да от меня чарочку!»
 Она берет-то чарочку да и пьет,
 Пьет-то она да останавливается.
 Он говорит-то ей да таково слово:
- ²¹⁰ «Пей ты чарочку до дна.
 Выпьешь до дна, дак увидишь добра,
 А не допьёшь до дна — да не увидишь добра!»
 Она пила да эту чару да все останавлива́ <...> —

(Он потом-то ей да там и подговаривал.)

Тогда всю она да эту чару да допила.

215 Как до доньшка пригнула,

Подкатил к ней перстень.

Он' берет перстень ейной именной,

Накладывает на руку — как есть на ней.

Тут встает она, говорит таково слово;

220 «Не тот муж, сидит который возле меня,

А тот муж — сидит да супротив меня!»

Тут-то все на пиру да изужахнулись.

Добрыня-то да тут разнервничал,

Раскипело его сердце богатырское —

225 Он хватает Алешу Поповича,

Он хватает его да за желты кудри

И вытаскивает его да через дубовый стол.

И хотел его ударить да во кирпичный пол.

Но тут-то Илья захватил-то его,

230 Захватил-то его за руки:

«Не бей ты его безвинного,

Он уже не виноват тут!

Тут виновен князь со княгинею:

Они сосватали за него Манельфу Никуличну —

235 Евонной вины нет совсем!»

(А вот как же тут нет? Есть ведь! Обманул он матушку-то!)

Взял-то ее — да и повел домой.

(И тут-то сей песни конец

Про Добрыню про Никитича.)

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 66—67)

№ 66¹

А во том было во городи во Муроме,²

А да во том было сели было Карачарови —

А ишше жил тут хресьянин да чернопахатной,

А по имени Иван да Тимофеевиць.

⁵ А у ёго-то ведь было едно дитя милоё,

Ише милоё дитя было любимое,

А любимое дитя было уродливо:

А сидит тут Илья седуном же тут,

А не много, не мало — да тритцеть лет.

¹⁰ А ише тут где Иван да Тимофеевиць

- А пошол-де на роботоцьку на цяжолую,
 На робо[то]цьку тяжолу да хресьяньскую,
 А ише набрал всё мужичков да ровно триццэтъ их
 А да роздывать но[а]винку да цёрнопахатну.
- ¹⁵ А да сидел как тут Илья един в дому же тут —
 А приходили где калики да перехожие,
 Говорили где ёму они таковы слова:
 «Уж ты ой еси, Илья да ноньце Муромец!
 А да ставай-ко-се, Илья, ты да на резвы ноги,
- ²⁰ Принеси ты ведь нам да пива пьяного:
 А да с дороги мы, калики, да ноньце пить хотим!»
 А говорыл где Илья да сын Ивановичь:
 «А не могу где стать да на резвы ноги,
 А не могу я вам да ноньце пить подать:
- ²⁵ А лежу я как нонь да ровно триццэтъ лет»
 А калики тут ёму да говорят же нонь:
 «А ставай-ко ты, Илья, — нас не омманывай!»
 Ише стал где Илья тут да на резвы ноги,
 Ише брал где братыню да всё серебрянну,
- ³⁰ Нацедил где пошол он да пива пьяного —
 Подавал где каликам да перехожем.
 А калики от ёво пива не прымают нонь:
 «А уж ты ой еси, Илья да сын Ивановичь!
 Уж ты выпей-ко братыню да пива пьяного!»
- ³⁵ А ён выпил где нонь да пива пьяного —
 А оцудилась в ём как силы тут порядосьнё.
 Говорят калики да во второй након:
 «Уж ты ой еси, Илья да сын Ивановичь!
 Принеси ты нам пива да ноньце пьяного!»
- ⁴⁰ Ишше тут где Илья да сын Ивановичь
 Нацедил где-ка пива да он во второй тут раз,
 Подавал где каликам да перехожем.
 А калики-ти говорят да таковы слова:
 «Ише выпей-ко, Илья, да во второй тут раз!»
- ⁴⁵ Ише выпил Илья да во второй тут раз —
 А говорят ему да таковы слова:
 «А каков ты, Илья да сын Ивановичь?
 А ише много ле в себе да силы цювствуёшь?»
 А говорил где Илья да сын Ивановичь:
- ⁵⁰ «Ишше силы-то во мне тепере порядосьнё:
 Ишше мог я бы ехать да во цисто полё,
 А ишше мог я бы смотреть а людей добрые,
 А ишше мог я бы стоять за веру правас[лав]ную,

- А за те же за церкви да я за Божья нонь,
 55 А за те за поцѣстные монастыри,
 А за тех я за вдов за благоверных,
 А за ту сироту я да маломожонну —
 А ише нету у мя да нонь добра коня!»
 А говорят-де калики да перехожие:
 60 «А да поди-тко ты, Илья, по у[т]ру по ранному —
 А ише встретишь в поли нонь одного хресьянина:
 А да ведёт он ведь коницька-селетоцька.³
 А ты купи-тко за деньги, за золоту казну,
 А да корми ёго пшаницой да белояровой,
 65 А ишше пой ёго ведь нонь да ключёвой водой,
 А води-тко ты на росы холодные,
 А давай-ко по росам ёму кататисе.
 А цезез тын железной да перехаживай —
 А жеребчик у тя будёт да перескакивать:
 70 Ишше будёт тебе конь — да лошадь добрая,
 Ишше добра-де лошадь да богатырьская,
 А да копьё будёт тебе неизменноё,
 А слуга тебе будёт да конь тут верная!
 А да поедёшь ты, Илья, да во цисто полё —
 75 А ише смерть-та тебе, Илья, не писана!
 А да дерись, ты борись хошь с каким богатырём,
 А не съезжайсе-ко ты с Самсоном тут,
 А Самсоном тут, Святогором же:
 А ише тех богатырей нонь земля не несёт,
 80 А ише ездят нонь они как по шшелейкам!»⁴
 Ише тут где калики да потерялисе...
 Да пошол где Илья да из двора тут вон —
 А пошол где Илья да к своёму оцьцю
 А на ту же на роботоцьку на хресьяньскую,
 85 Ише где его отець да тут роботаёт.
 А увидал где-ка Иван да Тимофеевиць —
 А ишше оци-ти ясны да пригледелисе,
 А ишше белы-ти руки примахалисе,
 А ише резвы-ти ноги да приходилисе,
 90 А ретиво тут серьцё стрепёскалосе.
 А говорил-де Иван да Тимофеевиць:
 «А уж ты ой еси, Спас да Многомилосливой,
 Присвята ты Божья да Богородиця!
 А уж вы ой, угодники все Христовы нонь!»
 95 А говорил-де-ка Иван тут да Тимофеевиць:
 «А уж ты ой еси, моё дитя сердесьнёё,

- А по имени Илья да сын Ивановичь!
 А помиловал тебя да Спас Прецистой тут,
 Пресвята тебя да Божья Богородиця, —
 100 А попал ты, Илья, да на резвы ноги!»
 А да пришол где Илья да к своему оцьцю,
 А говорил где Илья да сын Ивановичь:
 «Уж ты мой еси батюшко, мой родимой тут!
 А да поди-ко домой нонь пообедай же!»
 105 А оставалса тут на навинки да цёрнопахатной
 А робить роботку да всё хресьяньскую,
 А цистил поляну да цёр[но]пахатну.
 А приходил где-ка тут Иван Тимофеевиц
 А на ту на роботуцку на хресьяньскую,
 110 А пошол где Илья да к своему двору.
 А выходил где Илья да во цисто полё —
 А идёт мужицёк тут деревеньшина,
 А ведёт за собой ноньце селетоцька.
 А купил где Илья тут всё селетоцька.
 115 А говорил где-ка Иван тут Тимофеевиц:
 «Уж ты ой еси, Илья да сын Ивановичь!
 А да поедёшь ты, Илья, да во цисто полё —
 А пожалей-ко ты на поли хрисьянина,
 А не шшади-ка в поли всё тотарина!»
 120 А ишше тут-де Илья да сын Ивановичь
 Ишше стал тут просить благословленицё:
 Да не бела тут берёзонька к земли приклоняицье —
 А Илья-та оцьцю своёму покоряицье.
 А говорил ёму Иван да всё Тимофеевиц:
 125 «Да поедёшь, Илья, да во цисто полё —
 А стой ты за веру православную,
 А за те за поцётные монастыри,
 А за тех за вдов за благоверные,
 А за ту сироту да маломожонну!»
 130 А-й да не видели: Илеюша срежаицсе;
 А не видели: Илья да сподобляицсэ;
 А не видели: Илейка как на коня скоцил;
 Только видели: Илеюша в стремяна ступил.
 А не видели поезки богатырьскою,
 135 Только видели; и в поли и курева стоит,
 Курёва-та стоит — да дым столбом валит.
 А ишше ехал Илеюшка по крутым горам,
 По крутым-де горам да по святым местам —
 А наехал тут богатыря пресильнёго,

- 140 А по имени сказать, да по извотчины,
 А-й ёго именём зовут да Святогор же тут.
 А они ехали по щелейки крутой же тут
 Да наехали тут диво да нонь предивноё,
 А наехали они цюдо прецюдноё:
- 145 А да стоят где-ка тут два добрых молоцца
 А строят домовищо да нонь превечноё.
 А спросил где-ка тут да Святогор-богатырь:
 «Уж вы ой, удалы добры молоцци!
 А цего это вы ноньце строите?»
- 150 А говорят-де удалы да добры молоцци:
 «Уж сильный-могущий нонь богатырь же!
 А мы строим тебе нонь домовищо тут —
 А соскакивай-ко ты со добра коня,
 А вались ты в домовищо нонь превечноё!»
- 155 А ишше тут же богатырь нонь могучей же
 Соскочил где-ка он со добра коня,
 Увалилсэ в домовищо да нонь превечноё.
 А наложили они кровлю дубовую.
 А те — не дородни добры молоцци,
- 160 А были андила да всё Восподьни тут:
 А улетели они сами невидимо.
 А говорил где-ка тут Святогор-богатырь:
 «А уж ты ой еси, Илья да сын Ивановиц!
 А бери-тко ты палицю железную,
- 165 А уж ты бей-ко в конец да домовищо нонь!»
 А да ударил-де Илья в конец в домовищо нонь —
 А наскоцил где-ка тут обруць железной ведь.
 А говорил где-ка тут да Святогор-богатырь:
 «А бей-ко, Илья, да во второй конец!»
- 170 А как ударил Илья да во второй конец —
 Наскоцил где-ка тут как нонь второй обруць.
 А говорил где ишше тут Святогор-богатырь:
 «А не жалей-ко, Илья, силы могучее,
 А да ударь-ко покрепьце да нонь в серёдоцьку!»
- 175 А наскоцил где-ка тут да нонь третьей обруць —
 А говорил где-ка тут, тут как Святогор-богатырь:
 «А верно, мне-ка, молоццу, тут ведь Бог судил!»
 Говорил он Ильи да ноньце Муромьцю:
 «Уж ты ой, Илья да ноньце Муромець!
- 180 А пойдёт из меня сила могуця нонь:
 А перва пойдё — дак ты стой ведь тут,
 А втора где пойдё — дак ты ведь тоже стой,

А ишше третья пойдёт, — дак ты измойсе тут,
 А измойсе-ко ты да искупайсе-тко!»
 185 А да стоял где Илья тут сын Ивановиц —
 А перва пошла сила могущая.
 А втора-де пошла сила могуца тут —
 А тут где Илья да нонь не выстоял,
 Приказанью нонь Илья да нонь не выслушал:
 190 А да измылсе тут Илья, да искупалсэ он.
 А сделалась в ём сила необъятна тут,
 А да девацьсе ёму стало тут ведь некуда —
 А ише рвал он тут пенья, да всё как дубьё он!

№ 66а

$\text{♩} = 132$

А во том бы-ло во го-ро-ди во Му-ро-ме,
 А во том где-ка се-ли бы-ло Ка-ра-ча-ро-ви-
 А жи-л(ы)-бы-л(ы) кре-сья-внн да чор-но-па-хат-ной,
 Иш-ше тот де И-ван да Ти-мо-фе-е-вич.
 У ё-го бы-ло е- <ди-но бы-ло дя-тя ми-ло-ё... >

¹ В расшифровке И.С.Тезавровского последняя строчка выписана очень неопределённо:

У ё-го бы-ло е- дин... ди-к(о) был...

№ 67

- Во славном было городе во Муроме,
 В селе Карачарове,
 Жил кресьянин Иван Тимофеевич.
 У его было любимое чадо,
⁵ Его звали Ильёй.
 Сидел он седунóm тридцать лет.
 Как минулось ему тридцать лет —
 Стал ходить на ногах крепко,
 Почувствовал в себе силушку великую.
¹⁰ И сделал себе конскую сбрую,
 Оседлал коня доброго боғатырского —
 Пришел к отцу, к матери
 Просить благословения
 Ехать в Киев-град Богу помолиться,
¹⁵ Князю поклониться,
 Опраксею-королевицню посмотреть и себя показать.
 Дают благословения и говорят такие речи:
 «Сын наш любезный!
 Не делай обиды, не проливай крови хрисянской!»
²⁰ Видели Илью Муромца — на коня садилса,
 А на поездке только курева пошла.
 Приехал он во леса тёмны — табór разбойницкий.
 Стали наступать человек по десять¹ и по двадцать:
 Хотят коня отнять.
²⁵ Илья Муромец снял с плеча тугой лук, спустил в сброй дуб,
 Стрела началá рвать в мелкие черёнья —
 Тогда эти испугались, взмолились ему:
 «Удалой добрый молодец!
 Бери за нашу вину сколько надобно:
³⁰ Платье цветное или табун лошадей!»
 (Ишь, сколько нагреблено было!)
 Илья Муромец усмехнулся:
 «Если этим мне брать — некуда будет девать!»
 А сказал им: «Вперёд этим отважьтесь!»
 (Чтобы не грабили.)
 Приехал он в Чернигов-город.

³⁵ Чернигов-город сила басурманская город окружила. Хотят² силушку повырубить, Божьи церкви под дым спустить.

Илья Муромец подумал себе: «Не честь-хвала боғатырская³ отдать Чернигов-град на поруганье!» Поворотил коня на правую руку, начал саблей рубить, конём топтать — всю силушку повырубил. А на главнокомандующего — голову отсек, воткнул копьё и поехал в город.

40 Горожане отворяют городские ворота. На одном блюде несут золотые ключи, а на другом — золотую казну. Берут его за белые руки и вводят в белокаменные палаты, угощают разными кушаньями и говорят таковы речи: «Удалый добрый молодец! Живи у нас!» Он спросил у их: «Где у вас премая⁴ дорога ехать в Киев-град, которая была закладена Соловьём-розбойником тридцать⁵ лет?»

45 Он и поехал. Приехал он на реку Смородину за двадцать вёрст от Соловья-розбойника. Услышал Соловей-розбойник, стал свистать. Подъехал Илья Муромец ближе, а Соловей-розбойник начал свистать пуще прежнего. Подъехал Илья Муромец под самое Соловьиное гнездо, которое было на двенадцати⁵ дубах (в картинах Вы не видали?). Конь пал окарачь. Но богатырское сердце не устало. Стал бранить: «Ох ты, волчья съть, травеной мешок! Не бывал ты во чистом поле, не слышал ты вороньего⁶ карканья!» Тогда снимал он с плеч тугой лук, накладывал он каленую стрелу, спускал в сырой дуб: стрела попала ему в правый глаз, Соловей-розбойник свалился с гнезда, как овсяной сноп. Илья Муромец подхватил его и приковал к столбу [дубовому].⁷

На пути у Соловья-розбойника было три дочери, и было принято три зятя на их. Старшая дочь взглянула в трубочку подзорную и сказала: «Вот наш батюшко с добычей едет, мужика везет!» Друга сестра взглянула: «Нет, — говорит, — нашего батюшку везут у стремени прикованна!» Стали просить: «Мужья наши милые! Подите и отоймите нашего батюшка у мужика!» Конечно, были богатырские⁸ кони добры. Едут навстречу к Илье Муромцу. Соловей-розбойник был хитёр, сказал: «Зетья мои милые, не троньте и не дразните такова сильного богатыря!⁹ Лучше вам от его смерть не принять — а зовите лучше пиво-вару пить!» Зетья соскочили с добрых коней и стали просить: «Удалый добрый молодец! Пожалуйте пиво-вару пить!» Тогда он поворотил коня на взезд (на взвод)¹⁰ и увидал, што железная подворотня поднята на цепях над воротами (убить умышляли). Хотели его убить. Тогда Илья Муромец увидал неправду, ткнул ей копьём — подворотня пала. А он поехал в Киев.

Приехал он ко Владимиру-князю во двор. Поставил коня не связанного, не привязанного. 65 Зашёл он во светлую гридню; молится Спасу Пречистому, бил челом князю Владимиру, Опраксеи-королевице, всем могучим богатырям и палёницам преудалым. Спросил тут Владимир-князь: «Какой ты, куда едешь?» — «Я города Муромы, села Карачарова, Иванов сын». — «Што ты править едешь?» — «Я ехал мимо Чернигов-град, силу басурманскую очистил, с собой привёз Соловья».

70 Тогда вскричал Владимир-князь: «Што ты меня оманываешь? В тридцать лет никто не мог, а ты привёз!» А он утверждает. Тогда Добрыня Микитич и Алёша Попович попросили узнать. Ответили, што есть. Тогда Владимир-князь приказал принести богатырскую чару. Ещё хотел себя испробовать. «Подите, Добрыня Микитич и Алёша Попович, ведите его сюда!» Пошли они, хотели его взять — он зашипел: «Не ваше пью-кушаю, не вас и слушаю!» Пришли, сказали Владимиру, што: мы не можем. Тогда Илья сказал Муромец: «Идите, скажите, што я велел!» — «Соловей-розбойник, тебе Илья велел ведь!» — «Сейчас готов!» — говорит. Те привели его в кнеженецкие полаты. Сказал Владимир-князь: «Ильюшка, хотя бы он засвистал!» Тогда попросил Илья Муромец кнеженецкую кунью шубу (не надеялся на него, окаянного). На себя надел ей. Владимир-князь взял под правую мышку, Опраксею-королевицню — под левую. И говорит: 80 «Ну, Соловей, свисти в полсвиста, а не во весь свист!» А Соловей-розбойник начал свистать во всю мочь. Хотел убить всех своим свистом. Все пали. Владимир-князь говорит: «Скажи, што полно!» Илья вскричал — но Соловей-розбойник не остановился! Тогда он взял его за уши, ударил о

пол и убил: «Таких неверных слуг я не люблю!» Владимир-князь почтил его первым бо́гатырём и назначил пир.

85 На пиру Илья Муромец и Добрыня Микитич назвались назваными братьями. Поехали в чистое полё себе супротивника искать. Ездили три месеца. Приехали на ростани: одна из Чернигова-города, другая — из Киева. Из Киева-города идёт каличка перехожая. Костыль у его — кося сажень, шляпа — бытто в тридцать пудов (*дедка говорил*). Илья Муромец увидел его, слез с коня и стал пошингивать. «Не тронь меня, старый¹¹ козак Илья Муромец! Не знашь, што в стольнем городе деется? Приехал во стольный¹¹ Киев поганый Издолищо (*брат Соловья-розбойника*), сидит у Владимира-князя за столом, а Владимир-князь слугой ходит. И спрашива́т тебя, Илья Муромец. Отнял он звонб́ колоко́льные, четья-петья черковные.¹² И не велит просить милостыню ради Христа, а велит просить ради поганого Издолища!»

95 Тогда сказал Илья Муромец: «Каличищо, дай платью каличье — бери у меня платью бо́гатырское! На коне поёзди, а я схожу» Сказал калика: «Кабы Добрыне Микитичу или Олёше Поповичу (*а Добрыня тут же!*) — не дал бы без бою, без драки, а тебе, старому, — слову нет!» Когда поменялись¹³ одеждою, Илья Муромец посадил калику на коня своего и сказал: «Ходи ступою бродо́вою, а не ходо́вою!» Сам пошел во Киев-град. Пришел пред кнеженецкия полаты, закричал громко: «Батюшко Владимир, столне-киевский князь! Пошли мне милостыню ради Христа!» Все испужались. Поганое Издолище вздрогнуло. «Што тако каличищо мало громогласно! Поди, зови его сюда!» Князь вышел и говорит: «Калика, зайди в йзбу!» Илья Муромец зашел, поздоровалсе с Владимиром-князем, с Опраксеей-королевичней, со всеми могучими, удалыми бо́гатырями. Поганому Издолищу челом не бьёт! Спросил поганый Издолищо: «Ходишь-бродишь по чисту полю — не видал ли там Илью Муромца?» «Видал», — говорит. — «А какой он есть?» — «А такой же, как и я!» — «Экокой у вас Ильюшка: я на одну долонь положу — другой притя́пну!» Илья Муромец не ответил, а встал к кирпичной печке, как калика. Поганый Издолищо попросил есть. Принесли ему очень много — он всё съел. Попросил он пить. Принесли ему большой котёл воды — он взял за́ уши, весь выпил. Тогда Илья Муромец не утерпел: «У моёго у батюшки, — говорит, — у попа у ростовского, жила-была корова обжорчива; ходила по поварням, оловину жрала да издохла, — тебе, тотарину, та же честь будет!»

100 Тогда он схватил кнеженецкий булатный нож, его кинул — Илья Муромец увернулса. Тогда Илья Муромец вынул из-за пазухи шляпу. «Ну, поганый Издолищо, сиди, не вертись!» Кинул шляпой этой через кнеженецкия полаты — попалó в голову́, и два простенка вышибло. Тогда Илья Муромец сказал: «Ну, убирайте!» Тогда пошел искать калику, обменялись одеждою. Илья Муромец подарил его золотом. Приехал ко Владимиру-князю. Владимир-князь сделал великий для его пир.

105 После пиру, когда все улеглись, Илья Муромец стал по кнеженецким полатам похаживать, стал похвастывать. Снял он с плеч собольнею шубку и шубку стал попинывать, к шубы приговаривать: «Вот как я пинаю свою кунью шубку — так бы я пинал поганого Издолища туловище по чисту полю!» Снял он шапочку собольню, стал под ма́тицу подкидывать, к шапке приговаривать: 20 «Как я пинаю шапочку — так бы я пинал голову поганого Издолища по чисту полю!» Тут были слуги нестерпчивы, сказали Владимиру-князю, што Илья Муромец пинал шубку и шубы приговаривал: «Как я пинаю шубочку — так стал когда ле бы пинать Владимира туловище!» Пинал шапочку собольню и приговаривал: «Как я пинаю шапочку — так бы стал пинать Владимира голову!» Владимир-князь этому поверил, приказал посадить Илью Муромца во глубок погрёб, задёруть 25 решеткыми железными и закатать камнями серыми.

Опраксея-королевичня была хитра и мудра: приказала сделать ходы подземельные и тайно кормить его. Как минуло тридцать годов — наехала на город сила басурманская. Хотят силу по-вырубить, Опраксею-королевичню в полон взять. Владимир-князь осталса в печали великой. Однажды сидел он с Опраксией-королевичней наединке и думал: «Как — сдать город или итти войной?» Спроговорит Опраксея-королевичня: «Ой еси, Владимир-князь! Не жив ли у нас ещо старик Илья Муромец?» Спроговорил Владимир-князь: «Кабы я не в любви с тобой жил — отсек бы по плеч тебе голову!» Повторила Опраксея-королевичня во второй раз. Сказала Опраксея-королевичня и в третий раз: «Не жив ли у нас старик Илья Муромец?» Тогда он приказал разрыть глубокий погреб. Откатили камёнья серые, отдернули железные решотки, увидали: он читат книгу Евангелье. Тогда спроговорил Владимир-князь: «Прости меня, Илья Муромец! Выручи нас из неволюшки великой!» Илья Муромец не вымолвил. Спроговорит Опраксея-королевичня: «Ох ты ой еси, старик Илья Муромец! Выручи нас из неволи великой!» Тогда он выскочил, как ясён сокол: «Ну, Опраксея-королевичня, будь ты мне вторая мать! Выручила ты меня из смерти напрасной». Тогда он попросил на три дня одуматься. Уговорил полки. Пошли против неприятеля войной, очистили всю силу неприятельску!

(Боле и всё.)

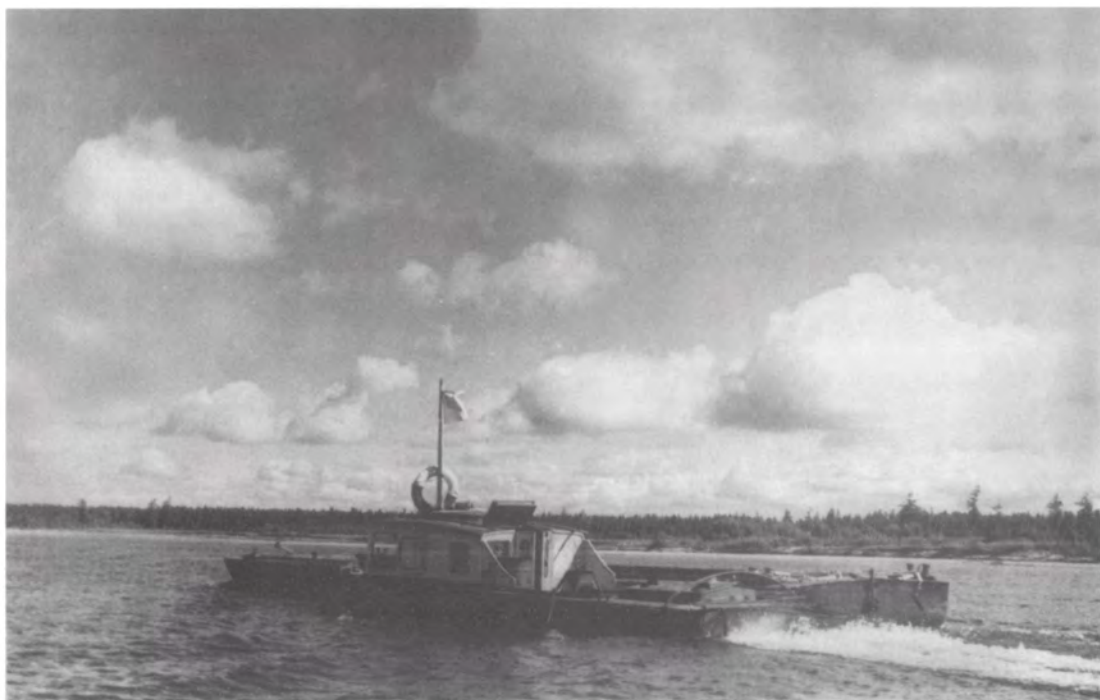
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 68—73)

№ 68

Из Киева ехать до Чернигова
 Кабы три девеноста было мерных верст,
 А кругом-то дорожечка — ровно девять сот.
 А залёгала дорожка прямохожая,
 5 Прямохожая дорожка, прямоежжая —
 А не конному, не пешому проходу нет,
 А и доброму молощцу проезду нет,
 А и серому волку прорыску нет,
 А и черному ворону пролету нет:
 10 А сидит Соловеюшко-розбойницк.¹
 А там срежалса удаленькой доброй молодець,
 А стары-де казак Илья Муромець.
 Он клал-де ведь заповедь великую:
 А проехать и дорогу прямохожую
 15 Меz заутреной-обедней воскресеньскою,
 А привезти Соловья в красен Киев-град —
 А не вымать из налучишша туга луку,
 Не вымать из кольцожин каленой стрелы.
 А он седлал-де, уздал себе коня доброго:
 20 Он накладывал уздеценьку тесмянную;
 Он накладывал седельшко черкальскоё;

- Он вязал-де подпруги да шолку белого,²
 А ишше белого шолку шамахиньского.
 А двенаццать подпруг да всё шелковыя,
 25 Он тринаццату подпругу — через хребетну кость:
 «А нам не ради басы, а ради крепости!
 А не оставил бы конь миня на чистом поли
 А и серьем волкам меня на потарзанье,
 А и черным-то вранам на пограенье!»
- 30 А только видели: молодець на коня скоцил,
 А не видели поезки молодецкое.
 Только видели: в поли курева стоит,
 Курева-де стоит, дак дым столбом валит.
 Выежжает-де старой на чисто полё,
 35 А он на то же на роздольцо широкоё.
 А под старым-то конь наубел весь бел,
 Грыва-хвос у его дак научерн-черна;
 А сидит-де старой на добром кони:
 А голова-де седа, да борода бела;
- 40 А будто скацет жемцюг да россыпаицсэ,
 А у старого волосинки переменяющсэ.
 А ишше едёт-де старой-от чистым полём.
 А не туця во поли подымаласе,
 А не облако из поля накаталосе —
- 45 Накрывало станицьницьков числа-сметы нет:
 А хотят старика они бить и грабити,
 А хотят старика они испохабити.³
 Говорыт же им старой-от седато⟨й⟩-ет:⁴
 «Уж вы ой еси, станицьницьки всё мелкие!
- 50 А ишше бить-то вам старого ноньце непошто,
 Да и взеть-то у старого вам нецего:
 Золотой казны с собою у мя не слыцылосе,
 И серебра у мя с собою не погодилосе —
 Только взято на чароцьку на винную,
- 55 А на винну на чароцьку а подорожную
 А не множокко, не мало — петьсот рублей!»
 Они стали приступать к ему пуше старого;
 А хотят старика они бить и грабити,
 А хотят старика они испохабити.
- 60 Говорыт же им старой-от седатой-от:
 «Уж вы ой еси, станицьницьки всё мелкия!
 Ишша есь у мя шубоцька соболья —
 Ишша черные соболей сибирьских;
 А потянута шубка хрусцятой камкой;

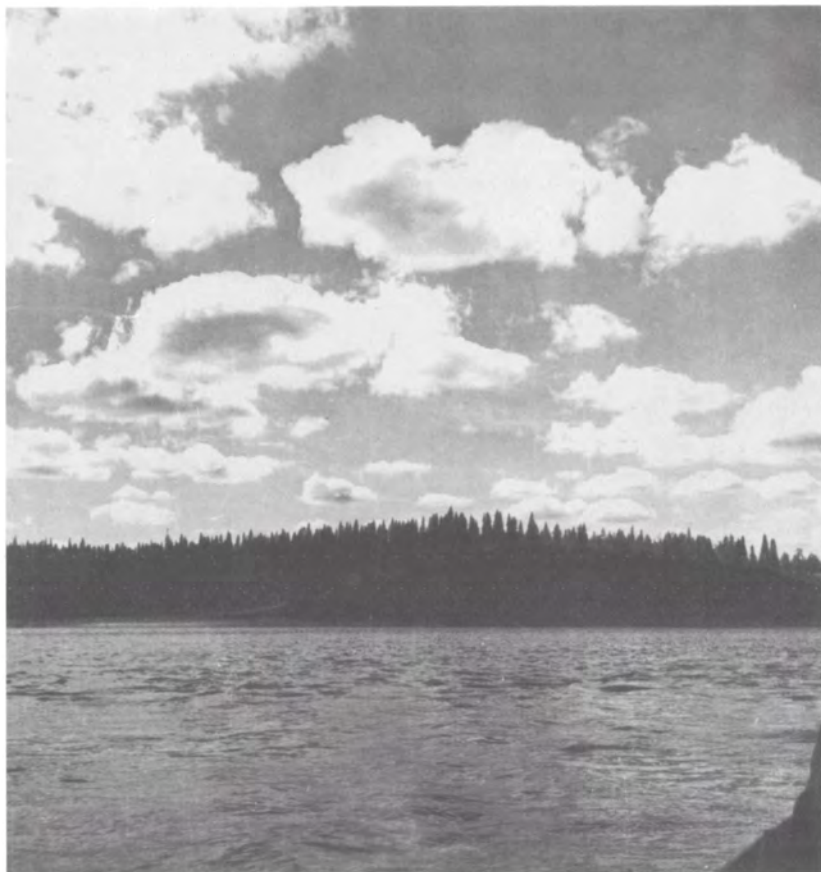
- 65 А у шубочки⁵ пугови вольячние —
 Кабы літы во льяк⁶ были красного золота,
 А выліваны соловьи, птицы садовыя;
 А у шубоцьки петёлки шелковыя —
 Ишше белого шолку шамахиньского.
- 70 А ишше стоит эта шубочка⁷ петьсот рублей:
 Подаренья Владимира стольняго киевского!
 А они стали приступать к ему пушше старого:
 А хотят старика они бить и грабити,
 А хотят старика они испохабити.
- 75 Говорит же им старой-от седатой-от:
 «Уж вы ой еси, станисьницьки все мелкия!
 А ишше бить-то вам ноньче непошто,
 А и взеть-то у старого вам нецего.
 Ишше есь у мя кольцожина каленых стрел;
- 80 Ишше кажная стрела стоит по пети рублей;
 А ишше трём я стрелам дак и ценбы не знаю —
 А было врезано каменьё самоцветное;
 А мне слуцицьсе-де ехать ночью в потемь,
 А кидают они лучи подзорные!»
- 85 Они стали приступать к старому пушше старого;
 А хотят же старика они бить и грабити,
 А хотят же старика они испохабити.
 А и первую заповедь старой розрушивал:
 Он вымал из налуцишша тугой лук,
- 90 А он тугой-де лук да все розрывцивой;
 Он вымал из кольцожин калену стрелу.
 Ишше стрелил-де старой-от во сырой дуб —
 А розлетелся сырой дуб во черенё же:
 Тут прибило станисьницьков цисла-сметы нет,
- 95 Цисла-сметушки нет, пересметушки.
 Кабы едет-де старой-от цистым полём,
 А доеждал же до лесов он до брянские —
 А заросла тут дорожецька прямохожая.
 А слезывал-де старой он со добра коня.
- 100 Он одной-то рукой коня ведёт,
 А другой-то рукой он и лес и рвёт,
 Он лес ведь рвёт и мосты мостит.
 А садилса старой он⁸ на добра коня,
 Доеждал до Соловья он вёрст как за дваццэтъ.
- 105 А услышал Соловеюшко-розбойницёк
 А он сильню поезку богатырьскую —
 А засвистел Соловей по-соловьиному,

27. Вид на реку Мезень.

28. Участники экспедиции 1928 г. на р. Мезень у д. Вожгора.

29. Река Мезень.

30. Лодки на р. Мезени. 1928 г.

31. Река Мезень у д. Белошчелье. 1958 г.

32. Мезенский пейзаж.

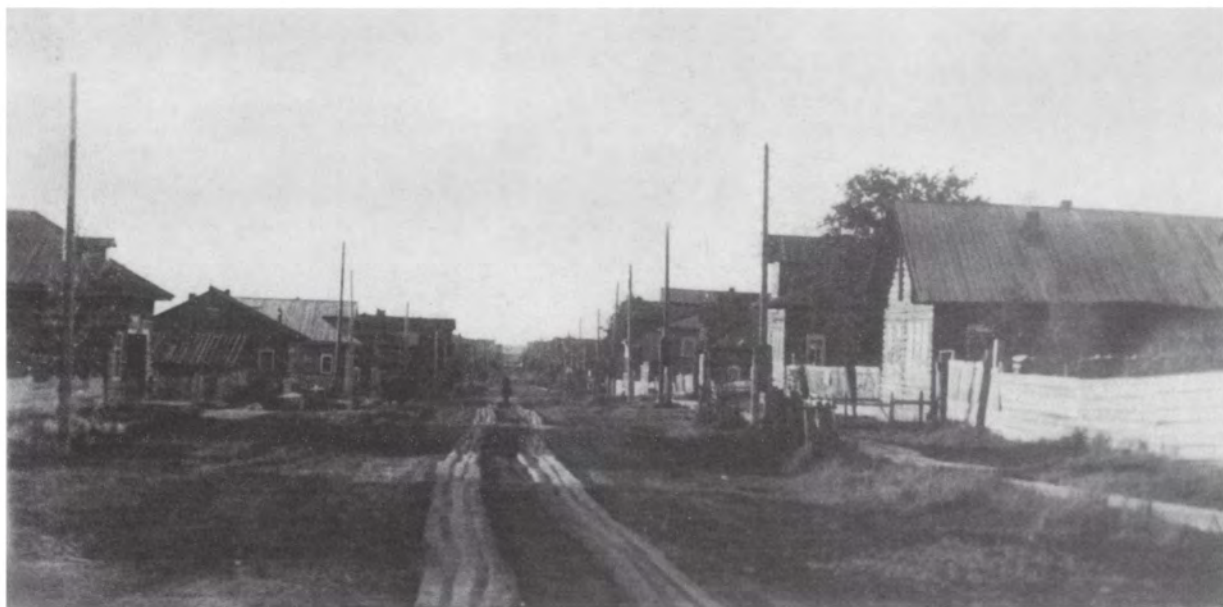
33. Река Мезень у д. Лебское. 1958 г.

34. Экспедиция на р. Вашке. 1958 г.

35. На Белом море. Н. П. Колпакова, А. П. Евгеньева. 1958 г.

36. Город Мезень. Главная улица. 1958 г.

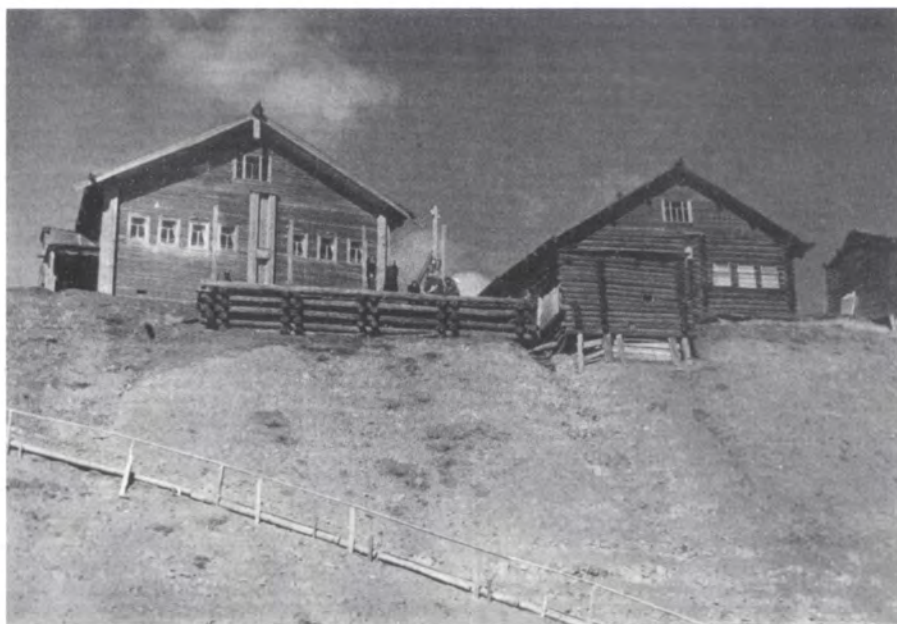
37. На берегу р. Мезени. 1958 г.

38. Оленьи упряжки на улице г. Мезени. 1958 г.

39. Д. Кузьмин Городок (Козьмогородское) на р. Мезени. Береговые откосы.

40. Д. Кузьмин Городок (Козьмогородское) на р. Мезени.

41. Экспедиция у д. Лампожня. 1958 г.

42. Д. Засулье на р. Мезени.

43. Д. Засулье на р. Мезени.

44. Д. Палошелье.

45. Д. Палошэлье. Дом К. Н. Новикова. 1928 г.

46. Амбары в д. Лебское.

47. Церковь в д. Юрома (не сохранилась). 1928 г.

48. Д. Кимжа. Заготовка полозьев для саней. 1958 г.

49. Церковный ансамбль д. Юрома.

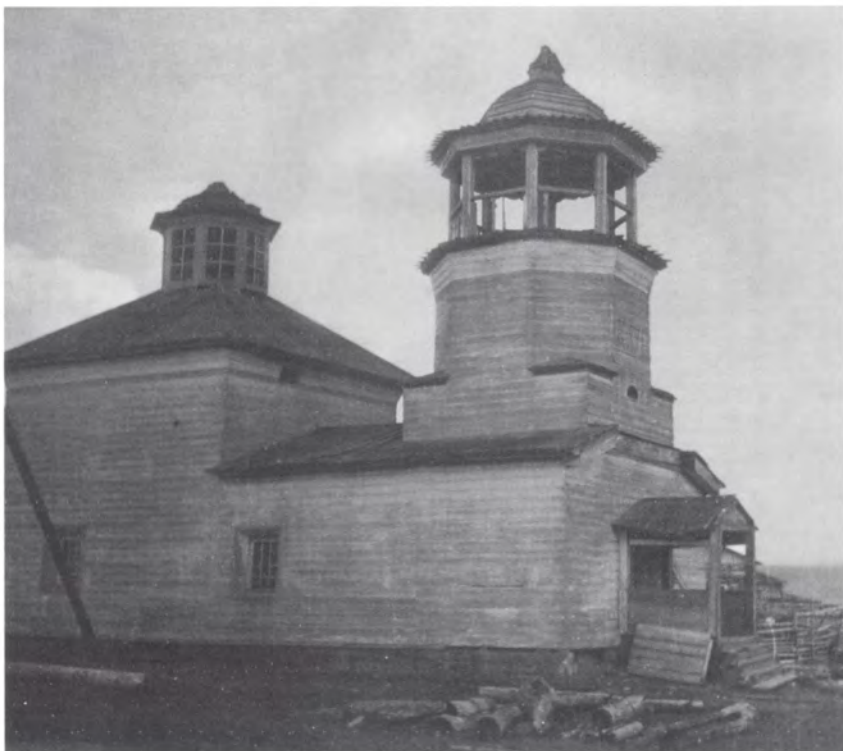
50. Церковь XVIII в. в д. Кимжа на р. Кимже.

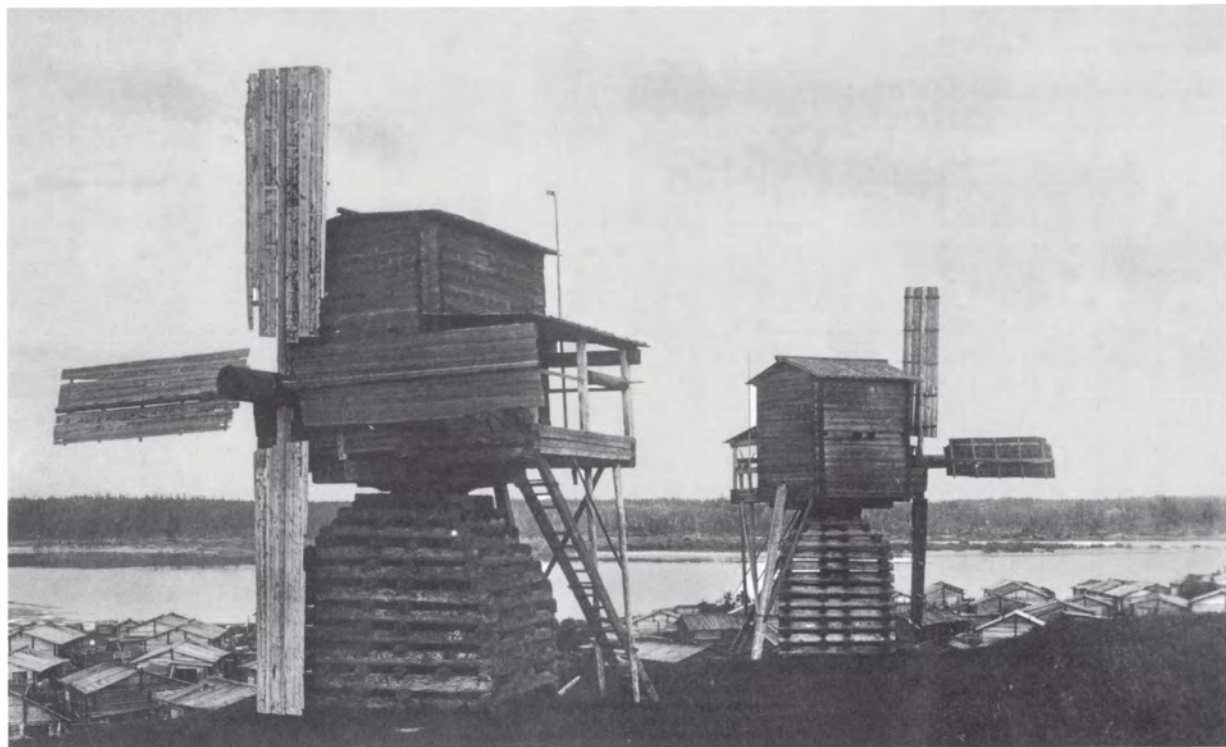
51. Вид с востока церкви XVIII в. в д. Кимжа на р. Кимже.

52. Вид с юга.

53. Церковь XIX в. в д. Белошелье.

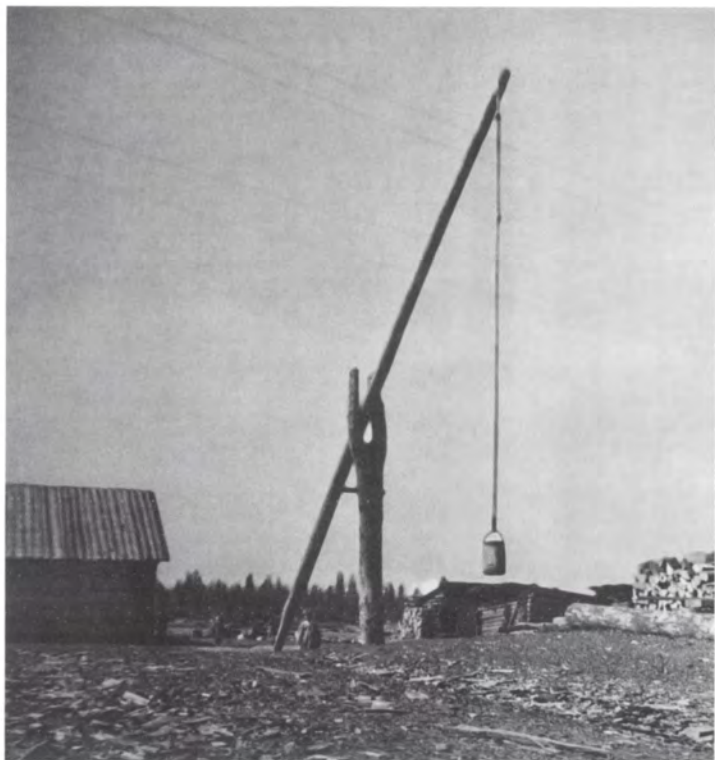
54. Д. Нисогоры на р. Мезени.

55. Д. Кысса. Амбар за деревней.

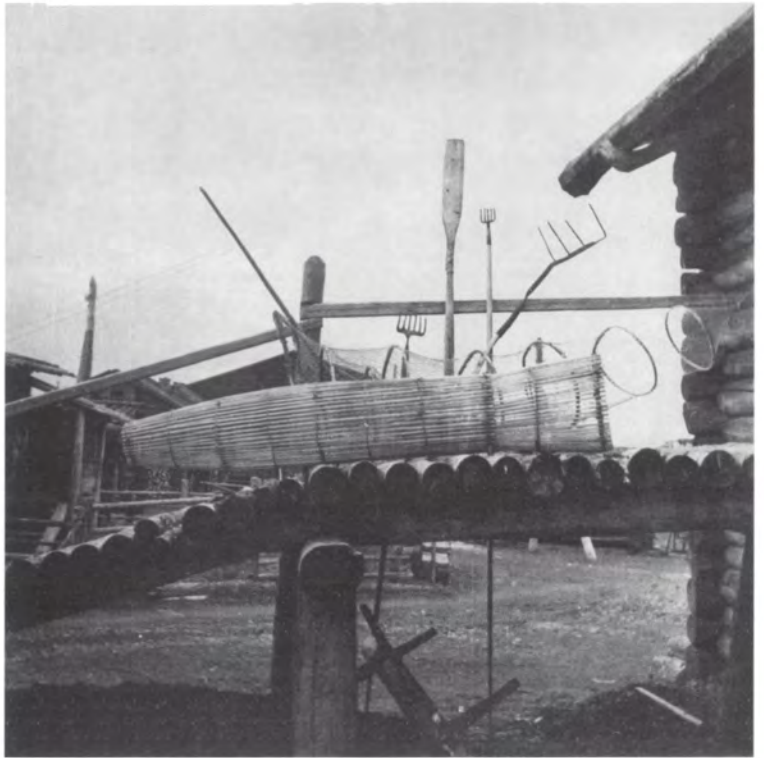
56. Д. Палошцелье. Амбар К. Н. Новикова.

57. Д. Палощелье. Колодец.

58. Д. Кысса. Крест за деревней.

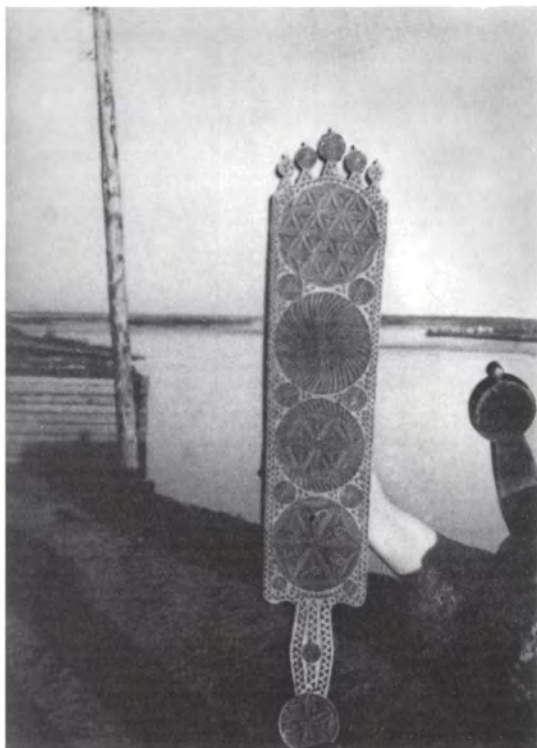
59. Д. Лебское. Рыболовные снасти.

60. Д. Лебское. Рыболовные снасти, деревянный плуг, лыжи, прялки, корбейки.

61. Д. Лебское. Прялки, коробейки, ковш.

62. Д. Кузьмин Городок (Козьмогородское).
Резная катальная палка. 1958 г.

63. Д. Лебское. Долбленная деревянная посуда и «шитые» из бересты туеса и короба.

64. Д. Олема. Резная деревянная солонница «гоголюха». 1958 г.

65. Д. Лебское. Расписная коробейка.

66. Д. Дорогая Гора (Дорогорское).
Ступа (калисфения). 1958 г.

67. Д. Олема. Коновальские значки. 1958 г.

68. Д. Юрома. Святой Георгий из юромской часовни
(резьба по дереву). 1927 г.

- Зашипел Соловейко по-змеинному,
Заревел Соловеюшко по-зверинному:⁹
- 110 А под старым конь пал ведь óкараць.
А ишше бьёт-де старой коня по крутым бедрам:
«Уж ты конь же мой, конь — да лошадь добрая!
Не слыхал ле ты свисту соловьиного?
Не слыхал ле ты рёву зверинаго?»
- 115 Не слыхал ле ты шипу змеинаго?..»
А под старым-то конь ведь стал на ноги.
А подъезжает стары казак Илью[я] Муромець
Ко тому же гнезду ко Соловьиному:
А на двенаццати дубах было на столётних
- 120 Да сидил Соловеюшко-розбойницёк.
А вымал-де старой из налучишша тугой лук,
А он тугой-де лук свой розрывцивой;
А он вымал из кольцюжин калену стрелу —
Он стрелил в Соловья ле да розбойника.
- 125 Он попал Соловью он во правой глаз —
Тут слетел Соловеюшко-розбойницёк,
Он слетел, Соловеюшко, как овсяной сноп.
Тут берёт стары казак Соловеюшка,
А согибает его он в борáньей рог,
- 130 А привешиват Соловья он ко стремяну —
А повёз Соловья он в красен Киев-град.
Он едёт дорогой прямохожою.
А доехал до дому до Соловьяго,¹⁰
А говорит Соловья его старшая доць:
- 135 «А евон едет батюшко,¹¹ молоцца везёт!»
А посмотрела да его меньшая доць:
«А не батюшко молоцца везет, молодець — батюшка!»
Тут скоцила жена Соловья-розбойника:
«Уж вы ой еси, детоцьки мои родимые!
- 140 А вы подите отмыкайте глубок подгреб,
Вы берите казны всё бещотное —
А выкупайте у молоцца своего батюшка,
А вы спрашивайте его и уговаривайте!»
А приежжаёт стары казак к его дому —
- 145 А тут стрещают Соловья дети родимые,
Неучтиво со старым поговаривают.
Ишше это-де старому не понравилось:
Он выхватывал сабельку вострую —
А пересек-перерубил Соловья породушку,
- 150 А не оставил Соловью он на семяна.

- А поехал стары казак в стольне Киѣв¹²-град
 Ко тому он ко князю ко Владимиру.
 Заежжаёт стары казак на широкой двор
 А становит коня ко красну крыльцу;
¹⁵⁵ А заходит стары казак на красно крыльцо:
 А ступешек до ступешка да изгибаицэ.
 А у князя-та Владимира идёт почесьён пир.
 А заходил стары казак в грьдню княженевскую:
 Он ступаёт во грьдню ногой правою,
¹⁶⁰ Он крест-от кладёт по-писаному,
 Он поклон-от ведёт по-учоному,
 Он на все на четыре кругом стороны,
 Он князю Владимиру низко кланеицэ,
 Он кнегинушки Опраксеи целом-де бьёт,
¹⁶⁵ Он целом-де бьёт да низко кланеицэ.
 А говорит тут Владимир стольне-киевской:
 «Уж ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!
 Ишше коёго города, ты коей земли?
 Ишше коего отца-матери?»
¹⁷⁰ Ишше как, молодець, тебя именём зовут?»
 Отвечаёт стары казак Илья Муромець:
 «Я из города, города из Мурома,
 Из того я села Карачарова.
 Я кресьянской сын, деревень[с]кой же;
¹⁷⁵ А Ильей и меня зовут да и Ивановицем!»
 А говорят князь стольней киевской:
 «А наливайте-ко чарочку¹³ зелена вина,
 Подавайте Ильи сыну Ивановичу!»
 Тут примаицэ старой за чару единой рукой,
¹⁸⁰ А выпиваёт он чарочку к едину духу.
 А наливали-де чарочку по второй-де раз,
 Подносили Ильи сыну Ивановичю —
 А выпивал-де Илья цяру к едину духу.
 А наливали-де цяроцьку по третьей раз,
¹⁸⁵ А подавали Ильи сыну Ивановичу —
 А выпивал Илья чарочку к едину духу.
 Ишше стал-де Илья ноньце навесели,
 Ишше стал же Илья поговаривать.
 А говорит князь Владимир таковы слова:
¹⁹⁰ «Уж ты ой еси, удаленькой доброй молодець!
 Ты которою дорогой ехал в красен Киев-град?»
 Отвечаёт Илья сын Ивановичь:
 «Уж я ехал дорожецькой прямохожою,

- Прямохожою дорожкой ехал, прямоежжое!»
- 195 А говорят ему Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Илья ты сын Ивановиць!
А ишша как же проехал Соловья-розбойника?»
Говорыт тут Илья сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
- 200 Я привёз Соловья к тебе в стольне Киев-град».
А говорят тут Добрынюшка Микитиць¹⁴ же,
Говорыт же Олешенька Поповиць-от:
«А в оцях же детинушка завираицэ —
А напилсэ детина зелена вина!
- 205 Ишше где ёму проехать дорога прямохожая,
Прямохожая дорожка, прямоежжая?
Залёгла эта дороженька ровно триццать лет!»
А говорит тут Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
- 210 Ишше ой еси, Олешенька Поповиць-от!
Вы подите посмотрите у добра коня,
Ишше есь ле¹⁵ Соловеюшко¹⁶-разбойницёк».
А ставает Добрынюшка на резвы ноги.
А пошли-де с Олешенькой Поповичем
- 215 А проверить молоцца деревеньскаго,
Доходили до коня Ильи Муромца:
А стоит его конь, Ильи Муромца,
А привязан Соловеюшко ко стремяну.
А пошли они во грьдню княжоневскую
- 220 А сказали князю Владимиру:
«Уж ты солнышко Владимир стольней киевской!
А ишше правда-де, верно, доброго молоцца:
И весит Соловеюшко-розбойницёк!»
А говорыт-то Владимир стольне-киевской:
- 225 «Уж ты ой еси, Илья сын Ивановиць!
Ты заставь Соловья петь по-соловьему,
А зашипеть ёму по-змеиному,
Да заревети ёму по-туриному!»
Тут пошли-де со князём на широкій двор;
- 230 А подходил стары казак ко добру коню,
А отвязал-отстёгнул он от стремена:
«А ишше ну-ко, Соловеюшко-розбойницёк!
А засвисти, Соловеюшко, ты полсвиста,
Зашипи, Соловеюшко, ты полшипа,
- 235 Зареви, Соловеюшко, ты полрева —
А ты потешь-ко-сь¹⁷ князя со боярами,

- Со могучима его со богатыреми!»
 А засвистел Соловеюшко во весь свист,
 А зашипел Соловеюшко во весь шип,
 240 А заревел Соловеюшко во весь рёв:
 А все князья-бояра с ног попадали,
 Ишше сильние-могучие богатыри —
 А на карацкях по двору они заползали,
 А едва князь Владимир он жив стоит,
 245 Он со той душой кнегиной он Опраксией.
 Он едва, князь Владимир, слово вымолвил:
 «А уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!»
 Ты уйми Соловеюшка-розбойника!»
 Ишша стал старой унимать Соловеюшка;
 250 А ишша этому Соловеюшко не веруёт,
 И поёт Соловеюшко громче прежняго.
 А на это же старой осержаицсэ:
 Он выхватывал в саду он столетьней дуб —
 Он брякнул Соловеюшка-розбойника.
 255 Ишше тут по Соловью славы поют,
 А славы-де поют да старину скажут.

№ 68а

♩ = 180–192 [M]

Из Ки - е - ва е - хать до Чер - ни - го - ва
 Ка - бы гри де - ве - но - ста бы - ло мер - ных верст,
 А кру - го - м(ы)-го до - рож - ка - ро - в(ы)-но де - веть сог.
 За - ле - га - ла до - рож - ка пря - мо - хо - жа - я,

Пря-мо - хо-жа-я до-рож - ка, пря - мо - еж - жа - я -
И не кон-но-му, не пе - шо - му п(ы)-ро - хо - ду нет...

№ 69

- А запала дорожецька прямоежжая
 Из то́го же из го́рода из К^иева
 До то́го же до го́рода Черни́гова,
 А запала дорожецька прямоежжая.
- ⁵ А во том же во Мурове,
 Во селе-то, селе да Карачарове
 А был же Илеюшка Муромець.
 А сидел где Илеюшка триццять лет,
 А как пень где сидел да край дорожецьки.
- ¹⁰ Да одне́жжа-однежжа¹ как в жаркой день
 А приходит под окошко где старой человек:
 «А стань-ко, стань, да доброй молодець, —
 Ты подай-ко, подай да мне напитисе!»
 Говорыл где Илеюшка Муромець:
- ¹⁵ «Не мо́гу я где встать дак и подвинуцьсе». —
 «А стань-ко ты, стань, дак доброй молодець!»
 И стал он ставать — дак понатужилсэ;
 А взял он где цяшецьку медную,
 Наливаёт где квасу холодного,
- ²⁰ А подаёт он где чашу квасу старому.
 А напилсэ старой, благодарствуёт:
 «А напоил ты меня квасом холодным;
 А на-ко ты, выпей из моей бутылоцьки!»
 А выпил Илеюшка из бутылоцьки;
- ²⁵ А силушки у Илеюшки втроё прыбыло:
 Стал он ходить, дак не шатаицьсе,
 Ище за углы он не запинаицьсе,
 А пнёт он о угол — да вот и угол прочь.
 А задумал где Илеюшка съездить во Черни́гово,
- ³⁰ А во тот же во славной во Ки́ев-гра́д
 А ко тому же ко князю да ко Владимиру.
 А шол Илеюшка на конюшин двор,

- Да седлал где, уздал да коничка доброго,
 А застегивал подпруг дак до двенаццати,
³⁵ А тринаццату подпружечку подстегивал
 Ц^рез ту же где степь дак лошадиную,
 А не ради басы, дак ради крепости —
 Не оставил щобы конь да во чистом поли.
 А брал он с собой дак уж тугой лук
⁴⁰ А тугой-от лук да со заналучьём,
 А каленья стрелочки со напольничком;
 А брал он-де шубочку соболью же
 (Дарёна была князём стольне-киевьским).
 А садилсэ на коня — дак думушку думает:
⁴⁵ «Я поеду дорожкой да прямоежжою
 А во те во леса-леса во Брямские».
- А не видели Илеюшкиной поездочки;
 Только видели, как Илеюшка в стремяна ступил,
 В стремя[на]-ти ступил — дак на коня скочил;
⁵⁰ Видят: во чистом поли курёва стоит,
 Курева-то стоит, дак дым столбом валит.
 А заехал в дорожечку в прямоежжюю.
 Как запала дорожка прямоежжая,
 А запала дорожка полтараста лет.
- ⁵⁵ А поехал Илеюшка леса дремучия
 Да во те леса-леса дак он во Брямские
 Да наехал на розбойничков на станицьничков.
 Да не вёшная вода дак розливаицьсе, —
 <О>не, разбой[ни]цьки, к Илеюшки подвигаюцьсе.
- ⁶⁰ А нацели Илеюшку подергивать,
 А нацели Илеюшку пощиньгивать.²
 «Уж вы ой еси, разбойнички-станицьнички!
 А взять-то у мян дак вам уж нечего:
 А цветно-де платьё да у мян не взято,
- ⁶⁵ Золотой-то казны у мян не случилосе;
 Только взят у мян дак един тугой лук,
 Да взята у мян дак шубочка соболья же —
 Подареньиця князя Владимиря!»
 Нечево же разбойнички не верили,
- ⁷⁰ А всё уж к Илеюшки подвигаюцьсе,
 Всё круг Илеюшки обсыпаюцьсе.
 А соскочил где Илеюшка со добра коня,
 Ухватил же тотарина за ноги —
 Нацял тотарином помахивать,
- ⁷⁵ Нацял тотарином похлапывать.

- Сам же к тотарыну прыговарыват:
 «Крепок тотарин — не сломицьсе,
 А жильё же крепко — не сорвицьсе!»
 А бьёт и казнит дак их до ёдного.
- 80 А тут же тотаришка испугалисе
 И низко доброму молочьцю поклонялисе:
 «Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
 Ты оставь нас хошь семеро на семена!»
 А бил где Илеюшка всех да едного:
- 85 «Не оставлю вас семеро на семена!»
 А садилсэ Илеюшка на добра коня —
 А прибил-де разбойницьков всех до едного.
 Да поехал-де Илеюшка по дорожечки прямоежкой
 И заехал во леса дак во дремучия,
- 90 Во те во леса да он во Брамские, —
 Наежджаёт на Соловья дак на розбойничка.
 (А свито гнездо дак на двенаццати дубах!)
 А слышил Соловеюшко-разбойничок,
 А какой-такой ведь едёт удалой доброй молодець;
- 95 И начал свистать дак он уж полсвиста.
 А этому Илеюшка не варовал.
 А надувалсэ Соловеюшко-разбойничок —
 А нацял свистать дак он во весь-от свис:
 А лисьё со древ дак всё посыпалось,
- 100 А в озери вода да колыбаицьсе.
 А Илеюшка к Соловью да прыдвигаицьсе,
 Да не можот же конь терпеть да свисту соловьиного;
 А бьёт же коня да по крутым ребрам:
 «Конь, ты мой конь, да травяной мешок!
- 105 Не слыхал разе крыку тотарьского,
 Не слыхал разе свисту да соловьиного?»
 А бежал-то, бежал его коничок бодрой же,
 А впал, шше стал да конь шше будто вкопаной.
 А снимаёт Илеюшка тугой лук,
- 110 Вынимаёт-де лук дак из-за налучья,
 А каленья стрелочки из напольничка —
 А накладыват тетивочку шелковую
 Да вкладыват стрелочку калёную.
 Направляет на Соловья дак на разбойничка,
- 115 А стрелил в Соловья дак во разбойницька —
 А попало Соловью дак ему в правой глаз,
 Да упал Соловей дак со своим гнездом,
 Да упал Соловей дак на сыру землю.

- А притиснул же конь да ко сырой земли;
 120 А скочил-де Илеюшка со добра коня,
 Хватил Соловья дак уж он за ноги,
 Хлопнул Соловья дак о сыру землю.
 А змолилсэ Соловей даг он разбойничок:
 «А оставь-ко, удалой да доброй молодець,
 125 Да оставь-ко, оставь да живого миня —
 А поедём ко мне да хлеба-соли кушати!»
 А садилсэ Илеюшка на добра коня,
 Приковал Соловья к седлу да ко черкаскому
 Да поехал по дорожечки прямоежджон.
 130 А завидял-де Илеюшка прибогатой двор.
 Есь у Соловья там-де две дочери;
 Есь у Соловья-де там два зятилка:
 Они сильни-могучие богатыри,
 А кони у их да были бодрья,
 135 А копыя у их да очунь долгия,
 А едут отнимат[ь] да Соловья-разбойничка
 Да убить-де, убить дак доброго молощца.
 Говорыл Соловеюшко-разбойничок:
 «Уж вы ой, зетья да мои милья!
 140 Не сердите удала да добра молощца:
 Поворотите коней вы своих бодрых-я
 Да зовите ёго да хлеба-соли кушати!»
 А вышли дочери, низко кланеюцьсе;
 А отворили варота щирокия,
 145 А поднесли подворотёнки цяжелья;
 А как поедёт удалой да доброй молодець —
 А спустили подворотни цяжэлые
 На того на удала да добра молощца.
 А завидял Илеюшка Муромець;
 150 А снимат он где тугой лук да со налучья,
 А каленую стрелочку да из напольничка,
 Да натягиват тетивочку шелковую,
 Да вкладыват стрелочку каленую,
 Направлят на подворотню цяжэлую
 155 Да стрелил в подворотёнку цяжэлую —
 Полетела подворотня цяжолая,
 А убила где две сёстры родимых-я.
 А те же зетья дак россержалисе,
 На Илеюшку туго да направлялисе.
 160 Говорил Соловей дак им разбойничок:
 «Не сердите удала да добра молощца;

- А кланейтесь да очунь низко же —
 Не оставит ли вас ище во живности?..»
 Направляёт стрелу дак он каленую
 165 На одного на сильнёго богатыря —
 Застрелил он сильнёго богатыря.
 А поехал где Илеюшка на стольне Ки[е]в-град,
 А не спущаёт Соловья дак он разбойничка.
 Приежджаёт Илеюшка в стольне Киев-град;
 170 Заежджаёт Илеюшка на боярской двор
 И с тем Соловьем дак со разбойничком,
 Привязал он коня да к золоту кольцю.
 А идёт же Илеюшка во светлу гриню
 Ко тому же ко князю да ко Владимиру,
 175 А крест-от ведёт дак по-писаному,
 А поклон-от ведёт дак по-учоному.
 Да кланялса удалой да доброй молодець
 А тому же ведь князю Владимиру,
 А той же кнегинушки Апраксеи.
 180 Говорыл ведь князь Владимир стольне-киевьской:
 «А приходи-тко ты, удалой да доброй молодець.
 А какогo оцца, какой ты матушки?
 А куда же ты идёшь, куда путь держишь?» —
 «Иэ того же я из города из Мурова,
 185 Иэ села-та, села да Карачарова;
 Уж я стар же казак дак Илья Муромец;
 А ище ехал я дорожецкой прямоежжою,
 А прыбил я розбойничков сто[а]нисьничков
 А прыбил я Соловья дак я разбойничка!»
 190 А бояра-ти все дак осмехнулисе:
 «Не напрасно ли хвасташь, дак доброй молодець?
 А заросла уж дорожка да прямоежджая,
 Заросла уж дорожка да полтараста лет!» —
 «А не верите, боярышка косопузые, —
 195 Привезен у мя Соловей да ведь разбойничок,
 А прикован разбойничок ко стремянам.
 А не хотите ли вы дак его видети?»
 А пошел же Илеюшка ко добру коню,
 Отомкнул-де разбойничка от стремянов
 200 Да повёл-де разбойничка во светлу гриню,
 А приказал ему засвистеть уж как полсвиста.
 И начал Соловеюшко надуватисе —
 Засвистел Соловеюшко во весь-от свис:
 Да боярышка — все они попадали,

- 205 А князь-от Владимир одва уж не оглох ведь тут.
 Россердилсе где стар казак Илья Муромец
 Да выхватил Соловья дак на широкой двор,
 А хлопнул Соловья дак о сыру землю —
 А убил Соловья дак он до смерти тут.
- 210 А перва поездка была Ильи Муромьча
 Из того же из города из Киева
 До того же до города Чернигова.

№ 69а

$\text{♩} = 104$

[Про-ле] - га - ла до - ро - жеч-ка пря-мо - еж - жа - я
 Из то - го же из го - ро-да из Ки - ё - ва
 До то - го же до го - ро-да Че-р(ы) - ли - го - ва.
 А жи-л(ы) где И - ле - юш - ка Му - ро - мець...

№ 70

- Ищѣ пѣрва-то поездка Илье Муромца.
 А срежаетси Илеюшка во Киѣв-град,
 А кладѣт он заповедь ведь великую,
 А велику кладѣт заповедь, тежолую:
- 5 «Ищо ехать мне, доброму молодцу, во Киѣв-град,
 Ищо ехать мне-ка, ехать — не кровавить рук!»
 Да кладѣт ведь он сабельку, прикаивѣт,
 Да прикаивѣт он сабельку — приговаривѣт;
 А кладѣт он копейцо да долгомерное,
- 10 Да кладѣт он копейцо — да приговаривѣт;
 Да кладѣт он ведь он палицу боѣвую,
 А кладѣт ведь он палицу — приговаривѣт:

[«Ехать мне, доброму молодцу, — не кровавить рук!»]¹

Поехал Илеюшка во Киев-град.

¹⁵ Он ведь выехал, Илеюшка, во чисто поле,

А вымал он ведь трубочку подзорную,

Он смотрел тут, гледел на все стороны.

Он смотрел-гледел под летную под осточную,²

Под летную под осточную³ стороночку —

²⁰ А стоял — от тут силушки цёрным-цёрно

Как под тем под городом Черниговом.⁴

Закипел в ём сердце да молодецкое,

Росходилась силушка богатырская,

Ищо оци-те ясны замутилисе,

²⁵ Как горюция слёзы да покаталисе.

Говорил он таковó слово:⁴

«Всяк кладёт заповедь — да не всяк исполняет!»⁴

Как отёрвал он сабельку он воиньску,

А отёрвал копейцо да долгомерное,

³⁰ Как отёрвал он палицу боевую —

Поскакал он, удалой да доброй молодець.

Уж как стал он по силушке поездивать:

Он куда он махнёт — тут улица,

А куда отвернёт — так с переулками.

³⁵ А ищё выбил он до единого!

А их тут было три царевича. Он и говорит: «Пойдите домой! У нас тут Света Русь не пуста стоит!»

Как приехал он к городу Чернигову —

Ищё встретили ёго мужики черниговцы,

⁴⁰ Выносят ему тут подарки:⁴

Ищё перва чаша — да злата-серебра,

А вторая-то чаша — да скатна жемчуга.

Ищо просят себе они да воеводою.

От воеводства отказался:

⁴⁵ «Ищё где же тут дорожка да премоеждя,

Премоеждя дорожецка, премохожая?»

Говорили они да таковó слово:

«Ты не издий той дорожкой ты премоеждеей,

Премоеждеей той дорожкой, премохожеей:

⁵⁰ А запала та дорожка прямо тридцет лет,

От того же от Соловьё от розбойника!

(Это быль, это былина. Были мужики у меня из тех местов, сказывали — всё это верно. Есть Киев-град, Брынские леса, и тут Соловьёва⁵ деревня.)

Есть ещо тут три заставушки:⁴

Ищо перва-то застава — речка Заостровоцка,

- А втора́-то заставушка — черны́ грезі,
 55 А ищо трéтья-то заставушка — темны́ леса́.
 А поехал он дорожкой да премоеждёю,
 А премоеждёю дороженькой, премохожею.
 Переехал он речку Заостровочку,
 А проехал он, удалой да доброй молодець,⁶
 60 А проехал он черны́⁵ греди и темны́⁵ леса.⁷
 Он и выехал, удалой доброй молодець,
 Он ведь выехал на чистó полё,
 Как вымал он ведь трубочку подзорную,
 Он смотрел тут, гделел на все стороны:
 65 Усмотрел-угледил во поле чернізинку.
 Он поехал тут прямо к Соловью на двор —
 Не допускает его Соловей да розбойницёк,
 Не допускает его ровно за тридцеть вёрст:⁴
 Заревел тут зверь-то по-звериному,
 70 Зашипел тут Змей-то по-змеиному,
 Ищо всякима разнымя голосóчками —
 У Илеюшки кóнницок на коленци пал!
 Он ведь бил тут коня́ по круты́м ребра́м,
 Он ведь бил тут коня́ да приговаривал:
 75 «Уж ты го́й еси, конь — да травяной мешок!
 Не слышал ле ты крику да бо́гатырьского,
 Не слышал ле ты ре́ву тут звериного?»
 Тогда подъехал он к самому дереву.
 (Это всё в книжке есть. У нас картинка была, он с луком был...)
 Он приехал поближе да к самому дереву.
 (А он тут ревьёт, всю силу употребляет!)
 80 Как берёт тут Илеюшко да калену́ стрелу́,
 Натегает как Илеюшко да ту́гой лук,
 Как спускаёт тут Илеюшко да калену́ стрелу́.
 Полетела у Илеюшки каленá стрелá —
 Как попал Соловью тут во пра́вой глаз,
 85 Повалилса Соловьюшка, как овсяной сно́п.
 (С дерева свалилса!)
 Привезал он Соловья да за стремена,
 (Не убил: привезал его!)
 Как повёз он его прямо во Киёв-град.
 (Ко князю Владимиру.)
 Ищо стал он тут его упрашивать,
 Ищо стал он тут его умаливать:
 90 «Как поедём ко мне да на широкой двор,
 Ищё я тебя, Илеюшку, употчую!»

- (Велит спустить его живым, он согласился и поехал на широкой двор.)
 У его была подворотня с зазубринами.⁴
 С балхона смотрели его дочери.⁴
 Как увидели — едет ихний батюшка:
 95 «Ищо едет наш батюшко с добычею!»
 А втора-то говорит:
 «А не наш то, верно, едет батюшка —
 Ищо едет удалой доброй молодець
 И везет нашего батюшка!»⁴
 100 Побежала встречать,⁴
 Подымала подворотенку тяжелой.
 Как приехал тут Илеюшка близким-близка,⁵
 Как увидел тут Илеюшка изменушку⁸ —
 Как выхватывал копейцо долгомерное,
 105 Как ударил он её да тупым концом
 (Он её вострым не хот[ел ударить]):⁹
 Как убил тут Илеюшка до смертей.
 Поворачивал коня прямо во Киев-град.
 Как поехал Илеюшка во Киев-град,
 Ко тому же ко князю ко Владимиру.
 110 Как приехал Илеюшка ле да во Киев-град —
 Заводилосе пированье-столovanje,⁵
 Столованье⁵-то, пированье — да почестен пир.
 Ише все на пиру да напивалисе,
 Ище все на чесном гости наедалисе,
 115 Ище все на пиру гости стали веселы,
 Ище все стали гости да стали хвастаться —
 А нечем⁵ тут Илеюшке ле да похвастати!
 Говорил он тут, Илеюшка, таково слово:
 «Ищо ехал я сюда ноньце во Киев-град,
 120 Ищо ехал я дороженькой премождёю,
 Премождёю дороженькой, премохожею!»
 Говорили тут мужики таково слово:
 «Ты не верь-ко-се, не верь, да Владимир-князь!
 Во речах тут детинушка забираетци!» —
 («Врёт!» — говорят.)
 125 «Ох ты гой еси, красно солнышко да Владимир-князь!
 Есле надо — привез вам Соловья на широкой двор».
 Ищо стали они срезаться да скорым-наскоро
 Посмотреть тут Соловья да нонь розбойницьяка.
 Как берёт тут Илеюшко да князя Владимира,
 130 Как Владимира-князя да со кнегинею:
 А берёт он ведь князя да под праву полу

- И кнегинюшку берёт да под леву́ полу́.
 Как выходят они да на широкой двор.
 Говорит тут Владимир-князь да таковó словó:
 135 «Уж ты гой еси, Соловьёшко¹⁰ Рахматовиц!
 Засвищи-ко нам, Соловей, по-соловьёному:
 Как утешь-ко моих нынче богатырей!»
 Говорил Соловьёшко таковó словó:
 «Не у вас я живу нонеце — не вас слушаю!»
 (Ишь, отв[етил как!])⁹
- 140 Говорил тут князь Илью́ Муромчу:
 «Как потешь-ко нас — князя Владимира!»
 Говорил тут Илеюшко таковó словó:
 «Засвищи-ко, Соловьёшко, только мóтри — в пóлсвиста!»⁵
 (Не велит-то во ве[сь свист!])⁹
 Засвистал тут Соловьёшко да Рахматович,
 145 Засвистал он, Соловьёшко, во весь свой свиск.
 Говорил тут Соловей да таковó словó:
 «Как убью я Илья ноньце Муромца!»
 (А у него шапка была на голове.)
 Все богатыри тут да испугалиси —
 На карацках по двору́ да напоззалиси,
 150 А ищо сам-то князь нонече чуть жив стоит
 Со своей кнегинею Апраксеей.
 Говорил-то он тут таковó словó:
 «Уж ты гой еси, Илеюшко сын Иванович!
 Как уйми-ко Соловьё ноньце разбойницька:
 (Кончить не дал-то ему.)
 155 Уж нам эта шутоцка ни надомна!»
 Выходил тут Илеюшко на широкой двор,
 Как заскакивал Илеюшко на добра́ коня́,
 Вывозил тут Илеюшко его во чисто́ полё.

Отвязал от стремени и подбрасыв(ал)¹¹ выше лесу стоячего. Он пал совсем полумёртвый. Он
 160 схватил его и розорвал. Воротилса он в Киев-град и стал служить князю Владимиру верой-правдою.

№ 71

В городе Муроме, селе Карачарове был-жил Илья Муромец. Сидел Илья Муромец тридцать лет: не мог он ходить, у его ноги было — ровно верёвки легались. В одно время пришли три старця и просят у его напиться. «Рад был бы вам подать, старци, напиться — да у меня ножецки не служат!» — «А ну-ко встань да попробуй!»

⁵ Он встал и пошел во глубок погрёб. Налил он братёню пива. Они взяли и говорят: «Ну-ко выпей-ко сам наперёд!» Хорошо, он выпил. «Ну, что ты чувствуешь?» — «А у меня появилась нынче силушка!» — «Ну-ко пойдй налея́ другу пива пьяного нам выпить!»

Он опять вынес им братыню. «Ну-ко выпей ещё ты сам!» Он выпил. «Што ты теперь, Илья Муромец, чувствуешь?» — «Чувствую я силу агромадную! — говорит. — Если закопан был в сырú землё столб — повернул я сырú землё вверх дном!» — «Ну-ко пойдй налей ещё третью братыню!»

— «Ну-ко, выпей ещо сам, Илья Муромец!»

— «Только чувствую я теперь: у меня убyla силушка наполовинушку». — «Ну довольно тебе, Илья Муромец, этой силушки! А тебе во чистом поле смерть не писана».

Хорошо. А была у его у отца-родителя созвана помочь: чистить чащенину. И побежал Илья Муромец ко своему родителю на помочь. И почал он рвать и ломать тёмный лес. Отец удивился своему сыну.

(Вот я тут забыл, как достал коня доброго и сбрую богатырскую.)

Он седлал да коня доброго,
И простилса он да с отцём, с матушкой;
20 И скакал он на добра коня.
И поехал Илья Муромец в путь, да во дорожечку,
И приехал он в деревню да во Черниговку.
Он и спрашивает дорожку да прेमоезжую.
«Ох ты го́й еси, удамый да добрый молодец!»
25 Залегла та дорожечка уже тридцеть лет!
Как по той-то дорожечке есть три заставушки:
Перва-то застава — да лёсы тёмныи,
А вторая-то заставушка — да грёзи чорныи,
А третья-то заставушка есь Соловей да розбойничок.
30 Он сидит-то нонь да на двенадцеть дубов:
Не пропуска́т он ни конного, ни пешего —
Убива́т он своим громким голосом!»
Скакал тут Илья Муромец опять на добра коня,
И приехал он да к лесу тёмному.
35 Слезывал Илеюшко со добра коня.
Он одной рукой да нонь коня ведёт,
А другой рукой он ве́дь лес ломат,
Он ве́дь лес ломат, да он мосты мостит.
Он проехал ноньче Илья Муромец да две заставушки,
40 Он выехал, да Илья Муромец, на луга да на зелёные,
Увидал Илья Муромец двенадцеть дубов.
На дубу-то сидит Соловей он розбойничок.
Засвистал Соловей да по-соловьёному,
Заревел Соловей да по-зверёному,
45 Замызгал собака да по-собачьему,
Зашипел Соловей да по-змеёному —
А под Ильёй Муромцем конь да на коленца пал
От того-то от рёву от соловьиного...
И бьёт Илья Муромец коня да по крутым ребра́м:

- 50 «Ох ты конь-то, конь — да травеной мешок!
 Не слышал ты, конь, свисту да соловьиного,
 Али рёву ты, конь, да звериного?»
 Вынимает Илья Муромец да ле¹ тугой лук
 И вынимает из кольчана да калену стрелу,
- 55 И спускает он калену стрелу да в Соловья-разбойника.
 И впилась та стрела ему да в правой глаз —
 И пал Соловей, да как овсяной сноп!
 Он свезал Соловья да разбойника
 И привезал его к седельшку черкаському,
- 60 И поехал Илья Муромец опять в путь да дорожку.
 А надо ехать мимо Соловьиного да высока терема.
 А у Соловья-то было да две дочери.
 Кинулись эти дочери отымать отца.
 Говорит тут Соловей дочерям: «Дети милые!
- 65 Когда я не мог состоять с этим удалым добрым молодцем —
 Вам подавну не состоять!
 Вы просите лучше его да во высок терем,
 Вы угостите его, чем вы можете!»
 И стали просить они Илью Муромца во высок терем.
- 70 А они вздумали да Ильюшку изловить его.
 У них поднета была подворотня со зазубрами,
 Она не лёгка, не мала — восемьсот пудов:
 Хотели они Илью Муромца прижать подворотнею.
 Увидел Илья Муромец эту ловушечку —
- 75 И ударил он коня да по крутым бедром,
 И поехал Илья Муромец он да во Киев-град
 Да к тому же ко князю да ко Владимиру.
 Он приехал, Илья Муромец, да во Киев-град,
 К тому же да ко князю ко Владимиру.
- 80 И зашел Илеюшко во гридюшки во светлые.
 А у князя Владимира было пированье-столованье
 Для всех-то кнезей, для всех боберов
 И для сильных-могучих богатырей.
 Он зашел да во гридюшки во светлые,
- 85 Он ведь крест-то кладёт по-писаному,
 А поклон-от ведёт по-учёному,
 Он ведь кланяется да на все стороны,
 А князю Владимиру с кнегиней Апраксеей — на особицу:
 «Уж ты здравствуй, красно солнышко Владимир-князь!
- 90 Уж вы здравствуйте, князя да все бобера,
 Уж вы сильные-могучие богатыри!»
 Распроговорил красно солнышко Владимир-князь:

- «Я не знаю тебе ни имени, ни вотчины,
И не знаю тебя да отечества!
- ⁹⁵ Ты какой земли, какого городу?» —
«Уж я города ноньче да Мурома,
А села-то я да Карачарова.
А зовут меня Илеюшко, да Илья Муромец
Да сын Иванович!» —
- ¹⁰⁰ «Ты покуда ехал, покуда путь держал?» —
«Уж я ехал дорожкой да премеждею!»
Говорят все сильнии-могучие богатыри:
«Ох ты гой еси, красно солнышко Владимир-князь!
Во очах-то детинка да завираетце!
- ¹⁰⁵ Уж где ему проехать дорожка-то премеждея!
Залегла та ведь дорожецка тридцеть лет
От того-то Соловья нонь да разбойника!» —
«Ох ты гой еси, красно солнышко Владимир-князь!
Если вы не верите мне, то пойдете:
- ¹¹⁰ Я привёз разбойника на двор к себе!»
И пошли все кнэзья-бóеры на ширóкой двор,
Уж все сильнии-могучии богатыри
И красно солнышко Владимир с кнегиней со Апраксею.
Они вышли все да на широкой двор,
- ¹¹⁵ Он ведь князя-то взял под праву́ руку,
А кнегину-то взял под леву́ руку,
И приказал он разбойнику засвистать ему в полсвиста,
И зареветь² Соловью нынче в полревá,
И замызгать собаке в половина мызгá.
- ¹²⁰ Тому-де Соловёй да не поверил же:
Засвистал Соловёй да во весь нынче свист,
Заревел Соловёй да во весь-то рёв!
Все кнэзья-бóеры да испугалисе,
На карачках по двору́ да напóлзáлисе.
- ¹²⁵ А Илья Муромец³ с кнегиной да Опраксеей
Едва живы́ стоят.
(Он их под руки поддерживал.)
Говорит-то красно солнышко Владимир-князь:
«Ох ты гой еси, да удалой доброй молодец,
Ох ты гой, Илья, да Илья Муромец
- ¹³⁰ Да сын Иванович!
Ищё эта нам шуточка не надобна:
Ты уйми Соловья ноньче разбойника!»
Он хватил Соловья да за резвы́ ногы,
И вы́знул он выше своей да буйной гóловы,

- ¹³⁵ И ударил он его да о горяч камень —
 И росшиб он его, Соловья, да в крошечки!
 И взял красно солнышко Владимир-князь
 Илью Муромца да за белы руки
 И ввел его в гриднюшки во светлыи,
¹⁴⁰ И посадил он Илеюшко ещо выше всех,
 И стал он Илеюшко нонь потчевать.
 Принесли Илеюшке чару да зеленá винá:
 И не малу, не велику — да полтора ведра.
 И берёт-то Илеюшко еднóй рукóй —
¹⁴⁵ И выпивает Илеюшко на еднóй дух.
 Поднесли Илеюшке мёду сладкого тóрий рог.
 Берёт Илеюшко еднóй рукой —
 Выпивает Илеюшко да ко еднóму духу.
 Говорит-то красно солнышко да таково́ слово:
¹⁵⁰ «Вот тебе, Илеюшко, я дам честь и славушку —
 Над кнезями ты будешь ещо выше всех.
 Над богатырями-то ты будешь да ещо выше всех!»
 Вставал тут Илеюшко да на резвы́ ногй,
 И кланялся Илеюшко до пёса.
¹⁵⁵ Про Илеюшку эта славушка да всё окончилась!

№ 72

- Ещё ехал Илеюшка¹ из Цернигова,
 Ах, ещё тою дорожкой премоезжею:
 Заросла была дорожка ровно тридцеть лет,
 Ах, ещё не было проезду молодецького,
⁵ Ещё не было пролёту соколиного.
 Как поехал Илеюшка из Цернигова,
 Он поехал, Илеюшка, от заутрени,²
 Да пришлось Илеюшке повстрётить же:
 Как С'ловьюшка¹ сидит на девети дубах.
¹⁰ Он подъехал, Илеюшка, ровно за семь вёрст.
 Он свиснул, Солóвьюшка, ровно в полсвиста —
 Как упал у Илеюшки на колёнцй конь!
 Тогда хлóпнул Илеюшка добра коня,
 Он и хлóпнул его по круты́м ребра́м:
¹⁵ «Уж ты конь, мой конь — травяной мешок!
 Уж ты сам с собой похваляишьси,
 Уж ты мной ли, конь, подпираешьси.
 Неужели ты,³ конь, не слыхал того,

- Да того ли, конь, пёрдыма бабьего?»
- 20 Ах, то́гда же Илеюшка брал ту́гой лук,
Он накладывал, Илеюшка, калену́ стрелу́,
Ещё той же стрелы́ приговаривал:
«Ты лети́-ко, лети́ да каленá стрела,
Ещё прямо лети да Соловьёшку,
- 25 Да Соловьёшку лети́ прямо в пра́вый глаз,⁴
Да лети́-ко-се, стрела, прямо в пра́вый глаз!»
Тут свалилса С'ловьюшка с девети дубов.
Как насакивал Илеюшка на Соловьёшка,
Тут брал С'ловьюшка Илеюшко,
- 30 Он прикаивал, Илеюшко, к седёлушку,
Уж к тому седлу ко черкасьскому.
И засакивал Илеюшка на добра́ коня,
И поехал Илеюшка ровно в Киёв-град.
Ах, он приехал, Илеюшка, в стольный Киёв-град,
- 35 Он приехал к обедни воскресеньскую.
Он заходит во церковь, да во Божью́ церко́вь,
Богу молитса Илеюшко по-учёному,
Ещё крест кладёт по-писа́ному.
Да подходит к Илеюшку Владимир-князь,
- 40 Да говорит князь таково́ словó:
«Уж ты здравствуй, доброй молодец!
Ты коёй земли, коёй ро́дины,
Ты коёго отца, коёй матери?» —
«Ах как не умной, князь ты Владимёр же!
- 45 Теперь не то поют, не то слушают:
Как поют теперь обедню воскресеньскую,
Как слушают пеньё церковное!»⁵
То́гда отошел князь от Илеюшки.⁶
Ко́гда отошла обедня воскресеньская,⁷
- 50 Тут пришол князь к Илеюшке:
«Ну, пойдём, гость, ко мне пообедати!»
И пошли же они из Божьёй церкв́и
Как ко князю Владимиру пообедати.
А подходят уже⁸ ко дому княжеску —
- 55 Говорит ле Илья да таково́ словó:
«Уж и ты князь, князь Владимир ле!
Как куда же мне веза́ть добра́ коня?» —
«Ты вежи́-ко, гость, ко сто́лбышку,
Ко сто́лбышку, ко точёному,
- 60 Ко колéчушку ты вежи ко золочёному!»
Да заходят же ведь гости во гринюшку,

- Все бога́тыри сидят за столом давнó.
 Они все же сидят да по редóцику,
 По редóцику сидят, да по заслуги же:
 65 Уж старóй-то сидит во своём месте,
 А ещё млáдшой сидит всех пониже ведь.
 А садилса Илеюшка на суты́чки же.⁹
 Ах, и ещё шол князь в тёмны по́греба,
 Тут и брал князь бра́тыню медную,
 70 В котору входило, бра́тыню, полтора ведра,⁶
 А не много, не мало — да полтора ведра.
 Он и нёс эту братыню к гостю же —
 Ах, выпивал Илеюшка на еди́ный дух.¹⁰
- Он и за второй братыней побежал, князь Владимир, —
 75 Ах, выпивал Илеюшка вторú ведь он.
 Пошол ведь князь за трéтей же,
 Он приносит бра́тыню третью же —
 Он выпил половину третьей братыни.⁶
 А как подсел князь близ к Илеюшки:
 80 «Ты откуда ле, удалый добрый молодец?⁷
 Ты коёй земли, коёй матери?»
 То́гда сказывать стал Илеюшка таково́ слово:
 «Я из того из города из Муroma,
 Из того же села Карачарова». —
 85 «Ах, ты куда же едёшь, куда путь держишь?»¹¹ —
 «Ах, ещё еду, еду в стольней Киев-град,
 Постоётъ я еду за Киёв же,
 Послужить я еду Божьей церкви тут,
 [Постоять за веру православную»]¹² —
 90 «А какой же ехал ты ноньче дорожецькой?» —
 «Уж я ехал дорожкой премоезжую:
 Заросла дорожка ровно тридцать лет,
 А ещё не было проезду молодецкого.
 Я проехал из Чернигова от заутрени,¹³
 95 Я проехал в Киёв-град да как к обедёнки».
 (Кругом-то надо ехать было три месеца.)
 Они тогда и засмеялись все:⁶
 «От того ле вина ты нажогалса¹⁴ —
 Ещё стал ты хвастать да захвастывати!» —
 «Ах, вы пойдёте, товарищи, на красно́ крыльце!
 100 Я привёз Соловьёшко нонь,¹⁵
 Он прикован у меня у седёлушка!»
 (Они не верят тут!)
 А они стали ведь да ещё вон пошли,

Тут князь с имá ведь — Владимир же,
 Ещё вышла тут Опракся Васильевна.
 105 А подходил же Илеюшка к добру коню
 И приказывал Соловеюшку:
 «Уж ты свисни, Соловеюшка,¹⁶ ровно полсвиста!»
 А засвистел Соловеюшка¹⁶ ровно полсвиста —
 Ещё старые строеньичка посыпались,
 110 Все богатыри с крыльця свалилисе.
 Ухватил Илеюшка князя под пазуху,
 Ещё князя под пазуху под правую,
 Кнегиню-то взял всё под левую.
 Надувалса С'ловьюшко ведь в пóлон дух,
 115 [Засвистел Соловьёшко]¹⁷ во весь ведь свист.
 Ах, просил же князь Владимёр Илеюшку:¹⁸
 «Ты уймй-ко-се, гость, таковá гостя!»¹⁹
 А Соловьёшко надувается в пóлон дух.⁶

Потом Илеюшка взял свой меч-сашку и срубил Соловьё голову. Тем и окончилось. (Более всё.)²⁰

№ 73

В селе Карачарове жил-был Иван Тимофеевич. Был у его сын Илья, и сидел он без ног тридцать лет. И вот однажды во время пошел он, Иван Тимофеевич, на сенокос со своей хозяйкой. Илья остался дома, лежал на кровати. В это время пришли две калики перехожие под окно к ему и колотятся в окно. Просят его милостыню подать. Он и говорит: «Рад бы подать — да не могу: ног нет!»⁵ Потом они заходят к ему в комнату и говорят: «Довольно тебе, Ильюша, нежиться! Вставай, протягивай,¹ говорят, одну ногу!»

И он протянул, потом вторую протянул. И вот он стал на рёзвы ноги! Побежал он в глубокий² погреб, налил там чару пива хмельного³ и подносит каликам. Они оборачивают ему, говорят: «Ильюша, сам выпей!» Он выпил сам эту чару, побежал за другой, притащил вторую чару¹⁰ в полтора ведра и подносит. Они опять отворачивают ему. Вот он и выпил. И спросили: «Как себя чувствуешь, много ли силушки имеешь?» И вот он говорит: «Было бы нёбо и золотое кольцо в столбе — я бы поверотил нёбо к земле!»

И тогда калики подумали, что силы много Ильюше дали. «Ну, — говорят, — иди и опять принеси пива хмельного». Он взял братыню и опять принёс им. Они опять поворачивают ему, говорят:⁴ «Выпей!» Он выпил. «Ну как, чувствуешь в себе силу?» — «А силы у меня в половине убыло». «Ну, — говорят калики, — тебе этой силы довольно: больше тебе смерть в поле не писана!»

Эти калики перехожие потерялись в это время. Тогда он вышел на улицу. Был у них холм крутой, он его спихнул и засыпал всю муравку землёй. Силушку свою испробовал. Потом отец с мамашей приходит домой и видят: Ильюша ходит на своих резвых ногах; и они удивились. Вот он¹⁰ рассказал: так и так, как было дело. Ну, он чувствует себя богатырём. Нужна его богатырская

сбруя. Купил он у одного мужичка шелудивого жеребенка. (*Старцы ему сказали про него — я давеча забыл вам сказать, — что «там-то купи!»*)

25 Вот этого жеребенка пустил в поле, до трёх зарях выкатал, выкормил — он кормил его белоёровым зерном. Потом богатырскую сбрую себе приобрел, что полагаютца: меч-кладенец, шашку, стрелы, палицу боевую в сорок пуд, лук. Задумал он ехать в Россию, в стольне⁵ Киев-град к солнышку князю Владимиру.

И вот он снарядился. Отец с матерью благословение дали, и он поехал. И поехал он тем путём — по той дороге никто не проезжал тридцать лет, все сгнили мосты. И на той дороге жил Соловей Рахматович, не допускал никого, духом отшибал. Идёт он по дороге, едет, одной рукой мосты стелет, другой коня ведёт по болотам. Услыхал тут Соловей Рахматович за тридцать вёрст богатырский топот. Зашипел по-змеиному, засвистел по-соловьиному, ряхнул по-куриному. У Ильи конь на колени пал. Тогда Илья сказал: «Уж ты конь, мой конь — травяной мешок! Не слышал ты свиста соловьиного, крика звериного?» Садился Илья на коня, вынимал стрелочку ка-
35 лёную, приговаривал: «Лети, моя стрела, не спрашивая, лети прямо Соловью в правый глаз — который Соловей сидит на двенадцати дубах».

40 Сам в это время, как взвыла стрела, пролетела, — он припустил. Попала стрела к Соловью в правый глаз — он пал с двенадцати дубов. Подъезжал он, схватил за волосы, кольцо продел в губы, приковал к седлу. И поехал по дороге дальше, а он тащит дальше по дороге. Подъезжает он к еговому дому. Вокруг дома — ограда, на каждом столбушке по головы сидят. Увидала его жена. Восходит солнце красное. Видит: богатырь тащит мужа. Побежала она к своим детям: «Вставайте, вашего папашу богатырь везёт! Берите подарочки, выкупайте его!»

45 Дети не верят. А он подъезжает к ограды. Ничего она не могла добиться. Выбежала навстречу, встала в подворотню. Он подъехал, привязал коня к столбу и пошел к ей в комнаты. Выбежала его встречать, жалует, в гости пригласила, подарочки вынесла на золотом блюде: хозяйина выручить стремитца. Он идёт за ей, в коридор, а там была подворотня. Он в эту подворотню сунул палицу — подворотня хлопнула. Она махнула шашкой по головы, а он увернул! Он сейчас ее тут схватил, розорвал, по чисту полю розбросал, детей убил, дом зажог, — дальше поехал, а Соловья с собой повёз.

50 Едет он дальше, подъезжает к городу Чернигову. Кругом города Данило Белый, войско стоит — никак не подъедешь к ему. Он это, значит, войско чисто всё прогнал: кого убил, Данило Белый на уход ушел. Черниговские идут встречать, ворота открыли. Черниговский царь оставяля его здесь, но он не оставался: «Я не служака вам! А поеду дальше в Россию».

55 Подъезжает он к городу Киеву. Прямо коня пришпорил, через стеньку городовую махнул. Привезал коня к кольцу на заставе богатырской. Заходит он в палаты белокаменны⁷ князя Владимира. Крест кладёт по-писаному, поклон ведёт по-учёному, княгине [кланяетца]⁶ во особину. В это время у князя Владимира вёлся бал (*балы у него всё тогда были*). Посадил его за столы. Видит, что человек не простой приехал. Подносит, заставляет ему налить чару пива хмельного в полтора ведра. Выпивает он за единый дух. Стал князь Владимир спрашивать: «Каких городов, роду-племени, какого отца-матери, какую дорожкой ехал?»

60 Вот он и говорит: «Я отца не славного. Из города Мурома, села Карачарова, Илья Муромец, крестьянский сын». — «Каким путём ехал?» — «Я ехал прямым путём». Они не верят: «Тем путём не проехать: там же Соловей Рахматович!» — «Ну, если не верите — он у меня на площадке у коня прикован. Можете посмотреть, какой есть!»

б⁵ Действительно, те убедились, сходили посмотреть, что есть, доложили.⁷ Они захотели свисту соловьиного послушать, как он заревёт.

«Прикажи-ка ему зареветь!» Он его отковал, отвёл в комнату, приказал ему: «Только зареви в полсвиста соловьиного, во весь свист не свищи!»

А он закричал, зашипел, засвистал во весь свист, ряхнул по-куриному.⁸ В это время Илья Муромец князя и княгиню прикрыл куньей шубой. А другой народ весь в бесчувствии: кто кончился, а кто без памяти ползает. Он хотел их всех убить своим свистом, а сам уйти! Тогда рассердился Илья Муромец, схватил его за жёлты кудри, вытащил в чисто поле и розорвал, и раскидал на куски по чисту полю. (Этим и кончилось.)

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 74—75)

№ 74

А подошло же Издолишшо проклятоё:
 Да и длинное Издолишшо, семисажонно,
 Голова у Издолишша — как всё пивной котёл.
 Да заходит Издолишшо светлую грьдъницу —
⁵ Он не спрашивал не дверей да не придверников,
 Он не спрашивал ворот и не приворотников.
 Да заходит Издолишшо светлую светлицю —
 Да и Богу Издолишшо не молиццэ,
 Да и князю Владимиру целом не бьёт.
¹⁰ Говорит тут Издолишшо таково слово,
 Говорит-то ведь он да со-й угрозами:¹
 «Уж ты ой еси, Владимир да князь ты стольне-киевской!
 Запрети-ко просить милостину Христа ради
 Да и тем же каликам да перехожем,
¹⁵ Перехожем каликам, да переброжем!
 Ише ты не уймёшь — дак я и сам уйму:
 Я тебя же-то, князя, да под мець склоню,
 А Апраксею-кнегину да за себя возьму,
 Христианскую веру да облатыню всю,
²⁰ Уж я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,
 Я попов-патриархов да всех под меч склоню,
 Как богатырей головушки повырублю
 Да на копыця головушки повыважу!»
 Ише в эту ведь пору да и во то время
²⁵ Как старого-то в Киеви не случилось:
 Как уехал старой-от да во цисто полё,
 Да уехал он по полю поляковать.
 Ише в эту ведь пору да и во то время

- Да пришло как Издолишшо проклятоё
 30 Ко тому же ко князю да ко Владимиру,
 Да и к той же Апраксеи-королевисьни.
 Да и село Издолишшо за дубовой стол,
 Да и сел же Издолишшо на дубовой стул,
 Посадил же Апраксею подле себя,
 35 Да держит у Апраксеи руки в пазухи.
 Запретил он просить милостину Христа ради.
 Ише в эту ведь пору да и во то время
 Да и князь-от Владимир да всё догадлив был —
 Да пошел же по городу по Киеву.
 40 Да настрещю идёт ему калика перехожая,
 Перехожая калика, да переброжая.
 Говорит тут Владимир, князь стольне-киевской:
 «Уж ты ой еси, калика да перехожая,
 Перехожая калика, да переброжая!
 45 Ты пойки-ко, сходи да во чисто полё;
 Не увидишь ле где старого Илью Муромца?
 Как пушай он приедёт да в красен Киев-град,
 Как защитит у нас да красен Киев-град!»
 Ише тут-то калика да не-й ослушалась,²
 50 Да пошла же калика да во чисто полё.
 Да идёт-то калика да по цисту полю —
 Да настрещю калики-то старой едёт.
 Как близко калика да подвиганцсэ,
 А и низко старому да поклоняицьсе:
 55 «Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
 Как во городе во Киеви зло несчасье есь:
 Подошло как Издолишшо проклятоё —
 А и длинноё Издолишшо, семисажонно, —
 Запретило просить милостину Христа ради.
 60 Да сидит оно во грыни во княжонецкоюй
 Да держит у Апраксеи руки в пазухи!»
 Ише тут-то старому да за беду стало,
 За великую досаду да показалосе —
 Говорит тут старой-от да таково слово:
 65 «Уж ты ой еси, калика да перехожая,
 Перехожая калика, да переброжая!
 Ты роздень мне-ка плать[и]цё калицькоюй,
 Ты возьми у мяя платьё да бога[ты]рскоё!»
 Ишше тут-то калика да не-й ослушалась:²
 70 Как роздела тут платьицё калицькоюй,
 Как одела тут платьё да богатырскоё.

- Тут пошел же старой казак в стольне Киев-град.
 Тут приходит ко городу ко Киеву —
 Да и прямо идёт он к светлой светлице,
 75 Да и прямо идёт он под окошечко.
 Запросил он милостину Христа ради —
 Со краю на край грыня да пошатиласе,
 Все разныя напитки да расплескалесе,
 Ише тут-то Издолишшо приужакнулось,
 80 Тут спустило Апраксею-королевисьню.
 Тут выскакиват Апраксея на красно крыльцо,
 Да идёт-то к калики да перехожой,
 Ише низко Апраксея поклоняицьсе:
 «Уж ты здрастуёшь, калика да перехожая,
 85 Перехожая калика, да переброжая!
 Заходи-ко, калика, да пообедати,
 Хлеба-соли у нас да поотведати!
 Как и князя-та в доми да не слуцилосе:
 Да ушел князь Владимир по городу по Киеву
 90 Запрещать-то просить милостыню Христа ради.
 Как во городи у нас да непорядки есь —
 А и всё у нас во городи не по-старому,
 А и всё-то во городи не по-прежнему:
 Ишше есь у нас Издолишшо проклятоё!
 95 Да сидит у нас во гыни во княжонецкой,
 Запрещаёт просить милостину Христа ради,
 Ише князя Владимира хоцёт под мець склонить,
 А меня, Апраксею, да за себя замуж взять,
 А и Божьи-то церкви хочот под дым спустить,
 100 Христианскую веру да облатынити,
 А попов-патриархов³ да всех под меч склонить,
 Ише вас же, богатырей, головы повырубить,
 Да на копыця головушки повысадить!»
 Ишше тут-то калики да за беду стало,
 105 За великую досаду да показалосе.
 Заходил тут калика да светлую светлицю,
 Запросил он милостину Христа ради —
 Ише тут-то Издолишшу не пондравилось:⁴
 А он брал же цинжалишшо булатноё,
 110 Он и хоцёт шарнуть калику перехожую,
 Перехожую калику, да переброжую.
 Как попало цинжалишшо во белую грудь,
 Как попало цинжалишшо в имянной-от крест —
 Скользёнуло цинжалишшо да с имянна креста,

- 115 Как ушло оно в печьку да всё муравлену,
 Как ушло оно в печьку да всё до черёна.
 А как на это калика да всё догадлив был:
 Да снимал он свою да шляпу греческу,
 Не велику, не малу — да во сорок пудов —
- 120 Направлял он в Издолишша проклятого.
 Увалилосе Издолишшо проклятоё,
 Да и прямо увалилосе — простенком вон!
 И тут же Издолишшу славы поют.

№74а

$\text{♩} = 96$

По-до - шло же Из - до - лиш - шо про - кля - то - ё.
 Да и дли - но - ё Из - до - лиш - шо, се - ми - са - жон - но,
 Го - ло - ва у Из - до - ли - ша - как пив - ной ко - тёл.

№ 75

- А пошел молодець на цюжу сторону,
 На злодеюшку парень пошел незнакомую.
 Не несут молоцца, меня, ноги резвья,
 Не глядят у молоцца да очи ясные,
- 5 А катицьсе буйна голова со могущих плечь.
 А настречю молоццю — гуня сарацинская.
 Говорила к ёму гунюшка сарацинская:
 «Уж ты здра[сту]ёшь, удалой да доброй молодець!
 А куда ты идёшь, куда ты прависсе?» —
- 10 «А я иду как ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову князю да ко Владимиру,
 А ко той же к Опраксеи-королевисьни:
 А мне Господу Богу помолитисе,
 Ко святым-де мощам надо прыложитисе,
- 15 А князю Владимиру покоритисе,
 А Опраксеи-кнегины да извинитисе». —

- «А ты давно ле нонь, гунюшка, из Киева?»
 А ише всё ле во Киеви по-старому,
 А ише всё ле во Киеви по-прежнему?
 20 А ише нет ле у нас в Киеви цёго нового?»
 А говорила ёму гунюшка сарациньская:
 «Уж ты ой, удалой да доброй молодець!
 Да большо у нас в городи смешеньицё,
 А велико у нас в Киеве потресеньицё.
 25 А ко нашому ко городу ко Киеву
 А ко нашому князю ко Владимиру
 А подошло где Издолишшо поганое,
 А поганое Издолишшо проклятоё;
 А голова-та у Издолишша — как пивной котёл,
 30 А мезду носом глаzá нонь — да калена стрела,
 Да в плещях-то Издолишшо — всё коса сажень.
 А сидит он во грынюшьки столовой тут
 А за тем же за столиком за кленовым же
 А с той же с кнегиной да со Опраксеей,
 35 А ишше князь-от Владимир да ёго потчуёт.
 А да ишше у нас в Киеве заповедано:
 А хто поменёт у нас да Илью Муромця —
 А да такового у нас да нонь судом судить,
 А судом где судить, да живому не быть —
 40 Оци ясны вымать ёго косицеми,
 Да язык бы тянуть да ёго теменём!»
 А спросил где Илья да ноньце Муромець:
 «А где как руськие богатыри?»
 Отвещала ёму гуня да сарациньская:
 45 «А богатырей в Киеве не слуцилосе,
 А сильних-могуцих не погодилосе:
 А Добрынюшка уехал на тёплы воды,
 А Илеюшка уехал да тут на родину!»
 Говорил где-ка удалой да доброй молодець:
 50 «Уж ты ой еси, как гунюшка сарациньская!
 А уж дай-ко мне клюку да всё чыгунную,
 Я пойду-де в украинку в Поморскую!»
 А дала где она клюку чугунную.
 А ише тут-де удалой да доброй молодець
 55 А пошол-де украинку Поморьскую¹ —
 А во ту-де во лавоцьку во питейную,
 А на тот пошол парень на царев кабак,
 А где пьют-де-ка голи да всё кабацкие,
 А те-де калики да перехожие.

- 60 А говорыл где удалой да доброй молодець:
 «А уж вы ой еси, голи да всё ко[а]бацькие,
 А те же калики да перехожие!
 А опохмельте меня вы, да доброго молоцца,
 А со дороги меня да вы со дальнее,
- 65 С перегару вы меня да со великого!»
 А тут же как голи да всё кабацькие,
 А тут-де калики да перехожие
 А скинулись с денёг по полтинушки.
 Насбирали они, голи, на полтара ведра,
- 70 А купили они, голи, всё зелена вина,
 А наливали где-ка цяроцьку зелена вина,
 Да не малу, не велику — полтара ведра,
 А подавали где дороднёму доброму молоццу.
 А берёт молодець-от единой рукой,
- 75 А пьёт молодець-от к едину духу.
 А хмелинушка в башки тут проевиласе —
 А говорил где удалой доброй молодець:
 «А уж вы ой еси, голи да всё кабацькие,
 А те всё калики перехожие!
- 80 А опохмелили вы миня, доброго молоцца!
 А у мя денёг с собой тут не слуцилосе,²
 Серебра-та с собой не погодилосе,
 А у мя есь на груди да тут щюдён тут крес,
 А у мя крест-от тенёт да полтара пуда.
- 85 А цена-та кресту была назнащёна,
 А не много, не мало, — да тут петьсот рублей:
 А в кресту-ту ведь цясть была цистого серебра,
 А больша половина — красного золота,
 А третья-та цясть — да скатного жемцюга.
- 90 А уж вы ой еси, голи да всё кабацькие!
 А подите вы во лавоцьку серебряну,
 А к тому же к купьцю да ко торговому,
 А вы продайте этот крест мой за петьсот рублей.
 А по цены не возьмёт — да крест в заклад возьмёт!»
- 95 А ише тут как голи да рады-весёлы:
 А пошли где во лавоцьку во серебряну
 А к тому же к купьцю всё торговому.
 А говорят они сами да таковы слова:
 «А уж ты ой еси, купець да все торговой нонь!
- 100 А-й возьми ты у нас да тут щюдён же крест.
 А по цене не возьмёшь, да крест в заклад возьми:
 А у нас крест-от как тенёт да полтара пуда!

- А цена-та кресту была назнацена
 А не много, не мало — да всё петьсот рублей:
- 105 Половина-та была да чистого серебра,
 А третья-та цясть была да красного золота,
 А меньша-та цясть была скатного жемцюга».
 А тут же купецъ да всё торговой тут
 Говорил-де он им да таковы слова:
- 110 «Уж вы ой еси, голи всё кабацкие,
 А те где калики перехожие!
 А уж вы где этот взяли да нонь цюдён тут крест?»
 А говорят где-ка голи да всё кабацкие:
 «А мы пъём-де во лавоцьки во питейное,
- 115 А пришол к нам удалой доброй молодець,
 А принёс-де-ка нам этот цюдён тут крест».
 А ише тут же купецъ да всё торговой тут
 А да за крест-от им дал да всё петьсот рублей,
 А награды он дал им ровно трыста им,
- 120 А говорил где-ка сам таковы слова:
 «А обогрело-осветило красно солнышко —
 А откуль где-ка взяса да доброй молодець!»
 А ише тут-де голи да рады-весёлы,
 А пошли они во лавоцьку во питейную
- 125 А пить-де они всё зелена вина.
 А ише тут купецъ да всё торговой тут
 А положил этот крест на блюдо серебряно,
 А да пошол-де ко городу ко Киеву
 А к тому же ко князю ко Владимиру,
- 130 А принёс-де ему ноньце подароцьки,
 А говорил где-ка сам таковы слова:
 «А уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
 А прими мои подароцьки не малые,
 А не малые подароцьки — во петьсот рублей!»
- 135 А выходил где тут купецъ на широкой двор.
 А выходил где Владимир за им сам ведь вон,
 Говорил где Владимир да стольнё-киевской:
 «А послушай-ко, купецъ да всё торговой тут,
 А где эти взял нонь подароцьки?»
- 140 Говорил где-ка купецъ да всё торговой тут:
 «А из той же из лавоцьки из питейное
 А из той стороны из украйное
 Приходили ко мне голи всё кабацкие,
 Приносили они мне всё цюдён тут крест!..»
- 145 А говорил-де Владимир таковы слова:

- «А просветило тут ведь ноньце красно солнышко —
 А провещаецьсе как тут доброй молодець!»
 А ише тут-де Владимир стольнѣ-киевской
 А да срежалса тут Владимир по-подорожному;
 150 А да пошол-де украинку Поморскую,¹
 А на тот-де пошол на царев кабак,
 А где пьют-де-ка голи всё кабацькие,
 А где сидел где-ка тут доброй молодець.
 А-й да заходит Владимир-князь на царев кабак,
 155 Отпираёт-де двери да с крюков на пяту.
 А голи кабацьки испугалисе,
 По углам-то как голи розбежалисе, —
 А сидит только один доброй молодець.
 А говорил где-ка тут доброй молодець:
 160 «Уж ты здрастуёшь, Владимир стольне-киевской!
 А уж всё ле у вас в городи по-старому?
 А нету ле у вас в Киеве цѣго нового?
 Ише всё ле у вас в Киеве по-прежнему,
 А по-прежнему в Киеве, по-досельнѣму?»
 165 А говорил-де Владимир, слезно плакал сам:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
 Да у нас-то во городи во Киеве
 А большо у нас в Киеве смешеньицѣ,
 А велико у нас в Киеве потресеньицѣ:
 170 А ко нашому ко городу ко Киеву,
 А ко мне всё, ко князю ко Владимиру,
 Подошло-де Издолишшо поганое,
 А поганое Издолишшо проклятое,
 А овладел-де у нас крашон Киев-град
 175 А ише со своей-де силой неверной тут.
 А седит он во грынюшки во столовой тут
 А со той же Опраксеей-королевисьней
 А за тем же за столиком за кленовыем;
 А я, князь Владимир, его поччую.
 180 Да на завтро-то мне да смерть назначона.
 Да ишше у нас в Киеве заповедано:
 А хто поменѣт ноньце Илью Муромьця,
 Да такого бы из нас щобы судом судить,
 А судом-де судить, живому не быть:
 185 Оци ясны вымать ёго косицеми,
 А язык-то тянуть бы ёго теменѣм,
 А рубить бы, казнить буйна голова!»
 А ишше тут молощцу за беду пришло,

- За велику досаду показалосе:
 190 Говорыл молодець таковы слова:
 «А уж вы ой еси, голи всё кабацькие!
 А скиновайте-тко платьё, которо хуже всех,
 А одевайте моё платьё хорошоё.
 А уж вы ой еси, калики перехожие!»
- 195 А дайте вы мне хто ле корзиноцьку.
 А я пойду-де ко князю ко Владимиру
 А просить-де Христа ради милостину,
 А хоть не ради тут Бога — ради Ильи Муромья».
- А ишше как тут-де голи догадалисё,
 200 Извинялисё они Ильи Муромцю.
 А он пошел-де со князём со Владимиром.
 А тут де-ка князь рад и весёл тут.
 А наложил корзинку на леву рукушшу,
 А в праву руку клюку цыгунную,
- 205 А он пошел-де со князём со Владимиром.
 А приходят тут к воротам ко кленовым,
 А приходят тут они к широку двору —
 А вороцьця были тут призапёрты,
 А призапёрты ворота, призаложны.
- 210 А ише слуги где-де были всё неверные,
 А те же тотара всё неруськие:
 Запустили тут князя всё Владимира —
 А не пустили калики перехожое,
 А заложили вороцьця всё кленовые,
- 215 А задвинули задвижецьки всё серебряны
 А закинули запоры всё чыгунные.
 Говорила калика тут перехожая:
 «Уж вы ой, тотара всё поганые!
 Запустите калику перехожую»
- 220 А хоть не д'ради³ миня — ради Ильи Муромья!»
 Говорят тут как слуги всё неверные:
 «Уж ты ой еси, калика всё проклятая!
 А уйди ты, калика, от ворот здолой!
 А у нас тут в городе заповедано:
- 225 А хто поменёт у нас Илью Муромья —
 А такого бы у нас казнить-весити,
 А судить-то ведь нам да своим судом!»
 А ише тут-де калики за беду пришло,
 За велику досаду показалосе:
- 230 А топнул калика левой ножецько[й],
 А толкнул-де калика правой ручушкой —

- А ише петёлки серебряны поломалисе,
 А позолоцёны зашолочки извихалисе —
 Улетели вороцьця среди двора.
- 235 А зашол-де калика на широкой двор,
 Проходя́ идёт калика по новым сеням,
 Проходя́ идёт калика во светлу грьдню,
 А где сидит где Издолишшо поганое́.
- А крест-от кладёт по-писаному,
 240 А поклон-от ведёт по-уцёному,
 А говорил он ведь сам таковы слова:
 «Уж ты ой еси, Владимир стольнѣ-киевской!
 Уж ты здрастуй-ко, Владимир стольнѣ-киевской,
 Да со той же с кне[г]иной со Опрак[с]еей!»
- 245 А подай мне Христа ради милостину,
 А той же калики перехожое,
 Хоть не д'ради³ меня — ради Ильи Муромьця!»
 А ише тут-де Владимир стольне-киевской
 Ише брал где-ка блюцьцѣ да всё серебряно,
- 250 А насыпал где-ка злата, цистого серебра,
 Насыпал где-ка злата ноньце допона —
 Подавал калики перехожое.
 А берёт тут калика единой рукой —
 А высыпал тут калика тут в корзиноцьку.
- 255 А да сидит-де Издолишшо проклятое́,
 А да сидит — на калику всё поглядыват.
 Говорил Издолишшо поганое́:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая!
 А знашь ле ведь ты как Илью Муру[о]мьця?»
- 260 А отвецяла калика перехожая:
 «А как я не знаю да Ильи Муромьця?» —
 «А много ле у вас Илья хлеба-соли ест?» —
 «А хлеба-та он ест по колацику». —
 «А ишше много ле у вас Илья воды тут пьёт?» —
- 265 «А воды-то он пьёт по стаканчику». —
 Говорил тут Издолишшо поганое́:
 «Ише мало у вас Илейка хлеба-соли ес,
 Ише мало он, Илеюшка, воды тут пьёт,
 А я хлеба-та ем по кулю за раз,
- 270 А говядины я ем по быку за раз,
 А воды-то я пью по сороковоцьки!»
 Говорила тут калика таковы слова:
 «А у моёго было всё у батюшка
 А была-де корова большобрюхая;

- 275 А объелась она сена, опилась воды,
 Опилась-де воды: брюхо лопнуло!..»
 Ише тут же Издолишшу за беду пришло,
 За велику досаду показалосе:
 А хватил-де Издолишшо нонь булатной нож,
- 280 А шибал он в калику перехожую.
 А на то-де калика он догадлив был:
 Отскоцил-де калика в праву сторону, —
 А ише тут-де-ка нонице булатной нож
 Да зашел в ободверинку кленовую —
- 285 А зашел в ободверину вплоть до церёна.
 А ишше тут же калика перехожая
 А поднял-де-ка тут клюку чыгунную
 А стукнул Издолища ёго в голову.
 Ише тут-де Издолишо поганое
- 290 А высы[у]нул он язык, он до вилок тут,
 А глаза его больши вон повылетели,
 А свалилсэ со стула да со кленового,
 А упал-де Издолишо на крашон пол.
 А схватил-де Илейка за цесны кудри,
- 295 А тащил он ёго ведь вон из комнаты,
 Вытаскал он ёго тут на широкой двор,
 А бил ёго тут, сколько надобно:
 Отрубил у Издолища буйну голову,
 А тушу розрубил он на мелки куски —
- 300 Розбросал он ёго по всёму городу.
 Закрыщял-де калика громким голосом —
 А услышал его конь-лошадь богатырьская,
 Прибегал к калики перехожое.
 А садилса тут калика на добра коня,
- 305 А втыкал он буйну голову на востро копьё,
 А ехал калика по всёму городу.
 А выехал калика по-за городу
 А на то же как полё на широкоё —
 А втыкал он главу на железной прут,
- 310 А сам говорил таковы слова:
 «Уж ты ой еси, глава да всё Издолищова!
 А дуй тебя, главу, да ветры буйные,
 А секи тебя, главу, да цясты дожди нонь,
 А грайте на〈д〉 тобой вороны черные!»
- 315 А тут-де Издолищу славы поют.

№ 75а

$\text{♩} = 88-92$ *W*

А по - шол мо - ло - дьш на цю - жу сто - ро - ну,
 На зло - дей-ку-ту по - шол ша-реть не - зна - ко - му - ю.
 "Не не - суг мо - лоц - ця, ми-ня, но - ги ре - з(ы)-вы - я,
 Не гле - дят у мо - лоц - ца, у мя, о - чи яс - ны - е,
 А ка - тиць се бу-йид на го - ло-ва со мо - гу - цих пледь."

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 76—93)

№ 76

- На горах, горах дак было на высокиих,
 Не на шоломя было окатистых,
 Там стоял-де ноне да тонкой бел шатёр.
 Во шатри-то удаленьки добры молоццы:
 5 Во-первых-то, стары казак Илья Муромец,
 Во-вторых, Добрынюшка Микитиць млад,
 Во-третьих-то, Олёшенька Поповиць-от.
 Эх,¹ стояли на заставы они на крепкое,
 Стерегли-берегли они красен Киев-град,
 10 Стояли за веру христианскую,
 Стояли за церкви всё за Божии,
 Как стояли за чесныя монастыри.
 К[ак] по утрыцьку было по ранному,
 А на заре-то было на ранно(й)утренной
 15 А-й как выходит стары казак из бела шатра —
 Он смотрел-де во трубочку подзорную

- На все же на четыре кругом стороны.
 Он завидял-де: во поли не дым стоит —
 Кабы едет удалой да доброй молодець,
 20 Он прямо-де едет в красен Киев-град,
 А не приворяциват на заставу на крепкую.
 Он едет, молодець, дак потешаецьсе:
 Он востро копьё мецёт да по поднебесьё,
 Он одной рукой мецёт, другой схватывает;
 25 А впереди его бежит да два серы волка,
 Два серых бежит волка, да серы выжлока;
 А на правом плечи сидел да млад есён сокол;
 На левом плечи сидел да млад бел кречет.
 А заходил стары казак во бел шатёр,
 30 Говорыт-то стары казак таковы слова:
 «Уж вы ой еси, удалы вы добрыя молоццы!
 Уж що же вы спитё, да що вы думаетё?
 Да наехал на нас супостат велик,
 Супостат-де велик, да доброй молодець:
 35 Он прямо-де едет в красен Киев-град
 А не прыво[ра]циват на заставу на крепкую!»
 Ото сну-де рибятушка пробужалисе,
 Ключавою водою они умывалисе,
 Они белым полотенцом да-й утиралисе,²
 40 Они Господу Богу помолилисe,
 А посылали Олешеньку Поповиця.
 Как выходит Олешенька из бела шатра,
 Засвистел он коня да из чиста поля:
 А бежит его конь, дак мать-земля дрожит.
 45 Как крутешенько Олешенька седлал коня,
 Он седлал-де, уздал да коня доброго:
 Он накладывал уздиценьку тесмянную,
 Он накладывал седёлышко черкальскойё,
 Он двенаццэт под[п]руг дак шолку белого,
 50 Ишше белого шолку шамахиньского;
 Он тринаццату подпругу — через хребетну кось —
 А не ради басы, дак ради крепости,
 Ишше ради окрепы да богатырское,
 Ишше ради поезки да молодецкое —
 55 А не оставил бы конь дак на чистом поле
 Ишше черным-то воронам на пограеньё,
 Ишше серыем волкам на потарзаньи.
 Только видели: молодець на коня скоцил,
 А не видели поезки да богатырское;

- 60 Только видели: в поли курева стоит.
 А выежжал³-то Олешенька на чисто полё,
 Он завидял молочья-то во чистом поли.
 А ревел-то Олешенька по-звериному,
 Засвистел-то Олеша по-соловьиному,
- 65 Зашипел-то Олеша по-змеинному —
 А кабы едёт-от молодець, не оглянище.
 Как подумал Олешенька Попович-от:
 «А кабы едёт молодець⁴-от — не моя чета,
 Не моя едет чета, да не моя верста!»
- 70 Повернул он коня да ко белу шатру,
 Приежжает Олешенька ко белу шатру.
 А встречает стары казак Илья Муромець.
 Говорит тут Олешенька Поповиць-от:
 «Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!»
- 75 Кабы едёт богатырь — дак не моя чета,
 Не моя едет чета, да не моя верста!»
 Посылали тут Добрынюшку Микитица:
 Ах, кабы вежливой Добрынюшка, очесливой —
 Он спросил бы о роди и о племени,
- 80 Он спросил бы отечесво-молодечесво,
 Он спросил, куда едёт да куды путь держит.
 А как выходит Добрынюшка из бела шатра,
 Засвистел он коня да из циста поля, —
 А бежит его конь, дак мать сыра земля дрожит.
- 85 А крутешенько Добрынюшка седлал коня,
 Он седлал-уздал себе коня доброго:
 Он накладывал уздициньку тесмянную;
 Он накладывал седельшко черкальской;
 А он вязал-де подпруги шолку белого,
- 90 Ишше белого шолку шамахиньского;
 Он застегивал пряжецьки серебряны,
 Он серебряны пряжецьки позолочены;
 Он двенаццать подпруг шолку белого,
 А тринаццату подпругу — через хребетну кость:
- 95 «А нам не ради басы — ради крепости,
 А ишше ради окрепы да богатырское,
 Ишше ради поезки да молодецкое:
 А нам придецьсе-де съехацьсе на поле с неприятелём!»
 А как крутешенько Добрынюш[к]а на коня скоцил;
- 100 А не видели поезки богатырское —
 Только видели: во поли курева стоит,
 Курева-де стоит, дак дым столбом валит.

- А выежжал-де Добрынюшка на чисто полё,
Он на то жо на роздольцо на широкоё.
- 105 Он завидял молоцца-та во чистом поли;
Заехал он к молоццу спереди-де, с⁵ глаз.⁵
А ишше слез-де Добрыня со добра коня,
Он снял-де шляпу дак Земли Греческой
(Он не малу, не велику — дак во сорок пудов!),
- 110 Он низко молоццу да поклоняицсэ:
«Уж ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!
Уж ты коёго города, коей земли?
Ишше коёго оцца-матери?»
А куда же ты едёшь, да куда путь держишь?»
- 115 А отвечает удалой да доброй молодець —
Не сказал он роду своёго, племени,
Не сказал он отечесва-молодечества —
А он сказал: «Куда еду, да куды путь держу?..
Ишша прямо я еду в красен Киев-град,
- 120 А ишша стольнь-от⁶ град да во полон возьму,
А ишша князя-та Владимира живком схвачу,
Я кнегинушку Опраксию за сибя взамуж возьму!»
А надевал-то Добрыня да шляпу Земли Греческой,
Он не малу, не велику — да во сорок пудов,
- 125 Он и быстро скоцил на добра коня;
Он прямо поехал ко белу шатру.
Ах, стрецяёт стары казак Илья Муромец.
Говорыт тут Добрынюшка Микитиц млад:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
- 130 Абы едёт богатырь — не моя чета,
Не моя едет чета и не моя верста!
А не сказал он роду своёго, племени,
Не сказал он отечесво-молоде[че]сво;
А он сказал: «Куда еду, да куды путь держу?..
135 А он прямо-де едёт да в красен Киев-град,
А он стольне-от град да во полон хочет взять,
А он князя-та Владимира живком схватить,
А он княгинушку Опраксию за сибя взамуж взять!
А загорело у стары казака ретиво серцо,
- 140 Закипела во старом да кровь горячая,
Росходилисе его да могуци плещя.
Засвистел он коня да из чиста поля —
А бежит его конь, дак мать земля дрожит.
В теменях-то стары казак седлал коня,
- 145 Он седлал-уздаль себе коня доброго:

- Он накладывал уздиценьку тесмянную;
 Он накладывал седельшко черкальской;
 Он вязал-де подпруги шолку белаго,
 Ишша белаго шолку шамахиньского;
 150 Он двенаццать подпруг да всё шелковыя,
 Он тринаццату подпругу — церез хребетну кость;
 Он застегивал пряжецьки серебряны,
 И серебряны пряжецьки позолочены —
 А не ради басы, а ради крепости —
- 155 Не оставил бы конь дак на цистом поли:
 «А мне придэтцэ-де съехацьсэ на поле с неприятелём!»
 А в темях-то стары казак⁷ на коня скакал.
 И не видели поезки богатырьское —
 Только видели: во поли курева стоит,
 160 Курева-де стоит — дак дым столбом валит.
 Выежжат стары казак на полё на чистое,
 Он на то жа на раздольцо на широкое, —
 Он завидял молочья во чистом поли.
 Заревел-то стары казак по-зверинному,
 165 Засвистел-то стары казак по-соловьиному,
 А зашипел-то стары казак по-змеинному —
 Кабы едёт молодець-от, не огляницсэ.
 А говорят молодець-от таковы слова:
 «А уж вы ой еси, мои вы два серы волка,
 170 Два серы мои волки, да серы выжлоки!
 Побежите вы-ко тепере во темны леса,
 А тепере мне-ка не до вас стало:
 Как наехал на меня супостат велик,
 Супостат-де велик, дак доброй молодець.
 175 А уж ты ой еси, мой да млад есён сокол!
Уж ты ой еси, мой да млады бёл кречат!
 Полетите-ко теперь во темны леса,
 А тепере мне-ка не до вас стало!»
 А как не две горы вместо сотолкалосе,
 180 Не две туци вместо да сокаталосе —
 А как съезжающьсе стары казак с Подсокольником.
 А они билисе палочками буёвыма —
 А руковьятоцьки⁸ у палоцёк отвернулисе:
 Они тем боём друг дружку не ранили.
 185 А съезжающьсе ребятушка по второй након,
 Они секлисе сабельками острыми —
 И у их остры-ти сабельки ишшербалисе:
 А они тем боём друг⁹ дружку не ранили.

- А съезжающьсе ребятушка по третьей раз,
 190 А кололисе копьеми-де вострыма
 (Долгомерныя ратовишша по семь сажон!) —
 По насадоцькам копьяця свернулисе:
 Они тем боём друг дружку не ранили.
 А соскоцили ребятушка со добрых коней,
 195 А схватилисе плотным боём, рукопашкою.
 А кабы борюще удалы да добрые молодцы:
 А Подсокольникёк крычит — дак мать-земля дрожит;
 А стары казак скрычит — дак лесы ломяцсэ.
 А как по счасьицу было дак Подсокольника,
 200 По злочасьицу было Ильи Муромца:
 А к[ак]¹⁰ не правая рука да приокóмбала,¹¹
 А к[ак] не левая нога его приокользела —
 А к[ак] падал стары казак на сыру землю.
 Ишше сплыл-то Подсокольникёк на белы груди;
 205 Он не спрашивал не роду и не племени,
 Он не спрашивал отечесва-молоде[че]ства;
 Он ростегивал латы его кольцожные,
 Он вымал из нагалишша цинжалой нож —
 Он хоцёт пороть его белы груди,
 210 Он и хоцёт смотреть дак ретиво серцо.
 И ишше тут-то стары казак возмолиццэ:
 «Уж ты Спас, Спас Многомилостив,
 Пресвята ты Мати Божия Богородица!
 Как стоял я за веру христианскую,
 215 И стоял я за церкви за Божии,
 И стоял я за чесныя монастыри!».
 У стары казака силы вдвоё прыбыло.
 Он смахнул Подсокольника со белых грудей,
 А он сплыл Подсокольнику на белы груди:
 220 А он ростегивал латы его кольцожные,
 Он вымал из нагалишша цинжалой нож —
 Он и хоцёт пороть его белы груди,
 Он и хоцёт смотреть и ретиво серцо.
 А ишша сам старой що-то прироздумалсэ:
 225 «А не спросил я не роду и не племени,
 Не спросил я отечесва-молодечества».
 А говорыт-то стары казак таковы слова:
 «А уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
 Ешше коёго города, ты коей земли?
 230 И ешше коёго ты отца-матери?
 И ешше как, молодець, тибя именём зовут?»

- А отвечает удаленькой доброй молодець:
 «А когда я у тебя был на белых грудях,
 А я не спрашивал не роду и не племени,
 235 Я не спрашивал отечества-молодечества —
 Уж я прямо порол бы я белы груди,
 И смотрел бы я да ретиво серцо!»
 А спросил же старой да по второй након.
 Отвечает удаленькой доброй молодець:
 240 «Я от моря, моря я от синего,
 От того же от камешка от Латыря,
 А я от той же от бабы да от Салыгорки,
 Уж я ездил, удалой да доброй молодець;
 Ишша есь я ей сын да Подсокольницёк,
 245 По всему я свету есь наезницок!»
 А ставаёт стары казак на резвы ноги,
 Становит Подсокольника на резвы ноги,
 А целуёт в уста его сахарные;
 А называет Подсокольника своим сыном,
 250 Называет-то своим сыном любимым.
 (Говорыла Подсокольнику матушка родимая:
 «Не дошедши до старого — слезывай с коня,
 Слезывай-де с коня да низко кланяйся!»)
 А и побраталса стары казак со своим сын[ом].
 255 А поехал стары казак во чисто полё,
 Он во тонкой шатёр да бел полотняной.
 А и спит-де стары казак он ведь сутоцьки,
 А спит-де стары казак он двои сутоцьки.
 Ишше его Подсокольнику за беду стало,
 260 За великую досадушку показалосе:
 «Я стары казаку так унижалса же!»
 Поехал Подсокольницёк ко белу шатру:
 «А старого казака а Ильи Муромца
 Ишше прямо его я копьём сколю!»
 265 А и приехал Подсокольницёк ко белу шатру —
 Он и ткнул-де стары казака дак во белы груди.
 У стары казака было на белых грудях
 Ишше чуден крест был Господен,
 Не мал, не велик — дак полтора пуда:
 270 А скользёнуло копьё Подсокольника...
 Ото сну тут старой казак пробужаицьсэ —
 А он схватил Подсокольника во белы руки:
 Вышибал он выше лесу стоящего,
 Ниже облака он ходячего.

275 Иш[ш]а падал Подсокольницёк на сыру землю¹² —
 И розбилсэ Подсокольницёк во крошецьки.
 Ишше тут Подсокольницёкку славы поют,
 А славы-де поют да старину́ скажут!

№ 76а

$\text{♩} = 100 - 104$

На го_рах, го_рах да бы_ло на вы_со_ки_ех,
 Не на шо_ло_мя бы_ло о_ка_ти_стых,
 Там сто_ял_де но_ке тон_кой бе_л(ы)ша_тёр.
 Во ша_три_то у_да_лы_я доб_ры мо_лоц_цы.
 Во_пер_вых, ста_ры ка_зак И_ли_я Му_ро_мец,
 Во_вто_рых, Доб_ры_нюш_ка Ми_ки_тиць млад,
 Во_тре_тых_то, О_лё_шень_ка да По_ло_виць_от.

№ 77

А-й на горах, на горах было на окатистых,
 На окатистых горах было на шоломистых —
 Там стоял ли, постоял да тонкой бел шатёр.
 Во шатри где лежат тут добры молодцы:

- ⁵ Во-первых, старый казак да Илья Муромец,
 Во-вторых-то, Добрынюшка Микитиц млад,
 Как во-третьих, Олешенька Поповиц млад.
 А-й що на утрянной было да ранной зорюшки,
 На восходи-то было красного солнышка
- ¹⁰ Выходил-де старой да из бела шатра,
 Он смотрел где, гледел в подзорну трубочку
 Как на все же четыре кругом стороны.
 Он завидял ли на поли наезницька:
 Уж как едет наезник по чисту полю,
- ¹⁵ Уж как едет наезник, потешаицэ —
 Он правой рукой мечот копьё по поднебесью,
 А левой ле рукой да всё подхватывает.
 А ён на заставу на крепку не приворачиват:
 А-й уж¹ как едет ле прямо да в крашен Киев-град.
- ²⁰ А-й заходил-де старой да в тонкой бел шатёр,
 А-й говорил-де старой да таково слово:
 «Уж вы ой еси, братьица мои крестовыя!
 Уж вы що же вы спите да чево думаете?²
 Уж наехал на нас да супостат велик,
- ²⁵ Супостат-де велик, да доброй молодец —
 Не путём ле он едет, не дорогою,
 Не дорогою едет, не воротами!»
 Говорил-де старой да таково слово:
 «Уж ты ой еси, Олешенька Попович млад!
- ³⁰ Поежжай-ко, Олеша, попроведай-ко!»
 Ой скорешенько Олешенька срежаицэ:
 Со постелюшки Олеша поднимайцэ,
 Он свежой водой ключавою умываицэ,
 Тонким белым полотенцом утираицэ;
- ³⁵ И надевал ле он латы всё кольцюжные,
 Уж брал ле доспехи молодецкия.
 Выходил-де Олеша из бела шатра,
 Он свистел-де коня да из чиста поля.
 Уж как конь его бежит — да мать-земля дрожит.
- ⁴⁰ Он уздал ле, седлал да коня доброго,
 Он накладывал седельшко черкальскойё,
 Он застегивал двенаццать подпруг шолоковых,
 А тринаццату подпругу через хребётну кость.
 Столько видели: Олеша в стремяна ступил,
- ⁴⁵ А не видели, Олеша как на коня скоцил;
 А-й не видели, Олеша как в стремяна ступил,
 Только видели: в поли курева стоит,

- Курева где стоит — да дым столбом валит.
 Наежжал он удала да добра молоцца —
- 50 Закричал-де Олѣша по-звериному,
 Зарычал-де Олѣша по-туриному,
 Засвистел-де Олѣша по-соловьиному.
 Уж как едѣт молодец — да не огляницсѣ,
 А-й уж² как едѣт молодец да потешаицсѣ:
- 55 Он правой рукой мечот копьѣ по поднебесью,
 А левой ле рукой да всѣ подхватывают,
 Уж как сам ле из речей да выговариват:
 «Уж ле еду, молодец, да в крашен Киев-град,
 Уж я Божьи-ти церк[в]и да все под дым спушшу,
- 60 А святы Божьи иконы да копьѣм выколю;
 Уж как князя Владимира живком згложу,
 А Опраксею-кнегину — да за себя взамуж;
 У богатырей головушки повырублю,
 А головушки на копыца повысажу!»
- 65 А-й на правом плечи его сидел млад есѣн сокол,
 На левом плечи сидел да тут белой кречат,
 Впереди его бежит да два серых волка,
 Два серых-де волка, да два как выжлога.
 Уж как тут же Олѣша приужакнулсѣ,
- 70 Повѣрнул-де коня да всѣ обратной путь
 Да поехал Олѣшенька к белу шатру.
 Подъежжаѣт Олѣшенька близѣшенько,
 Да соскакивал с коня да он скорешенько,
 Да идѣт-де Олѣша да в тонкой бел шатѣр,
- 75 Говорил-де Олѣша таково слово:
 «Уж вы ой еси, братья всѣ крестовыя!
 Уж едѣт молодець — да не моя чета,
 Не моя где чета да не моя верста!
 Наежжал я удала да доброго молоцца —
- 80 Уж как едѣт молодец да розговариват:
 «А-й уж² ле еду, молодец, да в крашен Киев-град!
 Й-уж³ я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,
 А святы Божьи иконы да копьѣм выколю;
 Уж я князя Владимира живком згложу
- 85 А Опраксею-кнегину — да за себя взамуж;
 У богатырей головушки повырублю,
 А головушки на копыца повысажу!»
 Сомутились у старого оци ясныя,
 Росходились у старого ручки белыя,
- 90 Загорела во старом да тут горяча кровь,

- Зашипело во старом да ретиво сердце.
 Как скорешенько⁴ старой да тут срежанцэ:
 И надевал ле он латы все кольцюжнныя,
 Уж брал ле доспехи молодецкия,
⁹⁵ Удевал ле он шляпу всё ле греческу.
 Выходил-де старой из бела шатра,
 Он свистел-де коня да из чиста поля.
 Уж как конь его бежит — да мать-земля дрожит,
 Уж как лесы-ти тёмны пригибающэ,
¹⁰⁰ Как в озёрах вода да колыбаицэ.
 Он уздал ле, седлал да коня доброго,
 Он накладывал седёлышко черкальскоё,
 Ой застегивал двенаццать подпруг шолковых
 А того же нынш шолку полубелого,
¹⁰⁵ А тринаццату подпругу — через хребётну кось.
 Уж как сам седёлышку приговарывал:
 «Уж не для-ради басы, а ради крепости,
 Уж как ради опоры молодецкого —
 Не оставил бы конь да во чистом поли,
¹¹⁰ Не пришлось бы молодцу да мне пешком брести!»
 Столько видели, старой как в стремяна ступил,
 А не видели, старой как на коня скочил,
 А не видели поезки молодецкое.
 Только видели: во поли курева стоит,
¹¹⁵ Курева где стоит — да дым столбом валит.
 Да поехал старой да по чисту полю,
 Наеждал ле удала доброго молодца⁵ —
 Закричал-де старой да по-звериному,
 Зарычал-де старой да по-туриному,
¹²⁰ Засвистел-де старой да по-соловьиному.
 Уж как тут же молодец да приужакнулэ,
 Повернул-де коня да всё обратной путь.
 Говорил-де молодец да таково слово:
 «Ты лети-тко от меня, да млад есён сокол!
¹²⁵ Вы лети-тко⁶ от меня, да всё белой кречат!
 Вы бежите от меня, да два серых волка,
 Два серых вас волка, да два как выжлога!»
 А уж как съехались они да на чистом поли,
 На чистом где поли да добры молодцы.
¹³⁰ Уж как первой раз съехались саблями вострыма —
 А от рук их руковятки загорелисе,
 По насадоцькам сабельки свёрнулисе.
 Во второй они раз съехались копьями вострыма —

- И от рук руковятки да загорелисе,
 135 По насадоцькам копыиця свернулисе.
 Соскочили удалы да со добрых коней,
 Уж как бьюцсе-деруцсэ да трои суточки —
 По колен они в землю-й утопталисе.⁷
 По Сокольникову нонь было по счасьицу,
 140 Уж по старому было да по злочесьицу —
 Окользила⁸ у старого ручка правая,
 Окатилась у старого ножка левая —
 Уж как пал-де старой на сыру землю.
 Да скочил-де Сокольник на белы груди,
 145 Он растегивал латы все кольцожныя,
 Вынимал он цинжалишшо, булатной нож:
 Уж как хочот пороть да груди белья,
 Уж он хочот смотреть да ретиво серцо.
 А уж как тут же старой да всё возмолилсэ:
 150 «Уж ты Спас, ты Спас да Многомилос[ти]в,
 Присвятая Мати Божья Богородица!
 А-й как сказали ле, старому смерть не писана —
 Как не писана смерть на чистом поли!»
 Уж как тут у старого да силы прибыло:
 155 Да скоцил-де старой да на резвы ноги,
 Он кинал ле Сокольник на сыру землю,
 Он ростегивал латы всё кольцожныя,
 Он и хочот пороть да груди белья,
 Он и хочот смотреть да ретиво серцо.
 160 Уж увидял-де на груди ноне чуден крест,
 Ой как чуден ле крест да его собственной,
 Уж как стал ле молоцца да всё выспрашивать:
 «Ты откуда, молодець, да куда едёшь?
 А-й ты коей же земли да коего царя?
 165 Да которого оцца, которой матери?»
 Уж как тут же молодець да отвечат ему:
 «Уж я был же у тя да на белых грудях —
 Я не спрашивал не имени, не вотчины,⁹
 Я не спрашивал отечества-молодечества:
 170 Я порол бы у тя да всё белы груди,
 Я смотрел бы у тя да ретиво серцо!»
 Уж как спрашивал старой да во второй након.
 Уж как спрашивал старой да во третьей након.
 А-й говорил-де удалой да таково слово:
 175 «От т[о]го же я моря, да моря синёго,
 От того же от камешка от Лát[ы]ря,

- А я от той же от девки от Златыгорки!
 А-й ме¹⁰... по имени зовут да все Сокольник;е;к;
 Уж мне же, Сокольник, — двенаццать лет!»
- 180 Поднимал-де старой да за белы руки,
 Целовал-де его в уста сахарныя,
 А-й называл ле его да все «любимой сын»:
 «Уж ты ой еси, Сокольник-наезник;е;к!
 Поежай-ко, Сокольник, в обратной путь;
 185 Уж ле ты же, Сокольник, малой юныша;
 Поживи-тко, Сокольник, у маменьки,
 Ты поешь-ко кашу все пшенисьние!»
 Уж ле тут ле удалы прирозъехались.
 Да поехал Сокольник в обратной путь,
 190 Уж ехал Сокольник во свою землю
 Уж как к той же нонь маменьки родимое.
 Подъезжат ле Сокольник под свой город,
 Подъезжат-де Сокольник ко свою крыльцу.
 Увидала ле маменька родимая —
 195 Выходила стречать да тут Соколичка.
 Подават он копьё да не тупым коньцём:
 Подават ле копьё да все ведь матери,
 Подават он коньцём — да все вострым концом!..
 Уж ле тут же нонь матери славы поют.
 200 А-й повернул-де коня да все в обратной путь,
 А-й поехал Сокольник по чисту полю.
 Приежал-де Сокольник ко белу шатру
 Да на ту же нонь на заставу на крепкую:
 Уж спят ле удалы да добры молодцы.
 205 Заходил-де Сокольник в тонкой бел шатёр —
 Уж как шёрнул Сокольник вострым копьём
 Уж как старому прямо да ноньче в белу грудь:
 Уж попало ле старому прямо в чуден крест,
 Соскочило копьё да со чудна креста...
 210 Уж как тут же старой да пробужаицэ,
 От великого похмелья просыпаицэ,
 Да скочил-де старой да на резвы ноги,
 Уж как брал ле Соколичка за русы кудри:
 Он бросал-де Соколичка по поднебесью,
 215 Поднимал-де Соколичка — не подхватывал.
 Уж как тут же Соколичку славы поют.

№ 77а

$\text{♩} = 88 - 96$

На го - рах - то, го - рах на о - ка - ти - стых,

На о - ка - ти - стых го - рах, на шо - ло - ми - стых -

Там сто - ял - ле, по - сто - ял то - н(ы) - ко - й(и) бе - л(ы) ша - тёр.

Во ша - три где ле - жат та - м(ы) доб - ры мо - лоц - пы.

Во - пер - вых, ста - рый ка - зак да И - ли - я Му - ро - мец,

Во - вто - рых - то, Доб - ры - нюш - ка Ми - ки - тич млад...

№ 78

- И-ай на горах-то, на горах да на высоких,
 На шоломи было окатистом,
 Эй там стоял-постоял да тонкой бел шатёр,
 Эй тонкой бел шатёр стоял да бел полотняной.
- ⁵ И-эй во том во шатри белом полотняном
 И-эй тут сидит три удалых да добрых молощца:
 И-эй во первых-де старой казак Илья Муромец,
 И-эй во вторых-де Добрынюшка Никитиц млад,
 Во третьих-де Олешенька Поповиц был.
- ¹⁰ Они стояли на заставы на крепкое
 И-эй стерегли-берегли да красен Киев-град,

- Они стояли за веру за христианскую,
 Що за те же за церкви всё за Божьии.
 И по-й утру¹ ле добры молоццы пробужающэ,
¹⁵ Э они свежой водой ключавой² умывающэ,
 Тонким белым полотенцом й-утирающэ.
 Выходил-де старой казак из бела шатра,
 Он смотрел же в подзорную во трубочку,
 Он на все же на четыре да кругом стороны:
²⁰ Во первой-то стороны — да горы лютыи,
 И во второй-то стороны — да лесы темныи,
 Во третьей-то стороны — да синё морюшко,
 Во четвёртой-то стороны — да цисто полюшко.
 Он смотрел же, гдел да вдоль он по полю,
²⁵ По тому же роздольницу широкому,
 Ко тому же ко морюшку ко синему.
 От того же от морюшка от синего
 Не погода ле там да поднималасе,
 Що не пыль ли во поле роспылаласе —
³⁰ Ишше идёт удалой да доброй молодець
 И не приворащиват на заставу на крепкую,
 Он и прямо-то едёт да в красен Киев-град.
 Тут заходил старой казак в тонкой бел шатер,
 Говорыл же он братьям своим крестовым:
³⁵ «Уж вы ой еси, братыца мои крестовые,
 Во-первых, ты, Добрынюшка Микитиц млад,
 В-третьих же, Олешенька Поповиц был!
 Уж вы що же седите да цего знаите?
 Как наехал на нас и супостат велик,
⁴⁰ Супостат-то велик, удалой доброй молодець:
 Как и едёт молодець-от в красен Киев-град,
 А не приворащиват на заставу на крепкую,
 Он и прямо ведь едёт в красен Киев-град!»
 А-й посылают Олешеньку Поповица:
⁴⁵ «Поежжай-ко, Олешенька, попроведай-ко!»
 Выходил же Олешенька из бела шатра,
 Засвистел-де Олешенька добра коня.
 Как бежит его конь да из циста поля,
 Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
⁵⁰ Тут крутешенько Олешенька коня седлал,
 Он седлал,³ он обуздал коня доброго,
 Он вязал же пад(п)ружечки шелковые
 (Ишше семь-то под(п)ружок да едного шолку,
 А восьмая под(п)руга из семи шолков,

- 55 Ише та же под(п)руга через хребётну кость) —
 А не ради басы, а ради крепости
 Да ради опоры богатырского:
 Не оставил бы конь да во цистом поли,
 Не пришлось бы молоццу пешком итти.
- 60 Он седлал,³ он обуздал коня доброго,
 Он взял же доспехи богатырские.
 Только видели Олешеньку: в стремяна ступил,
 А не видели поезки богатырское.
 А увидели: на поли курева стоит,
- 65 Курева где стоит — да пыль столбом валит.
 Наеждал он удалого добра молоцца —
 Засвистел-де Олеша⁴ по-соловьиному,
 Заревел-де Олешенька по-зверинному,
 Зарычал же Олешенька по-туриному,
- 70 Зашипел он, Олешенька, по-змеиному, —
 Ишше едет молодец, он не огляницсэ.
 Ишше тут же Олешенька прироздумалсэ —
 Поворачивал Олешенька добра коня,
 Поскакал же Олешенька ко белу шатру.
- 75 Приеждал же Олешенька ко белу шатру,
 Тут крутешенько Олешенька во шатёр бежал,
 Говорил же он братьям своим крестовым:
 «Уж вы ой еси, братьица мои крестовии,
 Во-первых, ты, старой казак Илья Муромец,
- 80 Во-вторых-де, Добрынюшка Никитиц млад!
 Ишше едет молодец — да не моя чета,
 Не моя-де чета да не моя верста!
 Ишше едет молодец да по чисту полю,
 Он своима доспехами потешаицсэ:
- 85 Он востро копьё мецёт по поднебесью,
 Он правой рукой мецёт, да левой схватывает;
 На правом его плечи сидит да млад сизой орёл;
 На левом плечи сидит да млад белой кречат;
 Впереди его бежит да два серых волка,
- 90 Два серых же волка, да два как выжлога;
 Назади его бежит да две медведици!»
 Посылают Добрынюшку Микитиця.
 Выходил-де Добрынюшка из бела шатра,
 Засвистел-де Добрынюшка добра коня.
- 95 Как бежит его конь да из циста поля,
 Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
 Как крутешенько Добрынюшка коня седлал,

- Он седлал и уздал да коня доброго,
 Он вязал же под⟨п⟩ружецьки шелковые
 100 (Ише деветь-то под⟨п⟩руг да едного шолку,
 Как десятая под⟨п⟩руга да из семи шолков,
 Ишше та же под⟨п⟩руга через хребѣтну кость) —
 Не для-ради басы, а ради крепости,
 А для-ради опоры богатырского:
- 105 «Не оставил бы конь миня во чистом поли,
 Не пришлось-де молоццу пешком итти».
 Он накладывал седельшко церкальсцето,
 Надевал он уздицьку да всё тесмянную,
 Он и брал себе пле[ѣ]тку да всё ремянную,
- 110 Он и брал все доспехи да богатырские:
 Он и взял все три вострыя ведь сабельки,
 Он и брал все три булатны копыца,
 А подвязал он себе ведь острой мець,
 Он и брал же тугой лук розрывцивой,
- 115 А он надевал же налуцишо каленых стрел,
 Надевал на главу да шляпу греческу.
 Он и с братьями крестовыма прошшаицэ:
 «Вы простите-ко, братица крестовыи,
 Во-первых-де, старой казак Илья Муромец,
 120 Во-вторых-де, Олешенька Поповиц был!
 Уж есле мне на поли как смерть будѣт —
 Увезите меня да в красен Киев-град
 Да предайте меня да ко сырой земли!..»
 Тут крутешенько Добрынюшка на коня скочил,
- 125 Он ише того скорѣ да в стремяна ступил.
 Только видели: Добрынюшка в стремяна ступил,
 А не видели поезки да богатырской.
 А увидели: на поли курева стоит,
 Курева где стоит — да пыль столбом валит.
- 130 Наежжал он удала да добра молоцца;
 Обьеж[ж]ал он удалого да добра молоцца:
 Ишше едѣт, молоццю да всё встречаицсе.
 (Кабы чѣслив⁵ был Добрынюшка — оче⟨с⟩тливой:
 Он и знал же спросити, про себя сказать.)
- 135 Тут соскакивал Добрынюшка со добра коня,
 Он снимал же свою да шляпу греческу,
 Как низко молоцьцику поклоняицсе:
 «Уж ты здрастуѣшь, удалой да доброй молодець!
 Ты куда же едѣшь да куда путь держишь?»
- 140 Говорит тут удалой да доброй молодець,

- И говорит-то он да выхваляе^цсье,
 Он свои^{ма} доспехами потешаи^цсье:
 Он востру саблю ме^цёт по поднебесью,
 Он правой рукой ме^цёт, левой схватыват;
 145 Ише сам из ре^цей выговариват:
 «Уж я еду прямо в красен Киев-град!
 Уж я хóчу, ведь Киев-от в полон возьму,
 Я князя Владимира под ме^ць склоню,
 А Опрак[с]ею-кнегину да за себя возьму,
 150 Уж я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,
 Я святые иконы да копьём выколю,
 Злато-серебро телегами повыкачу,
 Я попов-потриархов⁶ всех под меч склоню,
 Христианьскую веру да облатыню всю,
 155 Ваши головы богатырей повырублю
 А на копыця головушки повысажу!»
 Ишше тут же Добрынюшка не-й ослушалсэ:
 Как заскакивал Добрыня да на добра коня,
 Поскакал-де Добрынюшка ко белу шатру.
 160 Приежжал же Добрыня да ко белу шатру —
 Тут крутешенько Добрынюшка со коня скоцил,
 Тут ише того круце да во шатёр бежал,
 Говорыл же он братьям своим крестовым:
 «Уж вы ой еси, братыця крестовии!»
 165 Как наехал на нас да супостат велик,
 Супостат-то велик, удалой доброй молодець!
 Ише едёт молодець, он да потешаи^цсье —
 Он востро копье ме^цёт по поднебесью,
 Он и сам из ре^цей да выхваляи^цсье:⁷
 170 „Ише еду я прямо в красен Киев-град!
 Уж я хо^цю, Киев-от в полон возьму,
 Уж я князя Владимира под ме^ць склоню,
 Я Опраксею-кнегину да за себя возьму,
 Уж я Божии-ти церкви да все под дым спушшу,
 175 Я святые иконы да копьём выколю,
 Я попов-потриархов⁶ всех под меч склоню,
 Злато-серебро телегами повыкачу,
 Ваши головы богатырей повырублю,
 Как на копыця головушки повысажу”!»
 180 Ишше тут же старому да за беду стало,
 За великую досаду да показалосе:
 Сомутились у старого да очи ясные,
 Росходились у старого да руки белые.

- Выходил-де старой да из бела шатра,
 185 А засвистел-де старой казак добра коня.
 Как бежит его конь да из циста поля,
 Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
 В темях-то старой казак коня седлал:
 А он вязал же подпружечки шелковые
 190 (Как двенаццать-то под⟨п⟩ружок да одного шолку,
 А тринаццата под⟨п⟩руга да из семи шелков,
 Ишше цистых шелков да шамахиньских;
 Ишше та же под⟨п⟩руга цезез хребётну кость —
 Она не для-ради басы, а ради крепости,
 195 Как для-ради опоры богатырского —
 Ишше та же под⟨п⟩руга цезез хребётну кость!),
 Он накладывал седельце да всё черкальцето,
 Надевал он уздицьку да всё тесьмянную.
 Он и взял свои доспехи да богатырскии:
 200 Он и взял все три вострыя-то сабельки,
 Он и брал три булатные все копыца,
 Подвязал же старой, он да себе, он вострой мець,
 Он и брал ведь тугой лук розрывцивой,
 Надевал же он латы да всё кольцожные,
 205 Как на те жа на латы на кольцожные
 Надевал же налуцишше каленых стрел,
 Он и брал же цинжалишше булатноё.
 Тут скорешенько, старой, он на коня скочил,
 Как ишше того круце да в стремяна ступил.
 210 Только видели старого — да в стремяна ступил,
 А не видели поезки да богатырьское.
 А увидели: на поли курева стоит,
 Курева-де стоит — да пыль столбом валит.
 Наежжал он удала да добра молоцца,
 215 Обьежжал он удала да добра молоцца.
 А не две ле горы да сокаталосе,
 Как не два ле сокола да солеталосе,
 Как не два богатыря да соежжалосе —
 Соежжалисе да тут отець с сыном.
 220 Во первых они съехались вострыма копьеми:
 По насадоцькам копыця изломалисе,
 А от рук руковятоцьки загорелисе —
 Они тем боём друг друга не ранили.
 Во вторых они съехались вострыма саблеми:
 225 По насадоцькам сабельки поломалисе,
 А от рук руковятоцьки⁸ загорелисе —

- Они тем боём друг дружку не ранили.
 Да тянулись на тягах да на железных
 Через те же через гривы да лошадиные:
 230 Ишше тяги железны да изломалисе —
 Они тем же боём друг дружку не ранили.
 Соскозили они да со добрых коней,
 Как схватилисе они да в рукопашный бой.
 Они бьютсэ-деруцсэ да трои суточки —
 235 По колен они в землю да утопталисе.
 Окользнула у старого да ножка правая,
 А преуслабла у старого да руцька левая:
 Как упал же, старой, он на сыру землю.
 Тут наскакивал Сокольник да на белы груди,
 240 А он ростегивал латы⁹ его кольцюжные,
 Он вымал же цинжалишшо булатноё —
 Он и хочот у старого пороть белы груди,
 Он и хочот смотреть да ретиво серьцё.
 Ишше тут же старой да казак возмолилсэ:
 245 «Уж ты Спас, ты Спас да Многомилослив,
 Присвятая Мати Божья Богородиця!
 Я стоял ведь за веру да православную,¹⁰
 Я стоял же за церкви да всё за Божие,
 Я стоял же за чесныя монастыри,
 250 Я стерёг-берёг да красен Киев-град —
 А лёжу я тепере да на сырой земли
 Под тема же руками да барсуманина,
 А глежу я тепере да во сыру землю!»
 Ишше тут же старой казак почувствовал:
 255 Ишше тут же у старого вдвоё силы прыбыло.
 А он брал же Сокольника во белы руки,
 Как вымётывал Сокольника по поднебесью —
 Выше лесу его да он стоячего,
 Ниже облака его да всё ходячего.
 260 Как вымётывал его — всё подхватывал,
 Тут скакал же ему да на белы груди.
 Как ростегивал латы его кольцюжные —
 Как увидял на ём да крест серебряной,
 Имянной его — да Ильи Муромца.
 265 Говорыл тут старой-от да таково слово:
 «Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
 Ты коей же земли да коего городу?
 Ты какого оцца да коей матери?»
 И говорит же Сокольник таково слово:

- 270 «Когда был я у ты да на белых грудях —
Я не спрашивал не имени, не вотчины,
Не отечества я, не молодчества!»
Тут и брал его старой-от да за белы руки,
Поднимал тут его да на резвы ноги,
- 275 Цёловал его во уста да во сахарные,
Называл его сыном да всё любимым.
Тут садились они да на добрых коней,
Тут поехали молощцыки ко белу шатру.
Тут стречают-то братья-то его крестовые:
- 280 А во-первых-де, Добрынюш[к]а Микитиць млад,
Во-вторых-де, Олëshенька Поповиць млад.
Тут соходят-то молощцы со добрых коней,
Становили они коней к одному корму,
Ишше сами входили да в тонкой бел шатер.
- 285 Говорит тут старой казак таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Ишше как же те имя, да как те вотчина?»
И говорит тут удалой да доброй молодець —
Ишше стал же молодець да всё росказывать:
- 290 «От того я от морюшка от синего,
От того я от камешка от Латыря,
Я от той же от бабы, да от Златыгорки.
Ишше имя мне, вотчина — Сокольницёк,
А по чистому полю я наезницёк,
- 295 А лет мне от роду да всё двенаццатой!»
Говорит тут старой он да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Поежжай-ко ко морюшку ко синему,
Ко тому же ко камешку ко Латырю,
- 300 Да ко той же ко бабы, да ко Златыгорки,
Да ко той же ко маменьки родимое!
Подрости-ко-се лет ишше двенаццэт ты,
Тогда и будёшь по полю поляковать!»
Ишше тут же молоччыку не пондравилось:
- 305 Выходил же Сокольницёк из бела шатра,
Да скакал-де Сокольницёк на добра коня —
Поскакал-де Сокольницёк ко синю морю,
Как поехал он к маменьки родимое.
Приежжаёт тут к маменьки родимое —
- 310 Да стречает его маменька родимая.
Он и слова со матерью не молвил же,
Он взял же копейцё да всё булатноё —

- Он сколол же маменьку родимую.
Ише тут же Златыгорки славы поют.
- 315 Тут скакал же Сокольник на добра коня,
Как поехал Сокольник ко белу шатру —
Ише хочот сколоть да Илью Муромца.
Подъезжаёт Сокольник ко белу шатру —
Ише в ету ведь пору да и во то время,
- 320 После же той же ведь битвы да всё великоей,
При(й)уснули тут да добры молодцы
Как крепким он[и] сном да богатырским:
Как не слышали потопу лошадиного.
Как соскакивал Сокольник со добра коня —
- 325 Сомутились у Сокольника очи ясныя,
Росходились у Сокольника руки белые:
Ише брал же Сокольник востро копье[ё],
Ише хочот сколоть да Илью Муромца —
Ише прямо направил да в ретиво серьце.
- 330 На груди у Ильи да был имянной крес,
И из чистого он был как золота,
Не велик и не мал — да ровно три пуда.
А как попало копейце да в имянной-от крес —
Скользён[ул]о оно да во сыру землю,
- 335 Как ушло оно в землю да всё во пять сажон.
Ото сну ле тут старой он да пробужаицсе,
Как с великой передряги да просыпаицсэ,
Как увидял Сокольника очи ясныя.
Как не мог¹¹ же Сокольник-то справицсэ:
- 340 Как схватил же Сокольника в руки белые,
А как вымётывал Сокольника по поднебесью —
Выше лесу его ноньце стоящего,
Ниже облака его да всё ходящего.
А как¹² вымётывал его — да не подхватывал.
- 345 И упал же Сокольник на сыру землю —
Как едва же Сокольник, едва дыхат.
Тут скакал-де старой казак на белы груди,
Как ростегивал латы его кольцюжные.
Ише взял же цинжалишшо булатной —
- 350 Роспорол же Сокольникку белы груди,
Росколол у Сокольника ретиво серьце.
Ише тут же Сокольникку славы поют.

№ 79

- От того-де от озёра Маслеёва,
 От тово-де от морюшка от синево,
 Да от серово камешка от Латыря,
 От тою-де ведь бабы да от Златыгорки
⁵ Да родилосе-й у ей да чадо милоё,
 Ишше милоё чадышко любимое,
 Как по имени Сокольник-наезничок.
 Вырастаёт-де Сокольник поскорёшенько:
 Ишше отроду Сокольнику только шесть годов,
¹⁰ А по росту-де Сокольнику равно двадцать лет.
 Ишше стал-де Сокольник похаживать,
 На широку-де-й улицу погуливать
 Да играть-де с ребятами боярским.
 Да играёт-де Сокольник не по-доброму:
¹⁵ Какого-де ухватит за белу руку —
 У того-де молодца да руку выдернёт;
 А какого-де ухватит за резву ногу —
 У того-де молодца да ногу выставит;
 Пос[ер]ёдочки¹ ухватит — живота лишит.
²⁰ А ишше стали-де ходить мужики-новгородьяна
 Да ко тою-де ведь бабушки Златыгорки:
 «Уж ты ой еси, Марфа да ты Златыгорка!
 Да уйми-тко-се своё да чадо милоё;
 Не уймёшь ле добром — дак уймём силою,
²⁵ Укоротам у ёго да веку долгово!»
 Говорит ёму Марфа да всё Златыгорка:
 «Уж ты ой еси, моё да чадо милоё,
 Ты по имени Сокольник-наезничок!
 Не ходи-ко ты больше да на широкой двор,
³⁰ Не играй-ко с ребятами боярским!..»
 Было отроду Сокольнику двенадцать лет —
 Говорыл-де Сокольник таково слово:
 «Уж ты ой еси, моя маменька родимая!
 Уж ты дай-ко-се мне благословеньице:
³⁵ Да поеду ле я да во чисто полё
 Стрелять-де гусей да белых лебедей,
 Перепёрных малых серых утицэй».
 Говорыт ёму маменька родимая:
 «Ты тепериче, Сокольник, молодёшенёк,
⁴⁰ Умом-разумом, Сокольник, глупёшенёк:
 Потеряёшь понапрасно буйную голову!»

- Говорил-де Сокольник по второй закон:
 «Уж ты дай-ко-се мне благословеньчѣ!»
 Говорила ёму маменька родимая:
 45 «Поежжай-ко-[с]е, моё да чадо милоё, —
 Не обидь ты не старово, не малово,
 Не проливай-ко-се крови ты напраснои!
 Не увидишь ле старово седатово,
 Да старого казака да Ильи Муурофця?
 50 Не доедѣшь до ёго — да со коня слезай;
 Не дошедши до ёго — да низко кланяйся:
 Он сильной-могучий-от богатырь-от!»
 Да пошол-де Сокольник да на конюшин двор,
 Выбирал-де Сокольник коня доброго
 55 Да седлал-де-й, уздал да сбруей ратною:
 Подпругивал подпругов до двенадцати,
 Да тринадцатою степь через хребѣтную —
 Ту не ради басы, дак ради крепости,
 Тово ради-й опоры богатырсково.
 60 Выбирал-де Сокольникѣк сбрую ратную:
 Ишше брал-де Сокольникѣк саблю вострую,
 Ишше брал-де ён полоцку² боѣвую,
 Ишше брал-де копычѣ долгомерноѣ.
 Да собралсѣ Сокольникѣк поскорешенько,
 65 Попростилсѣ со маменькой родимою,
 Да скакал да Сокольникѣк на добра коня.
 А только видели посяску да молодецкую,
 А не видели поезки да богатырскоѣ;
 Только видят: во чистом поли курева стоит,
 70 Курева-де стоит — да дым столбом валит.
 Ишше едѣт-де Сокольник³ по чисту полю —
 Конь вымѣтыват ископыти по поднебесам.
 Подхватывал Сокольник-наезничок,
 Да на ископыти подписи подписыват:
 75 «Ише как же я владею своим добрым конѣм,
 Да ише как же я владею своим вострым копѣм —
 Да так бы мне владеть руським богатырѣм,
 Да старыем казаком да Ильей Мууровцѣм».
 А да ту-де ведь пору да на то времѣцко
 80 Ише ехал стар казак да Илья Муромецъ,
 Ише ехал стар казак да из чиста поля
 Да наехал на ископыть великую.
 Да на ископыти надписи написаны:
 «Ише как же я владею своим добрым конѣм,

- 85 Ише как же я владею своим вострым копьём —
 Да так бы мне владеть руським богатырём,
 Старьем казаком да Ильей Муровцём».
 Прочитывал Илья да скоро-наскоро;
 За беду пало Илеюшки за великую,
- 90 За велику за досаду показалосе:
 Поехал стар казак да во сугон за ним.
 Как наехал-де Сокольника во чистом поли,
 Закрывал-де стар казак да громким голосом:
 «Й-уж ты ой еси-й, удалой да доброй молодець!»
- 95 Ты какого-де города, какой земли?
 Уж ты какого оцца да какой матери?»
 Оввёрнулса Сокольник-наезничок,
 Да выхватывал Сокольник саблю вострую.
 Да рубилисе ёни да саблями вострыма —
- 100 Некоторой некоторово не ранили,
 К ретивым-де сердцам раны не придали.⁴
 Ишше сабельки востры ишшорбалисе.
 Кололисе копьями да долгомерныма —
 По насадочкам копья извёрнулисе:
- 105 Некоторой некоторово не ранили,
 К ретивым-де сердцам раны не придали.
 Ишше билисе палками буёвыма —
 В руковяточках палки да изломалисе:
 Некоторой некоторово не ранили.
- 110 Да тянулись через гривы да лошадиныя —
 Некоторой некоторово не вытянул.
 Да скакали-де ребятушка со добрых коней,
 Да схватилисе ребятушка в охабочку
 Крепким-де боём да рукопашным.
- 115 Ишше водяццэ ребятушка день до вечора —
 Некоторой некоторово не бросили:
 Да втоптали ёни да по колен в землю.
 Ише водяцца ребятушка вторы суточки —
 Да втопталисе они да всё по поясу:
- 120 Некоторой некоторово не бросили.
 А по Илеюшкину да по несчасьицу,
 По Илеюшкину да безремен[и]чу
 Права ножка у Илеюшки подскользнуласе —
 Да упал-де стар казак да на сыру землю.
- 125 А да скакал Сокольник на белы груди,
 А да ростегивал латы да он кольчужныя,
 Как ростегивал он пуговки вольясьния;

- Вынимает Сокольник саблю вострую,
 Ишше хочот распороть да всё белы груди.
 130 Да змолилса стар казак да Илья Муровец:
 «Уж ты Спас ле, ты Спас, да ты Пречистый,
 Присвята Мати Божья Бого[ро]дица!
 Ише на поли-де мне да смерть не писана:
 Да стоял я за церкви-ти за Божии,
 135 За ту-де ведь веру да христианцкую,
 Не проливал-де я крови да всё напрасную,
 А тепериче мне да помирэть надо
 От такого-де тотарына неверного!»
 По[д]хватила полоса да ветра буйново
 140 Да сбросила Сокольника на сыру землю.
 Ставал-де стар казак да на резвы ноги,
 Да скакал-де стар казак да на белы груди
 Ко тому-де ко Сокольницьку-наезницьку;
 Ишше сам говорит да таково слово:
 145 «Уж ты ой еси-й, удалой да доброй молодец!
 Ты какого-де города, какой земли?
 Ты какого-де оцца да какой матери?»
 Да на те слова Илеюшки ответу нет.
 Говорыл-де стар казак да во второй након:
 150 «Уж ты ой еси-й, удалой да доброй молодец!
 Ты скажи-де мне да таково слово:
 Ты какого-де города, какой земли?
 Ты какого-де оцца да какой матери?»
 Говорыт-де Сокольничок-наезничок:
 155 «Когда был я у тя да на белых грудях —
 Да не спрашивал не города, не какой земли,
 Да не спрашивал не роду тя, не племени!..»
 Вынимает стар казак да саблю вострую:
 Ише хочот-де пороть да груди белыя,
 160 Посмотреть у ёво да ретиво серцо.
 Ише тут-де Сокольничок расплакалсэ
 Да старому казаку да прирозжалилсэ:
 «От того-де от морюшка от синёво,
 От того-де-й от озёра Маслеёва
 165 Да от серово камешка от Латыря,
 От тою-де ведь бабы да от Латыгорки!»
 Ишше брал-де стар казак да за белы руки,
 Поднимал-де Сокольничка на резвы ноги,
 Человал-де Сокольничка в уста сахарныя:
 170 «Уж ты здрастуй-де, моё да чадо милоё!

- Ишше тепере ты мне да будёшь сын ноньчѣ!»
 Да поехали ёни да по чисту полю
 Со тем же со старым казаком Ильей Муровцом.
 Говорыл-де стар казак да Илья Муровец:
 175 «Ты поедёшь-де, Сокольник-наезничек,
 Да приедёшь домой к маменьки родимую —
 Ишше кланейсе от меня да ты большой поклон,
 Да большой-от поклон да низкой до земли!»
 Попростилисе с Сокольничком-наезничком.
 180 Приежжаёт-де Сокольник ко маменьки.
 Ишше спрашиват-де маменька родимая:
 «Ты куда-де, моё чадышко, поездило?»
 Уж ты видял ле старово седатово,
 Да старово⁵ казака да Илью Муровця?»
 185 Говорыл-де Сокольник-наезничек:
 «Уж я видял там старово седатово,
 Старого казака да Илью Муровця,
 Говорыл-де он слова да нехорошия:
 Да тибя зовёт блядью, миня выблядком!»
 190 Говорыл-де Сокольник-наезничек:
 «Да второй-де раз поеду во чисто полё,
 Да наеду где я старово седатово,
 Старого казака да Илью Муровця —
 Да за эти же слова ему голову срублю!»
 195 Да скакал Сокольник на добра коня,
 Ишше сам говорыл да таково слово:
 «Уж ты ой еси, маменька родимая!
 Ты подай-ко мне копьё да долгомерноё,
 Да поеду-де я да во чисто полё».
 200 Подавала ему маменька родимая
 Ишше⁶ то-де копьё да долгомерноё.
 Принимал-де Сокольник за тупой конец
 Да ударыл-де копьём да долгомерным,
 Ударыл-де маменьку родимую:
 205 И ударыл-де он да всё вострым копьём,
 Вострым-де копьём да всё вострым концом,
 И-й ударыл-де⁷ он да напротив сердца —
 Заколел-де он маменьку родимую.
 Да поехал-де он во чисто полё
 210 Искать стара казака Илью Муровця.
 Да наехал-де Сокольник во чистом поли
 Да старого казака да Илью Муровця.
 Да выхватывал Сокольник саблю вострую:

- Ише хоцёт отрубить дак буйну голову.
²¹⁵ А на ту пору Илеюшка ухватцив был:
 Да выхватывал свою да саблю вострую,
 Отмахнул у Сокольника саблю вострую
 Да ударил-де Сокольника в буйну голову —
 Отрубил у Сокольника буйну голову.
²²⁰ Ише тут-де Сокольничку славы поют.

№ 80

- А от то́го от морюшка от синёго,
 А от того от камешка от Златыря,
 А от той как от бабы от Златыгорки
 А родился тут Сокольник-наезник.
⁵ А ише отроду Сокольнику двенаццэт лет.
 А-й да пригрело-припёкло тут красное солнышко;
 А выходил тут Сокольник на красно крыльце,
 А посмотрел он во дутоцьку подзорную
 А на то же на пóсолонь сонця красного.
¹⁰ А во-первы́, он гдел да на синё морё,
 А во-вторы́, гдел он да во цисто полё —
 А заздрил-засмотрел в поли три шатрика.
 Заходил где-ка Сокольник во светлу грыню,
 А ише падал своей матери во резвы ноги:
¹⁵ «А уж ты ой еси, родима моя матушка!
 Ише дай-ко-се мне благословеньце:
 Я поеду, молодець-парень, во цисто полё!»
 Говорила тут родима да ёго матушка:
 «Уж ты ой еси, моё дитя сердесьнёе!
²⁰ А годами-то ведь ты ещё молодёхонько,
 А умом-разумом ты нонь глупёхонько!»
 А говорит тут Сокольник-наезник:
 «А уж ты дай-ка мне ехать благословеньце.
 А да не дашь ты как нонь — да я поеду же!»
²⁵ А да дала где ему благословеньце.
 Да пошел де-ка Сокольник да на конушин двор,
 Ише брал себе коня — да лошадь добрую,
 А да седлал-де, уздал да коня доброго,
 Надевал на себя латы кольцюжные,
³⁰ Ише брал себе луцёк да каляну стрелу,
 А ише брал себе сабельку тут вострую,
 Ише брал себе палоцьку буёвую

- А ише то же копейцѣ да брусоменьцятю,
 А да седлал-де, уздал да тут коня доброго.
- 35 А мать-та ему да нонь наказыват,
 Молодому-ту ему да наговариват:
 «А ты поедѣшь, моѣ дитятко, во цисто полѣ,
 А ты наедѣшь, моѣ дитятко, на три шатрика:
 А во первом шатри Илеюшка-стары казак,
 40 А во втором шатри Добрынюшка Микитиць млад,
 А во третьем шатри Олѣша все Поповиць млад.
 А у Илеюшки конь-от да наусив где сив,
 Ише сам-от Илейка да наубел где бел,
 Голова-та у Илеюшки седым-седа,
- 45 А борода-та у Илеюшки нонь белым-бела.
 А не доежживай, дитятко, — с коня скаци,
 Не дохаживай, дитятко, — целом ударь:
 Ишше тот как тебе да родной батюшко!»
 А да садилсэ Сокольник на добра коня,
- 50 А поехал Сокольник во цисто полѣ.
 А ездит он в поли да розъежжаицьсе,
 А своим вострым копейцѣм да потешаицьсе:
 А кинал востро копѣ кверху по поднебесью,
 Правой руццюшкой он бросит, да левой подхватит.
- 55 Ише сам он ко копейцю да приговариват:
 «Уж я сколь бы я лѣкко тобой, копѣм, владел —
 Ише так бы мне владать бы да старым казаком!
 А-й да Илеюшку я Муромця конѣм стопьцю,
 Уж я руських-то богатырей¹ повысмотрю,
- 60 А на востру тут их сабельку повырублю,
 А на белу их бумажецьку повыпишу,
 Уж я Киев-от град да во полон возьму,
 Уж я Божьи-то церкви да на огни сожгу,
 А у князя у Владимира голову срублю,
- 65 А Опраксею-кнегину да за себя возьму!»
 Ише было во ту пору, во то время
 Выходил где² Илеюшка из бела шатра.
 А гледел он во дутоцьку во подзорную
 А на то же на пѣсолонь сѣньця краснаго.
- 70 Во-первых, он гледел на крашон Киев-град,
 А во-вторых, он гледел да на синѣ морѣ,
 Во-третьих, он гледел сам во цисто полѣ.
 Он завидял где в поли да неприятеля —
 А того же дороднѣго добра молоцца.
- 75 Заходил где Илеюшка во белой шатѣр,

- Закрыццал где Илейка тут громким голосом:
 «А уж вы ой еси, удалы добры молодци,
 Уж вы руськие могуцие богатыри!
 Ишша полно-ко вам спать, да вам пора ставать:
- 80 Я завидял где в поли да неприятеля —
 А того же дородня да доброго молодца!
 А ишше надо молодца да принаехати,
 Принаехати надо да приокликати.
 А ише хто из нас поедёт да во цисто полё?
- 85 А Олёши-то ехать — да не доехати,
 Не доехать Олёши да не окликати.
 А Добрынюшка было дитятко умноё,
 А (и)шше можот молодца он да принаехати,
 Принаехати ёго можот, приокликати!»
- 90 Ише стал тут Добрынюшка срежатисе,
 Ише стал тут Микитиць да сподоблятисе:
 А надевал на сибя латы кольцюжняя;
 Ише брал сибе луцёк да калену стрелу,
 А ише ту-де как сабельку нонь вострую,
- 95 А ише ту-де как палоцьку буёвую,
 А ише то же копейцё да брусоменьцятю.
 А седлал где, уздал да коня доброго.
 А да поехал-де Добрынюшка во цисто полё
 А да к тому же ко дороднёму доброму молодц[ю].
- 100 А наехал молодца тут на цистом поли —
 А стал у молодца да всё выспрашивать:
 «Уж ты здрастуёшь, удалой да доброй молодець!
 А которово ты города, коей земли?
 А какого оцьця, какой ты матери?»
- 105 Ише как тибя, молодець, именём зовут?
 Да куда же ты едёшь да кúда прависьсе?»
 А спроговорит Сокольник-наезник:
 «А еду я от морюшка от синёго,
 А от то́го от камешка от Златыря,
- 110 А от той-де от бабы да от Златыгорки —
 А зовут меня Сокольник-наезник!
 А Илеюшку я Муромця конём стопцю,
 А уж я руських-то богатырей повысмотрю,
 А на востру их сабельку повырублю,
- 115 А на белу их бумажецьку повыпишу,
 Уж я Киёв-от град да во полон возьму,
 Уж я Божьи-то церкви все на огни сожгу,
 А у князя у Владимира голову срублю,

- А Опраксею-кнегину да за себя возьму!»
- 120 А ишше тут же Добрыня да свет Микитиць млад
А поехал-де Добрыня да ко белым шатрам.
А стрещят ёго Илья да нонь стары казак.
А говорит-де Добрыня да таковы слова:
«А едёт, робята, — да не моя цёта,
125 Не моя цёта едёт и не мне родня:
А он едёт от морюшка от синёго,
А от того от камешка от Златыря,
А от той-де от бабы да от Златыгорки, —
А зовут ёво Сокольникком-наезникком!»
- 130 А говорит-де стары казак Илья Муромець:
«А ише преже Резань да слободой слыла,
А ише ноньце Резань да словёт городом —
А ише неким мне-ка, старику, заменитисе,
А неким мне-ка, старику, распоредитисе!»
- 135 А стал тут Илеюшка срезатисе,
А ише стал-де стары казак сподоблятисе:
А надевал на сибя латы кольцюжные,
Ишше брал сибя луцёк тут да калену стрелу,
Ишше ту где сабельку нонь вострую,
140 Ишше ту где-ка палоцьку буёвую,
Ишше то же копейцё да брусоменьцятю.
А поскоре он садилсэ да на добра коня,
А поехал Илейка да во цисто полё
А к тому-де дороднёму доброму молоццю.
- 145 Ише сам говорит тут да таковы слова:
«А не застрелил ты гуся — нонь тербишь тут,
А не спробовал молоцця — да ноньце хвастаёшь!»
А не золото с золотом сливалосе,
А не серебро с серебром стекалосе,
150 А не две-де горы вместях сокаталосе —
А [не] два молоцця вместях соежжалосе.
А да розъехались на сабельки на вострые —
А сабельки у их тут пошшорбалисе.
А розъехались на палоцьки на буёвые —
- 155 А тут они друг друга не ранили,
А палоцьки у их в руках розвихалисе.
А розъехались на копейця тут на вострыи —
А копейця-ти у их в руках поломалисе.
А стрелели тут они да ноньце друг друга —
- 160 Они сами сибя да тут не ранили.
А соскоцили они да со добрых коней,

- А да схватились они да тут в охабоцьку.
 А водились они с утра день до вецёра,
 А со вецёра они да до полу ноци,
 165 А с полу где ноци да до бела где свету —
 А забродили они да в пол колен греди.
 А по Илеюшкину было нонь да по нещасьицю,
 А по Сокольникову было да ноньце сщасьицю
 Ише права-та руццюшка промахнуласе,
 170 Ише лева-та ножецька извернуласе —
 А бросал-де-ка Сокольник на мать сыру землю.
 А скакал-де Илейки да на белы груди,
 А ростегивал латы да всё кольцожные,
 А хоцёт пороть да всё белы груди,
 175 А хоцёт вымать да ретиво серьцё.
 Говорил тут Илеюшка-стары казак:
 «А не ланно у святых отьцёй написано,
 А не ланно у святых отьцёй удумано,
 Що Илеюшки быть тут да не убитому!»
 180 А говорил где³ Сокольницёк-наезницёк:
 «Уж ты старой, ты старой, да старой глупой нонь!
 А ише неким те-ка, старому, заменитисе,
 Ише неким те-ка, старому, распоредитисе!
 А поставил⁴ бы, старой, ноньце ты келейку
 185 В край где-ка, старой, да край дорожецьки —
 Ише стали бы тя, старого, поить-кормить!»
 А говорил где² стары казак Илья Муромець:
 «А не выдай меня, Осподи, на поруганье,
 А нецистому тотарину на потарзанё:
 190 А не стоял ле я за церкви да я за Божьи нонь,
 А за те за поцёсьные монастыри,
 А за тех я за вдов за благоверные?»
 А у Илеюшки силы вдвоём прибыло,
 У Сокольника силы вдвоём убыло:
 195 А шибал где Сокольника со белых грудей.
 А скакал где ёму да на белы груди,
 А ростегивал латы да всё кольцожные,
 А вымал-де из-за малуцья⁵ свой булатной нож —
 Ише хоцёт пороть да всё белы груди,
 200 Ише хоцёт вымать да ретиво серьцё.
 А увидял-де Илейка свой старинной крес —
 А брал молоцца да за белы руки,
 Подымал молоцца да на резвы ноги,
 Ишше стал у молоцца да всё выпращивать:

- 205 «А которого ты города, коей земли?
 А какого оцця, какой ты матери?
 А как тибя, молодець, именём зовут?»
 А говорил тут Сокольник-наезник:
 «Кабы был, кабы жил я на твоих грудях —
- 210 А не спросил бы я не имени, не вотчины,
 Не отецьсва я, не молодецьсва!»
 И ише тут-де Илейки за беду пришло,
 За велику досаду показалосе:
 А вынял Илейка саблю вострую —
- 215 Отрубил у Сокольника буйну голову.
 А поехал Илеюшка ко белым шатрам,
 А воткнул где главу да на востро копьё,
 А сам он, Илейка, да похваляицьсе:
 «А на веку́ такого цюда я не видывал,
- 220 На веку́ такого цюда да я не слыхивал!»
 Ише тут же Сокольнику славы поют.

№ 81

- А да ко тому было ко морю, морю синёму,
 А ко синёму как морюшку Студёному,
 Ко тому было ко камешку-ту ко Латырю,
 А ко той как бабы да ко Златыгорки
- 5 А к ней гулял-ходил удалой ведь доброй молодець,
 А по имени старой казак Илья Муромець.
 Он ходил-гулял, Илеюшка, к ней двенаццэт лет,
 Он ведь прижил ей чадышко любимое.
 Он задумал, стары, ехать во чисто полё —
- 10 Он ведь стал где Златыгорки наговарывать,
 Наговарывать, как крепко ей наказывать,
 Оставлял он ведь ей ноньче свой чудён крес<т>,
 Он ише оставлял с руки злачен перстень:
 «Уж ты ой еси, баба да вьсе Златыгорка!
- 15 Если сын у тя родицьсе — отдай чудён крес[т];¹
 Если дочь у тя родицьсе — отдай злачен перстень!»
 А поехал тут старой казак во чисто полё.
 Много-мало тому времени минуицьсе —
 А от той-де от бабы от Златыгорки,
- 20 От ней рожайтсэ молоденькой Сокольник.²
 Он не по годам ростёт, Сокольник, — по часам:
 Каковы-то люди в людях во сёмнаццат лет,

- А у нас был Соколицѣк семи годов.
Ишше стало Соколицѣку двенаццэтѣ лет —
- 25 А тут стал выходить да на красно крыльцо,
Он зрѣть-смотрѣть стал в трубочку подзорную:
Во-первы-ти, он смотрел нонь по чисту полю,
Во-вторы-ти, он смотрел нонь по синю морю,
Во-третьи-ти, он смотрел на соломя окатисто,
30 Во-последни, он смотрел на стольне Киев-град.
Он задумал съездить взять ведь крашен Киев-град.
Он ведь стал просить у маменьки благословленьиця:
«Уж ты дай мне-ка, мать, благословленьицѣ
Мне-ка съездить, добру молоцьцю, на чисто полѣ!»
- 35 А даѣт ѣму маменька благословленьицѣ,
А даѣт ѣму родима, наговариват:
«А поедѣшь, моѣ дитятко, во чисто полѣ —
А наедѣшь ты в чистом поли на старого:
А борода-та у старого седым-седа,
40 А голова-та у старого белым-бела,
А под старым-то конь был наубел он бел,
Хвост-от, грива у коня была черным-черна —
До того ты до старого не доежживай,
Не доежживай³ до старого — с коня скаци;
45 До того до старого ты не дохаживай —
А тому где старому низко кланейсе:
А ведь тот тебе старой казак — родной батюшко!»
А ведь тут ето Соколицѣку за беду пришло,
За велику за досаду показалося.
- 50 А снарежался тут Соколицѣк в платѣѣ в цветноѣ,
Одевал он на себя сбрую богатырскую,
Выводил тут Соколицѣчок добра коня.
Он седлал-уздal, Соколицѣчок, добра коня:
Он на коничка накладывал сам потнички,
55 Он на потнички накладывал всѣ войлучки,
Он на войлучки — седельшко черкальскоѣ
О двенаццѣти под[п]руженьках шелковых-е,
Он тринаццату подпругу — цѣрез хрибѣтну кость,
Цѣрез ту цѣрез сте⟨п⟩ь⁴ лошадиную.
- 60 Тут заскакивал Соколицѣк на добра коня.
А не видели, Соколицѣк как на коня скоцил,
Только видели, Соколицѣк как в стремяна ступил.
А не видели поезки богатырское,
Только видели: во полюшки курева стоит,
65 Курева где стоит — да дым столбом валит.

- А тут выехал Сокольник на чисто полё —
 Он и стал по чисту полю розъежживать.
 Он и ездит во поли, потешаицьсе,
 Он тотарьскима утехами забавляицьса:
 70 Он и свищот копьё своё по поднебесью,
 Он и правой рукой бросит, левой подхватит,
 Он ведь сам по копейцю приговариват:
 «Уж я коль лёкко владею нонь тобой, копьё, —
 Столь лёкко мне повладеть старым казаком!»
 75 А по утрицьку-утру было ранному,
 По восхожому солнышку как было красному
 Выходил тут стары казак из бела шатра.
 Он зрил-смотрел во трубочку в подзорную:
 Он, первы-ти, смотрел на стольне Киев-град,
 80 Во-втори-ти, он смотрел да по чисту полю —
 Он завидял во чистом поли неприятеля.
 А да заходил тут старой казак во белой шатёр:
 «Уж вы ой еси, удалы добры молоцьци!
 А готово⁵-те спать, да вам пора ставать,
 85 А пора вам ставать — дак время ехати,
 Уж нам ехать ведь надо во чисто полё:
 В поли ездит есь удаленькой доброй молодець.
 У нас ехати Ивашку Долгополуму —
 У нас то было дитятко едрёное,
 90 А едрёно оно дитятко — непроборное:
 Понапрасно погубит свою буйну голову.
 У нас ехать Олешеньки Поповичу —
 У нас то было дитятко несильнөө,
 Умом-раз[ум]ом дитятко заплывьциво:
 95 Понапрасно погубит свою буйну голову.
 У нас ехать Добрыни сыну Микитичу —
 У нас то было дитятко едрёное,
 А едрёно было дитятко-то вежливо,
 Было вежливо дитятко, очесливо:
 100 Он и можот добра молоцьця принаехати,
 Он и можот ёго да приобъехати,
 Он и можот добру молоцьцю и цесь воздать!»
 Тут и стал где Добрынюшка снарежатисе:
 Надевал он на себя латы кольцюжнныя,
 105 Надевал он где платьце-то цветное,
 Надевал он на сибя сбрую боғатырьскую —
 А пошол тут Добрынюшка из бела шатра.
 Выходил тут Добрыня из бела шатра,

- Он седлал-уздал, Добрынюшка, добра коня,
 110 А заскакивал Добрынюшка на добра коня —
 Он поехал, Добрыня, во чисто полё.
 Выежжал тут Добрынюшка на чисто полё,
 Он наехал Сокольника во чистом поли.
 Он наехал ёго, да приобъехал же,
 115 Он соскакивал, Добрынюшка, со добра коня,
 Он тому где молодьцю сам низко кланялся:
 «Уж ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!
 А которого ты города, коей земли?
 А которого оцьця ты, коей матери?»
 120 Тибя как, молодець, нонь именём зовут,
 Тибя как величают по извотчины?
 А куда ты нонь едёшь, куда путь дёржишь?»
 Отвечал тут удалой доброй молодець:
 «Уж я еду к вам на славной крашен Киев-град:
 125 Уж я руських богатырей повысмотрю,
 Я на сабельку богатырей повырублю,
 На бумажечку богатырей вас повыпишу,
 Я на быстру на реченьку повысвищу,
 Уж я старого казака конём стопчу,
 130 Я Владимиру-князю голову срублю,
 А кнегину-ту Опраксею за себя возьму,
 Уж я Киев-от город весь огнём сожгу,
 Уж я церкви-ти Божьи все под дым спущу!»
 А тут заскакивал Добрынюшка на добра коня,
 135 А поехал Добрыня ко белым шатрам.
 А приехал Добрынюшка ко белым шатрам,
 Заходил тут Добрынюшка в белой шатёр,
 Говорил тут Добрыня таково слово:
 «Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромець!
 140 Уж там ездит в поли молодець — не моя чота,
 Не моя чота ездит, не моя ровня.
 А да от того ле он от моря, да моря синёго,
 Он от синёго ведь морюшка Студёного,
 От того он от камешка от Латыря,
 145 Да от той он от бабы от Златыгорки,
 А зовут ёго молоденьким Сокольником.
 Он ведь едет к нам на славен крашен Киев-град,
 Он и хочот нас, богатырей, повысмотреть,
 Он на сабельку, богатырей, нас повырубить,
 150 На бумажечку богатырей повыписать,
 Он на быстру на реченьку повыметать,

- Тибя, старого казака, конём стоптать,
 А Владим[ер]у-князю голову срубить,
 А кнегину-ту Опраксею за себя взамуж взять,
 155 Хочот Киев-от город весь огнём сжегчи,
 А как церкви-ти Божьи все под дым спустить!»
 А тут-де старому за беду пришло,
 За велику за досаду показалосе.
 Тут и стал где стары казак снарежатисе,
 160 Поскоре того Илеюшка сподоблятисе:
 Надевал он на себя латы кольцюжнныя,
 Надевал на себя он платёе цветноё,
 Он и брал с собой сбрую всю богатырскую.
 А пошол тут старой казак из бела шатра,
 165 А седдал-уздал стары казак добра коня,
 Он поехал, старой казак, в чисто полё,
 Он наехал Сокольника на чистом поли.
 Заревел тут Сокольник по-звериному,
 Засвистел тут Сокольник по-соловьёму,
 170 Зашипел тут Сокольник по-змеиному —
 Тут и матушка сыра земля потряхалосе,
 А сыры-ти тут дубы погибалисе,
 А вёршиной за комель заплёталисе,
 А сухи-ти ведь дубы поломалисе,
 175 У Илеюшки доброй конь пал накарачь.
 Он и бил, стар, коня нонь по крутым бедрам,
 Он и сам ко коню, стар, приговарыват:
 «Уж ты ой еси, конь мой — травяной мешок!
 Не слыхал ле ты порёву звериноного,
 180 Не слыхал ле ты пощипу змеиноного,
 А того где ты свисту соловьиного?...»
 У Илеюшки конь тут осержаицсэ —
 От сырой земли конь дак отделяицсэ.
 Он наехал Сокольника на чистом поли,
 185 Он наехал ёго и приобъехал же,
 Он и сам говорил, стар, таково слово:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
 Не застрелил ясна сокола — теребишь же;
 Не убил добра молоцца — ездись-хвастаёшь!»
 190 А не две тут грозных тучи сокаталосе, —
 А два сильних богатыря соеждалалосе.
 Они съехались на сабельки-ти вострыя —
 У их востры-ти сабли пощорбалисе:
 Они тем боём друг друга не ранили.

- 195 Они съехали на копыя брусаменьчаты —
 По насадочкам копыя повертелисе:
 Они тем боём друг друга не ранили.
 Они съехали на палици боёвыя —
 А боёвы у их палици поломалисе:
- 200 Они тем боём друг друга не ранили.
 А скакали молочьчи тут со добрых коне[й]⁶
 А схватились крепким боём, рукопашкою.
 А боролись они с утра день до вечора,
 А со вечора боролись до полуночи,
- 205 Со полуночи боролись до бела свету —
 А всёго они боролись трои суточки,
 А по щасьцию тут было по Сокольникову,
 По нещасьцию было по Илеюшкину —
 Подкатилась у старого ножка правая,
- 210 Промахнулась у старого нога левая:
 А тут падал-де старой казак на сыру землю.
 А заскакивал Сокольник на белы груди —
 Он не спрашивал не имени, не вотчины,
 Не отечества не спрашивал, не молодечества —
- 215 Вынимат из-за налучья свой вострой нож,
 Он ростегиват пуговки вольячныя —
 Он и хочот пороть ёго груди белыя,
 Он и хочот смотреть да ретиво сердце.
 А ведь тут-де старому за беду пришло,
- 220 За великую досаду показал[ос]е —
 А змолилса тут старой казак Илья Муромець:
 «Уж ты ой еси, Спас да Многомилослив,
 Присвята Мати Божья Богородича!
 Не стоял ле я за веру православную?»
- 225 Не стоял ле я за черкви-ти за Божия?»
 Не стоял ле за намастыри⁷ покрашоны?»
 Не стоял ле я за славен крашен Киев-град?»
 А сказали, що старому в поле смерть не писана,
 А теперече старому, верно, смерть прыдёт:
- 230 Ты не выдай меня, Восподи, на чистом поли
 А поганому тотарину на поруганьё!»
 А у старого силочки где прыбыло,
 А тут прыбыло силочки вдвоём-вт[р]оём,
 А вдвоём-втроём прыбыло — ровно впетером.
- 235 Он смахнул-свёрнул Сокольника со белых грудей,
 Он заскакивал Сокольнику на белы груди,
 Он и сам говорил да таково слово:

- «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
 А которого ты города, коей земли?
 240 А которого оуця, которой матери?
 Тибя как, молодець, именём зовут,
 Тибя как величают по отечесьству?»
 Отвечат тут удалой доброй молодець:
 «Уж ты ой еси, старая старэльщина!
 245 Я когда был у тибя ведь на белых грудях,
 Я не имени, не вотчины не спрашивал,
 Не отечества не спрашивал, не молодецесва:
 Вынимал из-за налучья свой вострой нож —
 Я хотел у тя пороть да груди белыя,
 250 Я хотел у тя смотреть ведь ретиво серьцо!»
 Говорит ёму старой казак во второй раз:
 «Скажи, молодець, как тя именём зовут?..»
 Отвечал ёму удаленькой доброй молодець:
 «Когда был я у тебя ведь на белых грудях,
 255 Я не спрашивал не имени, не вотчины —
 Я хотел твои пороть ведь груди белыя!..»
 Говорил ёму старой казак Илья Муромець:
 «А скажи ты, молодець, как тя именём зовут,
 Тибя как величают из отечесьва?»
 260 Отвечал тут малоденькой⁸ Сокольникочок:
 «От того же я от моря, моря синёго,
 От синёго я морюшка Студёного,
 От того я ведь от камешка-та Латыря,
 Да от той я бабы от Златыгорки,
 265 А зовут меня малоденьким Сокольником!»
 А ставал тут стары казак на резвы ноги,
 Он ведь брал где Сокольника за белы руки,
 Становил он Сокольника на резвы ноги,
 Цёловал ёго в уста он во сахарные,
 270 Он и сам говорил таково слово:
 «Уж как я тебе ведь нонь родной батюшко!»
 Тут скакали молоцьци на добрых коней,
 А поехали они тут ко белым шатрам.
 А приехали они ко белым шатрам,
 275 Соходили молоцьци тут во белой шатёр —
 Они пили во белом шатри трои суточки.
 А поехал тут Сокольник во чисто поле
 Ко тому же он ко морюшку ко синёму,
 Ко своей он к родимой-то ко матушки.
 280 А завидяла ёго ведь мать родимая,

- Выходила она ведь на красно крыльцо,
 А встречала как Сокольника из чиста поля —
 Она стретила Сокольника у красна крыльця.
 Тут соскакивал Сокольник со добра коня,
 285 Он сказал ведь, срубил ей буйну голову.
 Много-мало тому времени минуицэ —
 Он поехал опять ведь во чисто полё,
 Он наехал во чистом поли белой шатёр:
 Тут и спит в шатре стары казак Илья Муромець.
 290 Не зашел тут Сокольник во белой шатёр:
 Он и брал копье своё-то ноне востроё —
 Он кинал ёго старому во белы груди.
 И прилетело копье старому ноньче в чудён крест —
 И спробудилса тут старой казак Илья Муромець.
 295 Он выскакивал, стары казак, из бела шатра,
 Он хватал где Сокольника за чесны кудри,
 Он метал ёго над вышину небесную,
 Он мётал где Сокольника — не подхватывал.
 Тут и падал Сокольник на сыру землю...
 300 Да и тут-де Сокольнику славы поют,
 А славы поют Сокольнику — старины поют.

№ 81а

$\text{♩} = 92$

Ко то-му бы-ло ко мо-рю, мо-рю си-нё-му,

А ко си-нё-му ко мо-рюш-ку Сту-дё-ко-му,

Ко то му бы-ло ко ка-мешку ко Ла-ты-рю,
(о) ко

А ко той бы-ло ко ба-бы ко Зла-ты-гор-ки...
да ко

* Действительно так.

№ 82

Ночь от морюшка-моря, да моря синёго,
 От того же от морюшка Холодного,
 От того же от камешка от Латыря,
 Да от той же бабы-девки Латыгорки
 5 Поежджёт Сокольник да на цисто полё.
 Да просил же от матушки благословеньице, —
 Благославляла ёго матушка по цесности.
 На поезди Сокольнику наказыват:
 «Уж ты ой еси, моё да цядо милоё!
 10 Уж ты выедёшь нонь да на цисто полё,
 Увидашь ты-де старого седатого —
 Да соскакивай¹ ты да со добра коня,
 Да снимай ты-ко шляпоцьку пуховую
 Да низко старику — да низко кланяйсе:
 15 Да старой-ёт седатой — тебе родной отець!»
 Тому слову Сокольник да не ослышилсэ.
 Да пошол где Сокольник да на конушин двор,
 Выбирал он себе да коня доброго,
 Да накладывал уздицю да нонь тасмяную,

- 20 Да застегивал двенаццэтъ под[п]руг шолковых
 Да тринаццату цезез степь было — лошадинну кость:
 Да не ради басы — да ради крепости,
 Ище ради укрепы да богатырьскойей,
 Ище ради поезки да молодецькойей —
- 25 Не оставил бы доброй конь в цистом поли.
 Да пошли смотреть поезку да богатырскую —
 Только видели: удалой да в стремена ступил,
 Да не видели саждженница на добра коня.
 Да завидели: в поли да курева стоит,
- 30 Курева-де стоит — да дым столбом валит.
 Выежджал бы Сокольник да на цисто полё —
 Да на ето роздольцо широкоё,
 Да на ети на шоломени ровныя —
 Да на ровны на шоломя окатисты,
- 35 Да на ту же на свалку да богатырскую.
 Ище едит Сокольник да потешаицьсе
 Да дворянскима утехами занимаицьсэ:
 Он выбрасыват копьё да высоко под верхь,
 Высоко где под верхь мецёт под облако;
- 40 Да клонит где копьё на стольне Киев-град;
 Да правой где рукой копьё выбрасывал —
 Да левой где рукой копьё подхватывал.
 Нонь не в то где время было, не в ту пору
 За крепкой-де стеной да во белом шатри
- 45 Да сидел где старой да со дружиною,
 Да со етима сидел да со товаришшами.
 Выходил где старой на широкоу улицу;
 Заходил где старой да на крепку стену;
 Да смотрел где во трубочку в подзорную
- 50 Да во то же колеццюшко жемцуюжноё
 Да на вси ли на четыри дальни стороны:
 Да на перву сторонку — да ко синю морю,
 Да на втору сторонку — да ко Бару-граду,
 Да на третью сторонку да на востосьною,
- 55 На цетвёрту сторонку — да на цисто полё.
 Да увидел где на поли супротивника,
 Супротивника на поли — постановника.
 Соходил где старой да со бела шатра,
 Заходил где старой да в бел хорош шатёр,
- 60 Говорил где старой да таковы реци:
 «Уж вы ой еси, братая названая!
 Да кого нам послать да на цисто полё

- Ище сведацьсе с невежой да переведацьсе?
 Да послать где Цюрила да Голощапого:
- 65 Он силой-то не силён, да как напуском смел,
 Да напустит где на поли не свою ровню,
 Не свою где ровню да не свою чоту, —
 Потерят заневид² свою буйну голову.
 Да послать где Олëshеньку Поповица:
- 70 Он силой-то не силён, дак напуском смел —
 Потерят заневид свою буйну голову.
 Да послать-де Добрынюшку Мекитица:
 Не уцёна его вежь-да, да спорожоная³ —
 Он умет на цистом поли согти-съехацьсе,
- 75 Да умет где Добрыня да поздоровацьсе,
 Да умеёт Добрынюшка как цесть отдаты!»
 Ище стал-то Добрыня да снарежатисе,
 Ище стал где удалой сподоблятисе.
 Да пошел где Добрыня на конушин двор,
- 80 Выбирал где Добрыня да коня доброго —
 Да того же он бурка да неежджалого,
 Да накладывал уздицю да нонь тасмяную,
 Да застегивал двенаццэтъ подпруг шолковых,
 Да триннаццата цезез степь была — лошадинну кость:
- 85 Да не ради басы — да ради крепости,
 Ище ради укрепы да молодецькоей,
 Ище ради поезки да богатырьскоей —
 Не оставил бы доброй конь в цистом поли.
 Да пошли смотреть поезку да богатырьскую —
- 90 Ище видели: Добрынюшка в стремяно ступил,
 Да не видели саждженица на добра коня.
 Только видят: нонь в поли да курева стоит,
 Курева где стоит — да дым столбом валит.
 Да изъедуци Добрыня да грезии церныя,
- 95 Да изъедуци Добрыня да лёсы темныя,
 Да изъедуци Добрыня да реки быстрыя,
 Выежджаёт Добрыня да на цисто полё —
 Да на то же роздольё да на широкоё,
 Да на те же на шоломени ровныя —
- 100 Да на ровныя шоломя, окатисты,
 Да на ту же на свалку да богатырьскую.
 Да завидял он Сокольника на цистом поли.
 Ище ездит невежа да потешаицьсе,
 Да дворянскимя утехами занимаицьсе:
- 105 Он выбр[ас]ыват копьё да высоко под верхъ —

- Высоко где под верхь мецёт под облако;
 Да правой где рукой копьё выбрасыват —
 Да левой где рукой копьё подхватыват;
 Да клонит где копьё на стольно Киев-град,
 110 Ище сам где копью да прыговарыват:
 «Увидать где бы старого седатого,
 Да старóго где казака Илью Мурамца
 Да срубить у его да буйна голова,
 Изрубить бы его да в мелки цереньё,
 115 Розметать бы его да по цисту полю —
 Да черным-то вранам да на пограяньё,
 Да серым⁴-то волкам да на ростасканьё!»
 Ище конь его бежит — только земля дрожджит;
 На правом плечи сидит да как есён сокол;
 120 К леву стремяну сприкован да нонь как серой волк;
 Да ископыти лёжат да как пеценьки ведь лютыя,
 Ище лютыя пецьки да нонь кирпичсьня.
 Да сос[ка]кивал Добрыня да с коня доброго,
 Да снимал он где шляпоньку пуховую,
 125 Да низко-де Добрыня да поклоняицсэ:
 «Уж ты здрастуй, удалой доброй молодец!
 Ты которого города, коей земли
 Да которой ведь дальнее украинь?»
 Отвецял ему Сокольник да громким голосом:
 130 «Да добром как ты спрашивашь — дак буду сказывать.
 Я от морюшка-моря да нонь Холодного,
 Я от той же бабы-девки Латыгорки;
 Ище есь я Сокольникочок молоденькой
 Да Сокольникочок молоденькой — розбойничок!»
 135 Говорыл где⁵ Сокольник да таковы реци:
 «Увидать где мне старого на цистом поли —
 Да срубить бы у его да буйна голова,
 Изрубить бы его да в мелки цереньё,
 Роскинуть бы его да по цисту полю
 140 Да черным воронам да на пограеньё,
 Да серым где волкам да на ростасканьё!»
 Да накладывал он шляпоньку пуховую,
 Да садилсэ Добрынюшка на добра коня,
 Да поехал он вобрат да в стольне Киев-град.
 145 Заходил где Добрыня да в бел хорош шатёр,
 Отвецял он старому да вести скорыя.
 Помутились у старого да оци ясныя,
 Розгорелось у старого да ретиво серьцё,

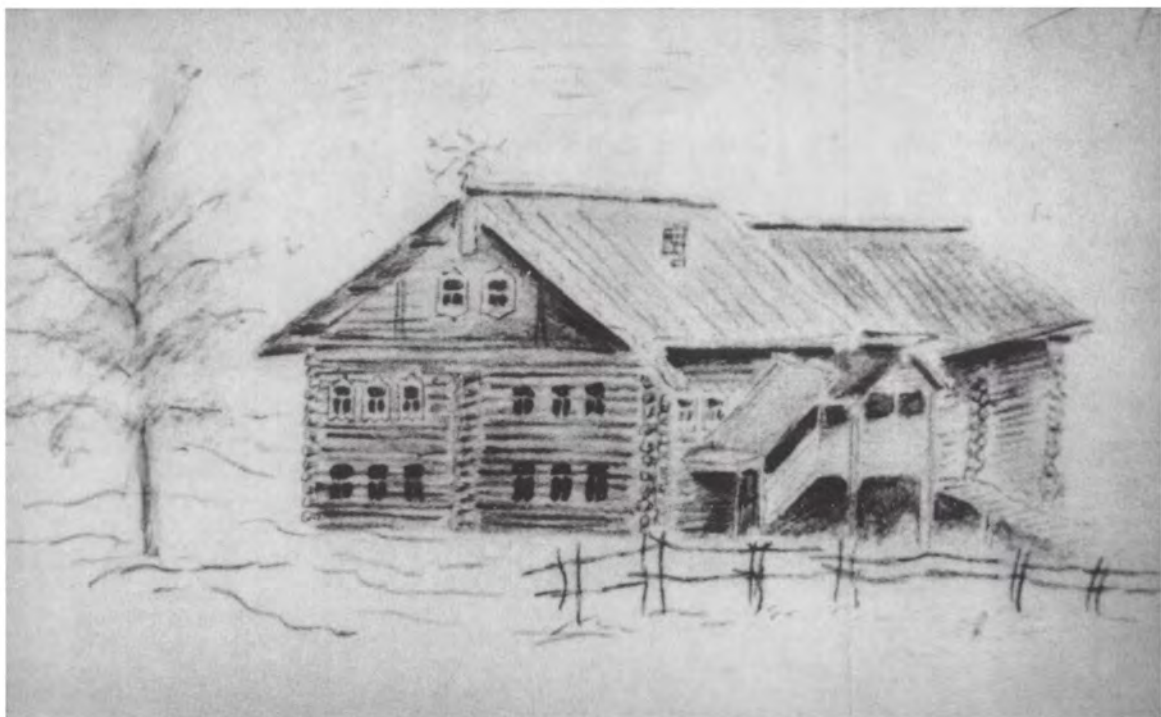
- Росходились у старого да могуци плеча.
- 150 Побежал где старой да на конушин двор,
 Выбирал он себе да коня доброго,
 Да накладывал уздицю да он тасмянную,
 Да застегивал двенаццэтъ подпруг шолоковых,
 Да тринаццата цезез степь была — лошадинну кость:
- 155 Да не ради нонь басы — да ради крепости,
 Ище ради где укрепы да молодецькоей,
 Ище ради поезки да богатырьскоей —
 Не оставил бы доброй конь в цистом поли.
 Да пошли смотреть поезку да богатырскую —
- 160 Ище видели: стар да в стремяно ступил,
 Да не видели саждженица на добра коня.
 Только видят: нонь в поли да курева стоит.
 Да изъедуци старой да гези церныя,
 Да изъедуци старой да лёсы темныя,
- 165 Да изъедуци старой да реки быстрыя,
 Выезджал где старой да на цисто полё —
 Да на то же роздольицо широкоё,
 Да на те же на шоломя на ровныя,
 Да на ровныя шоломя, окатисты,
- 170 Да на ту же на свалку да богатырьскую.
 Закрычал где старой да громким голосом:
 «Уж ты ой еси, ворона да перелетная!
 Не уловила ты сокола — теребишь нонь!»
 Ище съехались рибята да поздоровались:
- 175 Вострыма саблеми рубились — один одного да там не ранили;
 Во руках у их сабли да розгорелисе —
 На сыру где землю они попадали.
 Они палицеми бились да нынь буёвыма;
 Во руках у их палици розгорелисе —
- 180 На сыру где землю да нынь попадали.
 Ище копьеми они вострыма кололисе,
 По насадоцькам копейца у их свертелисе —
 Ище тем боём друг друга не ранили.
 Соскоцили ведь они да со добрых коней
- 185 Да схватилисе плотным боём, рукопашкою, —
 Ище бились они, да тут водилисе.
 Да не много тому времени минуло нонь,
 Ище не много, ровно деветеро сутоцки —
 Ище тут-то старому да бес подмúтивал:
- 190 Да права-та нога у старого окатиласе,
 Да лева нога у стара да подломиласе —

- Да упал да старой да на сыру землю.
 Да наскочил Сокольник да на белы груди,
 Вынимал где Сокольник да как булатен нож,
 195 Ище хочот пороть да где белы груди.
 Ище тут-то старой да как роздумалсэ;
 Да змолилса он Спасу да нонь Прецистому,
 Пресвятой Матери Божьей да Богородици:
 «Да стоял где за веру да нонь крещоную,
 200 За крещону веру да благословёную
 Да за те же монастыри почесныя —
 Ище все нонь святы дак отступилисе!»
 Ище стало у старого силы прибыло,
 Ище стало как силы нонь вдвоём-втроём.⁶
 205 Не услышил Сокольника на белых грудях:
 Он выкидывал Сокольника высоко под верхь.
 Да скакал бы старой да на резвы ноги,
 Да подхватил Сокольника на белы руки —
 Опускал бы Сокольника на сыру землю,
 210 Да наскочил бы Сокольнику на белы груди,
 Да ростегивал латы нонь булатныя —
 Да хотел где пороть да как белы груди,
 Вынимать у Сокольника ретиво серьцо.
 Поималсэ Сокольник да за булатен нож,
 215 Поималсэ Сокольник да как правой рукой.
 Увидал-то старой да у Сокольника на правой руки,
 Увидал где старой да имянной перстень —
 Ище брал где Сокольника за белы руки,
 Становил где Сокольника на резвы ноги,
 220 Цоловал где старой в уста сахарныя:
 «Уж ты ой еси, ты молодец удалой нонь!
 Ище ты где-ка мне-ка да нонь родимой сын!»
 Розоставили они да бел хорош шатёр.
 Ище тут-то они с побоища великого
 225 Ище нацели они да опоцев доржать —
 Засыпал где старой да ноне крепким сном.
 Ище тут-то Сокольнику стало думацьсе:
 «Ище как мне-ка старого сгубить будёт?»
 Выходил-то Сокольник да из бела шатра,
 230 Да садилсэ Сокольник да на добра коня
 Да поехал к родимой да своей матери.
 Выходила егова матушка на сходёнки,
 Да на те же на сходни да нонь дубовыя,
 Говорила его мати да таково слово:

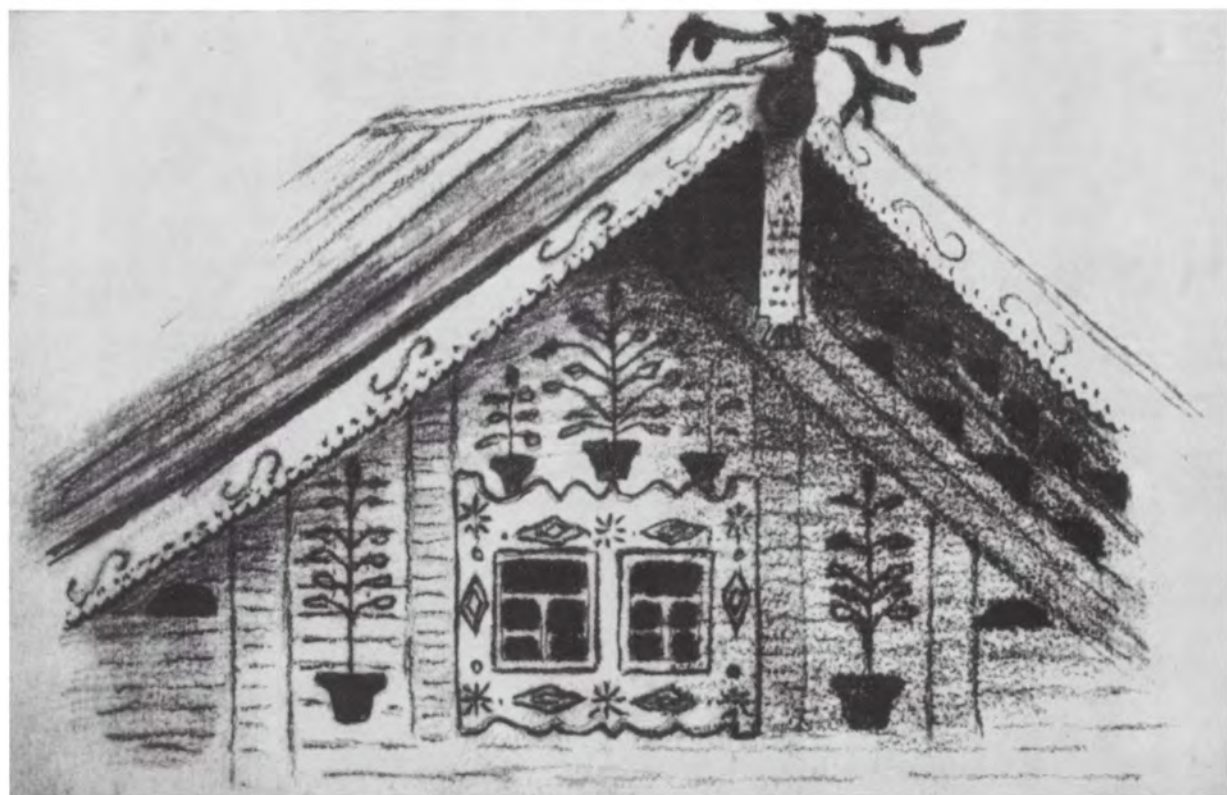
- 235 «Уж ты ой еси, моё да цядо милоё!
 Как из дому-ту поехал, да как мать родила,
 Да из дому-ту поехал да как-быть маков свет —
 Из циста поля едешь — да сам шатаишьсе!»
 Отвещал-де Сокольник да своей матушки:
- 240 «Ище былью стар хвастат да але небылью?
 Ище былью как хвастат — да нонь тебя убью!
 А как небылью — да нонь ёго убью!»
 Да воткнул-де свою матушку вострым копьём,
 Да вострым-де копьём да нонь тупым коньцём —
- 245 Да упала со сходёнок дубовых.
 Ище нонь его матушки славы поют.
 Овораживал Сокольник да коня доброго
 Да на то же поехал да на цисто полё,
 Приежджал где к старому да ко белу шатру —
- 250 Да воткнул где старого да нонь вос[т]рым копьём,
 Да воткнул где старому да в груди белья:
 Да хотел его захибци да ноне до смерти.
 Ище тут у старого седатаго
 Ище крест-от ведь был да полтара пуда,
- 255 Ище латы-ти были да шезьдесят пудов —
 Да ушло где копьё да по рукам⁷ в землю.
 Пробужалса тут старой да от крепкого сну,
 Выходил где старой да из бела шатра
 Да хватал где Сокольника за белы руки
- 260 Да выбрасывал Сокольника высоко под верхь,
 Ище выше его дерева стоецёго,
 Ище ниже нонь облака ходецёго —
 Ище тут где старой да не подхватывал.
 Да упал где Сокольник да на сыру землю —
- 265 Ище тут где Сокольник да весь россыпалсэ.
 Розрубил где старой да в мелки цереньё,
 Розбросал где Сокольника по цисту полю
 Да черным где вранам да на пограенё,
 Да серым где волкам да на ростасканё.
- 270 Да прославил-де стар Бога нонь⁸ Великого
 Да поехал-де вобрат да в стольнёй Киев-град.

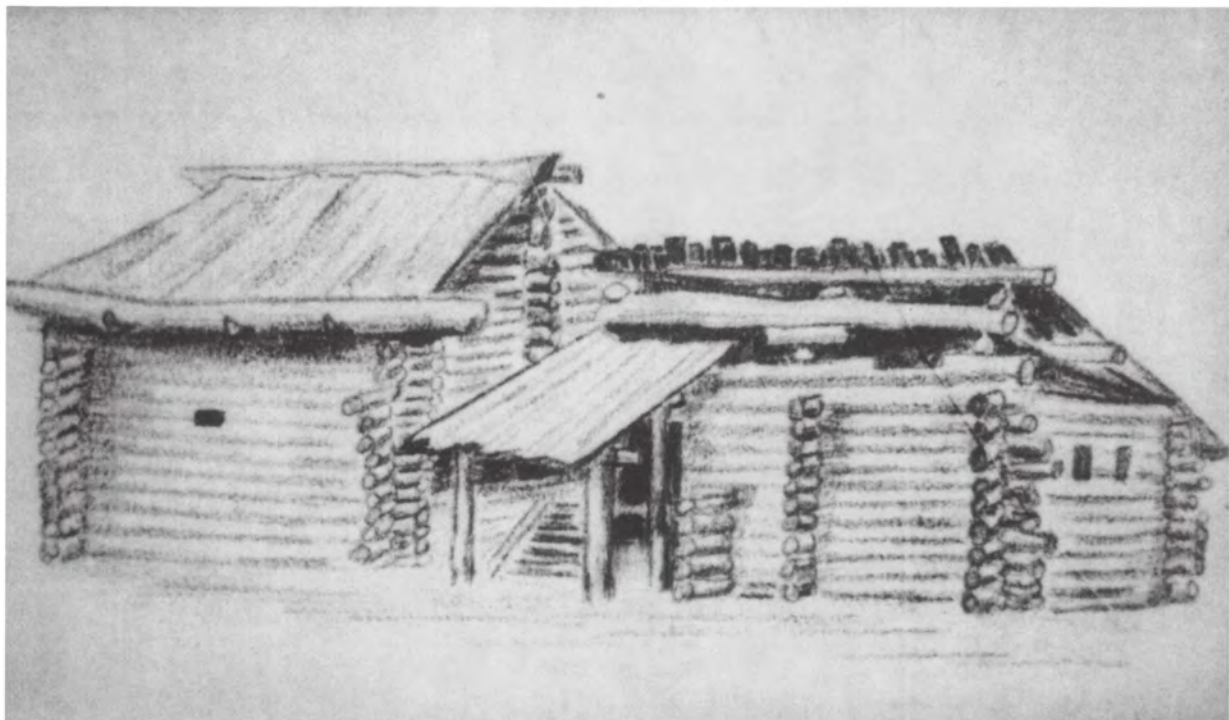
69. Праздничные костюмы крестьянок Мезенского у. Архангельской губ. С фотографии Р. З. Околова.

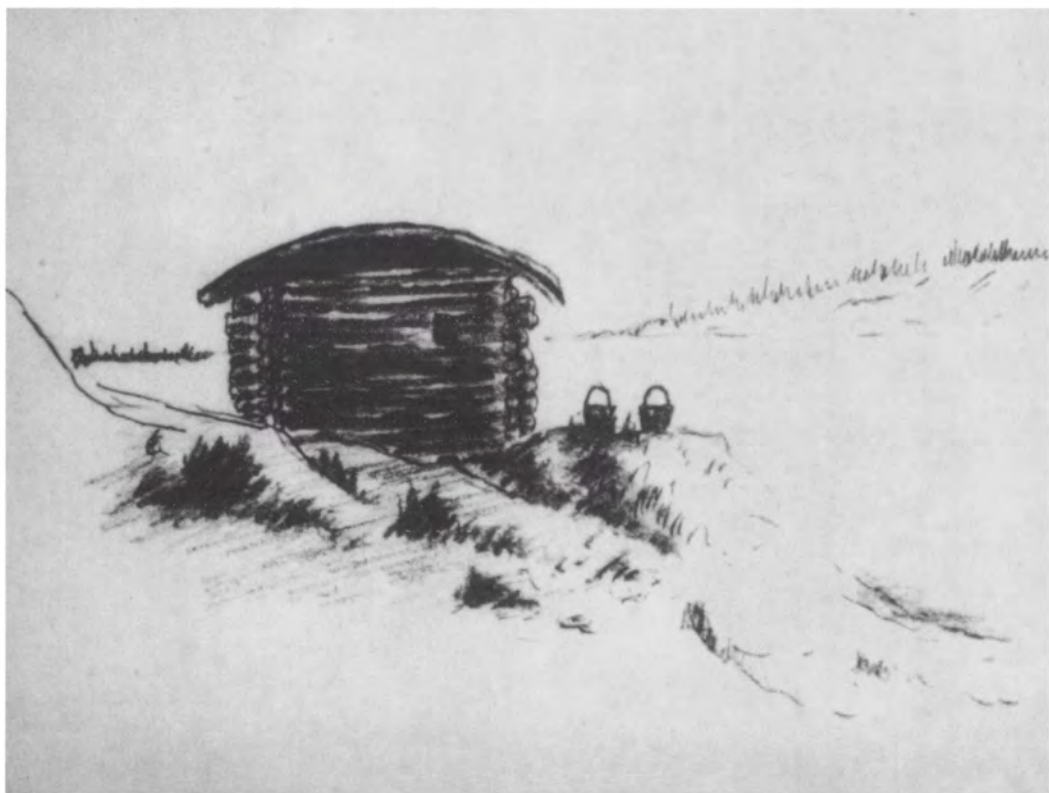
70. Д. Вожгора на р. Мезени. Изба. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

71. Д. Вожгора. Роспись фронтона на одном из домов. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

72. Д. Вожгора. Дом Митьки Гришина. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

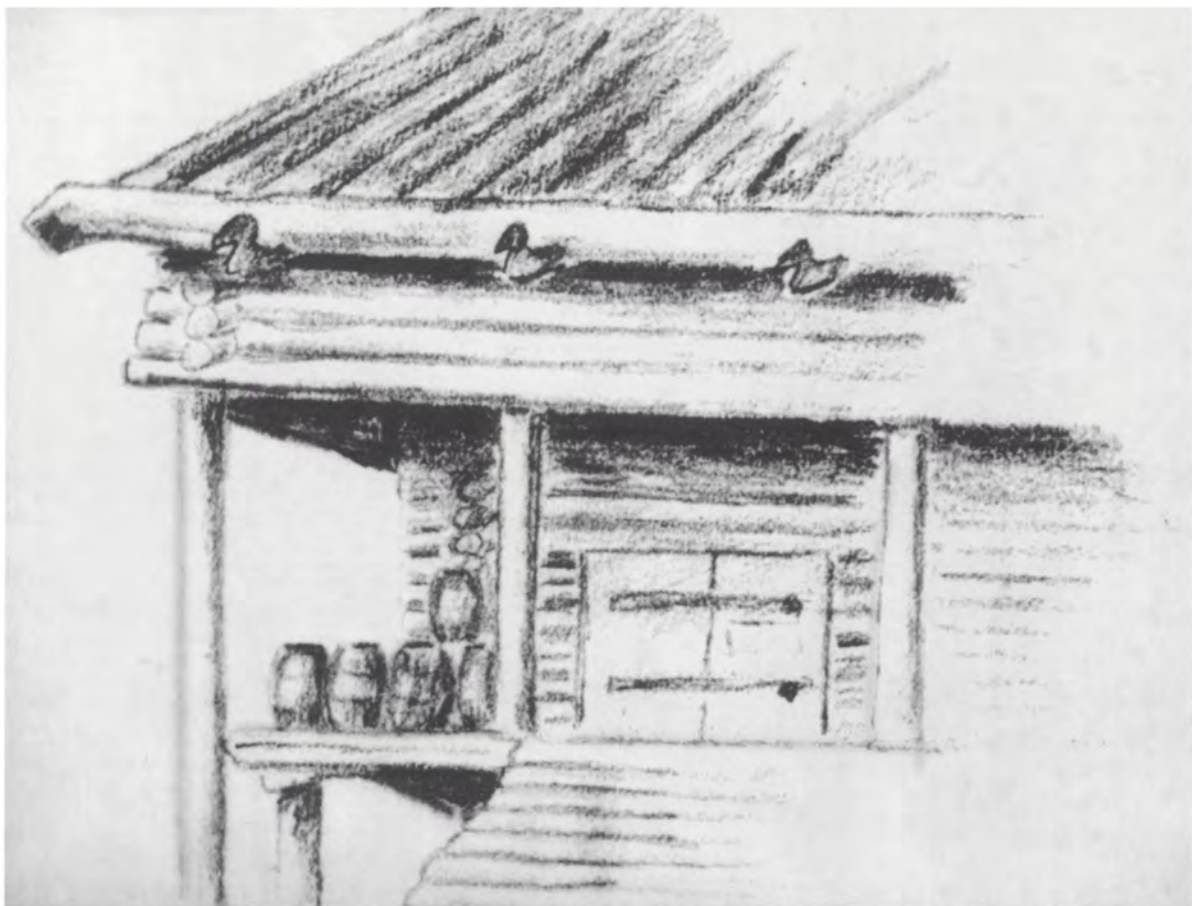
73. Баня на берегу р. Мезени. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

74. Церковь в д. Кузьмин Городок (Козьмогородское). 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

75. Вид на р. Мезень. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

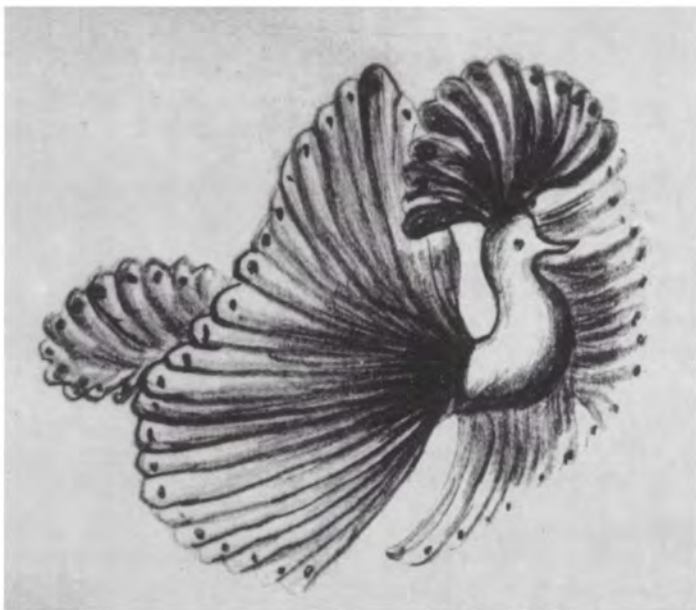
76. Лавка в д. Койнас. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

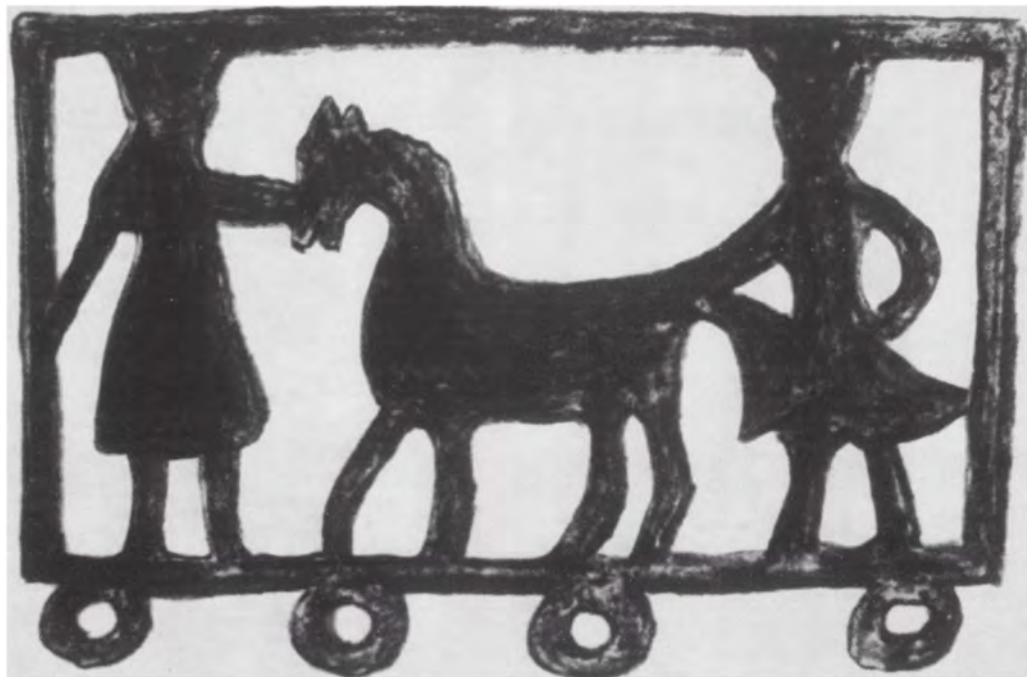
77. Д. Палощелье на р. Мезени. Деревянная миска. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

78. Д. Русома на р. Вашке (притоке р. Мезени).
Полотенце на фронте избы. 1959 г.
Рис. Н. П. Колпаковой.

79. Д. Палошелье на р. Мезени. Деревянный голубок. 1928 г.
Рис. Н. П. Колпаковой.

80. Д. Кимжа на р. Мезени. Оповнательный знак коновалов (прорезь на медной дощечке), прикреплявшийся к сумке с инструментами. 1958 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

81. Д. Палошцелье. За прялкой. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

82. Д. Палошцелье на р. Мезени. На уборке сена. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

83. Д. Палошцелье на р. Мезени. Девица Фекла Богданова на гулянье. 1928 г. Рис. Н. П. Колпаковой.

№ 83

- А как от моря-де, моря, да моря синего,
 Как от синего моря да от Студеного,
 От того же от камешка от Латыря,
 Да от той же бабы да от Златыгорки
⁵ Поежджаёт молоденькой Сокольникоч,
 А молоденькой Сокольникоч-наезнищк.
 Говорит ёму матушка родимая,
 Как цёсна вдова Омельфа да Тимофеевна:
 Говорила она да чаду милому:
¹⁰ «Уж ты милое чадо моё любимое!
 Ты поедёшь гулять да во чисто полё,
 Ты наедёшь-де на поли стара казака —
 Как стары казаку да низко кланейсе:
 От меня же, о[т] бабы, ему — низкой поклон,
¹⁵ Как низкой-от поклон — да с онижэньищём!»
 А не послушал Сокольник да рецей матёрыных;
 Он поехал гулять да во чисто полё.
 Он и едёт по чисту полю — потешаицьсе,
 Он и всякими речами да похваляицьсе,
²⁰ Высоко-де мечот копьё под облако:
 Единой ли рукой копьё подхватыват —
 Он до полу копейця да не ураниват.
 Он сам из рецей да выговариват:
 «Уж я Киёв-от град да я в полон возьму,
²⁵ Уж я церкви-ти Божьи да я во дым спущу,¹
 У Владимира-князя да голову сказню,
 Я у старого казака голову срублю!»
 А как от славного города от Киева
 Как стояло на заставы три богатыря:
³⁰ Как во-первых, стары казак Илья Муромэц,
 Как во-вторых, Добрынюшка Микитиц млад.
 Как во-третьих, Олешенька Поповиц млад.
 Выходил ле Олёша да из бела шатра,
 А как завидел Олёша поленичу преудалую —
³⁵ Она едёт нонь по полю — потешаицьсе,
 Она всякими речами да выхваляицьсе,
 И говорит ле она да таково слово:
 «Уж я Киёв-от град да я в полон возьму,
 Уж я церкви-ти Божьи да я во дым спущу,
⁴⁰ У Владимира-князя да голову сказню,
 Я у старого казака голову срублю!»

- Заходил ли Олёша да во свой бел шатёр,
 Говорил ли Олёша да таково слово:
 «Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец,
 45 Илья Муромец, стары казак, сын Ивановичь!
 Как не тученька ведь, право, затучилась,
 Да не оболочо да накаталосе —
 Как от морюшка-моря, да моря синего,
 Да от синего моря от Холодного,
 50 От того же от камешка от Латыря,
 Да от той же от бабы да от Златыгорки
 Уж едёт поленича да хоробра добрэ.
 Она всякими утехами потешаицьсе,
 Как дворянским утехами молодецким,
 55 Молодецким утехами богатырским:
 Высоко-де мецёт копьё под облако,
 Единой ли рукой копьё подхватыват —
 Кабы до полу копейця да не ураниват.
 Как сама из речей да выговарыват:
 60 „Уж я Киев-от град да я в полон возьму,
 Уж я черкви-ти Божьи да я во дым спущу,
 У Владимира-князя да голову сказню,
 Я у старого казака голову срублю!”»
 Уж тут же старой да осержаицьсе,
 65 И говорит ли старой да таково слово:
 «Кабы ехать Олешеньки Поповицю;
 А Олеша-та Поповиц — не силой он силён, да он напуском смел:
 Он напустит во свою ровню великую —
 Утерят-загневит да буйну голову!
 70 Кабы ехать Добрынюшки Микитичу:
 Как умет ле Добрынюшка-та съехацьсе,
 Как умет ле Добрыня прирозъехацьсе,
 Как умет ле Добрынюшка-та цесть воздать!»
 Уж стал ле Добрыня снарежатисе,
 75 Поскоре того Добрыня сподоблятисе:
 Как седлал ле, уздал да коня доброго,
 А двенаццэт подпружинок подстегивал
 А тринадцатую через хребётну степь,
 А не ради басы — ино ради крепости,
 80 Кабы для-ради укрепы да богатырскойей:
 «Не оставил бы конь меня во чистом поли!»
 Только видели молоцца: в стремено ступил,
 А не видели поезки да богатырскойей;
 Только видят: в поли да курева стоит,

- 85 Курева-де стоит — да дым столбом валит.
 Уж тут же Добрыня да приужакнулса;
 Он не смел ле, Добрыня, да приокликати,
 Он не смел ле, Добрыня, да поздоровацьсе,
 Он не смел ле, Добрынюшка-та, цэсть воздать.
- 90 Отворацивал своёго да коня доброго
 Ко своёму же он да ко белу шатру.
 Заходил ли Добрыня да во свой бел шатёр,
 Говорил ли Добрыня да таково слово:
 «Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!»
- 95 А кабы едёт полениця да хоробра добрэ.
 Она едёт, полениця, да выхваляицьсе:
 „Кабы Киёв-от град да я в полон возьму,
 Уж черкви-ти Божьи да я во дым спущу,
 У Владимира-князя да голову сказню,
 100 Я у старого казака голову срублю!”»
 Уж тут ле старой да осержаицьсе:
 Оци ясны у старого сомутилисе,
 Могуци где ведь плеча да расходилисе.
 Ишше стал ле старой да снарежатисе,
- 105 Поскоре того старой да сподоблятисе:
 Как седлал ле, уздал да коня доброго,
 А двенаццэтъ подпружинок подстегивал
 Кабы не ради басы — да ради крепости,
 Кабы для-ради укрепы да богатырьскойей:
- 110 Не оставил бы конь во чистом поли.
 Только видели старого — в стремяно ступил,
 А не видели поезки да богатырьскойей;
 Только видят ле: в поле да курева стоит,
 Курева где стоит — да дым столбом валит.
- 115 Наежжал поленицю да приудалую,
 Он крычал ле, зычал да громким голосом:
 «Уж ты ой есь, полениця да приудалая!
 И нам с тобой на поле ноньче съехатьсе,
 Кабы съехацьсе на поле, поздоровацьсе,
- 120 Как друг ле ведь другу да ноньце цэсть воздать!»
 Как билисе-боролись да трои суточки
 Они палками бились, да друг друга не ранили —
 В руковяточках палки да распоялисе.
 Они сабельками секлись да трои суточки —
- 125 У их востры-ти сабли да прищорбалисе.
 Они копьеми кололись да трои суточки —
 По насадоцькам копейця свернулисе.

- Как скочили богатыри со добрых коней,
 Суховым² боём да рукопашноём —
¹³⁰ Они тем же боём друг друга не ранили.
 По тому по злощесью да по великому
 У того же у старого у казака
 Кабы права нога да окатиласе,
 Кабы лева нога да подломиласе —
¹³⁵ Кабы падал старой да на сыру землю.
 А наскакивал молоденькой Сокольник,
 А молоденькой Сокольник-наезник
 Как тому же ведь старому на белы груди,
 И вынимает з-за налучья цинжалой нож,
¹⁴⁰ И хочот смотреть да ретиво серьце,
 И хочот пороть да он белы груди.
 Как и тут же старой да возлаголуёт:
 «Я стоял ле за веру да за крещоную,
 За крещоную веру да православную;
¹⁴⁵ Я молилсэ ведь Спасу да все Пречистому,
 Кабы Матери Божьей да Богородици.
 Не отдай меня ведь, Господи, тотарину на поруганье!»
 А как по то же по старого по учести,
 По Божеской било да всё по милости —
¹⁵⁰ Прыбывало у старого силы вдвоём-втроём,
 Как вдвоём-втр[р]оём да силы впетером.
 Как сшибал Сокольника со белых грудей,
 Как вымётывал-де выше дерева стоячево,
 Ишше ниже-то он да облака ходячево:
¹⁵⁵ Как падал Сокольник да на сыру землю.
 Как скакал ле старой да на резвы ноги,
 Как со резвых же ног да на белы груди.
 Говорил ле старой да таково слово:
 «Уж ты ой есь, полениця да приудалая!
¹⁶⁰ Уж ты коёго города, коей земли,
 Уж ты какой дальней украины?
 Уж как тебя, молощья, именём зовут?»
 Да ответ дёржит полениця да преудалая:
 «А был у старого на белых грудях —
¹⁶⁵ Не спросил бы не имени, не вотчины,
 Не отецсва твоёго, не молодецсва:
 Я порол бы у старого белы груди,
 А смотре[л] у ево да ретиво серьце!»
 И нанёс ли стары казак Илья Муромець,
¹⁷⁰ Илья Муромець, стары казак, сын Ивановиць

- Как свой же ведь он да как киньжалой нож.
 И хватил же Сокольник да рукой правою,
 А хватил же ведь он да за цинжалой нож.
 А увидал ле Илья да ведь как Муромець,
 175 А увидал же он да как злачан перстень.
 Он скакал ле с ево да со белых грудей;
 Он и брал же Сокольника за белы груди,
 Выздымал ле Сокольника на резвы ноги,
 Чёловал-миловал в уста в сахарныя:
 180 «Уж ты чадо, ты чадо да моё милоё,
 Уж ты милоё чадушко любимое!
 Ты не ладно ведь едёшь да по чисту полю,
 Не во свою ты ведь ровнюшу великую:
 Утеряшь-загневишь да буйну голову.
 185 Ты пожалуй ко[а]к³ ко мне да во свой бел шатёр,
 Во свой бел шатёр на угошненьцо!»
 Кабы сели они на добрых коней,
 Как поехали ко старому ко белу шатру,
 Заходили ведь ко старому во свой бел шатёр.
 190 И садил ле ведь старой Сокольника да за дубовой стол;
 И стали они тут пить-жить да веселитесе.
 Угостил ле старой да тут Сокольника,
 Уж стал ле его да спровожатеньки —
 Они тут же они да распростилисе...
 195 А как со той же со устали великоюй
 Повалилсэ как старой да отдыхатеньки.
 Как тут же молоденькой Сокольницёк
 Он понёс на старого злобушку великую.
 И розоспалсэ старой да Илья Муромець —
 200 Он соска[ки]вал⁴ с своёго да коня доброго
 И забегал ле Сокольник к старому в бел шатёр,
 Он ткнул ле копьём да старому во белы груди.
 А потом же старой да Илья Муромець —
 (На грудях ведь был у его чуден крес!)
 205 Он и ткнул ле старому во белы груди.
 Со того же чудна креста копьё окользилосе
 Да ушло ведь в середу кирписьнюю —
 Он бежал ле, Сокольник, из бела шатра.
 И тут же старой да пробужаицьсе.
 210 Как увидял удачу да принималую,
 И скакал ле старой да Илья Муромець,
 Одевалсэ он да поскорэшенько,
 Как заскакивал своёго да коня доброго —

Как поехал старой да во чисто полё
 215 И нагонил ле Сокольника на чистом поли:
 Не спросил он не имени, не вотчины,
 Не отецесва ведь, не молодецесва —
 Срубил у Сокольника буйну голову.
 Уж тут же Сокольника славы поют,
 220 Как славы-де поют да в старинах скажут.

№ 84

Из-за морюшка-моря да было синего,
 Из-за полюшка-поля да было чистого,
 Из-за камешка-камешка горючего
 Да от той от вдовы да у Златыгорки
 5 А родилсе у вдовы одинакой сын.
 А ревёт он, ревёт да по-звериному,
 А шипит он, шипит да по-змеиному,
 А кричит он, кричит дак по-тотарьскому.
 А начал ходить на улицу широкую;
 10 А шутки шутил дак не хорошия:
 А ухватит-де за руку — рука уж прочь,
 А ухватит-де за ногу — нога уж прочь,
 Посерёдки ухватит — да живота лишит.
 Да ребята-ти звать стали «сколотным».
 15 Он приходит же да к своей матушки:
 «Уж ты ой еси, мать моя родимая!
 Ишше где же ведь мой-от как батюшко?» —
 «Да батюшка уехал да за синё морё,
 Да во тоё во славноё Чернигово!» —
 20 «А ты спусти-тко, спусти искать уж батюшка!» —
 «А батюшка твоёго живого нет!»
 (А ребята всё ишше зовут «сколотным»!)
 «Ты спусти-тко, спусти меня искать батюшка
 А во то же во славноё Чернигово
 25 Да во далечо-далечо да во чисто полё!»
 Говорила ёго родима матушка:
 «Как поедёшь во славноё Чернигово,
 Как во далечо-далечо да во чисто полё —
 А сретитсе тебе удалой молодець:
 30 А конь где белой, да наубел весь бел,
 А хвост-де, грива да научерн-черна,
 Научерн-черна, да голова седа,
 Голова-та седа, дак борода бела —

- Слезывай с добра коня, бей цѣлом о сыру землю
 35 Да низко ему да ноньце кланейсе!»
 Да поехал-де Сокольник во чисто полѣ
 Да во тоѣ же во славноѣ Чернигово.
 А ездит-гулят дак по чисту полю:
 А мечот он сабельку вострую
 40 А повыше где лесу, да лесу темново,
 А пониже-пониже облака ходечево,
 А подхватыват сабельку одной рукой;
 А мечет-де палицю буѣвую
 А повыше-повыше да лесу темноѣ,
 45 А пониже-пониже облака ходячоѣ,
 А под[х]ватыват палицю буйной головой:
 «А лёкко я владею да саблей вострою,
 А лёкко я владею паличей буѣвою —
 А так же владеть бы мне Ильей Муромцѣм!»
 50 А видят из города из Киева:
 А ездит-гулят дак доброй молодець,
 Ище ездит-гулят, дак потешаицьсе,
 Небылыма словесами сам похваляицьсѣ.
 «Да кому из нас, браццы, ехать по чисту полю?»
 55 Да хто такой ездит по чисту полю:
 Да удалой ли ездит да доброй молодець,
 Ли та полениця преудалая?
 А поезджай-ко, Алешенька Попович-то!»
 Говорыл-де Добрынюшка Микитиц млад:
 60 «Он силой не силѣн — да только напуском смел;
 А погинѣт-пропадѣт да понапрасно он!» —
 «Поежджай-ко, Добрынюша Микитиц млад;
 А сила не возъмѣт — дак ты откланейсе!»
 А поехал Добрынюша во чисто полѣ
 65 Да узнать-де, узнать дак доброѣго молоцца:
 Он ездит-гулят дак по чисту полю,
 Ище добрым конѣм он забавляицьсѣ.
 А завидял Добрынюшка Микитиц млад
 А того же удала да добра молоцца,
 70 А не смел же, не смел дак с им уж съехатьсе —
 А приезджайѣт во славной во Киѣв-град.
 А спрашиват и стар казак Илья Муромец:
 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
 Ище хто такой ездит-потешаицьсѣ?»
 75 А удалой ли ездит да доброй молодець
 А-й та ли палениця зла уж преудалая?» —

- «Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромець!
 Ездит-гулят да доброй молодець,
 Ездит-гулят дак потешаицьсе,
 80 Небылыма словесами да похва[а]ляицьсе.
 Ище мечот-де саблю да свою острую
 А повыше где лесу, да лесу темного,
 А пониже-пониже облака ходечеґо —
 Да подхватыват сабельку единой рукой;
 85 А мечот он палицю буёвую
 А повыше-повыше лесу темного,
 А пониже только облака ходечево —
 А подхватыват палицю бу[й]ной головой:
 «А лёкко я владаю саблю острую,
 90 А лекко владаю палици буёвую —
 А так же владать старым казаком да Ильею Муромьцём!»
 А тут-де Илеюшки за беду стало,
 За великую досаду да показалосе;
 Росходилась-розгорелась¹ ёґо горяча кровь,
 95 Росходились у Илеюшки могучи плеча.
 А седлал он, уздал да коничка бодрого,
 Ище бодрого коничка белого —
 И поехал Илеюшка во чисто полё.
 А с товаришшами своима не прошшаицьсе:
 100 Как на поли смерть дак ему не писана.
 А направил коня на удала добра молоцца —
 А ездит-гулят дак доброй молодець,
 А быстро и шустро ездит по чисту полю.
 А завидял Илеюшка Муромец,
 105 Що сильней-моґучей да доброй молодець —
 Направил коня на доброґо молоцца.
 А завидял-де Сокольник да добра молоцца,
 Що едет-держит дак прямо на ёґо коня —
 И направилсэ ехать на стара казака да на Илью Муромця.
 110 А съехалсэ удалой да доброй молодець
 Да ударились копьями да брусаменьскими —
 Да вышиб Сокольник-наезничок,
 Да вышиб из седла из лошадиноґо
 А стара казака да Илью Муромця.
 115 Говорыл где Илеюшка Муромець:
 «Да какого оцьця да какой матушки?» —
 «Я из-за моря, уж моря я дак синёго,
 Из-за поля-де, поля я да чистого,
 Из-за камеш[к]а-камешка горячеґо,

- 120 А от той от вдовы дак от Златыгорки!» —
 «А куда же поехал, куда путь держишь?» —
 «А я поехал-поехал искать уж батюшка!» —
 «А маменька тебе разве не сказала же?» —
 «А ходил я на улицу широкую,
- 125 А с мальима ребятами потешацьсе стал:
 А ухвачу я за руку — рука уж прочь,
 А ухвачу я за ногу — нога уж прочь,
 А ребята-ти стали звать меня „сколотным”!
 Я спрашивал у родимой своей матушки:
- 130 „Ишше где же мой родимой-от батюшко?” —
 «А уехал где батюшко во славно Чернигово».
 «Я просилсэ уж ехать во чисто полё
 Да натти бы, узнать дак родимого батюшка».
 А сказала же мне дак родна матушка:
- 135 «Ты поедёшь-поедёшь да во чисто полё —
 А устретицэ удалой да доброй молодець:
 А конь-от ведь бел, да наубел весь бел,
 А хвост-от-де, грива да научерн-черна,
 Научерн-о[т]-черна, да голова седа,
- 140 Голова-та седа, дак борода бела —
 Бей ты целом дак о сыру землю!»
 Ѓоворил-де стар казак Илья Муромець:
 «Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
 Я ведь тебе дак, видно, батюшко!
- 145 А поедём с тобой дак в стольне Киев-град
 А ко тому же ко князю да ко Владимиру
 А узнать-показать тебя — доброго молоцца!»
 А ставаёт Сокольник и на резвы ноги,
 Поднимаёт он старого-то за руку.
- 150 А завидял Илеюшка злачан перстень,
 А завидял Илеюшка хорошей крес:
 «Ну верно, ты верно да мне — родимой сын!»
 А сажались они на коней бодрых-я,
 А поехали они дак в стольней Киев-град
- 155 Ко тому же ко князю да ко Владимиру.
 А заходят ко князю да во светлу гривню,
 А Господу-ту Богу моляцэ,
 А крест-от кладут да по-писаному,
 А поклон-от ведут да по-учоному.
- 160 А кланелись Владимиру стольне-киевскому:
 «Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
 Уж ездил я, гулял да во чисто полё,

- А нашол где, нашол удала добра молоцца.
 А жалаёт служить тебе силой-правдою.
- 165 А верно где, он мне-ка родной-от сын!»
 А ставал же Владимир да на резвы ноги,
 А низко-де им дак он уж кланялсэ,
 А просил покорно хлеба исть да соли кушати:
 «Ему первое место — подли миня,
 170 А второе место — напротив миня,
 А третье где место: куды хошь, садись!»
 А садилсэ Сокольник среди лавици
 Да напротив Владимира стольне-киевского.
 А сильни богатыри стали собиратисе,
 175 На такого человека да удивлятисе:
 А очунь хорош да силой силён же,
 А силён где, силён — сильне уж Ильи Муромца.
 Наливаёт Владимир зелена вина,
 Не большу где чарочку — полведра,
 180 Принимает-де чару единой рукой,
 Выпивает он чару — к едину духу.
 Наливаёт он чарочку во второй након.
 А перва-та чарочка — для здоровьича;
 А втора-та чарочка — для смелости:
- 185 Щобы съехацьсе с удалым добрым молочьчём,
 Щобы съехацьсе с им — дак не розъехацьсе,
 Не розъехацьсе с молоццом — посватацьсе,
 Да посватацьсе с молоццом — побратацьсе!..

№ 85

- Тут срежаицьсе Илья Муромец во цисто полё,
 И во цисто полё, да во роздольцо
 И от своей же он да молодой жоны,
 Молодой жоны — да от Златыгодки.
- 5 Она жила-пожила Златыгодка несколько времени,
 И стала ставать она беременна.
 И родилосе да цядо милоё,
 Из милых-то цядышко милоё,
 Из любимых-то цядышко любимое.
- 10 И собиралисe да попы-дьяконы.
 Они не знают, ёму дать да како имецько;
 Они стали наемкать: «Нать дать Сокольникком-наезникком»;
 И они дали ёму имецько Сокольникком-наезникком.

- И тут растёт Сокольник-наезник:
¹⁵ Не по годам растёт — да по цесам ведь он,
 Не по цесам растёт он — по минутоцкам.
 И тут рос тут Сокольник мало времени.
 И тут пошел тут Сокольник на улицу
 И он с малыма робятами шаром играть.
- ²⁰ И всё стали на Сокольника судацьги:
 «И какого он хватит — дак руку оторвёт;
 И какого он хватит — дак и ногу оторвёт;
 И у какого он хватит — дак голову свернёт!..»
 И тут не стало с Сокольником постоятелей.
- ²⁵ И он просит у маменьки благословеньця:
 «Уж ты дай мне-ка, маменька, благословеньця,
 И благословеньця — да как добра коня:
 И мне сходить, как съездить во цисто полё,
 Мне-ка сильных-то богатырей посмотриньки
- ³⁰ И самому мне-ка себе да показатеньки,
 Мне-ка сильню-ту силоцку поспроведати!»
 И говорит ему родима да жалка мамушка:
 «Уж ты ой еси, дитятко, у мня малёхонько;
 Уж ты ой еси, серьдесньё, да как глупёхонько!» —
- ³⁵ «Уж ты дашь, родима мамушка, благословеньцо,
 Уж ты дашь — я поёду, и не дашь — поеду!»
 И она думала да как подумала:
 «Ище цем не дать — да, видно, надоть дать:
 И ты поедёшь, моё дитятко, да во цисто полё;
- ⁴⁰ На того, моё дитятко, не нахаживай
 И на того, моё сердесньё, да не наежживай —
 У которого конь-от бел, да наубел он бел,
 У ёго хвост-от, грива да наусив-сива,
 Наусив-от сива!.. Да голова седа,
- ⁴⁵ И голова-та седа, да борода бела!»
 Тут садилса Сокольник на добра коня,
 И тут поехал Сокольник во цисто полё.
 И сколько много богатырей собиралосе —
 И не могли они с Сокольником состоетиньки.
- ⁵⁰ И приезджали ти богатыри к Ильи Муромцю:
 «Уж ты ой еси, да Илья Муромец!
 И како-то мальцишко да похвалеицэ —
 И нехто не могли да состоетиньки!»
 И поехал сам да Илья Муромец:
- ⁵⁵ «И како́ экó мальцишко, ты похвалеиссе?»
 А заредил тут Сокольник луцок ды стрелоцку —

- Он попал Ильи Муромьцю-ту в правой глаз,
 Он выстрелил у Ильи Муромья правый глаз.
 Они сходились-съеждались да на крутой горы;
 60 Они копьеми кололись ды и ружьями стрелелись —
 Они никак не могли друг дружки да победитиньки.
 Стали добрыма рецёми да розговарывать.
 И говорил Илья Муромец таково слово:
 «Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
 65 Из какого ты города, какой земли?»
 Уж ты цёго же да оцця-матери?» —
 «А я из того же ведь города из Киёва,
 Я из той же земли да как из Киёва,
 Я от той же вдовы да от Златыгодки!» —
 70 «Уж ты мне-ка сын, да я тебе родной отец!»
 И тут падал Сокольник Ильи Муромцу,
 Он падал Ильи Муромцу во праву ногу:
 «Уж ты прости меня, татенька, виноватого:
 Нагонула мне-ка маменька — да не сказала же!»
 75 И тут сядились они да на добрых коней
 И поехали да во свою землю,
 Во свою землю — да как ко Киёву,
 И ко той же вдовы да ко Златыгодки.¹

№ 86

- На горах-ли, горах-ли да на-й укатистых,¹
 На крутых горах да на желтых песках
 Да там стоял шатёр нов белополотняной,
 Тут стояли могущии богатыри,
 5 Да берегли-стерегли стольне Киев-град,
 Да стольне Киев-град,
 Да славной Киев-град,
 Да стольне-киевской.
 Да во первых-то был здесь старой козак,
 10 Да стар козак да Илья Муромец,
 Да Илья Муромец да сын Иванович.
 Во вторых-ти был Добрыня Никитич млад,
 Да как во третьих был Олёша Попович же,
 Как ведь был Саксон да Колыбанович,
 15 Как ведь было два брата, да два Суздальця,
 Как ведь был с имá мужик с ими — Залешинен.
 Как стояли они под городом тридцать лет² —
 Не видали зверя прохожего

- Да ясна сокола пролетучего.
- ²⁰ Как на утре-то было нонь ранешенько,
 Да на светлой зори да ранней утренней,
 На воскате солнышка красного,
 Как вставал-то стар со постелюшки,
 Да-й умывалса³ он да ключевой водой,
- ²⁵ Утиралса полотёнышком он беленьким,
 Да помолился Спасу он Превышному,
 Да Божьей Матушки да Богородицы,
 Выходил-то на улицу широкою,
 Да он смотрел и здрел во все стороны.
- ³⁰ Да посмотрел под сторону под летнюю —
 Там стоят озёра всё глубокия,
 Да пролегли-то лужка да все зелёныя;
 Посмотрел под сторону да под западну —
 Да там белеют церкви да все соборныя,
- ³⁵ Да ищё слышно звоны колокольныя;
 Посмотрел под сторону под северну —
 Да там не туценоцка, братцы, затучила,
 Да как не облако не нокатилоси:
 Да как не в копоти, в тумане зверь бежит,
- ⁴⁰ Да не знать — зверь бежит, да знать — сокол летит;
 Да впереди-то бежит да серой волк,
 Да позади бежит да вохрабейщина.
 Да как Сокольник едет-потешаетця,
 Да под конем Змея да извиваетце,
- ⁴⁵ Да у коня хвост трубами завиваетце,
 Да из ушей у коня да дым столбом валит,
 Да как из глаз у коня искры сыплютси,
 Из ноздрей у коня да пламё мецетця.
 Да на правом плещу да сидит млад ясён сокол,
- ⁵⁰ А на левом плещу — да млада кречета.
 Да голова у него — да как пивной котёл,
 Да как глаза у него — да как пивны чаши,
 Да промеж ушами — каленá стрелá,
 Да промеж глазами — пядь бумажныя,
- ⁵⁵ Плещи была у его — косая сажень,
 Косая сажень да ведь пецатная.
 Впереди сам стрелочку выстреливāt,
 А на подъезде стрелочку подхватывāt,
 До земли стрелу не выранивал,
- ⁶⁰ Да к им на заставу не провёртывал,
 Проездивой дорожецьки не спрашивал,

- А и сам из слов порáту выхваляетця:
 «Когда буду во гóроде во Кíеве,
 Да самогó князья́ я головú срублю,
⁶⁵ А кнегину Апра́ксею за себя возьму́,
 Да малых детоцек да тех конём стопцу,
 Да уж ведь Божьи церкви те под дым спущу,
 Да чúдны óбразы все копьём повбы́колю!»
 (Разорить хочет!)
- Забегáл тут стар да во бело́й шатёр.
⁷⁰ Да не успел он слова нонь провы́молвить —
 Да пролетела полени́ца зла-удáлая.
 Да говорит тут стар да таково́ словó:
 «Да не докуль вам спать — да порá ставáть!
 Я уж был на улице широкоюй,
⁷⁵ Я смотрел и зрел во все четыре стороны:
 Посмотрел под сторону под летнюю —
 Там стоят озёра все глубокия,
 Да пролегли лужка да все зелёныи;
 Посмотрел под сторону под зáпадну —
⁸⁰ Да там белеют церкви все соборныя,
 Да ещe слышны звоны колокольныи;
 Посмотрел под сторону под северну —
 Там не туценька, братцбы́, затуцилась,
 Да как не облако да накотилоси:
⁸⁵ В копотí, в туманé не знать — зверь бежит,
 Да не знать — зверь бежит, не знать — сокол летит;
 Да впереди-то бежит да ищe серый волк,
 Позади бежит да вохрабейщина.
 Да как Сокольник едет, потешаитце,
⁹⁰ Да под конём Змея да извиваетце,
 У коня хвост трубами завиваетця,
 Как из ушей у коня да дым столбóм валít,
 Как из глаз у коня да искры сыплотса,
 Да из ноздрей у коня да пламё мёцитсе.
⁹⁵ [Да на правóм плещу да сидит млад ясén сокол,
 А на левóм плещу — да птица кречета.
 Да голова у него — да как пивнóй котёл,
 Да как глаза у него — да как пивнóй чашí,
 Да промежу ушами — каленá стрела,
¹⁰⁰ Да промежу́ глаза́ми — пядь бумажныя,
 Плещи были у его — косая сажень,
 Косая сажень да ведь пецатная.
 Впереди сам стрелочку выстреливáт,

- А на подъезди стрелочку подхватыва̄т,
 105 До земли стрелу́ не выранивал,
 Да к нам на за́ставу не провѣртывал,
 Проездивой дорожецьки не спрашивал]⁴ —
 Уж и сам порату́ выхваляетця:
 «Да когда буду во городе во Кieve,
 110 Са́мого князя́ голову́ срублю,
 Да как кнегину Апраксею за себя возьму́,
 Да малых детоцек — тех конём стопцю,
 Уж ведь Божьи церкви все под дым спущу,
 Да чудны́ образы копьём повиколю!»
 115 Да кого послать да позади за ей?
 Да послать-то Олѣшу ведь Поповиця —
 Да тот вить порату́ загрезовый был:
 Забрѣдет Олѣша не в свою ровню —
 Да потерят Олѣша буйну́ голову.
 120 Как послать Саксона Кольбановых —
 Да уж тот ведь родов-то все сонливых:
 Он ведь лёгет спать — да нонь забудѣт встать.
 Как послать Добрынюшку Никитиця —
 Да как умѣт Добрыня в поле съехаться,
 125 Да как умѣт Добрыня прирозъехатьси,
 Да как умѣт Добрыня паленицы цесь воздать!»
 Говорит Добрыня таково́ слово́:
 «Да уж едет ведь палениця — уж ведь не мне цетá,
 Да как не мне цетá и не мне верста́,
 130 Мне уж с им не супротивитсьи!»
 Как Добрыня стал да срежатися,
 Стал срежатися да сподоблетися,
 Надевãт-то латы он булатныи,
 На шею кольцугу позолочену.
 135 Да он берѣт-то палицю железную,
 Да он берѣт-то сабельку вострую,
 Да он берѣт копьѣ то бурзамецкое,
 Да он берѣт ножищо да чинжалищо.
 Как обседывãт ему да добра́ коня́,
 140 Да кладут войлоцки, кладут на войлоцки,
 Да кладут плотницки, кладут на плотницки,
 Да двенадцеть пряж — через хребѣтницу,
 Как тринадцета — через могуцу степ.
 Да это не ради басы́, а ради крепости:
 145 Не оставил бы конь да на чистом полѣ!
 Помолилса Спасу он Превышному,

- Да Божьей Матушки да Богородицы,
 Да они дружка с дружкой распростилися.
 Только видели: да на коня скочил,
 150 На коня скочил да в стремена вступил —
 Да как не видели побезжки лошадиныя,
 Поездки богатырския.⁵
 Да он и бьёт коня да по тучным бедрам:
 «Да уж ты конь да конь — да лошадь дóбрая,
 155 Да ты волчья сыть да травяной мешок!
 Да догоняй того поганого Сокольника⁶
 До того до города до Киева,⁶
 Скаци — с шёлумя, скаци — на шёлумя,
 Ты с крутых-то гор да на желты́ пески́,
 160 Да ты с желтых песков да на круты́ горы́,
 Быстры реценьки да не застаивай,
 Да уж ты мелкий лес да между ног пусти!»
 А Сокольник в поле уж шатается,
 Не зная, кого он дожидается.
- 165 Как скрычал Добрыня громким голосом,
 Зычным голосом да во всю голову.
 Да он ведь он раз вскричал, да он в другой вскричал,
 А на третий раз Сокольник коня сдержал.
 Да засвистел Сокольник по-соловьиному,
 170 Да запрыскал Сокольник по-змеиному —
 Да у Добрыни конь стал подпинатися,
 А Добрыня на коне чуть жив сидит.
 Отворачивал он добра́ коня,
 Да ведь он бьёт коня нынче безвременно:
 175 «Да уж ты конь-то, конь — да лошадь добрая,
 Унеси от поганого Сокольника!»
 Да приезжат Добрыня ко белу́ шатру́,
 Да как встречают тут русские богатыри,
 Да говорит тут стар да таково́ словó:
 180 «Да ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
 Почему не привёз буйну голову на востром копье?»
 Говорит Добрыня таково́и словá:
 «Уж едет паленица — не мне чета,
 Не мне чета и не мне верста,
 185 Как уж мне ведь с ним не супротивитьца!»
 Как могут плеча расходилися,
 Да ретиво сердце да разгорелоси,
 Из глаз-то слезы прокатилися:
 «Верно, некем мне, старому, заменитися!»

- 190 А скорёшенько да стал срезжати:
 Да стал срезжати да сподобляти,
 Да надевāt-то латы он булатныя,
 Да как на шею кольцугу позолочену,
 Он берёт-то палицу железную,
- 195 Да он берёт-то сабельку нонь вострую,
 Да он берёт копье да бурзамецкое,
 Да он берёт ножищо нонь чинжалищо.
 Ему обседлывāt ноньце добра коня,
 Да кладут войлоцки, кладут на войлоцки,
- 200 Двенадцеть пряж — через хребѣтницу,
 Тринадцета — через могучу степ.
 Это не ради красы, да ради крепости:
 Да не оставил конь на чистом поли!
 Помолилса Спасу он Превышному,
- 205 Да Божьей матушки да Богородицы.
 Да оне ведь дружка с дружкой распростилиси,
 Да только видели — да на коня скоцил,
 Да на коня вскоцил да в стремяна ступил,
 Как не видели да побежки лошадиной,
- 210 Как не видели поездки богатырской.
 Как он ведь бѣт коня ноньче безвременно:
 «Да уж ты конь-то, конь — да лошадь добрая!
 Догоняй поганого Сокольника
 До того до города до Киѣва.
- 215 Да скаци — с шѣлумя, скаци — на шѣлумя,
 Ты с крутых-то гор да на желты пески,
 Да ты с желтых песков да на круты горы,
 Да быстры реценьки да не застаивай,
 Как широкие доли хвостом застилай,
- 220 Как мелкой лес промѣж ног пусти!»
 Как Сокольник в поли уж шатаетце,
 Да как не знать, кого он дожидаетцы.⁷
 Закрычал тут стар да громким голосом,
 Да громким голосом да во всю голову.
- 225 Да он ведь раз вскрычал, да он другой вскрычал,
 Как на третий раз Сокольник коня сдержал.
 Засвистел Сокольник по-соловьиному,
 Да запрыскал Сокольник по-змеиному.
 Как от того свиста соловьиного,
- 230 От того прысканья змеинога
 У старого конь пал набокорочь.
 Говорит тут стар да таковó словó:

- «Уж ты конь да конь — да лошадь добрая!
 Не слышал ты свисту соловьиного,
 235 Не слышал или прысканья змеиноного,
 Али слышишь ты надо мной какú невзгодушку?..»
 От того от крыку богатырского
 Лес весь в поле расшатался,⁸
 Вершины с вершиной сплетались,
 240 Звери в норы попрятались.
 Говорит Сокольник таково слово:
 «Мы таперь со старым съехались,
 По добру нам будет не разъехаться!»
 Вот стал отпущать он от себя зверей:
 245 «Уж ты гой еси, серо́й как волк!
 Поди-тко ты ко синю́ морю́,
 Ищи там хозяина поласковой,
 Да как поласковой да и поприятливей.
 Ты пойди-ко, *Змея, ко синю́ морю́,*
 250 *Да там ищи хозяина поласковой,*
Да как поласковой да поприятливей.
Да ты полети, сокол, ко синю́ морю́,
Да там ищи хозяина поласковой,
Да как поласковой да и поприятливей:
 255 Как топерь мы с старым съехались,
 Подобру нам с старым не розъехаться!»
 Да ведь тут он с им съехались,
 Они бились палками железными —
 Да как по рукояткам палки поломалися:
 260 Да друг дружку не ранили,
 Не ранили и не кровавили.
 Тот бой бросали о́ землю.
 Они секли саблями вострыма —
 Да как сабли все поломалися,
 265 Да поломалися и пощорбалися:
 Да они дружка дружку не ранили,
 Как не ранили да не кровавили.
 Да они тот бой бросали ведь о́ землю.
 Они тыкались копьями немецкима —
 270 По насадкам копьа у них поломалися,
 Поломалися и выверталися:
 Дружка дружку не ранили,
 Как не ранили да не кровавили.
 Да уж ведь тот бой бросали о́ землю.
 275 Они слезли нонь да со добрых коней,

- Они стали биться на рукопáщицю.
 У того Сокольника поганого
 Да была подщáпоцка дворянская —
 Да он ведь сшиб-то старого с резв́ых-то ног.
 280 Как ведь падал стар на сырú землú,
 Да как заскакивал Сокольник на бел́и груди́ —
 За волóсья рвет да и во глаза плюёт:
 «Да не докуль тебе, старому, по цистú полú да волоцитиси!»
 Он росстёгиват латы булатныи,
 285 Да вынимат ножищó нонь чинжалищó,
 Да ведь он хочет пороть у старого груди белыя,
 Да как смотреть он-то его ретивó сердце.
 Да взмолилса стар да Матушки,
 Божьей Матери да Богородицы:
 290 «Уж ты, Матушка, Пресвета ты Мать Богородиця!
 Да как стоял я за церкви Божия,
 Да за ту за веру православную,
 А ты сдала меня поганому Издолищу на изгíленье,
 Да как сер́ым волкáм на растáрзанье,
 295 Чёрным вóронам да нонь на кúрканье!..»
 Да нонь вдруг стар в себе да почувствовал —
 Вдвоем-второем силы прибыло.
 Он вывёртывалса из-под Сокольника,
 Да он хватал-то он его за черн́и кудри́,
 300 Да он бросал его-то он о сырú землú,
 Да как все ведь мелкии сустáвы повы́дробил.
 Да заскакивал ему на черн́и груди́,
 Он росстёгивал латы булатныи,
 Вынимал ножищó он чинжалищó,
 305 Как ведь хочет пороть ему груди́ чёрныя,
 Да ведь смотреть-то его ретивó сердце.
 Замахнулса стар да во первой након —
 В плещю рука да устояласи.⁹
 Он стал [его]¹⁰ допрашивать:
 310 «Ты какого роду-ка, коего племени,
 Ты какого отца, кой матери?»
 А говорит Сокольник таковó словó:
 «Когда я был таперича на твои́х грудях,
 Я не спрашивал ни роду, ни племени,
 315 Не отецесьва, не молодецесьва,
 Да я порол бы у тебя грúди белыя,
 Смотрел бы у тебя ретивó сердце!»
 Замахнул тут старый во второй након —

- Во локтѹ рука да устояласи.
- 320 Тут-то опять стар стал допрашивать:
 «Ты какого рода, коего племени,
 Ты какого отца, коей матери?»
 Говорит Сокольник таково слово:
 «Когда я был таперича на <т>воих¹¹ грудях,
 325 Я не спрашивал ни роду, ни племени,
 Не отецьсва, не молодецсва,
 Да я порол бы у тебя груди белыя,
 Да я бы смотрел у тебя ретиво сердце!»
 Замахнулся старый во третьей након —
- 330 В кисти рука да устояласи.
 (Нож совсем выпал.)
 Тут опять стал допрашивать:
 «Ты какого рода, коего племени,
 Ты какого отца, коей матери?»
 Говорит Сокольник таковы слова:¹²
 335 «Как ты стал ведь меня допрашивать,
 Да как допрашивать да стал выведывать:
 Я от того от морю от синего,
 Да от той от девки от Ватъгорки.
 Поеждя да когда да во чисто поле,
 340 Говорила мне родна матушка:
 „Не наедешь ли на русского казака
 На Илью Муромца?
 Он-ён¹³ будет тебе отец!»
 Он и поднял его с сырой земли и поцеловал:
 345 «Ты будешь мне не поклѣпный сын!»
 Посадил его на добра коня,
 А он уж не может и конѣм владать.
 Вот они тут и розъехались.
 Сокольник поехал ко синю морю,
 350 А старый казак ко белу шатру.
 Приезжал старый во белой шатѣр,
 А русский богатыри уехали,
 Вот он ложилса отдыхать.
 Приезжает Сокольник ко синю морю,
 355 Да встречает его родна матушка:
 «Да уж ты не наехал ли на стараго на казак?»
 Говорит Сокольник таково слово:
 «Да он тебя зовѣт своей наложницей,
 Да меня зовѣт своим выб<лядком>».
 360 Тут он и сколол матушку копьѣм,

Поворачивал он добра коня —
 Да приезжает он ко белу шатру,
 Ко белу шатру да богатырскому.
 А тут стар с побоища спал.
³⁶⁵ Забежал тут Сокольник во белой шатёр,
 Как ведь ткнул Сокольник во белую грудь!
 Да был у старого на груди чудён ведь крест,
 Да как не мал, не велик — полтора пудá.
 Пробужал тут стар от крепко́го сну,
³⁷⁰ Выбежал он на улицу широкою —
 Как садитса Сокольник на добра коня...
 Тут стар его по руки и ноги и рóзорвал.
 Тут Сокольнику смерть случилася.

№ 87

На гора́х-ли, гора́х-ли-й укатистых,¹
 На крутых горах да на желты́х песках
 Там стоял шатёр нов белополотняной,
 Да как во том шатре новом белополотненном
⁵ Стояли могу́ции бога́тыри.
 Они, богатыри, берегли-стерегли
 Да стольне Киев-град,
 Да славной Киев-град,
 Да стольнё-киевской.
¹⁰ Да во первы́х-то был здесь старо́й козак,
 Во вторых-ти был Добрыня Никитич млад,
 Как во третьих был Олёша Попович же,
 Как ведь был Саксон да Колыбановыч,
 Как ведь было два брата да два Суздальця,
¹⁵ Как ведь был мужик с ими Залешинен.
 Как на утре было ранёшенько,
 На светлой заре да на утречке,
 На воскате солнышка красного,
 Как вставал-то стар со постелюшки,
²⁰ Умывался он да ключевой водой,
 Утиралса ведь полотёнышком он беленьким,
 Помолилса Спасу он Превышнему,
 Да Божьей Матушке да Богородицы,
 Выходил на улицу широкою,
²⁵ Он смотрил и здрел во все стороны.
 Посмотрел под сторону под летнию —

- Там стоят озёра всё глубокия,
 Да пролегли лужка да всё зелёныя;
 Посмотрел под сторону да под западну —
- 30 Там белеют церкви всё соборныя,
 Ищё слышно звоны колокольныя;
 Посмотрел под сторону под северну —
 Там не туценоцка, братцЫ, затуцилась,
 Как не облако не нокатилоси,
 Как не в копоте, в тумане — зверь бежит,
 Как не зверь бежит — да, знать, сокол летит,
 Впереди-то бежит да серый волк,
 А позади бежит да вохрабейщина.
 А Сокольник едет — потешантця,
- 40 Под конём Змея да извиваетце,
 У коня хвост трубами завиваетця,
 Из ушей у коня дым столбом валит,
 Из глаз у коня искры сыплются,
 Из ноздрей у коня пламя мецетця.
- 45 Голова у него — да как пивной котёл,
 А глаза у него — да как пивны чашИ,
 ПромежУ ушАми — каленА стрелА,
 ПромежУ глазами — пядь бумажная,
 Плещи была у его — косая сажень,
- 50 На правом плещу да сидит млад ясён сокол,
 А на левом плещу — да птица кречета.
(Нечиста така птица!)
 Впереди сам стрелочку выстреливāt,
 А на подъезде стрелочку подхватывāt,
 До земли стрелу не выранивал,
- 55 А и сам из слов порātu выхваляетця:
 «Когда буду во городе во Кieve —
 У самого князя голову срублю,
 А кнегину Апраксею за себя возьму,
 Малых детоцек тех конём стопчу,
- 60 Божьи церкви те под дым спущу,
 А чудны образы все копьём повЫколю!»
 Забегал тут стар да во белой шатёр.
 Не успел он слова нонь провымолвить —
 Пролетела паленица зла-удалая.
- 65 И говорит тут стар да таковó слово:
 «Не докуль вам спать — да порá ставАть!
 Я уж был на улице широкоюй,
 Смотрел и зрел во все четыре стороны:

- Смотрел под сторону под летнюю —
 70 Там стоят озёра всё глубокия,
 Пролегли лужка да всё зелёныя.
 Посмотрел под сторону под западну —
 Там белеют церкви всё соборныи,
 Там слышно звону колокольного;
- 75 Посмотрел под сторону под северну —
 Там не туценька, братцы, затуцилась,
 Там не облако да накатилося:
 В копоті, в тумане — не знать, зверь бежит,
 Не знать — зверь бежит, не знать — сокол летит,
- 80 Впереди бежит да ище серый волк,
 Позади бежит да вохрабейщина.
 А Сокольник едет-потешаитце,
 У коня хвост трубами завиваетце,
 Под конем Змея да извиваетця,
- 85 Из ушей у коня да дым столбом валит,
 Из глаз у коня да искры сыплются,
 Из ноздрей у коня да пламя мещется.
 Уж и сам порату выхваляетця:
 „Да когда буду во городе во Киеве,
- 90 У самого князя голову срублю,
 А кнегину Апраксею за себя возьму,
 Малых детоцек тех конём стопчу,
 Божьи церкви все под дым спущу,
 Чудны образы копьём повикиолю!”
- 95 Кого послать да позади в-за ей?
 Послать-то Олешу Поповиця —
 Тот порату загрезовый был:
 Забретет Олеша не в свою ровню —
 Потерят Олеша буйну голову.
- 100 Послать Саксона Колыбановых —
 Тот ведь родов-то всё сонливых:
 Он ведь лёгет спать — да ночь забудёт встать.
 Послать Добрынюшку Никитиця:
 Умёт Добрыня в поле съехаться,
- 105 Умёт Добрыня прирозъехатця,
 Умёт Добрыня паленицы цесь воздать!»
 Говорит Добрыня таковó слово:
 «Едет палениця — уш не мне цетá,
 Не мне цетá и не мне верстá,
- 110 Мне уш с им не супротивиться!»
 А скорешенько да стал срежатися,

- Стал срезатися да сподоблетися:
 Надевѣт-то латы он булатныи,
 На шею кольцугу позолочену,
 115 Он берёт-то палицю железную,
 Он берёт-то сабельку вострую,
 Он берёт-то копье-то бурзамецкое,
 Он берёт-то ножичко да чинжалищю.
 Тут обседывают ему да добра коня,
 120 Кладут войлоцки кладут на войлоцки,
 Кладут плотнички кладут на плотнички,
 Двенадцать пряж — через хребетницу,
 Тринадцета — через могуцу степ.
 Это не ради басы, а ради крепости:
 135 Не оставил бы конь да во чистом поли.
 Помолилса Спасу он Превышному,
 Божьей Матушки да Богородицы,
 Они дружка дружку распростилися.
 Говорит тут стар да таково слово:
 130 «Ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
 Если Бог тебя да будет на помощь,
 Привези Сокольника да буйну голову
 На востром копье —
 Мы хоть здесь над ней погалимси!»
 135 Только видели — да на коня скочил,
 На коня скочил да в стремена вступил,
 А не видели побезжки лошадиныя,
 Поездки богатырския
 (Как птица улетел!)
 Он и бьёт коня да по тучным ребрам,
 140 Сам коню да приговариват:
 «Уж ты конь да конь, да лошадь добрая,
 Скаци — с шёлумя да скаци — на шёлумя,
 Ты с крутых-то гор да на желты пески,
 А с желтых песков да на круты горы,
 145 Быстры реценьки да не заставляй,
 Уж ты мелкий лес да между ног пустя,
 Догоняй поганого Сокольника
 До того до города до Киева!»
 А Сокольник в поле уж шатаетси,
 150 Не знать, кого он даждидаетси.
 Скрычал Добрыня громким голосом,
 Зычным голосом да во всю голову:
 Он ведь раз вскрычал, да он в другой вскрычал,

- А на третий раз Сокольник коня сдержал.
 155 Засвистел Сокольник по-соловьиному,
 Запрыскал Сокольник по-змеиному,
 У Добрыни конь стал подпинатиси,
 А Добрыня на коне чуть жив сидит.
 Поворачиват он добра́ коня,
 160 Он бьёт коня нынче безвременно;
 «Уж ты конь-то, конь — да лошадь добрая,
 Унеси от поганого Сокольника!»
 Приезжает Добрыня ко белу́ шатру́,
 Тут встречают русские бо́гатыри,
 165 Говорит тут стар да таково́ слово́:
 «Почему не привёз буйну голову на востро́м копье?»
 Добрынюша слезно плачется:
 «Говорил я вам: „Едет паленица — не мне чета,
 Не мне чета и не мне верста,
 170 Мне уж с ним не супротивитьця!”»
 Как могуци плечи расходилиси,
 Из глаз-то слёзы прокатилиси:
 «Верно, некем мне, старому, заменитиси!»
 Скорёшенько да стал срежатиси,
 175 Стал срежатиси да сподоблятиси,
 Да надева́т-то латы он булатныя,
 На шею кольцугу позолочену,
 Он берёт-то палицу железную,
 Он берёт-то сабельку нонь вострую,
 180 Он берёт копье-то бурзаметское,
 Он берёт ножище-чинжалище.
 Ему обседыва́т нынче добра́ коня,
 Кладут войлоцки кладут на войлоцки,
 Двенадцеть пряж — через хребётницу,
 185 Тринадцета — через могучу степ.
 Помолилса Спасу он Превышному,
 Божьей Матушки да Богородице —
 Оне дружка с дружкой распростилиси.
 Только видели — да на коня скоцил,
 190 На коня вскоцил да в стремена ступил,
 А не видели поездки бо́гатырския,
 А не видели да побежки лошадиной.
 Он ведь бьёт коня ноньче безвременно:
 «Уж ты конь-то, конь, да лошадь добрая!»
 195 Догоняй поганого Сокольника
 До того до города до Киёва.

- Скаци — с шёломя, скаци — на шёломя,
 С круты́х-то гор да на желты́ пески́,
 Быстры реценьки да не застаивай,
 200 Уж мелки-то озера промеж ног пущай!»
 А Сокольник в поли уж шатаетце,
 А не звать, кого он дожидаетци.
 Закрычал тут стар да громким голосом,
 Громким голосом да во всю гóлову,
 205 Он ведь раз вскрычал, да он другой вскрычал,
 На третий раз Сокольник коня сдержал.
 Засвистел Сокольник по-соловьиному,
 Запрыскал Сокольник по-змеиному.
 У старого конь пал на́борочь.
 210 Говорит тут стар да таково́ словó:
 «Не слышал ты свисту соловьиного,
 Не слышал или прысканья змеиного,
 Али слышишь ты надо мной какú невзгодушку?»
 От того от крыку бога́тырского
 215 Весь лес расшатался, вершины с вершиной сплетались,
 Звери в норы попрятались.
 Говорит Сокольник таково слово:
 «Мы таперь со старым съехались,
 Подобру нам будет не разъехаться».
 220 Стал отпущать он от себя зверей:
 «Уж ты гой еси, серо́й волк!
 Поди-тко ты ко синю́ морю́,
 Ищи там хозяина поласковей,
 Как поласковей да поприятливей!
 225 Ты пойди-ко, Змея, ко синю́ морю́,
 Да там ищи хозяина поласковей,
 Да как поласковей да поприятливей!
 Да ты полети, сокол, ко синю́ морю́,
 Да там ищи хозяина поласковей,
 230 Да как поласковей да и поприятливей:
 Как топерь мы с старым съехались,
 Подобру нам с старым не розъехаться!»
 Да ведь тут он с им съехались.
 Они бились палками железныма —
 235 По рукояткам палки поломались:
 Друг дружку не ранили,
 Не ранили и не кровавили.
 Тот бой бросали о землю.
 Секли саблями вострыма —

- 240 Сабли все поломались,
 Поломались и пощорбались:
 Дружка дружку не ранили,
Не ранили и не кровавили.
 Тот <бой> бросали ведь о землю.
- 245 Тыкались копьями немецкима —
 Копья у них поломались,
 Поломались и вывертались:
 Дружка дружку не ранили,
Как не ранили да не кровавили.
- 250 Тот бой бросали о землю.
 Стали биться на рукопáшицу.
 У того Сокольника поганого
 Была подщáпоцка дворянская —
 Сшиб-то старого с резвých-то ног.
- 255 Падал стар на сырú землю,
 Заскакивал Сокольник на белы́ грудí,
 За волосья рвёт и в глаза плюёт:
 «Не докуль тебе, старому, по цисту́ полю да волоцйтиси!»
 Он росстёгиват латы булатныи,
- 260 Вынимат ножищо-чинжалищо,
 Хочет пороть у старого грудь белыя,
 Смотреть-то его ретивó серце.
 Взмолился старый да Божьей Матери да Богородицы:
 «Уж Пресвета ты Мать Богородиця!
- 265 Стоял я за церкви Божия,
 За ту за веру православную,
 А сдала меня поганому Издолищу на изгýленье,
 Да сербým волкáм на растáрзанье,
 Чёрным вóронам да на кúркáнье!»
- 270 Вдруг стар в себе да почувствовал:
 Вдвоём-втроём силы прибыло.
 Он вывёртывалса из-под Сокольника,
 Хватал-то он его за черны́ кудри,
 Бросал-то он о сырú землю,
- 275 Все мелкии сустáвы привы́дробил.
 Заскакивал ему на черны́ грудí,
 Росстёгивал латы булатныи,
 Вынимал ножищо он — чинжалищо,
 Хочет пороть ему грúди чёрныи,
- 280 Смотреть-то его ретивó серце,
 Сам говорит да таково слово:
 «Ты какого роду, коего племени,

- Ты какого отца, коей матери?»
 А говорит Сокольник таковó слово:
 285 «Когда я был таперича на твоих грудях,
 Я не спрашивал ни роду, ни племени,
 Не отецьсва, не молодецсва —
 Порол бы у тебя груди белыя,
 Смотрел бы у тебя ретивó сердце!»
 290 Замахнул тут старый во второй након —
 Во локтю рука да устояласи.
 Тут-то опять стар стал допрашивать:
 «Ты какого рода, коего племени,
 Ты какого отца, коей матери?»
 295 Говорит Сокольник таковó слово:
 «Когда я был таперича на твоих грудях,
 Я не спрашивал ни роду, ни племени,
 Не отецьсва, не молодецсва,
 Порол бы у тебя груди белыя,
 300 Бы смотрел у тебя ретивó сердце!»
 Замахнулса старый во третьей након —
 В кисти рука да устояласи
 (Нож совсем выпал!) —
 Тут опять стал допрашивать:
 «Ты какого рода, коего племени,
 305 Ты какого отца, коей матери?»
 Говорит Сокольник таковбы слова:
 «Как ты стал ведь меня допрашивать,
 Допрашивать да стал выведывать:
 Я от того от морю от синего,
 310 От той от девки от Ватыгорки.
 Когда я поеждял во чисто поле,
 Говорила мне-ка мать:
 „Не наедешь ли на русского на казака
 На Илью Муромца?»
 315 Он-ён² будет тебе отец»».
 Он и поднял его с сырой земли и поцеловал:
 «Ты будешь мне не поклёпный сын».
 Посадил его на добра коня,
 А он уж не может и конём владать.
 320 Вот они тут и разъехались.
 Сокольник поехал ко синю морю,
 А старый казак — ко белу шатру,
 Приезжал старый во белой шатёр,
 А русские богатыри уехали.

- 325 Вот он ложился отдыхать.
 Приезжает Сокольник ко синю морю,
 Встречает его родна матушка:
 «Не наехал ли на стараго на казака?»
 А говорит Сокольник таково слово:
- 330 «Он тебя зовёт наложницей,
 Меня своим выб〈лядком〉».
 Тут и сколол матушку копьём,
 Заворачивал он добра коня.
 Приезжает он ко белу шатру,
- 335 Ко белу шатру да богатырскому,
 А тут стар спал.
 Забегал тут Сокольник во белой шатёр.
 (Других богатырей не случилось,
 А спал-то стар во белом шатре) —
- 340 Ткнул Сокольник во белую грудь!
 (Копьём ему!)
 Был у старого на груди чудён ведь крест,
 Не мал, не велик — полтора пуда.
 Не мог он проткнуть тот крест.
 Пробуждалса стар от крепкого сну,
- 345 Выбежал он на улицу широкою —
 А садитса Сокольник на добра коня...
 По руки и ноги он тут его и розорвал:
 Тут Сокольнику смерть случилася.

№ 88

- По-за стольнему городу по-за Киеву,
 По-за Киеву по-за триста вёрст
 Тут стоял-то шатёр да бел-полотенной.
 Ах, во том-то во шатри во полотенном
- 5 Были-жили двенадцеть богатырей.
 Во первых-то был тут старый казак,
 Старый-де казак Илья Муромець,
 Во вторых тут был Добрынюшка Микитич млад,
 Во третьих был Олешенька Попович млад,
- 10 Были два брателка, два Суздальця.
 Поутру-то стар да стал раным-рано,
 Он раным-то стал да ранешенько,
 Умывалса он да ключевой водой,
 Утиралса он да белым полотном,

- 15 Он молилсэ Спасу Превышному,
Он и брал тут трубоцку подзорною,
Выходил-то на улицу широкою,
Он и зрел-смотрел во все стороны.
Он завидел ту стороноцку со¹ западну.
- 20 Из Волянъ из города из Гáличи
Не темна-та тученька затучилась,
А не синё-то облако накатаетци,
Как в копотí, в тумани знаменуется —
Не знать, конь-то бежит, не знать, молодéц идет:
- 25 Только знать — побежка лошадиная,
Как бы знать — поездка богатырская,
Конь-то бежит — голову́ высокó несёт.
Заходит-то стар во белóй шатёр,
Говорит-то стар да такóво словó:
- 30 «Вы дружья́-братья́ да всё товарищи!
Не пора-де спать — пора вставать!»
Не успел-то стар да рассказать весь,²
Проеждят-то Сокольник да мимо за́ставу,
Мимо за́ставу да городóвую,
- 35 Как бы их-то двенадцать богáтырей ничем считат.
Говорит-то стар да такóво словó:
«Кого же послать да за Сокольником?»
Послать-де Олëshеньку Поповиця —
Он роду сольнívого,
- 40 Сольнívого, неповорóтливого:
Потерят он свою буйну голову.
Послать два брáтелка, два Суздальця —
Ихнё дело не бывало же,
О бою-драке да не видали же:
- 45 Потерят свои они головы.
Послать-де Добрынюшку Микитьича —
Как ёго-то дело бывало же:
Он умет-то в поле с богáтырем съехаться,
Он умет-то богáтырю честь воздать»
- 50 Говорит-то Добрыня такóво слово:
«Вы дружья́-братья́ да всё товарищи,
Вы седлайти-уздайти моего коня!»
Они седлали-уздали добрá коня,
Они клали двенадцеть подпружинок,
- 55 А тринадцату клал через могучу степ,
Не ради басы, а ради крепости.
Одной-то Добрыня ногой да в стремя́ ступил,

- А другой-то ногой на коня скочил —
По цисту полю да курюва́ стоит.
- 60 Сустегал Сокольника.
Закричал-то Сокольник громким голосом,
Засвистал-то Сокольник по-солóвьиному —
У Добрыни па́дал конь со резвых-то ног.
«Ах ты конь, мой конь да товаришш мой,
- 65 Унеси-ко меня да от поганого,
От поганого да от Издолишша!»
А на то-де Добрыня поворóт дает,
Едет Добрыня ко белú шатру.
Встреча́ют его дружба́-братя́ товарищи:³
- 70 «Што же ты, Добрынюшка, не везёшь ведь ты,
Не везёшь ведь ты да буйну голову,
Буйну голову да на востры́х копьях?²
Хотя бы мы пога́лились!» —
«Едет-де да не моя чета!»
- 75 Сидит-то стар да во белóм шатри,
Возъерилось ёго да ретиво́ сердце,
Росходились ёго да могучи́ плеча́:
«Вы седлайти-уздайти да моёго коня!»
Они седлали-уздали добра́ коня́,
- 80 Они клали двенадцеть подпружинок,⁴
Тринадцату клал через могучу степь.
Одной-то стар-то в стремена́ вступил,
А другой-то ногой на коня скочил⁴ —
По цисту́ полю да курюва́ стоит,
- 85 Он и те́мны-то лесы промеж ног берёт.
Сустегал Сокольника недалече он,
Недалече от Киева — ровно за пять вёрст.
Закрычал Сокольник громким голосом,
Засвистал-то Сокольник по-соловьёму,
- 90 У старá казака⁵ конь-то падал со резвых-то ног.
Бьёт-то стар да по крутым ребрам:
«Ах ты конь, мой конь — да травяной мешок!
Не слышал ты в поле вороньего карканья,
Не слышал ты вороньего курканья?»²
- 95 Вскочил-то конь на резвы ноги,
Подскочил-то конь да ко Сокольнику...
Поздоровались они да не-то с радости —
Поздоровались они все как с грубости.
Говорит-то Сокольник таково́ слово́:
- 100 «Уж я съедуся со стары́м казакóм —

- Подобру́-то с им да не розъедуси!»
 Не две туценьки тут да всё затуцились,
 Не два яснѣх сокола вместо слеталисе —
 Два богáтыря вместо съездялисе.
- 105 Они съехалисе на сабли вострые —
 Сабли у них да пощорбалисе:
 Бросали тот бой да на сырú землю.
 Съехалисе ёни да на востры́ копы́я —
 Востры́ копы́я у их да поломалисе.
- 110 Съехалисе ёни да на палицы буя́лые —
 Бросали тот бой да на сырú землю.
 Скакали они да со добры́х коней,
 Со добры́х коней на рукопашный бой.
 Они бились-дрались да деветь сутоцек:
- 115 Пробили они да до колёна грезь.
 У стара ка[зака]⁶ права рука да промахнуласи,
 Лева нога да подкатиласи —
 Упал-то стар да на сырú землю.
 Наскочил-то Сокольник да на белы́ груди́,
- 120 Разрывает он латы булатныя,
 Вынимат он ножище-чинжалищо,
 Хочет старú-то ткнуть да во белы́ груди́.
 Тут-то стар-то приросплакалси:
 «Пресвета ты Мать ты Божья Богородиця!
- 125 Я стоял-то за веру крещоную,
 Я за те же за церкви за Божии,
 А дала ты поганому Издолишшу
 Принадгалитцэ!..»
 Не живая рыба встрёпескаласи, —
- 130 Тут-то стар да возъерилса он:
 Он стрехнул-то Сокольника выше нунь,
 Выше лесу стоячего.
 Упал-то Сокольник на сырú землю —
 Отряхну́ло ёго да рётиво сердце́,
- 135 Наскочил-то стар да на Сокольника.
 Розрывает он латы-то булатныя,
 Вынимат он ножище-чинжалищо,
 Хочёт ткнуть Сокольника во белы́ груди́ —
 По локтю рука да застояласи.
- 140 «Ах ты цей, удалой доброй молодець?» —
 «Ах ты, старой чорт, седата борода!
 Был я у вас на грудях — да не спрашивал!» —

«Чей ты удалой добрый молодец?» Он сказал: «Я отца своего не знаю, Латыгёркин сын». Он ведь говорит: «Сын-то мой милой, чадо мое милое!» Тут они мировую выпили и по домам
145 розъехались.

Сокольник приехал домой. Мать его дома на крыльце стретает. Он говорит: «Стар казак те-
бя называет б(лядью), меня выб(лядком)». Он матерью-то шаркнул копьём, через себя свиснул. Да
опять-то поехал к стар-от козаку к шатру.

Стар-то козак спит. Он его ткнул, старого козака сонного, копьём. Ему попало в крест. Он
150 пробудилса. Пробудилса, схватил Сокольника: одну ногу — в руки, на другую наступил, — так его
и розорвал!

(Старому козаку смерть не была писана.

Конечу неловко пет, нескладно. Остаточки. Да и мне надоело петь.)

№ 88а

♩ = 64 - 72

По - за сто_л(и)_не_му го _ ро_ду по - за Ки _ с _ ву,

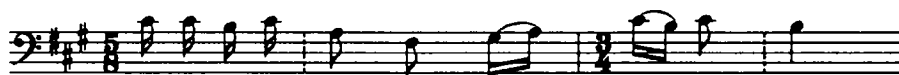
По - за Ки _ с _ ву да по - за три _ ста вёрст

Тут сто _ ял - то ша _ тёр да бел по _ ло _ тян _ ной.

Эх, во том ша_т(ы)_ри да во по _ ло _ тян _ ном

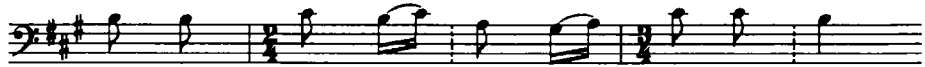
Жи_ли тут две _ над _ цать бо _ га _ ты _ рей.

<Во - пер _ вых - то был да тут ста _ ры ка _ зак,¹
Как ста ры ка _ зак да Иль _ я Му _ ро _ мц.

По _ уг _ ру - ту стар да стал ра _ ным ра _ но,

Он ра _ ным - то стал ра _ нё - шень _ ко,

У _ ти _ ра_л(ы)_сэ...

У _ мы _ ва_л(ы)_сэ он да клю _ це _ вой во _ дой,

У _ ти _ ра_л(ы)_сэ он да бе _ лым по _ лот _ пом,

Брал - то л(ы) _ ру _ боть _ ку под _ зор _ ну _ ю,

Вы _ хо _ дил - то па у _ ле _ ну ши _ ро _ ку _ ю,

Здрел - смот _ рел да во все сто ро _ ны.

Он за _ ви _ дят со ту сто _

_ ро _ пошь _ ку со за _ па_л(ы) _ ну:

Из Во - лнь де го - ро - да из Га - ли - цы,

А от той го - ры да О - го - ры ло - ю

Не те_м(ы) - на - та ту - сень ка за - ту - ци - лась,

А ис си нё во - бла_ко на - ка - та - ст - се...

¹ Этот мелодия прослушивается на фонограмме, но из-за технического дефекта звукозаписи удовлетворительно нотировать его не удалось.

№ 89

- Ай, на горах-то, горах, горах было высоких,
 Ай, што на тех горах было, горах окатистых,
 Ай, на окатистых горах было, на увалистых,
 Ай, то стояла-ле русска-ле наша за́става.
⁵ Ай, во пёрвых стоял да Илья Муромец,
 А во вторых или Добрынюша Мекитин млад,
 А во тре́йтых и-то — Олёшинька-ли Попович млад.
 Ай, берегли-стерегли ёни стольний Киев-град,
 А стояли за веру ле за крещёную,
¹⁰ А стояли за церкви православные,
 Ай, стояли за князя ле за Владимира,
 А стояли за кнегинушку королевную.
 А вставал-то Ильюшенька поутру ранó,
 Ай, умывалса Ильюшенька ключевой свежей водой,
¹⁵ А утиралса Ильюшенька полотёнышком.

- А надевал сапожки да все козловыя,
 А надевал еще Ильюша шубу кúнию,
 А застёгивал-ли пуговики все вяшныя
 (Очень дорогие — как музыка разыгрывают!) —
 А стоит шубочка восемьсот рублей,
 20 А пуговок-ли на ей да на три тысячи —
 А вставал-то Ильюшенька против зерькала,
 А чесал ле Ильюшенька свою седú голову,
 А чёсал свою головушку, да дивился он.
 А выходил Ильюшенька на улочку,
 25 А вынимал-то Ильюша он трубочку подзорную,
 А смотрел и-то Ильюшенька на все стороны:
 А во-первých, смотрел в ту стороночку,
 Во ту стороночку подзападну —
 А видел Ильюшенька стольней Киев-град,
 30 А горят и ле там крыши позолочаны,
 А блещят и ле там маковки драгоценныя.
 А повернул на тую стороночку полуночну —
 А видел Ильюша чудно чúдушко,
 А чудо было — чудо-диво дивноё:
 35 А не туман и ле там с моря поднимаетця,
 А едет там ле удалой потешаетця,
 А впереди-то бежáт да ровно два как льва,
 А позади ле тут бежат черны медведища,
 А по бокам бежат серы вóлчища,
 40 А под конём Змея люта извиваетця,
 Из речей там ле удалый вышибаетця;
 А на правом плече сидит птица кречет,
 А на левом плече — соловьюшка,
 А в руках держит он паличу,
 45 А не малая палица — восемьсот пудóв,
 А под вышиночку ли палицу покидывáт,
 А на подъезде ли палицу подхватывáт,
 Не приворачивáт её на зáставу ихню богáтырскую —
 А едет там ле удалый в стольней Киев-град.
 50 А заходит и тут старой во бело́й шатёр,
 А говорит а ле старый да таково́ словó:
 «Ах вы ой еси, удалы молодцы,
 Уж вы русьски наши богáтыри!
 Едет там поганый, вышибаетця:
 55 Не приворачивáт на заставу нашу богáтырскую,
 А едет поганый в стольний Киев-град.
 А кого из нас послать за сугонушкой?»

- А Алёшеньку послать нонеча-то Поповиця —
 А Олешенька ли роду нехорошего:
- 60 А загрезит Алёшенька не в свою ровню,
 А потеря́т-то Алёшенька свою буйну голову.
 А послать лучше́ нам Добрынюшу Микитича:
 А Добрынюша роду да был хорошего,
 А хорошего-ли роду да благородного,
- 65 А умёт Добрынюша съех'т(и)-сѣихатьця,¹
 А умёт удаленький всё розъехатьця,
 А умёт-то удалой поклон воздать!»
 А срежался Добрынюша скоро-на́скоро,
 Он седлал-уздал коня доброго,
- 70 Седлал-уздал скоро-на́скоро,
 Он двенадцать подпруг клал богатырских,
 А тринадцатая подпруга не для басы — ради крепости:²
 А во чистом как ноне поли не оставил конь.
 А видели — Добрыня в стремя вступил,
- 75 А видели Добрынюшу — на коня скочил,
 А не видели ли поездочки богатырскаей,
 А только видели: в чистом полюшки курева́ стоит,
 А и курева́ стоит — да пыль столбом валит.
 А еще бьёт ли он коня по тучным ребра́м —
- 80 А под им карюшка рассержаетця,
 А от земли от матушки ён отделяетця,
 А скачёт и ли карюшка по семи как³ вёрст,
 А высокие горушки перскакива́т,
 А мелки как речки промеж ног берёт.
- 85 А подъезжает [к]⁴ Подсокольницьку-наездницьку,
 А закричал и ле Добрынюшка во всю голову:
 «Ах, ты ой ли ты, удалый добрый молодец!
 А ты куда ле там едешь, куда путь дёржишь,
 Не приворачива́шь и ли на заставу нашу богатырскую?»
- 90 А едёт Подсокольничёк — цёлом не бьёт.
 А повторяёт Добрынюша во второ́й након,
 А повторяет Добрынюша во третей након:
 «А ты куда там, ворона ле, куда машешься,
 А ты куда там, ворона ле, куда путь дёржишь,
- 95 Не приворачива́шь ли на за́ставу нашу богатырскую?»
 А поворачивал Подсокольничёк да всё добра́ коня́,
 А закричал Подсокольничёк да по-звериному,
 А засвистел Подсокольничёк да по-соловьиньному,
 А зашипел Подсокольничёк да по-змеиньному —
- 100 А Добрынюшин конь да нонече на́ бок пал

- От того ли крику от богатырского,
 От того ли по́свисту соловьиного!
 Подъезжает Подсокольничёк к Добрынюшки,
 А подъезжает Подсокольничёк скоро-на́скоро,
 105 Снимает у Добрынюши подштани́чки,
 А дава́т Добрынюши всё потяпыши,
 А ещё прибавил по алабышу.
 А поставил Добрынюшу на резвы́ ноги,
 А говорил-то Добрынюши, всё наказывал:
 110 «А я заеду, удалый, в стольный Киев-град,
 А Божьи как церкви да я всё под дым спущу,
 А мелку как силу я под меч согну,
 А князя Владимира — глаза выколю,
 А княгину Апраксию — за себя возьму,
 115 А старшего казака́ — ста́ршим конюхо́м,
 А тебя ле, Добрынюшу, — чашки-ложки мыть,
 А Олёшеньку ли Попови́ця — подноси́цьком!»
 А садил Добрынюша на добра коня,⁵
 А поехал Добрынюша не по-старому,
 120 А поехал Добрынюша не по-прежнему,
 А едва ле Добрынюша на кони сидит.
 А подъезжал ле Добрынюша к белу́ шатру,
 А встречает Ильюша ноне́це Муромец:
 «А ты ой еси, Добрынюша Микитич млад!
 125 Что же, ты Добрыня, едешь нонеча не по-старому,
 А ты, Добрыня, едешь не по-прежнему?»
 А говорил Добрынюша таковы́ слова:
 «А не моя ровня́ — да не моя четá,
 А не⁶ по мое плеще́ добрый молодец!
 130 А вскричал поганый не по-доброму,
 А вскричал поганый по-звериному,
 А зашипел поганый по-змеинному,
 А засвистал поганый по-соловьиному —
 А у меня ле ноне конь нынче на́ бок пал
 135 А от того ле крику от богатырского.
 А подъезжает Подсокольник скоро-на́скоро,
 А снимаю́ поганый у меня подштани́чка,
 А дава́ю поганый мне потяпышу,
 А еще прибавил по алабушу,
 140 А поставил ле меня он на резвы́ ноги.
 А говорил Подсокольник да наказывал:
 „А я заеду, Подсокольник, в стольный Киев-град,
 А Божьи церкви все под дым спущу,

- А мелкую силу всю на меч согну,
 145 А князя ли Владимира — глаза выколю,
 А кнегину Апраксию — за себя возьму,
 А старшого казакá — старшим конюхом,
 А тебя ли, Добрынюшу, — чашки-ложки мыть,
 А Олёшеньку Поповиця — да всё подносицьком!”»
- 150 А загорелось у старого ретивó серьчѣ,
 А расходилися все плеченьки могучие,
 Закипела кровь горячая,
 Заходили глаза нынче с искрами.
 «А некому старому нонеча заменится!»
- 155 А седлал удалый коня доброго,
 А седлал удалый скоро-на́скоро,
 А седлал удалый скоро-наскоро:
 Двенадцать подпруг клал богатырских,
 А тринадцатая подпруга как не для басы,
- 160 А не ради басы — а ради крепости.
 Скакал на коня скоро-на́скоро:
 «А не успейте, братцы, вы котлы согреть,
 А привезу поганого буйну голову!»
 А видели старого — в стремяна ступил,
- 165 А видели старого — на коня скочил,
 А не видели поездочки богатырьское,
 А только вид’ли: в чистом полюшке куревá стоит,
 А куревá ли стоит да пыль *столбом валит*.
 Еще и бьёт ён коня по тучным ребрам —
- 170 А под им ли нонь карюшко рассержаетця,
 А от земли от матушки отделяетця:
 А скачѣт ле карюшко по семи как вѣрст,
 А высоки горушки перескакиваѣт,
 А глубоки как речки промеж ног берѣт.
- 175 А подъезжаѣт к Подсокольницку скоро-на́скоро,
 А закричал старый во всю голову:
 «Ай ты ой еси, удалый добрый молодец!
 А ты какого роду-племени,
 А ты какого отца-матери,
- 180 Ты куда едешь, куда путь держишь,
 А не приворачиваешь на за́ставу богатырскую?»
 А поворачивал Подсокольник всё добра́ коня,
 А закричал и Подсокольник да по-звериному,
 А зашипел и Подсокольник да по-змеинному,
- 185 А заревел Подсокольник да по-соловьинному —
 А старого конь на колени пал

- От того ле от крику богатырского.
 А соскакивал старый всё с добра коня,
 А бил ли коня ён по тучным ребрам,
 190 А он бил коня да приговаривал:
 «Ах, ты конь, мой конь — да травяной мешок!
 А не слышал ли ты в поле соловьиного псовиста,
 А не слышал ле ты в поле воронья карканья?»
 А скочил он, старый, скоро-наскоро,
 195 А бьёт он всё по тучным ребрам —
 А под им карюшко россержаетця.
 А съехались удалы добры молодцы,
 А съехались они да поздоровкались,
 А съехались они — опять разъехались.
 200 А грозит всё старый вострым копьём.
 А съехались они на востры сабельки,
 А сабельки ли у их да пощербалисе,
 А по носад(ы)кам сабли изломалисе —
 А друг ле ноне дружку не ранили.
 205 А бросили сабельки на сыру землю,
 А съехалисе они — опять разъехались.
 А съехались они на вострых копёчках,
 А на те и копейчки бурземецкии.
 А копейчки у них развихалися,
 210 А по носад(ы)кам копейчки изломалисе —
 А друг ле ноне дружку всё не ранили.
 А бросали копейца на сыру землю,
 А съехались они на паличи,
 А палицы у них загорелисе —
 215 А друг ле ноне дружку всё не ранили.
 А соскакивали удалы да всё с добрых коней,
 А схватилисе удалы всё в охабочку,
 А по-мужицки они, по-деревенски же,
 А бились и боролись да ноне три часика.
 220 А у старого ногá лева подвихнуласи,
 А пра́ва ногá ле окатиласе —
 А падал старой да на сыру землю.
 А *скочил*⁷ Подсокольник на белы груди,
 А рвал его латы-панзыри,
 225 А вымал ножище — да всё кинжалищё,
 А хочёт пороть да всё белы груди,
 А ладил смотреть да ретивó серьцб.
 А взмолился ноне старый да всем угодникам:
 «А я стоял за веру за крещёную,⁸

- 230 А я стоял за церкви православныи,
 А писала Божья Мать да прописаласе —
 А выдали поганому на изгилянье-тёрзанье!»
 А слышит старый — силы прибыло,
 А прибыло силушки наполовинушку.
- 235 А стрелял Подсокольника в белы груди —
 А вылетал Подсокольник да под вышиночку,
 А выше лесу вылетал да всё он стоячего,
 А ниже облачка ён да ходячего:
 А упал Подсокольник да на сбиру землю.
- 240 А соскакивал старый да на белы груди,
 А вымал да ножище-кинжалище,
 А хочет у его пороть белы груди,
 А ладил смотреть да ретиво сердце.
 А остоялася рука его по плечикам,
- 245 А говорил ли еще старый таковы слова:
 «Ах ты гои еси, удалой доброй ты ведь молодец!
 Да ты какого, да какого роду-племени,
 Да ты какого отца, коей матушки?»
 А говорил Подсокольник да таковы слова:
- 250 «А кабы был я на белых грудях —
 Я не спрашивал ни роду, ни племени,
 Я не спрашивал ли отца да твоей матушки.
 А пори у меня все белы груди,
 А смотри у меня ты ретиво сердце!»
- 255 А замахнулсэ ли старой во второй након —
 А остояласе рука ле по завоины.
 А спросил еще старой во второй након:
 «Ты скажи ли, удалой доброй молодец,
 Да ты какого роду, какого племени,
- 260 А ты какого отца ле, коей матушки?» —
 «Я кабы был у тебя на белых грудях —
 Я не спрашивал ни роду да я ни племени,
 Я не спрашивал ли отца, ни твоей матушки.
 А пори мне скорей белы груди,
- 265 А смотри ли у миня ты ретиво сердце!»
 А замахнулсэ ноне старой во третьей након:
 «А ты скажи ли, удалый, да поведай же,
 А ты какого роду, какого племени,
 А ты какого отца, коей матушки?» —
- 270 «А я от морюшка от Студёного,
 А от той бабушки от Златьгорки,⁹
 А как буду ей всё родной как сын».

- А брал ноне старьй за белы́ руки,
 А ставил старьй на резвы́ ноги,
 275 Целовал в уста сахарныи,
 Говорил Подсокольницьку таковы́ слова:
 «А чей корень — той и о́тростень,
 А будешь мне-ка ноне ты родной как сын!
 А поедем, удалый, в стольный Киев-град,
 280 А прими ты веру всё крещёную,
 А не будет нам ли на свете поединщицька,
 А сделает нам князь да великолепной пир!»
 А говорил Подсокольник таковы́ словó:
 «А и ты, Ильюша ты Муромец!
 285 Ты спусти ты меня на родину,
 Ко своей ли мамушки престарой,
 А я спрошу у своей мамушки,
 А расспрошу, ей поведаю!»
 А посадил старьй на добра́ коня,
 290 А поклонилса Подсокольничек да старому.
 А поехал Подсокольник не по-старому, не по-прежнему,
 А совсем ли на коне сидит истрёпан[н]ый.
 А поехал Подсокольник скоро-на́скоро,
 А подъезжает Подсокольник ко своей мамушки.
 295 А завидела мамушка во чистóм поли́:
 «Ох, ты ой еси, дитятко моё рожоное!
 Ты наехал в поле на старого —
 В поле смерть старому не писана!»
 А говорил Подсокольник таковы́ слова:
 300 «А тебя зовет, мать, б〈лядь〉ю, меня вы́б〈лядко〉м».
- А схватил Подсокольник да ноне востро́ копьё,
 А притиснул ноне мати белы́ груды́,
 А придавил матушку ко сырóй землё —
 А взвилась мати под востры́м копьём,
 305 А кровь горячая у её да побежала же,
 А говорила мати таковы́ слова:
 «А какову я крови чашу пью — и тебе такову́ же пить!»
 Заколот он мати скоро-на́скоро,
 А поехал Сокольник в старьй путь.
 310 А наехал Подсокольник он на за́ставу,
 А на за́ставу да на богатырскую:
 А и спит-то старой он крепкым-то сном.
 «А заколю старого сонно́го я!»
 Поехал Подсокольник скоро-на́скоро.
 315 А ша́рнул он старого в белы́ груды́...

А было у старого чуден крест,
 А крест был да позолочен[н]ый,
 А не малый крест — полтора пуда,
 А угодило копейчко в чуден крест.
³²⁰ А скочил старый да скоро-наскоро,
 А схватил Подсокольника за желты кудри,
 А вытащил Подсокольника из белá шатра,
 А наступил Подсокольничку на резвы ноги,
 А розорвал Подсокольника на три части нонь,
³²⁵ А рассвистал Подсокольника по чисту полю...
 А тут и Подсокольнику славы поют.

№ 89а

$\text{♩} = 72$

Ай, на го - рах - то, го - рах, го - рах бы - ло вы - со - ки - их,
 Ай, што на тех го - рах бы - ло, го - рах о - ка - тис - тых,
 Ай, на о - ка - тис - тых го - рах бы - ло, на у - ва - лис - тых,
 Ай, тут сто - я - ла - ли рус - ська да на - ша за - сфга - ва.
 Ай, во перь - вых тут и сто - я - л(ы) да И - ли - я Му - ро - мец,
 А во вто - рых тут до - б(ы) - ры - ню - ша Ме - ки - тик млад,
 А во тре - тих - то - о - ле - ши - н(и) - ка По - по - ви - ц(и) млад.
 Ай, бе - рег - ли - сте - ре - г(ы) - ли да с(ы) - то - л(и) - ни - и(и) Ки - е - в(ы) гра - л...

№ 90

На горах-то, горах было высоких,
 На тех горах окатистых,
 На окатистых горах, на увалистых
 Стояла русска за́става.
⁵ Во пёрвых стоял Илья Муромец,
 Во вторых или Добрынюшка Мекитин млад,
 Во третьих — Олешинька Попович млад.
 Берегли-стерегли стольний Киев-град,
 Стояли за веру за крещёную,
¹⁰ Стояли за церкви православные,
 Стояли за князя за Владимира,
 Стояли за кнегинушку королевною.
 Вставал Ильюша поютру ранó,
 Умывался Ильюша ключевой водой,
¹⁵ Утирался Ильюша полотённышком.
 Одевал сапожки да всё козловые,
 Надевал еще Ильюша шубу кúнию,
 Застёгивал пуговики всё вяшныи¹
 (Очень дорогие — как музыка разыгрывают!), —
 Стоит шубоцька восемьсот рублей,
²⁰ Пуговок на ней на три тысячи.
 Вставал Ильюша против зеркала,
 Чесал Ильюша буйну голову,
 Чёсал свою головушку, да дивился он.
 Выходил Ильюша на улочку,
²⁵ Вынимал трубочку подзорную,
 Смотрел-глядел на все стороны.
 Во-первы́х, смотрел в ту стороночку,
 Во ту стороночку подзападну —
 Видел Ильюша стольний Киев-град:
³⁰ Горят крыши позолочаны,
 Блестят маковки драгоценные.
 А повернул в ту стороночку,
 На тую стороночку полуночну —
 Видел Ильюша чудно чудушко,
³⁵ Чудо чудно — чудо дивноё:
 Не туман с моря поднимаетця —
 Едет удалой, потешаетця.
 Впереди бежат ровно два льва,
 Позади бежат черны́ медведица,
⁴⁰ По бокам бежат серы вóлчица,

- Под конём Змей лютый извиваетця,
 Из речей удалый вышибаетця.
 В руках держит он паличу,
 Не малая палича — восемьсот пудов,
⁴⁵ Под вышиночку ли палочку подкидыва̄т,
 На подъезде палицу подхватыва̄т,
 Не приворачива̄т на за́ставу бога́тырскую,
 Едёт удалый в сто́льный Киев-град.
 Заходит старой в бело́й шатёр,
⁵⁰ Говорит а старый таковы слова:
 «Вы же удалы молодцы,
 Что с нами случилось?..
 Едет там поганый, вышибаетця,
 Не приворачива̄т на за́ставу нашу бога́тырскую,
⁵⁵ Едет поганый в сто́льный Киев-град!
 Кого из вас послать за сугонушкой?²
 Олешеньку послать-то Попови́ця —
 Олешенька роду нехорошего:
 Загрезит Олеша не в свою ровню,
⁶⁰ Потеря(̄а)т Олеша буйну голову.
 Послать лучше́ Добрынюшку Микитичя:
 Добрынюша роду хорошего,
 Хорошего роду, благородного,
 Уме́т² Добрынюша съех'т(и)-съихатьця,³
⁶⁵ Уме́т² Добрынюшка розъехатьця,
 Уме́т² поклон воздать!»
 Он седлал-уздal коня доброго,
 Седлал-уздal скоро-на́скоро,
 Двенадцать подпруг богатырских,
⁷⁰ Тринадцатая подпруга не для ба́сы — ради крепости:⁴
 Во чистом поли не оставил конь.
 Видели — Добрыня на коня скочил,
 Видели — Добрыня в стремя вступил,
 Не видели поездки богатырския,
⁷⁵ Только есть в чистом поли курева́ стоит,
 Курева́ стоит — пыль столбом валит.
 Еще бьёт коня по тучным ребрам,
 Под им карюшка рассержаетця,
 От земли от матушки отделяетця:
⁸⁰ Скачёт конь по семи как⁵ вёрст,
 Высокие горушки перескакива̄т,
 Глубоки как речки промеж ног берёт.
 Подъезжает [к]⁶ Подскольни́цьку-наездни́цьку.

- Закричал Добрыня во всю голову:
 85 «Ох ты, удалый добрый молодец!
 Ты куда едешь, куда путь дёржышь,
 Не приворачива́шь на за́ставу нашу богатырскую?»
 Едет Подсокольник, цѣлом не бѣет.
 Повторят Добрыня во второ́й након,
 90 Повторяет Добрыня во третѣй након:
 «Ты куда едешь, ворона, куда машешься,
 Ты куда там, ворона, куда путь дёржышь,
 Не приворачива́шь на за́ставу нашу богатырскую?»
 Поворачивал Подсокольник добра́ коня́,
 95 Рякнул Сокольник по-звериному,
 Засвистел Сокольник да по-соловьиному,
 Зашипел Сокольник да по-змеинному —
 Добрынин конь на́ бок пал.
 Подъезжает Подсокольник к Добрынюшки,
 100 Снимает у Добрынюши подштанички,
 Дават Добрынюши потяпуши,
 Еще прибавил по алабушу.
 Поставил Добрыня на резвы́ ногі,
 Говорил-то таковы слова:
 105 «Я заеду, удалый, в стольний Киев-град,
 Божьи церкви всё под дым спущу,
 Мелкую силу под меч согну,
 Князю Владимиру — глаза выколю,
 Княгину Апраксию — себе возьму,
 110 Старшего казака́ — старшим конюхо́м,
 Тебя, Добрынюша, — чашки-ложки мыть,
 Олешеньку Поповиця — подносчицьком!»
 Поехал Добрынюша не по-прежнему,
 Едва ле Добрыня на коне сидит.
 115 Подъезжал Добрынюша ко белу́ шатру,
 Встречат Илья Муромец:
 «А ты же, Добрыня, едешь нонеча не по-старому,
 Ты, Добрыня, едешь не по-прежнему!»
 Говорил Добрынюша таковы слова:
 120 «Ты ой еси, да Илья Муромец!
 Не моя ровня́ да не моя четá,
 Не по моё плеще́ добрый молодец.
 Вскричал поганый не по-доброму,
 А вскричал поганый по-звериному,
 125 Зашипел поганый по-змеинному,
 Засвистал поганый по-соловьиному.

- У меня конь нынче на́ бок пал
 От того крику от бо́гатырьского.
 Приезжает поганый скоро-на́скоро,
 130 Снимает поганый у меня подштани́чка,
 Дават поганый мне потяпушу,
 Еще прибавил по алабушу,
 Поставил казака на резвы́ но́ги.
 Говорил Подсокольник таковы слова:
 135 „Я заеду, удалый добрый молодец,
 Я заеду в стольний Киев-град,
 Божьи церкви все под дым спущу,
 Мелкую силу всю на меч согну,
 Князя Владимира — глаза выколю,
 140 Кнегину Апраксию — за себя возьму,
 А Илюшку старшого — ста́ршим конюхом,
 А меня, Добрынюшу, — чашки-ложки мыть,
 Олёшеньку Поповиця — подносчицьком!” »
 Загорелось у старого ретиво́ серьчѣ,
 145 Закипела кровь горячая,
 Заходили глаза нынче с искрами.
 Седлал удалый коня доброго,
 Седлал удалый скоро-на́скоро.
 Седлал удалый скоро-наскоро.
 150 Двенадцать подпруг клал богатырских,
 Тринадцатая подпруга — как не для ба́сы.
 Скакал на коня скоро-на́скоро,
 Грозит копьем крепко-накрепко:
 «Не успеите, братцы, вы котлы согреть —
 155 Привезу поганого буйну голову!»
 Видели старого — в стремяна вступил,
 Видели старого — на коня скочил,⁷
 Не видели поездочки богатырьское,
 Только вид'ли: в чистом полюшке курева́ стоит,
 160 Курева́ стоит — *пыль столбом валит*.
 Он бьёт коня по тучным ребра́м,
 Под им конь рассержаетця,
 От земли от матушки отделяетця:
 Скачѣт конь по семи вѣрст,
 165 С горы горушки перескакиват,
 Глубоки речки промеж ног берѣт.
 Подъезжаѣт к Подсокольни́цку-наездничку,
 Закричал старый во всю голову:
 «Ой ты гой еси, удалый добрый молодец!

- 170 Ты куда едешь, куда путь держишь,
 Не приворачиваешь на заставу богатырскую?»
 Повернул Подсокольник всё добра коня,
 Закричал Подсокольник по-звериному,
 Зашипел Подсокольник по-змеиному,
- 175 Заревел Подсокольник по-соловьиному —
 Старого конь на колени пал
 От того крику богатырского.
 А скакал старый с добра коня,
 А бил коня да приговаривал:
- 180 «Ты конь, мой конь — да травяной мешок!
 Не слышал ты в поле воронья карканья?»
 Не слышал ты в поле соловьиного по́свиста?»
 Скакал на коня скоро-на́скоро,
 Съехали удалы добры молодцы,
- 185 Съехали они да поздоровкались,
 Съехали они — да разъехались,
 Грозит всё старый востры́м копьём.
 Съехали удалы на вóстры сабельки,
 Сабельки у них да пощербались,
- 190 По носаткам сабли изломались,
 Друг дружку не ранили,
 Бросили сабли на сыру́ землю́.
 Съехали они — опять разъехались,
 Съехали они на востры́х копéечках,
- 195 Копеички у них развихалисе,
 По носадкам копеички изломались,
 Друг дружку не ранили.
 Бросили копейца на сыру́ землю́,
 Съехали на паличи буёвые,
- 200 Палицы у них загорелися,
 Друг дружку не ранили.
 Скакали удалы с добры́х коней,
 Схватились они, удалы, в охабочку,
 По-мужицки они, по-деревенски,
- 205 Бились, боролись три часика.
 Старого лева нога́ подвихнуласи,
 Пра́ва нога́ подвихнулася,
 Падал старый на сыру́ землю́.
 Скочил Подсокольник на белы́ груди́,
- 210 Рвал его латы-па́нзыри,
 Вымал ножище-кинжалище́,
 Хочёт пороть белы́ груди́,

- А ладит смотреть ретивó серьцбó.
 Взмолился старый всем угодникам:
 215 «Писала Божья Мать да прописалася —
 Стоял я за веру за крещёную,
 Стоял я за церкви православны!..»
 Слышит старый — силы прибыло,
 Прибыло силы наполовинушку.
- 220 Стрелял Подсокольника в белы́ груды́ —
 Вылетал Подсокольник в вышиночку:
 Выше лесу он стоячего,
 Ниже облачка ходячего,
 Падал Подсокольник о сырú землú.
- 225 Скачил старый на белы́ груды́,
 Рвал его латы-панзыри,
 Вымал ножище-кинжалище,
 Хочет пороть белы́ груды́,
 Ладит смотреть ретивó серцбó —
- 230 Остоялася рука по плечикам.
 Говорил старый таково́ слово́:
 «Ох ты го́й еси, удалой добрый молодец!
 Ты какого роду-племени,
 Ты какого отца, матушки?»
- 235 Говорит Подсокольник таково́ слова́:
 «Кабы был я на белы́х грудя́х,
 Я не спрашивал роду твоего, ни племени,
 Я не спрашивал отца, твоей матушки,
 Пори у миня белы́ груды́,
- 240 Смотри у меня ретивó серцбó!»
 Замахнулсэ старый во второй нако́н —
 Остоялася рука по завонны.
 Говорил старой таково́ слово́:
 «Ты скажи, удалой доброй молодец,
- 245 Ты какого роду, какого племени,
 Ты какого отца, коей матушки?» —
 «Кабы был я у тебя на белы́х грудя́х,
 Не спрашивал роду, ни племени,
 Не спрашивал отца, твоей матушки.
- 250 Пори ноне скорей белы́ груды́,
 Смотри у миня ретивó серцбó!»
 Замахнулсэ старой во третьей нако́н,
 Говорил да наговаривал:
 «Скажи мне да поведай,
- 255 Ты какого роду, какого племени,

- Ты какого отца, коей матушки?» —
 «Я от морюшка от Студёного,
 От той бабушки от Златьгорки —
 Я буду ей родной сын!»
- 260 Схватил старый за белы руки,
 Вздывает старый да Подсокольницка,
 Говорил Подсокольницку таковы слова:
 «Чей корень, той отростень:
 Ты будешь мне-ка родной как сын,
- 265 Поедем, удалый, в стольный Киев-град,
 Прими ты веру крещёную —
 Не будет нам на свете поединщицка!»
 Говорил Подсокольник таковы слово:
 «А и ты, Ильюша ты Муромец!
- 270 Отпусти ты меня на родину,
 Ко своей ли мамушки престарой,
 Я спрошу у своей мамушки,
 А расспрошу, ей поведаю!»
 А отпустил старый Подсокольницка,
- 275 Сел Подсокольник на добра коня,
 Поехал Подсокольник не по-старому, не по-прежнему,
 Поехал Подсокольник весь истрепанный,
 Поехал Подсокольник скоро-наскоро.
 Подъезжает Подсокольник ко своей мамушки.
- 280 Завидела мамушка во чистом поли:
 Едет дитя не по-старому,
 Едет дитя не по-прежнему,
 Едет дитя — едва на коне сидит.
 «Говорила я тебе, наговаривала:
- 285 Ты увидишь старого во чистом поли,
 Слезавай с коня — низко кланяйся!»
 Говорил Подсокольник таковы слова:
 «Тебя зовет, мать, б〈лядю〉, меня выб〈лядком〉!»
 Схватил Подсокольник востро копь,
- 290 Шаркнул мать в ретиво серцо —
 Взвилась мати под вострым копьём,
 Говорила мати таковы слова:
 «Какову я крови чашу пью, и тебе такову же пить!..»
 Заколот он мати скоро-наскоро,
- 295 Поворотил Подсокольник добра коня —
 Наехал Подсокольник он на заставу,
 На заставу да на богатырскую:
 Спит-то старый он крепким сном.

«Заколю старого я сонного!»

- ³⁰⁰ Поехал Подсокольник скоро-на́скоро,
 Приехал Подсокольник ко белú шатру́,
 Соскакивал Подсокольник он с добра́ коня,
 Схватил он, Подсокольник, востро́ копье́,
 Вбежал Подсокольник он в бело́й шатёр —
- ³⁰⁵ Спит он старый́ крепко-на́крепко.
 Шаркнул он старого в бело́й груди́ —
 Было у старого чуден крест,
 Крест был да позолоченный,
 Не мальи́й крест — полтора пúда,
- ³¹⁰ От Владимира да подарочки —
 Попало копье да прямо в чуден крест.
 Старый́ скочил да скоро-на́скоро,
 Схватил Подсокольника за желты́ кудри́,
 Вытащил Подсокольника из бело́ шатра́,
- ³¹⁵ Наступил старый́ на резвы́ ноги́ —
 Розорвал Подсокольника на три части нонь,
 Рассвистал Подсокольника по чисту́ полю́...
 Тут и Подсокольнику славы́ поют.

№ 91

Ездил Илья Муромец, розгуливал и нашол себе невесту и с ей пожил. Паленица была удалая.¹ Он прижил с ей сына или дочь. Когда стали они с ей расставаться, она сказала ему, что она стала беременна. «Вот, — говорит, — если ты беременна, если родится дочь, на тебе перестень золотой, именной; если сын — на тебе крест золотой, именной».

⁵ Илья уехал на старое место. Дело пришло — она родила сына. Сына родила, имя дала ему Сокольник. Вот он и растет, этот сын. Прошел год, два, три, четыре, — может, пять. Стал этот сынок у них порядочный. Вот там — восемь годов, десеть: стал знать всё. А парень был удалый. Ребята стали драться между собой, его дразнили: «Ты сколодной!» Ему это не по нраву. Вот приходит он к матери и говорит: «Вот, никого не зовут сколодным, а меня зовут! Есть, нет ли у меня отца кто?»² А она сказала: «Есть». — «А кто такой есть отец у меня?» — «Есть у тебя отец — Илья Муровець, старый козак». — «А где он проживат?» — «В городе в Киеве».

¹⁰ Вот он собрался: «Дай мне, мама, коня и всё вооружение: латы богатырские» (сам двенадцати лет), «также палицу боевую, меч, копье и коня!» Вот это вооружение она не давала ему. «А если ты добром не дашь, то силою возьму!» Вот, значит, она не могла его удержать. «Я, —
¹⁵ говорит, — поеду, убью Илью Муровыця».³ Ну вот, тут он и собрался. И вот там неизвестно из какого села

Снарежался он скорехонько,
 Сподоблялся скоре тово,

Выходил на конюшен двор,
 20 Выводил себе добра́ ко́ница,
 Накладывал седёлышко черкасьское,
 Двенадцать подпружечек подпрёгивал,
 Сам этим подпружечкам приговаривал:
 «Это не для басы — ради крепости,
 25 Ради крепости бога́тырскойей!»
 Тут много людей собиралось
 Смотреть поездку бога́тырскую.
 Не видели бога́тырской поездки —
 Только видели: Соко́льни́чек в стремена́ скочил.
 30 Тут долго ли, скоро Соко́льни́чек ехал до Киева,
 Подъехал Соко́льни́чек к Киеву.
 И объезжает Соко́льни́чек кругом Киева,
 И выбрасыва́т Соко́льни́к своё копеи́цко:
 Вострым концом на Киев-град,
 35 А тупым концом к себе.
 А сам копьё приговарива́т:
 «Старого седатого Илью́ Му́ровья́ у́бью
 И весь Киев-град розорю!»

Во то время, во ту пору ихней братии был бога́тырь. (*Мы их называем станицни́цки.*) Вот
 40 из их, из станицни́цков, приходит в белой шатер и говорит таково́ слово́:

«Не пора ли нам, робятушка, вставать,
 И не пора ли нам, робятушка, завтракать?
 И есь у нас во полюшки невзгодушка!
 Кому же итти и ехати
 45 Невзгодушку попроведати?»
 Надо же ехать Олёшеньке Поповичу очередь.
 Но Олёшеньке Поповичу невзгодушка великая:
 Не съехаться ему, не поздороваться —
 Пропадёт у Олёшеньки буйна го́лова не за денежку!
 50 То́гда надо послать Добрынюшку Микитича:
 Тот может сойтись и съехаться, и поздороваться,
 И розознать, на кого эта невзгодушка налета́т!
 (*А мать-то ему рассказала всё, какого кто поведения.*)
 Вот Добрынюшка Микитич снарежался скорёхонько,
 Снарежался скоре того,
 55 Выходил Добрынюшка на конюшен двор,
 Выводил Добрынюшка добра́ ко́ница,
 И вот накладывал седёлышко черкасьское,
 Садилса Добрынюшка на добра́ коня́,
 И выезжал Добрынюшка на цистó полё.
 60 И видит Добрынюшка: едет Соко́льни́чек-розбойни́чек!

Слезывал Добрынюшка с добра́ коня,
 И брал Добрынюшка пухову́ шляпу в пра́ву руку,
 А коня — в леву руку;
 Тут-то Добрынюшка низко кланелса:
 65 «Здрастуй же, удалой доброй молодец,
 Гостенёк ты неожиданной!»

А тогда Сокольник-разбойник ему отвечал:

«Вы кто такие есть? Добрыня Микитич или кто такие?» (*Ему уже кажется, что Добрыня Микитич.*) — «Да, — он говорит, — Добрыня Микитич». — «Вы, — говорит, — Добрыня Микитич, мне не нужны! А нужен мне старый, горбатый, седатый тарый козак Илья Муромец.³ Я его убью и Киев-град розорю!»

Тогда Добрынюшка Микитич накладывал пухову шляпу и заскакивал на добра́ коня. И поехал в стольный Киев-град обратно. И заходит к станицникам. «Ну, товарищи-братья! Я Сокольник-разбойнику не нужен! Надо Сокольнику-разбойничку старый, седатый старый козак
 75 Илья Муромец.³ „Я старого козака Илью Муромца³ убью и Киев-град розорю!”»

Тогда-то у Илеюшки сердце розгорелосе,
 Могуции плечи расходилисе.
 Срежалса Илеюшко скорёхонько,
 Выходил Илеюшко на конюшен двор,
 80 Выводил Илеюшко добра́ кони́цка,
 Накладывал Илеюшко седёлушко черкаское,
 Да двенадцеть подпружечек подпрегивал,
 Сам подпружечкам приговаривал.
 Тринадцату подпружечку протягивал через спину лошадиную.
 85 И это не для басы — ради крепости,
 Ради крепости бо́гатырской!
 Много людей собиралосе
 Смотреть поездку бо́гатырскую.
 Не видели поездочки бо́гатырской,
 90 Только видели: Илеюшко в стремена́ скоцил.
 (*Молодой стал, как я!*)
 Не две горы во полюшки сокаталась,
 Не два молодца́ удалых соезжалось⁴ —
 Вот тут они бились-дрались суточки трое
 Во́стрыми ко́пьями.
 95 Ко́пейца по носадоткам извихалисе —
 А тем боём друг дружку не ранили!
 Бились они, дрались суточек трое во́стрыма саблями.
 Сабелка о сабелку прищербалися —
 В том бою друг дружку не ранили!
 100 И бились они, дрались боёвыми палочками.
 Палочка о палочку окорналися —
 И друг дружку не ранили!

- Тогда соскозили с добрых коницков,
Схватилися они в охабоцку на рукопашный бой.
- 105 Тогда-то у Илеюшки права ножецка приокатилась,
А лева руценька приоколь[э]нулась —
Тогда-то пал Илеюшко на сыру землю,
И тогда-то въехал Сокольник-розбойник на Илеюшку;
Въехал на Илеюшку и сел на белы груди,
110 И стал расстегивать булатные застёжечки:
Хочет пороть белую грудь,
Вымать ретиво сердце.
Видит Илеюшко — видно, конец приходит!
И взмолился Илеюшко Пресветой Матери Божией Богородицы:
- 115 «Гой еси, Мать Пресвета Божья Богородица!
Смерть мне во поле была не писана —
А теперь мне-ка смерточка приходит верно!»
А Сокольник-розбойник хватился —
В ножнях булатного ножика нет!
- 120 Потенул Сокольник Илеюшку по чисту⁵ полю.
(Потянул, розыскивает ножик-то!)
А Илеюшко тогда почувствовал в себе, что силы у его прибыло.
Розмахнулся он своима белыма руками —
Слетел Сокольник-розбойник с белой груди!
Выскакивал Илеюшко тогда на резвы ноги,
(Верно, Пресвета Богородица ему силу прибавила!)
- 125 И клал он Сокольника добросовестно на сыру землю.
Тогда-то и садился Илеюшко Сокольнику на белую грудь⁶
И стал спрашивать:
«Откуда ты, удалый добрый молодец?
Коей ты земли, коей родины?»
- 130 Коего отца, коей матери,
Какого ты цзяря, какого города?»
А Сокольник⁷ отвечал:
«Кабы я сидел у тебя на белых грудях —
Не спрашивал бы ни отца, ни матери,
- 135 Ни цзяря, ни города!»
Вот тогда-то Илеюшко стал ростегивать застёжечки булатные:
Хотел пороть белую грудь,
Вынимать ретиво сердце.
Ростегнул застёжечки булатные —
- 140 И увидел свой крест именной!

Тогда-то Илеюшко признал, что сын его, и заплакал: «Ах, милое мое цядо! На что ты напущаешь на старика?» Поставил его на резвы ноги, поцеловал на три стороны. И вот тогда сели, поси-

дели и посоветывали. Тогда-то Илеюшко поставил белой шатёр и насыпал коням белойровой пшеницы, а сам повалился в шатёр спать.

¹⁴⁵ Вот Илеюшко тогда заснул — после такой битвы — крепким сном богатырским. А Сокольнику-розбойнику⁸ не спитса. Сокольник встал, сел на коня и отправилса домой.

Едет к дому очень грусен, печален; а мать уж там дежурит его. Вышла на балхон, стретает его и говорит: «Ох ты сыночек! Што же ты невесёлый едешь, побил, видно, ты отця-родителя?» Этот Сокольник подъехал к балхону да вострым копьём влепил в мати в белую грудь, да ¹⁵⁰ вынул, да бросил о землю. А тогда Сокольник повернул коня обратно и снова в стольней Киев-град.

Приехал к белу шатру, а Илья всё спит сном богатырским.

Тогда зашел Сокольник Илеюшки во шатёр. Видит, што спит Илеюшко крепким сном богатырским. Взял вострым копьём да в белую грудь и всадил! А тогда у его под латами был крест золотой, который был подарён князем Владимиром, двадцать восемь фунтов. Вот тогда-то ¹⁵⁵ проснулса Илеюшко от крепкого сна и вскочил на резвы ноги. Схватил Сокольника за резвые ноги, тут его и розорвал!

№ 92

Как во стольном городе во Киеве,
 Да у ласкового князя да у Владимира
 Были двенадцать людей — полениц приудалых.
 Берегли и стерегли стольный Киев-град,
⁵ Стояли за веру Христовую,
 За крещеную веру благословленную.
 Стерегли, берегли они Киев-град,
 Стояли тридцать лет и три года,
 А за старшого-то был старой казак Илья Муромец.
¹⁰ Выходил он на красно крыльцо
 И смотрел во все четыре стороны окатисты:
 «Не ездит ли кто у нас во чистом поле?»
 Он увидел — во чистом поле ездит невежа непохожая
 И побрасывает копьё высоко под верх,
¹⁵ И копьё воротит всё на Киев-град.
 И небыльма-то словами выражается,
 И нехорошима словами похваляется:
 «Разорит мое копьё сегодня Киев-град!»
 И заскакивал Илья в шатер да белобархатной:
²⁰ «Давай, робятушка, — довольно спать,
 Время ставать да время завтракать!
 А кого же нам послать в чисто поле попроведати?..
 Ежели послать мне-ка Алешеньку Поповича —

- Тот силой да не силен, а напуском смел,
 25 Погубит свою голову да не за денежку!
 Нам послать, послать надо Добрынюшку Никитича.
 У того вежь не ученая, а спорожбная:
 Он сумеет сойтись-съехаться,
 И честь воздать, и поклон отдать,
 30 И спросить у добра молодца —
 И кто такой, и куда вы едете!»
 Сряжалсе Добрынюшка Никитич скоро-наскоро,
 Выходил он на конюшен двор,
 Выбирал себе коня доброго.
 35 И не видели у молодца поездочки,
 Только видели — Добрынюшка на коня скакал.
 И не две-то тученьки скаталосе,
 И не два удалых добрых молодца съезжалисе.
 Добрынюшка Никитич во правой руки черну шляпочку несет,
 40 А во левой руки добра коня ведет:
 «Ты гой еси, удалой доброй молодец,
 И какой же ты земли, какой матери?» —
 «Я от той-то горки от чистойей,
 И от того морюшка Холодного,
 45 И от той поляницы приудалоей,
 А отца своего я не сведаю.
 А вы кто такой будете?» —
 «А я Добрынюшка Никитинич,
 И живу у ласкова князя у Владимира,
 50 И живу я — стерегу стольной Киев-град,
 И приехал вас попроведати!» —
 «А вы в чистом поле мне не надобны.
 У вас есть в стольном городе во Киеве
 Еще старой казак Илья Муромец.
 55 Мне-ка требуется он да во чисто поле!»
 Воротилсе Добрыня Никитич в стольной Киев-град,
 Заскакивал в шатер да белобархатной
 И стару казаку Илею Муромцу ответ держит:
 «Во чистом поле я не надобен —
 60 Надобен в чистом поле старой казак Илья Муромец!»
 У Ильи стара казака у Муромца
 Сердце-то было богатырское,
 Загорело ретивó сердцó,
 Закипела горячая кровь,
 65 Могучи плеча зашаталисе.
 Выходил старой казак да Илья Муромец,

- Выходил на конюшен двор,
Еще брал он себе коня доброго
И подстегивал двенадцать подпружечек шелковых,
70 А тринадцатую-ту подпружинку через конину чепь,
Не для ради красы — ради крепости,
Чтоб не оставил конь во чистом поле.
И не видели у молодца поездочки,
Только видели — Илья на коня скочил,
75 И видели — в чистом поле курева стоит,
Курева стоит — да дым столбом валит.
И не две-то тученьки скаталосе,
И не два удалых добрых молодца съезжалосе,
И не спрашивают отчества-молодчества.
80 Копьем первый раз ударил — копы свернулись по насадочкам,
Мечом-кладенцом бросались — мечи раскололися,
Палкой буевой бросались — палки преломилися.
Схватились они плотным плечом да рукопашкою,
И бились-боролись они трое суток,
85 Вбились они по колен в землю.
У стара-то казака да Ильи Муромца
Правá-то нога да приокóльзила,
А левá-то нога да приосéльзила,
Пал старой казак да Илья Муромец,
90 Пал он да на сыру землю.
Тут соскакивал Сокольник-разбойничек на его белы́ груди,
И расстегивал латы он булатные,
И хотел он пороть груди белые,
И хочет смотреть ретивó сердцó.
95 И змолился старой казак да Илья Муромец:
«Уж ты Господи! Стоял я тридцать лет и три года,
Берег и хранил стольный Киев-град,
Стоял за веру Христовую,
За крещеную веру за благовленную,
100 И выдал меня Бог в чистом поле Сокольничку,
Что Сокольничку-разбойничку!»
У стара казака Ильи Муромца
Прибыло тут силы много множество.
Выбрасывал Илья Муромец Сокольничка
105 Высоко со белых груди́ подверх,
И выбрасывал, на него заскакивал,
И расстегивал латы булатные,
И хочет пороть белы́ груди.
И увидел старой казак Илья Муромец

- 110 На белой груди чуден крест:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец,
 И какой ты земли, какой матери?» —
 «А я был у тебя на белых грудях —
 Не спрашивал бы я ни отечества, ни молодечества,
- 115 А расстегивал бы латы булатные,
 И порол бы белы груди,
 И смотрел бы я ретиво сердцо!»
 Во второй раз старой казак Илья Муромец выпрашивал:
 «Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
- 120 Ты какой же земли да какой матери?» —
 «Я бы был у тебя на белой груди —
 Не спрашивал ни отечества, ни молодечества,
 А расстегивал латы булатные,
 И порол бы груди белые,
- 125 И смотрел бы ретиво сердцо!»
 Третий раз старой казак Илья Муромец выпрашивал:
 «Опомнися, удалый добрый молодец,
 Ты какой земли да какой матери?» —
 «От того я моричка Холодного,
- 130 И от той я горки от чистой,
 И от той поляницы приудалой,
 А отца своего я не сведаю!» —
 «Поезжай ты домой: я — отец тебе!
 В чистом поле стару казаку да Илье Муромцу смерть не писана».
- 135 Поехал Сокольник-разбойничек во чисто поле,
 А старой казак Илья Муромец — в стольный Киев-град.
 Едет Сокольник-разбойничек ко своей да милой мамушке.
 Тут выходит его мамушка на красно крыльцо:
 Едет сын ее да не по-старому,
- 140 Не по-старому сын да не по-прежнему.
 Едет он да подремливат,
 С боку на бок он в седле да припокачивается.
 Выходила его мамушка да спрашивала:
 «Эх, ты, дитя мое сердечное,
- 145 Погубил ты, наверно, своего татушку?»
 А ему это слово за беду пало,
 За беду-то пало, за досадушку.
 Он и взял да ткнул мати в белы груди
 Копьем да мурзомецким,
- 150 И погубил он свою мамушку:
 «А я теперь поверну добра коня
 Да и отца-ко-се убью богатыря!»

- Повернул Сокольник добра коня
И поехал во Киев-град.
- 155 Подъезжат ко городу да ко Киеву Сокольник-разбойничек,
Он заскакиват в шатер да белобархатный:
Спит старик Илья Муромец крепко-накрепко...
Бросил Сокольник копье да мурзومهцкое во белы груди —
Попало копье да во чуден крест
- 160 (А крест стара казака Ильи Муромца
Не велик, не мал — полтора пуда),
Отскакивало копье да мурзومهцкое в стену каменну.
И пока да поправлялсе Сокольник —
Пробудилсе старой казак Илья Муромец,
- 165 Пробудилсе да его схватывал.
Он вытаскивал Сокольника на красно крыльцо
И выбрасывал высоко подверх:
«Собака дак ты, те — собачья смерть,
Погубил ты, наверно, свою мамушку!»
- 170 Пал Сокольник на сыру землю —
И расселсе весь.
(И больше всё!)

№ 93

Илья охранял тридцать лет Киев-град. В помощь были ему даны богатыри — Илья за старшого был. Алеша Попович был ему в помощь, да и Микита Сергеевич. Они трема охраняли. И тридцать лет был за старшого Илья Муромец. И смело хранили Киев-град. И надеялись, что никто его не разорит.

⁵ И все-таки тридцать лет куда ли выезжали. И Илья ездил куда. Хутор был. Бывало, при-вернет к вдовушке. Приезжает раз. Она лежит. Попроведал: «Что с тобой, Ира?» Уж она готова, ноги видно. «Ладно, не печалься. Если дочка родится — корми, одевай, обувай. А если сын родится — оставляю ему коня, копье булатное, меч-кладенец, крест. Если крепким родится — что-бы он на Киев-град не смел никогда наступать! Там его отец».

¹⁰ Он уехал. А через неделю сын родился. Она освободилась. Родился сын, растет не по дням, а по часам и моментально заметно: побежит на улицу, какого паренька перетряхнет — убьет. Ну, ладно. Вырос. «Мама, коли здесь не даваешь мне ходу, — спусти, коли здесь не спускашь!» — «Ладно, у ты есть конь». Вынимат из-под печи меч-кладенец. «Будешь играть, как игрушкой? Можешь ли этим владеть?» — «Нет, тяжеловат!» — «Будешь играть, как игрушкой, — так спу-щу! Помани маленько». Неделю поманили. Вышел на улицу, выкидат, как надо. «Мама, смот-ри-ка!» — «Хорош, хорош!» — «Спусти-ка меня куда-нибудь!» Мать выводит коня. «Можешь ли коня сдержат?» Хватил за гриву. Содержал. «Ну, так я поеду». Дня три поманили. Мати

одевает ему латы булатные, крест на грудь. «Только на отца, на родителя не ходи, Киев-град не зори!»

²⁰ Он заскочил на коня и поехал. Приехал, подкидывает меч на Киев-град. Увидал Илья Муромец. «Робята, там кака-то невежа едет. Тридцать лет тут работаю — не видал, чтобы к Киеву-граду кто ехал. Ну, что же, Алеша Попович, поезжай, ты повежливее всех. Поезжай, спроси этого человека, что ему надо в чистом поле».

²⁵ Алеша схватил коня, шапочку брал и состречались в чистом поле. Алеша Попович говорит:

«Уж ты здравствуй, добрый молодец,
И откуда, и какой земли,
И какой земли, какой матери,
И что вам надо во чистом поле?» —

³⁰ — «А вы кто будете? Не Илья Муромец?» — «Нет, я Алеша Попович». — «Ну, можете ехать!...»

А Илья в трубочку подназорную смотрит. Алеша Попович соскочил на коня и обратно поехал: «Старшого, Илья Муромца, просит!» Закипело в груди, загорело сердце ретиво, заскочил на коня и отправился. Приезжат в чисто поле.

³⁵ Не две-то тученьки сходилисе,
А не два-то молодца съезжалисе,
Вот бились-боролись, пока копыя не приломались,
Пока все у них не изломалосе.
Схватились в рукопашной бой.

⁴⁰ Пешком бились много, не мало — трое суток:
По колено в землю ушли.
И сдумал повалить Илью Муромца.

Заскакиват к ему на грудь.
Расстегивал латы булатные —
⁴⁵ Хочет пороть ему белы груди
И засматривать ретиво сердце.
Взмолился Илья Муромец —
И кака-то сила появиласе:
И сбросил его со белой груди.

⁵⁰ Заскакиват на грудь,
Расстегивает латы булатные
И хочет пороть его белу грудь.
Увидал этот крест Илья Муромец
(У сына крест-от его!) и спрашивает:

⁵⁵ «Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
Ты какой земли, какой матери,
Да какой матери да отца-родителя?»

Он и говорит:
«А я был у тебя на груди —

⁶⁰ Да не спрашивал отчества-молодечества,
А прямо порол белы груди!» —

«Сукин ты сын! Ить ты мне сын! Поезжай домой. Но еще раз не нападывай!»

Вот и отпустил. Тот заскочил на коня и поехал. Едет домой, невесел, буйну голову повесил.

⁶⁵ Стречает мать и говорит: «Что ты, сын, невесел, буйну голову повесил? Уж ты не погубил ли отца-родителя?» Это слово ему за беду показалось, за досадушку. Он принял мать на востро копье и сгубил.

И поспешил вернуть коня обратно. Сам думат: «Отец после этой драки спит». И знал он, где, в какой палатке: Алеша Попович ему сказал.

⁷⁰ Хорошо. Приезжает туда. Дело ночью. Коня привязал. Заскакиват в ту палатку, хватат копье, да — раз! — ему в грудь. А на груди-то был чуден крест. Отскочило копье прямо в стену. Проснулся тут Илья Муромец. Видит — сын. «Ах ты, сукин сын! Собаке собачья честь!» Подхватыват и подкидыват его кверху. Он тут и рушился.

После того он забрал меч-кладенец, коня, копье, крест. Съездил, мать схоронил.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН

(№ 1—93)

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 1—7)

По количеству записей этой былины Мезень занимает в Архангельско-Беломорском крае второе место после Печоры. Все варианты принадлежат той же редакции сюжета, что и печорские: нет ряда мотивов, типичных для прионежско-каргопольских записей (умирая, Святогор не пытается сгубить Илью; часть своей силы он передает ему, уже не надеясь на спасение); обычно приводится диалог Святогора с теми, кто «строит» гроб; богатырская сила передается через пену, а не через дыхание; нарушив запрет Святогора не трогать первую и вторую пену, Илья обретает чудовищную силу; чтобы избыть ее, вырывает с корнями дерева. Эпизод с неверной женой Святогора на Мезени, как и на Печоре, не отмечен собирателями, поездка к слепому отцу богатыря-великана описана в двух текстах, зависимых от печатных источников (№ 2, 3).

№ 1

Гр. III, № 114(418) «Встреча и поездка Ильи М(уромца) со Святогором, смерть Святогора и освобождение Ильей М(уромцем) Киева от Издолища».

Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Большой (из д. Малые Нисогоры), 73 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«О» из «У»; ²«-от» (можно прочесть и «он»); ³«ташка», по словам певца, — мешок за спиной (напр., у странников); ⁴«о» из «ю» или обратно; ⁵по словам певца, это сделали ангелы Господни, для того чтобы он «дальше не осел»; ⁶на конце не то «Ъ», не то «Ь»; ⁷было написано «ё», но точки над «ё» зачеркнуты; ⁸по словам певца, — шутить; ⁹после «р» есть «ь», но на нем написано «п».

* * *

Контаминация сюжетов «Святогор и Илья Муромец», «Святогор и тяга земная», «Илья и Идолище». Особый интерес представляет рассказ о приключениях Святогора — самый полный среди мезенских записей, сохранивший архаичные детали. Святые горы иногда упоминаются архангельско-беломорскими сказителями, но только А. Мартынов уточняет, что в других местах «не несла бы» богатыря-великана «сыра земля» (ст. 9—11). Святогор изображается дремлющим в седле — единственная фиксация мотива в северо-восточных районах (ср. прионежско-каргопольские варианты — Гильф., № 119, 273). То же можно сказать и о целом сюжете — «Святогор и тяга земная» (если отводить книжные по происхождению тексты). В былине Мартынова это вставной эпизод — после встречи с Ильей Муромцем Святогор похвастал своей чудовищной силой (использован мотив из былины «Камское побоище», известной брату сказителя, «Олёксе Малому», — см. № 95), но и ее не хватило, чтобы поднять треть земли. Вариант интересен уни-

кальными подробностями: Святогор с самого начала обещает повернуть не всю землю, а только треть ее; чтобы он не провалился сквозь землю, пытаясь поднять «ташоцьку», под него «подсунули <...> плиту железную». Оригинальна связка между сюжетами о Святогоре и Илье и Идолище — получив часть силы Святогора, Илья вынужден идти пешком: у его коня «подломилась <...> хребётна кость». Инициатива переодевания исходит не от богатыря, как обычно, а от калики перехожего. Традиционный в северо-восточных районах запрет просить милостыню ради Христа трансформирован: «Издолище проклятое» запретило «просить для всех богов». В былине Мартынова обнаруживаются близкие параллели к уникальным деталям из классических вариантов «Ильи и Идолища», неоднократно публиковавшихся в популярных изданиях: Идолище поражается «громогласности» мнимого калики (ср. текст из Архангельского уезда — Кир., 4, 22); выведенный из себя колкими насмешками Ильи, «влепил ёго вилками булатными» (ср. побывальщину Дмитриевой из Прионежья — Рыбн., № 87). Другие элементы текста обычны для мезенской традиции.

Вариант выделяется высоким уровнем исполнительского мастерства. В сюжетах о Святогоре нет столь обычных в северо-восточных записях прозаизмов, некоторые фрагменты могут служить эталонами эпического формульного стиля (ст. 76—77, 84—87, 98—110, 187—188 и др.).

№ 2

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 2, л. 2—12 (п. з.); б. ркп. — там же, к. 5, п. 14, ед. хр. 13, л. 54 об.—60 об.; Аст. 1, № 5 «Про старого».

Зап. А. М. Астаховой 25 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Лешукова Ефрема Матвеевича, 70 лет.

«Былинам научился, по его словам, таким образом: „Братья грамотные были, читали, так из книжки слышал, выучился”» (Аст. 1, с. 143). Однако, сопоставив данную былинку с другими вариантами, записанными от мезенских исполнителей, А. М. Астахова считает, что близость начала былины к устным источникам «ограничивает утверждение о роли книжного источника». Былина исполнялась и записывалась один раз: частью во время пения, частью — сказывания. А. М. Астахова отмечает, что Е. М. Лешуков «охотно начинал сказывать, но долго не выдерживал напряжения и переходил к простой беседе» (Аст. 1, с. 143).

Примечания: ¹В з. первоначально «как бы». ²В з. первоначально «Ен». ³В п. з. читается лишь «стоит»; в б. ркп. строка полная, как в изд. ⁴В п. з. с трудом читается «што 3»; в б. ркп. «што (три)», над каждым словом знак вопроса; в изд. «што»; ⁵В п. з. ремарка, вероятно, слушателя: «Нескладно поешь». ⁶В п. з. ремарка слушателя: «Зимой-то всех нас усыпит старинами да сказками»; в изд. ремарка включена в биографическую заметку (Аст. 1, с. 143). ⁷В п. з. далее зафиксировано слово, прочитать которое невозможно; в б. ркп. — знак вопроса; печ. по изд. ⁸В п. з. слово может быть прочитано и как «жилы».

* * *

Контаминация сюжетов «Илья и разбойники», «Илья и Идолище», «Илья и Святогор». Стихотворный строй выдержан только в первой части текста, далее следует типичная побывальщина.

В первом сюжете содержание некоторых эпизодов необычно для северо-восточных районов (стрельба из лука в землю, а не в дуб, отсутствие окончательной расправы с разбойниками); раздумья богатыря при выборе дороги превратились в развернутый внутренний монолог (ст. 10—28). Разбойники помышляют не столько о грабеже, сколько о мщении герою за многочисленные убийства «удалых добрых молодцев»; ответ Ильи логически не связан с такой мотивировкой.

Второй и третий сюжеты соединены с первым механически, мотив подписей на «росстанюшке» до конца не реализован. Комментируя текст, А. М. Астахова отмечала: «Сюжет о встрече со Святогором и его смерти осложняется эпизодами приезда к отцу (ср. Рыбн., № 1, 2) и битвы с палиницей. Оба эпизода в ва-

риантах, записанных Григорьевым, отсутствуют. Вероятнее всего, эти части былины Лешукова восходят не к устной эпической традиции, а к лубочным пересказам былины об „Илье Муромце” (Аст. 1, с. 604). Исполнитель сам указывал на знакомство с книгами о богатырях (Аст. 1, с. 143). Однако в сюжете «Святогор и Илья» заметно и влияние мезенской эпической традиции: «гробницу строят» старцы; Илья получает часть силы Святогора, «хватив калачом» третьего «пару»; затем рвет лес, чтобы избыть непомерную силу (ср. № 66). Не исключено устное происхождение и третьей части побывальщины Лешукова — по содержанию она близка к другим мезенским записям былины «Илья и Идолище», но изложена сказовым стилем.

Контаминация сюжетов «Святогор и Илья» и «Илья и Идолище», причем в такой же последовательности, зафиксирована на Мезени А. Д. Григорьевым (см. № 1).

№ 3

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 1, л. 98—106 (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 13, л. 71—75 об.; Аст. 1, прилож. 2 «Про Егора-Святогора».

Зап. А. М. Астаховой 24 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Филиппа Васильевича, 40 лет.

Примечания: ¹В п. з. ударение в слове не проставлено; печ. по изд. ²В п. з. окончание в слове не дописано (возможно окончание *-их*); печ. по б. ркп. ³В б. ркп. и изд. «перстень». ⁴В п. з. слово написано неразборчиво; в б. ркп. при слове знак вопроса. ⁵Далее исп. сказал: «И вот говорит ему: „Ой, стар(ый) каз(ак)”, но тут же поправился: «Он спросил его»; печ. по изд. ⁶В п. з. «стар» — возможно, сокращенно зафиксированное «старый»; печ. по б. ркп. ⁷В п. з. сверху надписано какое-то слово; в б. ркп. это слово «наклон», взятое в скобки, при слове знак вопроса; печ. по изд. ⁸Далее в п. з. примеч. Астаховой: «Двое крестьян (Гольчиков Степан и Егор?) средних лет вступили и говорят: „Неправильно! Хоть и складно, да не такие слова”. Говорят, что И. М. поклон(ился) Апраксею и князю поклонил(ся), а чудовищу не (поклонился). А он спрашивает И. М. — сколько пьет, ...ес(т) по 3 калача. А он спрашив(ает) и т. д.?»

* * *

Текст представляет ту же редакцию сводной былины об Илье Муромце, что и вариант «Про старого» от Е. М. Лешукова (см. № 2). Только в первой части выпущен эпизод встречи с разбойниками, хотя Илья и едет по дороге, где «убиту быть». Дополнительный эпизод — поездка к отцу Святогора с известием о смерти сына — имеет параллель лишь в варианте из Повенца (Гильф., № 1), где сам Святогор посылает Илью к отцу за «вечным прощеньцем». По мнению А. М. Астаховой, варианты Лешукова и Гольчикова в значительной мере зависимы от книги (Аст. 1, с. 144, 335, 604). Это подтверждается упоминанием в комментируемом тексте старосты Микулы, заменившего традиционного калику. В устных по происхождению былинах об Илье Муромце это имя не встречается, но «воеводу Микулу» находим в ряде популярных изданий сказок об Илье Муромце (см., напр.: Илья Муромец, богатырь-крестьянин времен Владимировых и Соловей-разбойник // Народная сказка. М.: Изд. Е. А. Губанова, 1883). Вероятнее всего, к книжному источнику восходит и замечание о том, что после смерти Святогора Илья отпустил его коня в поле (ср. побывальщину Л. Богданова из Заонежья — Рыбн., № 51, к которой часто обращались составители сводных сказок об Илье Муромце). В варианте Гольчикова, как и в тексте его односельчанина, есть и традиционные для Мезени детали (разговор со старцами, делающими гроб; самоуверенная реплика Святогора: «Я ляжу — так весь гроб раздавлю у вас!»; совет Илье «не брать» первый и второй «дух», нарушение запрета и «укрошение» чрезмерной силы с помощью вырывания деревьев).

В сюжете «Илья и Идолище» преобладают стандартные эпизоды и подробности, распространенные повсеместно.

№ 4

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 19—20 (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 13, л. 113—114; Аст. 1, № 25 «Илья Муромец и Святогор».

Зап. А. М. Астаховой 3 июля 1928 г.: д. Палощелье Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Александра Антиповича, 78 лет.

Былина была сказана.

* * *

Краткий пересказ былины, содержащий ряд элементов, характерных для печорско-мезенской редакции сюжета (диалог со старцами, «работающими» «гровищо» для Святогора; его уверенность в том, что «гровищо máло, я не войду»; передача силы умирающего богатыря через пену; нарушение Ильей запрета — не трогать черную пену и связанный с этим мотив излишней силы, которую он избывает, вырывая деревья). Мотивировка Святогором своего запрета: «Ты человек не из рода...», возможно, связана с весьма архаичными представлениями.

№ 5

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 316 (маш.); ПФМ, № 218 «Про Святогора и Илью».

Зап. Н. П. Колпаковой 10 августа 1958 г.: г. Мезень Мезенского р-на — от Паюсовой Афанасии Ефремовны, 80 лет.

* * *

Прозаическое припоминание сюжета.

№ 6

ЛУР, 75/65, 1 дор., № 02; МГУ, 1975, п. 1, т. 19, № 3 (ФЭ-10: 4525) «Про Святогора».

Зап. Е. П. Нашиной, Е. П. Кузиной в июле 1975 г.: д. Дорогорское Мезенского р-на — от Петровой Феофании Михайловны, 73 лет.

Записано с пения.

Примечания: ¹Исп.: «Дребежжит» (о голосе). ²Исп. повторяет фразу без напева. ³Соб. подсказывает: «Сказал еще — „Будьте сильны!“»

* * *

Текст содержит основные элементы печорско-мезенской редакции сюжета, лишь способ передачи силы через дыхание не характерен для нее. Исполнительница не владеет былинным стихом и традиционными стилистическими приемами, хотя и пытается облечь повествование в стихотворную форму.

№ 7

МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 9 (ФЭ-10: 4416—4419) «О Златогоре».

Зап. Л. Миронихиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на — от Анфимова Николая Ильича, 75 лет.

* * *

О встрече Ильи Муромца со Святогором рассказано с предельным лаконизмом, буквально в нескольких фразах. Другие эпизоды изложены подробнее и содержат ряд деталей, не свойственных мезенской эпической традиции (Илья первым примеряет гроб; выполняя наказ умирающего Святогора, едет к его отцу с известием о смерти сына — ср. № 2 и № 3). Диалог с человеком, делающим «гробницу», обычен для печорско-мезенской редакции сюжета.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ (№ 8—20)

По количеству записей этой древней былины (14) Мезень занимает первое место в Архангельско-Беломорском крае. Все тексты принадлежат к одной версии сюжета, зафиксированной и в соседних регионах — на Кулое, Печоре и Пинеге; к ней примыкают поморские варианты, составляющие особую редакцию. (Описание северо-восточной версии сюжета см.: СБ 1, с. 666). Мезенские сказители, как и их соседи, описывают только один бой Добрыни со змеем; встреча богатыря с противником обычно происходит случайно (правда, 5 вариантов содержат архаичный мотив предначертанности их столкновения — см. № 8, 9, 14, 19, 20); о спасении похищенной девушки говорится в двух текстах (в обоих случаях герой получает ее в качестве выкупа за жизнь Змея — см. № 9, 14).

Большинство мезенских вариантов начинается с краткого описания смерти отца Добрыни и предупреждения матери о «злых-относливых» струях; прямые указания на возможную встречу со Змеем в материнском наказе обычно отсутствуют (исключение № 8, 14). Популярный в Обонежье мотив продолжения юным богатырем подвигов своего отца имеется лишь в одном тексте (см. № 14): мать дает Добрыне «плетку-троехвостку», которой его отец «отдувался» от Змея (ср. печорскую редакцию сюжета). Во всех мезенских былинах Змей нападает на Добрыню в открытом море; река, выносящая богатыря в море, упоминается в 5 вариантах поздней записи (см. № 13, 15—18), причем в четырех случаях название ее нетрадиционно («Оманал», «Неплынь»).

Ключевой эпизод былины — змееборство Добрыни — стабилен по своему содержанию, варьируются лишь второстепенные детали. Оказавшись в критическом положении, богатырь под разными предлогами просит у Змея отсрочки или возможности выбраться «на плотную землю». Нередко он апеллирует к понятиям богатырской чести, «хвалы молодецкой»; в других текстах просит позволить ему проститься с белым светом, покаяться в грехах («у мя много бито-граблено») и неизменно встречает понимание со стороны противника (иногда Змей выносит Добрыню на берег, где потом разворачивается их поединок — № 10). Во всех мезенских вариантах герой вступает в бой совершенно безоружным — он отшибает Змею часть его голов «серым камушком» (большинство записей Григорьева), колпаком, шляпой и даже сапогом, в которые нагреб песок (один вариант из сборника Григорьева и все новые записи); в одном тексте хватает Змея за крыло и ушибает его о землю (№ 10). Окончательная расправа с поверженным врагом, как правило, на время откладывается: то Змей просит пощадить его «ради детушек», обещает выкуп; то Добрыне нужно добраться до своего коня. Во многих вариантах Добрыня нарушает уговор: согласившись пощадить Змея, убивает его после выполнения поставленных условий (см. № 10, 14, 25, 48; в редуцированной форме — № 9, 11, 13). В отличие от соседних регионов на Мезени не записано ни одного текста, в котором герой отпустил бы своего противника. В заключительных эпизодах варианты сильно расходятся, так как сказители вводят в былинку разные по содержанию сказочно-легендарные мотивы.

Почти все исполнители, от которых записана былина о Добрыне-змееборце, знали также «Добрыню и Алешу», пятеро из них объединяли оба сюжета в одно произведение; лишь в репертуаре Ф. Гольчикова нет второго сюжета.

В составе контаминированных текстов см. «Добрыня и Алеша» — № 10, 11, 18, 25, 48.

№ 8

Гр. III, № 66(370) «Купанье и бой Добрыни со Змеем».

Зап. А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской ? вол. — от Чупова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет. Напев былины записан на фонограф от Ивана Алексеевича и Афанасия Алексеевича Чуповых.

Примечание А. Д. Григорьева: ¹«Понёсла» (на конце можно прочесть и «о», исправленное из «а»). (В изд. «Понёсло»; печ. по изд.).

* * *

Один из немногих мезенских вариантов, в которых мать предупреждает Добрыню о подстерегающей его на море опасности, а богатырь сразу убивает Змея. Подвергнувшись нападению, Добрыня просит у Змея отсрочки на три года, на три месяца и т. д. Возможно, это перенос из былин о татарском нашествии, но не исключено, что данный мотив исконно присущ одному из местных изводов сюжета (ср. № 13). В нарушение традиции сказитель полностью перенес действие в Киев (здесь жил Микита Романович, здесь родился и вырос Добрыня).

№ 8а

Гр. III, нотный раздел, № 40.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Кильца — от Чупова Ивана Алексеевича и Чупова Афанасия Алексеевича. Текст былины — см. № 8.

№ 9

Гр. III, № 104(408) «Купанье и бой Добрыни со Змеем».

Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Мартиюшиной Парасковьи Ивановны (урож. д. Кельцём Гора), 58 лет, по свидетельству исп., 64 лет — по метрическим записям у священника.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹на конце скорее «о», чем «а»; ²(в изд. «стень», «н» исправлено нами на «п» в связи с колебаниями собирателя при чтении по его черновикам букв «н» и «п»); ³так в черновике; ⁴«относ нослива».

* * *

Первый по времени записи мезенский вариант, в котором Добрыня побивает Змея колпаком; видимо, в начале XX в. такой способ расправы с чудовищем начал вытеснять более архаичные (см. общую характеристику сюжета). Оригинально мотивируется просьба богатыря об отсрочке поединка: «Над нагим ругацьсе — да що над мёртвым». (Эта подробность есть еще в нескольких текстах старой записи из разных районов России; видимо, она появилась в результате переосмысления известной эпической формулы «сонного убить — будто мертвого»). Обещание Добрыне чудесных подарков и их характеристика (ст. 70—77) позаимствованы из волшебных сказок, а отождествление освобожденной девушки с племянницей князя Владимира правомерно считать сравнительно поздним нововведением (в мезенской эпической традиции былина о Добрыне-змееборце не включена в киевский цикл). Обычный для северо-восточных вариантов топоним «Рязань» заменен на «город Романов» (по отчеству Микиты Романовича).

№ 10

Гр. III, № 38(342) «Купанье и бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 18 июля 1901 г.: д. Тимшеле — от Рюмина Фёдора Петровича, ок. 60 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«потпрыжыщчок» («ч» вставлено между «щ» и «о» потом) (в изд. «потпрыжычок», с указанием в сноске: «так в черновике»); ²«ковёр» написано было через «ё», но точки над «ё» зачеркнуты; ³«платьё», но точки над «ё» перечеркнуты; ⁴певец объяснил поступок Ильи М(уромца) тем, что он был зол на Добрыню за то, что тот победил его в бою во время своих двенадцатилетних странствований; ⁵(в черновике начальное) «О» исправлено на «А»; ⁶в начале скорее «ю», чем «по» («А ювели» исправлено на «Ай увезли»); ⁷(«А-й юш» исправлено на «А-й уж»); ⁸после «д» не то «а», не то «о»; ⁹Целовала («е» исправлено не то на «э», не то на «о»); ¹⁰«в» исправлено на «ф» или же обратнo.

* * *

Самый полный из группы мезенских вариантов, контаминирующих сюжеты «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей». Обе части былины Рюмина содержат большинство типичных для местной традиции эпизодов и образов, есть в них и оригинальные детали, известные по единичным записям (укор Змее, нападающей на плывущего по морским волнам богатыря; описание стычки Добрыни и Алеши, крутой расправы героя со своим соперником, формула «молода жена ноги в стремя кладет», постоянный эпитет «Змея востролютая» и др.). Необычны действия Змеи, пытающейся убить Добрыню ударом крыла. Финальные сцены первого сюжета разработаны в сказочном духе: богатырь расспрашивает поверженную Змею, где она держит живую и мертвую воду, «ковёр самолётные» и как «ковру да прыговаривати». (Ковром Добрыня воспользовался, а обладание живой и мертвой водой в сюжетном действии не реализуется). Подобно И. А. Чупову (см. № 34), Рюмин подробно указывает на распределение свадебных чинов между князем Владимиром, Ильей Муромцем и другими киевскими богатырями (ст. 318—320), а инициатором распространения ложных слухов о смерти Добрыни делает Илью Муромца; у обоих сказителей почти идентично описание трупa Добрыни. (Первый мотив есть также в № 33, 37). Особый интерес представляет описание игры героя на гусях и постепенно меняющегося настроения князя Владимира, Ильи Муромца, Алеши Поповича и Апраксеи (так названа в былине жена Добрыни).

№ 10а

Гр. III, нотный раздел, № 25.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 19 июля 1901 г.: д. Тимшеле — от Рюмина Фёдора Петровича. Текст былины — см. № 10.

№ 11

Гр. III, № 35(339) «Бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Пётруховой Домны, 27 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹т. е. добрая, — объяснила певича; ²(в изд. Гр. вместо «да-й у» — «да ю»); ³после «п» неясная буква, похожая на «и»; ⁴один, без хозяйки, — объяснила певича; ⁵(«Ё» изд. Гр. передано как «й-О» с присоединением «й» к предыдущему слову); ⁶зря говорит, — объяснила певича; ⁷«нейдеш» или «нейдеш».

* * *

Контаминация сюжетов «Добрыни и Алеши» и «Добрыни и Змея». Несмотря на краткость былины обе ее части содержат ряд оригинальных и даже уникальных деталей. Как и в ряде других мезенских вариантов, Добрыня вызывает к «рыцарской чести» Змея («не честь-хвала молодецкая» побить богатыря на море — честь-хвала побить «на плотной земле»); этот мотив встречается в сибирских записях, в редуцированной форме сохранился в одном из кулойских текстов (Гр. II, № 89(301)). В битве со Змеем вместо оружия герой использует «сер-горюч камень» (ср. № 8, 25). Видимо, влиянием сказочного эпоса и древних представлений о Змее — хранителе сокровищ объясняется превращение отбитых змеиных голов в драгоценные камни. Во втором сюжете привлекают внимание необычные формулы в стихах 2—3 (Добрыня жене наказывал, вдвое-втрое матушке наговаривал), 71—75 (сомнение князя Владимира в правомерности решения Алеши у живого мужа жену отнять). Былина Потруховой — единственный мезенский вариант, в котором Добрыня во время поездки догадывается о готовящейся свадьбе его жены; описание этой сцены выдержано в духе христианских легенд («знаком беды» становится шевельнувшийся на воротах крест).

№ 12

РО ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 20, л. 20—20 об.

Зап. Е. А. Ляцким, С. В. Мартыновым 10 мая 1904 г.: с. Березники Мезенского у. Архангельской губ. — от Кычина Евдокима, 90 лет.

Записано с пения.

Запись чернилами (беловая), с незначительными правками, отмеченными в текстологическом комментарии.

Примечания: ¹В ркп. читается «мылых» (возможно, описка при перебеливании текста). ²В ркп. над буквой «ц» надписано в скобках «с». ³В ркп. над буквой «т» надписано в скобках «д». Рядом со словом в скобках помета: «хободы?» ⁴В ркп. «со» (возможно, слуховая ошибка или описка соб.; ср. ст. 43). ⁵В ркп. строки 46—53 отмечены слева вертикальной чертой. На полях ркп. помета: «Пропуски?»

* * *

Контаминация сюжетов «Добрыня и Змей» и «Добрыня и Алеша». Их содержание изложено схематично, с явными отклонениями от традиции (главным героем является Илья Муромец, а роль незадачливого жениха отведена Добрыне; о готовящейся свадьбе богатырю сообщает «Змеища», у которой он отшиб «все головы и все хоботы»). Хотя герой и выпивает поднесенную женой чару «зелена вина», мотив узнавания в тексте опущен. Забвение содержания былины выразилось и в колебаниях: «Змея» — «Змеищо», и в забвении смысла традиционных выражений («Змеищу <...> славу поют», — т. е. враг убит, но он тут же произносит речи).

№ 13

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 13—16 об. (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 13, л. 110—112; Аст. 1, № 23 [«Добрыня и Змей»].

Зап. А. М. Астаховой 3 июля 1928 г.: д. Палощелье Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Александра Антиповича, 78 лет.

Записано с пения.

Примечания: ¹В п. з. над словом знак вопроса, именно над буквой «ч». ²Слово написано неразборчиво; в п. з. над ним знак вопроса; в б. ркп. «вышок», затем зачеркнуто, сверху написано «выплыл», рядом знак вопроса; печ. по изд.

* * *

Краткий незавершенный вариант, сюжетная схема которого обычна для мезенской традиции. Начальные стихи (1—5) близки к одной из кулойских записей Григорьева (Гр. II, № 16(228)). «Название реки „Оманал” в других вариантах не встречается. В начале былины введено наставление матери, включаемое обычно в былинку о Добрыне и Маринке» (Аст. 1, с. 572). Упоминание горы Сорочинской также не свойственно северо-восточным редакциям сюжета, за исключением золотицкой (Марк., № 73; ММБ 1, № 12).

№ 14

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 1, л. 107—115 об. (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 13, л. 76—81; Аст. 1, прилож. 3 [«Добрыня и Змей»].

Зап. А. М. Астаховой 27 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Филиппа Васильевича, 40 лет.

Примечания: ¹В п. з. «не ставился», что считаем опiskeй; в б. ркп. сверху над «в» надписано «р» и поставлен знак вопроса; печ. по изд. ²В п. з. окончание в слове написано неразборчиво; в б. ркп. над окончанием знак вопроса; печ. по изд. ³В п. з. «гора-жилица»; в б. ркп. над окончаниями в словах — знаки вопроса; печ. по изд. ⁴Далее в п. з. зачеркнут союз «а», восстановленный в изд. ⁵В п. з. слово написано неразборчиво; в б. ркп. при слове знак вопроса; печ. по изд. ⁶В п. з. после «ветер» через дефис какое-то слово, оставшееся непрочитанным; в б. ркп. и изд. вместо него — «тогда», что считаем неточным (в б. ркп. при слове знак вопроса).

* * *

Текст представляет собой причудливую смесь традиционных для Мезени эпизодов «Добрыни и Змея» с мотивами из волшебных сказок и былины «Василий Буслаев и новгородцы». С местной редакцией былины о Василии Буслаеве связано описание детства героя, обучения его «наукам богатырским», «шуткам непомерных» с боярскими детьми и пр. (см. № 188, 189); умение оборачиваться «ярым гоголем» позднее помогает Добрыне спастись от смертельной опасности. К волшебным сказкам восходит добывание отцовского коня, «богатырской сбруи», угощение Добрыни отравленным вином. Использование «плётки-троехвостки» для укрощения Змеи роднит побывальщину Гольчикова с печорскими вариантами былины (см. СБ 1, № 11, 12 и др.). Оригинальная гипербола (Добрыня за угол поднимает целый дом) встречается в некоторых вариантах былин о татарском нашествии (таким способом характеризуется огромная физическая сила вражеского посла) и в прионежских преданиях о Рахте Рагнозерском.

№ 15

ФА МФ. 418. 02 и 419. 01; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 2, ед. хр. 99 (б. ркп.); ПФМ, № 204 «Добрыня и Змей».

Зап. В. В. Митрофановой, В. В. Коргузаловым 21 июля 1958 г.: д. Смоленец Лешуконского р-на — от Клешовой Аграфены Васильевны, 77 лет.

Записано с пения.

Примечания к фонограмме: ¹После слова «Добрынюшку» кончилась пленка; после перезарядки сказительница пропела еще раз, без существенных изменений стихи 14—20. Приводим этот текст до момента обрыва первого исполнения:

Тут Добрынюшке Микитицу приспотелосе —
Покупатьсе тут ёму да захотелосе:
Не исполнил он уж мамына благословеньица,

Стал купаться тут Добрынюшка во Неплыни-реки.

⁵ Во Неплыни-то реки да было три струи,
Было три-то тут струи, да всё они относливы —
Отнесло тут Добрынюшку...

²Здесь исполнительница прервала пение и, отдохнув, сначала повторила в сокращенном и измененном виде стихи 17—29:

Стал купаться тут Добрынюшка во Неплыни-реки,
Не послушал тут Добры(ня) мамына благословеньица.
Надлетело тут Змеищо да семиглавоё:

«Уж ты хошь, Добрынюшка, я тебя живком сглону,
⁵ Я живком тебе сглону да крылом захлыстну?» —
«Уж ты ой еси, Змеищице семиглавноё,
Уж ты дай-ко мне повыплыть да на суху землю:
Мне к земли-то к матушке приклонитисе,
Мне-ко с белым-то светом да распроснитисе!...»

³ Исполнительская оговорка: «Змеищо».

Сюжет повторно записан на магнитофон в этот же день (см. № 16) и 22 июля Н. П. Колпаковой от руки (см. № 17).

* * *

Содержание сюжета передано лаконично. По композиции и стилю вариант близок к былине Ф. Илатовской (см. № 18) и, видимо, восходит к тому же источнику. Единственное существенное расхождение между этими текстами — замену «Непры-реки» «Непыльн-рекой» — можно объяснить искажением. Угроза Змея «крылом захвостнуть» богатыря напоминает сходный мотив в № 10.

№ 16

ФА МФ. 419. 02; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 2, ед. хр. 98 (б. ркл.) «Добрыня и Змей».

Зап. В. В. Митрофановой, В. В. Коргузаловым 21 июля 1958 г.: д. Смоленец Лешуконского р-на — от Клешовой Аграфены Васильевны, 77 лет.

Записано с пения.

Повторная запись (см. № 15).

При записи в этот же день сюжета о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича (см. № 42) сказительница спуталась и начала былинку с зачина «Добрыня и Змей»:

♩ = 92-96

Со-би-ра-л(ь)сэ доб-ры-нюшка во шис-то по-лѣ,
Спо-доб-лял-се сы-н(ь) Ми-ки-тишь да во ро-з(ь)и-до-л(ь)и-цѣ,
Он про-си-л(ь) тут у ма-мень-ки Бо-ж(ь)е да бла-с(ь)лов-ле-н(ь)и-цѣ.

Как(ы) да - ва - ла ё - го ма - мён-ка, слез - но пла - ка - ла:
 "Ты по - е - дёшь, мо - ё аи - тят_ко, по цис - ту по - лю,
 По то - му же ты ро - з(ы)-до - л(и) - и - цю ши - ро - ко - му, -
 Не ку - пай - се, мо - ё аи - тят_ко, во Не - п(ы) - лы - ни ре - ки..."

Сбирал(ы)сэ Добрынюшка во цисто полё,
 Сподоблялсе сын(ы) Микитиць да во роз(ы)дол(и)ицё,
 Он просил(ы) тут у маменьки Бож(ы)ё да блас(ы)ловлён(и)ицё.
 Как(ы) давала ёго маменька, слезно плакала:
⁵ «Ты поедёшь, моё дитятко, по цисту полю,
 По тому же ты роз(ы)дол(и)ицю широкому, —
 Не купайсе, моё дитятко, во Неп(ы)лыни-реки...»

(ФА МФ. 419. 03)

Только после того как ее прервали, она перестроилась и спела былинку «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

№ 17

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 120 (маш.) «Про Добрыню».

Зап. Н. П. Колпаковой 22 июля 1958 г.: д. Смоленец Лешуконского р-на — от Клешовой Аграфены Васильевны, 77 лет.

Записано с пения.

Запись третьего акта исполнения (см. № 15, 16). Сравнение трех одновременно исполненных текстов демонстрирует, что сказительница, с трудом вспомнив первый раз былинку, потом повторяла ее без существенных изменений. Композиция старины не менялась, сохранялись и формулы, но их словесное оформление значительно варьировалось.

При записи былинки «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (№ 44) 22 июля сказительница спуталась и пропела зачин старины «Добрыня и Змей»:

Сре - жа.ет - це До - б(ы)-ры - ныш_ка во цис - то по - лё,
 По - доб - ля.етце князь Ми - ки - тиць да во ро - з(ы) - до - л(и) - и - цё.

Он про - си.л(ь) тут у ма - мень - ки Бож(и)ё да блас - лов - ле - ни(и) - и - цё.
 Тут да - ва - ла ё - му ма - мень - ка, слез(ы)но пла - ка - ла:
 "Ты по - е.дёшь, хо - ш(и), Доб(ы)ры - нюш - ка, по цис - ту по - лю,
 По то - му же по роз(ы)дол(и)и - цю ши - ро - ко - му..."

Срезаютце Доб(ы)рынюшка во цистó полё,
 Подобляютце князь Микитиць да во роз(ы)дол(и)ицё.
 Он просил(ы) тут у маменьки Бож(и)ё да благословен(и)ицё.
 Тут давала ёму маменька, слез(ы)но плакала:
⁵ «Ты поедёшь, хош(и), Доб(ы)рынюшка, по цисту полю,
 По тому же по роз(ы)дол(и)ицю широкому, —
 Не купайся ты, Добры<нюшка>...

(ФА МФ. 420. 02. Зап. В. В. Коргузаловым,
 Н. П. Колпаковой).

Здесь собиратели прервали исполнительницу, и она, перестроившись, перешла к сюжету о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича.

№ 18

ФА МФ. 413. 08; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 2, ед. хр. 108 (б. ркп.); ПФМ, № 213 [«Добрыня Никитич»].

Зап. В. В. Митрофановой 17 июля 1958 г.: д. Смоленец Лешуконского р-на — от Илатовской Февронии Григорьевны, 79 лет.

Записано со сказа.

Былина до конца прозаического фрагмента (ст. 29 и 30) печатается по тексту фонограммы, далее — по рукописи.

Примечания к фонограмме: ¹Далее начато: «Во синем мори...», затем целиком ст. 13.

* * *

Контаминация сюжетов «Добрыня и Змей» и «Добрыня и Алеша». Первая часть текста очень близка к варианту А. Клешово́й, односельчанки Илатовской, — (см. № 15): герой, названный «Никитой Добрыничем», купается «во Непры-реки» (в былине Илатовской — «Во Неплынь-реки», в большинстве других мезенских вариантов — в море); он просит у Змея отсрочки, чтобы распрощаться с белым светом, — «у мя много бито-граблено»; своего врага богатырь убивает шляпой с песком, приговаривая, что Змей слыш-

ком рано расхвастался. Рассказ о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича схематичен, беден подробностями, изобилует прозаическими оборотами речи. Обращает на себя внимание лишь одна особенность: расставаясь с родными, Никита Добрынич просит в случае смерти похоронить его, а позднее Алеша Попович похваляется, будто предал земле тело богатыря.

№ 19

Лур, 75/62, 1 дор., № 04; МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 6 (ФЭ-10: 4407—4411) «Добрыня и Змея».

Зап. Л. Мироныхиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на — от Анфимовой Татьяны Ивановны, 82 лет.

Записано со сказа. Вспоминая, исполнительница делала бессмысловые паузы.

Примечания: ¹Исп.: «Вот только сперва я вот тут не знаю, как начинаitse!» ²Исп.: «Как он сперва-то — я не знаю вот». ³Здесь исп. по ошибке произнесла: «отнесло его на третью». ⁴Исп.: «Петь-то так ловко — а петь-то я не могу!»

№ 20

Лур, 75/62, 1 дор., № 04; МГУ, 1975, п. 1, т. 5, № 3 (ФЭ-10: 4392—4395) [«Добрыня и Змей»].

Зап. Л. Мироныхиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на — от Анфимовой Татьяны Ивановны, 82 лет.

Записано с пения.

* * *

Т. Анфимова в основном повторила местную редакцию сюжета, использовала многие характерные для нее мотивы и развернутые формулы (отъезд Добрыни из дома и материнский наказ; просьба богатыря дать ему выбраться на берег, мотивированная необходимостью покаяться и распротиться с белым светом; оценка убийства беспомощного противника как бесславного поступка и др.). Вместе с тем в тексте есть некоторые подробности, не имеющие параллелей в других мезенских записях. Развернутая формула угрозы Змеи, ее похвальба: «Как волны волновали-проволновались» (искаженное «волхвы волховали-проволховались») — почти буквально совпадают с вариантом Г. Крюкова с Зимнего Берега (Мр., № 73). Вероятнее всего, это результат контактов сказителей Мезени и Зимнего Берега, но не исключено и книжное влияние. Дело в том, что былина Г. Крюкова — не единственная параллель к варианту Т. Анфимовой. В описании боя Добрыни со Змеей встречается уникальная подробность, отмеченная только в тексте из сборника Кириши Данилова: «почерпнув» колпаком песку, богатырь махнул им «во все четыре стороны» и «засыпал у Змеи все очи ясные». «Змея синя-огнянна» — оригинальный образ, не встречающийся в других записях былины.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 21—23)

Мезенская редакция сюжета не отличается таким своеобразием, как печорская (см. СБ 1, с. 668—669). Русские богатыри едут в царство Батяя Батеевича на конях, а не на кораблях; все состязания выигрывает Добрыня; Василий Казимирович лишь номинально возглавляет киевское посольство, даже в избении вражеского войска он не принимает участия. Некоторые традиционные эпизоды и описания отсутствуют или излагаются конспективно (нет описания тяжелого царского лука, который с трудом несут десятки татар; только в одном варианте из трех упоминается игра в «карты-шахматы», описание ее схематично и невыразительно). Для местной традиции характерно, что богатыри отказываются брать у князя

Владимира дани-пошлины для Батея, еще в Киеве решая избавить Русь от этой тягостной повинности. Как и в соседних районах, на Мезени былина о Добрыне и Василии Казимировиче испытала влияние других эпических песен («Дунай», «Василий Игнатьевич и Батыга» — см. коммент. к № 22, 23). В одном из двух не записанных А. Д. Григорьевым вариантов Василий Казимирович также заменен Дунаем — Гр. III, с. 449. (Ср. записи с Печоры — СБ 1, № 16—18 и Зимнего Берега — ММБ 1, № 16). В советское время этот сюжет на Мезени собирателями не фиксировался.

№ 21

Гр. III, № 54(358) «Василий Касимирович отвозит дани Батею Батеевичу».

Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«е» из «о»; ²начальное «Ё» изд. Гр. передается как «О» с присоединением «-й» к конечному гласному предыдущего слова; ³это исправлено из первоначального «здрасту-ёш».

* * *

Вариант Е. Рассолова — лучший среди записанных на Мезени. От родственной по происхождению былины И. Рассолова (см. № 22) отличается более стройной композицией, детализацией описаний. Гораздо подробнее описан выбор Батеем Батеевичем лучших стрелков из лука, борцов и игроков в шахматы. Трижды повторена отсутствующая в тексте И. Рассолова развернутая формула угрозы киевским богатырям (ст. 107—112 и др.), использованы оригинальные художественные образы в описании молодецкой «потехи» — стрельбы из лука в воздух и подхватывания стрелы (ст. 68—70), подарков иноземному царю (ст. 19—22), приезда киевских послов во вражескую столицу («не дёржала стена их городовая» и т. д.). Явное нежелание Василия братья за выполнение опасного поручения (ст. 24—29) противоречит богатырскому этикету и, скорее всего, является новацией Е. Рассолова (о грозящей герою смертельной опасности обычно говорят другие персонажи, пытающиеся удержать его от рискованного шага).

№ 21а

Гр. III, нотный раздел, № 32.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 25 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище). Текст былины — см. № 21.

№ 22

Гр. III, № 48(352) «Василий Касимирович отвозит дани Батею Батеевичу».

Зап. А. Д. Григорьевым 21 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Рассолова Ивана Ивановича (из д. Печище).

Примечания А. Д. Григорьева: ¹в изд. Гр. «да юбраными»; в ст. 64 предлог «ю» передается как «й-у»; то же в ст. 65: вместо «есь-то ю» оригинала — «есь-то-й у»; ²здесь сказитель, не замечая того, опустил рассказ об отправлении слуг к погребу; ³вместо 176—181 стихов певец сначала пропел следующие стихи, которые в тетради стоят в скобках и оставлены без счета:

Да пришли де ведь слуги да ко белу шатру:
«И кака-та невежа наехала в нашу царсвицу
И без всяких докладов, без всяких спросов к нам?»

* * *

И. Рассолов считал своим учителем Мардария Власова из Кузьмина Городка. К этому же сказителю, но не столь уверенно возводил свою былину Е. Рассолов (см. № 21). Варианты односельчан, несомненно, родственны по происхождению, принадлежат к одному изводу, хотя и отличаются в деталях повествования и даже в сюжетном плане. Характер разночтений свидетельствует о том, что Иван Рассолов усвоил прототекст нетвердо, некоторые эпизоды ему пришлось дорабатывать по собственному разумению. В начале былины заметно влияние «Дуная» (Василий Касимирович посажен в погреб, он не сразу принимает приглашение прийти на княжеский пир; мысль об использовании опального богатыря в качестве посла подсказывает князю безымянный «добрый молодец», что не свойственно русскому эпосу). Традиционная и, видимо, исконная в этом сюжете татарская Орда заменена более условным названием враждебного царства — «Больша земля, проклята Литва». Вместе с тем вариант не лишен известного своеобразия. Развязка конфликта намечена уже в начале былины (богатыри не только не берут дань для иноземного царя, но намерены его самого сделать данником киевского князя); оригинальные художественные образы использованы в описании стрельбы из лука (ст. 204) и борьбы (ст. 251—254).

№ 22а

Гр. III, нотный раздел, № 27.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 21 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора — от Рассолова Ивана Ивановича (исполнитель из д. Печище). Текст былины — см. № 22.

№ 23

Гр. III, № 115(419) «Васька-пьяница отвозит дани Ордянному королю».

Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Большой (из д. Малые Нисогоры), 73 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«ч» из «ц»; ²«ц» из «ч»; ³это слово употребляется, по словам певца, только в старине; он думает, что «анкрык» — «бочка»; ⁴может быть, надо: «пье-то» (написано: «пъ ё то»); ⁵«я» ⟨а⟩ из «е»; ⁶певец сам верит в возможность такой расправы; ⁷по объяснению певца, — «прибил».

* * *

Традиционный сюжет подвергся существенной переработке, от него остались только ключевые мотивы (освобождение Руси от необходимости платить ежегодную дань «Ордянному королю»; формулировка княжеского поручения главному герою, его отказ от дани и подарков иноземному королю; желание получить в спутники Добрыню). Все остальное либо перенесено из других эпических песен, либо сочинено сказителем. Особенно ощутимо влияние былины «Василий Игнатьевич и Батыга», из которой позаимствована сцена пиршества Василия с голями кабацкими (ст. 7—16), совет Добрыни обратиться за помощью к его названному брату, рассказ об опохмеливании богатыря князем Владимиром (ст. 60—109). Последнюю сцену А. Мартынов обогащает нестандартными деталями (не сумев опохмелиться двумя чарами вина, Василий по совету князя пьет прямо из бочки — «сколько следует»). Во второй части былины певец также отступает от традиции. Опушены состязания в стрельбе из лука и борьбе, богатыри сразу же начинают избивать татар: Добрыня во дворе, а Василий в королевском дворце. Такое развитие событий обычно в местной редакции «Дуная». Обращают на себя внимание самое развернутое в архангельско-беломорских вариантах описание «даров троёгодных» (ст. 129—133) и исполненный достоинства ответ богатыря князю Владимиру (ст. 136—141).

ПОЕДИНОК ДОБРЫНИ НИКИТИЧА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ (№ 24—25)

Сюжет зафиксирован собирателями лишь в Архангельско-Беломорском крае, «краткий вариант, записанный в Московской обл., занесен был в нее с Севера» (Аст. 1, с. 59). Большинство исследователей считают эту былинку сравнительно поздней, «возникшей на основе мотивов старших песен» (там же). Тем не менее ей нельзя отказать в известной самостоятельности. Оригинальна стержневая сюжетная ситуация, часто встречающаяся в эпосах многих народов Европы и Азии: юный богатырь сразу заявляет о себе в полный голос, ни в чем не уступает, а порой и превосходит прославленных героев. В ряде мезенских вариантов (№ 24, 25) борьба изображается как спортивное состязание со строгими правилами, приводятся такие подробности, которых нет в аналогичных эпизодах других былин («Илья и Сокольник», «Ставр Годинович», «Добрыня и Василий Казимирович», «Бой Добрыни с Дунаем», «Иван Годинович»).

Центральная сцена быliny — поединок двух русских богатырей — в разных текстах завершается по-разному; верх чаще берет Добрыня, а не Илья Муромец; причем кулойская, золотицкая и пинежская традиции знают оба варианта развязки, а мезенская — только первый. А. М. Астахова, не располагавшая кулойскими записями А. Д. Григорьева, склонна была трактовать победу Добрыни как «известное искажение образа Ильи Муромца», перестановку позиций «богатырей», отдавая предпочтение золотицким вариантам, лучше сохранившим сюжет в его первоначальном виде (Аст. 1, с. 592—593). Кулойские материалы позволяют внести в эту концепцию существенные коррективы.

Старший богатырь побеждает младшего (сразу или после временной неудачи) только в тех вариантах, которые испытали сильное влияние быliny о бое Ильи Муромца с Сокольником (Добрыня оказывается сыном — Гр. I, № 77(113), Гр. II, № 1(213), 54(266), племянником Ильи — Марк., № 46 или близким ему человеком, о чем свидетельствует именной перстень — Гр. II, № 42(254); попав в критическое положение, Илья молится, и силы его удваиваются — Гр. II, № 54(266); Марк., № 71; Добрыня убивает свою мать — Гр. I, № 77(113), Гр. II, № 1(213) и покушается на спящего Илью Муромца — Гр. I, № 77(113), Гр. II, № 42(254)). Поэтому правомерно предположить, что в данном сюжете, входящем в цикл былин о Добрыне, победа исконно отдавалась ему и лишь механические заимствования из «Ильи и Сокольника», а также утвердившаяся за «старым казаком» репутация признанного главы киевского богатырства привели к смещению некоторых акцентов. Это предположение несколько не противоречит духу русского былевого эпоса, для которого характерна сюжетная замкнутость отдельных эпических песен, выдвигание на первый план, подчеркнутая идеализация героя данного произведения, который в других сюжетных ситуациях может ничем не выделяться («Илья, Ермак и Калин», «Михайло Данилович», «Калика-богатырь», некоторые варианты «Дюка» — Рыбн., № 63 и др., «Сухмана» — Добрыня не может «от земли поднять» тяжелую дубину Сухмана — Линеvский, № 8). Если принять этот тезис, то мезенские варианты следует признать более архаичными: в них нет никаких следов воздействия быliny «Илья и Сокольник», более искусным борцом оказывается младший богатырь. О сравнительно широком распространении таких представлений на Мезени свидетельствуют некоторые варианты «Добрыни и Алеши», содержащие реминисценцию из данного сюжета — Илья удерживает Алешу Поповича от нападения на Добрыню, напоминая ему: «Я-то, Олешенька, не тебе чета, — насиделся он, Добрыня, у меня на белых грудях» (см. № 25, 34, 58, 59; некоторые тексты записаны от исполнителей, в репертуар которых былина о поединке Добрыни с Ильей не входила). Кстати, и на Зимнем Берегу Илья выходит победителем только в текстах, записанных от Крюковых, другие золотицкие певцы отдавали предпочтение Добрыне (Марк., № 108; ММБ 1, № 11).

В составе контаминированного текста см. № 25.

№ 24

Гр. III, № 87(391) «Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муромцем».

Зап. А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. Азаполё — от Авдушева Якова Тихоновича, 63 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹(в черновике) «бе» (но «е» не описка ли?); ²по словам Авдушева, эта борьба «на носок» была еще недавно очень распространена в Юроте и в близком к ней В. Березнике. Состояла она в следующем: двое брали друг друга за ворот правой рукой и переступали ногами, причем каждый из них старался своей ногой подбить ногу другого и свалить его наземь. Теперь этой борьбы уже не существует: ее вывела полиция.

* * *

Классический вариант той редакции сюжета, в которой победа в поединке борцов безоговорочно отдается Добрыне (ст. 90—99, 115—120), а сам поединок носит характер спортивного состязания, а не битвы боевым оружием (ст. 77—96, см. также интересное пояснение сказителя к этому эпизоду). Я. Т. Авдушев заявил собирателю, что перенял эту старину от крестьянина из д. Сояна на Кулое (Гр. III, с. 485), однако с обеими записями А. Д. Григорьева из этой деревни (Гр. II, № 42(254) и № 54(266)) его текст имеет лишь самое отдаленное сходство.

№ 24а

Гр. III, нотный раздел, № 48.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. Азаполё — от Авдушева Якова Тихоновича. Текст былины — см. № 24.

№ 25

Гр. III, № 47(351) «Бой Ильи М(уромца) с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича) и рассказ Добрыни о своем бое со Змеем».

Зап. А. Д. Григорьевым 10 июля 1901 г.: на Русановском заводе — от Аникиева Василия Петровича (из д. Кузьмин городок Погорельской вол.), 57 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«е» из «у»; ²но можно прочесть и «крычали»; ³так в черновике; ⁴«и» похоже на «ы»; ⁵«я» стоит очень близко к «ь»; может быть, это моя описка (ср. 1, 2₉) (т. е. 9-й стих 2-го текста в 1-м томе собрания А. Д. Григорьева); ⁶после «р» стоит скорее «о», чем «а».

* * *

В тексте соединены три сюжета: «Добрыня и Змей», «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем» и «Добрыня и Алеша». В отличие от других былин В. П. Аникиева их содержание в основном не выходит за рамки мезенской традиции. Единственное существенное отклонение от общепринятых норм былевой поэзии состоит в том, что сюжет «Добрыня и Змей» изложен в ретроспективном плане: о своих приключениях рассказывает сам герой. Сказителю не удалось до конца выдержать избранный им принцип: начиная с 235-го стиха он перешел на обычную форму повествования от третьего лица. Как и в некоторых других мезенских и кулойских текстах, Добрыня убивает Змея не тотчас после победы над ним, а спустя некоторое время. Отсрочка расправы над врагом в сущности остается немотивированной.

Во втором сюжете необычны обстоятельства встречи богатырей: проснувшийся в своем шатре, Илья Муромец видит рядом шатер Добрыни и т. д. Видимо, эти подробности, не имеющие аналогий в других записях, сочинены В. Аникиевым или его предшественником.

Рассказ о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича близок к тексту Д. Потруховой (см. № 11). Описание сватовства у В. Аникиева лаконичнее, а финальные сцены, напротив, разработаны гораздо подробнее. Упоминание чудесных подарков, привезенных героем «из отдалённого царства Малобрунова» (ст. 279—283), объяснение победы Добрыни над Ильей тем, что он «имел (...) преловкую ухваточку гимнастики», пафосный, «царистский» финал, очевидно, навеяны петербургскими впечатлениями исполнителя (он прожил в столице около 20 лет) или почерпнуты из книг (см. Гр. III, с. 242—244).

ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 26—27)

Очень редкая и сравнительно поздняя по происхождению былина, известная в единичных записях из большинства северо-восточных регионов (не обнаружена на Кулое и Терском Берегу). Все тексты близки по композиции и стилю, варьирование коснулось лишь второстепенных деталей и подробностей. (Характеристику сюжета см. в СБ 1, с. 671).

№ 26

Гр. III, № 100(404) «Сватовство царя Гребина Замойловича на сестре князя Владимира».

Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Михашина Михаила Гавриловича, 44 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹сначала было пропето «Несь» (река в Мезенском у.); ²после «р» неясная буква, похожая и на «и»; ³можно прочесть и «йдёт»; ⁴«с» ⟨«э»⟩ из «з».

* * *

Вариант близок к печорским записям: в нем сильнее подчеркивается самоотверженность Марфы, ее готовность пожертвовать собой ради спасения Киева (ст. 65). Издолище (он назван также «проклятым большим Жидовином») — сват, не жених, как в золотицких текстах. В его облике отчетливее проступают черты великана (ст. 117—120). Вопреки общерусской традиции Илья, Добрыня и Алеша втроем рубят голову врагу (ст. 111—116). Любопытно стремление певца связать эпический мир со своими родными местами: судя по примечанию собирателя, название реки «Невесь» представляет собой своеобразный симбиоз гидронимов «Нева» и «Несь» (река Мезенского уезда) — ср. упоминание моря «Карьского, Арапского» в золотицких вариантах (Марк., № 79; ММБ 1, № 14).

№ 27

Гр. III, № 107(411) «Сватовство царя Гремина на сестре князя Владимира».

Зап. А. Д. Григорьевым 4 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Попова Терентия Ивановича, 41 года.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«плили»; ²«грыннюшку»; ³«свотасве»; ⁴⟨в изд. Гр. здесь «но» со ссылкой: так в черновике⟩; ⁵⟨в изд. Гр. здесь «ю» (т. е. «йу»), однако йотированность «у» создается конечным звуком предыдущего слова⟩; ⁶ранее певец пропел: «Ах обратимсе к тому да ко Нема(н)ю»; ⁷не надо ли счесть это слово за собственное имя «Неманя» или «Немань»? ⟨порча текста певцом произошла от забвения им стихов о «еменинном дне», в который происходит обручение и проводы Марфы-королевичны — см. № 26, ст. 106⟩; ср. также ст. 67 и 80; ⁸⟨начальное «ё» оригинала передается как «й-о»⟩; ⁹⟨«овёс» оригинала — фонетическая запись подразумеваемого «увёз»⟩; ¹⁰«прибыли».

* * *

По свидетельству А. Д. Григорьева, Т. И. Попов пел эту былину вместе с М. Г. Михашиным «и выучил, вероятно, от него или от его отца» (Гр. III, с. 565). И действительно, варианты обоих сказителей чрезвычайно близки, многие стихи и целые тирады совпадают в них почти дословно. По исполнительскому мастерству Т. И. Попов явно уступал своему односельчанину: в тексте немало прозаизмов (ст. 60, 85, 104 и др.), гораздо меньше удельный вес эпических формул; употреблен редкий гидроним «Онепь-река» (фонетический вариант с закрытым «о» — «Унепь-река»), в которую впадают (ст. 2, 98), из которой выплывают (ст. 80) корабли; пропущен эпизод спаивания Издолища-Гремина (превращение свата в жениха, видимо, тоже объясняется забвением прототекста). Вместе с тем в комментируемом варианте убрана одна логическая неувязка: хоть и кратко, но сообщается о судьбе несметной «силы», сопровождающей Гремина (ст. 95—96).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И МАРИНКА (№ 28—31)

Немногочисленные мезенские записи былины четко разделяются на две группы вариантов, причем более архаичными по содержанию и более сложными по композиции оказываются записи 20-х гг. XX в. Завязкой конфликта в них служит убийство любовника Маринки, изображаются ее колдовские действия над следами Добрыни, использован ряд других мотивов и подробностей, отсутствующих в более ранних мезенских записях. Пересказ Е. Лешукова содержит и формулу заговора, которой нет ни в одном другом архангельско-беломорском варианте. Тексты из сборника А. Д. Григорьева, как и варианты с Кулоя и Зимнего Берега, относятся к краткой редакции сюжета — без эпизодов убийства любовника Маринки и заговаривания следов Добрыни с целью присушить его. Е. Рассолов и И. Чупов предельно упростили традиционный сюжет (опущено описание поисков пропавшего богатыря, не упоминаются другие молодцы, пострадавшие от колдовских чар Маринки); в то же время начало былины осложнено рассказом о молодости героя, которое другие мезенские сказители обычно соединяют с былинной «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем». Некоторые оригинальные детали вариантов М. Антонова и Е. Лешукова свидетельствуют о довольно активных контактах мезенских сказителей с печорскими и кулойскими певцами.

№ 28

Гр. III, № 55(359) «Молодость Добрыни, жалоба на него князю Владимиру, оправдание Добрыни; Добрыня и Маринка».

Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹трудно решить, что здесь: «шше» или «ишше»; ²последняя буква сомнительна и похожа на «се», но ср. ст. 21; ³по объяснению певца — «в городки»; ⁴так (в черновике); ⁵«Омельфа» («ё», вероятно, описка); ⁶исправлено из «ей»; ⁷(в изд. Гр. — «юдалой»); ⁸можно прочесть как «шче»; ⁹«князя» вполне ясно; ¹⁰«детъти» — описка; ¹¹после «з» не то «и», не то «е»; ¹²описка: «увядал»; ¹³«и» из «е»; ¹⁴надписано над «ле», которое поэтому, по-видимому, излишне; ¹⁵«селеминоцька» — «сенная труха» — объяснил певец.

* * *

В традиционной части вариант близок к былинной И. Чупова (см. № 29), лишь некоторые формулы Е. Рассолов дает в более развернутом виде (угроза Маринке в ст. 350—359, ее ультиматум Добрыне-туру в ст. 365—376) и описывает неудачную стрельбу богатыря из лука (он не попал даже в «голуба кормлёно-

го»). Обычно краткое вступление о детстве героя — самостоятельный сюжет со своей интригой и развязкой (ст. 1—309, т. е. более трех четвертей былины); многие мотивы и подробности не имеют аналогий в севернорусских записях и, вероятнее всего, принадлежат исполнителю или его предшественнику. Рассолов подробно описывает различные виды состязаний, выигранных малолетним богатырем; мотивирует гнев Добрыни тем, что княжеские и боярские дети оскорбляют и даже избивают его палками; оригинально излагает жалобы и угрозы родителей и третейское решение князя Владимира. В этой части текста былинная фразеология нередко соседствует с лексикой новейших времен («карты-шахматы», «лакеи», «казначей» и даже «похвальный лист», который Добрыня предъявляет князю в доказательство своих успехов в учебе). О недолгой устной жизни былины в такой редакции свидетельствуют и многословные описания, монологи, обилие бытовых сцен, излишние повторения (ст. 47—58; 155—160 и 185—192; 34—36, 87—89, 108—110, 248—250, 278—279 и др.). Вопреки традиции действие в большинстве эпизодов приурочено к Чернигову. Сказитель использовал мотивы сказок или духовного стиха «Егорий и Змей» (богатыря разбудила слеза матери, упавшая ему на лицо), а формулу «та ёго шутка нам не надобно» перенес из книжной по происхождению былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (первоисточник — сборник Кириши Данилова, № 47).

№ 28а

Гр. III, нотный раздел, № 33.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 25 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок — от Рассолова Ермолая Васильевича (исполнитель из д. Печище). Текст былины — см. № 28.

№ 29

Гр. III, № 75(379) «Добрыня и Маринка».

Зап. А. Д. Григорьевым 28 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чупова Ивана Егоровича, 72 лет.

Примечание А. Д. Григорьева: ¹«псам», по объяснению певца.

* * *

Сказитель сохранил в памяти лишь наиболее важные элементы сюжета, без которых был бы невозможен связный рассказ о столкновении Добрыни с колдуньей. В былине нет даже стрельбы из лука: превращение богатыря в тура мотивируется нарушением родительского запрета появляться «во улицах Игнатъевых», «в переулках Маринкиных». Несмотря на свою краткость, вариант И. Чупова отнюдь не схематичен — включенные в него эпизоды изложены достаточно подробно, органично связаны друг с другом. Оригинальный мотив обоих вариантов из собрания А. Д. Григорьева (Маринка оборачивается змеей и летит в чистое поле «отворачивать» Добрыню — см. № 28), видимо, появился в результате буквального осмысления метафорической характеристики колдуньи «зла безбожница, люта змея-подколотница». Как и у Е. Рассолова, героя спасает его сестра; во всех других архангельско-беломорских записях в этой роли выступают представители старшего поколения, наделенные магическими способностями (мать, тетка, крестная Добрыни или «бабушка-задворенка»).

№ 30

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 99—103 (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 8, л. 13 об. — 16; Аст. 1, № 17 «Добрыня и Маринка».

Зап. А. М. Астаховой 1 июля 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.

Былина исполнялась дважды. Сказанный текст зафиксирован простым карандашом. Правка (разночтения со спетым вариантом) произведена более бледным химическим карандашом. Публикуется пропетый текст. Разночтения со сказанным вариантом приводятся в комментариях.

Примечания: ¹«Криво» (примеч. Аст.). Сверху слова в скобках «неправ.(ильно?)». ²В п. з. и б. ркп. ремарка исполнителя не обнаружена; печ. по изд. ³Стих сказан, а не спет (примеч. Аст.). ⁴Отсюда и до конца не пел, а сказывал, сославшись на усталость (примеч. Аст.). ⁵В п. з. «На» исправлено на «Да».

Сказанный вариант (разночтения и примечания): Ст. 2, 7, 15, 18, 20—22, 32, 33, 42 — начальная частица «А» (Как) отсутствует; ст. 5, 16, 23, 24, 43, 59 — отсутствуют; ст. 2 — ...года...; ст. 8 — *Взял-то он* калену...; ст. 14 — вместо: она ему — *его*; ст. 17 — Белилами-румянами...; ст. 19 — первоначально: ...да кто во игрушки, «кто» зачеркнуто; ст. 27 — ...меня женой за себя; ст. 36, 37 — вместо: в добры молодцы — добрым молодцем; ст. 39 — ...волочитися; ст. 41 — *Говорит-то...*; вместо ст. 49—50 — Тогда согласилась Добрынина матушка; ст. 51 — вместо: Маринку — *ею*; ст. 52 — следует за ст. 55; ст. 53 — *Говорит тут...*; ст. 54 — *Хоть ...Добрыня женой за себя*; вместо ст. 56 — Он и взял женой, они и легли спать перву ночь; ст. 60 — «да» отсутствует; ст. 61 — *А* ноги-то ... не надобны; ст. 62 — *Ты* поганому Издолищо оплеталаси.

* * *

Единственный мезенский вариант, в котором любовник Маринки осмысливается как враг Руси — он назван «поганым», у него «черны груди» (эпитет, прилагающийся в былинах к образу эпического противника), а судя по ремарке после 14-го стиха, сказитель воспринимал его как «нечистого». Текст М. Антонова содержит ряд других архаичных элементов: оригинально описана реакция Маринки на убийство ее любовника (ст. 15—22), «скрадывание следочков» Добрыни (ст. 22—23). Как и в наиболее полных прионежских вариантах, Маринка с самого начала принуждает богатыря взять ее замуж. Некоторые формулы сближают текст Антонова с записями из соседних районов — Кулоя (Добрыня-тур выделяется среди своих братьев по несчастью, он «посвиреже всех» — ср. Гр. II, № 37(249), 59(271)) и Печоры (адресованные Маринке угрозы матери героя в ст. 45—48 — ср. СБ 1, № 23, 24 и др.).

№ 31

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 1, л. 123 об.—127 (п. з.); б. ркп.— там же, ед. хр. 13, л. 52 об.—54; Аст. 1, № 7 [«Добрыня и Маринка»].

Зап. А. М. Астаховой 24 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Лешукова Ефрема Матвеевича, 70 лет.

Былину исполнитель назвал «шутóвой» и сказывал как прозу.

* * *

По насыщенности архаичными элементами прозаический пересказ Е. Лешукова превосходит все другие записи былины из архангельско-беломорских регионов. В нем «сохранено изображение колдовства на любовь (сожжение следов Добрыни), с приведением самого заговора» (Аст. 1, с. 574), использован ряд редких деталей (тетка Добрыни отправляется к Маринке, взяв клюку сорокапудовую; садится на «печной столб»). В тексте содержатся «детали, объединяющие его с печорскими вариантами: девушки ищут ягоды, к ним ласкается плачущий тур» (Аст. 1, с. 574). Вторичность этих деталей, их психологическая и бытовая

окраска, широкое распространение на Печоре (см. СБ 1, с. 672) позволяют предполагать заимствование из традиции соседнего региона. В пересказе Лешукова особенно много сходжений с былиной П. Поздеева (СБ 1, № 23). Кроме отмеченных выше элементов печорской редакции в текстах Лешукова и Поздеева совпадает формула адресованной Маринке угрозы; только у этих двух сказителей, колдуя над следами Добрыни, Маринка читает «книгу волшебную». С кулойскими записями Григорьева (Гр. II, № 37(249), 59(271)) текст перекликается условием, которое ставит Добрыня, — «отвернуть» всех заколдованных молодцев.

ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 32—65)

По общему количеству записей (более 30) былина об отъезде Добрыни и неудавшейся женитьбе Алеша Поповича занимает на Мезени первое место. В соседних районах ее удельный вес не столь значителен — на Кулое и Зимнем Берегу «Добрыня и Алеша» не входит в первую пятерку наиболее популярных сюжетов, а на Печоре записан всего один текст, устное происхождение которого не вызывает сомнений (см. СБ 1, с. 677). Целый ряд особенностей композиционного и стилистического плана роднит мезенские редакции с вариантами из других северо-восточных регионов, что позволяет выделить особую версию сюжета, бытовавшую на Мезени, Зимнем Берегу, Кулое, Пинеге, Карельском Берегу; в менее развернутом виде этот же тип обработки сюжета представлен в былинах Терского Берега и Печоры.

Мезенские певцы все свое внимание сосредоточивают на событиях, происходящих в Киеве; исключение составляют 5 вариантов, где в былину «Добрыня и Алеша» на правах вставного рассказа включен сюжет «Добрыня и Змей». Популярный в обонежско-каргопольских редакциях комплекс мотивов, связанных с получением Добрыней княжеского задания, его переживаниями по этому поводу, приключениями героя на чужбине, получением недобрых вестей из дома, встречается лишь в зависимых от книги текстах; в одном устном по происхождению варианте (см. № 33) кратко сообщается, что богатырь отправляется «на заставу на Тобольскую», в большинстве других записей его долговременная отлучка мотивируется отъездом «во чисто поле», реже — на охоту. О готовящейся свадьбе Настасьи и Алеша Добрыня обычно узнает от матери. Только в одном устном по происхождению варианте (см. № 10) дело доходит до физической расправы с незадачливым женихом, во всех остальных Добрыня ограничивается ироническим поздравлением: «Здорово женился, да тебе не с кем спать!» Вряд ли правомерно объяснять смягченную развязку тем, что в мезенских редакциях Алеша не прибегает к обману, его вина перед Добрыней минимальна (Аст. 1, с. 567): в каждом третьем варианте (исключая зависимые от книги) Алеша распускает ложные слухи о смерти своего крестового брата. (В этом отношении среди северо-восточных записей особняком стоят кулойские, разрабатывающие мотив наказания Алеша). На свадебный пир (а иногда и домой) Добрыня является в платье калики перехожей, ему указывают место «на печном столбе». (В кулойских записях чаще говорится о переодевании скоморохом). Лишь в одном варианте (см. № 37) встречается формула «пей до дна — увидишь добра» (за пределами Архангельско-Беломорского края она сохраняется даже в дефектных текстах). В северо-восточных обработках сюжета Настасья узнает мужа по игре на гусях или по перстню, который он кладет в пустую чару (иногда просто показывает его участникам пира).

Некоторые мотивы и образы являются общими для мезенских и кулойских записей и не встречаются в других соседних районах. Запрет Настасье выходить замуж за Алешу нередко мотивируется тем, что он — «неприятель» Добрыни (см. № 10, 25, 33, 34, 60; ср. Гр. II, № 35(247), 82(294), 89(301)). В финале былины уязвленный своей неудачей Алеша порывается убить Добрыню, но его пыл охлаждает Илья Муромец (см. № 10, 25, 34, 35, 45, 58, 59; ср. Гр. II, № 16(228)).

Характерная черта мезенской эпической традиции — повышенное внимание к сценам психологического содержания. Местные сказители, как правило, не описывают самой игры Добрыни на гусях, но под-

робно рассказывается о том, какое впечатление она производит на Настасью, князя Владимира, княгиню Апраксию, Илью Муромца, сестру Алеши Поповича, других участников свадебного пира. (Ср. один из кулойских вариантов, в котором говорится, что от игры Добрыни у Ильи «сердце приудрогнуло» — Гр. II, № 16(228)). В сцене расставания Добрыниной матери с Настасьей нередко используются лирические мотивы — оставшись одна, Омельфа Тимофеевна причитает: «Ище хто-ле миня же будёт поить-кормить? <...>» и т. д.

Среди мезенских записей наибольшим своеобразием отличается одна из редакций сюжета, некоторые особенности которой отмечены А. Д. Григорьевым (Гр. III, с. 694). Представлена она 7 былинами, записанными на средней Мезени — от Юромы до Нисогор (см. № 35, 36, 37, 40, 44, 45, 47); к ним примыкают два фрагментарных текста (см. № 39, 62). В этих вариантах сохранена обычная для местной традиции сюжетная канва, но многие формулы, детали повествования оригинальны, близких параллелей нет в других редакциях и изводах. Необычна мотивировка запрета Настасье выходить замуж за Алешу Поповича (Алеша «силой не силён, да он напуском смел, он напустит на старого и на малого, он напустит на ровнюшку спесивую»). Вторичность этой формулы очевидна — в ней использованы образы лирической поэзии, а эпическая деталь (упоминание о смелости Алеши) никак не соотносится с содержанием монолога Добрыни, в котором и речи нет о человеческих качествах возможных женихов. Свообразно описание реакции Настасьи на игру Добрыни-гусяря: в первый раз заиграл — Настасья подумала, во второй раз заиграл — Настасья заплакала, в третий раз заиграл — Настасья спромолвила. Перед возвращением Добрыни из поездки говорится, что здесь ясному соколу пролету нет, черному ворону пропорху нет, серому волку прорыску нет. Почти во всех вариантах возвращающийся из похода богатырь «идет по Добрынюшкиным желтым сукнам» и спрашивает у матери, почему не видно «другой семьи, молодой жены». Реже встречаются другие формулы и детали: Добрыня принимает чару с вином «одной рукой, одним мезёнышком»; когда он приходит на пир, ему говорят, что все хорошие места призаняты, есть место только на печном столбе. Последний мотив по одному разу фиксировался на Печоре и Кулое (см. СБ 1, № 34 и Гр. II, № 89(301)). Среднемезенская редакция сюжета наиболее полно представлена в № 36, 37, 40.

Особую группу составляют 5 мезенских вариантов, в которых соединены сюжеты «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Эмей» (см. № 10, 11, 18, 25, 48). Такие же контаминации зафиксированы на Кулое (Гр. III, № 16(228), 89(301)) и Зимнем Берегу (ММБ 1, № 12); во всех трех соседних регионах о победе богатыря над Эмеем рассказывается очень подробно, с привлечением сказочных мотивов, но структуру контаминированных былин определяет сюжет «Добрыня и Алеша». В мезенских контаминированных текстах варьируются характерные для местной традиции детали повествования; записи Григорьева (все они — с низовьев реки) содержат также необычные для нее моменты. В сватовстве активное участие принимает князь Владимир, употребляется формула: «Ты добром не йдешь, дак возьмём нечестью»; отсутствует узнавание Добрыни матерью, в двух вариантах богатырь отправляется на свадебный пир, не заезжая домой. (Видимо, с этим связана путаница имен — оба сказителя называли «Омельфой Тимофеевной» не мать, а жену Добрыни — № 11, 25). В трех контаминированных вариантах, а также в № 41 встречается архаичный по содержанию мотив: распуская ложные слухи о смерти Добрыни, Алеша утверждает, что «погрёб» его «тело белое».

№ 32

Гр. III, № 49(353) «Женитьба и отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 21 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Рассолова Ивана Ивановича (из д. Печище).

Примечания А. Д. Григорьева: ¹по словам певца, — «колотится»; ²так в тетради; ³было пропето без предлога; ⁴«начальное «Ё» оригинала передается как «Й-о»).

* * *

По композиции и стилю вариант выдержан в строго традиционном духе (см. характеристику мезенских редакций сюжета), содержит ряд оригинальных поэтических образов (Настасья «запоручила свою буйну голову, дала свою руку правую»; явившись в наряде калики на свадебный пир, Добрыня становится «среди грывы против матицы»; Алеша именуется «князем первобрачным», а Настасья — «кнегиной второбрачной» — на Мезени эти эпитеты встречаются очень редко). Выразительно предупреждение Омельфы Тимофеевны о том, что на свадьбу Алеша трудно попасть (ст. 92—98), а в ее причитании после ухода невестки из дома использована редкая формула («резвы ножечки приходилисе», «белы-ти ручушки примыхалисе...»), в пудожских вариантах «Ильи и Калина», записанных от Т. Романова, близкую формулу произносит князь Владимир (Рыбн., № 142).

№ 33

Гр. III, № 57(361) «Добрыня на заставе и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича».

Зап. А. Д. Григорьевым 24 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок Погорельской вол. — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище), 50 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«к» из «т»; ²можно прочесть и за «совесно», ибо «н» написано настолько близко к «т», что можно предположить намерение написать его на «т»; ³было пропето без предлога; это представляет особенность певца, которая отмечена у меня в черновике; (ср. примеч. к № 32, 107 и др.).

* * *

Сюжетная канва варианта обычна для местной традиции, но некоторые мотивы и детали не встречаются в других мезенских записях. Действие перенесено в Чернигов; Добрыня отправляется «на заставу на Тобольскую»; в его наказе жене дается резко отрицательная характеристика Алёше как представителю «роду поповского». (Последняя формула особенно популярна в Обонежье и на Кенозере, сказители северо-восточных районов изредка используют ее в былинке «Илья Муромец и Сокольник»). Снижение образа Алёши Поповича проявилось и в том, что он развезжает по городу с насаженной на копье головой, выдавая ее за «Добрынину главу». Видимо, этот мотив перенесен из былинки об Алеше и Тугарине, где он органичен (см. № 109). Финальный монолог Добрыни, укоряющего главных участников свадебного пира, не имеет аналогий в мезенских записях, да и во всем Архангельско-Беломорском крае сходные образы содержит лишь печорская запись Н. Е. Ончукова (СБ 1, № 34).

№ 34

Гр. III, № 67(371) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича».

Зап. А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чупова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹букву «а» (перед «л») можно прочесть и за «о»; ²(в окончании) не то «и», не то «о».

* * *

Рядом оригинальных мотивов вариант переключается с текстом Ф. П. Рюмина (см. № 10) — роль Ильи Муромца в распространении ложных слухов о смерти Добрыни, распределение свадебных чинов, сходная мотивировка запрета Настасье выходить замуж за Алешу Поповича, описание стычки соперни-

чающих богатырей и др. Явным отступлением от традиции выглядит поведение матери Добрыни, которая «приневолила» Настасью нарушить запрет мужа. Эта неудачная новация не вяжется с содержанием других эпизодов былины (в частности, согласие на брак дается еще до приезда в Киев Ильи Муромца с вестями о смерти Добрыни). Некоторые детали варианта И. А. Чупова фиксировались на Мезени очень редко, а за ее пределами вообще не отмечены (Добрыня просит, чтобы мать принесла ему для переодевания «не хорошего платья — по среднему» — ср. № 38, 58, 59; отправляясь на свадебный пир, он намеревается «роспечалить» невесту, если она весела, и «прирозвеселить», если она печальна — ср. № 38).

№ 35

Гр. III, № 97(401) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Титовой Афанасьи Ивановны, 24 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«двруга»; ²«поли»; ³после 55-го стиха певица сказала, что Добрыня показал знаменьицо.

* * *

Один из самых полных вариантов среднемезенской редакции былины, содержит все основные ее элементы (см. общую характеристику сюжета). Как и некоторые другие мезенские сказители, А. И. Титова подчеркивает насильственный характер сватовства (ст. 16—19, ср. № 10, 11, 25). Оригинальная формула использована для описания реакции слушателей на игру Добрыни-гусяря («умны люди дозналисе, гупы люди россмехалисе» — то же в № 36). Просьба Добрыни принести «платье цёрное, сирощкоё», очевидно, продиктована его стремлением до определенного момента оставаться неузнанным; этот мотив встречается еще в нескольких мезенских текстах, но, кроме варианта П. А. Поташовой (см. № 36), оформлен в них иначе (см. коммент. к № 34).

№ 36

Гр. III, № 119(423) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от Поташовой Парасковьи Ан-типовны (урож. д. Копылиха), 57 лет.

Примечание А. Д. Григорьева: ¹«так в тетради».

* * *

Текст содержит все отмеченные выше элементы среднемезенской редакции былины (см. общую характеристику сюжета); особенно близок к варианту А. И. Титовой (см. № 35), с которым обнаруживаются многочисленные совпадения даже на лексическом уровне. Необычно для местной традиции агрессивное поведение переодетого Добрыни («у ворот не спрашивал приворотников...») и т. п. — ср. также № 45) — в большинстве мезенских текстов богатырь подкупает слуг Алеши Поповича. Как и в вариантах А. Фофановой и П. Мартюшиной (см. № 37, 39), Настасья ждет мужа вдвое дольше условленного срока.

№ 37

Гр. III, № 105(409) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 4 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Мартюшиной Парасковьи Ивановны (урожд. д. Кельц(ч)ём Гора), 58 лет, по свидетельству исп., 64 лет — по метрическим записям у священника.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹было пропето без предлога; ср. 35-й стих, также 4-й и 70-й стихи № 107 (411) (№ 27 наст. изд.); ²в изд. Гр. — «юдалой»; см. примеч. 5 к № 27); ³так в черновике; ⁴так в черновике, ср. 70-й стих; ⁵можно прочитать и «Каг».

* * *

Вариант отличается стройностью композиции, отточенностью традиционного формульного стиля; принадлежит к среднемезенской редакции былины (см. общую характеристику сюжета). П. И. Мартюшина использовала некоторые мотивы и детали, редко встречающиеся в мезенских записях: подробно говорится о распределении свадебных чинов (ср. № 10, 33, 34); оригинально описание решительных действий Настасьи, узнавшей мужа: «...правой-то ногой <...> на золот стол, А левой-то ногой — да из застолья вон» (ср. № 40, 50). Только в комментируемом тексте встречается популярная в других регионах формула «пей до дна — увидишь добра», а также (впрочем, смазанный) диалог матери с неузнанным сыном о том, не видел ли он Добрыню (эта сцена обычна в ряде прионежских редакций сюжета). Настасья ошибочно названа «кнегиной первобрачной» (по другим вариантам — «второбрачная»).

№ 38

Гр. III, № 1(305) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 14 июля 1901 г.: д. Лампожня Дорогорской вол. — от Табуева Егора Семеновича, 75 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«ц» переделано из «т»; ²«В» из «М»; ³«ц» из «ч»; ⁴так в тетради; по-видимому, это ошибка вместо «розговорили» или «розговаривали»; ⁵так в тетради; ⁶над втор(ым) «е» не то две слившиеся вместе точки, не то зачеркнутая точка; ⁷первое «е» из «и»; ⁸в тетради здесь стоит «крестот»; при пении иногда выходило «крес-тот»; не могу утверждать, чтобы это относилось и к данному случаю; ⁹над «е» как будто ударение; ¹⁰сначала сказитель пропел: «Далеко, бывает, калика да добираласе», но я, не расслышав первого слова (записал «да легко»), переспросил; но сказитель при повторении изменил стих и опустил «бывает» (= «может быть»), вследствие чего смысл стиха несколько затемнился; ¹¹в ркп.) «рукою»; ¹²в ркп.) «изза столья»; ¹³«е» из «и»; ¹⁴буква после «ж» не ясна; ¹⁵«ч» из «ц».

* * *

Текст зависим от книги. С местной традицией связаны лишь отдельные формулы и второстепенные подробности, важнейшие сюжетобразующие мотивы восходят к обонежским редакциям (подробнее см.: Новиков, 1984, с. 93—94). Имя матери Добрыни «Офимья Олксандровна» также не характерно для мезенских записей (ср. КД, № 21). Сцена всеобщего узнавания Добрыни при свадебной игре на гусях изложена неуклюже.

№ 39

Гр. III, № 83(387) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши П(оповича)».

Зап. А. Д. Григорьевым 30 июля 1901 г.: д. Азаполё — от Фобановой Марьи Григорьевны, 29 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹Добрыньшка; ²«моёго сына» написано не подряд с предыдущим текстом, а отдельно во второй половине следующей строки и притом подчеркнуто; то же замечание относится и к словам «до нагá он весь» в 39-м стихе, но только они не подчеркнуты; ³«перестень» — едва ли описка.

* * *

Краткий вариант, содержащий отдельные детали, характерные для среднемезенской редакции сюжета (мотивировка запрета Настасье выходить замуж за Алешу), и целый ряд мотивов и подробностей, общих для большинства мезенских записей (мать узнает Добрыню по «знамецку» под пазухой; упомянут печной столб, на который садится богатырь; выпив чару вина, он опускает в нее злачен перстень, и др.). Прождав мужа урочные 6 лет, Настасья еще 6 лет отказывает жениху уже по собственной инициативе; этот популярный в других регионах мотив на Мезени встречается крайне редко (см. № 36, 37).

№ 40

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 5, л. 39 об.—45 (п. з.); б. ркп.— там же, к. 6, п. 8, ед. хр. 4, л. 50—52 об.; Аст. 1, № 37 «Про Добрынюшку Микитица».

Зап. А. М. Астаховой 10 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Лыбашевой Прасковьи Степановны, 77 лет.

Былину П. С. Лыбашева пела, но, по наблюдению А. М. Астаховой, как бы подыскивая при этом слова. Собирательница отмечала чисто прозаический склад исполнявшейся былины, ее разговорный, сказовый характер. Пение сопровождалось комментариями, из которых, по свидетельству А. М. Астаховой, не все удалось зафиксировать.

Примечания: ¹В п. з. ударение в слове не проставлено; печ. по изд. ²В п. з. «да ле ведёт», но цифрами обозначен иной порядок слов. ³В п. з. сокращение «М-шна»; раскрытие в б. ркп. и изд. как «Микитишна» считаем неточным; печ. по б. ркп.

* * *

В небольшом по объему тексте Лыбашевой представлены основные элементы среднемезенской редакции былины (см. общую характеристику сюжета). «Из интриги совершенно исключена роль князя Владимира. Примыкает к тем мезенским вариантам, в которых смягчена и отрицательная роль Алеши Поповича: обмана нет, нет также насилия; Настасья сама, по своему желанию, идет за него замуж; при этом шаг ее в данном варианте мотивируется психологически: „Никто на́ Настасьи боле не сватаитце”» (Аст. 1, с. 567). Как и в других мезенских текстах, мать узнает Добрыню по бородавке «под правой пазушкой», но традиционный мотив осложнен еще одной деталью: на бородавке растут «три золотых волоска».

№ 41

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 16 об.—18 об. (п. з.); б. ркп.— там же, ед. хр. 13, л. 112—113. Аст. 1, № 24 [«Добрыня и Алеша»].

Зап. А. М. Астаховой 3 июня 1928 г.: д. Палошцелье Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Александра Антиповича, 78 лет.

Былина была сказана. Но в б. ркп. на полях помета собирателя: «Тот же напев». Видимо, А. М. Астахова сопоставила начало данной былины, два стиха которой, возможно, были пропеты, и предыдущую былину, исполненную А. А. Оксеновым (№ 13 наст. изд.).

* * *

Краткий пересказ былины, в которой элементы местной традиции переплетаются с заимствованиями из обонежских редакций сюжета: о готовящейся свадьбе его жены герою сообщает конь; мать не узнает сына, который заявляет, что знаком с Добрыней.

№ 42

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 2, ед. хр. 97-а (6. ркп.) [«Былина о Добрыне и Алеше Поповиче»].

Зап. В. В. Митрофановой 20 июля 1958 г.: д. Смоленец Лешуконского р-на — от Клешовой Аграфены Васильевны, 77 лет.

В ркп. помета: «Напев записан на магнитофон» (см. № 43, 44). Соотношение текстов № 42, 43 и 44, по-видимому, следующее. Сначала В. В. Митрофанова сделала пробную запись «от руки» (текст № 42); затем В. В. Коргузалов повторный акт исполнения 21 июля записал на магнитофонную ленту (текст № 43); 22 июля была сделана третья запись былины (на магнитофон) в присутствии Н. П. Колпаковой, руководителя экспедиции, и В. В. Коргузалова.

№ 43

ФА МФ. 419.04 и 420.00.

Зап. В. В. Коргузаловым 21 июля 1958 г.: д. Смоленец Лешуконского р-на — от Клешовой Аграфены Васильевны, 77 лет.

Стихи 1—13 пелись, дальнейший текст сказывался. Вначале исполнительница спуталась и пропела зачин старины «Добрыня и Змей» (см. примеч. к № 16, 17). После того как ее прервали собиратели, она перестроилась и сюжет о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича начала со стиха: «Он своей-то Настасьюшки наказывал». После стиха 13 кончилась пленка. Пока собиратели перезаряжали магнитофон, исполнительница продолжала исполнение былины. Поэтому в записи оказалась лакуна.

См. также № 42 и 44.

№ 44

ФА МФ. 420. 03; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 121 (маш.); ПФМ, № 205; ПФМ, № 205-а «Про Олешу».

Зап. Н. П. Колпаковой, В. В. Коргузаловым 22 июля 1958 г.: д. Смоленец Лешуконского р-на — от Клешовой Аграфены Васильевны, 77 лет.

Записано с пения.

Повторная запись сюжета от сказительницы (см. № 42, 43).

В сборнике ПФМ тексты № 205 и 205-а представлены как отдельные самостоятельные акты исполнения былины. Однако сравнение двух указанных текстов — записи от руки Н. П. Колпаковой (№ 205-а) и магнитофонной записи В. В. Коргузалова (№ 205) — обнаруживает их настораживающую близость, тем более разительную, что в вариантах этой же былины, записанной от А. В. Клешовой 20 и 21 июля (см. № 42, 43), отмечаются многочисленные разночтения.

Укажем на разночтения текстов из сборника ПФМ № 205 и 205-а. В записи Н. П. Колпаковой первые три строки представлены следующим образом:

Срягается Добрыня во чисто поле,
Подобляется Микитич да во раздольице,
Говорил-то он своей да молодой жены...

В магнитофонной записи начало звучит так:

Поезжат тут Добрынюшка во чисто полё,
Поезжат ли князь Микитиць да во роздольице.

Он просил тут у маменьки Божие благословеньце,
Тут давала ему маменька, слезно плакала...

Здесь, на четвертом стихе, собиратели прервали сказительницу, указав ей, что это — начало ее же былины «Добрыня и Змей». Далее, перестроившись, исполнительница продолжала сюжет о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича. Полагаем, что процитированные три стиха из записи Н. П. Колпаковой — ее собственная реконструкция.

Со строки «Проживи-ко ты, Настасьюшка, пять лет поры» (ст. 5) до стиха 74 «Пированьице идет да столованьице» (это последний стих, зафиксированный на магнитофонной ленте) тексты № 205-а и № 205 совпадают дословно, с незначительными разночтениями, вполне объяснимыми тем, что Н. П. Колпакова, фиксирующая былинку от руки, не успевала записывать некоторые нюансы текста. Например, в стихе 7 ею пропущен второй предлог «во»; в стихах 13—14 у нее форма «пойди» вместо «поди»; в стихе 18 записано «только только» вместо «только»; в стихе 21 нет начального «Уж»; после стиха 31 дан прозаический комментарий сказительницы — «Она и пошла за Олешу. А мать дома», — отличающийся от того, что звучит на магнитной ленте; в стихе 35 вместо вставной частицы «то» у Н. П. Колпаковой записано «да»; в стихе 50 вместо «гринюшку» дана форма «гридницу»; не зафиксирована ремарка исполнительницы после стиха 55; в стихе 61 вместо формы «скиноваёт» дано «скидывает»; в стихе 62 вместо формы «подымаёт» — «поднимает».

На стихе 74 кончается магнитофонная запись. Далее былина фиксировалась только от руки. Характер разночтений между текстами ПФМ № 205 и 205-а убедил нас в том, что перед нами один вариант былины. В наст. изд. текст до стиха 75 печатается по расшифровке с магнитофонной записи; далее — по машинописи Н. П. Колпаковой, имеющей заглавие «Старина про Олешу».

Примечания к фонограмме: ¹Далее сказительница начала: «Проживи-ко ты, На...» — затем прервалась и только после этого исполнила стих 5 целиком.

* * *

Вариант относится к среднемезенской редакции (см. общую характеристику сюжета), «содержит любопытную деталь: жена Добрыни может выйти замуж, когда соловей советует гнездо и выведет птенцов» (ПФМ, с. 351). Отдаленная параллель к этому мотиву есть только в рябининской редакции сюжета (Гильф., № 80 и др.).

№ 45

ФА МФ. 393. 04; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 3, ед. хр. 181, 180 (б. ркп.); ПФМ, № 208 «Старина».

Зап. Э. И. Власовой, Ф. В. Соколовым 24 июля 1958 г.: д. Юрома Лешуконского р-на — от Бешенькиной Прасковьи Филипповны, 67 лет, Ружниковой Екатерины Федоровны, 79 лет, Пургиной Марии Ивановны, 77 лет.

Записано с пения. Запевала П. Ф. Бешенькина.

Примечания к фонограмме: ¹Сказительница начала первую строку со слова «Соби(раетце)», но после того как у нее сорвался голос, редуцировала пятисложное слово «собираетце» в четырехсложное «срежаетце». ²Между стихами 27 и 28 запевала произнесла сказом, без напева: «Ище ясному-ту со..., соколу пролету нет»; другая исполнительница ей вторила: «ище ясному соколу», припоминая продолжение текста былины. ³Здесь и далее неразборчивые реплики исполнительниц. ⁴Ср. № 46, ст. 55: «У окошечка не спрашивает ответчицка».

Со стиха 43, где кончилась фонограмма, былина печатается по тексту ед. хр. 181, который является: а) расшифровкой фонограммы, выполненной Э. И. Власовой (в отдельных деталях не совпадает с совре-

менной расшифровкой) — до стиха 43; б) окончанием былины, записанным «от руки». Данному исполнению, вероятно, предшествовало еще одно, текст которого не сохранился, о чем свидетельствуют следующие факты. В рукописи ед. хр. 181 после стиха 15 имеется строка «Прошло тому времечко — друга шесть лет», выделенная абзацем. Имеется помета собирательницы к стиху 67: «В первый раз пели „Выпиват ету чару да на единой дух”».

Ед. хр. 180 является дублем ед. хр. 181.

Повторно былина записана через два дня (см. № 46).

* * *

Несмотря на небольшой объем своего варианта, Бешенькина сохранила практически все специфические детали и формулы среднемезенской редакции былины (см. общую характеристику сюжета). Есть в ее тексте и более редкие мотивы, известные по единичным мезенским записям. Отлучка Добрыни объясняется его отъездом на охоту (механический перенос из «Добрыни и Змея»: в комментируемом варианте герой охотится 12 лет подряд — ср. предшествующий текст, а также контаминацию Ф. Рюмина, где этот мотив выглядит органичнее — № 10); на свадебный пир Добрыня прорывается силой, «не спрашивает крепка сторожа»; чару с вином принимает «одним пёрстышком» (ср. № 35, 36). Финал былины скомкан, но, судя по сохранившимся стихам (Алеша Попович хватается за саблю), он аналогичен вариантам ряда нижнемезенских сказителей (№ 10, 11).

№ 46

ФА МФ. 394. 08; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 154 (маш.) «Старина про Добрыню».

Зап. Н. П. Колпаковой, Ф. В. Соколовым 26 июля 1958 г.: д. Юрома Лешуконского р-на — от Бешенькиной Прасковьи Филипповны, 67 лет, Ружниковой Екатерины Федоровны, 79 лет, Пургиной Марии Ивановны, 77 лет.

Записано с пения. Запевала П. Ф. Бешенькина.

Повторная запись (см. № 45). Сравнение разновременных текстов свидетельствует о том, что варьирование формул незначительно.

Примечание: ¹Следует по смыслу «Алеше».

№ 47

ФА МФ. 427. 01; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 2, ед. хр. 262-6 (б. ркп.); ПФМ, № 207 «Про Добрыню Никитича».

Зап. В. В. Митрофановой, В. В. Коргузаловым 26 июля 1958 г.: д. Тиглява Лешуконского р-на — от Бешенькиной Марии Афанасьевны, 70 лет.

Записано с пения.

* * *

За исключением скомканного конца, вариант последовательно передает основные моменты среднемезенской редакции былины (см. общую характеристику сюжета), местами дословно совпадая с № 35—37. Отлучка Добрыни из дома мотивируется его отъездом на охоту еще в двух мезенских текстах (см. № 10, 45). Гиперболическое описание «богатырского шага» Добрыни (левой ногой стал на порог, а правой — на печной столб) аналогично спешному выходу Настасьи из-за свадебного стола в № 37, 40.

№ 48

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 131 (маш.); ПФМ, № 212 «Старина про Добрыню».

Зап. Н. П. Колпаковой 24 июля 1958 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Семена Федоровича, 70 лет.

В ркп. помета: «Напето речитативом».

* * *

Типичная для местной эпической традиции контаминация сюжетов «Добрыня и Змей» и «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». Как и в других мезенских вариантах, Добрыня во время боя не убивает Змея, а лишь срубает ему часть голов; окончательная расправа с врагом временно откладывается, а совершается она в нарушение данного богатырем слова. Вместо оружия Добрыня использует сапоги, в которые он «нагреб хрящу-камешку» (то же в № 14) — обычно в северо-восточных вариантах он побивает Змея камнем или колпаком. Второй сюжет изложен Поздяковым схематично, но и в этой части былины немало традиционных мотивов и формул. Обмен платьем с каликой перехожей непосредственно перед приходом Добрыни на пир мотивирован тем, что он живет в Рязани, а Алеша Попович — в Киеве (ср. № 49). Комментаторы ПФМ отмечали: «В текст включены отдельные мотивы из духовного стиха об Алексее человеке Божьем (рождение героя, поясок, данный им жене)» (ПФМ, с. 351).

№ 49

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 270 (маш.); ПФМ, № 206-а «Про Добрыню».

Зап. Н. П. Колпаковой 5 августа 1958 г.: д. Кимжа Мезенского р-на — от Немнюгиной Таисии Григорьевны, 65 лет.

Записано с пения.

Повторно в этот же день Н. П. Колпаковой и Ф. В. Соколовым записан на магнитофон фрагмент старины (ФА МФ. 404. 04; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 259 (маш.); ПМФ, № 206):

$\text{♩} = 88-92$

Уж как пре-ж(д)е Ря-знь да сло-бо-дой слы-ла,
И-ще нонь-че Ря-знь да сла-вят го-ро-дом.
Как во то-й(и) же Ря-за-ни, сла-вом го-ро-ди,
И-ще жи-л(ы)-был Ни-ки-туш-ка-не ста-ри-л(ы)-се,

Он не ста-рил-се, Ни - ки - туш - ка, - пре - ста - ви-л(ы) - се.

Как о - ста-лась у Ни - ки - туш - ки лю - ба се-м(и) - я,

Как лю - ба е-го семь - я - да мо - ло - да жо - на...

- Уж как преж(ы)де Рязань да слободой слыла,
 Ище ноньче Рязань да славят городом.
 Как во той(и) же Рязани, славном городи,
 Ище жил(ы)-был Никитушка — не старил(ы)се,
⁵ Он не старилсе, Никитушка, — преставил(ы)се.
 Как осталась у Никитушки люба сем(и)я,
 Как люба его семья — да молода жона,
 Молода его жона Омельфа Тимофеевна.
 Как осталось его да чадо милое,
¹⁰ А по имени Добрынюшка Никитич блад.
 Уж как рос тут Добрынюшка скорехонько:
 Еще стал тут ясен сокол на возлети,
 А Добрынюшка Никитич стал на возрасте.
 Он ведь стал тут Добрынюшка просить да родной матушки.
¹⁵ Он просил да благословеньица жонитисе,
 Он ведь брать за себя да Ульяну Микулишну...
 (У меня голоса не хватает!)

* * *

Обычный для мезенской традиции текст, примыкающий к тем вариантам, в которых действие приурочено к Рязани и Киеву, кратко сообщается о смерти отца Добрыни, мать сразу узнает сына, а Настасья обо всем догадывается по игре мнимого калики на гуслях, без предъявления обручального кольца (ср. № 10). В тексте Немнюгиной встречаются переносы из других сюжетов, но, скорее всего, исполнительница усвоила былинку уже в таком виде, поскольку аналогичные отклонения от традиции есть и в других вариантах. Сцена пира у князя Владимира, диалог Алеши с князем позаимствованы из «Дуная» (ср. № 10, 11), а встреча Добрыни с каликой по пути на свадебный пир — из «Ильи и Идолища» (ср. № 48).

№ 50

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 317 (маш.); ПФМ, № 210 «Про Добрыню».

Зап. Н. П. Колпаковой 10 августа 1958 г.: г. Мезень Мезенского р-на — от Паюсовой Афанасии Ефремовны, 80 лет.

Былина была спета. Повторно начало текста было записано Н. П. Колпаковой и Ф. В. Соколовым на магнитофонную ленту:

$\text{♩} = 88$

Ка-к(ы) же - нил_се наш Доб - ры - нюш(и).ка Ни - ки - тич мла_д
 Что на той ле на Нас - тась - и да Вах - ра - ме - ёв - ны.
 Со - би - ра_ит_це Доб - ры - нюш.ка во чис - то по - лё,
 О - ста_в(ы) - лял сво_ю кне - ги - ну да род - но_й(и) ма - ме_н(и) - ки:
 "Пой - ко_р(ы) - ми мо_ю кне - ги - нуш_ку яст - ва_ми са - хар_ны - ми,
 А уж как ты, мо_я кне - ги - нуш_ка, без ме - ня жи - ви!
 Про - жи - вёшь, мо_я кне - ги - на, да ров - но три го - да —
 А я ещ - шо про_шу про - жить те - бя дру - ги - е три..."

Как(ы) женился наш Добрынюш(и)ка Никитич млад

Что на той ле на Настасьи да Вахрамеевны.

Собираитце Добрынюшка во чисто полё,

Остав(ы)лял свою кнегинину да родной(и) мамен(и)ки:

«Пой-кор(ы)ми мою кнегинушку яствами сахарными,

А уж как ты, моя кнегинушка, без меня живи!

Проживёшь, моя кнегина, да ровно три года —

А я ешшо прошу прожить тебя другие три...»

(Вот тут как-то тридцать три-то ещё три года. Я ведь чего-то спутала!)

(ФА МФ. 406.01)

* * *

Текст зависим от книги. Некоторые оригинальные детали восходят к местной эпической традиции (описание спешного выхода Настасьи из-за свадебного стола в стихах 69—70 и, возможно, ее реакция на игру Добрыни-гусляра в стихах 66—68).

№ 51

ФА МФ. 434. 14; РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 2, ед. хр. 312 (б. ркп.); ПФМ, № 211 «Добрыня и Алеша».

Зап. В. В. Митрофановой, В. В. Коргузаловым 11 августа 1958 г.: пос. Каменка Мезенского р-на — от Кожевниковой Марии Исааковны, 63 лет.

Записано с пения.

Собирательница дала к третьей строке былины следующее примечание: «Начало Мария Исаковна присочинила, чтобы удобнее было начать петь на магнитофон». Далее к другой строке сделано другое примечание: «Как первые три строчки, так и до конца она сочиняла, вспоминая образы».

Примечание: ¹В оригинале оговорка исполнительницы: «во третьих пять лет».

* * *

Кожевникова конспективно пересказала сюжет, уложившись всего в 24 стиха и сумев сохранить приметы традиционного былинного стиля. «Исполненный фрагмент имеет сходство с былиной, записанной Григорьевым (...) от деда М. И. Кожевниковой И. И. Рассолова» (ПФМ, с. 351) — см. № 32 наст. изд.

№ 52

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 4, ед. хр. 7, л. 1 об.—3 (б. ркп.) [«Добрыня и Алеша»].

Зап. В. В. Митрофановой 15 июня 1961 г.: д. Лебское Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Егора Трофимовича, 70 лет, и О(А)ксенова Луки Трофимовича, 76 лет.

Припоминание сюжета. По определению собирательницы, «репетиция»: братья вспоминали по очереди, подсказывая друг другу.

В рукописи текст искусственно разбит на стихи. В наст. изд. дается в прозаическом виде.

Имеются повторные записи сюжета (см. № 53, 54).

№ 53

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 4, ед. хр. 7, л. 3—6 (б. ркп.); ПФМ, № 209 «Про Добрыню Никитича».

Зап. В. В. Митрофановой, В. В. Коргузаловым 16 июня 1961 г.: д. Лебское Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Егора Трофимовича, 70 лет.

Повторная запись сюжета (см. № 52).

Примечания: ¹«Да» вписано карандашом. ²«И» вписано карандашом. ³«Бат» вписано карандашом. ⁴Сначала записано «дороги прямоезжие», затем карандашом исправлено. ⁵«И» исправлено из первоначального варианта «Вскоро». Происхождение карандашных исправлений неясно. ⁶Оговорка исполнителя; надо: «Никулишна».

* * *

Текст зависим от книги, никаких точек соприкосновения с устной былинной традицией Мезени не имеет. Подробнее см.: Новиков, 2001, с. 70.

№ 54

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 4, ед. хр. 7, л. 7—10 об. «Добрыня Никитич млад».

Самозапись сказителя О(А)ксенова Егора Трофимовича, 70 лет, из д. Лебское Лешуконского р-на; сделана 17 июня 1961 г.

Текст записан карандашом. В некоторых фрагментах нет разбивки на стихи. В этих случаях деление на стихи сделано составителем. В тексте имеются многочисленные орфографические ошибки. Те из них, которые, по мнению составителя, не связаны с диалектными особенностями речи сказителя, исправлены.

Данный текст представляет собой третий акт исполнения былины (см. № 52, 53). Сравнение трех разновременных вариантов показывает, что сказитель, не без труда вспомнив текст при первом исполнении (см. № 52), затем повторял его довольно твердо. Композиция былины неизменна. Набор формул стабилен.

Примечания: ¹В значении «пить».

№ 55—57

Архив ИЭ АН СССР (Москва), Материалы архангельской группы 1971 г., звукозапись [«Добрыня и Алеша»].

Зап. С. И. Дмитриевой: д. Кимжа Мезенского р-на — от Немнюгиной Таисии Григорьевны, 79 лет.

Былина записана на пленку трижды (первая запись — не до конца).

Разноречия вариантов многочисленны, хотя и малосущественны.

* * *

Повторная запись, сделанная спустя 13 лет после первой встречи собирателей с Т. Немнюгиной (см. № 49). Разноречия между текстами незначительны — певица опустила эпизод переодевания Добрыни в платье калики перехожего (ст. 103—111 в первом варианте), а также отдельные второстепенные детали в описаниях (ст. 43, 82—83), отказалась от одного из необязательных повторов (ст. 74—77). Некоторые эпизоды в повторной записи расширены за счет введения дополнительных монологов (просьба Добрыни о материнском благословении на женитьбу в стихах 15—19, княжеское поручение богатырю биться «со врагом да с неприятелем» в стихах 28—31). К традиционному имени отца Добрыни Никитушка добавлено второе имя (или отчество?) Александрушко; изменены хронологические указания (с момента свадьбы до отъезда Добрыни проходит два, а не три года; богатырь наказывает жене ждать его два по семь лет, а не по шесть).

№ 58

ЛУР, 75/62, 1 дор., № 05; МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 4 (ФЭ-10: 4496—4498) «Женитьба Алеши».

Зап. Л. Мироныхиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на — от Анфимовой Татьяны Ивановны, 82 лет.

Записано с пения; исполнительница сбивалась (отмечено отточиями).

Примечания: ¹Соб.: «Напойте!» ²Исп.: «Что-то у меня не справно выходит». ³Исп. смеется: «Вот у меня тут несладно выходит... А я тут... я уже скажу, как зашел он». ⁴Исп.: «Тут у меня несладно... у меня никак не выйдет». ⁵Исп. смеется.

* * *

Последний по времени записи сравнительно полный вариант этой былины. Начальные сцены в нем опущены, но далее действие развивается по традиционной схеме, события излагаются подробно, сохранены не только общеупотребительные на Мезени детали и формулы, но и некоторые редкие мотивы. Стремясь до поры оставаться неузнанным, Добрыня просит мать принести ему для переодевания каликой «не самое лучшее, хоть самое худшее» — ср. № 35, 38; выразительно описаны попытка Алеши расправиться с Добрыней и решительное вмешательство Ильи Муромца (ср. № 10, 25), причем вариант Анфимовой дополняет старые записи интересным поэтическим образом — Илья иронически советует Алеше: «Не летай ты, ворона, да ясным соколом...». Текст Анфимовой по многим параметрам ближе всего к варианту И. А. Чупова (см. № 34). Есть в нем и признаки разрушения — жена Добрыни названа «Апраксеей-королевишной» (то же в № 10, 60), узнает она Добрыню по «имянному клейму» на носовом платке.

№ 59

ЛУР, 75/62, 1 дор., № 03; МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 8 (ФЭ-10: 4412—4416) «Женитьба Алеши».

Зап. Л. Миронихиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на — от Анфимовой Татьяны Ивановны, 82 лет.

Примечания: ¹Былина пересказывалась как непосредственное продолжение былины «Бой Добрыни с Ильей» (№ 239), где Илья, сообщив о смерти Добрыни, идет сватать Добрынину жену за Алешу. ²Это слово отсутствует в звукозаписи, восстановлено по смыслу. ³Исп. смеется.

* * *

Запись, дополняющая спетый вариант той же исполнительницы интересной подробностью: когда слуги обносят гостей чарками, Илья Муромец замечает Добрыню в наряде калики и говорит: «Ударьте палкой, да не обнесите чаркой». Видимо, это — бытовая пословица, перенесенная в пересказ былины.

№ 60

ЛУР, 76/87, 1 дор., № 14; МГУ, 1975, п. 1, т. 14, № 3 (ФЭ-10: 4488—4489) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

Зап. И. Жуковой, Т. Кривошаповой, И. Воюшиной в июле 1975 г.: д. Кильца Мезенского р-на — от Барашковой Мирославны Владимировны, 69 лет.

Исполнительница сбивалась (отмечено отточиями).

М. В. Барашкова знает былинку от матери, Клавдии Ивановны Склеминой, в девичестве Чуповой.

* * *

Фрагментарный текст, сохраняющий ряд специфических мотивов и подробностей мезенских обработок сюжета (Добрыня называет Алешу своим «злым неприятелем»; жена узнает его по перстню, неудачливого жениха иронически поздравляют с женитьбой). Вопреки традиции, жена героя именуется «Апраксией» (ср. № 10, 58, 59). Исполнительница — правнучка А. П. и И. Е. Чуповых, от которых записывал Григорьев, но былина «Добрыня и Алеша» в их репертуар не входила.

№ 61

МГУ, 1975, п. 1, т. 11, № 1 (ФЭ-10: 4462—4463) «Добрыня и Алеша».

Зап. Г. И. Трубицыной, Е. Л. Калакуцкой в июле 1975 г.: д. Тиглява Мезенского р-на — от Макаровой Марии Михайловны, 78 лет.

По словам исполнительницы, она пела эту былину вместе с Ульяной Петровной Парыгиной, проживающей в настоящее время в пос. Каменка.

* * *

Фрагментарный текст, в котором стихотворные отрывки дополняются прозаическим пересказом событий. Исполнительница использовала ряд характерных для местной традиции мотивов и подробностей (текст причитания матери богатыря, узнавание его по бородавке под правой рукой, реакция Настасьи на игру Добрыни, заключительная реплика, адресованная незадачливому жениху). Традиционные гусли заменила «гармония».

Примечание: ¹В вариантах обычно упоминание «родима пятнышка» (см. № 64, 65).

№ 62

МГУ, 1975, п. 1, т. 15, № 5 (ФЭ-10: 4500—4501) «Про Алешу Поповича».

Зап. А. Роговой, Л. Денисовой в июле 1975 г.: д. Тиглява Мезенского р-на — от Парыгиной Аксиньи Яковлевны, 74 лет.

Примечания: ¹Пропуск в ркп. ²В ркп. «на песней» — явная описка.

* * *

Стихотворные фрагменты из быliny, перемежающиеся прозаическим изложением эпизодов. Начальные строки, формула запрета Настасье выходить замуж за Алешу Поповича, узнавание героя матерью по особой примете под правой пазухой позволяют отнести текст к среднемезенской редакции (см. общую характеристику сюжета). Как и в большинстве мезенских вариантов, Добрыня-гуслиар садится на печной столб, жена узнает его по игре.

№ 63

ЛУР, 76/86, 1 дор., № 02; МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 3 (ФЭ-10: 4474—4477) «Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

Зап. И. Одинцовой, А. Массарани в июле 1975 г.: д. Печище Мезенского р-на — от Суднова Степана Андреевича, 76 лет.

Записано со сказа; исполнитель вспоминал с трудом, по временам сбивался (отмечено отточиями), делал паузы.

Примечания: ¹Исп.: «Ай, не записано ладно, аль можно и так?» ²Исп.: «Так записываете?» ³Исп. смеется.

* * *

Текст зависим от книги, с устной традицией Мезени не связан. Подробнее см.: Новиков, 2001, с. 73.

№ 64

МГУ, 1978, т. 1, № 1 (ФЭ-11: 8875—8882).

Зап. В. И. Харитоновой в январе 1978 г.: д. Лебское Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Егора Трофимовича, 87 лет.

По свидетельству собирательницы, Е. Т. О(А)ксенов знает былину из книги.

В тексте, имеющем немало прозаизмов, уточнена стиховая разбивка в строках 81—86 и 173—175.

Примечания: ¹Далее исп. начал: «Несите ему...», затем поправился. ²Первоначально было: «Он и говорит». ³Первоначально было «„И вот, дай мне-ка“...» ⁴Исп. забыл текст. ⁵Далее исп. начал: «Не приехал бы...», потом поправился. ⁶Первоначально было: «Дай-ко-ся ты...» ⁷Первоначально было: «Первое место...» ⁸Первоначально было: «Подает чарочку своей...» ⁹Ошибка певца. Следовало бы: «супротив» (см. № 65, ст. 199). ¹⁰Разг.: «давеча».

№ 65

МГУ, 1978, т. 1, № 5 (ФЭ-11: 8887—8893) «Про Добрыню Никитича».

Зап. В. И. Харитоновой в январе 1978 г.: д. Лебское Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Егора Трофимовича, 87 лет.

Былина записана с голоса.

Примечание: ¹В оригинале звучало: «Ему».

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 66—67)

В отличие от Печорского региона, где многие записи былины об исцелении богатыря-сидня содержат оригинальные мотивы и подробности, на Мезени преобладает стандартная общерусская редакция этого сюжета, на формирование и распространение которой большое влияние оказали лубочные пересказы и другие популярные издания былин конца XIX—начала XX в. (подробнее см. об этом: СБ 1, с. 680). Зависимость от книжных источников обнаруживается уже в записях А. Д. Григорьева (см. коммент. к № 66). Не исключено, что в мезенской прототрадиции этот сюжет вообще мог отсутствовать. В соседнем Кулойском регионе, эпическая традиция которого родственна мезенской по происхождению, но была меньше подвержена внешним воздействиям, «Исцеление Ильи Муромца» не зафиксировано собирателями. Как и в других районах, в мезенских вариантах былины нередко встречаются заимствования из сказочно-легендарного фольклора: сразу после чудесного исцеления или еще до болезни Илья Муромец необычным способом демонстрирует свою силу: он «спихнул холм» возле своей деревни, дома «печку отпихнул» ногой, от его богатырского удара рушится угол в избе и т. п. — см. № 69, 73, 267. Аналогичный по содержанию мотив есть в одном из текстов сборника П. В. Киреевского, записанном в Архангельском уезде: Илья поднял на поветь огромный чан с пивом, с которым не могли справиться 7—8 человек (Кир., 4, с. 1).

№ 66

Гр. III, № 50(354) «Исцеление Ильи М(уромца), встреча его со Святогором и смерть последнего».

Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от слепца Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹рассказ об исцелении Ильи М(уромца) Ермолай слышал рассказом. Поэтому ранее он только рассказывал об этом, а не пел; теперь же он пропел это только ввиду моей настойчивой просьбы; ²певец сначала пропел «Цернигови», но потом исправил это на «Муроме»; ³«конь селеточек», по объяснению певца, — конь «этого года», т. е. родившийся в этом году жеребенок; ⁴«щель», по объяснению певца, — высокий берег с камнями под почвой.

* * *

Контаминация сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» и «Святогор и Илья»; первую былину Е. В. Рассолов «слыхал рассказом» и пропел ее в ответ на настоятельные просьбы собирателя (Гр. III, с. 278). Именно в этой части его текст определенно зависим от книги, так как компилятивен по характеру, соединяет редкие и уникальные элементы старых записей, сделанных в разных районах. Илью исцеляют калики перехожие, а не «старцы», «странники», «сиротина», как в других мезенских вариантах; они делают вид, что не верят в убожество богатыря-сидня: «ставай... нас не оманывай» (первоисточник — симбирский вариант в сборнике П. В. Киреевского — Кир., 1, с. 1); советуют, как выходить богатырского коня (ср. Рыбн., № 2, 51), не рекомендуют биться с Самсоном и Святогором (ср. Рыбн., № 51, 190), а затем исчезают («калики потерялись» — ср. Рыбн., № 51). С одной из нижегородских записей (Кир., 1, с. 34) связана формула отцовского наказа отъезжавшему богатырю (ст. 116—119), хотя конкретное содержание ее сказитель изменил (вместо «не помысли злом на татарина» — «не шшади-ка в поли всё татарина»). Эти мотивы и подробности в разных сочетаниях встречаются в большинстве популярных сборников былин и хрестоматий конца XIX—начала XX в., а в одном из них содержатся все отмеченные выше оригинальные элементы варианта Е. Рассолова (Русские народные былины: Илья Муромец, крестьянский сын: По сборникам Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга / Сост. В. и Л. Р-н. М.: Типография товарищества И. Д. Сыгина, 1884. С. 5—9). В репертуаре сказителя есть еще одна контаминированная былина, восходящая к книжному источнику (см. № 107).

Вторая часть текста (сюжет «Святогор и Илья Муромец») содержит ряд мотивов, характерных для печорской и мезенской традиций (ангелы «строят домовище» для Святогора; нет попыток Святогора хитростью извести своего спутника; нарушив запрет умирающего богатыря, Илья получает такую чудовищную силу, что не может с ней совладать и рвет с корнями дерева, чтобы избавиться от избыточной силы).

№ 66а

Гр. III, нотный раздел, № 28.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 25 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок — от Рассолова Ермолая Васильевича (исполнитель из д. Печище). Текст былины — см. № 66.

№ 67

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 11 об.—22 (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 9, л. 6 об.—14; Аст. 1, № 47 «Про Илью Муромца».

Зап. А. М. Астаховой 12 июля 1928 г.: д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на — от Иванова Филиппа Васильевича, 74 лет.

Былина была сказана. «Эту после дедушки я уже рассказью рассказывал, а дедка как будто пел», — пояснял Ф. В. Иванов (к. 5, п. 14, л. 11 об.).

Примечания: ¹В п. з. «10»; в б. ркп. «десети»; печ. по изд. ²Далее в п. з. зачеркнуто: «город разграбити». ³В п. з. «богатырская», что считаем опiskeй; печ. по б. ркп. ⁴В п. з. первоначально «прямая». ⁵В п. з. числительное обозначено цифрой; в б. ркп. вместо буквенного сочетания «дца» в корне слова — «цце»; печ. по изд. ⁶В п. з. сокращение «в-его», сверху подписано «ронь» (вероятно, ошибочно вместо — «оронь»); печ. по б. ркп. ⁷В п. з. «б-ому»; в б. ркп. «дубовому» со знаком вопроса; печ. по изд. ⁸В изд. «богатырский». ⁹В п. з. ударение в слове не проставлено; печ. по изд. ¹⁰В изд. «на взвоз». ¹¹В п. з. окончание в слове написано неразборчиво; в б. ркп. над окончанием -ый — знак вопроса; печ. по изд. ¹²В п. з. первоначально «церковные». ¹³В п. з. «помянялись»; печ. по б. ркп.

* * *

Побывальщина В. Иванова в основном повторяет сюжетную схему контаминированного лубочного пересказа (БЭП, № 20), но некоторые детали и формулы связаны с устной традицией Мезени. Поначалу исполнитель пытался выдержать стихотворный строй и подобие ритма (ст. 1—32), однако и здесь прозаическая первооснова текста сомнений не вызывает — даже типичные для мезенских былин формулы потеряли свою чеканность (см. ст. 19—20, 24—25, 28—31). Как и в лубочном пересказе, исцеление богатыря не связывается с каликами перехожими или старцами: «чудо» происходит как бы само собой на 31-м году жизни героя. В рассказе об исцелении Ильи и его столкновении с разбойниками Иванов сохранил многие лексические особенности печатного прототекста (ст. 7, 10, 18, 21—23 и др.); почти полностью совпадает с лубочным пересказом заключительный диалог богатыря с разбойниками (ст. 27—31). В сюжете «Илья и Соловей» с местной традицией связаны лишь отдельные подробности (дочь Соловья смотрит «в трубочку подзорную», зятя зовут Илью «пиво-вару пить»; Соловей отказывается исполнять приказы Добрыни и Алеши — «не ваше пью-кушаю, не вас и слушаю»). Зависимость этой части текста от печатного первоисточника гораздо сильнее, она проявляется и на уровне сюжетообразующих мотивов (освобождение окруженного «силой басурманской» города Чернигова; княжеское поручение Добрыне и Алеше проверить, действительно ли Илья Муромец привез пленного Соловья-разбойника), и на лексическом уровне («не дразните такова сильного богатыря», «таких неверных слуг не люблю» и др.). О знакомстве исполнителя с лубочными изданиями свидетельствует его ремарка по поводу гнезда Соловья-разбойника: «В картинках Вы не видали?» К печатному прототексту восходит и та часть побывальщины, в которой повествуется о победе Ильи Муромца над Идолищем (описание стычки богатыря с каликой, подробности рассказа об обжорстве Идолища и др.). Вместе с тем некоторые детали, видимо, связаны с местной традицией (в Киеве запрещено просить милостыню «ради Христа», велено просить «ради поганого Издолища» — ср. № 1, 74, 75). Вероятнее всего, к устной традиции восходит и заключительная часть текста (сюжет «Илья и Калин», осложненный мотивами ссоры богатыря с князем Владимиром, но без обычной для Мезени контаминации с «Камским побоищем»); наиболее близкие параллели к ней находим в одной из записей Григорьева (№ 94). «Книгу Евангелье», которую читает заключенный в подземелье Илья Муромец, упоминают некоторые мезенские сказители (отец и сын Антоновы — № 96, 314). Благодарный за спасение от смерти Илья называет княгиню Апраксию второй матерью — ср. один из печорских вариантов (СБ 1, № 102). В краткой фразе «Уговорил полки(...)» содержится намек на целый комплекс мотивов, характерный для первой версии сюжета («Илья, Самсон и Калин»), не свойственной мезенской традиции; видимо, здесь вновь сказалось знакомство исполнителя с популярными изданиями былин и их пересказов.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 68—73)

В былинном репертуаре Мезени сюжет занимает сравнительно скромное место, к тому же многие тексты, в том числе и одна запись А. Д. Григорьева, испытали заметное влияние книжных источников (см. № 68, 69, 70, 71, 73, 284). В устных по происхождению вариантах преобладает тот же композиционный тип, что и на Печоре: комментируемый сюжет соединен с сюжетом «Илья Муромец и разбойники», подробно рассказывается о столкновении богатыря с родственниками Соловья-разбойника, обычно не упоминается об освобождении от врагов русского города. Последний эпизод есть лишь в одном кратком пересказе поздней записи — № 261, однако название города Чернигова встречается довольно часто (см. № 68, 69, 72). В других смежных с Мезенью районах (Кулой, Зимний Берег, Пинега) обычно рассказывается об освобождении русского города и нет эпизода с разбойниками.

№ 68

Гр. III, №8(312) «Первая поездка Ильи Муромца (Встреча с разбойниками и укрощение Соловья-разбойника)».

Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тярсова Василия Яковлевича, 55 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹(в ркп.) «разбайницёк»; ²(в ркп.) «белогу»; ³«испохабити», по объяснению певца, то же, что «бить и грабити»; ⁴(в изд. Гр. «седатое»); ⁵«шубочки» (первые две буквы после «о» не ясны); ⁶ср. в Словаре обл. арханг. нареч. А. Подвысоцкого из Кемск. у.: «ляяло» — форма для литья пуль; ⁷«ч» из «ц»; ⁸(в ркп.) «старой-он»; ⁹(в ркп.) «по зверинному»; ¹⁰«г» из «в»; ¹¹«о» похоже на «а»; ¹²«в» из «ф»; ¹³второе «ч» из «ц»; ¹⁴«и» после «М» из «е»; ¹⁵«е» из «и»; ¹⁶(в ркп.) Соловеюшко; ¹⁷(второй) «ь» из «е».

* * *

В былине В. Тярсова наиболее полно представлены особенности местной эпической традиции. Уже в начале произведения не только описана перекрытая Соловьем-разбойником «дорожка прямоезжая», но и говорится, что Илья Муромец положил заповедь за день проехать этой дорогой и привезти Соловья-разбойника в «красен Киев-град». Благодаря этому сюжет «Илья и разбойники», предшествующий поединку героя с главным противником, органично вплетается в ткань повествования, превращаясь в рассказ о предварительном испытании богатыря. Былина исполнена в лучших традициях классического формульного стиля, насыщена развернутыми описаниями (ст. 4—9, 19—33 и др.), повторами разных типов, лексическими архаизмами. Некоторые формулы и подробности, использованные Тярсовым, не встречаются в других мезенских текстах. Это — портрет Ильи Муромца и описание внешнего вида богатырского коня (ст. 34—41), близкие по характеру к формулам в пинежских записях былины «Илья и разбойники» (ср. Гр. I, № 117(153), 119(155) и др.); описание чудесных стрел с «каменьём самоцветным» (ст. 79—84; в мезенских вариантах «Дюка» такой формулы нет); рассказ о том, как Илья расчищает заросшую за тридцать лет «дорожецьку прямохожую» (ст. 96—102). Есть в тексте отдельные алогизмы. Былина посвящена первой поездке Ильи Муромца, в Киеве его никто не знает, а при встрече с разбойниками богатырь хвастает шубой, подаренной ему князем Владимиром (ст. 61—71). Это можно истолковать как свидетельство сравнительно позднего включения данной формулы (если не всего эпизода с разбойниками) в сюжет «Илья и Соловей». Обещание богатыря пленить Соловья-разбойника не вяжется с его зарокон не пользоваться в пути оружием (обычно Илья связывает себя «заповедью великой», ничего не зная о предстоящих опасностях). В некоторых фрагментах былины обнаруживается поразительная близость к тексту из сборника Кирши Данилова (№ 25) как по содержанию, так и на конкретно-языковом уровне: ст. 17—18, 110, 146, 201—207, 236, 243, 244—245, 248. В основном — это общеупотребительные на европейском Севере России формулы и словосочетания, но обилие буквальных совпадений с вариантом XVIII столетия вряд ли можно объяснить случайностью. В другой былине Тярсова — «Илья и Сокольник» (см. № 76) находим еще одну параллель к сборнику Кирши Данилова: «И разбилсэ Подсокольницёк во крошецьки» (ср. КД, № 6, 25, 26).

№ 68а

Гр. III, нотный раздел, № 7.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора — от Тярсова Василия Яковлевича. Текст былины — см. № 68.

№ 69

Гр. III, № 89(393) «Исцеление и первая поездка Ильи Муромца».

Зап. А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. Азаполё — от Авдушева Якова Тихоновича, 63 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«Однежжа» (=«однажды») употребляется, по словам певца, только в старине; ²«пошингивать» — «задевать» и употребляется еще и теперь.

* * *

Контаминация былин об исцелении Ильи Муромца, о встрече его с разбойниками и победе над Соловьем-разбойником. Первый сюжет изложен настолько схематично, что о самостоятельном его существовании в таком виде не может быть и речи: он превратился в начальный эпизод рассказа о первой богатырской поездке Ильи Муромца, что подчеркнуто и композиционными средствами (текст начинается упоминанием «запавшей» прямоезжей дороги между Киевом и Черниговом). Как и в большинстве поздних мезенских записей, Илью исцеляет «старый человек», а не калики перехожие. Оригинально сравнение богатыря-сидня с пнем, «сидящим» у дороги (ст. 8—9). Сюжет «Илья и разбойники» близок к варианту В. Тяросова (см. № 68), но изложен схематично, без развернутых описаний и повторов; характер расправы с разбойниками нетрадиционен. Как и в былине Тяросова, впервые выехавший из дома богатырь упоминает шубу, подаренную ему князем Владимиром; есть и другие параллели композиционного плана. О близком родстве этих вариантов свидетельствует и развитие событий в последней части текста (сюжет «Илья и Соловей-разбойник»), но у Я. Авдушева нет отмеченных в былине В. Тяросова переключек со сборником Кириши Данилова.

№ 69а

Гр. III, нотный раздел, № 49.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. Азаполё — от Авдушева Якова Тихоновича. Текст былины — см. № 69.

№ 70

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 60 об.—70 (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 13, л. 118—123; Аст. 1, № 32 «Илья Муромец».

Зап. А. М. Астаховой 5 июля 1928 г.: д. Белошцелье Лешуконского р-на — от Семенова Максима Васильевича, 59 лет.

Былина была спета, но пение прерывалось прозаическими вставками и пояснительными замечаниями сказителя. М. В. Семенов не смог припомнить, усвоил он былинку из устной традиции или из книг: «Должно, эту из книги, а может, и так слышал» (п. з., л. 70 об.).

Примечания: ¹В п. з. против стиха помета Аст.: «После того, как я спросила». ²В п. з. первоначально «сточную» и рядом знак вопроса; позже (вероятно, после уточнения у исп.) вписано «о» и зачеркнут знак вопроса. ³В п. з. «всточную»; печ. по б. ркп. и изд., учитывая написание слова в предыдущем стихе. ⁴Стих не спет, а сказан (примеч. Аст.); вероятно, были сказаны и некоторые другие стихи. ⁵В п. з. ударение в слове отсутствует; печ. по изд. ⁶Далее в п. з. зачеркнут начатый стих: «А поехал он уда...» ⁷Стих сказан. После стиха в п. з. замечание исп.: «Тут можно это и не писать». ⁸Далее в п. з. оставлено место для так и не зафиксированной ремарки исп. ⁹В п. з. часть ремарки (заключенная нами в квадратные скобки) не дописана; в б. ркп. ремарка отсутствует; печ. по изд. ¹⁰В п. з. сокращение «С-ю-шко», что считаем опиской; в б. ркп. при слове знак вопроса; печ. по изд. ¹¹В п. з. конец слова неразборчив, но отчетливо зафиксировано «подбросив»; в б. ркп. и изд. неточно: «подбросил».

* * *

Книжный по происхождению вариант; в основном восходит к тексту из сборника Авенариуса (с. 85), лишь отдельные детали и формулы связаны с местной эпической традицией. Первоисточники — былины прионежских сказителей Т. Рябилина, Фепопова, сборник Кирши Данилова, ряд вариантов из сборника Кнреевского. (Подробнее см.: Новиков, 2000, с. 306; Новиков, 2001, с. 96).

№ 71

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 129 об.—131 об., ед. хр. 5, л. 2—10 (п. з.); б. ркп. — там же, к. 6, п. 8, ед. хр. 4, л. 32—37; Аст. 1, № 28 «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Зап. А. М. Астаховой 6 июля 1928 г.: д. Белошелье Лешуконского р-на — от Семенова Никифора Калиновича, 75 лет.

По свидетельству собирательницы, эту былинку Н. К. Семенов помнил уже нетвердо, спеть не смог, сказал словами.

Примечания: ¹В п. з. можно прочесть и как «ле», и как «он», и как «не»; в б. ркп. — «не» под вопросом; печ. по изд. ²В п. з. и б. ркп. «заревет» — видимо, слово осталось недописанным; печ. по изд. ³В п. з. и б. ркп. над конечным «ч» надписано «ц»; в изд. «Муромец».

* * *

Один из примеров соединения прозаической побывальщины об исцелении Ильи Муромца со стихотворным вариантом другой былины об этом эпическом герое, что свидетельствует о преимущественно прозаической форме бытования первого сюжета на Мезени. Рассказ об исцелении Ильи Муромца лишен каких-либо оригинальных моментов. Замечание А. М. Астаховой о том, что былины Н. Семенова «заметно отходят от традиционных мезенских типов» (Аст. 1, с. 235), в полной мере относится ко второй части данного текста — сюжету «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Здесь нет обычного для мезенских вариантов предварительного испытания героя — описания его встречи со станичниками. Вместе с тем сказитель явно слышал (или читал) об освобождении богатырем осажденного города; хотя этот эпизод в былинке отсутствует, но следы его сохранились: Илья спрашивает о прямоезжей дороге «в деревне да во Черниговке». Данный эпизод не характерен для эпической традиции Мезени (см. общую характеристику сюжета). В варианте Н. Семенова немало отличий от других мезенских записей и в подробностях изложения, в эпической стилистике. Многие из них, видимо, обусловлены «широким общением исполнителя в былые годы не только с мезенцами» (Аст. 1, с. 235), но не исключено также влияние книжных источников. Некоторые формулы в былинке Семенова почти буквально повторяют соответствующие фрагменты из сборника Кирши Данилова.

Н. Семенов

Во очак-то детинка да завираетце!
Уж где ему проехать дорожка-то премоеждея!
Залегла та ведь дорожецка тридцет лет
От того-то Соловьа нонь да разбойника <...>
Все кнезья-бберы да испугалисе,

На карачках по двору да напользалисе,
А Илья Муромец (ошибочно!) с кнегиной да Опраксейей
Едва живыи стоят <...>
Ищэ эта нам шуточка не надобна:
Ты уйми Соловьа ноньче розбойника!

Кирша Данилов, № 49

В очах детина завирается,
 А где ему проехать дорогою прямоезжею,
 Залегла та дорога тридцать лет
 От того Соловья-разбойника <...>
 А князи и бояра испужались,

На карачках по двору напоззалися <...>
 А Владимир-князь едва жив стоит
 Со душой княгиней Апраксевной <...>
 Уйми ты Соловья-разбойника;
 А и эта шутка нам не надобна!

К другим былинам из этого же сборника восходят подробности расправы богатыря с Соловьем-разбойником («росшиб он его <...> в крошечки» — ср. КД, № 6, 25, 26). В описании свиста Соловья-разбойника обнаруживается близкая параллель к двум пудожским вариантам старой записи («замызгал собака да по-собачьему» — ср. Рыбн., № 116 и в слегка измененном виде — № 139).

№ 72

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 49 об.—58 об. (п. з.); б. ркп. — там же, ед. хр. 9, л. 19 об.—23; Аст. 1, № 39 «Еще ехал Илеюшка из Цернигова».

Зап. А. М. Астаховой 13 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздыкова Ивана Ивановича, 57 лет.

Запись текста произведена во время пения.

Примечания: ¹На конце слова чаще «а», иногда «о» (примеч. Аст. — п. з., л. 58 об.). ²Далее в п. з. зачеркнуто: «Как приехал И(ле)юшка в стольный Киѳв-град, / Он приехал к обедни воскресеньскую, / Он». ³В п. з. при слове знак вопроса. ⁴Далее в п. з. зачеркнуто: «Тогда свалилса Соловей-розбойник с гнезда с девяти дубов». ⁵Далее в п. з. зачеркнуто: «Вот тогда князь отошол прочь». ⁶Стих сказан, а не спет (примеч. Аст.). ⁷Далее зачеркнуты стихи: «Тогда подошол В(ладим)ер-князь к И(ле)юшке / И сказал т(аков)о слово: / «Ну, гость, пойдѳм пообедать»; см. также примеч. б. ⁸В б. ркп. и изд. слово «уже» отсутствует; печ. по п. з., но остаются сомнения в точности ее прочтения: в п. з. слово «уже», отмеченное слева скобкой, надписано над сочетанием «ко дому», помеченным снизу дугой. ⁹Вместо этого стиха в п. з. первоначально: «Но садись-ко, гость, пообедати. / Тут и брал князь <...>». ¹⁰Вместо этого стиха в п. з. первоначально: «Тут и брал Илеюшка, выпивал эту братыню за единый <...>»; рядом — знак вопроса. ¹¹Далее в п. з. начало какого-то стиха, недописанного или недопетого: «Ах ты <...>». ¹²В п. з. рядом со стихом помета Аст.: «Прибавка потом». ¹³В п. з. первоначально после «р» — «е», переправленное затем на «и», но сверху опять написано «е»; печ. по б. ркп. ¹⁴Вариант при пении: «Ах, ты выпил винця дорого[го] же» (примеч. Аст.); в п. з. вместо «дорогого» — «дорого»; слово вызвало сомнение у Аст.: в б. ркп. «дорого»; вариант дан по изд. ¹⁵В п. з. против стиха знак вопроса; вариант при пении: «Вы посмотрите у меня таково гостя» (примеч. Аст.). ¹⁶В п. з. слово дано в сокращении; печ. по б. ркп., но остается под сомнением: «е» или «ь» в корне слова; в изд. «ь». ¹⁷В п. з. и б. ркп. пропуск; в п. з. зачеркнуто: «Ах, Илеюшка»; ниже начато и зачеркнуто: «Илеюшко»; печ. по изд. ¹⁸Вариант при пении: «Говорил Илеюшко таково слово» (примеч. Аст.). ¹⁹Вариант при пении: «Станови-ко, Соловьешко, свиста же!» (примеч. Аст.). ²⁰Далее в п. з. примечание исп.: «Я прокинул тут: когда Соловей надувалса во весь свист — князь сказал: „Уйми ты Соловья! Буд(ем?) мы?» сами стари(кам(ки)?)», старый казак Илья Муромец”»; в б. ркп. на месте с трудом прочитываемых слов и их частей — пропуски.

* * *

Традиционный в своей основе текст, но обычная для Мезени сюжетная схема былины заметно упрощена: нет встречи с разбойниками, покушения на Илью Муромца дочерей Соловья-разбойника. Вместе с тем сохранены некоторые детали и подробности, редкие или вообще отсутствующие в других мезенских за-

писях. Это — заговаривание стрелы в стихах 23—26 (данный мотив есть в былинах М. Антонова и Е. Лешукова о трех поездках Ильи — № 108, 2, но содержание формул иное); приезд Ильи Муромца в церковь во время богослужения, а не к терему князя Владимира; любопытное с точки зрения исторической этикетности указание на «иерархию мест» за княжеским столом (ст. 62—66); краткое упоминание о разрушении старых строений от свиста Соловья-разбойника. Укор богатыря князю Владимиру, приступившему к расспросам во время обедни (ст. 44—47), видимо, перенесен из местной редакции «Дюка».

№ 73

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 1, л. 91 об.—98 (п. з.); б. рkp. — там же, ед. хр. 13, л. 66—70 об.; Аст. 1, прилож. 1 [«Илья Муромец и Соловей-разбойник»].

Зап. А. М. Астаховой 24 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Филиппа Васильевича, 40 лет.

Примечания: ¹В п. з. неясно: «протягивай» или «протягай»; печ. по б. рkp. ²В п. з. слово не дописано; печ. по б. рkp.; возможна иная реконструкция: «глубок» или «глубокой». ³В п. з. конец слова не дописан; возможно, здесь предполагалось окончание -его (ср. ст. 14, где это слово было зафиксировано в п. з. полностью); печ. по б. рkp. ⁴В п. з. «говоря»; вероятно, слово осталось недописанным; печ. по б. рkp. ⁵В п. з. слово не дописано; вполне возможно, что здесь была использована полная форма прилагательного; печ. по б. рkp. ⁶В п. з. на месте слова — прочерк; в б. рkp. «кланяетце», рядом знак вопроса; печ. по изд. ⁷В п. з. слово написано неразборчиво; в б. рkp. при слове знак вопроса; печ. по изд. ⁸В п. з. «А он закричал во весь свист»; остальные слова надписаны сверху.

* * *

Характеризуя побывальщины Ф. Гольчикова, А. М. Астахова указывала, что он усвоил их от стариков, «отчасти и из книг» (Аст. 1, с. 335). Одним из источников комментируемого варианта могла быть изданная П. Анисимовым сказка (Илья Муромец и Соловей-Разбойник: Русская народная сказка. М.: Изд. книгопродавца П. Д. Анисимова, 1896). В обоих текстах совпадают подробности описания исцеления богатыря-сидня, встречается ряд деталей, восходящих к сборнику Кириши Данилова (подворье Соловья-разбойника обнесено оградой, и «на каждом столбушке по головы сидят»; жена Соловья-разбойника будит детей, уговаривая их выкупить плененного отца; послушавшись богатыря, велевшего ему свистеть вполсилы, Соловей «хотел их всех убить своим свистом, а сам уйти»). В сказке Анисимова приехавшего в Киев Илью встречает «воевода Микула», этот же персонаж («староста Микула») в аналогичной ситуации упомянут в побывальщине Гольчикова «Про Егора-Святогора» (№ 3). Но главный аргумент в пользу генетической связи этих текстов — необычный порядок следования эпизодов (богатырь освобождает Чернигов после своей победы над Соловьем-разбойником). Не исключено, что исполнитель усвоил книжные по происхождению элементы в устной передаче (восходящее к сборнику КД словосочетание «рявкнул по-туриному» превратилось у него в «ряхнул по-куриному»; такая метаморфоза наиболее вероятна при восприятии формулы на слух). В побывальщине Гольчикова Илья Муромец необычным способом испытывает чудесно приобретенную силу, «спихнув» крутой холм. В научных записях былин этот мотив обнаружить не удалось, но он есть в одном из популярных изданий сказки об Илье Муромце (Илья Муромец и Соловей-разбойник: Русская народная сказка. М., 1873) — богатырь «сдвинул» холм в реку Оку. В тексте усматривается также влияние сказки о Еруслане Лазаревиче (упоминание Данилы Белого) — см.: Лекарство от задумчивости: Русские сказки в изданиях 80-х годов 18 века. СПб.: Тропа Троянова, 2001. № 2 (С. 58—59).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 74—75)

Как и в других северо-восточных районах, на Мезени этот сюжет обычно входит в состав контаминированных былин (единственное исключение — № 74). Характерная особенность местной традиции — устойчивое соединение былины «Илья и Идолище» с былинной «Илья и Святогор». Зафиксированы и другие комбинации сюжетов, как традиционные (контаминации с былинами об Илье и голях кабацких, об исцелении богатыря, его столкновении с разбойниками, победе над Соловьем-разбойником), так и нетрадиционные («Дунай» + «Илья и Идолище» — см. № 320). Композиция и содержание большинства мезенских вариантов устойчивы, варьирование проявляется лишь в деталях повествования. В дореволюционных записях лучше сохранились особенности северо-восточной редакции сюжета, частично или полностью забытые местными сказителями более поздних поколений: запрет просить милостыню ради Христа («для всех богов»), упоминать имя Ильи Муромца; подробности унижений, которым подвергаются князь Владимир и его жена. В этих вариантах чаще всего встречаются традиционные общерусские эпизоды и формулы (портрет Идолища-великана, переговоры с каликой и переодевание богатыря). На Мезени не зафиксировано никаких следов «цареградской» версии сюжета, распространенной в Прионежско-Каргопольском крае и в единичных вариантах отмеченной на Пинеге (Гр. I, № 78(112)), Зимнем Берегу (Марк., № 69), в Архангельском уезде (Кир., 4, с. 22); калику, сообщающего Илье о бесчинствах Идолища в Киеве, не называют по имени; он не спорит с богатырем по поводу переодевания; ничего не говорится о том, что калике не удастся справиться с богатырским конем; нет адресованных ему упреков в отсутствии смелости. В композиционно-стилистическом плане к мезенским вариантам наиболее близки печорские записи. В некоторых мезенских вариантах былин о татарском нашествии в сцене спора Ильи Муромца с вражеским царем и расправы с ним ощущается явное влияние сюжета «Илья и Идолище» (см. коммент. к сюжету «Илья и Калин»).

№ 74

Гр. III, № 19(323) «Илья Муромец и Издолище в Киеве».

Зап. А. Д. Григорьевым 22 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.

Примечания: ¹⟨в изд. Гр. — «со угрозами»⟩; ²⟨в изд. Гр. — «не ёслушалась»⟩; примечания А. Д. Григорьева: ³«я» из «а»; ⁴было написано «пондравилось», но «н» несколько раз перечеркнуто, может быть, по ошибке вместо «д»; но, может быть, и на самом деле было пропето «подравилось».

* * *

Один из немногих в северо-восточных районах и единственный мезенский неконтаминированный вариант былины «Илья и Идолище», содержит все основные эпизоды, кроме диалога мнимого калика с Идолищем — гнев последнего мотивируется нарушением запрета просить милостыню ради Христа. В начале текста заметно влияние былин о татарском нашествии (обычно Идолище еще до начала повествования захватывает Киев, об этом слушатели узнают из рассказа калики; А. Е. Петров подробно описывает появление врага, приводит его развернутый монолог ультимативного характера — ст. 4—23, ср. № 94 и др.). Необычна роль князя Владимира: он посылает калику разыскать Илью Муромца в надежде на его помощь. Брошенный Идолищем нож в «имянной-от крест» — очевидный перенос из былины «Илья и Сокольник» (см. вариант этой былины, записанный от А. Е. Петрова, — № 78, ст. 333—355).

№ 74а

Гр. III, нотный раздел, № 13.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 22 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора — от Петрова Артемия Егоровича. Текст былины — см. № 74.

№ 75

Гр. III, № 51(355) «Илья М(уромец) и голи кабацкия, Илья М(уромец) и Издолище в Киеве».

Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹было пропето без предлога; ²после «ц» не то «ы», не то «и»; ³так было пропето вместо «не для-ради».

* * *

Обычная для северо-русской традиции комбинация сюжетов «Илья и Идолище» и «Илья и голи кабацкие», в единичных вариантах отмеченная почти во всех районах к востоку от Кенозера и реки Онеги. Второй сюжет органично вплетен в рассказ об освобождении Киева от Идолища и выполняет функции вставного эпизода. Появление в кабаке неузнанного киевлянина Ильи не приводит к конфликту с целовальниками или князем Владимиром, как это бывает в самостоятельной былине об Илье и голях. Напротив: получив в заклад чудесный крест богатыря, «купец торговый» догадывается о скором конце Идолища и спешит с доброй вестью к князю. После встречи с Ильей Владимир настолько осмелел, что в присутствии Идолища нарушает его запрет и дает мнимому калике милостыню «ради Ильи Муромца». Е. Рассолов использовал ряд оригинальных мотивов и подробностей: описание креста Ильи Муромца (ст. 83—89); наименование одной из слобод Киева «украинкой Поморской»; рассказ о том, как слуги Идолища, пропустив во двор князя Владимира, безуспешно пытаются задержать его спутника. Некоторые детали позаимствованы из других эпических песен. Посещение кабака князем, видимо, навеяно былиной о Василии Игнатьевиче и Батыге, которая входила в репертуар сказителя (см. № 179); наказание, предусмотренное за упоминание имени Ильи (ст. 36—41), — стариной о сорока каликах, также известной Рассолову (см. Гр. III, с. 277). Заключительная сцена (Илья разрубает «тушу» побежденного противника, привозит на копье его голову, втыкает ее «на зеленый прут» и произносит презрительно-насмешливую «эпитафию») близка к финалу единственной мезенской записи былины «Алеша Попович и Тугарин» — см. № 109.

№ 75а

Гр. III, нотный раздел, № 29.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 25 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок — от Рассолова Ермолая Васильевича (исполнитель из д. Печище). Текст былины — см. № 75.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 76—93)

В эпическом репертуаре Мезени этот сюжет занимает одно из первых мест, по общему количеству записей данный регион уступает только Печоре. Все тексты принадлежат к единой для Архангельско-Беломорского края версии сюжета, для которой характерно развернутое описание богатырской заставы на подступах к Киеву (в мезенских вариантах перечень богатырей не столь обширен, как в печорских или золотицких), «введение в качестве действующего лица (а не только упоминаемого) матери Сокольника»

(Аст. 1, с. 611), устойчивое имя сына Ильи Муромца — «Сокольник» или «Подсокольник». В ряде вариантов эти черты получили дальнейшее развитие и углубление. Сокольник изображается охотником, его сопровождают гончие собаки («два выжлока»), ловчие звери и птицы, даже «змея люта» (№ 86, 98 — из записей Астаховой; ср. запись из Архангельского уезда — Кир., 4, с. 12); перед боем с Ильей он иногда отпускает свою «охоту». Эти мотивы, широко представленные в мезенской и особенно печорской традициях, в других северо-восточных районах практически не отмечены (единственное исключение — указанный выше текст из Архангельского уезда). Местные сказители подробно излагают предысторию Сокольника; в этом отношении мезенские записи частично смыкаются с кулойскими (рассказ о рождении и молодости богатыря, о его болезненной реакции на обидное прозвище «сколотыш» — ср. Гр. II, № 78(288), 87(299)), частично — с печорскими и пинежскими (краткое упоминание о любовной связи Ильи Муромца с «паланицей преудалой» — СБ 1, № 74, 76, 84, 87; Т.—М., 2, № 31). На Мезени, как и в соседних районах (кроме Печоры), устойчив мотив узнавания сына по именному перстню или кресту; нередко и здесь сообщается краткая предыстория (уезжая от «бабы Златыгорки», Илья оставляет ей эти предметы с наказом вручить их сыну или дочери). Правомерно предполагать поздний характер этих вставок, так как они противоречат традиционному облику Сокольника: он носит на груди «чуден крест» своего отца-христианина и в то же время, как типичный захватчик-иноверец, угрожает разорить Киев, «Божьи церкви на дым спустить», «святые иконы копьем выколоть» и т. п. (см. № 77, 78, 80 и др.). Тенденция к осложнению сюжета дополнительными эпизодами и подробностями сочетается с другой характерной особенностью местной традиции — перенесением мотивов и образов из других эпических песен. В былине «Илья и Сокольник» особенно заметно влияние былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник»: Сокольник «свистит по-соловьиному», «прыскает по-змеиному», отчего конь Ильи или Добрыни падает «наокорочь», богатырь укоряет его за это и т. д. (№ 81, 84, 86, 88, 89); в ряде нижнемезенских вариантов Соловью-разбойнику уподобляются и русские богатыри (№ 76—78; ср. некоторые кенозерские записи: Гильф., № 219, 226).

Несмотря на многочисленные разночтения в деталях и подробностях, мезенские тексты не образуют отдельных редакций сюжета с устойчивым набором характерных признаков. Если, например, вычленив наиболее специфические элементы известных записей XIX в. из Шенкурского и Архангельского уездов (Кир., 1, с. 46 и Кир., 4, с. 12), то в одних случаях близкие параллели к ним обнаруживаются в низовьях Мезени, в других — в среднем или верхнем ее течении. Некоторые оригинальные черты печорской редакции сюжета отмечены не только в деревнях, через которые проходил усть-цылемский тракт, но и недалеко от устья Мезени (см. коммент. к № 79, 86, 88, 89). Видимо, такая «взаимопроницаемость» разных редакций и изводов сюжета о бое отца с сыном объясняется его необычайной популярностью в этих краях, частым исполнением на промыслах. Об этом же свидетельствует и тот факт, что мезенские записи былины «Илья и Сокольник» свободны от книжного влияния. Даже С. Суднов, почти все былины усвоивший из книг, знал этот сюжет в местной редакции (см. № 301).

№ 76

Гр. III, № 4(308) «Наезд на богатырскую заставу и бой Подсокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 15 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тярсова Василия Яковлевича, 55 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹В первоначальном «Ах» было исправлено «А» на «Э»; я не знаю, что надо читать теперь: «Эх» или «Э»; ²(в изд. Гр. «да ютиралисе»); ³«л» из «т»; ⁴«ц» из «ч»; ⁵«з» («с») из «с»; ⁶(в изд.: «столянёт» с пометой «так»); ⁷вторая из отдельных палочек конечного «к» перечеркнута, вследствие чего можно прочесть «казаг»; ⁸петля «я» написана на самом конце петли «ь»; ⁹«г» из «к»; ¹⁰«А к» («А» и «к» соединены чертой; может быть, следовало бы напечатать «Ак»); ¹¹«одеревенела», по объяснению певца; ¹²«земля».

* * *

Один из наиболее цельных и эпически обстоятельных мезенских вариантов былины. В деталях повествования примыкает к другим нижнемезенским записям Григорьева (богатыри свистом подзывают своих коней; опасного противника называют «супостат велик»; завидев Подсокольника, свистят и ревут, подобно Соловью-разбойнику). Другие оригинальные подробности данного текста отмечались собирателями по всей Мезени (на богатырской заставе стоят Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович; попытка Алеши силой одолеть Подсокольника завершается неудачей; Добрыня ограничивается учтивыми переговорами; оба они сознают превосходство противника — «не моя чета, не моя верста»). Описывая «охоту» Подсокольника, В. Тяросов или не различает гончих собак («выжлоков») и «серых волков», или же сознательно уподобляет волков гончим, подчеркивая, что приручены дикие звери (ср. № 78, 82, 86, 89, а также многие печорские записи). Сознвая опасность предстоящего поединка с Ильей, Подсокольник отпускает «охоту»; этот мотив в Архангельско-Беломорском крае встречается довольно редко. Оригинальные и выразительные гиперболы использованы в описании рукопашного боя богатырей (ст. 195—198) и расправы Ильи с противником (подброшенный под облака Подсокольник «розбилсэ во крошецьки» — ср. КД, № 6, 25, 26). В отличие от большинства мезенских вариантов в былине В. Тяросова нет сцены убийства матери Подсокольником, а с его предысторией связаны лишь две лаконичные фразы (ст. 249—250 и 251—253).

№ 76а

Гр. III, нотный раздел, № 3.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 15 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора — от Тяросова Василия Яковлевича. Текст былины — см. № 76.

№ 77

Гр. III, № 32(336) «Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 18 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тяросова Ильи Андреевича, 37 лет.

Примечания: ¹⟨в изд. Гр. «А юш»⟩; ²⟨в изд. Гр. «А-й юші»⟩; ³⟨в изд. Гр. «Юж»⟩; примечания А. Д. Григорьева: ⁴после «р» или два «е», или одно «и»; ⁵«а» из «ца»; ⁶здесь «Вы» вместо «Ты» под влиянием конструкции следующего стиха; едва ли следует читать здесь вместе: «Вылети-тко»; ⁷⟨в изд. Гр. «в землю ютоптаисе»⟩ ⁸«а» исправлено на «о» ⟨речь идет о втором «о»⟩; ⁹«ч» из «ц»; ¹⁰первая буква ⟨«м»⟩ исправлена из другой буквы.

* * *

Вариант близок к № 76, 78, а с первым из них, очевидно, связан и генетически. И. Тяросов — племянник В. Тяросова: в их былинах немало текстуальных совпадений, причем в первой своей части вариант Тяросова-старшего богаче по содержанию и разнообразнее по стилистическому оформлению. Во второй части картина обратная — племянником сохранены некоторые традиционные для Мезени мотивы и подробности, опущенные дядей: в критические моменты Илья вспоминает, что ему смерть «на поли» не писана; он узнает сына по нательному кресту; кратко описывает убийство Сокольником матери. Обида Сокольника на отца мотивируется тем, что Илья не только не признает его богатырских качеств (ср. № 78), но и откровенно насмехается над сыном, советуя ему вернуться к матери и поест «каши пшенисьные». (Обычно перебранка богатырей предшествует их поединку и лишь изредка они иронизируют над поверженным противником — см.

№ 80). В стихах 194—199, возможно, отразился древний обычай встречать возвращающегося «с поля» воина и принимать у него оружие (ср. № 89, а также один из золотицких вариантов — Марк., № 70).

№ 77а

Гр. III, нотный раздел, № 22.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора — от Тяросова Ильи Андреевича. Текст былины — см. № 77.

№ 78

Гр. III, № 16(320) «Молодость и бой Сокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹(в изд. Гр. иное оформление йотированности гласных: здесь «поют-ру», в ст. 16 — «ютираюцэ», в ст. 157 — «не ёслушалэ»); ²«ч» из «ц»; ³можно прочесть «Он седлал» или «Оп седлал»; теперь я склонен более к последнему чтению; ⁴может быть и «Олешка»; ⁵певец объяснил: «знал спросить» (искаженные слова «очестлив», «очестливой» стиха 133 пояснены текстом стиха 134); ⁶буква после «п» скорее «о», чем «а»; ⁷«э» из «е»; ⁸(в ркп.) «руководоцьки»; ⁹буква после «л» скорее «о», чем «а»; ¹⁰после «р» скорее «о», чем «а»; ¹¹на конце не то «г», не то «к»; ¹²первое «к» написано на «А».

* * *

Текст принадлежит к тому же изводу, что и № 76, отличаясь от него более развернутой предысторией Сокольника, включением сцены убийства Златыгорки сыном и некоторыми мелкими подробностями. В описании «охоты» усилен акцент на том, что Сокольник приручил диких зверей и птиц (наряду с «выжлогами» — «серыми волками» упомянуты «две медведицы» — ср. № 82, 86, 89, а также печорские тексты); Илья узнает сына по своему именному кресту; враждебные чувства Сокольника подогреваются тем, что отец считает его мальчишкой и советует подрасти (ст. 297—304). А. Петров отлично владеет былинным слогом, употребляет ряд редких формул и словосочетаний (угрозы разорить Киев и «облатынить» христианскую веру в ст. 146—156; символический знак примирения русских богатырей с Сокольников — «становили они коней к одному корму»; оригинальный способ гиперболизации богатырской силы — соскользнувшее с креста копьё Сокольника «ушло в землю во пять сажон»). Некоторые отклонения от традиции, видимо, связаны с новациями сказителя, не всегда удачными (отправляясь навстречу Сокольникову, Добрыня просит Илью и Алешу похоронить его в Киеве, если «мне на поли как смерть будёт»; уже назвав Сокольника сыном и пригласив его в шатер, Илья продолжает расспросы о роде-племени).

№ 79

Гр. III, № 42(346) «Молодость и бой Сокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 19 июля 1901 г.: д. Тимшелье — от Рычкова Степана Васильевича, ок. 50 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹(в ркп.) «Поседоцьки»; ²так в черновике; ³после «н» не то «и», не то «ы»; ⁴«и» после «р» из «ы»; ⁵«сторово»; ⁶«Ишше» или «Ишо»; ⁷(в изд. Гр. «И юдарыл-де»; аналогичным образом графически переданы «ю» и «ё» оригинала: ст. 5 — предлог «ю», ст. 12 — «юлицу», ст. 55 — «юздал», ст. 59 — «ёпору», ст. 94 — «Юж», ст. 94, 145, 150 — «юдалой», ст. 164 — предлог «ёт»).

* * *

Первая часть былины С. Рычкова заметно отличается от других нижемезенских текстов (№ 76—78) и близка к записям со средней Мезени и с Кулоя. Повествование начинается с подробного рассказа о детстве Сокольника и его отъезде из родного дома; молодой богатырь похваляется «владеть» Ильей Муромцем так же легко, как он владеет «вострым копьем» (ср. № 85, Гр. II, № 76(288) и др.). Отсутствует обычное для архангельско-беломорских вариантов описание богатырской заставы, охраняющей Киев. Далее события развиваются по традиционной схеме, за исключением финального эпизода (не вероломное нападение сына на спящего отца, а повторный их поединок). В тексте обнаруживаются некоторые детали, характерные для печорской редакции сюжета (по молитве Ильи Муромца «полоса да ветра буйного сбросила Сокольника на сыру землю»; Сокольник приписывает Илье бранную формулу, позорящую мать и сына, — ст. 189).

№ 80

Гр. III, № 60(364) «Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 24 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок Погорельской вол. — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище), 50 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹«богатырый» (вероятно, описка); ²«г» написано впереди отдельно и выше других букв; в подобных случаях оно было очень слабо слышно, поэтому обыкновенно надо смотреть на «де» и «где» как на одну и ту же частицу, хотя «где» напечатано с «Ъ»; ³«г» написано впереди отдельно и неуверенно, ср. примеч. к 67 ст.; ⁴«преставил» (но «ре» как будто исправлено на «о»); ⁵«м» из «н»; по толкованию певца, «малуцье» («налучье») — то же, что «ножны».

* * *

Повествование начинается с выезда Сокольника из родного дома, но в отличие от С. Рычкова (№ 79) Е. Рассолов придерживается традиционной схемы развития событий — описывает богатырскую заставу, размышления Ильи Муромца о том, кого послать против «неприятеля», мотивированный отвод Алеши Поповича и т. д. В хвастливом монологе Сокольника угрозы Илье Муромцу переплетаются с угрозами другим русским богатырям и всему Киеву (ст. 56—65), что усиливает в былине героико-патриотическое начало. Этому способствуют и заключительные слова Ильи, возвращающегося на заставу с головой побежденного врага, насаженной на копье (ст. 219—220; ср. знаменитый шенкурский вариант — Кир., 1, с. 46). Несмотря на небольшой объем, текст Рассолова отличается высокими художественными достоинствами, содержит редкие мотивы и формулы (портрет Ильи Муромца и описание его коня — ст. 42—45; перебранка богатырей до поединка — ст. 56—58, 146—147 и во время боя — ст. 181—186). Оригинально дополнен один из традиционных мотивов: после молитвы у Ильи силы втрое прибыло, у Сокольника — втрое ubyло (ср. Гр. II, № 300, записанный от односельчанина и однофамильца Е. Рассолова). Финал былины скроман и не совсем логичен: нет сцен узнавания и вероломного нападения сына на спящего отца; хотя Илья увидел «свой старинной крес» у Сокольника, он все-таки убивает его за отказ назвать свое имя.

№ 81

Гр. III, № 64(368) «Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем».

Зап. А. Д. Григорьевым 25 июля (первая половина текста), 27 июля (вторая половина) 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чупова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет. Напев былины записан на фонограф от Ивана Алексеевича и Афанасия Алексеевича Чуповых.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹звук «т» был пропет так слабо, что я сомневался обозначить его; ²«о» (после «ц») из «ё»; ³«доежживаи» (последняя буква, видимо, не кончена); ⁴(в оригинале «стень», что квалифицируем как ошибку чтения черновиков А. Д. Григорьевым, ибо обычно он писал в вариантах точное диалектное слово «стель» — см. № 79 ст. 57; № 82 ст. 21, 84, 154; № 83 ст. 78); ⁵так и говорят у них обычно (объяснил певец); ⁶«коней» (см. примеч. 3); ⁷так; ⁸так в черновике и вполне ясно.

* * *

По содержанию и стилю текст близок к варианту Е. Рассолова (№ 80), некоторые формулы совпадают и на лексическом уровне (ст. 25—28, 39—47, 71—74, 187—189, 230—231 и др.). И. Чупов уступает своему земляку в исполнительском мастерстве, но традиционные элементы сюжета представлены в его былине гораздо полнее. Во всех подробностях сохранены заключительные эпизоды (убийство Сокольниковой матери и покушение на отца); обстоятельнее рассказывается о детстве Сокольника; расширен перечень богатырей, отведенных Ильей Муромцем; как и в некоторых других среднемезенских вариантах, сообщается о любовной связи Ильи с «бабой Златыгоркой», о кресте и перстне, которые он оставляет для сына или дочери (ср. № 91). Один из эпизодов, очевидно, перенесен из былины о Соловье-разбойнике, чертами которого наделен Сокольник (ст. 168—182; ср. № 86, 88, 89).

№ 81а

Гр. III, нотный раздел, № 38.

Зап. на фонограф А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Кильца — от Чупова Ивана Алексеевича и Чупова Афанасия Алексеевича. Текст былины — см. № 81.

№ 82

Гр. III, № 113(417) «Выезд Сокольника и бой его с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Большой (из д. Малые Нисогоры), 73 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹(в ркп.) «соскокивай»; ²значение этого слова певец не знал; ³в черновике (в стихе) два «да»; ⁴(в ркп.) «сером»; ⁵«г» слышалось слабо и поэтому приписано потом; ⁶(в ркп.) «фтороём»; ⁷т. е. «до рукоятки», по объяснению певца; ⁸«д"онь» (можно прочесть «д(а) нонь» или «нонь»).

* * *

Один из лучших мезенских вариантов данной былины, отличающийся продуманностью композиции, богатством и тщательной подгонкой деталей, стабильностью повторяющихся формул. Не выходя за рамки традиционной сюжетной схемы, «Олёкса Большой» расцвел ее оригинальными подробностями, афоризмами, сравнениями и эпитетами. Некоторые из них известны и по другим записям, хотя встречаются довольно редко. Это: описание «охоты» Сокольника; перебранка богатырей перед боем; меткая характеристика Добрыни — «не уцёна его вежь да, да спорожоная»; художественный образ, построенный на военно-феодалной символике, — Сокольник «клонит копьё» на Киев, выражая этим свои воинственные намерения (ср. № 91, 92, а также былину Г. Крюкова с Зимнего Берега — Марк., № 70). Параллели к другим нестандартным элементам обнаруживаются лишь за пределами Мезенского края (Сокольник «дворянсима утехами занимаицэ» — ср. запись из Архангельского уезда: Кир., 4, с. 12; впрочем, в дру-

гом контексте «подшапоцка дворянская» фигурирует и в одном из мезенских текстов — № 86; в числе отведенных Ильей богатырей упомянут «Цюрило да Голошапое» — ср. с былиной о Соловье Будимировиче из сборника Кириши Данилова (№ 1), где соперником героя является «голой щап Давид Попов»). Как и в былине Я. Авдушева (№ 84), Илья видит свой именной перстень, когда Сокольник поднимает руку, пытаясь перехватить занесенный для смертельного удара нож. Своеобразно представление певца о богатырской заставе: Илья со своими соратниками живет далеко от Киева, в шатре, но рядом с ним — «стена крепкая». Только в данном тексте временное поражение Ильи в рукопашном бою мотивируется тем, что «старому да бес подмутивал». Есть в былине логическая неувязка: уезжая из дома, Сокольник уже знает со слов матери, что Илья Муромец — его отец (ст. 15), а вернувшись после встречи с ним, вновь допытывается у матери, «былью» хвастал «старой» или «небылью» (ст. 240).

№ 83

Гр. III, № 92(396) «Выезд и бой Сокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 2 августа 1901 г.: д. Юрома Юромской вол. — от Бёшенкина Ефима Васильевича, 89 лет.

Примечания А. Д. Григорьева: ¹можно прочесть и «спусцу»; ²по словам певца, «на кулачки»; ³«кок» (исправлено из другого слова; можно прочесть и за «нон»); ⁴(в ркп.) «соскавил».

* * *

Вариант типичен для мезенской традиции, в нем преобладают наиболее стандартизированные элементы местной редакции сюжета. Начало былины (выезд Сокольника из дома, описание богатырской заставы перед Киевом, отвод Ильей Муромцем Алеши Поповича) особенно близко к тексту Е. Рассолова (№ 80). Некоторые детали повествования необычны (Сокольника обнаруживает Алеша, а не Илья; после неудачного покушения Сокольника Илья на коне догоняет и убивает сына); интересное развитие получил один из традиционных мотивов — Илья увидел свой именной перстень в тот момент, когда Сокольник перехватил занесенный над ним нож (ср. № 82).

№ 84

Гр. III, № 88(392) «Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. А́зapolё — от Авдушева Якова Тихоновича, 63 лет.

Примечание А. Д. Григорьева: ¹«розгогорелась».

* * *

Отдельные фрагменты свидетельствуют о довольно высокой исполнительской технике Я. Авдушева (портрет Ильи Муромца в ст. 30—33, описание молодецкой «потехи» Сокольника в ст. 38—49), однако в целом его вариант заметно уступает лучшим мезенским записям. В традиционном духе выдержано лишь начало былины (рождение и детство Сокольника, отъезд на поиски отца), затем следует серия эпизодов импровизационного характера. Вопреки обыкновению русские богатыри находятся не на заставе, а в Киеве; Алешу Поповича отводит Добрыня, а не Илья Муромец; Сокольник сразу выбивает Илью из седла; поверженный на землю богатырь расспрашивает своего противника о его роде-племени, а тот отвечает ему так обстоятельно, что в сущности повторяет всю первую часть былины. Необычна и развязка конфликта: после примирения с отцом Сокольник приезжает в Киев в качестве почетного гостя князя Владимира. В мезенских текстах нет близких параллелей к этим эпизодам, поэтому правомерно считать их результатом индивидуального творчества Я. Авдушева.

№ 85

Гр. III, № 85(389) «Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей М(уромцем)».

Зап. А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. Азаполё — от Фобановой Марьи Григорьевны, 29 лет.

Примечание А. Д. Григорьева: ¹Конец старины певица забыла, но ей кажется, что Сокольник убил свою мать за то, что она не сказала ему, что Илья М(уромец) — его отец.

* * *

В дефектном тексте М. Г. Фобановой лучше сохранилась первая часть былины, посвященная детству Сокольника; основные же эпизоды скомканы. Неудавшимися попытками исполнительницы восстановить позабытую старину можно объяснить упоминание огнестрельного оружия (ст. 60), а также необычный ход поединка — Сокольник стрелой выбил Илье правый глаз (видимо, заимствование из местной редакции «Дуная» — см. № 114, 118, 123, 124).

№ 86

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 3 об.—23 (п. з.); б. рkp. — там же, ед. хр. 7, л. 7—19; Аст. 1, № 11 «Подсокольник».

Зап. А. М. Астаховой 30 июня 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.

Былина была сначала сказана, затем спета. Под № 86 публикуется пропетый вариант, под № 87 — сказанный.

Примечания: ¹В оригинале «да на юкатистых». ²В п. з. начало стиха: «Как стоят да под...»; слева знак сноски. Этот и два следующих стиха — на л. 22. ³В оригинале «Да юмывалса». ⁴В п. з. нет строк 95—107, вместо них вписано: «Подробное описание есть»; на полях знак сноски, но она отсутствует; печ. по б. рkp. и изд. ⁵В п. з. и б. рkp. нет начальных слов, включенных в издание: «А не видели...»; в п. з. чернилами позднее сделан прочерк и на полях слева проставлен знак вопроса. ⁶В п. з. знак сноски, стих — на л. 22. ⁷В п. з. и б. рkp. на конце — «ы» со знаком вопроса. ⁸Стихи 238—240, 296, 297, 340—343, 348—353, 356—357, 360—364, 372, 373 не спеты, а сказаны (примеч. Аст.). ⁹В п. з. знак сноски, стихи 308, 309 на л. 18. ¹⁰В п. з. вместо слова пропуск; печ. по б. рkp. и изд. ¹¹В оригинале: «на своих». ¹²Стихи 334—336 в сноске на л. 23. ¹³В п. з. четко: «Он ён». В б. рkp. и изд. вместо «ён» — «как»; печ. по п. з., но точность воспроизведения А. М. Астаховой услышанного остается под сомнением.

* * *

Текст принадлежит к группе верхнемезенских вариантов, особенности которой охарактеризованы в комментарии к № 89. Есть в нем и оригинальные мотивы, отсутствующие у Я. Гольчикова (почти все они имеются и в былине В. Михеева — № 88). Обычная характеристика Сокольника дополняется его выразительным портретом (ст. 52—57), редко встречающимся в этой былине; перед решающим поединком Сокольник отпускает свою «охоту» на волю; Илья велит Добрыне привезти на копье голову врага, чтобы над ней «погальтаться»; Добрыня умоляет коня унести его от «поганого Сокольника» (чуть позже он назван «поганим Идолищем»). Перечень богатырей, стоящих на заставе, полнее, нежели в тексте Гольчикова, в их числе упомянуты братья Суздальцы, персонажи «Камского побоища». Здесь возможно влияние печорской эпической традиции, которое сказывается также в мотивировке отвода Ильей тех, кто не справится с Со-

кольником. Вариант Антонова, как и другие его былины, безупречен по стилистическому оформлению, соблюдению эпических повторов. Лишь однажды сказитель механически употребил постоянный эпитет: Илья выходит из шатра «на улицу широкую» (ср. стандартную формулу печорских певцов: «Выходил вон на улицу»). Временная победа Сокольника в рукопашном бою с Ильей мотивируется тем, что у него была «подщяпоцка дворянская»; в другом контексте аналогичный эпитет употребил А. Мартынов (№ 82; ср. запись из Архангельского уезда — Кир., 4, с. 12).

№ 87

Сказанный вариант. Сведения о записи см. в комментарии к пропетому варианту (тексту № 86).

Примечания: ¹В ркп. и изд. «горах ли юкатистых». ²См. примеч. 12 к пропетому варианту (№ 86).

№ 88

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 2, л. 90 об.—100 (п. з.); б. ркп.— там же, ед. хр. 13, л. 100—105; Аст. 1, № 20 [«Илья Муромец и сын»].

Зап. А. М. Астаховой 29 июня 1928 г.: д. Засулье Лешуконского р-на — от Михеева Варлама Матвеевича.

Некоторые отличия текста издания от п. з. и б. ркп. объясняются, видимо, тем, что А. М. Астахова при издании учитывала запись начала былины на фонограф и корректировала текст. В то же время в изданный текст включены ею стихи, пропущенные при пении в фонограф: ст. 8—10 и 15 (см. примеч. Аст. — Аст. 1, с. 220).

Примечания: ¹В п. з. можно прочесть и как «ко»; печ. по б. ркп. ²«Весть» (примеч. Аст.). ³В п. з. помета на полях: «Пытался перейти на прозу». ⁴В п. з. на месте слов, отмеченных курсивом, — «и т. д.»; печ. по б. ркп. и изд.; начало стиха соб. не расслышала. ⁵В п. з. — «Густарака за как», на полях — знак вопроса; печ. по б. ркп. и изд. ⁶В п. з. — «Густарака», в б. ркп. исправлено на «У старá ка»; печ. по изд.

* * *

Былина В. М. Михеева содержит все особенности верхнемезенской группы вариантов (см. коммент. к № 89), кроме описания «охоты» Сокольника. Вероятно, этот мотив также был известен сказителю — от него сохранилась прощальная сентенция Сокольника, адресованная зверям и птицам (ст. 100—101: «Уж я съедуся со старым казаком, подбру-то с им да не розъедуся» — ср. ст. 243—244 в тексте М. Антонова, № 86). С былинной Антонова совпадают и некоторые другие мотивы и детали: в составе богатырской заставы упомянуты братья Суздальцы, персонажи «Камского побоища»; Добрыня умоляет коня унести его «от поганого Издолишша»; Илья упрекает Добрыню, который не привез на копье голову врага, чтобы «погалиться» над ней; ночевавшие в шатре богатыри выходят «на улицу широкую». Оригинальное сравнение с встрепенувшейся рыбой использовано для описания того, как «взъерившийся» Илья Муромец сбрасывает с себя Сокольника (ст. 129—130; ср. один из вариантов с Карельского Берега — Гр. 1, № 2). Упоминание городов Вольни и Галича (ст. 20) — еще одно косвенное свидетельство былой популярности на Мезени былины о Дюке Степановиче.

№ 88а

ФА ФВ. 360. 01 (Аст. 1, нотный раздел, № 4).

Зап. на фонограф Е. В. Гиппиусом, Э. В. Эвальд 1 июля 1928 г.: д. Засулье — от Михеева Варлама Матвеевича (в издании А. М. Астаховой при публикации нотного образца имя исполнителя ошибочно указано Егор). Текст былины — см. № 88.

№ 89

РО ИРЛИ, р. 5, к. 5, п. 14, ед. хр. 1, л. 18 об.—34 (п. з.); б. рkp.— там же, ед. хр. 13, л. 3—15; Аст. 1, № 2 «Подсокольник».

Зап. А. М. Астаховой 21 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Якова Евдокимовича, 61 года.

Былина была сначала сказана, затем спета. Под № 89 публикуется пропетый текст, под № 90 — сказанный.

П. з. (сказанный вариант) зафиксирована химическим карандашом, трудночитаема. При повторном исполнении, пении, на нее нанесена правка тем же карандашом, что создало дополнительные затруднения для прочтения рукописи.

Примечания: ¹В п. з. и изд. «съех'ть и съихатьѣя». ²В п. з. строка отчеркнута с двух сторон; см. примеч. 4 к № 90. ³Вместо «как» в п. з. знак сноски, однако сноски нет; печ. по б. рkp. и изд. ⁴В п. з. предлог отсутствует, в б. рkp. над словом «подъезжает» в круглых скобках — «к» со знаком вопроса; печ. по изд. ⁵В п. з. далее прочитывается стих, отсутствующий в б. рkp. и изд.: «А сказал Добрыня старому таково слово», — видимо, ошибка исполнителя. ⁶В п. з. перед словом и над ним — знак вопроса. ⁷В п. з. над «скочил» сверху четко «А съеждал», но со знаком вопроса; печ. по б. рkp. ⁸Порядок следования стихов 229—232 по п. з. пропетого текста определить трудно; печ. по б. рkp. ⁹«Златыгорка» — поленица, злая богатырша (примеч. Аст.).

* * *

Текст принадлежит к группе верхнемезенских вариантов (№ 86, 88), отличающихся некоторыми деталями от других мезенских записей. Необычный состав сопровождающей Сокольника «охоты» подчеркивает незаурядность ее хозяина, приручившего самых свирепых представителей животного мира (львов, волков, медведей, кречета и даже «змею люту» — ср. № 86, печорские варианты, а также запись из Архангельского уезда (Кир., 4, с. 12)); слишком малознакомый сказителю «соловей» попал в этот перечень явно по недоразумению. Как и в других верхнемезенских текстах, Илья разрывает на части своего вероломного сына (ср. Кир., 4, с. 12); Сокольник отчасти уподоблен Соловью-разбойнику (ст. 97—102 — этот мотив зафиксирован и на средней Мезени: № 81, 84). В былине Гольчикова удачно дополнен один из традиционных образов (ст. 129—130: «А не моя ровня да не моя чета, а не по мое плече добрый молодец»), использована уникальная формула материнского проклятия Сокольникову (ст. 311—312: «А какову я чашу крови пью, такову же пить»). Сказитель жил в деревне, через которую проходил тракт на Усть-Цильму. Видимо, этим объясняется наличие в его былине отдельных особенностей печорской редакции сюжета (описание унижительного избиения Добрыни Сокольниковом, не отличающееся от аналогичной формулы в мезенских вариантах былины о сорока каликах (Гольчиков и в ней использовал эту же формулу — см. № 155); хвастливое обещание Ильи привезти голову врага раньше, чем его товарищи согреют котел (ст. 163—164); оскорбительное прозвище Златыгорки и ее сына, которое Сокольник приписывает Илье Муромцу (ст. 305, ср. № 79, 88)).

№ 89а

ФА ФВ. 327. 02 (Аст. I, нотный раздел, № 1).

Зап. на фонограф Е. В. Гиппиусом, Э. В. Эвальд 25 июля 1928 г.: д. Лебское — от Гольчикова Якова Евдокимовича. Текст былины — см. № 89.

№ 90

Сказанный вариант. Сведения о записи см. в комментарии к пропетому варианту (тексту № 89).

Примечания: ¹Первоначально «велья...», затем слово зачеркнуто, ниже — «вомьяшные» со знаком вопроса; слово уточнено при повторном исполнении былины; печ. по б. ркп. ²Вместо «умёт» было какое-то иное слово. ³См. примеч. 1 к № 89. ⁴В п. з. рядом со стихом — знак вопроса. ⁵См. примеч. 3 к № 89. ⁶См. примеч. 4 к № 89. ⁷См. примеч. 8 к № 89.

№ 91

РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 66—78 об. (п. з.); б. ркп.— там же, ед. хр. 9, л. 27—33; Аст. 1, № 40 «Илья Муромец и сын».

Зап. А. М. Астаховой 13 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Ивана Ивановича, 57 лет.

По свидетельству А. М. Астаховой, исполнитель «начинал несколько раз эту побывальщину». Одно из начал зафиксировано в п. з.: «Подъехал Сокольник к Киеву, а этот, из ихней компании, из богатырей, был на дежурстве». «Когда теперь запоём, — пояснял И. И. Поздяков, — возьмём из середины, запоём и бросим. 20 лет, как не певали, вот и стал забывать» (к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 66).

Примечания: ¹В п. з. первоначально: «преудалая». ²В п. з. первоначально: «какой». ³В п. з. слово записано сокращенно; печ. по б. ркп., но точность фонетического воспроизведения слова остается под сомнением. ⁴В п. з. против стиха знак вопроса. ⁵В п. з. первоначально: «цисту». ⁶Далее в п. з. зачеркнут начатый стих: «Садилса и...». ⁷В п. з. слово записано сокращенно: «С-у»; «у» считаем опиской; печ. по б. ркп. ⁸В п. з. слово написано сокращенно; печ. по б. ркп., но, возможно, звучало: «Соколицу-розбойнику».

* * *

Значительная часть былины пересказана прозой, немало прозаизмов и в стихотворных ее фрагментах. Однако сюжет изложен Поздяковым достаточно подробно, включает ряд редких мотивов и деталей, известных по записям Григорьева. Как и в № 81, рассказано о любовной связи Ильи Муромца с матерью Сокольника, о кресте и перстне, которые он перед расставанием оставил ей для опознания сына или дочери. Уезжая из дома, Сокольник уже знает, кто его отец, и твердо намерен убить его, о чем заявляет матери и Добрыне (ср. № 82). Озлоблению молодого богатыря способствует обидное прозвище «сколодный», которым дразнят его сверстники (ср. № 84, а также кулойские тексты). Подобно «Олёксе Большому» (№ 82) Поздяков подчеркивает враждебность Сокольника Киеву, используя символику оружия; в его варианте этот художественный образ полнее: богатырь не просто «клонит копьё» на город, а «выбрасывāt» его «вострым концом на Киев-град, а тупым концом к себе». Поиски Сокольников потерянного в пылу боя ножа не имеют аналогий в других записях и, очевидно, продиктованы стремлением найти более убедительную, достоверную по характеру мотивировку внезапной перемены в положении противников. Способ расправы с Сокольников (Илья разрывает его на части) роднит данный текст с верхнемезенскими вариантами. Текст имеет стилистические отпечатки нового времени («добросовесно», «дежурит», «балхон» и др.).

№ 92

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 132 (маш.); ПФМ, № 214 «Про Илью Муромца».

Зап. Н. П. Колпаковой 24 июля 1958 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Семена Федоровича, 70 лет.

Былина, согласно пометам Н. П. Колпаковой, была «слегка напета; общий ритм — полусказ».

* * *

Вариант принадлежит к тому же изводу, что и былина И. Поздякова (№ 91), содержит те же оригинальные мотивы и детали (Сокольник «копье воротит на Киев-град», не желает иметь дела с Добрыней, вызывая на поединок Илью Муромца; по возвращении домой мать подозревает его в убийстве отца). Сюжетная схема заметно упрощена — не рассказывается о любовной связи Ильи с полиницей, о рождении и детстве Сокольника; но, судя по варианту брата исполнителя, Н. Ф. Поздякова, в прототексте эти эпизоды были. Стилистическое оформление былины далеко от совершенства, сказитель часто грешит прозаизмами, прибегает к бытовой лексике, но некоторым формулам нельзя отказать в яркости и оригинальности («погубит свою голову да не за денежку»; у Добрыни «вежь не ученая, а спорожона»).

№ 93

РО ИРЛИ, р. V, к. 190, п. 1, ед. хр. 128 (маш.) «Про Илью».

Зап. Н. П. Колпаковой 25 июля 1958 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Николая Федоровича, 66 лет.

* * *

Прозаический пересказ сюжета. В начале ощущается влияние сказки. Былина в стихотворном варианте повторно записана на магнитофонную ленту (см. № 295).

Условные сокращения (публикации, архивы)

- Ав. — Книга былин: Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Сост. В. П. Авенариус. 8-е изд. М.: Изд. книгопрод. А. Д. Ступина, 1912.
- Азб. — *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- Ан. — *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исследования былин. М., 1980.
- Аст. 1 — Былины Севера. Т. 1 / Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.
- Аст. 2 — Былины Севера. Т. 2 / Подгот. текста, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.
- АТ — The types of the folktales: A classification and bibliography: Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / Transl. and enlarged by S. Thompson. Second revision. Helsinki, 1961. (Folklore fellow communications; № 184).
- Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М.; Л., 1936—1940. Т. 1—3.
- Аф., 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 1—3. (Сер. «Литературные памятники»).
- Баз. — *Базанов В. Г.* Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943.
- Бал. 1 — *Балашов Д. М.* Печора и ее сказители // Север. 1965. № 3. С. 73—80.
- Бал. 2 — *Балашов Д. М.* Уникальная редакция былин о Дюке Степановиче // РФ. Л., 1971. Т. 12. С. 230—237.
- БЗП — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.
- БП — Былины Печоры и Зимнего Берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бо-

- родина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
- БРМЭ — Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.
- БС — *Сидельников В. М.* Былины Сибири. Томск, 1968.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1; 1950. Т. 2; 1951. Т. 3.
- Гр. I — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1, ч. I: Поморье. Ч. II: Пинега. СПб., 1904 (переизд.: *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1. (Полное собрание русских былин)).
- Гр. II — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 2: Кулой. Со списком собственных имен в 1, 2 и 3 томах. Прага, 1939 (переизд.: *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2003. Т. 2. (Полное собрание русских былин)).
- Гр. III — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3: Мезень. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. СПб., 1910. (переизд.: *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2003. Т. 3. (Полное собрание русских былин)).
- Гул. — Былины и песни Южной Сибири / Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.
- ДиА — Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974.
- Даль — Пословицы русского народа: Сб. В. Даля. М.: Гослитиздат, 1957.
- Дм. — *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин: (По материалам конца XIX—начала XX в.). М., 1975.
- Ефименко — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 2: Народная словесность // Изв. ИОЛЕАЭ. М., 1878. Т. 30, вып. 2. (Тр. этногр. отд. Кн. 5).
- Зап. ИРГО — Записки Императорского Русского географического общества.
- И. М. — Илья Муромец / Подгот. текстов, ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.
- Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
- Ил. Мур. — *Миллер О. Ф.* Илья Муромец и богатство киевское. СПб., 1869.
- ИОЛЕАЭ — Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете.
- КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 2-е доп. изд. М., 1977.
- Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. 2-е изд. М., 1868. Вып. 1; 1861. Вып. 2; 1861. Вып. 3; 2-е изд. 1879. Вып. 4; 1863. Вып. 5; 1864. Вып. 6; 1868. Вып. 7; 1870. Вып. 8; 1872. Вып. 9; 1874. Вып. 10.
- Кир., № — Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. сер., М., 1911. Вып. 1; М., 1917. Вып. 2, ч. 1; М., 1929. Вып. 3, ч. 2.
- Леонт. 1939 — *Леонтьев Н. П.* Печорский фольклор / Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Леонт. 1979 — Печорские былины и песни // Зап., сост. Н. П. Леонтьев; Науч. ред. А. И. Баландин. Архангельск, 1979.
- Максимов. Т. 1. — *Максимов С. В.* Год на севере. СПб., 1859. Т. 1.
- Марк. — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
- Мил. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. проф. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
- ММБ 1 — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1: Зимний Берег Белого моря. Волость Зимняя Золотца // МЭК 1.
- ММБ 2 — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2: Терский Берег Белого моря // МЭК 2.
- МЭК 1 — Тр. Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ. М., 1906. Т. 1. (Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 113; Тр. Этнографического отдела. Т. 15).
- МЭК 2 — Тр. Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ. М., 1911. Т. 2. (Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 114; Тр. Этнографического отдела. Т. 16).
- НБ — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1978.
- Новиков, 84 — *Новиков Ю. А.* Проблема варианта и региональных традиций в изучении русских былин // Русская литература. 1984. № 4. С. 85—99.
- Новиков, 85 — *Новиков Ю. А.* Источник эпического знания — книга // Науч. тр. высш. школ Литовской ССР. Литература. XXVII (2). Фольклористический сб. Вильнюс, 1985. С. 12—31.

- Новиков, 93 — Новиков Ю. А. Былина и книга: Указатель зависимых от книги былинных текстов. Вильнюс, 1993.
- Озар. — Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916.
- Озар., 1998 — Кулойские былины в записях О. Э. Озаровской / Публ. Т. А. Новичковой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 345—380.
- Онч. — Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. (Зап. ИРГО по отд-нию этнографии; Т. 30).
- Онч., 1902 — Ончуков Н. Е. Печорские былины // Изв. ОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 3. С. 277—355.
- Онч., 1903 — Ончуков Н. Е. Новые былины из записей на Печоре // Изв. ОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 298—326.
- Онч., 1907—1908 — Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 1. С. 10—24; Вып. 2. С. 51—54; Вып. 3. С. 73—82; Вып. 4. С. 100—110; То же. Отд. изд. СПб., 1908.
- Пар.—Сойм. — Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст., примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова; Предисл., ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.
- Пропп—Путилов — Былины: В 2 т. // Подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М.: Гослитиздат (Лен. отд-ние), 1958.
- ПФМ — Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.
- РФ — Русский фольклор.
- РЭ — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов, Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1992. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909. Т. 1, 2; 1910. Т. 2, 3.
- Рыбн., 1989 — Песни, собранные Н. П. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989—1991. Т. 1—3.
- СБ 1 — Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1: Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; Отв. ред. тома А. А. Горелов. СПб., 2001.
- СС — Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908.
- С—Ч — Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Т—М — Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ.
- ФРУстья — Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев, М. Ф. Дружинина, Ю. Н. Дьяконова, В. И. Жекулина, Р. В. Каменецкая, В. В. Митрофанова, М. А. Никифорова, А. Н. Розов, А. Г. Чикачев. Л., 1986.

Архивы и фондовые шифры

- АИЭ — Архив Института этнографии (Москва).
- Арх. Коми фил. РАН — Архив Коми филиала Российской Академии наук (Сыктывкар).
- Арх. соб. — Архив собирателя.
- ГАПО — Государственный архив Пермской области.
- ГИИИ — Государственный институт истории искусств (Санкт-Петербург).
- ДЛ — Диск лабораторный.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.
- ЛУР — Лаборатория устной речи Московского университета, звукозаписи кафедры фольклора.
- МГУ — Кабинет фольклора Московского университета.
- МФ — Фонд магнитофонных записей фонограммархива ИРЛИ.
- ПИЯЛИ КЭ — Петрозаводский институт языка, литературы и истории Карельского филиала Российской Академии наук, кабинет звукозаписи.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел ИРЛИ.
- ФВ — фонд фоноваликов (фонографических цилиндров) фонограммархива ИРЛИ.
- ФА — фонограммархив ИРЛИ.

Кроме общеупотребительных и библиографических сокращений в комментариях использованы следующие:

б. рkp. — беловая рукопись
доб. — добавлено
дор. — дорожка (магнитофонной ленты)
зап. — записано, запись
исп. — исполнитель

к. — коллекция
маш. — машинопись
п. — папка
печ. — печатается

п. з. — полевая запись
рkp. — рукопись
соб. — собиратель
ст. — стих

Список иллюстраций

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЭПОСА, ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

1. *Чулков Михаил Дмитриевич* (1744, Москва — 24.X(4.XI). 1792, там же). Русский беллетрист, собиратель фольклора. Составитель песенника «Собрание разных песен» (Ч. 1—4 с Прибавлением. СПб., 1770—1773), включившего 800 текстов, в том числе 336 народных песен, среди которых имеются единичные записи былин и исторических песен. Создал «Краткий мифологический лексикон» (1767) и своеобразную энциклопедию русских поверий, космогонии и мифологии народов России «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.» (1786). В книге «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766—1768; переизд. 1783—1785, 1789) название раздела «Сказки из обители святого Вавилы» позволяет предполагать, что Чулков знал былевую песню о скоморохе Вавиле, впервые записанную лишь в XX в. на Пинеге А. Д. Григорьевым.

Гравированный портрет. Литературный музей ИРЛИ, № 34308.

2. *Новиков Николай Иванович* (27.IV(8.V). 1744, с.Тихвинское (Авдотьино) Коломенского у. Московской губ.—31.VII (12.VIII). 1818, там же). Русский просветитель, писатель, журналист, критик, книгоиздатель. В стремлении «уважать родную старину» издавал универсальную «Древнюю российскую вивлиофику, или собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся» (Ч. 1—10, 1773—1775; расширенное и систематизированное переиздание: Ч. 1—20, 1788—1791). Переиздал песенный сборник М. Д. Чулкова под заглавием «Новое и полное собрание российских песен» в 6 частях (М., 1780—1781), где две последние части явились дополнением к чулковскому собранию.

Гравированный портрет на стали. Литературный музей ИРЛИ, № 33663.

3. *Пушкин Александр Сергеевич* (26.V(6.VI). 1799, Москва — 29.I (10.II). 1837, Санкт-Петербург). Основоположник новой русской литературы. Сознал особую важность для писателя воспитаться в теснейшем общении со стихией национального фольклора. Пушкинское стремление объединить в специальной серии книг накопленные материалы русской песенности засвидетельствовано письмом поэта Н. М. Языкова к брату А. М. Языкову от 16 декабря 1831 г. Будучи знатоком «Древних русских стихотворений» («Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым») (по изд. 1804 и 1818) и «Нового и полного собрания российских песен» Н. И. Новикова, Пушкин занимался самостоятельным сбором народных песен в Псковской, Нижегородской, Оренбургской губерниях и в Москве. Намерение создать собственную антологию относится к 1824—1834 гг., но уже развернувшаяся в полную силу в начале 1830-х гг. масштабная собирательская деятельность П. В. Киреевского и братьев Языковых побудила А. С. Пушкина отказаться от этого замысла и передать личные записи народных песен (61 текст: исторические, солдатские песни, баллады, бытовая лирика, свадебные песни) П. В. Киреевскому для его фундаментального общерусского издания.

Рисунок Ж. Вивьена, 1826 г. Государственный Литературный музей. Москва.

Из письма Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 16 декабря 1831 г.: «Пушкин говорит, что он слыхал все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались безо всякого толку; но он, кажется, хвастает!»

РО ИРЛИ, ф. 348 (Языковых А. М., Н. М. и П. М.), № 10 (19. 4. 10), л. 92 об.

4. *Языков Николай Михайлович* (4 (16).III.1803, Симбирская губ. — 26.XII.1846 (7.I. 1847), Москва). Русский поэт, первый сподвижник П. В. Киреевского в собирании народных песен с задачей создания русского национального песенного корпуса. Практический замысел и первые реальные шаги в этой работе относятся к летним месяцам 1831 г. В июле 1831 г. Н. М. Языков воодушевленно сообщал об этом брату Александру. Формирование идеи происходило еще ранее — летом 1826 г., в ближайшем общении с увлеченным народной поэзией А. С. Пушкиным, во время проживания Языкова в с. Тригорском Псковской губ.

Литография. Литературный музей ИРЛИ, № 19279.

Из письма Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 12 июля 1831 г.: «Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. П. Киреевский и я, мы возымели почтенное желание собирать их и нашли довольно много еще не напечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. Не хочешь ли и ты участвовать в сем деле богоугодном и патриотическом?»

РО ИРЛИ, ф. 348 (Языковых А. М., Н. М. и П. М.), № 10 (19. 4. 10.), л. 45 об.—46.

5. *Толстой Алексей Николаевич* (29.XII. 1882 (10.I.1883), г. Николаевск (ныне г. Пугачев) Саратовской обл. — 23.II. 1945, Москва). Русский писатель, академик. В 1938—1941 гг. — инициатор издания Свода русского фольклора как многотомной серии образцов национальной поэзии русского народа — первой в комплексе издания Свода фольклора народов СССР. Стремился подвигнуть академические научные силы и писателей на издание Свода еще летом 1938 г. В статье газеты «Правда» «Депутат-писатель» им был впервые поставлен вопрос об этом издании. Будучи избран в январе 1939 г. академиком по представлению ИРЛИ (Пушкинский Дом) и ИМЛИ АН СССР добился от правительства и Академии наук СССР разрешения на проектирование издания. Был назначен председателем Главной редакционной коллегии Свода фольклора народов СССР. Возглавил организационную группу фольклористов Ленинграда и Москвы (Ю. М. Соколов, М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Э. В. Гофман (Померанцева), А. Н. Нечаев, Н. В. Рыбакова и др.) по созданию Свода русского фольклора. Труд пресекало нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. В период работы над Сводом А. Н. Толстой выпустил первую книгу русских народных сказок — свою редакцию избранных сюжетов на основе многовариантных записей (1940).

Полное собрание сочинений А. Н. Толстого. М., 1950. Т. 14.

6. *Толстой Никита Ильич* (15.IV.1923, г. Вршац (Югославия) — ночь с 27 на 28 VI. 1996, Москва). Академик РАН, славист-филолог, этнограф. В трудах, посвященных этногенезу славянства, уделил много внимания проблеме диалектологии народной духовной культуры (см., в частности: Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995; этнолингвистический словарь «Славянские древности» — изд. с 1995 г.). Энергично поддерживал ведение работы над серией «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора в направлении, сложившемся у публикаторов «Былин Печоры» (т. 1, 2). Помогал организационно изданию Свода в качестве председателя Научного совета по фольклору ОЛЯ РАН, председателя Российского гуманитарного фонда, главного редактора журнала «Живая старина».

Снимок из личного архива С. М. Толстой.

7. *Григорьев Александр Дмитриевич* (3 (15).X.1874, Варшава — 4.V.1945, Прага). Выдающийся собиратель и издатель эпического фольклора Русского Севера (Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. М., 1904. Т. 1, ч. I: Поморье; ч. II: Пинега; Прага, 1939. Т. 2, ч. III: Кулой; СПб., 1910. Т. 3, ч. IV: Мезень. 2-е изд.: СПб., 2002—2003. Т. 1—3). Лингвист-диалектолог, исследователь древнерусской литературы, историк.

Снимок любезно предоставлен Отделу народнопоэтического творчества ИРЛИ фольклористами Института славянских и восточноевропейских исследований философского факультета Карлова университета (Прага, Чехия) И. Лемешкиным и М. Соучковой.

ИРЛИ. Отдел народнопоэтического творчества.

8. *Астахова Анна Михайловна* (22.VI (4.VII). 1886, г. Кронштадт — 30.IV.1971, Ленинград). Исследователь русского фольклора, крупнейший собиратель народного творчества, профессор, доктор филологических наук. Автор книг о былинах, судьбах устно-поэтического наследия. За время экспедиционной работы в 1920—1950-х гг. (Карелия, Пинега, Мезень, Печора, Поморье, Сибирь, Московская и Ленинградская области) собрала свыше

10 000 текстов произведений народной поэзии. Исследования: Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948; Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. Издания текстов: Былины Севера. М.; Л., 1938, 1951. Т. 1—2; Илья Муромец. М.; Л., 1958; Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960; Былины Печоры и Зимнего Берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова и др. М.; Л., 1966.

РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 2, № 20.

9. Рыбаков Борис Александрович (21.V (3.VI). 1908, Москва — 27. XII. 2001, Москва). Академик РАН, славяновед-историк, археолог. Среди его многочисленных работ выделяется вызвавшая полемику в 1960-х гг. монография «Древняя Русь: Сказания, былины, летописи» (1963), рассматривающая былины с позиций отражения в их сюжетике и персонажах реальных исторических событий и лиц Руси эпохи раннего средневековья. Автор капитальных трудов «Русское прикладное искусство X—XIII веков» (1970), «Язычество древних славян» (1981), «Из истории культуры Древней Руси» (1984), «Язычество Древней Руси» (1987).

Снимок 1950-х гг. Литературный музей ИРЛИ, № 92726.

10. Жирмунский Виктор Максимович (21.VII (2.VIII). 1891, Санкт-Петербург — 31.I. 1971, Ленинград). Академик АН СССР. Филолог широкого научного диапазона (350 трудов, в том числе 25 монографий по европейским и русской литературам, сравнительной типологии литературного развития, русскому, германскому, финно-угорскому, среднеазиатскому фольклору, этнографии, индоевропейскому языкознанию, теории стиха). Среди работ принципиального значения — исследования «Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки» (1962), «Тюркский героический эпос» (1974), «Рифма в былине» (в кн.: Рифма, ее история и теория. Л., 1923). В 1926—1931 гг. собирал тексты и напевы народных песен в немецких поселениях Украины, Крыма и Закавказья (около 5000 записей).

Снимок 1978 г. ИРЛИ. Отдел народнопоэтического творчества.

11. Базанов Василий Григорьевич (14 (27).X. 1911, д. Вожегово Шарьинского у. (ныне Костромской обл.) — 16.II. 1981, Ленинград). Член-корреспондент АН СССР, исследователь русской литературы и народознания XIX—XX вв. Среди его книг о народной поэзии: «Фольклор советской Карелии» (1938), «Родина народных певцов и сказителей» (1940), «За колючей проволокой: Из дневника собирателя народной словесности» (1945), «Поэзия Русского Севера» (1981). Руководил фольклорно-этнографическими экспедициями на Печору, в Заонежье и Пудожский край. Составитель сборников «Былины П. И. Рябинина-Андреева» (1940), «Поэзия Печоры» (1943), «Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базаилова и А. П. Разумовой» (1962). Один из основателей изданий «Памятники русского фольклора», «Русский фольклор». Как директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР открыл зеленый свет работе сектора народнопоэтического творчества над подготовкой Свода русского фольклора (1973).

Снимок из личного архива О. Б. Алексеевой.

12. Померанцева (Гофман) Эрна Васильевна (7 (19).IV.1899, Москва — 11.VIII.1980, Москва). Доктор исторических наук. Член первой редколлегии Свода русского фольклора (1939—1941). Организатор и руководитель фольклорных экспедиций МГУ «По следам П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и бр. Ю. М. и Б. М. Соколовых» (1956—1960). Ответственный редактор академических антологий былин «Добрыня Никитич и Алеша Попович» (1974), «Новгородские былины» (1978). Составитель сборников сказочного эпоса, автор книг «Русская народная сказка» (1963), «Судьбы русской сказки» (1965), «О русском фольклоре» (1977) и др. В ее семинаре в МГУ воспитались былиноведы Л. А. Астафьева, Ю. А. Новиков, Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий.

Снимок из личного архива семьи Э. В. Померанцевой.

13. Юдин Юрий Иванович (30.I. 1938, г. Умань Киевской обл. — 31.XII. 1995, г. Курск). Доктор филологических наук, профессор. Фольклорист — былиновед и сказковед, литературовед, историк эстетической мысли. Ученник В. Я. Проппа. Автор статей и монографических исследований, посвященных «загадочным сюжетам» русского эпоса (былины о Михайле Потыке, Дюке—Чуриле, Вольге и Микуле, Василии Буслаеве и др.), «исторической дешифровке» былин сказочного и новеллистического характера, порожденных первобытно-общинной стадией социального развития. Главные работы: «Героические былины» (1975), «Былинная история» (совместно с И. Я. Фрояновым) (1997). Активно участвовал в разработке планов издания былинной и сказочной серий Свода русского фольклора (1977—1995).

ИРЛИ. Отдел народнопоэтического творчества.

14. *Емельянов Леонард Иванович* (2.II. 1929, с. Курья Алтайского края — 14.IX. 1996, Санкт-Петербург). Доктор филологических наук, фольклорист, литературовед, прозаик. Изучал генезис русского песенного эпоса, историю исторической песни. Выпустил в серии «Памятники русского фольклора» академическую антологию «Исторические песни XVIII в.» (совместно с О. Б. Алексеевой) (1971), в «Библиотеке поэта» — антологии «Исторические песни» (1987, 1990). Автор книги «Методология изучения фольклора» (1978). В его наследии — былиноведческие работы «Былины и факт» (1984), «Былиноведение в России» (часть II предисловия к серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора, 2001).

Снимок из личного архива Т. И. Орнатской.

15. *Селиванов Федор Мартынович* (21.VIII. 1927, с. Мазунский Починок Осинского р-на Пермской обл. — 28.XII. 1990, Москва). Доктор филологических наук, профессор МГУ. Изучал поэтические жанры фольклора. Автор труда «Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель» (1990), учебных пособий «Поэтика былин. Часть 1: Система изобразительно-выразительных средств» (1977), «Русский эпос» (1988), антологий «Былины» (1988), «Частушки» (1990), «Стихи духовные» (1991), «Городские песни, баллады, романсы» (в соавт. с А. В. Кулагиной) (1999).

МГУ, Кафедра фольклора.

16. *Балашов Дмитрий Михайлович* (7.XII. 1927, Ленинград — 17.VII.2000, с. Козынёво Новгородской обл.). Филолог-фольклорист, исторический романист. Главные труды в области фольклористики посвящены жанрам баллады, сказки, былины, свадебной поэзии. Выпустил книгу «История развития жанра русской баллады» (1966), серию статей-исследований былинных сюжетов, сборники «Русские свадебные песни Терского Берега Белого моря» (в соавт. с Ю. Е. Красовской) (1969), «Сказки Терского Берега Белого моря» (1970), антологии «Народные баллады» (1963), «Русские народные баллады» (1983), «Русская свадьба» (в соавт. с Ю. И. Марченко и Н. И. Калмыковой) (1985). Его магнитофонные записи печорских былин собраны в звуковой антологии — приложении к Своду русского фольклора (Былины в 25 томах. Т. 1, 2). Участвовал в разработке принятой концепции былинной серии Свода, выступил (совместно с Т. А. Новичковой) автором раздела I предисловия «Русский былинный эпос» в кн.: Былины Печоры. 2001. Т. 1.

ИРЛИ, Древлехранилище.

ИСПОЛНИТЕЛИ БЫЛИН

17. Гольчиков Яков Евдокимович, 61 г. Д. Лебское. Мезень.

РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 188.

18. Семенов Никифор Калинович.

Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора. М.; Л., 1938, после 236 с.

19. Антонов Максим Григорьевич.

Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора. М.; Л., 1938, после 162 с.

20. Рассолов Григорий Кириллович, 86 л. Д. Кильца. 1958 г.

РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 252.

21. Хор д. Кильцы. Справа налево: Рассолов Григорий Кириллович, 86 л., Бутаков Иван Николаевич, 72 г., Чупов Александр Николаевич, 72 г., Чупова Ульяна Тимофеевна, 65 л. Д. Кильца. Снимок в доме И. Н. Бутакова. 1958 г.

РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 253.

22. Оксенов Егор Трофимович. Д. Лебское.

РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 621.

23. Орешкина Т. А., 63 г. Пос. Каменка. 1958 г.

РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 255.

24. Немнюгина Таисия Григорьевна. Д. Кимжа Мезенского р-на. 1971 г.
Из личного архива С. И. Дмитриевой.
25. Сказительницы д. Юрома. Бешенькина Прасковья Филипповна, Пургина Мария Ивановна, Ружникова Екатерина Федоровна. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова.
26. Чупов Александр Николаевич, 72 г. Крестьянский музыкант из д. Кильца. Мезень. 1958 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 251.

ВИДОВЫЕ И БЫТОВЫЕ ФОТОГРАФИИ

27. Вид на р. Мезень.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 360.
28. Участники экспедиции на Мезень у д. Вожгора. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 669.
29. Река Мезень.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 668.
30. Лодки на р. Мезени. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
31. Р. Мезень у д. Белощелье.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 601.
32. Мезенский пейзаж.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 600.
33. Р. Мезень у д. Лебское.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 656.
34. Экспедиция на р. Вашке. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
35. На Белом море. Н. П. Колпакова и А. П. Евгеньева. 1958 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 2, № 130.
36. Город Мезень. Главная улица. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
37. На берегу р. Мезени. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
38. Оленьи упряжки на улице г. Мезени. 1958 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 395.
39. Д. Кузьмин Городок (Козьмогородское) на р. Мезени. Береговые откосы.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 400.
40. Д. Кузьмин Городок (Козьмогородское) на р. Мезени.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 389.

41. Экспедиция у д. Лампожня. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
42. Д. Засулье на р. Мезени.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 677.
43. Д. Засулье на р. Мезени.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 677а.
44. Д. Палошелье.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 727.
45. Д. Палошелье. Дом К. Н. Новикова. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 677.
46. Амбары в д. Лебское.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 715.
47. Церковь в д. Юрома (не сохранилась). 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 476.
48. Д. Кимжа. Заготовка полозьев для саней. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
49. Церковный ансамбль д. Юрома.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1.
50. Церковь XVIII в. в д. Кимжа на р. Кимже.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 401.
51. Церковь XVIII в. в д. Кимжа на р. Кимже. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
52. Церковь XVIII в. в д. Кимжа на р. Кимже.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 402.
53. Церковь XIX в. в д. Белошелье.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 610.
54. Д. Нисогоры на р. Мезени.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 699а.
55. Д. Кысса. Амбар за деревней.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 685.
56. Д. Палошелье. Амбар К. Н. Новикова.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 622.
57. Д. Палошелье. Колодец.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 644.
58. Д. Кысса. Крест за деревней.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 687.
59. Д. Лебское. Рыболовные снасти.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 711.

60. Д. Лебское. Рыболовные снасти, деревянный плут, лыжи, прялки, коробейки.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 713.
61. Д. Лебское. Прялки, коробейки, ковш.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 699.
62. Д. Кузьмин Городок (Козьмогородское). Резная катальная палка. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
63. Д. Лебское. Долбленая деревянная посуда и «шитые» из бересты туеса и короба. 1958 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 631.
64. Д. Олема. Резная деревянная солоница «гоголюха». 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
65. Д. Лебское. Расписная коробейка.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 3, № 611.
66. Д. Дорогая Гора (Дорогорское). Ступа (каллисфения). 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
67. Д. Олема. Коновальские значки. 1958 г.
Из альбома Ф. В. Соколова. ФА ИРЛИ.
68. Д. Юрома. Святой Георгий из юромской часовни (резьба по дереву). 1927 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 106, п. 1, № 479.
69. Праздничные костюмы крестьянок Мезенского у. Архангельской губ. С фотографии Р. З. Околова.
Издание Архангельского общества изучения Русского Севера.

РИСУНКИ Н. П. КОЛПАКОВОЙ

70. Д. Вожгора на р. Мезени. Изба. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 5, № 16.
71. Д. Вожгора. Роспись фронтона на одном из домов. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 5, № 17.
72. Д. Вожгора. Дом Митьки Гришина. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 6, № 23.
73. Баня на берегу р. Мезени. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 3, № 9.
74. Церковь в д. Кузьмин Городок (Козьмогородское). 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 4, № 14.
75. Вид на р. Мезень. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 3, № 8.
76. Лавка в д. Койнас. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 4, № 13.

77. Д. Палощелье на р. Мезени. Деревянная миска. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 60, № 20.
78. Д. Русома на р. Вашке (притоке р. Мезени). Полотенце на фронтоне избы. 1959 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 5, № 15.
79. Д. Палощелье на р. Мезени. Деревянный голубок. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 6, № 22.
80. Д. Кимжа на р. Мезени. Оповзательный знак коновалов (прорезь на медной дощечке), прикреплявшийся к сумке с инструментами. 1958 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 5, № 11.
81. Д. Палощелье. За прялкой. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 6, № 19.
82. Д. Палощелье на р. Мезени. На уборке сена. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 4, № 12.
83. Д. Палощелье на р. Мезени. Девушка Фекла Богданова на гулянье. 1928 г.
РО ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 46, ед. хр. 2, л. 6, № 21.

КАРТА МЕЗЕНИ (с. 103).

Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. 3 / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2003. С. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

БЫЛИНЫ НА МЕЗЕНИ

I.	К истории региона	7
II.	Этнокультурный контекст эпической традиции на Мезени	12
III.	<i>Н. П. Колпакова</i> . Песенный фольклор Мезени	18
IV.	Обзор былин мезенской традиции	36
V.	История записи и публикаций мезенских былин	49
VI.	<i>А. Д. Григорьев</i> . Кулойский и мезенский края и былинная традиция в них	58
VII.	Напевы мезенских былин	78
VIII.	Мезенская рукописная книжность	98
	Текстологическая справка (о принципах издания записей <i>А. Д. Григорьева</i> и <i>А. М. Астаховой</i>)	105
	От составителей	118

ТЕКСТЫ БЫЛИН

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 1—7)	119
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ (№ 8—20)	131
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 21—23)	168
ПОЕДИНОК ДОБРЫНИ НИКИТИЧА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ (№ 24—25)	186
ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 26—27)	197
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И МАРИНКА (№ 28—31)	202
ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 32—65)	217
ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 66—67)	309
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 68—73)	318
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 74—75)	343
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 76—93)	354

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к текстам былин (№ 1—93)	462
Условные сокращения (публикации, архивы)	519
Список иллюстраций	522

Научное издание

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
СЕРИЯ «БЫЛИНЫ В 25 ТОМАХ»

Том 3

БЫЛИНЫ МЕЗЕНИ

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Л. Водолазова*
Корректоры *Ю. Б. Григорьева, Э. Ю. Иванова, Л. Д. Колосова,*
М. Н. Сенина, Я. Л. Сухова и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка *Т. Н. Половой*
Нотная графика *Е. А. Галущенко*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. («Наука»)
Лицензия ЛР № 071632 от 24.04.1998 г. (И.Ц. «Классика»)
Сдано в набор 28.10.03. Подписано к печати 29.12.03. Формат 84 × 108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 61.3. Уч.-изд. л. 45.4.
Тираж 2000 (1-й завод 1—1200) экз. Тип. зак. № 3153. С 48

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-027418-6

9 785020 427418 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

**РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР:
МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ**

Т. 32

В очередном томе представлены материалы по теории, истории фольклористики, исследования в области фольклорных жанров и стиховедения: «А. А. Шахматов. Страницы жизни», «Фольклористика в стенах Государственного института истории искусств в 1920-е годы», «Ритмический строй севернорусских заговоров», «К вопросу о становлении анапестического ритма в русском народном восьмисложном стихе», «Опыт классификации быличек» и др. В разделе «Публикации» помещены материалы по записям экспедиций 1920—1980-х гг.: напевы причитаний Сенногубской волости в контексте плачевой традиции Обонежья, духовные стихи на Мезени, прозаический фольклор Терского берега Белого моря, северные поверья и мифологические рассказы, жатвенные песни районов русско-белорусско-украинского пограничья. В разделе «Библиография» представлен аннотированный указатель фольклорных и этнографических материалов в журнале «Церковный вестник». Завершают том обзоры и рецензии.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Т. 14

XVII век

В очередном томе «Библиотеки» публикуются произведения XVII века: «Новая повесть о преславном Российском царстве», «Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского», «Псковская летописная повесть о смутном времени», «„Видения” смутного времени», «Сказание о чудесах от Казанской иконы Богородицы», «Житие царевича Димитрия Угличского» и др.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Князь И. М. Долгоруков

**ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ МОЕМ, ПРОИСХОЖДЕНИИ
И ВСЕЙ ЖИЗНИ**

В 2 томах

Воспоминания И. М. Долгорукова (1794—1823), писателя, поэта, крупного чиновника, занимавшего долгие годы посты вице-губернатора и губернатора в городах центральной России, охватывают период с 1788 по 1822 год. Представленные в форме погодных записей, как семейная история одной из ветвей рода князей Долгоруковых, мемуары являются прежде всего бесценным источником для изучения быта и культуры родового российского дворянства, содержат глубокие суждения о вопросах внутренней политики и общественных процессов на протяжении царствования трех императоров. В столь полном объеме, с глубокой текстологической проработкой автографов, списков, авторской правки, предыдущих публикаций текста мемуары издаются впервые. В Приложении помещены статьи и примечания. В комментариях содержатся генеалогические сведения, поясняются деловые и служебные эпизоды жизни Долгорукова, раскрываются историко-бытовые реалии. Издание снабжено именованным указателем.

Для историков, филологов, культурологов, широкого круга читателей.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

В 20 томах

Том 1, 2

Предлагаемое лексикографическое издание представляет собой самый полный толковый словарь (150 000 слов) русского языка, охватывающий его «классический» (XIX век) и новый (XX век) периоды. Обширный словник Словаря, отражая основной лексический фонд русского языка, включает и наиболее употребительную лексику периферийных слоев: термины, диалектизмы, архаизмы и т. д.; представлена фразеология в ее широком понимании — от устойчивых употреблений до идиом. Словарь имеет большое практическое значение как справочник по нормам словоупотребления в современном русском языке.

Особую ценность и уникальность придают Словарю цитатные материалы. Наряду с произведениями русской классики (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Чехов и т. д.) широко представлены тексты писателей нового и новейшего времени (Шолохов, Пастернак, В. Некрасов, Распутин, Абрамов, Белов, Астафьев, Набоков, Довлатов, Аксенов, Солженицын и др.); использованы тексты публицистики (Сахаров, Волкогонов), новейших документов и т. д. Богатство, разнообразие и репрезентативность иллюстративного материала дают основания считать данный словарь не только сокровищницей русского языка, но и энциклопедией русской жизни на протяжении двух веков.

Словарь предназначен для специалистов практически всех областей научного знания, связанных с изучением языка, полезен для преподавателей университетов, включая зарубежных, а также для писателей, журналистов, учителей, студентов, учащихся школ, гимназий, лицеев и всех интересующихся судьбами и состоянием русского языка.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»**

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

**Магазины «Академкнига» с указанием отделов
«Книга — почтой»**

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52,
232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16; (код 812)
323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

